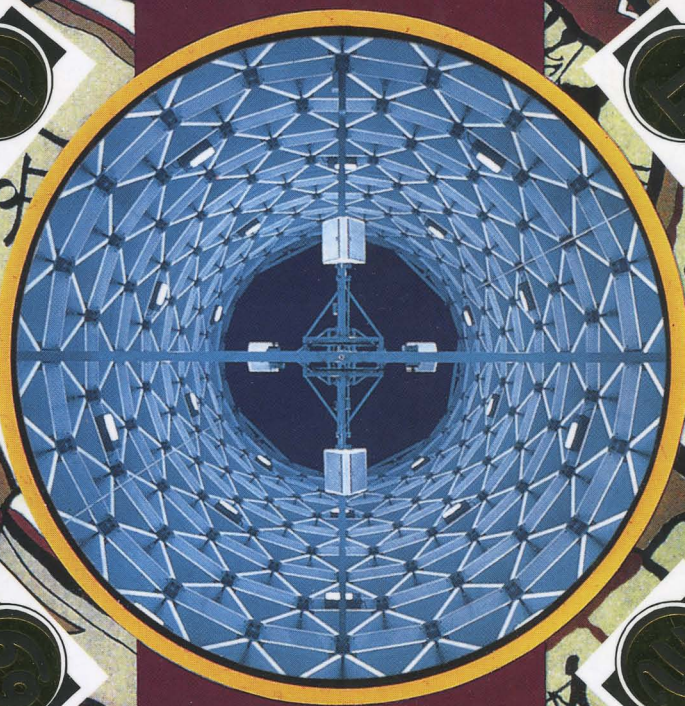

ВЛАСТИТЕЛИ

МАГИ

ЕРЕМЕЙ ПАРНОВ

Еремей

Парнов

ВЛАСТИТЕЛИ И МАГИ

Книга первая

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
1996

ББК 70
П18

Художник
И. МАРЕВ

Парнов Е. И.

П18 Властители и маги: В 2 кн. Кн. 1. — М.: ТЕРРА,
1996. — 416 с.

ISBN 5-300-00786-2 (кн. 1)

ISBN 5-300-00785-4

Основываясь на богатейшем историческом материале, известный российский писатель в увлекательной форме рассказывает о загадочной триаде: властитель—маг—охранник. Действие разворачивается и во дворце фараона, и в Древней Греции, и в Древнем Риме, и в средневековой Европе. Не обойдены вниманием и российские цари и правители, а главное, те, кто всегда стоял ближе всего к «сильным мира сего»: будь то оракул, чародей, маг или астролог.

В издание вошла первая (капитулы 1–7) нового произведения Еремея Парнова «Властители и маги».

П 0503010000-546 Без объявл.
А30(03)-96

ББК 70

ISBN 5-300-00786-2 (кн. 1)

ISBN 5-300-00785-4

© Издательский центр «ТЕРРА», 1996

Dies irae

OUVERTURE

Стократно прав мудрейший Екклесиаст: нет ничего нового под солнцем.

Для нас все внове. Любая налипшая на зубах мякина воспринимается как бланманже. С унылой тоскойзираю я, как смешно и нелепо держим мы бравый шаг, возвращаясь «якобы к старому» (гегелевское определение). И не пытаюсь, как раньше, поспеть хотя бы за арьергардом, ибо обрел наконец достойное философа успокоение. Профессионализм журналистики упал сообразно с интеллектуальным уровнем общества, которое, очевидно, с отчаяния ударились в оккультную вакханалию. К счастью, самозванные астрологи, вещающие с экранов, «черные маги» и «колдуны» вообще ни под какую профессиональную градацию не подпадают. Все высосано из пальца, без малейшего намека хотя бы на ликбезовские азы мастерства. А ведь оно называлось когда-то Искусством. Притом с большой буквы. И требовало солидного образования. Нострадамус, придворный астролог Карла IX, был, ко всему прочему, «доктором обеих медий». Про Кеплера, вычислившего орбиты планет, и говорить не приходится. А Джероламо Кордано? Боюсь, что его достославное имя известно лишь мистикам-автомобилистам. И то по причине вала, названного в честь изобретателя.

Каково же было мое удивление, когда я, притом совершенно случайно, узнал, что и среди нашей юдоли бывают приятные исключения. Есть, оказывается, и у нас человек, достойный лавров доктора Ди, подвизавшегося при Елизавете Английской, и маэстро Руджиери, коему почтительно внимала Екатерина Медичи, королева французов. Но мало того! Перед этим доселе неведомым широкой общественности теургом трепещет все высшее руководство страны! Все ее силовые министерства, в том числе и допущенные к ядерной кнопке. Меня чуть было не обуял священный ужас.

Позволю себе заметить, перефразируя Щедрина, что у нас есть буквально все: финансы, искусства, парламентские дебаты и масс-медиа, но «не как у всех, а лучше». В самом деле, в своем почти поголовном атеизме мы далеко обогнали даже Гольбаха, ибо превосходно обходились без первоисточников, ограничившись чужими конспектами, а то и вовсе заклинаниями, переплунув тем самым самых фанатичных адептов любого отдельно взятого вероисповедания. Или взяты боголепии, которое мы вдруг обрели в одночасье. Мы и тут вундеркин-

ды. «Книгу книг» читаем в основном по мультикам голубого экрана. Внимая косноязычному словопомолу комментатора, следим, как старушки учат депутатов творить крестное знамение. Словом, как сказал поэт, «мы диалектику учили не по Гегелю». И едва ли знаем, что Сталин отменил его кардинальный закон отрицания отрицания.

Дабы не быть голословным и попытаться вернуть позабытое уважение к первоисточнику, приведу выдержку из аншлага на первой полосе «Московских новостей»:

«Геorgia Георгиевича Рогозина бояться и ненавидят многие сотни людей. Именно в таком порядке: бояться и ненавидят... Рогозин визирует гороскопы, регулярно поставляемые высшим должностным лицам страны. Рогозин общается с космосом на бюджетно-финансовые темы. Рогозин вертит столы и блюдечки прямо у себя в служебном кабинете. Рогозин читает мантры. Рогозин исправляет кармы. Рогозин создает вокруг президента благоприятное энергетическое поле. Обнаруживает в некоторых его загородных резиденциях теллурическое излучение. Устанавливает кровать Бориса Николаевича строго по направлению север — юг. Лечит мануально. Сверяет решения высшей кадровой комиссии с таблицами Каббалы».

(Сергей Пархоменко. Черный маг при президенте. Московские новости. № 29.)

Сперва мелькнула мысль о Распутине: ужели и это повторяется в нашей истории, как на заезженной пластинке? Только куда там сибирскому трясуну-конокраду до таких изысков, как мантры, теллурические поля, да еще это... исправление кармы. Тем паче что, если следовать индуистской, а также буддийской традиции, такое даже богам не подвластно. Ведь вкусить плоды улучшенной кармы дано лишь в последующих рождениях. Опять же кровать в направлении север—юг. Я ведь и сам так сплю, и другим советую. Гемоглобин крови включает в себя атомы железа, и полежать сообразно магнитному меридиану, по меньшей мере, не вредно. Снимает усталость. Словом, смутил меня вполне объективный медицинский факт. Не сопрягается как-то с мантрами и каббалой...

Притом, как сразу же подсказала память, Распутин был далеко не первым «черным магом» при дворе последнего императора. До него подвизались француз Папюс, столь модный у нынешних книгоиздателей, юродивый Митя Козельский, какая-то Босоножка и, главное, бывший мясник из Лиона Филипп. Этот, точно, магнетизировал, и тарелки крутил, и дух Александра III вызывал. Однако не в служебном кабинете! Спиритические сеансы по большей части, притом конспиративно, устраивали «черногорки» Милица и Стана — жены великих князей. Внушив царице ложную беременность, Филипп вынужден был с большим почетом ретироваться восвояси. Распутин закрепился прочнее. Сумел убедить Александру Федоровну, что, пока он жив, будет жить и династия. Так оно и вышло, вскоре после убийства старца грянула Февральская революция. Здравый рассудок подсказывал, что распутинщина как раз и ускоряла памятные события, но суеверное чувство подстегивало сомнения. А вдруг бы случилось

иначе? Ведь если бы не Юсупов с Пуришкевичем... Но стоп! История вроде бы не в ладах с сослагательным наклонением. Тем не менее поразмыслить стоило. По чистой ассоциации вспомнился «черный маг» Людовика XI. Этот астролог серьезно ошибся в сроках, из-за чего король проиграл сражение. Возмездие казалось неотвратимым.

Прежде чем отдать незадачливого волхва палачу, коварный венценосец не без ехидства спросил:

— Знаешь ли ты день собственной смерти?

— Я умру за три дня до вашего величества, сир! — отвечивал находчивый звездочет.

На экспериментальную проверку Людовик не решился.

Вообще отношения венценосцев со своими «черными магами» могли бы составить интереснейшую главу в тайной истории человечества. Как правило, они оказывались губительными для обеих сторон. Взять хотя бы ту же распутищину. Порой выгоду извлекал явный пройдоха, вроде мастера колбасных дел Филиппа, получившего чин статского советника. Однако власть как таковая оказывалась внакладе при любых обстоятельствах. Рудольф II, император Священной Римской империи, разорил казну бесконечными попытками получить алхимическое золото и вынужден был уступить трон брату. Среди его оракулов были, кстати, и люди достойные, вроде знаменитого астронома Тихо Браге, но чаще шарлатаны. И тоже вызывали духов и даже показывали тени усопших родителей с помощью «волшебных зеркал».

Увы, история учит только тому, что ничему не учит. Темная сторона души по-прежнему остается гнездом кошмаров и всяческих теней. Что шестнадцатый век, что двадцатый. Грустно становится при мысли, что еще в Древнем Риме образованное общество взирало на астрологию довольно скептически. Такие титаны свободомыслия, как Цицерон, Плиний, Секст Эмпирик и Гай Петроний, едко высмеивали звездочетов и их покровителей. Зато цезари в основном благоволили магам, о чем свидетельствует посвященная Октавиану Августу поэма Манилия. Жестокий властолюбец Тиберий держал при себе астролога, который предсказал ему скорую смерть. Император поверил, уединился на Капри, предавшись бесконечным оргиям, укоротившим его жизнь. Наследники извлекали кое-какие уроки. При Клавдии запрещено было даже ставить вопрос о сроках, отведенных императору. Астрологов и не в меру любопытных сенаторов изгоняли. Впрочем, ненадолго, потому что судьба самой звездной науки оказалась столь же подвержена переменам, что и человеческая. Нерон, и в особенности Отон, расточают «черным магам» ласки и золото, а Вителлий под страхом смерти выдворяет их с Апеннинского полуострова. Веспасиан хоть и подписывает запрещающие эдикты, оставляет при себе домашнего волшебника, большой руки интригана-наушника. Его сыновья Тит и Домициан сами удаются в вычисления генитур. Септий Север и Каракалла даже выплачивают гадалцам жалованье. Гонения возобновились при Диоклетиане, который повелел сжечь все оккультные сочинения. В ог-

не погибли бесценные магические папирусы фараонов первых династий; утро истории человечества. Куда ни кинь, всюду клин. Все верно: власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. Исходя из этого постулата, сформулируем другой. Развращающее влияние «черного мага» прямо пропорционально степени бесконтрольности власти. Или иначе: деградации общества.

Продолжим наш беглый экскурс в назидание потомкам, которые, надо думать, тоже не извлекут надлежащих уроков, ибо каждое новое поколение хочет набить себе синяки на старых колдобинах. Не только императоры, но и папы держали при себе советников тайных наук. Папа Гонорий вообще прославился как выдающийся чернокнижник. Однако все это имена незнакомые широкой обществу. Не лучше ли сказать пару слов о фигурах действительно знаменитых? Могущих сравниться с легендарным Мерлином, не раз упомянутым в «МН». «Вы слышали о графе Сен-Жермене, о котором рассказывают так много чудесного», — с присущим ему тактом отметил А. С. Пушкин в «Пиковой даме». Обличать «черного мага» при чужом, к тому же покойном короле у великого поэта не было причины. К тому же и сам Сен-Жермен благополучно скончался к моменту создания волшебной повести, хотя по сей день уверяют, что он все еще жив. Однако в интересующем нас контексте взаимоотношения таинственного графа, человека бесспорно незаурядного, с Людовиком XV представляют определенный интерес. Сен-Жермен объявился в Париже в момент подъема оккультной волны, когда общество в равной мере будоражили как идеи просвещения, так и магические флюиды. Красивый, самовлюбленный и до мозга костей порочный король вскоре и шага не мог ступить без совета человека, который потчевал его знаменитым «чаем долголетия», укрепляющим, ко всему прочему, потенцию. А этот вопрос стоял, как говорится, во главе угла. Сен-Жермен изготавливал алхимическое золото, «излечивал» трещины в бриллиантах, предсказывал будущее и т. д. Словом, пользовался влиянием, но, увы, не состоял в штате двора. И не претендовал на это, и не вмешивался ни в текущую, ни в кадровую политику. Наверное, именно поэтому не внушал страха, а, напротив, благодарное восхищение. Все знали, что государственные дела вершатся в будуаре маркизы Помпадур. Правда, говорят, что он немножко занимался шпионажем, разъезжая по европейским столицам, но кто из сياتهьных вояжеров не попробовал себя на таком поприще? Это было нечто вроде светской игры.

При следующем сюзерене, злосчастном Людовике XVI, таким же сверкающим метеором пронесся граф Калиостро. Этот «черный маг» оказался классом ниже и не обладал действительно высокой культурой предыдущего. Однако был наделен талантом очаровывать людей. Парижане его просто боготворили: «Божественный Калиостро». Его дом был открыт для всех, он охотно магнетизировал аристократов и простолюдинов, вызывал духов, предсказывал будущее. Но опять-таки на общественных началах, за свой счет, даже благотворительностью занимался. Поначалу король был от него без ума, а министры

не испытывали гнетущего чувства страха. Если и пробегали мурашки по коже, то лишь по причине дуновения запредельных ветров. Это всегда приятно щекочет нервы. Стоило же вмешать «Великого Копта» в политику — речь идет о скандале с бриллиантовым ожерельем, затронувшем репутацию королевы, — как звезда Калиостро стремительно закатилась. Но прежде под ножом гильотины упала голова короля. Мистическая волна, достигшая к концу века угрожающей высоты, словно бы задала ритм общественным подвижкам, вошла с ними в роковой и разрушительный резонанс. Через сто лет нечто подобное повторится в царской России. Впрочем, почему повторится? По части «передовых идей» мы никогда не отставали от «растленного Запада». Были, были «черные маги» и при Рюриковичах — великих князьях. Алексей Михайлович держал англичанина, весьма приличного человека. Ученый астролог «визировал гороскопы» думским боярам, дьякам и стольникам. Не безвозмездно, конечно, ибо астрологическое искусство связано с затратой времени и напряжением ума. О том, чтобы поставить в Кремле производство на поток, да еще в приказном порядке, вопрос не стоял. Алексея Михайловича больше волновала угроза чумы, а придворный астролог был еще и классным медиком. Иван Васильевич Грозный, принявший титул царя, в столь деликатном вопросе, как чернокнижье, тоже не отставал. Хотя был человеком весьма богомольным. Своего «черного мага» Елисея Бомелия, опять-таки англичанина, он эксплуатировал не столько по части планетных констелляций, сколько в области токсикологии. Неудивительно, что Бомелия в Кремле весьма опасались, прямо-таки трепетали перед ним. Иван Васильевич мог и голову отрубить, и к бочке с порохом привязать, а то и посохом по голове шарахнуть, но яд почему-то внушал особенный ужас. От него погибали самые близкие к трону лица, царские жены, в частности, и кровные родичи, знатнейшие князья и отработавшие свое опричники. Кстати сказать, создание опричнины — этого черного мистического ордена изуверов и палачей — стало новинкой в мировой истории. Пройдут века, прежде чем вождь всех народов тоже надумает превратить партию в своеобразный «орден меченосцев», а «передовой отряд» этой партии организует на Лубянке токсикологическую лабораторию. В ЦК КПСС, невзирая на атеистическую закваску, проявляли пристальный интерес к телепатиям и экстрасенсам, однако в силу бездарности тратили деньги на заведомую чепуху. Закрытость темы способствовала мошенникам. Вроде «профессора», предложившего прибор, использующий «энергию вакуума». В металлическом шаре, который доставил массу хлопот службам безопасности, нашли электромагнит от детского конструктора и батарейку «Крона». Но это так, информация по ходу повествования.

Примеры откровенного надувательства и невольных заблуждений можно множить и множить, но не все так просто в той мерцающей звездным светом ауре, что окутывает, словно запретное покрывало Исиды, всю историю человечества. Она, история, дает нам и немало свидетельств иного рода. Здесь и роковые пророчес-

ва, коим суждено было сбыться через века, и поразительный дар ясновидения, свойственный людям воистину замечательным, которых нельзя заподозрить в обмане, и неразгаданные феномены психики, бросающие вызов законам физики и прочих точных наук.

Я видел польские газеты довоенных времен с такими же аршинными литерами, как и на первой полосе «МН». Во всем мире, кроме нас, разумеется, было перепечатано сенсационное предсказание Вольфа Мессинга, который предрек смерть Гитлеру в 1945 году. У фюрера был знаменитый в свое время астролог. Некто Ганнусен, «предсказавший» приход нацистов к власти и пожар рейхстага. Я прибегаю к кавычкам по той простой причине, что «пророчество» было подказано непосредственными вдохновителями в коричневых рубашках. Когда же «ясновидение» зашло за дозволенную черту (тот же пожар), а сам «черный маг» пожелал непосредственно влиять на фюрера, в дело вмешался «черный орден» СС. Труп «величайшего пророка XX века» нашли в лесу.

Мессинг и Ганнусен встречались на гастролях в Европе. Памятный моему поколению по выступлениям с «психологическими опытами» Вольф Григорьевич Мессинг не пожелал стать «черным магом», хотя Сталин и Берия смыкали вокруг него роковые круги. Вот, пожалуй, и все, что мне хотелось сказать во вступительном слове. Выводы пусть делают те, кого это касается, кто «боится и ненавидит». Мне обрыдло давать прогнозы, к которым никто не прислушивается. Напомню лишь банальную истину: колдовство опасно только для того, кто верит в него, ибо «сон разума порождает чудовищ».

Нас ожидает необычное путешествие по запутанным лабиринтам истории, по тайным ее катакомбам, где мы встретим знакомых и незнакомых героев. Перед иными склонялись народы и государства, иные сами становились жалкой марионеткой в руках коварных шарлатанов, одних игры с потусторонними силами привели к трагическому концу, другие прожили долгую жизнь, забавляясь пустой, но щекочущей нервы игрой.

Не исключено, что лица коронованных властелинов предстанут неузнаваемыми в магических зеркалах. Кого-то их темная амальгама отразит в неожиданно жалком виде, кого-то украсит нездешним венцом победителя. Не будем загадывать. Я и сам еще точно не знаю, что ожидает нас в сумеречном мире параллельной истории, которая творилась руками астрологов, всевозможных волхвов, черных и белых магов, алхимиков, предсказателей и фокусников — словом, всех тех, кто были гостями у Волаанда на достопамятном майском балу, включая знаменитых убийц и палачей-профессионалов.

Какая же власть обходится без таких господ? Коль скоро пришлось затронуть героев «Мастера и Маргариты», впору сказать бы: «За мной, читатель!» Да не решаюсь повторить, ибо благоговею перед великим Мастером слова и, честно признаюсь, толком не знаю, куда вести. Нет таких карт, а если есть, то не проложены маршруты. Придется брести наугад и впотьмах, на первых порах по крайней мере.

БИБЛЕЙСКАЯ ЭЙКУМЕНА

Капитула первая

ВЛАДЫКИ ПОЗНАНИЯ

Знают прорицатели, что темен
Дом успокоенья и глубок он
Ни дверей, ни окон в доме нету
Нет и света солнечного в доме
Нет прохлады северного ветра
Солнце в этом крае не восходит
День за днем покоишься во мраке

*Надпись в гробнице казначея Верхнего и
Нижнего Египта Неферсехеру XII век до н. э*

Название «Библейская эйкумена» выбрано с умыслом. Рассматривая Ветхий и Новый завет как литературные памятники и уникальные исторические свидетельства, мы проникаемся ощущением творческого ритма, пронизывающего тогдашний мир. Государства, которые принято относить к библейским, — Палестина, Египет, Финикия, Месопотамия, Персия и т. д. — неотделимы от общемирового процесса, в который была вовлечена и греческая эйкумена, и далекая Индия, и победоносный имперский Рим. Да и могло ли быть иначе, если греческое слово «эйкумена» означает населенную человечеством часть Земли? И Евангелия написаны на греческом языке, и все мы в конечном счете дети Адама.

Что же до предмета повествования, то в Библии мы найдем и царей, и пророков, и всевозможных волхвов, и все виды магического искусства. Общие для всех времен и народов, они дошли и до наших дней, практически не претерпев заметных изменений. Ведь время магии — это вечное теперь.

«Владыка познания человеческого» — составная часть длинного перечня титулов египетских царей. Поскольку именно с Египтом магическая (не этнографическая!) традиция связывает происхождение всяческого чудотворства, вполне уместно начать повествование с фараонов и жрецов.

Иосиф разгадывает сны фараона, Даниил — царя Вавилона, царь Саул вызывает призрак усопшего Самуила. И там и тут гадают по звездам, мечут стрелы и посохи, выкликают пророчества, вопрошают оракулов¹, выводят тени из обители мертвых.

Миф не поддается буквальному прочтению, он всегда эзотеричен.

Солнечный диск проглядывает сквозь взметенный извержением вулканический пепел, бледный лик Луны несется в летучих прядях дыма войны, Венера — магическая звезда — встает над охваченным заревом горизонтом. Бесконечное разнообразие образов и имен, но все, так или иначе, словно бык на пахоте, впряжено в космический ритм, заданный ходом светил.

¹ Оракулами в те времена называли изображения божества, предсказывающего будущее, или само предсказание (Примеч. авт.)

Золотая заповедь внутреннего круга: «Религиозные обряды, которые ты соблюдаешь, могут происходить в присутствии твоего ученика, но чужой, не принадлежащий к числу посвященных оракула, не должен их видеть; иначе число его дней укоротится. Посвященный может открываться только посвященному. Кто не посвящен в таинства, тот и не должен о них знать. Иначе он подвергнется ужасной каре Ану, Энлиля и Эла — великих богов».

Вместо шумеро-аккадских и вавилонских имен можно поставить египетские — ибисоголового Тота и Исиды Владычицы, греческие — Гермеса и Афродиты, латинские — Меркурия и Венеры. Существо формулы не пострадает ни на йоту. На века врезана в окаменевшую глину ассиро-вавилонская клинопись: «Посвященного ты должен ознакомить с этим, непосвященный не должен этого знать!» Без таинства посвящения сокровенный смысл ускользает от понимания.

Имя семитской Венеры — Астар, Астарта, Иштар — вошло во многие языки. Хаштер называли звезду хетты, астор — греки, астра — римляне. Английское стар немецкое штерн, испанское эстре-ла и французское этуаль — из того же источника.

Ход созвездий, пути планет, мировые циклы.

Создатели Вавилонской башни, строго говоря, сделали дерзновенную попытку воплотить в реальность общечеловеческий миф: возвести мировое дерево, мировой столп, пронзить небеса осью мира, перекинуть мост между землей и светилами, в которых чтити богов. Стремление приобщиться к высшему таинству, приблизиться к абсолюту — вот тот Кастальский ключ, что по сей день питает науку и искусства. Пусть неосознанный, но отчетливо ощутимый порыв этот запечатлен в камне. Пирамиды и зиккураты, купола обсерваторий, легкая, устремленная в беспредельность готика соборов, «пламенеющая», как ее очень точно и образно называют, — все это одухотворяет одна и та же волнующая тайна, прекрасная и несбыточная мечта. Вроде лестницы, что пригрезилась библейскому Иакову. И когда под чуткой рукой археолога в хаосе запустения проступают вдруг вещие звездные знаки, невольно навертывается благодарная слеза.

Храмы Дур-Шаррукина посвящены главным персонажам ассиро-вавилонского пантеона: Сину — богу Луны, его небесной подружке Нигаль — Венере Двуречья, солнечному богу Шамашу. Те же три космических символа по сей день можно видеть над входом в святылища огнепоклонников — парсов: солнце, луну, изменчивую остроконечную звезду о восьми лучах.

Сerp месяца, осеняющий Сина, изогнут, как бычьи рога. Исполинские крылатые быки охраняли царский дворец, где во времена оны возвышались холмы усеянных голов. К культу Луны варварское действо если и имело, то косвенное отношение, олицетворяя куда более распространенный культ власти. Так каралась измена, неповиновение высшей воле. Последующие тысячелетия не принесли существенных перемен ни в технологию управления, ни

в кровавую практику культа царя-бога. Жернова времени соединены приводными ремнями с чудовищной мясорубкой. Кровавый туман мешает следить за плавным ходом планет.

«Он прошел этот путь за три дня, — клинописью на глине запечатлел свои подвиги ассирийский царь Тиглатпаласар I, живший в XII—XI вв. до н. э. — С восходом Солнца, когда их земля раскалялась, он вспарывал беременным животы, он протыкал тела слабых. Сильным он перерубал шеи».

Следил за восходом Солнца, вел счет времени, давал указания придворным писцам, размышлял.

И Син, и Шамаш, сменяя друг друга, взирали с небес.

«Я, Ашшурбанипал, постиг мудрость Набу, все искусство писцов, усвоил знания всех мастеров сколько их есть, научился стрелять [из] лука, ездить [на] лошади [и] колеснице, держать вожжи... Я изучил ремесло мудрого Адана, постиг скрытые тайны искусства письма, я читал о небесных и земных постройках... Я наблюдал за предзнаменованиями, я толковал явления небес с учеными жрецами, я решал сложные задачи с умножением и делением, которые не сразу понятны...»

В то же время я изучал и то, что полагается знать господину; и пошел по своему царскому пути».

Таблица Ашшурбанипала

Театр масок: Вителлий, Нерон, Чингисхан, Тамерлан, Иван Грозный, Иосиф Сталин. Лишь изредка в потоке тиранов, летающих с конвейера времен, мелькали фигуры, отмеченные печатью познания.

На первый взгляд Ашшурбанипал заслуживает чести открыть ряд имен, в котором окажутся Александр Великий, Петр Первый или, по крайней мере, Наполеон, прославившийся не только походами, но и кодексом, в котором увековечил свое имя. Особенно если сопоставить горделивую исповедь Ашшурбанипала с похвалой Тиглатпаласара, живописующего омерзительные «подвиги» на поле брани, где кровь «реками текла в долину», а отрубленные головы были свалены в кучи, словно «копны хлеба».

«Со всех главарей, которые восстали, я содрал кожу. Их кожей я покрыл столбы; одних пригвоздил я к стене, других посадил на кол и велел расставить вокруг столбов... Главарям и царским военачальникам, которые восстали, я отрубил конечности».

Однако не стоит особенно обольщаться и насчет Ашшурбанипала, царя-гуманиста, строившего библиотеки и храмы. Идя «по своему царскому пути», он совершал ничуть не меньшие злодеяния. Те же таблички из обожженной глины, обнаруженные при раскопках библиотеки, рисуют нам и такой образ последнего из великих царей ассирийских:

«Я сжег три тысячи пленных. Никого из них не оставил я живым...»

«Я вырвал языки тех воинов, нахальные уста которых говорили дерзости против Ашшура, моего бога, и которые против меня задумали злое... Остальных людей живьем принес я в жертву. Их изрубленные тела я скормил собакам, свиньям и волкам...»

«Мои боевые колесницы размалывали мужчин и животных. Памятники, воздвигнутые мною, стоят на человеческих трупах, от которых я отрезал головы и конечности. Всем, кто попался мне живым, я отрезал руки».

«Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит».

Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои.

Все реки текут в море, но море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь.

Все вещи в труде; не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием».

Книга Екклесиаста, или проповедника

Постичь образное мышление древних, вжиться в их неповторимый космос, пронизанный нитями уже неуловимых для нас симпатических связей, едва ли возможно без глубинного понимания вечной мифологемы пространства и времени. Но при всем при этом не следует абсолютизировать очевидные различия жизни нынешней и жизни давно минувшей. Природа человека осталась практически неизменной и вместе с ней психология власти и взрывчатые инстинкты толпы. В этом лишний раз убеждают письма, запечатлевшие ужасные подробности войн и смуты.

Тайные речения «разочарованного» египтянина Ипуера, высокопоставленного писца фараона, донесли до нас свидетельство о самой доподлинной революции с ее характерными проявлениями — классовой ненавистью и террором. Отсюда и название документа — «Беседа разочарованного со своей душой». Доверить подобные мысли постороннему было опасно.

Злодей убивает, смеются все над убитым
С кем говорить мне теперь?
Грабят повсюду, сосед крадет у соседа
С кем говорить мне теперь?
Славят бесчестных, врагами становятся братья
С кем говорить мне теперь?
Лишь чужеземцы еще справедливы
С кем говорить мне теперь?
Все лица скрывают, боятся взглянуть друг на друга
С кем говорить мне теперь?
Жадность во всех сердцах, не на кого положиться

Беседа разочарованного со своей душой

Папирус, запечатлевший горестные заметы, был найден в некрополе на плато Саккара близ Мемфиса. Документ датируется временем Нового Царства, но, по мнению египтологов, представляет собой копию еще более древнего оригинала.

«Я установил свободу [в стране, где] господствовало рабство», — провозгласил некто Урукагина, захвативший власть в шумерском городе Лагаше. Это случилось более сорока веков назад, примерно в 2370 году до н. э. Подумать только: первое письменное свидетельство о революции, сокрушившей привычный правопорядок, на самой заре цивилизации! До образования государства, вполне понятно, не могло быть и государственного переворота. Убийцу племенного жреца, присвоившего символы верховной власти, трудно назвать революционером. Точно так же церемонию «импичмента», когда племя съедало неугодного предводителя, едва ли можно сравнивать с путчем.

Лишь с обнаружением папируса с текстом знаменитого «Пророчества Неферти» ученым удалось установить конкретных исторических персонажей и более-менее точные даты.

«Случилось это в бытность царем Верхнего и Нижнего Египта его величества Снефру правогласного... И спросил жрец Неферти: «Поведать тебе о свершившемся или же о грядущем, о царь, — да будешь ты жив, невредим и здоров! — владыка мой?» Изрек его величество — да будет он жив, невредим и здоров! — «Поведай мне о грядущем, сегодняшним — пренебреги». И протянул царь руку к своему ларцу с принадлежностями для письма, взял свиток папируса и чернильницу и приготовился записывать речения жреца-чтеца... И заговорил он: «Мужайся сердцем! Ибо предстоит тебе оплакать землю, из которой ты родом... Смотри: низвергнут правитель страны, из которой ты родом... Страна обречена на погибель. День будет начинаться в ней ложью. Разорят ее и разрушат, и не останется от нее ничего — не уцелеет и самого малого от бывшего в ней. Уничтожена будет страна, и никто не вспомнит о ней, никто о ней не поведает, никто не оплатит ее. Что же станется с ней в грядущем? Смотри: поблекло солнце, не сияет больше оно, не видят его люди. Не будет жизни, если солнце укрылось за тучами и все живое удручено оскудением его».

Пророчество Неферти Папирус Эрмитажа № 1116

Основатель IV династии (XXVI век до н. э.) фараон Снефру — личность, известная историкам достаточно хорошо. Пожелав приподнять завесы грядущего, он призвал к себе во дворец Неферти, жреца богини Баст, который и поведал о великих бедствиях, ожидающих страну в далеком будущем.

Кто же он, этот прозорливец, сумевший заглянуть в будущее на семь столетий? И не только заглянуть, но и расслышать сквозь грохот разрушения и рев огня имя грядущего спасителя? Предшественник библейских пророков? Подобный Кассандре прозорливец? Великий астролог, предвосхитивший чудесное ясновидение Нострадамуса?

Отнюдь. В конце пророчества он называет фараону некоего Амени. Это не кто иной, как Аменемхат I, основатель XII династии (XX век до н. э.), узурпатор, которому срочно понадобилось как-то

узаконить свою власть. Так что «переписывать историю» умели еще в глубокой древности. Не приходится сомневаться, что ремесло предсказателей активно использовалось на ниве политической пропаганды.

Нострадамус почти угадал имена грядущих завоевателей — Гислер и Наполорон. Но анонимный египетский писец, вложивший имя Амени в уста Неферти, вполне возможно, действительно служившего при фараоне Снефру, когда Египет подвергся разрушительному нашествию азиатов, смотрел не вперед, подобно Нострадамусу, а назад.

От эпохи Снефру его отделяют почти семь столетий.

Примечательно упоминание о солнце, что укрылось за тучами. Банальные оппозиции: свет — тьма, правда — ложь. Приобретая мифологическую окраску, азиатский враг как бы принимает сатанинский, в нашем понимании, образ змея Апопа. Метод абсолютно классический. В данном случае в основе его лежит откровенная подтасовка. Такой прием можно назвать снятием противопоставления. «Правда — это ложь», «мир — это война» («1984» Джорджа Оруэлла). Увы, и это не ново.

Добро и зло, любовь и ненависть... Одна и та же пьеса, многократно отыгранная на «ковре бытия», как сказал бы Омар Хайям. Меняются актеры и маски, но сцены и роли переходят из поколения в поколение.

Полустертые иероглифы, клинопись и прочие диковинные знаки вспыхивают отсветами огня и крови, приоткрывая порой такие стороны жизни древнего мира, что хочется воскликнуть: «Это же мы!» Чего больше окажется в этом крике: восторга узнавания или горечи разочарования — пусть каждый будет себе судьей.

Вот письмо великого законодателя Хаммурапи, царя Вавилона (1792—1750 до н. э.), вознамерившегося одолеть коррупцию во введенном ему государстве:

«Как только получишь этот приказ, — инструктирует он местного администратора, — расследуй дело. Если выяснишь, что действительно был подкуп, то опечатай серебро и все, что было дано как взятка, и отошли мне. А тех людей, которые приняли взятку, и свидетелей, знакомых с этим делом, вели доставить ко мне».

Расследовали, ловили с поличным, сажали на кол, а порок процветал и передавался из поколения в поколение, такой же вечный, как и добродетель.

О месте, которое занимали жрецы, и прежде всего жрецы-маги, при дворе древних властителей, можно судить опять-таки по Библии:

«И сказал Господь Моисею и Аарону, говоря: Если фараон скажет вам: «сделайте чудо», то ты скажи Аарону: «возьми жезл твой и брось перед фараоном,» — он сделается змеем.

Моисей и Аарон пришли к фараону и сделали так, как повелел Господь. И бросил Аарон жезл свой перед фараоном и перед рабами

его, и он сделался змеем. И призвал фараон мудрецов и чародеев, и эти волхвы Египетские сделали то же своими чарами.

Каждый из них бросил свой жезл, и они сделались змеями; но жезл Ааронов поглотил их жезлы».

Исход, 4 8—12

Рабы, которые упоминаются в Священном писании, надо думать, были не рабами в обычном понимании, — таким не место рядом с царем, тем более на столь важном мероприятии, а так называемыми «хему-печер», или «рабами бога». На них нам придется остановиться особо.

Египетский храм представлял собой маленький город, в котором помимо жрецов обитали чиновники, писцы, крестьяне и воины, призванные охранять движимое и недвижимое имущество. Они, безусловно, зависели от храма, но не были его служителями. Центральной фигурой такого государства в миниатюре — святилища обладали значительной автономией — считался «хему-печер». В его обязанности входило истолкование воли божества, живущего в святой святых храма. Эту волю он читал по знакам, которые в строго определенные дни давала своему рабу статуя небесного властелина, а властелин земной, будь то правитель или сам фараон, вынужден был прислушиваться к оракулу, особенно если он исходил от Амона, Птаха или Осириса.

Кого еще, если не «рабов» могучих богов Египта, мог фараон привлечь к участию в переговорах с пророками, полномочными представителями Бога Единого?

С легкой руки греческих писателей, наивно полагавших, что жизнь повсюду устроена на эллинский манер, «рабов бога» уподобляли пророкам. Они, безусловно, занимались прорицаниями, хотя можно только догадываться, в чем вообще заключались их функции. В эпоху Нового Царства глава «хему-печер» активно вмешивался в политику и военные дела. Сан верховного жреца претерпевал, вместе с обществом, длительную эволюцию от племенного шамана до главного министра государства.

Шаманы предшествовали и «нави» — пророкам Библии. Менялся и образ властелина, верховного правителя, совмещавшего в себе вождя и жреца. Будущий фараон, прежде чем стать живым богом, сыном Ра и т. д., получал жреческое воспитание. Расслоение и неизбежная специализация возникли с формированием развитого государства.

По-видимому, «рабы» верховных богов не занимались практической магией. Занятие чародейством либо вовсе не входило в круг их обязанностей, либо не подобало высокому сану визирей фараона. Именно по этой причине он и вынужден был призвать на помощь волхвов. В том, что они потерпели поражение, сказалась воля Господа, возобладаввшего над богами языческими.

Такое толкование никак не противоречит духу Библии.

О подлинном характере деятельности «хему-печер» мы достаточно уверенно можем судить по так называемым «надписям пира-

мид» — фрескам и всевозможным рисункам на камне — и папирусным свиткам. «...Херихор, правогласный. Вышел город в качестве посланца к нему, чтобы пересказать эту речь Хонсу Амону-Ра, царю богов, когда обратил он лицо свое на север, к Карнаку... И повторил ему «первый жрец» Амона-Ра, царя богов, Херихор правогласный, сказав: «Мой прекрасный господин!..

...Этот бог дважды энергично наклонил голову».

Из текста оракула Хонсу и Амона,
начертанного на стеле у северной стены
переднего двора храма Хонсу

Жрецы выносили статую лунного бога Хонсу на носилках. По произвольным качаниям статуи судили о том, каков будет ответ. Херихор возглавлял фиванскую коллегию жрецов.

Неизвестно, в чем именно заключалось «волеизъявление» Хонсу, сына бога солнца Амона: текст, претерпевший существенный урон, нельзя прочитать целиком. При верховном жреце Менехепера, одном из преемников Херихора, веления Амона отмечены дважды. Первый раз ему было угодно утвердить упомянутого священнослужителя в должности, во второй он удостоил его ответом на вопрос, как поступить с изгнанниками из Фив. Лунный бог благосклонно отнесся к провинившимся, разрешив вернуть их обратно. Стела с соответствующей надписью так и называется: «стела изгнания».

В период правления XXII династии верховным жрецом Амона в Фивах с благословения этого бога, которого изображали с бараньей головой, был утвержден Осоркон, сын Такелота II. Это лишний раз свидетельствует о том, каким влиянием пользовались «рабы бога», если сам фараон был заинтересован в том, чтобы закрепить за наследником высокий сан главного оракула верховного бога. Соответствующая надпись на «стеле избрания» гласит, что Амон — читай: его жрец — проявил заинтересованность в государственных делах соседней с Египтом Эфиопии. Удивляться тут не приходится. Иностранные дела тоже находились под небесным патронажем. В эфиопской столице Напете, как и в Фивах, Амон стоял во главе пантеона. Можно сказать, что по его «непосредственному указанию» — разве кивок статуи не указание? — на троне древних царей Мероэ утвердился Аспелта.

Непрерываемый вердикт оракула являлся определяющим фактором в решении самых насущных проблем внешней и внутренней политики. Во главе угла, понятно, находился «пер-о»¹, т. е. «высокий дом» — царский дворец, и, далеко не в последнюю очередь, финансовые, имущественные и прочие заботы жречества. Известно, в частности, предсказание в пользу царевны Макара, дочери фараона XXI династии Псусеннеса, оракулы по поводу переноса мумий фараонов Сети I, Рамсеса I и Рамсеса II в новые гробницы. Между

¹ Отсюда греч. «фараон», образованное из имени бога.

прочим, эти тексты помогли археологам обнаружить захоронения названных царей: мумии оказались в указанных местах.

«Указания свыше» исходили не только от фиванских богов Амона и его сына Хонсу, но и от небесных патронов других городов: Исиды, Мина, Птаха и даже злокозненного Сетха — убийцы Осириса.

Сохранилось множество черепков-остраконов, содержащих письменный запрос в «небесную канцелярию». В них часто высказывалась просьба ответ дать в письменной форме, согласно установившейся в Египте традиции. Греческий историк и географ Страбон, неоднократно бывавший в Египте, приводит рассказ о посещении Александром Македонским святилища Амона в оазисе Сива. Далее мы специально остановимся на этом событии, пока же ограничимся свидетельством античного путешественника:

«...Ответы оракула давались не словами, как в Дельфах или у Бранхиты, но большей частью кивками и знаками, как у Гомера... причем прорицатель принимал на себя роль Зевса».

Замечательному египтологу М. А. Короставцеву это дало повод заметить:

«Если слова Страбона соответствуют действительности, то, по крайней мере, для IV в. до н. э. секрет техники «волеизъявления» бога объясняется просто — от имени бога высказывался жрец».

Неудивительно, что иные верховные жрецы дерзали помериться силами с самим фараоном. Одна из основных целей религиозного переворота, совершенного в царствование Аменхотепа IV, как раз и заключалась в том, чтобы подорвать власть жреческой касты. Поменяв теофорное имя Аменхотеп («угодный Амону») на Эхнатон («угодный Атону»), царь не просто «заменял» одного солнечного бога другим. Была сделана беспрецедентная попытка утвердить культ единого божества, своего рода церковь, возглавить которую мог бы сам фараон.

Эхнатон правил 17 лет (1367—1350 до н. э.), и вскоре после его смерти старое жречество не только сумело взять полный реванш, но и посадить на трон своего человека. Если при царе-реформаторе из священных надписей выскребались имена прежних богов и даже само слово «бог», то результатом контрпереворота стало исчезновение имени фараона-еретика. Его собственные дети и те вернули себе прежние, «дореволюционные» имена.

Эта история отражается причудливо и многократно. Вспомним английского короля Генриха VIII, который в противовес папе утвердил себя главой новой, англиканской церкви; Петра I, отменившего патриаршество; наконец, уже совсем близкие нам времена разудалого пиршества атеизма. Еще живы люди, которых нарекли Марленами и Владленами, Сталинами и Октябринами.

Пусть это и не имеет прямого отношения к теме, но коль скоро все вертится вокруг магии, то не будем забывать о ее симпатических связях и основополагающем принципе: «Все во всем».

Не прямым путем, а по спирали, по кольцам змеи, дремлющей на челе фараонов, мы подобралась к основному конфликту между двумя ветвями власти: царской и жреческой.

Возвратимся на несколько страниц назад, к стеле с оракулом Хонсу и Амона. Поклонникам увлекательного жанра исторической прозы, возможно, памятно имя жреца Херихора правогласного, героя замечательного романа Болеслава Пруса «Фараон», экранизированного Ежи Кавалеровичем.

Смертельное противостояние между молодым фараоном Рамсесом XIII и жрецами достигает кульминации в минуты солнечного затмения, совершенно неожиданного для царя, но давным-давно вычисленного храмовыми астрологами.

«Херихор поднял обе руки. Когда же толпа снова стихла, верховный жрец громко воскликнул:

— Боги! Под вашу защиту отдаю святые храмы, против которых выступают изменники и святотатцы.

Внезапно где-то под храмом прозвучал голос, который, казалось, не мог принадлежать человеку:

— Отвращаю лик свой от проклятого народа, и да низойдет на землю тьма!

И свершилось нечто ужасное. С каждым звуком этого неземного голоса солнце утрачивало свою яркость... При последнем же слове стало темно, как ночью. В небе зажглись звезды, а вместо солнца стоял черный диск в кольце огня.

Неистовый крик вырвался из многих тысяч грудей.

Впечатляющая сцена. Особенно примечателен тот непреложный факт, что победа «рабов бога» достигается с помощью тайных знаний, ибо законы небесной механики были доступны лишь для внутреннего круга посвященных.

Жрецы Вавилонии и Египта, ацтеков и майя с незапамятных времен умели вычислять сроки солнечных и лунных затмений, что в немалой степени служило укреплению их безраздельного влияния на людские души. Не будем забывать, что светила отождествлялись с богами. Мы и теперь пользуемся названиями планет, заимствованными из римского пантеона.

История не роман, но эпизод, подобный изображенному Прусом, мог иметь и наверняка имел место на ее непредсказуемых перекрестках. В летописях многих народов отмечено великое множество переломных моментов, так или иначе приуроченных к солнечному затмению.

Задержим внимание на романе Пруса, чтобы сказать несколько слов по поводу истинной биографии популярных героев. Задача второстепенная, но увлекательная, а потому и впредь не останется без внимания. Попутно же отметим, что затмению, как мы помним, предшествовала «артиллерийская подготовка» в виде искусно организованных оракулов и знамений: статуя Амона вдруг начала проливать слезы и т. д.

Херихор — фигура историческая, и нечто подобное вполне могло наблюдаться в его время, но курьез заключается в том, что в списке фараонов мы не найдем Рамсеса XIII. Даже талантливый и благородный сподвижник царя жрец Пентаур запечатлел свое имя на страницах истории как автор поэтического отчета о битве при Куше, где Рамсес померялся силой с хеттским царем. Впрочем, «запечатлел» недостаточно сильное слово. Следовало бы сказать — навеки врезал в священные камни грандиозных храмовых комплексов в Абидосе, Карнаке, Луксоре.

Вслушаемся в подлинные слова фараона, дошедшие до нас из бездн тридцати трех веков:

«Я нашел, что Амон более полезен, чем миллионы пехоты, чем сотни тысяч колесниц и чем десять тысяч братьев и детей, объединенных одним сердцем... Я нашел, что Амон пришел, когда я звал его, он дал мне свою руку, и я возрадовался. Он говорил позади меня, как будто был лицом к лицу: «Вперед, Рамсес Мериамон... Я с тобой. Я твой отец... Я господин победы, который любит доблесть».

Реальный Пентаур разминулся с реальным Херихором на добрых два века. Романист вправе соединять времена и пересекать эпохи, населяя их вымышленными персонажами. Таков никогда не существовавший Рамсес XIII Болеслава Пруса.

«Ненависть? — повторил Херихор. — Неужели я стану ненавидеть этого хлыща, который к тому же напоминает оленя, загнанного охотниками в ущелье? Я должен, однако, признать, что его правление настолько губительно для Египта, что, если бы у Рамсеса был брат... мы бы уже отстранили нынешнего фараона».

Херихор жил при Рамсесе XI, последнем из великой династии Рамсесидов. Между ними действительно существовало ожесточенное соперничество, лишенное, однако, столь драматических перипетий, как, допустим, убийство царя. Рамсес XI умер своей смертью, после чего трон овлдел Херихор.

Более того, по мнению ряда исследователей, переворот произошел еще при жизни царя, которого Херихор отстранил от власти. Суть конфликта от этого не меняется, просто он обретает менее драматический характер, отвечающий реальному ходу событий.

В нашем контексте определяющее значение имеет сам факт столкновения властелина и мага, в данном случае — верховного жреца, в борьбе за трон.

Какими путями удалось Херихору заполучить двойную корону Верхнего и Нижнего Египта, в точности не известно, но то, что это произошло, не вызывает сомнений.

На фаянсовой вазе № 3759 из Каирского музея он титулован как фараон. На это указывает и надпись в большом гипостильном¹ зале Карнака, где «правогласный» назван «сыном Амона». В одном

¹ Гипостильный зал — буквально переводится как «зал лошадей». Он представлял собой храмовое помещение больших размеров (Примеч. авт.)

из многочисленных свитков «Книги мертвых» Херихор предстает в двух ипостасях: как «первый жрец» Амона и как царь.

О постепенном восхождении к власти красноречиво свидетельствуют надписи на гробах Сети I и Рамсеса XI. Здесь сказано, что Херихор был «первым жрецом Амона-Ра, царя богов, визирем и градоначальником Фив». Известно, что он получил контроль над столицей, устранив прежнего верховного жреца Амона Аменхотепа. Гранитная статуя Херихора-визиря была обнаружена в 1904 году в тайнике Карнака. Он изображен в сидячем положении, с бритой, как положено жрецу, головой. Иероглифический текст размещен на развернутом свитке папируса, который Херихор держит в руке, и на цоколе изваяния. На стеле Лейденского музея жрец-министр изображен вместе с женой Неджемет.

Словом, никак не скажешь, что он, подобно подпоручику Куже, «не имеет фигуры». И фигура есть, и биография, хотя и фрагментарная. Место захоронения Херихора не найдено, зато удалось обнаружить в Дейр эль-Бахри гробницу его супруги. Мумия лежала в расписном гробу, помещенном внутри другого, так же богато изукрашенного золотом и лазурью. На Лейденской стеле Неджемет названа «владычицей дома, старшей гарема Амона-Ра, царя богов». В «Книге мертвых», положенной на груди мумии, Херихор записан «первым жрецом» Амона. Очевидно, трон ему удалось получить после смерти жены.

В надгробной надписи ее величают матерью фараона, хотя другие источники говорят о ней как о дочери царской матери. Как бы там ни было, ясно одно: Херихор приходился родственником фараону, а значит, имел основания претендовать на высшую власть. Возможность вещать от имени верховного бога давала ему неограниченное преимущество даже перед более близкими к Рамсесу XI наследниками.

Знаменитый оракул, фактически благословивший Херихора на государственный переворот, высечен на стеле храма Хонсу в том же Карнакском комплексе.

Надпись, к сожалению, настолько пострадала от времени, что не поддается однозначному прочтению. Приведем лишь несколько строк из наиболее достоверного варианта:

«...И повторил ему первый жрец Амона-Ра, царя богов, Херихор правогласный, сказав: «Мой прекрасный господин!

...Этот бог дважды склонил голову... И сказал Амон-Ра, царь богов... придет к тебе вечность...»

О том, что бог «дважды кивнул головой», т. е. ответил утвердительно, упоминается в трех строках из двадцати восьми. Классик отечественной египтологии Б. А. Тураев считал, что речь шла о божественном санкционировании захвата престола фараонов.

«Занимая этот престол, — И. А. Стучевский в книге «Рамсес и Херихор» излагает свою версию захвата власти «правогласным», — фараон — верховный жрец Амона-Ра правит как бы от имени и по поручению своего божественного «отца» — единственного и полного

владельца Египта. Херихору необходимо было отрицать божественную сущность Рамсеса XI, ибо только таким способом, так и не низложив последнего Рамсесиды, он (правда, полулегально) мог заявить о своем желании стать настоящим фараоном...»

О том, что и как было на самом деле, пусть судят специалисты. Стал ли Херихор «настоящим» фараоном или же полулегально правил еще при живом, но лишенном божественности и реальной власти Рамсесе XI, знать, бесспорно, любопытно, но и только. Налицо противостояние властелина и мага и государственный переворот, который этот маг успешно осуществил. По выражению психиатров, это типично наш случай.

Херихор стремился к созданию «государства Амона», к «амонократии» и ради достижения политического успеха использовал оракул.

Впечатляющий пример для начала и, главное, злободневный — ничуть не устаревший за три тысячи лет.

Генрих Гиммлер вынашивал идею «государства СС», в планы Асахары, как показало следствие, входило создание государства-секты «АУМ сенрикё». Любое движение вспять характеризуют явления одного и того же порядка: национальная автаркия, воинствующий фанатизм, нетерпимость, повальное мракобесие и террор.

Амонократия хоть и не состоялась в полном объеме, но тем не менее имела роковые последствия для Египта.

МЕЛЕХ И НАВИ¹

Возненавидел я сборище злонамеренных
и с нечестивыми не сяду,
Буду омыwać в невинности руки мои
и обходить жертвенник Твой, Господи,
Чтобы возвещать гласом хвалы и поведать
все чудеса Твои
Господи! Возлюбил я обитель дома Твоего
и место жилища славы Твоей
Не погуби души моей с грешниками
и жизни моей с кровожадными

Псалом 25

1

Сюжет о царе Сауле (около 1095—1045 до н. э.) и волшебнице из Аэндора доселе служит классическим примером взаимоотношений мага и властелина, который в критический момент вынужден прибегнуть к посредству потусторонних сил.

После изгнания из Израиля волшебников и гадателей, казалось бы, не пристало царю пускаться в столь сомнительное предприятие, но страх — и это относится не только к великим мира сего — сильнее рассудка. Охваченный смятением перед надвигающимся походом филистимлян, раздираемый тяжелыми предчувствиями, Саул во что бы то ни стало желает узнать свое будущее. Такое понятное, такое узнаваемое состояние присуще человеку в годину тяжких испытаний. Разве и нас не заставляет жизнь кидаться в объятья всяких «тибетских» целителей, экстрасенсов, когда на голову сваливается беда или выносит кому-то из близких свой приговор официальная медицина?

«И увидел Саул стан филистимский, и испугался, и крепко дрогнуло сердце его.

И спросил Саул Господа; но Господь не отвечал ему ни во сне, ни через урим, ни через пророков».

Конечно же, благочестивый, но уже помраченный духом государь прежде всего помышляет о Боге, но не получает ответа ни во сне, ни через пророков, ни с помощью загадочного «урима». Ему не остается ничего иного, как найти «женщину волшебницу». Именно женщину — обратим внимание! Отметим также, что отыскать ее он поручает почему-то слугам. Не родственникам, не особо доверенным приближенным, которые могли бы сохранить в тайне отступничество пошатнувшегося в вере властителя. Это лишний раз указывает на то, что языческие обряды, вопреки самым суровым

---

¹ Царь и пророк (*библейск*)

запретам, широко практиковались среди простого люда, и в первую очередь в женской среде. В этом смысле человечество не далеко продвинулось с библейских времен.

«Тогда Саул сказал слугам своим: сыщите мне женщину волшебницу, и я пойду к ней, и спрошу ее. И ответили ему слуги его: здесь в Аэндоре есть женщина волшебница.

И снял с себя Саул одежды свои и надел другие, и пошел сам и два человека с ним, и пришли они к женщине ночью. И сказал ей [Саул]: прошу тебя, поворожи мне и выведи мне, о ком я скажу тебе.

Но женщина отвечала ему: ты знаешь, что сделал Саул, как выгнал он из страны волшебников и гадателей; для чего же ты расставляешь сеть душе моей, на погибель мне?»

Стараясь остаться неизвестным, царь, словно Гарун аль Рашид, прибегает к переодеванию и под покровом ночи отправляется на конспиративную — как назвать иначе? — встречу. Он, самолично изгнавший ворожей, уже бросал жребий и вот решил пойти дальше, можно сказать до конца, ибо что может быть хуже некромантии.

И еще одна примечательная деталь. Саула сопровождают двое. Кто они? Позволительно предположить, что это охранники. Преторианцы, гвардейцы, секретная служба.

Сама судьба отныне соединит их в единую связку: властелина, охранника и волхва. Вернее, порок, присущий власти. Мало того, что царь подбивает подпольную гадалку нарушить им же провозглашенный закон. Он еще тщится вовлечь в нечестивое действо того, кто удостоен быть пророком Господним, кто доблестно воевал с идолопоклонством, как, впрочем, и с филистимлянами, которые вновь грозят смертью и опустошением.

Тень Самуила — тень отца Гамлета. Саул доведен до крайности. Находясь в отчаянном положении, он тем не менее успокаивает волшебницу и, как задумал, требует «вывести» Самуила. Едва ли ему так уж легко удалось уговорить бедную женщину. Ей было чего опасаться. Она ничуть не преувеличивала. Царю пришлось взять на себя и ее грех:

«И поклялся ей Саул Господом, говоря: жив Господь! Не будет тебе беды за это дело».

Воистину клятва игрока!

Из всех видов гаданий некромантия (в сущности, спиритизм, переживший невиданный всплеск в прошлом веке) пользовалась особо дурной славой, тем более что предстояло вызвать дух великого праведника.

Самуил, чье имя «услышанный Богом» уже говорит о многом, был постоянным наставником, мудрым советчиком, а под конец и суровым обличителем Саула.

Волшебница, которой предстояло сыграть роль посредника-медиума, конечно же, сразу узнала клиента: «Ты Саул!» Легко пред-

ставить себе ее ужас. Помимо всего прочего, Самуил был судьей, посвятившим себя искоренению идолопоклонства.

«И сказал ей царь: не бойся; что ты видишь? И отвечала женщина: вижу как бы бога, выходящего из земли.

Какой он видом? — спросил у нее [Саул]. Она сказала: выходит из земли муж престарелый, одетый в длинную одежду. Тогда узнал Саул, что это Самуил, и пал лицом на землю и поклонился».

Узнал? Как он мог узнать, если не видел сам? Очевидно, по голосу. Можно не сомневаться, что женщина, по обыкновению медиумов и впавших в сомнамбулический транс пифий, заговорила не своим голосом. Находясь в состоянии крайней экзальтации, царь едва ли особо прислушивался к его оттенкам. Волновала лишь суть.

«И сказал Самуил: для чего же ты спрашиваешь меня, когда Господь отступил от тебя и сделался врагом твоим?

Господь сделает то, что говорил через меня; отнимет Господь царство из рук твоих и отдаст его ближнему твоему, Давиду».

Если и испытывал Саул какие сомнения, услышав голос, то сказанное должно было развеять их, словно дым. Самуил знал о нем то, чего не мог знать никто на земле, включая волшебницу. Помыслы, что царь безуспешно пытался поведать Богу, были ведомы Самуилу. При жизни он едва не пал духом, наблюдая заблуждения Саула, которого утвердил на правление торжественным посвящением. Сам Господь сподобил его отвернуться от заблудшего и помазать Давида, и сам Господь вынес теперь окончательный приговор. На следующий день царь «будет с Самуилом».

Так и случилось, как было предвещано, Саул и его сыновья нашли смерть на бранном поле. Предсказание исполнилось в точности, хоть и дала его тень пророка, а не он во плоти.

2

Пророк Даниил, чье имя означает «суди меня Бог», происходил из знатного рода. Около 607 года до н. э. его вместе со многими соплеменниками увели в Вавилон. Попав на царскую службу, он получил халдейское имя Валтасар, или Балатзу-Узур по-ассирийски, т. е. «храни его жизнь». Чьей жизни это больше касалось: пророка или властителя? Скорее, последнее, ибо, переименовав имя, Даниил сохранил веру отцов.

Царь Навуходоносор (604/605—561/562 до н. э.) не только захватил всю территорию Сирии и Палестины, разрушил Иерусалим и увел в плен большое число жителей Иудеи. Он совершил поход в Аравию, в битве при Кархамисе сокрушил войско фараона Нехао. При нем возводились великолепные дворцы и ступенчатые храмы — зиккураты, пролагались каналы.

«Это ли не величественный Вавилон, — приводит слова царя Даниила, — который построил я в доме царства силою моего могущества и в славу моего величия».

Одно нарушало спокойствие и благоденствие властелина: страшное сновидение. Что предвещало оно? Объяснить значение не смогли «тайноведы, обаятели, халдеи и гадатели».

Подобно Иосифу, растолковавшему загадочный сон фараона, Даниила взялся раскрыть тайное значение образов, смутивших покой ассирийского деспота.

«Даниила отвечал царю и сказал: «тайны, о которой царь спрашивает, не могут открыть царю ни мудрецы, ни обаятели, ни тайноведы, ни гадатели».

Но есть на небесах Бог, открывающий тайны; и он открыл царю Навуходоносору, что будет в последние дни. Сон твой и видения головы твоей на ложе твоём...»

Смысл подобного заявления очевиден. Даниила резко отмежевывается от волхвов-прорицателей, в изобилии подвизавшихся в Вавилоне, взывая единственно к Богу, верность которому хранит на чужбине. Он даже отказывается есть с царского стола, и только благорасположение евнуха спасает его от монаршего гнева. О том же, насколько свиреп был царь ассирийский, свидетельствует его отношение к чародеям.

Навуходоносор, которого, как можно догадаться, терзало не столько воспоминание о ночном кошмаре, сколько наступившая затем длительная бессонница, поставил перед вавилонскими магами непосильную задачу.

Он требовал не только истолковать, но и рассказать содержание своего сна.

«Да скажет царь рабам своим сновидение, и мы объясним его значение», — просили гадатели.

«Отвечал царь и сказал: «верно знаю, что вы хотите выиграть время...»

Подозрительный и недоверчивый, как все тираны, он, впрочем, не без оснований, опасался обмана.

«Так как вы не объявляете мне сновидения, то у вас один умысел: вы собираетесь сказать мне ложь...»

Гнев Навуходоносора был страшен. Он приказал истребить «всех мудрецов Вавилонских». Прийти во дворец заставила Даниила непосредственная угроза: палачи уже разыскивали его.

С рациональной точки зрения он совершил невозможное, телесически проникнув в чужое сознание.

«Тебе, царь, было такое видение: вот какой-то большой истукан; огромный был этот истукан, в чрезвычайном блеске стоял он перед тобою, и страшен был вид его».

У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его из серебра, чрево его и бедра его — медные. Голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные.

Ты видел его, доколе камень не оторвался от горы без содействия рук, ударил в истукан, в железные и глиняные ноги его; и разбил их».

Разгадав сон, Даниил предрек судьбу четырех последующих царств. Христианские богословы переосмыслили пророчество, уподобив истукана — язычеству, гору — богородице, камень — Христу. Своеобразный вклад привнесла и алхимическая традиция.

Для этого были известные основания, ибо в следующей главе у Даниила сказано совершенно определенно:

«Царь Навуходоносор сделал золотой истукан, вышиною в шестьдесят локтей, шириною в шесть локтей, и поставил его на поле Деире, в области Вавилонской».

Не столько выделение золота среди других материалов, сколько само изображение расчлененного идола восходит к алхимическим представлениям о превращениях веществ, разложении и восстановлении.

Это сам Осирис, разрубленный Сетхом, живым и невредимым восстает из гроба, символизируя «гибель» золота в амальгаме и его последующее «возрождение» в огне обновления. Нетрудно догадаться, что в такой системе образов подразумевается под камнем, раздробившим истукана на элементы. Это философский камень — «красный лев». На это же намекает и последующий эпизод с раскаленной печью, в которую были брошены трое сотоварищей Даниила. «Из среды огня» — типичное выражение адептов — они вышли невредимыми, не претерпев никакого урона. «Даже запаха огня не было от них».

О знаменитых алхимиках, совмещавших свое «Великое деяние» с магией и астрологией, речь впереди. В штате императоров, пап и царей всех времен они занимали видное место, деятельно участвовали в придворных интригах и политических играх.

Воспитавшись провидческим даром Даниила и явленными им чудесами, Навуходоносор оставил его при себе и назначил главой над прочими мудрецами. Но судьба готовила Даниилу новое испытание. И вновь оно связано с ночным кошмаром, явно указывающим на постепенно развивающуюся душевную болезнь царя. Нечто подобное мы встретим потом у Ивана Грозного, чьи беспокойные сны нередко оборачивались кровавой явью.

На сей раз, уверовав, очевидно, в праведность и мудрость пророка, Навуходоносор не стал скрывать, что ему привиделось огромное дерево, достигающее неба и краев земли. Некто ниспешший с небес повелел: «Срубите это дерево, обрубите ветви его, стрясите листья с него и разбросайте плоды его; пусть удалятся звери из-под него и птицы с ветвей его, но главный корень его оставьте в земле...»

Как приговор прозвучали заключительные слова таинственного посланца, которого царь назвал «Бодрствующим и Святым»: «Сердце человеческое отнимется от него и дастся ему сердце звериное, и пройдут над ним семь времен».

Пораженный Даниил «около часа пробыл в изумлении». Он понимал, чем грозит ему правдивое истолкование, но не уклонился: «Господин мой! Твоим бы ненавистникам этот сон, и врагам твоим значение его!»

Образ дерева получил следующее истолкование:

«Это — ты, царь, возвеличившийся и укрепившийся, и величие твое возросло и достигло небес, и власть твоя — до краев земли».

Такое начало, официально соответствующее титулатуре восточного деспота, можно, скорее, посчитать за протокольное обращение, нежели за попытку подсластить пилюлю. Расшифровка, говоря современным языком, подсознательных символов, бескомпромиссна и исполнена мужества:

«Тебя отлучат от людей, и обитание твое будет с полевыми зверями, травой будут кормить тебя, как вола, росой небесною ты будешь орошаем, и семь времен пройдут над тобою, доколе познаешь, что Всевышний владеет над царством человеческим... А что повелено было оставить главный корень дерева, это значит, что царство твое останется при тебе, когда познаешь власть небесную».

Предсказание исполнилось молниеносно. Повредившегося разумом царя, как это делается в таких случаях, «отделили от людей». Разум вернулся к нему «через семь времен».

Мы не знаем, что это значит. Годы? Едва ли. Быть может, месяцы? Существует версия, согласно которой царь стал жертвой редкой психической болезни, которую в прошлом именовали ликантропией, оборотничеством. Воображая себя зверем, больной усваивает соответствующие повадки. Вавилонский маг и писатель Берос, намекая на этот недуг, отмечал, что Навуходоносор поступал как бесноватый и произносил речи «под действием божественного побуждения».

Громкую известностьнискало пророчество Даниила, данное им последнему вавилонскому царю Валтасару, так сказать, венценосному тезке, учинившему во дворце разнузданную оргию. На этом пиру «во время чумы» царь и его приближенные пили вино из священных сосудов Иерусалимского храма, захваченных Навуходоносором. В разгар бесчинства на стене появилась достопамятная надпись, начертанная огненной рукой: «Мене, мене, текел, упарсин». Только Даниилу дано было разгадать смысл халдейских слов: «Исчислен, исчислен, взвешен, разделен».

Невзирая на последствия, Даниил с присущей ему прямоотой заявил царю, что он взвешен на весах Всевышнего, найден слишком легким, т. е. ничтожным, и его царство будет разделено победителями, подступившими к стенам Вавилона.

В ту же ночь Валтасар был убит, а город взят персидским царем Киром. Это случилось в 539 году до н. э.

Долгое время считалось, что последним царем Вавилона был Набонид, а Валтасар — личность мифическая. Однако на раскоп-

ках, проведенных в тридцатые годы нашего столетия, удалось обнаружить цилиндрическую печать Набонида (Набунахила), на которой значится имя Балтасара в сопровождении слов «хабал риштупитх либбна», т. е. «Валтазар, мой первородный сын, потомок моего рода». Вполне возможно, что Набонид вышел во главе войска навстречу персам, оставив сына управлять городом, но был убит. Сделавшись царем, своего рода калифом на час, Валтазар и устроил кощунственный пир. За библейской легендой явственно проглядывает историческая реальность, роковой ее эпизод, в котором участвуют властитель и провидец, дерзнувший высказать злое пророчество.

Нечто подобное еще не раз возникнет на наших страницах. Жизнь пророка, будь он истинный или ложный, астролог или алхимик, постоянно висела на волоске. И правда, и ложь одинаково были опасны.

Дарий Мидийский поставил Даниила над 120 областями своей обширной империи и намеревался вознести еще более высоко. Понятно, что это вызвало жестокую зависть князей и сатрапов, которые убедили властителя, как это водится, издать закон, запрещающий в течение месяца «просить какого-либо бога или человека, кроме царя». Исходя из привычных реалий, это можно было бы назвать указом. Временная мера, прямо не направленная против кого бы то ни было. Едва ли смысл ее был понятен самому Дарию, но мало ли что приходится подписывать, вернее, ставить отпечаток печати на глиняной табличке, если на тебя оказывают давление? Царь и не подозревал, что это ударит по ближайшему из его приближенных.

Но заговорщики, зная, что Даниил ревностно молится своему Богу, действовали наверняка. Уличенный в нарушении закона — сам Дарий был не властен его спасти — пророк был отдан на растерзание львам. Тогда и случилось чудо, которому не раз суждено было повториться с христианами на аренах Рима: обреченного на верную смерть уберег высший промысел. Даниила невредимым вытащили из львиного рва, а на его место отправили злобных интриганов.

О трезвом разуме Даниила, остром глазе его и редкой проницательности свидетельствуют сцены, запечатленные в апокрифах. Канонический текст включал в себя двенадцать глав, но в I веке до н. э. в него была добавлена еще одна, тринадцатая, повествующая о жене вождя Сусанне и двоих старейшинах, помогавшихся ее ласк. Встретив отпор, они оговорили женщину, показав на суде, что нашли ее под деревом в объятиях любовника. Два свидетеля обвинения, таким образом, предрешили вердикт: Сусанну приговорили к смерти. Вмешался Даниил, потребовав перекрестного допроса. Опросив каждого из старейшин в отдельности, под каким точно деревом был совершен акт прелюбодеяния, он уличил их в лжесвидетельстве. Сусанна была оправдана, а ее хулители казнены.

Сам Соломон, разрешивший тяжбу двух женщин, не мог бы действовать лучше.

Примерно в тот же период книга пополнилась и четырнадцатой главой — «Ваал и дракон».

Царь Кир спрашивает Даниила, почему тот не поклоняется Ваалу, ежедневно пожирающему великое множество овец, муки и масла. Это ли не свидетельство величия! Вместо ответа пророк посыпал пеплом пол храма, куда с вечера доставили жертвоприношения, и пригласил царя навеститься утром. Так и поступили. Вся снедь, как и ожидалось, исчезла, Кир уже торжествовал победу, но Даниил указал царю на множество отпечатков ног. Как и следовало ожидать, приношения забирали жрецы и их домохозяева, тайно проникавшие в храм через лаз под жертвенником. Воры были умерщвлены, а храм разрушен.

Как бы там ни было на самом деле, но придумано славно. Во всяком случае, четырнадцатую главу можно рассматривать как заход детективного жанра.

При Кире Великом Даниил сохранил свое влияние и авторитет. На третьем году царствования царя царей было дано ему откровение на берегу Тигра.

«И поднял глаза мои и увидел: вот один муж, облаченный в львиную одежду, и чресла его опоясаны золотом из Уфазы.

Тело его — как топаз, лицо его — как вид молнии, очи его — как горящие светильники, руки его и ноги его по виду — как блестящая медь, и глас речей его — как голос множества людей».

Попробуем дать хоть какую-то расшифровку. Топаз — «питдах» на иврите — второй драгоценный камень в ритуальном наперснике первосвященника Иерусалимского храма. Он прозрачен, как вода, и ярко блестит, переливаясь всеми оттенками желтого цвета. Это — «золотой топаз». У Иова он упоминается как одно из самых драгоценных сокровищ.

Так и чудится вдохновенное развитие алхимических мотивов сна о златом истукане: металлы, мистический камень, небесный огонь превращений. Жаль, что ничего определенного нельзя сказать об Уфазе. По-видимому, это неустановленное место, возможно Офир, где добывали золото.

Смысл откровения, однако, предельно ясен: «...вот еще три царя восстанут в Персии; потом четвертый превзойдет всех великим богатством, и когда усилится богатством своим, то поднимет всех против царства Греческого».

Так и случилось при Ксерксе I (? — 465 до н. э.). В 480—479 до н. э. он возглавил поход на Грецию, окончившийся поражением персов. Со дня откровения (около 533 до н. э.) минуло около 53—54 лет. Срок вполне достаточный, чтобы после трех правлений настало четвертое. Нумерологически повторяется истолкование сна Навуходоносора: четыре стадии.

Даниил дожил до девяноста лет и благополучно скончался где-то в пределах Персидской державы, достигшей расцвета при Кире

Великом. Относительно благополучный итог — скорее, исключение, чем правило.

3

Исайю, прозванного «Евангелистом Ветхого завета», перепилили в царствование Манассии деревянной пилой. Человек знатного происхождения, он был близко знаком со жрецами Иерусалимского храма и свободно держался с царями, давая им советы от Божьего имени. Жил он в Иерусалиме, был женат, имел двух сыновей. Пророчествовать начал в последний год царствования Озии и в полную меру проявил себя в период правления Иоафана, Ахаза и Езекии (759—698 до н. э.), сурово бичуя пороки и лицемерную набожность.

А время, как, впрочем, и все времена, было жестокое. «И было в четырнадцатый год царя Езекии, пошел Сеннахирим, царь Ассирийский, против всех укрепленных городов Иудеи, и взял их».

Сеннахирим направил в Иерусалим посла Рабсака с ультиматумом. «Так говорит царь: пусть не обольщает вас Езекия, ибо он не может спасти вас», — возгласил посол, обращаясь к народу.

Услышав это, Езекия послал дворцовых слуг и священников к Исае, сыну Амосову, а сам разодрал одежды, покрылся вретисцем и удалился в дом Господень.

Исайя тоже предался молитвам и получил знамение, о котором уведомил впавшего в отчаяние царя.

«И вошел Ангел Господень, и назначил в стане Ассирийском сто восемьдесят и пять тысяч... И отступил, и пошел, и возвратился царь Ассирийский...»

Сеннахирим, вернее Санхерив, — личность историческая. Ученых долгое время приводило в смущение величина его войска, пока гебраисты не разобрались в том, что выражение «сто восемьдесят и пять тысяч», может означать также 5180, равно как и приводимое пророком Иезекиилем число «пятьсот и четыре тысячи составляет 4500».

Не надо забывать, что арамейское письмо не только пишется, но и читается справа налево: сначала пять тысяч, потом сто восемьдесят. Гиперболизация своих и неприятельских войск тоже явление распространенное. Насмешник Рабле ловко использует нехитрый прием в своем бесподобном романе. Словом, это столь же общеизвестно, как и неблагодарность царей.

Манассия (около 699—643 до н. э.), нечестивый сын набожного Езекии, которому молитвами Исаии было добавлено пятнадцать лет жизни, послал пророка на мучительную казнь. В своем идолопоклонстве он пошел дальше других отступников, поставив жертвенник Ваалу и Астарте в самом храме. Он и сына своего «провел через огонь, и гадал, и ворожил, и вызывал мертвых».

Исайя знал, на что шел, публично обличая царя-нечестивца.

Именуя мерзости волхвования и идолопоклонства «дочерью Вавилона», что вполне соответствовало действительности, он пред-рекал:

«И придет на тебя бедствие, ты не узнаешь, откуда оно поднимется... Оставайся ж с твоими волшебствами и множеством чародейств твоих... Ты утомлен множеством советов твоих; пусть же выступят наблюдатели небес и звездочеты и предвещатели по новолуниям и спасут тебя от того, что должно приключиться тебе.

Вот они, как солома; огонь сожжет их; не избавили души своей от пламени; не осталось угля, чтобы погреться, ни огня, чтобы посидеть перед ним».

Пророк VIII века до н. э., Исайя во многом близок к древним пророкам-чудотворцам. Он постоянно видит ангелов и самого Бога, чувствует на себе руку и слышит голос. По указанию Его он и сам дает своего рода знамения, наглядные, не требующие слов. Так, например, выйдя однажды совершенно обнаженным на улицу, он показал, в каком виде поведет в плен египтян и эфиопов ассирийский царь. Имена, которые он дает своим детям, тоже содержат намек на будущее, например, Шеар-ясув («остаток вернется»). Часть своих пророчеств Исайя записал собственноручно, остальное сделали другие.

По-видимому, не все его речи записаны, кое-что наверняка утеряно.

В ярких и образных выступлениях Исайи отчетливо ощущается его горячее желание повлиять, прежде всего, на проводимую царями внешнюю политику. Пророк убеждает Ахаза не страшиться союза против Иудеи сирийского царя Рецина и израильского Факея и предсказывает, что враждебные царства вскоре будут завоеваны Ассирией. Он предостерегает иудейских правителей от союза с Египтом против Ассирии.

«...Помощь Египта будет тщетна и напрасна, — передает он слова Яхве, — потому я сказал им: сила их — сидеть спокойно».

Столь активное вмешательство в политику вызывало в верхах особую ярость. Отступник Манассия не мог простить пророку его умственного превосходства.

Пророку Илие, о чьем происхождении не известно ничего, кроме того, что он был «фесвитянин из жителей Галаадских» и чудом сумел избежать расправы. Бичуя царя Ахава и Иезавель, приносивших в жертву финикийским кумирам младенцев, он скрылся от преследования у потока Хорафа и был вознесен на огненной колеснице в небо. По сей день, услышав раскаты грома, поминают

Илью-пророка. Отдадим и мы дань красивой легенде, рожденной в незапамятные времена, исполненные чудес и знамений. Когда поток иссяк и высох, Илья покинул пустыню, где одни вороны приносили ему пропитание, и пошел в Сарепту Сидонскую. Там ему довелось совершить множество дивных деяний. Он, в частности, исцелил умирающего сына хозяйки, у которой нашел временное пристанище. На горе Кармель, после того как выступил перед Ахавом, низвел небесный огонь на жертвенник и призвал дождь на истерзанную трехлетней засухой ниву.

Сколько самозванных чудотворцев, вроде знаменитого графа Калиостро, припишут себе такие же волшебные действия! Воистину нет ничего нового. Особенно в сфере чудес.

И вновь подвижничество в пустыне, скитания по горам и долам, пути-перепутья Святой земли. Посланный Богом, он пошел в Дамаск помазать Азаила царем Сирии, Ииуя — царем Израиля, а затем опять пламенные речи перед лицом нечестивой четы Ахава и Иезавели. Помимо харизмы, пророк обладает реальной властью возводить на трон венценосца. На весах истории она значит не меньше гласа, бичующего порок, и дара прозрения.

Охозии, сыну Ахава, ставшему за год до смерти царя (897 до н. э.) его соправителем, Илия предсказал скорую смерть. Это случилось в тот момент, когда Охозия упал с галереи своего дома и воззвал к филистимскому демону Баал-Зебулу (Вельзевул средневековых богословов) — «повелителю мух». Два отряда, по пятьдесят стражников каждый, посланные схватить пророка, поразили все тот же огонь, порожденный молнией — главным оружием небесных богов от Индры до Зевса и Перуна, которые суть одно.

«И сказал Илия народу: я один остался пророк Господень, а пророков Вааловых четыреста пятьдесят человек».

Это число мы встретим и в других книгах, повествующих, в частности, о противоборстве царей и праведников.

Библейских пророков принято считать предсказателями будущего. Отчасти это действительно так, но только отчасти. Пророки были активными общественными деятелями, политиками и реформаторами, наконец, философами, призывающими народ к праведности и мужеству. Предсказания, подчас поразительные по точности исполнения, действительно занимали важное место в пророческом служении. Но на первом месте было Слово, доносившее божественную волю. Речи пророков выражали не столько предопределенность событий и судеб, сколько веления Бога.

«Пророк не только провозглашает волю Бога и Его приговор, — говорится в «Библейском словаре Унгера», — не только защищает истину и праведность, не только свидетельствует о превосходстве нравственности над ритуалом — он также связан с благими намерениями Господа».

В этом смысле особенно показательна «Книга Иезекииля», в которой 50 раз повторяется фраза «И узнают, что я Господь» и около 40 раз слово «идолы». Вместе взятое это свидетельствует о многом. Пророческую деятельность Иезекииля относят к 592—570 годам до н. э. Пребывая в вавилонском плену, он, естественно, уделял особое внимание халдейским богам, а следовательно, и магам.

Несколько отрывков из «Книги Иезекииля» было найдено среди свитков Мертвого моря в Кумранской пещере. Они поразительно совпадают с каноническим текстом, что лишний раз свидетельствует о литературной целостности произведения.

Иезекииль, сын священника Вузия, оказался в плену после второго нашествия царя Навуходоносора на Иерусалим.

И было видение ему на пятый год пребывания на чужбине:

«И я видел: и вот бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него и из середины огня; и из середины его было видно подобие четырех животных, — и таков был вид их: облик их был как у человека... Подобие лиц их — лице человека и лице льва с правой стороны у всех их четырех; а с левой стороны лице тельца у всех четырех и лице орла у всех четырех».

Это был знак свыше, с которого началось пророческое служение, длившееся двадцать два года. Пройдут века и образы херувимов, открывшиеся в облачном сиянии, станут символами четырех евангелистов.

О последующей судьбе Иезекииля и последних днях его ничего не известно. Мы знаем только, что жил он в Тель-Абибе в собственном доме и нежно любил свою жену, которая скончалась внезапно. Сам он погиб от руки какого-то иудейского князя, которого уличил в идолопоклонстве.

В его пламенных речах мы находим конкретные примеры волхвований, коими так славился Вавилон. Упоминаемые в Библии атрибуты для гаданий: чаши, посохи, стрелы определенно взяты на прокат у «дщери вавилонской».

«Представь дорогу, по которой меч шел бы в Равву сынов Аммоновых и в Иудею, и укрепленный Иерусалим, — потому что царь Вавилонский остановился на распутьи, при начале двух дорог, для гадания: трясет стрелы, вопрошает терафимов, рассматривает печень».

На ассирийских и вавилонских памятниках запечатлены такие без наконечников и оперения стрелы. Точная деталь «трясет» дает указание на технику гадания. По-видимому, она мало чем отличалась от распространенной в Китае и сопредельных с ним странах. Буддийские и даосские монахи, действительно трясут пучки палочек, отмеченных специальными знаками, прежде чем выбросить одну из них — судьбоносную.

Кое-какие магические приемы израильтяне вынесли из Египта и почти наверняка многое заимствовали у соседних народов-ханаа-

неев, моавитян, филистимлян. Во всяком случае, их гадания ничем не отличались от халдейских.

Вероятно, для той же цели служили и такие таинственные предметы, как урим и туммим, т. е. «свет» и «совершенство».

«На наперсник судный возложи урим и туммим, и они будут у сердца Ааронова, когда будет он входить... перед лице Господне...»

Едва ли они имеют отношение к двенадцати драгоценным камням на первосвященническом нагруднике. Сомнительно также, что это могли быть обычные камешки или же кости для метания жребия, но, так или иначе, «свет» и «совершенство» служили магическим проводником откровения. Символично, что первый из пророков Моисей возложил их на ритуальное одеяние брата-первосвященника.

По поводу терафимов, которых вопрошал вавилонский царь, особых вопросов не возникает. Это были статуи богов, которыми пользовались как своего рода оракулом. Оставив дом отца, Рахиль похитила и его терафимов. Библейские пророки осуждали подобный обычай. Когда Иосия очистил от чародейства свое царство, то не пощадил и терафимов.

Невзирая на гневные проповеди и официальные запрещения, вытравить из родовой памяти пережитки язычества оказалось не по силам ни святым мужам, ни тем более царям, которые сами то и дело впадали в мистическое помрачение.

Спасая Давида, дочь Саула Мелхола «взяла статую и положила на постель, а в изголовье ее положила козью кожу и покрыла одеждою». Отсюда можно сделать несколько выводов. Во-первых, изображение какого-то древнего божка стояло в доме царя. Едва ли как антик или памятник искусства. Пройдут века и века, прежде чем такое войдет в моду. Но не совсем почтительное отношение к терафиму, которому придали вид спящего человека, явно указывает на то, что он уже не был объектом культа, пусть и тайного. Остается одно: статую использовали в качестве оракула, как то было принято у египетских и халдейских жрецов. Везде и повсюду женщина оставалась хранительницей исконных традиций.

Недаром же Саул, первый из царей Израиля, обратился именно к волшебнице, не к волхву.

Соломона в конечном счете тоже соблазнили иноземные обитательницы его многочисленного гарема. Кроме фараоновой дочери, у царя было семьсот жен и триста наложниц: моавитянок, аммонитянок, идумеянок, сидонянок, хеттеянок и т. д.

Они-то и развратили сердце мудрейшего из властителей, который под старость начал поклоняться чужим богам, поставив жертвенники Астарте и Молоху.

Смена эонов — эпох, — ознаменовавшаяся мучительным, с постоянными отступлениями, переходом к монотеизму, затянулась на несколько столетий.

Жестокий конфликт с исконными верованиями — постоянный лейтмотив пророческих книг.

«И отставил жрецов, которых поставили цари Иудейские, чтобы совершать курения на высотах в городах Иудейских и окрестностях Иерусалима, — и которые кадили Ваалу, солнцу, и луне, и созвездиям и всему воинству небесному».

Четвертая книга царств, 23 5

Солнце, луна, созвездия, небесное воинство — за этим кроется не только почитание светил — астролатрия, которой отдали дань все народы земли, но и астрология — излюбленное детище халдейских магов. Эзотерическая традиция приписывает ее создание шумерским жрецам, что косвенно подтверждают археологические находки последнего времени, когда из праха тысячелетия явила свой лик «Звездная Дева».

Острый рог Кипра, где из пены прибоя с улыбкой на устах вышла нагая Афродита, указующим перстом нацелен на Угарит. Инанна, Ананна, Иштар, Ашторет, Анаит, Атрагатис, Астроноя, Афродита, Венера... Восемь румбов пространства и колдовская звезда о восьми остроугольных лучах. Как магически сплавлены Слово и Знак, Имя и Символ.

В дивных руках богини, чуть приподнятых над плечами, зажаты лунные серпы и срезанные колосья; гордое чело обвивает змея. Это плодоносная ночь, породившая человечество, и пастушеское утро его, когда бледнеет серп на ущербе и вечно юная звезда наливается волшебной силой. Это обагренная жертвенной кровью зари женская тайна, которая никогда не будет разгадана до конца.

«Зачем мне серебро и желтое золото, часть скота его и рабы вечные, три коня, колесница с царского двора, домашние рабы? То, чего нет в доме моем, дай! Дай мне девицу Хураю, прекрасный отпрыск, первородную твою, чья прелесть подобна Анаит, чья прелесть подобна красоте Астарты, чье ожерелье из блестящего лазурного камня, чьи зеницы — чаши из электрона, опоясанные сердоликом, — я найду утеху во взоре глаз ее...»

«Повесть о царе Керете», таблица из Угарита, XIV в до н. э

«Кто найдет добродетельную жену? Цена ее выше жемчуга», — струнным откликом звучат слова «Притчей Соломоновых».

В Библие Астарту чтили под именем Баалат Гебал, в Сирии — Атар, в Эфиопии — Астар.

В ипостаси божественной царицы ассирийской Ниневии ее изображали четырехгрудой. «От двух сосцов ты питался, а в двух других ты прятал свое лицо», — гласит молитва.

Ей поклонялись как владычице неба и деве солнечного пути — зодиакального круга. Дарующая ребенка жене и хлебопашцу — колос, она властвовала над жизнью и смертью. Увенчанная рогами древняя богиня Луны, она, подобно Артемиде, носилась с луком в руке по лесам и долинам. Стоя на леопарде, обвитая языками огня,

решала исход кровопролитного боя. Во славу ей оскотили себя мужчины, и девы брачной кровью своей обогрели ее алтари.

Библия изобилует упоминаниями о культе Астарты.

Ее имя звучало в названии городов: Аштарот, Астерот-Карнаим (рогатая Астарта); дочери иерусалимские пекли в ее честь особой формы пирожки и кадили перед амвоном небесной царицы.

Руины многочисленных святилищ Астарты раскопаны археологами в тех самых местах, что указаны в Библии: Мегиддо, Самария, а также Беф-сан, куда сложили оружие царя Саула. В подземельях храма действительно удалось обнаружить бронзовые мечи и наконечники копий.

«Дети собирают дрова, а отцы разводят огонь, и женщины месят тесто, чтобы делать пирожки для богини неба и совершать возлияния иным богам, чтоб огорчать меня», — сокрушался пророк Иеремия.

Чего было ожидать от простого народа, если сам премудрый Соломон, построив дом Бога Единого, возвел на холмах у Масличной горы жертвенники для поклонения Астарте, «божеству Сидонскому, и Хамосу, богу Моавитскому, и Милоху, богу Аммонитскому»?

«И отвечали Иеремии все мужья, знавшие, что жены их кадят иным богам, и все жены, стоявшие там в большом множестве, и весь народ, живший в земле Египетской, в Пафросе, и сказали: «Слово, которое ты говорил нам именем Господа, мы не слушаем тебя; но непременно будем делать все то, что вышло из уст наших, чтобы кадить богине неба и возливать ей возлияние, как мы делали, мы и отцы наши, цари наши и князья наши, в городах Иудеи и на улицах Иерусалима, потому что тогда мы были сыты и счастливы и беды не видели».

Так оно и было: израильтяне поклонялись Ваалу и Астарте еще во времена Самуила.

Девятнадцатый стих в «Третьей книге царств» содержит подробности, присущие историческим документам:

«Теперь пошли, и собери ко мне со всего Израиля на гору Кармил и четыреста пятьдесят пророков Вааловых, и четыреста пророков дубравных, питающихся от стола Иезавели».

Археология подтверждает каждое слово.

В «Четвертой книге царств» сказано, что «Иезавель нарумянила лицо». На раскопках дома Ахава «из слоновой кости» были найдены каменные сосуды с остатками румян и туши для ресниц.

Четыреста пятьдесят жрецов Ваала — бога Солнца и четыреста — Астарты, богини звезд и Луны, составляли клир Самарии, где Иезавель, дочь Ефваала, царя Сидонского, и жена Ахава, перебила пророков Господних и восстановила древние культы.

Именно так следует понимать библейский текст, ибо «пророки дубравные» — служители Астарты.

Это исключительно важная тонкость, ибо Астарту нередко смешивают с ханаанейской Ашерой, древесной богиней. Не исключено,

что она олицетворяла древний образ звездной владычицы. Во всяком случае, израильтяне «кадили и возливали» обеим и шили одежды для них.

Близость Астарты к Ашере проявлялась и в характерных нюансах культа. Статуи Астарты обычно вырубали из вколотенных в землю стволов дерева. При этом оставалось столько отходов, что их хватало не только на отопление, но и на жертвенный огонь в доме Господнем.

В русском переводе эта существенная подробность оказалась завуалированной.

«В ту ночь сказал ему Господь: возьми тельца из стада отца твоего и другого тельца семилетнего и разрушь жертвенник Ваала, который у отца твоего, и сруби священное дерево, которое при нем, и поставь жертвенник Богу твоему, на вершине скалы сей, в порядке, и возьми второго тельца и принеси во всесожжение на дровах дерева, которое срубишь».

Книга судей

На самом же деле срубить надлежало не «священное дерево», а, как о том ясно сказано в подлиннике, Ашеру — Астарту. Точно так же вместо стиха «всесожжение на дровах дерева, которое срубишь» должно следовать доподлинное: «всесожжение на кусках Ашеры, которую ты изрубишь».

Несколько смазаны и императивные запреты «Второзакония».

«Не сажай себе рощи из каких-либо деревьев при жертвеннике Господа, Бога твоего, который ты сделаешь себе; и не ставь себе столба, что ненавидит Господь, Бог твой».

Астарте действительно посвящались священные рощи, как и Афродите, и Артемиде, и Кибеле, и прочим языческим богам. Но в Библии сказано вполне определенно: «песель» — идол. «Истукан» — уточняет перевод «Второй книги Паралипоменона», т. е. чудовищная статуя Астарты — в изначальном тексте.

Наряду с поклонением ваалам продолжались и пляски вокруг золотого тельца. В Мегиддо была найдена яшмовая печать с надписью: «Собственность Шима, слуги Иеровоама». Не исключено, что это тот самый Иеровоам, в царствование которого были построены языческие святилища.

Деревья в океане библейской мудрости путеводны, как звезды.

В Эдеме росли два космических дерева: жизни и познания.

На раскопках Вавилона обнаружена печать, находящаяся ныне в Британском музее. В центре изображено дерево, справа от которого сидит мужчина, а слева — женщина, срывающая плод. Позади нее — стоящий на хвосте змей. Сходный сюжет представлен и на печати, извлеченной из нижнего слоя холма Теп-Гавр в Ниневии. Возраст находки около 6 тысяч лет.

Древесные корни пронизывают толщи земли, ветви простираются до неба, где днем сияет «большое светило», а ночью несут свою службу Луна и звезды.

«И создал Бог два светила великие: светило большое, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды...»

Один Господь исчисляет количество звезд и всех их называет именами. Воистину есть лишь два великие чуда на свете: звездное небо и благой закон души. Почти за три тысячи лет до Канта это понял и восхитился в сердце своем псалмопевец Давид:

«Когда взираю я на небеса Твои, — дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил...»

«Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь... Закон Господа совершенен, укрепляет душу...»

В беспредельную даль ночных небес устремлен взор пророка Валаама, провидящего мессию: «Вижу Его, но ныне еще нет; зрю Его, но не близко. Восходит звезда от Иакова...»

Звезда возвестила о рождении Спасителя и привела к божественному вертепу волхвов. И сам Иисус говорит о себе: «Я есмь корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя» («Откровение Иоанна Богослова»).

Волхвы, или маги, как их еще называют, ведомые Вифлеемской звездой, несомненно, причастны к астрологическим таинствам. Почему-то принято считать, что их было трое, хотя Иоанн не называет точного числа. Для нашей темы важно иное. Волхвы, пришедшие поклониться Божественному Младенцу, несут на себе свет мудрости и благочестия. Они как бы не имеют ничего общего с магами, которых в один голос обличали ветхозаветные пророки.

Наступает новая смена эонов. На смену эпохе Тельца приходит эпоха Рыбы, ознаменованная рождением Сына Человеческого.

Определимся в терминологии. Пророками назывались святые, призванные возвещать народу повеления Господа. Греческое слово «пропетес», равно как и еврейское «нави» обозначает всего-навсего оратора или вестника. В черед библейских пророков первым назван праотец Авраам. В «Книге бытия» Бог говорит о нем Авимелеху: «Он пророк и помолится о тебе».

Мы не найдем упоминания об этом у того же Авраама. Провидческий дар, коим бесспорно обладали библейские «нави», служил лишь дополнением к их основной миссии провозвестников Божьей воли.

Основное содержание проповедей — это свидетельство о могуществе Господа и яростное обличение грехов. Греха идолопоклонства в первую очередь, будь то пляски вокруг золотого тельца, каждение ваалам или некромантия. Поэтому далеко не все пророки отметили свое служение «пророчеством» в общепринятом смысле — предсказанием грядущих событий.

На бытовом уровне звание пророка больше подходит Нострадамусу, создавшему удивительную «Книгу пророчеств» («Пропетий» — в оригинале). В самом деле, даже греческое «пропетес», вопреки своей довольно прозрачной этимологии, отнюдь не означа-

ет «предсказание». Человека, способного предвидеть будущие события, греки называли «мантис». Отсюда греческое «мантика» и соответствующее понятие «дивинация» у римлян.

Оно значительно шире, чем привычное для нас гадание, и приближалось скорее к волхвованию, т. е. магии и волшебству в широком понимании.

Греческие мифы донесли имена древних гадалей, которым воздавались почти божеские почести. На местах, где, как считалось, похоронены Тиресий, Амфиарай, Мопс и Калхант, учреждались оракулы, просуществовавшие долгие века. Даже трезвомыслящий Аристотель не решался на безусловное осуждение мантики: «Нелегко презирать ведовство, нелегко и верить в него». Гадание, по его мнению, должно опираться на «разумное исследование», в противном случае это — чистый обман, шарлатанство.

Эта Аристотелева опора на «разумное исследование» как нельзя лучше характеризует пророческую миссию Даниила.

Далее мы воздадим должное явным обманщикам и шарлатанам, что из века в век порхали над морем житейским, и, разумеется, загадочным личностям, чей след прочерчен метеорным огнем.

Не пророки в исконном понимании, но прорицатели займут главное место в нашем путешествии по тайным лабиринтам истории.

«Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою через огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей», — предостерегает «Второзаконие».

Прорицание было распространенным явлением в древнем мире. Всевозможные чародеи вызывали — «выводили» — тени мертвых, гадали на чаше с водой, куда лили расплавленный воск, на стрелах и внутренностях жертвенных животных, толковали сны, поведение птиц и собак, прислушивались к случайным звукам и, конечно же, следили за ходом небесных светил. Перечислять мантические приемы не имеет смысла, потому как — не грех повторить — за прошедшие с библейских времен тысячелетия в столь почтенной и щекочущей воображение сфере деятельности не произошло особых перемен.

Разве что, особенно с приближением очередной избирательной кампании, резко увеличивалось количество прорицателей, более всего подпадающих под категорию лжепророков. Архимандрит Никифор дает в своей «Библейской энциклопедии» следующее объяснение:

«В Свящ. Писании упоминается о ложных пророках и даже о жрецах языческих, которые, не будучи призваны и посланы Богом, пророчествуют по своему осмыслению ко вреду ближних, совращая их с пути истины».

Короче говоря, сей греховный промысел, столь единодушно обличаемый истинными пророками, но, очевидно, весьма прибыльный, благополучно пережил бури и треволнения исторического

процесса. Не помогли даже костры инквизиции, на которых вместе с безвестными чародеями сгорели сотни тысяч безвинных мучеников.

Лжепророков, вроде Седекии, сына Маасеева, или Анании, жившего во дни нечестивого царя Ахава, Священное писание отделяет от славных верностью и прямою прозорливцев, к коим принадлежал другой Анания, брошенный в темницу царем Асой. Коренное различие между пророками и лжепророками теологи видят, прежде всего, в присущем последним экстатическом состоянии. Пророк противопоставлял шаманскому вдохновению непоколебимую стойкость веры. Именно вера вела к яслям и евангельских волхвов, которых именуют еще и царями.

ГРЕЧЕСКИЙ ЛАБИРИНТ

**Капитула
вторая**

ЗОЛОТОЙ ТРЕНОЖНИК

И много он послов тогда отправил
И в Дельфы и в Додону, чтоб узнать,
Каким ж нам служеньем иль мольбами
Богов умилиستивить

Эсхил

1

Расхожее выражение «путеводная нить» восходит к древнему мифу о герое Тесее, царскому сыну, а затем и царю Арголиды. Спустившись, чтобы помериться силами с чудовищным Минотавром в критский лабиринт, он прихватил с собой клубок шерсти, который вручила ему Ариадна, дочь царя Миноса. Путь, таким образом, действительно указала нить, хотя вернее было бы сказать — любовь. Ведь в конечном счете клубок всего лишь орудие — деталь экипировки античного спелеолога, примитивная, но тем не менее надежная и, главное, незаменимая.

Где сыскать нам такой путеводный клубок, чтобы не заплутать в таинственных лабиринтах крито-микенской мантики? Тем более что и само слово, объемлющее и гадание, и предсказание, образовано от глагола «буйствовать». Это священный бред, неистовство, экстаз, что пролег рубежом между пророками и предсказателями. Отсек отшлифованный риторикой богодухновенный логос от темного косноязычия оракула. Не оракула даже, ибо тут лексика латинян, а созвучного мантике эллинского мантиейона. Буйной одержимостью Диониса и Аполлона, ночными чарами Гекаты веет из крошечного мрака запутанных галерей. И нет под рукой ни смоляного факела, ни плана. Поэмы Гомера и Гесиода, вобравшие в себя богатейшую мифологическую сокровищницу, да и сами мифы нельзя даже сравнивать с Библией, которая, помимо всего прочего, является уникальным историческим документом. Однако ничего иного, как опереться на миф, не остается. Авось куда-нибудь и добредем. Благо и Генрих Шлиман, располагая лишь томиком «Илиады», сумел отыскать Трою, хоть она и оказалась не Троей Гомера.

Трудностей и неожиданных ловушек на этом пути не счесть. Ведь даже заглавная тема — «Властитель и маг» — обретает здесь текучие формы, когда одно перекрывает другое. И в самом деле, греческие боги активно вмешиваются в людские дела, охотно спускаются на землю, по первому зову, а то и без оного, открывают будущее и постоянно готовы разделить ложе с простым смертным. От таких неупорядоченных отношений рождаются герои и полубоги, которые сплошь и рядом добиваются ранга бес-

смертных, внося тем самым сумятицу в иерархию олимпийской бюрократии.

В стане владык та же неразбериха. Под стенами Трои бьются, почитай, одни цари, да еще наделенные — будем теперь говорить — не пророческим, а прорицательским даром. Мало того, тем же героям-царям никто не возбраняет спуститься в преисподнюю и, приманив на запах крови облюбованную тень, узнать у нее, что ждет впереди, что сбудется и не сбудется.

Вот и разберись тут, кто есть кто.

Некто Поликарпов, заведующий Агитпропом ЦК, как-то пожаловался Сталину на писателей, мол, пьют и неразборчивы в связях, на что и получил сакраментальный ответ: «Других писателей у меня для вас нет. Работайте с этими».

Меньше всего я склонен сравнивать членов СП СССР, к которому и сам принадлежал, с персонажами греческих мифов. Еще, чего доброго, Тартар развернется и упадут небеса. Но факт остается фактом. Работать придется практически без опоры на источники. За редким исключением попадется какой-нибудь остракон со знакомым именем или обломок мрамора, где удастся прочитать следы букв.

Сами по себе волхования, во многом сходные с теми же вавилонскими, персидскими, египетскими — какими угодно, не вызывают недоуменных вопросов. Невзирая на удивительное многообразие и эклектичную пестроту, сориентироваться можно. Куда сложнее с носителями божественного — по большей части от Аполлона — дара. С оракулом, без которого греки не начинали ни одного мало-мальски важного предприятия. Война, путешествие, брак, купля-продажа, постройка дома — все требовало предварительной консультации. Цари и шагу ступить не могли, не заручившись благоприятным прогнозом, а если и шли наперекор, то ничего путного из этого не выходило. Ананке — безличностный рок, коему повиновались даже боги, действовал неотвратимо. Предсказанное неизменно сбывалось в указанном месте и в назначенный час. Чему должно быть, то и случится. Отменить или отсрочить не властен и сам Аполлон. Единственное, на что он способен, так это внушить недоверие массам. Так, собственно, и приключилось с Кассандрой, дочерью троянского царя Приама. Что бы она ни предрекала, ей не верили. Сколько ни твердила о неизбежной гибели Трои, подымали на смех. И брата Париса, в ком узнала грядущего виновника бедствий, обезвредить, несмотря на все усилия, ей тоже не удалось.

Еще проще было заткнуть рот непрошеному провидцу. Лаокоон видел, что от деревянного коня надо ждать беды, но откуда ни возмись выползли две громадные змеи и задушили его вместе с сыновьями.

Оба эти события наложили глубокий отпечаток на всю последующую историю. Во все времена истинных провидцев побивали камнями, высмеивали, объявляли безумцами. Императоры и

президенты редко прислушивались к разумным советам, что влекло за собой печальные последствия. Зато заведомые шарлатаны всегда были в чести. За редким исключением слава обходила стороной даже самых знаменитых прорицателей. Взять, к примеру, тот же случай с конем. Почему-то все до сих пор уверены, что ловкая проделка — дело рук хитроумного Одиссея. Он и вправду приложил руки, но только как плотник, не более. На самом же деле идея — а что может быть ценнее идеи? — целиком и полностью принадлежала микенскому жрецу Калханту, тоже участнику троянского похода ахейцев. А ведь он был не простой человек, а внук самого Аполлона. Истолковав знамение со змеей, сожравшей птенцов, Калхант предрек, что Троя падет на десятый день. Так и случилось.

С него и начнем знакомство с полубогами-прорицателями, совершенно несправедливо отодвинутыми в тень.

Об Ахилле или там Гекторе знает любой школьник. А что Ахилл? Грубая сила. То ли дело интеллект, но он почему-то вечно в загоне.

С Калханта (Калхаса), пожалуй, откроем список избранников Аполлона. Он один на весь ахейский лагерь предсказатель, один волхв в созвездии царей-ратоборцев.

Но испытаем, Атрид, и спросим жреца, иль пророка,
Или гадателя снов (и сны от Зевса бывают)
Пусть нам поведают: чем раздражен Аполлон небожитель?
...Так произнеся, воссел Ахиллес, и мгновенно от сонма
Калхас восстал Фесторид, верховный птицегадатель.
Мудрый, ведал он все, что минуло, что есть и что будет,
И ахейн суда проводил к Илиону
Даром предвидения, свыше ему вдохновенным от Феба.

Назвав Аполлона римским именем Феб, переводчик «Илиады» допустил явный анахронизм, но суть от этого не меняется. При всех несомненных достоинствах и заслугах Калханта цари, не исключая того же Ахилла, с оглядкой встречают его прорицания, даже Одиссей, которому не откажешь в уме.

Нет, потерпите, о други, помедлим еще, да узнаем,
Верить ли нам пророчеству Калхаса или не верить

Впрочем, разумная осторожность лишний раз подтверждает справедливость прозвища Улисса — хитроумный.

Уж он-то на голову выше прочих царей, а силы и мужества ему тоже не занимать.

Итак, благодаря Гомеру мы знаем, что Калхант сын некоего Фестора и птицегадатель. Этот вид мантики был широко распространен в античном мире. Жрецы, наблюдавшие за поведением птиц, пользовались, особенно в Риме, высоким авторитетом. Остальное приходится собирать по крупицам. Мать его Феония была дочерью египетского царя Протея и тоже обладала провидческими способностями. В эллинских сказаниях Калхант упоминается в связи с

Ифигенией, которую потребовал принести в жертву, чтобы умиротворить мстительную богиню-охотницу Артемиду, сестру Аполлона и, следовательно, свою двоюродную бабу. Калханту было предсказано, что он умрет, если встретит еще более искусного предсказателя.

Таким оказался Мопс. Известен Мопс из Фессалии, сын Аполлона и нимфы Хлориды, т. е. фактически бог. Преимущества рождений тут бесспорны. К тому же Фессалия славилась своими колдунами. Мопс сопровождал в походе аргонавтов и умер от укуса змеи. Следовательно, он едва ли мог оказаться соперником Калханта.

Другой предсказатель с тем же именем тоже сподобился благословения Аполлона, хотя и был простым смертным, сыном критянина Ракия. С ним-то и пришлось состязаться Калханту. Потерпев поражение, жрец-птицегадатель был настолько потрясен, что пал бездыханным. Классический случай так называемого «организованного прогноза». Калхонт знал, что его ожидает смерть.

В сказаниях говорится и об Амфирае, сыне Онклея аргонаина и Гиперинестры. Провидя, что в предстоящем походе «семерых против Фив» его участников ожидает гибель, Амфирай хотел остаться дома, но, поддавшись уговорам коварной жены, все же пошел на верную смерть. Когда дружины семерых вождей были разгромлены под стенами Фив, он вместе с немногими уцелевшими обратился в бегство. Даже Зевс при всем желании не мог спасти его. Но ничто не мешало царю богов прибегнуть к ловкому трюку. Земля под Амфираем разверзлась, и он вместе с колесницей провалился в преисподнюю, после чего был вознесен на небо и обрел бессмертие.

У Аполлодора читаем: «Амфирай же у реки Исмена обратился в бегство, когда Периклимен его настиг и уже хотел поразить в спину, Зевс метнул перун, земля расступилась и Амфирай вместе с колесницей... исчез в расщелине. Зевс сделал его бессмертным».

Царям доступно многое, тем более царю богов. Но, спрашивается, за что такая честь, за какие заслуги? Во-первых, Амфирай не простой предсказатель, ибо специализировался на истолковании зловещих знамений Зевса, что в данном случае немаловажно. Кроме того, согласно одному из мифов, он, как и Мопс Фессалийский, был сыном Аполлона. Короче говоря, Амфирай — бог. В Ороне в его честь был сооружен храм, рядом с которым находился целительный источник. Оракул его прославился тем, что навевал вещие сны. Кованые роком цепи причин и следствий связывают Амфирая с еще одним предсказателем из когорты великих — Тиресием из противостоящего афросским вождям фиванского стана.

«Среди фиванцев находился предсказатель Тиресий, сын Эвера и нимфы Харикло. Он происходил из рода спарта Удея и был

лишен зрения. Причины его слепоты и происхождение его дара прорицания объясняют по-разному. Одни говорят, что он был ослеплен богами за то что открывал людям сокровенные тайны, которые боги хотели скрыть от людей, Ферекид же сообщает, что его ослепила богиня Афина... он увидел ее обнаженной. Тогда богиня коснулась его глаз руками и ослепила его. Когда Харикло стала умолять богиню вернуть сыну зрение, та не смогла этого сделать, но зато она так изощрила его слух, что ему стал понятен язык птиц».

«Мифическая библиотека» Аполлодора

Этой способностью обладал Соломон и герои арабских сказок, ее приписывали себе Сен-Жермен и Калиостро. Наиболее оригинальную, хоть и несколько пикантную версию ослепления Тиресия выдвинул Гесиод. Величайшим поэтам позволено сдобрить унцией-другой игривого юмора даже мифологическую историю.

Она (версия) дошла до нас в пересказе того же Аполлодора, чье имя опять-таки восходит к Аполлону — покровителю оракулов и изящных искусств, включая поэзию.

«...Тиресий некогда увидел у Килленской горы спаривающихся змей: он ударил их и превратился из мужчины в женщину. В другой раз он опять увидел тех же самых змей, когда они спаривались, и к нему вернулся прежний облик. Это и было причиной, что в возникшем между Зевсом и Герой споре о том, женщины или мужчины испытывают большее любовное наслаждение, они избрали судьей Тиресия. Он ответил, что если исчислять общее наслаждение в десять частей, то только одна часть выпадает на долю мужчин, а остальные девять — на долю женщин. За это Гера его ослепила, а Зевс одарил способностью прорицания».

Значит, Зевс? Не Аполлон? Бесцельно выискивать противоречия в мифах. Боги, по определению, всемогущи. Мало того, что Зевс — царь олимпийцев, он еще и отец Аполлона и, следовательно, дед Тиресия. Правда, Гера его бабка, но он задел ее женское достоинство, к тому же она покровительница всех женщин и вспыльчива.

На том и расстанемся со слепцом Тиресием, предсказавшим фиванцам победу, если они принесут жертву Аресу (италийскому Марсу — богу войны). Сын фиванского царя Креонта Менекей — вот она, роковая связка царя и мага! — заколол себя перед городскими воротами, что и решило судьбу баталии.

Известно множество случаев, когда люди, потеряв зрение, обретали дар ясновидения в самых различных формах. Одним открывались бездны прошлого и будущего, другие могли видеть все, что происходит в живом теле, третьи по фотографии или какому-нибудь предмету отыскивали пропавших людей. Самым ярким примером тому знаменитая Ванга, к услугам которой прибегали и Живков, и Брежнев, и, как говорят, Горбачев.

Но безмерно далек запутанный путь в лабиринте от каких-нибудь тагосов фессалийских до генсеков недавнего дня.

Покидая стены семивратных Фив, нельзя все же не вспомнить одну историю, стократ отраженное эхо которой тоже достигло ушей наших современников. Первая скрипка в этой грандиозной симфонии досталась оракулу. Речь пойдет об Эдипе, сыне фиванского царя Лия, и Иокасты. Аполлон напроорочил Лию смерть от руки сына, и новорожденного Эдипа оставили на скале Киферона. Сюжет знакомый, хотя бы по той же Библии. Есть, однако, характерная особенность: по приказу царя младенцу прокололи сухожилия на ногах. От верной смерти его уберегла мать. Скрыв приводящие обстоятельства, она отдала мальчика пастухам. Они, в свою очередь, отнесли его к бездетному царю Полибу. Там-то и прозвучало впервые имя Эдип, что дословно означает «с опухшими ногами». О, вещий Логос, сколь многое ты можешь раскрыть!

Став юношей, Эдип отправился в Дельфы, где находился самый священный в Греции оракул Аполлона Дельфиния. Слезы подступали к глазам, когда подвыпившие пастухи дразнили подкидышем. Пришла пора узнать правду: кто мать, кто отец.

В Греции, Италии и Малой Азии Аполлону принадлежало множество прорицалищ: В Кларосе, Дидимах, Кумах, Колофоне. Однако именно Дельфы считались последней инстанцией. Здесь билось сердце духовной жизни всей греческой эйкумены. Сюда обращались и цари, и жрецы, решавшие судьбы городов и союзов, здесь толковались законы, устанавливались искупительные жертвы за кровопролитие.

Когда-то там находилось прорицалище Фемиды и Геи. Сама мать-земля, владычица жизни и смерти, исторгла кастальские воды и напоила лавровую поросль неизбывной таинственной мощью.

Аполлон — не греческий бог. Незаконный сын Зевса, он явился из заповедных дебрей Азии, откуда исходит вечный свет, где клубится всяческая тьма. Он и лучник-убийца, и снисходительный врачеватель, водитель муз Мусагет и Мойрагет — управитель судеб, солнечное сияние и стонущая мгла кровосмесительных оргий.

Наилучшим временем для паломничества в Дельфы считалось начало весны. Жрицы-прорицательницы в эту блаженную пору обновления природы испытывали особый подъем. После строжайшего трехдневного поста они совершили омовение в Кастальском источнике, пили из него воду и жевали молодые листья священного лавра. Приближение бога давало знать о себе содроганиями земли, которыми проникалась, впадая в экстатическое состояние, и сама пифия. Вулканические пары, вырывавшиеся из близлежащей пещеры, усиливали одурманивающее свойство лавра, доводя до священного безумия. Сотрясаемая конвульсиями, с пеной у рта и выпученными глазами, жрица впадала в неистовство, привлекая змей, выползавших из глубоких расщелин. С ее уст срывались гора-

чечные бессвязные речи, которые молчаливый жрец тут же перелагал в стихи.

Ответа на прямой вопрос о родителях Эдип так и не получил. Тем страшнее прозвучало злое предсказание: «Бог же ответил ему, чтобы он не возвращался на родину, ибо убьет своего отца и женится на своей матери. Услышав это и считая своими родителями тех, кто воспитали его как сына, он оставил Коринф» (Аполлдор).

Проезжая на колеснице через Фокиду, Эдип встретился на узкой дороге с Лаем и в завязавшейся перебранке убил его. Так исполнилась первая часть прорицания.

Не подозревая о том, что стал отцеубийцей, Эдип приближался к Фивам, над которыми нависла нежданная беда. Гера, ревнивая жена Зевса, наслала на город чудовище Сфингу, матерью которой была Ехидна, а отцом — змеем Тифон. У Сфинги (вслед за греками и мы называем сфинксами могучих химер Египта с телом льва и головой фараона) было лицо женщины, крылья птицы, а грудь, лапы и хвост — львиные. Поселившись на Фикейской горе, Сфинга останавливала путников и предлагала загадку: «Какое существо, имея один и тот же голос, становится поочередно четырехногим, двуногим и трехногим?» Редко кто мог дать правильный ответ, а ошибка стоила жизни. «Эдип разгадал загадку, сказав, что... это человек: ибо в детстве он ползает на четырех конечностях, когда... становится взрослым, он ходит на двух ногах, а в старости он берет в качестве третьей опоры палку».

Услышав это, чудовище в отчаянии кинулось в пропасть. С чего бы это, интересно? Мрачная тайна химеры-женщины, которую мы почему-то числим в мужчинах: сфинкс намного сложнее, чем это изложено в «Мифологической библиотеке».

Аполлдор следовал за драматургом Софоклом. Опираясь на отголоски древнейших мифов, Гесиод называет первоначально имя: Фикс, образованное от глагола «давить», «удушать». Свирепое чудовище и не помышляло о самоубийстве. Напротив, Эдипу пришлось одолеть Фикс в жесточайшей схватке.

В Фивы он вступает в ореоле героя-избавителя, которого рады провозгласить новым царем. Овдовевшая супруга Лая раскрывает свои объятия сыну.

Страшно преступное дело в незнание она совершила
С сыном родным, умертвившим отца, сочетавшись браком
Скоро союз святотайный открыли бессмертные людям

Гомер Одиссея

Загадка Сфинги не столь легка, как это может показаться, тем паче что в многочисленных версиях из нее выпадает главное — голос, а он, как верно подмечено, не меняется в течение жизни. И, уже как пророческий, продолжает звучать и в мире теней. Здесь мерещится нечто глубинное, идущее от темных мистерий Кто-

нии — земли, нечто затрагивающее бытийную, онтологическую сущность человека.

Зигмунд Фрейд первым приблизился к ее пониманию, отыскивая ключевые моменты психики в раннем детстве: эдипов комплекс. Еще дальше вглубь пошел Карл Юнг с его коллективным бессознательным и архетипическими образами.

Мифы донесли до нас разрозненные осколки амфоры, в которой хранилось вино эзотерических таинств. Лишь иногда удастся уловить вьевшийся в поры черепков аромат. Но мимолетно веяние, и мысль не успевает постичь.

И все же понемногу светлее становится в подземелье, когда вступаешь в исторический период. Хронологические привязки, достоверные имена — как путеводные огни.

Афинский полководец Фемистокл (около 525—460 до н. э.) обессмертил свое имя многими славными деяниями. Архонт и стратег — высшее должностное лицо и полководец в период греко-персидских войн, он сыграл выдающуюся роль в сплочении эллинских полисов перед лицом общего врага, превратил Афины в морскую державу, добился создания Делосского союза. Перед решающей битвой он обратился к верховному жрецу Эфрандиту за предсказанием. В храме, кроме вождя, мага и прислуживающих ему жрецов, присутствовали и трое прекрасных юношей персов, плененных в предшествующих сражениях. Едва приступили к церемонии, как огонь на алтаре вспыхнул ярче, а стоявший справа от жертвенника жрец неожиданно чихнул. Это было истолковано как знамение, и Эфрандит потребовал принести юношей в жертву.

Так что поговорка «на всякий чих не наздравствуешься» имеет долгую предысторию, точно как же как и «прислушиваться к каждому чиху». Не только в Греции, но и всюду по берегам Средиземного моря «к чиху» прислушивались, и очень внимательно, видя в нем знак богов, а не только вестник простуды. И пожелание здравствовать имело куда более глубокий смысл.

Персам явно не поздоровилось от чужого, заметим, чиха, присудившего победу греческому оружию. Она вдвойне знаменательна, ибо афиняне, возглавлявшие союз городов, отстояли в борьбе с деспотией не только свою независимость, но и демократический строй.

О противоборстве религий вопрос не стоял. Древний мир в этом отношении мог бы преподать достойный урок. И эллины, и персы, и египтяне почитали иноземных богов наравне с собственными. Никому и в голову бы не пришло отстаивать приоритет священного быка над бараном или льва над змеей.

Когда греческие боги, спасаясь от кошмарного Тифона, бежали в Египет, Дионис превратился в козла. Его еще в детстве прозвали козленком. Миф адекватно отражает историческую реальность. Превращение олимпийских богов в животных обусловлено прямым влиянием Египта.

В афинском храме Буколионе, посвященном Дионису-пастуху, буйный заводила оргий представлял и в образе быка. В этом святилище жена архонта-царя вступала с богом-гулякой в ритуальный брак. Здесь ощущается дуновение темной критской архаики. Зевса, нашедшего убежище на Крите в младенческом возрасте — его вспоила своим молоком коза Амальтея, — так и называли Астерием — «звездным». Астерий, похитивший в образе быка красавицу Европу, стал земным отцом царя-жреца Миноса. Его жена Пасифая, влюбившись, в свою очередь, в быка, родила быкоглавого Минотавра, которому приносили в жертву юношей и девушек со всей Эллады. Он обитал в том самом критском лабиринте, куда с помощью клубка шерстяных ниток и пришел Тесей.

Миф наталкивает на мысль, что Миносом называлось древнее божество неведомого народа, который, как и египтяне, почитал его в образе быка. Свою лепту внесли и финикийские верования. В образе Европы угадывается звездная владычица Астарта. В Угарите ее изображали с рогами, а в Сидоне царской короной богини служила бычья голова.

Словом, оказавшись в чужом краю, можно было зайти в любой храм и принести там жертву богам своего народа. Имя и обличье особого значения не имели. Отец истории Геродот видел в Исиде родную ему Афродиту, а в Осирисе — Диониса. Точно так же Афродита-Венера принимала дары, посвященные Исиде или Астарте.

Неудивительно, что греки, даже такие, как Пифагор и Платон, считали честью для себя поучиться у персидских магов, а персы, в свою очередь, совершали паломничества в Кумы и Дельфы.

Ксенофонт в «Киропедии» приводит любопытную беседу между Киром Персидским и царем Лидии Крезом, который считался самым богатым человеком на земле: «богат, как Крез».

Речь в ней идет как раз о Дельфийском оракуле:

«— Ну а теперь, Крез, — попросил Кир, — поведай мне о том, как исполнились прорицания, данные тебе Дельфийским оракулом. Ведь рассказывают, что ты чрезвычайно чтит Аполлона и во всем поступал, следуя его указаниям.

— Увы, Кир, я был бы рад, если бы было так. На самом же деле я с самого начала в обращении своем с оракулом Аполлона делал все наоборот... Разумеется, он угадал, что я делал, хотя это были странные вещи...»

Интригующий ответ, не так ли? Посмотрим, что скрывалось за этим «наоборот» и какие такие «странные вещи».

По свидетельству Геродота, желая проверить правдивость разных оракулов, Крез отправил к ним послов с наказом на сотый день после отъезда из Сард всюду задать один и тот же вопрос: «Что теперь делает царь лидян Крез, сын Алиатта?» Сам же, дождавшись указанного дня, разрубил на куски черепаху и ягненка и сварил их

в медном котле под медной крышкой. Из всех оракулов угадать смог только Дельфийский. Уверовав, Крез принес щедрые жертвы Аполлону Дельфийскому — три тысячи голов отборного скота — и сжег на костре множество роскошных лож, серебряных чаш и пурпурных одеяний. Боги ведь питаются жертвенным дымом. В дар же жрецам царь отправил льва из чистого золота, золотых слитков на десять талантов, драгоценные чаши для смешивания вина, серебро и электрос¹.

Надлежащие выводы сделал и мудрый Кир.

«Он прежде всего старался показать свое усердие в почитании богов, притом именно в то время, пока дела шли хорошо. Тогда впервые были назначены им маги... чтобы всегда с наступлением дня восхвалять богов и ежедневно приносить жертвы тем из них, на которых укажут маги. Это установление и поныне еще сохраняет свою силу при каждом персидском царе».

Справимся с хронологией, благо мы продвинулись уже достаточно далеко вперед от начальных зарубок, обозначивших греческую (год основания Олимпийских игр) и римскую эру (год основания Рима).

Кир II Великий (?—530 до н. э.) первый царь (с 558 до н. э.) из династии Ахеменидов. Завоевав Лидию, Мидию и греческие города в Малой Азии, он покорил Месопотамию, Вавилон и вторгся в среднеазиатские пределы, где и погиб.

Как создатель обширной империи, он был просто-таки обречен на почитание богов подвластных ему народов, но что бы там ни говорили Геродот с Ксенофонтом, на первом месте стояла мазда — религия персов, где наметился явственный переход к монотеизму.

Из песни слова не выкинешь. Как справедливо отметил поэт Авзоний: «Клио прошлых времен дела вещает потомству».

Дела же, о которых вещает нам муза истории, достойны памяти. Царствование Ахеменидов отмечено жесточайшей борьбой с магам — с кастой, с мидийским племенем, но не с магией как таковой. Близкородственные иранцам мидяне, по свидетельству Геродота, делились на шесть кланов, одним из которых и были маги. Скорее всего, это были жреческие роды, поставлявшие священнослужителей как мидянам, так и персам. Тесно связанные между собой, маги упорно сопротивлялись распространению зороастризма, который исповедовали Ахемениды: Кир, его сын Камбис, а затем и Дарий I Великий, и уже названный Крез.

Надпись, повествующая о его деяниях, которая была найдена в Персеполисе, гласит:

«Когда я стал царем... было одно место, где прежде почитались демоны-дайва. Потом, по милости Ахурамазды, я разрушил святилище демонов-дайва и я провозгласил: «Демонам-дайва нельзя поклоняться!»

¹ Электрос — сплав золота и серебра.

Древнеперсидское слово «дайва» соответствует «даэва» священной Авесты, или «дэва» индийских «Вед». Дэвы — общие боги индоариев — становятся демонами, а их жрецы-маги — служителями сатанинских сил. Небожителей греческого Олимпа ожидала та же участь.

По достоинству оценить зигзаги истории можно, лишь возвратившись на два-три века назад.

ПРОРОК СВЕТА

Воистину есть два первичных духа, близнеца, славящиеся своей противоположностью В мысли, слове и действии — они оба, добрый и злой Когда эти два духа схватились впервые, то создали бытие и небытие

Ясна

Для автора, прикоснувшегося однажды к таинствам Ахурамазды, это тоже означает возврат во времени, правда, всего-навсего на четверть века...

Исполинская вышка зловеще чернела в пламенеющих переливах заката. Стая грифов, ожидая поживы, чертила над ней нескончаемые круги. Дакма — «башня молчания», словно маяк, обозначала квартал, где поселились парсы, последователи пророка Заратуштры. Фронтон их храма осенял барельеф крылатого бога Ахурамазды, озаренного астральными знаками Луны и Венеры. В глубине святилища горел вечный огонь.

Огнепоклонники — парсы, как называли зороастрийцев-персов — истово почитают четыре стихии Вселенной: огонь, воду, воздух и землю. Культ стихий нашел прямое отражение в своеобразном обряде захоронения. Умерших размещают на многочисленных ярусах «башни молчания». Они пребывают там до тех пор, пока птицы-trupоеды дочиста не обглодают кости, после чего выбеленные солнцем останки ссыпаются в глубокую штольню, расположенную в самом центре дакмы. Только при таком обряде «нечистый труп» не осквернит ни одну из священных стихий. Тела царей и самого Кира, стоящего как бы над законом, бальзамировали по обычаю фараонов, но все равно высоко подымали на каменном постаменте над благой землей.

Парсы не допускают в храмы иноверцев, дабы не осквернили они своим дыханием священный огонь. В тех редких случаях, когда от нежелательного визитера отделаться бывает не слишком удобно, пламя закрывают особой занавеской.

Мне довелось много и долго путешествовать по древним дорогам Востока, но лишь однажды — это было в индийском городе Бомбее — удалось переступить порог святилища, охраняемого парой крылатых быков с головами царей. Бык-керубим, символ, унаследованный еще от Вавилона. В наше время далеко не все парсы — персы, т. е. выходцы из Ирана. Влиятельные общины парсов обосновались во многих странах: Индии, Ираке, Сирии, Турции. До прихода большевиков храмы огнепоклонников были и в Азербайджане. Священные огни пылали, как правило, в местах выхода природного газа во многих потаенных уголках Востока. Зороастризм, о котором почему-то очень мало известно, и по сей день является действующей религией. Притом религией откровения, т. е. полу-

ценной свыше. Основной догмат ее достаточно прост: от извечной борьбы сил добра и зла, света и тьмы, жизни и смерти, правды и лжи зависит весь космический порядок. Благое начало олицетворяет бог Ахурамазда, сатанинское — Анхра-Майнью, или Ормузд и Ариман, как называли их древние греки. Оба они порождены единым началом — «бесконечным временем», персонифицированным в мироздателе Эрване.

Как видим, привычные нам понятия философского единства и борьбы противоположностей были заложены куда как задолго до Гегеля. Впрочем, мы, как справедливо заметил Маяковский, «диалектику учили не по Гегелю», а жаль...

В борьбе света и тьмы, добра и зла человек вовсе не безвольная игрушка высших непознаваемых сил. Как и другие великие религии, зороастризм наделяет его свободой выбора, возможностью встать на защиту справедливости и добра.

В священных книгах парсов четко выделено характерное, кстати, и для Библии противостояние между образом жизни кочевников и земледельцев. Кочевники подлежат безоговорочному осуждению, считаются заложниками злобного Аримана, земледельцы же могут служить образцом добродетели.

Историки объясняют это не только отражением общемирового процесса перехода к оседлости, но и протестом против бесконечных разорительных войн, которые вели иранские хлебопашцы с окружающими их кочевыми тюркоязычными племенами, получившими общественное имя Туран.

Присущие зороастризму полярности перенесены в этой религии и на само Время. Мировая история разделена на два равных периода, по три тысячелетия каждый: «Золотой век» Ормузда и наступивший вслед за ним «Черный цикл» Аримана. Однако мировое зло не вечно. «Дети Света» обретут посмертное блаженство, а приверженцев тьмы ожидают адские муки...

Легко заметить, что учение Заратуштры (в греческом произношении Зороастра) очень близко к основным понятиям иудаизма и более поздних христианства, мусульманства: шесть тысяч лет мироздания, Страшный суд, рай и ад.

Тем более интересно познакомиться с личностью создателя столь таинственного и малоизвестного вероучения.

В череде великих пророков — учителей человечества — иранскому мудрецу Заратуштре принадлежит особое место. Наукой установлено, что реформатор древнеиранской и основатель одной из древнейших религий — зороастризма — реальное историческое лицо. Наиболее вероятное время его удивительной жизни приходится на 660—583 годы до н. э. Он был современником Будды и Пифагора, ближайшим предшественником Конфуция и Платона. «Гаты» — древнейшая часть священной книги зороастризма «Авесты» — составлены, а возможно, и написаны им лично. Эти семнадцать великих гимнов были благоговейно сохранены его последователями.

«Благая мысль, благое слово, благое деяние». Отголоски авестийской мудрости мы встретим в Библии и Коране, индуистских и буддийских сутрах. Основы религии, возможно, возникли за тысячу лет до прихода пророка-реформатора.

Когда греки впервые столкнулись с персами в Малой Азии, те были уже зороастрийцами. Гериодор и Герипп из Смирны полагали, что «Великий маг» жил за пять тысяч лет до Троянской войны. Ксанф Лидийский считал, что он жил за шесть тысяч лет до вторжения Ксеркса в Грецию, а Аристотель — за шесть тысяч лет до смерти Платона. Отсюда можно заключить, что и сами персы, рассказывая о житиях пророка, связывали их с отдаленными временами.

Едва ли когда-нибудь удастся составить полное и непротиворечивое жизнеописание Заратуштры. Это равносильно попытке склеить фрагменты разбитой статуи, извлеченной из зыбучих песков. Какие-то детали безвозвратно утеряны, другие навечно сокрыли пустыни, простертые от Тигра до Инда, где жил и проповедовал искатель Вечного Света.

В жизни любого великого человека есть невосполнимые для потомков пробелы. Вспомним бесконечные споры о Шекспире. И все же, как ни странно, о Заратуштре мы знаем едва ли не больше, нежели о гениальном драматурге, жившем на две тысячи лет позже, несмотря на то что личность и деяния пророка окутаны плотной завесой легенд и мифов, что лишний раз свидетельствует о его величии.

Мало кто знает, что столь модное ныне и привычное слово «магия» происходит от иранского корня. Маги составляли племенное сообщество, в котором дар волхвования передавался из поколения в поколение. Античные авторы, начиная с Платона и Геродота и кончая Фирдоуси, говорят о Заратуштре как о маге, главе магов, предводителе секты.

Платон стремился побывать на легендарной земле Заратуштры и поучиться у магов, но помешала греко-персидская война — первое непосредственное столкновение прагматичного Запада и мистического Востока. Невзирая на противоборство, греки еще долго клялись именем Заратуштры, в котором видели полубога.

Когда человек оставляет после себя громкую неувядаемую славу, все, связанное с его именем, приобретает особую значимость и интерес. Это распространяется и на его предков, и на потомков, и на родину, породившую великого сына.

Учение Заратуштры дало плодотворные всходы еще и потому, что семя его пало на подготовленную почву. Попробуем представить себе картину мира, смежного с Древней Персией. В непроницаемые глубины времен уходит перечень царских династий Ассирии и Вавилона. Таинственная и близкая по арийским корням Индия простирается за горами юго-востока, а на севере затаился Туран — вековечный враг и соперник, ставший синонимом коварства и варварства. Однако и с исконно иранским арийством не все

обстоит благополучно. Яркое тому свидетельство — язык, где одни и те же слова обретают прямо противоположное значение. Как уже говорилось, «дэва» для индов — бог, а для персов — злой демон. Все та же бескомпромиссная, лишенная оттенков полярность. Не случайно «Авеста» оказала такое влияние на учение гностиков.

В те времена, на которые приходится жизнь Заратуштры, был разрушен первый храм Единого Бога в Иерусалиме, а израильтяне уведены в вавилонский плен, о чем свидетельствуют библейские пророки. Расцвет переживала Бактрия — жемчужина Средней Азии, а ираноязычная Мидия стала настолько могущественной, что оказалась в силах свергнуть ассирийское иго и разрушить Ниневию. Другими словами, мир переживал коренную перестройку. Трудно было бы найти более подходящий момент для появления нового универсального вероучения.

В «Авесте» имя пророка часто представлено полностью: Спитама Заратуштра. Это знак рода, аналогично Будде, которого звали Шакья Муни, что значит «отшельник из племени шакьев». Вероятно, Спитамай прозывался отдаленный предок-герой. Имя это мидийское, что указывает на основоположника всего генеалогического древа. Происходит оно от корня «спит» — «быть белым» и означает «потомок белого». По-русски, а славянские языки тоже принадлежат к индо-иранской ветви, это звучало бы как распространенная фамилия Белов.

Мы не слишком погрешим против истины, предположив, что некий персидский Белов «посадил» свое племя на землю, научив его выращивать злаки и разводить домашний скот? Бык в Иране, как и в Египте, издревле считался священным животным, солнечным богом.

Такие вот дали и тайны времен скрываются за именами героев — учителей человечества.

По преданию, отец Заратуштры Поурушаспа происходил из царского, почти божественного рода. Во время беременности мать будущего пророка видела вещие сны, предрекавшие рождение спасителя заблудшего во мраке человечества. Это удивительно перекликается с легендарной биографией Будды: его матери снится, что в ее бок вошел белый слон. Пришествие великого вероучителя всегда как бы заранее предугадывается. За три века до появления Заратуштры о нем якобы возвестил священный бык, обретший чудесным образом дар речи.

Новорожденный Заратуштра обнаруживает все признаки небесного происхождения. Он не плачет, как это положено обычным младенцам, а звонко смеется, как бы бросая вызов мраку Аримана. Неудивительно, что жрецы древней религии демонов-дайва преследуют его с первых шагов, ибо знают, что обречены на гибель. Зато вся природа радуется появлению божественного младенца: деревья цветут круглый год, реки не пересыхают и не выходят из берегов. Дайвы-демоны Аримана, пораженные ужасом, прячутся в подземные глубины, видя всеобщее ликование.

Плиний добавляет к рассказам о чудесах любопытную подробность. Оказывается, мозг в голове чудо-ребенка пульсировал так сильно, что отталкивал руку, если пытались прикоснуться к его личику. Это ли не знак высшей мудрости! Подобных знаков не счесть. Достаточно упомянуть дивное сияние, окружившее родительский дом. Все попытки демонов и обманщиков (именно так названы в «Авесте» противники новой веры) погубить Заратуштру обречены на провал. Отсыхает рука у жреца, вознамерившегося поразить кинжалом священное дитя. Небесные ангелы спасают его от пламени, вытаскивают из-под копыт взбесившегося табуна диких лошадей, вырывают из волчьей пасти. А волчица, у которой жрецы убили детенышей, принимает Заратуштру в свое логово и даже допускает туда овцу, которая должна воспитать младенца своим молоком. Вспомним легенду о Ромуле и Рэме, которых вскормила волчица. Миф о Зевсе, выросшем на молоке козы Амальтеи.

Об отрочестве Заратуштры, не в пример младенчеству, известно немного. Отец его Поурушаспа поручил заботиться о нем мудрому и ученому человеку по имени Бурзин-курус. Нетрудно узнать в иранском слове «курус» индийское «гуру» — учитель. Годы постижения, насколько можно судить, не были безмятежными. Покушения на жизнь и душу пророка продолжались. Его пытались отравить страшными ядами, погубить зловным волшебством, смутить рассудок коварной ложью.

Когда Заратуштре исполнилось 15 лет, он и его братья, как сказано в «Авесте», «попросили у отца своей части, и ему была выделена его часть». Так что без наследства он не остался. К тому времени юноша уже успел прославиться своим милосердием и благородством. В наступившие голодные годы он спасает стариков и раздает корм чужому скоту... С одобрения родителей Заратуштра женится, но требует, чтобы невеста сначала открыла лицо. Незначительная как будто бы подробность, но она явно указывает на смягчение суровых патриархальных нравов, и по сей день сохраняемых в ряде религиозных общин.

Насколько можно судить, Заратуштра начал проповедовать в тридцать лет — обычный возраст пророка. Однажды, будучи спрошенным о том, что полезно для души, он ответил: «Питать бедного, давать корм скоту, подкладывать дрова в огонь». Верховный жрец в храме огня, судя по позднейшим свидетельствам, именовался магупати — «господин жрецов».

Вот уже почти 27 веков пылают дрова в зороастрийских святилищах, поддерживая животворное пламя.

Платон утверждал, что семь лет Заратуштра хранил полное молчание. Небезынтересный штрих: того же требовал от своих учеников Пифагор! Еще двадцать лет пророк провел в пустыне, питаясь одним сыром, став, наряду с Буддой, первым монахом на земле. Пещеру в горе, где он совершенствовал мудрость, украшали символы земной и небесной тверди, какие можно теперь видеть в буд-

дийских пагодах. Здесь в озарении несказанного света, как повествует «Авеста», «беседовали двое святых, Ормузд и его пророк». Эта сцена напоминает жития Магомета, которому на горе средь пустыни являлся архангел Гавриил.

В тиши уединения душа вступает в связь с природой и Богом. Уединение — необходимое условие для полного сосредоточения и возвышенных размышлений, когда человека охватывает экстатическое чувство непосредственной связи с космической запредельностью.

Именно в этот период и дано было пережить Заратуштре его отречение.

Однажды на рассвете, в день весеннего праздника, он отправился за водой для приготовления священной хаомы — наркотического зелья — сома индийцев, используемого в культе. Войдя в реку поглубже, чтобы зачерпнуть из середины потока, он узрел сияющее существо, которое открылось ему как Воху-Мана, т. е. «благой промысел». Оно привело Заратуштру к самому Ахурамазде и пяти другим носителям света, столь яркого, что он «не увидел собственной тени на земле».

Обретя высшую истину, он покинул убежище, чудесным образом переправился через реку Дайтию, что значит «река Закона», и отправился в далекие страны нести свет человечеству. В пути его повстречали семь — вновь священные для древних число! — амшаспандов, ангельских существ, которые доставили проповедника в заоблачную обитель Ахурамазды. Вкусив там сладость вечной жизни и достигнув высшего познания, Заратуштра вернулся на грешную землю. Сам Бог Света повелел ему обратиться в истинную веру царя персов Висташпу, его жену и наследника, а вместе с ними и всех иранцев. Десять лет бродил он, неся «благое слово» священной «Авесты», неустанно преследуемый злобным Ариманом. И здесь опять сцены противоборства пророка и демона поразительно напоминают искушение Будды Марой и Христа — сатаной.

Сколь благостна живущая в людском сердце уверенность в конечной победе Добра над Злом! Явившись в Балх ко двору царя, Заратуштра, наперекор чудовищным козням жрецов, заключивших его в темницу, исполняет возложенную на него миссию. Излечив любимого коня Висташпы, он обращает царя к свету Ормузда, а там и весь народ, следуя примеру царя, принимает заветы «Авесты», а затем и соседние страны встают на праведный путь.

Как и у Магомета тысячу лет спустя, пропаганда учения не обходится без военных набегов. Слово истины приходится подкреплять мечом. Во время одной из наиболее кровопролитных битв Заратуштра умирает, достигнув 77-летнего возраста, — опять магически семерки! Происходит это в Балхе, в храме огня. По другой версии пророк погибает от руки исконного врага — главы магов.

У Заратуштры было три жены. От первых двух родились трое сыновей и четыре дочери, от последней, Эзови, должны были появиться на свет будущие пророки. Двое сыновей подготовят почву для пришествия третьего — истинного спасителя по имени Саошьянта. Произойдет это по окончании девятитысячелетнего периода борьбы Ормузда с Ариманом, когда окончательно настанет всемирное царство Добра.

Лишь добрую славу стремись обрести,
Чтоб долю свою высоко вознести.
Ормоздова мира достигнешь тогда. .
Зови Вседержителя в горе своем,
Всевластен творец над добром и над злом.

Фирдоуси. Шахнаме

Это завет поэта царям — Ахеменидам, Сасанидам, Аршакидам. Странно, но вопреки всем свидетельствам об их приверженности к заповедям «Авесты» само имя Заратуштра не встречается ни в одной из надписей этого периода. Хранит молчание и жрец Кирдэра. Нет пророка в своем отечестве?

ЗАГОВОР ПРОТИВ МАГОВ

Как говорят, отцом Кира был Камбис¹ царь персов... Матерью же его, как всем известно, была Мандана. Как говорится в сказаниях и поется в песнях варваров, Кир был юношей редкой красоты, отличался он и необыкновенным честолюбием и любознательностью, мог на любой подвиг отважиться и любой опасности подвергнуться ради славы

Ксенофонт Киропедия

Плиний в «Истории мира» и Диоскорид в «Ботанике» почти одними и теми же словами описали чудесное дерево персидское, листья которого обладают волшебными свойствами. Они не только утоляют голод и жажду, но даже могут, стоит только того пожелать, превратиться в быstroногих коней.

Верить грекам приходится с оглядкой.

Писания мужей Эллады являют собой пример удивительного смешения самого фантастического вымысла с неукоснительной достоверностью. Привыкшие к ясности и прямоте, они не поняли души Востока, совершив тем самым ошибку, которой было суждено тысячекратно повторяться и в более поздние времена. Они дословно переписали рассказ персидских историков, не подозревая, что стали жертвами поистине смешного недоразумения. Речь Востока немыслима без иносказаний, она полна аллегориями, разгадать которые не столь сложно, как это может показаться. Но грекам, без которых мы бы вообще ничего не узнали об исчезнувших царствах Азии, видимо, просто не приходило в голову, что даже вполне конкретные исторические свидетельства могут иметь двойкий смысл. Между тем мировоззрение Востока, его душевный настрой, наконец, просто элементарная вежливость к собеседнику требовали от образованных людей иносказаний, равно наивных и поэтических.

Не было в царских садах дерева с волшебными листьями! Там росли священный кипарис, окруженный зарослями гранатов, без которых не обходится ни одно богослужение огнепоклонников-гебров, после хаомы превыше всего почитающих гранатовый плод и ветвь кипариса. Никакому другому дереву персы не поклонялись. И все же волшебные листья разлетались в полном смысле слова по всем сатрапиям, на которые разделил свою обширную державу Великий Кир (царствовал 558—529 до н. э.). Причем произрастали они именно в царском дворце. Но не в саду, а в покоях дивана. Все объясняется довольно просто.

Пребывая по семь месяцев в году в изнеженном Вавилоне, убаюканный сладостным наваждением покоренного города, про-

¹ Камбис I (600—559 до н. э.).

дажного и притягательного, Кир до конца дней своих оставался полновластным правителем мировой империи. Постоянной резиденции он не заводил. Когда яростные ветры начинали обрушиваться на вавилонский оазис тучи пыли, вызывая в людях непонятную раздражительность, доводившую многих до помрачения рассудка, царь царей переезжал со всем двором в Сузы, где и проводил весенние месяцы. На лето он отбывал в Экбатану и оставался там до той поры, пока не начинали опадать розовые цветки граната. Недаром придворные поэты сочиняли стихи в честь солнца, которое наслаждается вечной весной. Но весенние радости, особенно пленительные в сумеречных храмах распутного города, не мешали мудрому властителю железной рукой держать даже самые отдаленные сатрапии.

Для постоянного надзора за действиями сатрапов-наместников Кир учредил особый институт ревизоров, которые в зависимости от обстоятельств именовались то «деточками», то «царскими братьями», то «очами солнца». На должность «деточки» назначались особо приближенные к престолу придворные, как правило, молодые, энергичные и честолюбивые. Каждый из них перед инспекционной поездкой получал от царя скрепленный государственной печатью открытый лист, который повелевал оказывать подателю сего всевозможное содействие, снабжать его продовольствием и лошадьми, а также предоставлять лучшие помещения для ночлега. Именно эти царские грамоты и называли охочие до метафор персидские историки волшебными листьями, которые кормят и поят путешественника и, согласно Плинию, «вообще заменяют ему всяческие дорожные запасы». Стоит ли удивляться теперь, что сказочные листики могли превращаться даже в лошадей? Причем безотказно, на каждом почтовом дворе (новшество, введенное Киром), где постоянно ожидали гонцов подставы. Волшебство оказалось волшебством лишь для немногих избранных. Не мать-природа произвела чудное древо, а государственная казна взрастила пирамидальный иерархический тополь с голым стволом и несколькими листочками на самой вершине.

Так развеиваются вымыслы, так обретают твердую историческую плоть легенды...

...Почувствовав приближение смерти, убежденный сединой воин и царь приказал приготовить жертвы и, по обычаю, отправился с ними на высокую гору.

«Бог отцов моих! — взмолился он, оставшись наедине с небом. — Ты, Солнце, и вы все, боги бессмертные, примите жертвы мои, которыми я заканчиваю свой жизненный путь. Благодарю вас за благие советы, которые вы подавали мне через внутренности жертв, небесные знамения, пророчества, предзнаменования, побуждая меня к чему-то доброму, предостерегая от чего-то дурного. Ни разу в жизни вы не допустили меня до сомнений в вашей помощи и не позволили мне даже в минуты наивысшего могущества позабыть, что и я тоже человек. За это благодарю безгранично. Мне об

одном только остается просить вас теперь: о счастье моих детей, жены, друзей, родины и о ниспослании мне конца, достойного моей жизни».

Последняя милость судьбы — уйти без мук и достойно. Любимец богов получил ее. Но этим и ограничилось покровительство неба. Киру наследовал сын Камбис¹. «О чудовищах, подобных ему, — говорится в одной старинной книге, — не следует распространяться историку или следует писать о них особую историю, чтобы не смешивать зверей с людьми».

Вступление на престол в 529 году до н. э. он ознаменовал отменой указа отца, освободителя народов, касательно постройки храма Богу Единому и сразу же предпринял поход на Египет.

Поводом послужил отказ от уплаты фараоном Псаметихом ежегодной дани. Собрав невиданное по тем временам войско, Камбис начал наступление как на суше, так и на море. После недолгой осады ему удалось овладеть Пелузой, ключевым городом на границе Аравии.

Существует предание (судя по другим поступкам Камбиса, не лишенное оснований), будто при осаде города молодой властелин впереди боевых порядков своей наступающей армии выпустил стаю жалобно мяукающих кошек, что решило исход операции. Следуя за священными для неприятеля животными, даже случайное убийство которых каралось смертью, персы смяли оборону противника и отбросили войска Псаметиха к Мемфису.

Камбис отправил туда галеру с посольством, которому были даны инструкции потребовать безоговорочной покорности и, разумеется, уплаты дани. Но его посланцев изрубили на куски, а их галеру спалили. Тогда персидские войска поднялись вверх по реке и штурмом взяли город. Псаметих вместе со всем двором и семейством был пленен. И тут Камбис начал оправдывать репутацию неистового злодея, которая мало-помалу сложилась о нем на Востоке.

Не довольствуясь военной победой, он решил унижить плененного царя, оскорбить завоеванный, но непокоренный народ. Скудоумный и мстительный, он только и делал, что придумывал все новые и новые издевательства, которые самому ему казались удивительно остроумными и доставляли почти детскую радость.

Сначала он приказал обрядить дочь Псаметиха в лохмотья рабыни и послать ее на реку за водой. Утонченный, изнеженный царь вынужден был смотреть, как его красавица дочь, сгибаясь под тяжестью кувшина, целый день таскает воду. Но фараон только опустил глаза. Лицо его, наследника многих поколений богов и царей, осталось бесстрастным и гордым.

Тогда недостойный последыш великодушнейшего из героев древности пошел на новую низость. Он повелел предать казни царевича и еще две тысячи юношей из самых знатных семейств.

---

¹ Камбис II (529—522 до н. э.).

И каждого из них с веревкой позора на шее провели мимо Псаметиха за недоуздок, прoderнутый через рот. Но и на этот раз фараон не выказал своей скорби. Только вновь опустил глаза и вздохнул. Зато когда совершенно случайно он встретил на улице старого друга, вернейшего из приближенных, Тутмеса, вынужденного просить милостыню, сердце царя не выдержало, и он заплакал.

Камбис необычайно удивился. Он даже снизошел до беседы с плененным врагом.

— Выходит, что этот нищий старик дороже тебе, чем собственные дети? — поинтересовался перс, и в сумеречной глубине его зрачков мелькнул опасный огонек.

— Страдания моих детей столь безмерны, что их не омыть никакими слезами, другу же моему я еще могу посочувствовать, — ответил фараон.

Камбис не нашелся что сказать и, невразумительно что-то пробормотав, поспешил уйти. В его ущербной душе взметнулись на миг противоречивые вихри, но осели вскоре, и вновь ему стало темно и тоскливо. Он попытался отвлечь себя ловитвой в прибрежных зарослях папируса, но, настреляв кучу цапель, лебедей и камышовых котов, быстро к охоте остыл. Конные ристалища и казни тоже обрыдли. Ему что-то хотелось сделать, он только не знал, что именно. Бесплодное желание изнуряло.

Не только жители разграбленного Мемфиса, но и ближайшие из придворных старались по возможности не попадаться царю на глаза. Особенно в такие дни, когда он пребывал в состоянии полнейшего бездействия, подавленный противоположными влечениями, будоражившими его болезненное воображение. Никто не мог предсказать, и меньше всего сам Камбис, что он способен выкинуть в ближайшую минуту. Иногда он совершенно неожиданно вручал жезл сатрапа, иногда посылал на казнь, но чаще всего просто мучил: выдавливал глаза, колол стилетом или отрезал ухо. До убийства доходило редко. Большей частью он с необыкновенной щедростью одаривал потерпевших. Но не радовала подобная милость.

В такой именно период затяжной апатии, наступившей после бурного взлета деятельности, он решил отпустить Псаметиха. Лучшие из приближенных говорили, что его растрогала встреча фараона с бывшим номархом. По крайней мере, им хотелось, чтобы это было именно так. Великодушного Кира трудно было забыть.

Возможно, какая-то доля истины здесь присутствовала. Но вернее всего, Камбис просто перешел из одной фазы в другую, когда угасло радостное возбуждение, рассосалась тоска и ничего не осталось в сердце, кроме оцепенения и пустоты.

— Я покидаю твой дом, — сказал он Псаметиху, — и ухожу к себе в лагерь, чтобы жить в походном шатре, как мой отец. Скоро мы все уйдем из этого города, где так омерзительно воняет речная

тина и даже крокодилы, разинув пасть от расслабляющей лени, по целым дням валяются на песке. Платите нам по-прежнему дань, и мы больше не станем враждовать.

— Не могу благодарить тебя, Камбис, после всего, что ты сделал со мной, но и неблагодарным не желаю остаться. Возьми этот перстень. — Псаметих снял с пальца кольцо из зеленого золота, изображающее двух сплетенных хвостами кобр, целующих солнечный диск, с камешком того непередаваемого красного оттенка, каким светится на исходе дня хорошее вино. — Я носил его по праву верховного жреца. Жизнь моя на исходе. Пусть оно принесет тебе удачу.

— Отдай его обратно, — посоветовал Прексасп, который, с тех пор как тайно умертвил по указанию царя нескольких военачальников, возвысился и стал вторым лицом в государстве. — Этот камень приносит несчастье.

— Почему ты так думаешь?

— В святилищах вавилонской Эсагилы мне рассказывали, что таким вот красным камнем Даниил написал перед Бельшат-саром огненные слова, что он измерен, взвешен и разделен.

— И только-то?

— Вспомни, что случилось потом! — В словах Прексаспа явственно прозвучала угроза. — Бельшат-сар погиб под мечами, а Вавилон пал под ударами непобедимых воинов твоего отца, несравненного Кира, царя стран.

— Глупец! — зловеще усмехнулся Камбис. — Напротив, камень принес нашему роду счастье. Разве взятие Вавилона не самая великая из побед отца? И я сам тоже теперь вавилонский царь. А Бельшат-сара мне ничуть не жаль. Он был нашим врагом.

— Он был врагом Дома Божьего, который разграбил его отец Набонид. Он пил вино из священных сосудов и озарял свои оргии светильниками семи планет. Теперь, когда ты взял назад данное Киром, царем стран, разрешение на отстройку храма, камень для тебя стал неблагоприятным. Откажись от него.

— И не подумаю! — Чем больше уговаривали Камбиса, тем упрямее он стоял на своем. — Мне не страшны ни коровы, ни кошки, ни крылатые быки-керубим с царскими головами. Тем более не побоюсь я невидимого Бога... А как вообще попал перстень к Псаметиху?

— Халдейские маги считают себя старшими братьями здешних. Незадолго до падения Вавилона в подземном храме Тота близ Фив состоялась встреча представителей обеих священных коллегий. Кольцо, я думаю, осталось тут именно тогда. Не трогай магов. Они коварны и мстительны.

— Не нравишься ты мне что-то последнее время! — Камбис подозрительно покосился на побледневшего визиря. — Глаза у тебя какие-то нехорошие, бегают все... Замыслил дурное или просто боишься? Мне трусов не нужно. И не показывайся на глаза, пока я не решу твою судьбу.

— Смилуйся, царь стран! — Прексасп плюхнулся властелину в ноги. — Только о твоём благополучии и пекусь! — ползая по земле, целовал он шитые золотом сапоги Камбиса.

— Я подумаю. — Шахиншах наступил ему на голову. — Услать тебя в согдийскую сатрапию? — размышлял он вслух. — Или сделать евнухом?

Прексасп молча терпел, перхая, сглатывая кровь, сочившуюся из сплющенного носа. Что заставило его столь неосмотрительно противоречить тирану? В этой непонятной стране, под леденящим взглядом звероголовых богов, затаивших недоброе, подстерегающих каждый неверный шаг, персы чувствовали себя неуверенно. Гнетущий ужас, который распространялся вокруг Камбиса, приобрел под вешим небом черты массовой истерии. Она пробуждалась внезапно, без всяких видимых причин, и, ширясь, как волна от брошенного в водоем камня, захватывала всю царскую ставку. Бежала от шатра к шатру, толкая на безумные поступки знатных военачальников и простых копейщиков. Дисциплина в войске падала день ото дня. Дело дошло до того, что стражники из царской сотни стали напиваться, находясь в карауле. Резко возросло число смертей, нелепых, чудовищных, временами необъяснимых. Приниженная страна роптала. Дикие выходки персов рождали ответное сопротивление, иступленное и беспощадное. Всеобщий страх от этого только усиливался.

Сколь ни безумен был Камбис, но и он понял, что его верный визирь находится на грани умопомешательства, и оставил его на время в покое. Он вспомнил о Прексаспе только тогда, когда одно за другим стали вспыхивать в захваченных городах восстания. Первое, что пришло на ум, был террор. Еще более ожесточенный и бессмысленный. Ему самому стало страшно, когда он попытался представить себе, во что это выльется. Кольцо страха сомкнулось. Но долго размышлять Камбис не привык. И он начал действовать, поручив Прексаспу убрать Псаметиха и окончательно искоренить династию.

Визирь передал фараону приказ умереть и вручил ему чашу с бычьей кровью. Тот мужественно осушил ее до дна и бездыханным упал на пирушественное ложе, ставшее смертным.

Так описал конец Псаметиха вездесущий Геродот. Но рассказ его внушает недоверие. Недаром отравление Псаметиха стало предметом ожесточенных дискуссий, которые продолжаются и поныне. В том, что бычья кровь несколько не опасна для организма, сомневаться, конечно, не приходится, хотя Плиний, а за ним и натуралисты средневековья утверждали противное, ссылаясь на того же непогрешимого Геродота. Многие комментаторы считали, что под словами «бычья кровь» следует подразумевать название какой-нибудь ядовитой алхимической соли или безусловно смертельной металлической окиси. Возможно, в этом есть какое-то рациональное зерно. Не менее убедительны, однако, и другие доводы, согласно которым под бычьей кровью надо понимать

именно кровь быка, но содержащую отраву мгновенного действия. Это вполне вероятно. Удивительно все же, что Геродот ни словом не обмолвился ни о каком яде. А уж он-то должен был дознаться.

Уместно поэтому привести еще одно соображение, которое находится в полном согласии со свидетельствами древности. Но сначала необходимо сказать несколько слов о том, что вообще значила бычья кровь для Псаметиха — царя, первосвященника, живого бога. Прежде всего он должен был увидеть в смертной чаше еще одно, на сей раз неслыханное, надругательство над его верой. Ранее он и помыслить не мог, что кто-то способен выпить кровь быка, кровь священного бога Аписа! Теперь ему самому предлагали совершить непростительное святотатство.

Геродот конечно же был прав! Бычья кровь уже сама по себе, без какого-либо специального яда, могла мгновенно убить фараона. Так оно и случилось. Точнее, его убила мысль, что он уничтожает свою душу, свою посмертную Ка.

Зная изощренное и вместе с тем тупое в своей беспросветной злобе коварство Камбиса, едва ли стоит удивляться чудовишной выдумке. Он действовал очень точно, руководствуясь холодным расчетом. Местные боги смущали его людей, в конечном счете объявили лично ему войну. И он решил им ответить тем же. Невольным вестником этой беспрецедентной вражды явился визирь Прекрасп, столь неосмотрительно попытавшийся предостеречь царя. Вполне естественно, разумеется с точки зрения Камбиса, именно его было сделать посланцем своей воли, орудием мести. Здесь нетрудно усмотреть известную, хотя и очень извращенную логику.

Убрав с пути Псаметиха и ликвидировав тем самым целую династию, Камбис продолжил военные действия. На сей раз они распространялись уже на мертвых. На это тоже нашелся свой резон. Если спящие в царских некрополях мумии насылают страх, то не лучше ли им как следует всыпать? Пусть отведают персидских плетей, коль скоро здешние жители уверены, что их усопшие боги все равно как живые! Посмотрим, так ли то... На колеснице, во главе блестящей свиты царь въехал в город Саис. В остроконечной тиаре, с обнаженными по локоть мускулистыми руками, сжимавшими знаки верховной власти, он казался мифическим героем, бросившим вызов богам. Собственно, так оно и было. Неподвижный, как статуя, возвышаясь на две головы над возникшим, проехал он к царскому некрополю, где нашла вечное упокоение набальзамированная оболочка Амасиса, предшествовавшего Псаметиху на троне.

Соскочив на ходу с колесницы, Камбис ринулся в атаку. В белой развевающейся тунике с пурпурной каймой, он, подобно самому, пронесся по тихим пальмовым аллеям к небольшой пирамиде, в которой находился каменный саркофаг отошедшего на запад фараона.

По приказу царя забинтованную, начиненную благовонными смолами мумию извлекли из трех вставленных один в другой гробов: базальтового, алебастрового и деревянного расписного. Главный палач и двое его подручных попытались было поставить Амасиса на колени, но, поскольку туго перебинтованная мумия не сгибалась, ее просто-напросто швырнули на землю. Так оно было даже лучше: пусть знает свое место...

Невзирая на очевидное безумие предпринятой акции, в ней можно усмотреть и некий политический смысл. Разве не Амасис первым отказался от уплаты дани? Разве не ему принадлежала идея вбить клин между персами и финикиянами, столь успешно осуществленная затем Псаметихом? Так пусть теперь держит ответ. Если можно высечь море, разметавшее корабли, или наказать реку, помешавшую штурму, то отчего бы не призвать на суд мертвеца? Это было вполне в духе времени. И если через пятнадцать веков подобную процедуру повторил глава христианства римский папа, то надо ли так уж строго осуждать персов, которые, как-никак, одухотворяли слепые силы природы? Ксеркс приказал высечь кнутом реку, не позволившую ему переправиться на другой берег.

Суд был скор и беспощаден. Мумию сначала допросили с пристрастием: жгли каленым железом, кололи иглами, вырывали по волосам бороду. Но поскольку ответов на предъявленные обвинения Амасис не дал, его нещадно высекли розгами и приговорили к сожжению. Костер развели из досок расписного гроба, на котором изображалось посмертное путешествие души и встреча с Осирисом. Несмотря на всю мудрость жрецов, они не сумели предвидеть, каким испытаниям вскоре подвергнется их отошедший в вечность бог. Щедро украсив его саркофаг магическими формулами из «Книги мертвых», с помощью которых можно ответить на все вопросы владыки подземного царства, они ни единым иероглифом не обмолвились о том, как должно вести себя перед владыкой Ирана. Не потому ли молчала мумия на допросе с пристрастием?

А персы смеялись. Им давно уже не было так весело в этой жуткой стране, где днем и ночью следят за тобой вещие очи.

Но когда в огне затрещали пропитанные смолами бинты, хохот как-то сам собой смолк. Стало вдруг не до смеха. Но не жестокость, не кажущаяся бессмысленность этой казни смутила их. Камбис мог делать с мумией все что угодно — повесить вниз головой или посадить на кол, — не следовало только швырять ее в огонь. Этим он пограл не только священные законы завоеванного края, но и законы самих персов. Огонь — высшее божество, а богу не должно питаться человеческим мясом. Пуще всех несчастий предостерегал пророк Ахурамазды от осквернения огня. Персы даже не зарывали трупы в землю, отдавая их на съедение грифам и бродячим собакам, дабы вечно продолжалось коловращение плоти. О том же, что мертвеца можно сжечь, и думать было жутко. Сгорел царь, поведавший Солону об Атлантиде.

Зловещая тишина стояла вокруг, пока дотлевали на угольях почерневшие останки. Неистовым красным сиянием отсвечивала в треугольной тени пирамиды надетая на тиару царская диадема.

...Приближенные все более склонялись к мысли, что вождь их не совсем здоров. Последние сомнения в этом отпали, когда он надумал начать войну сразу против трех народов: карфагенян, аммонеев и ливийцев, которых греческие наемники называли макробами. От похода на Карфаген пришлось отказаться с самого начала, поскольку финикияне воспротивились истреблению союзников и единоверцев, а без их кораблей нечего было и думать об осаде портов с моря.

Пятидесятитысячная армия, которую царь послал против аммонеев, завязла в песках. Оторвавшись от пунктов снабжения и потеряв обозы, персы вынуждены были съесть лошадей. Ни о чем другом, как о возвращении в Фивы, они не мечтали. О продолжении похода не могло быть и речи. Затерянные в песках, без колодцев и дорог, они сначала пробавлялись скудной растительностью оазисов, а затем начали по жребию поедать своих же товарищей. Лишь немногим удалось вырваться из пустыни. Они вернулись в лагерь оскверненными и усталыми, без веры в душе.

Столь же позорно провалилось и третье предприятие Камбиса, изнывавшего от желания сравниться славой с незабвенным Киром. Говорят, что история не терпит подражателей, чуть ли не заранее обрекая на фарс все их потуги на величие. Это едва ли верно, потому что за неудачи озлобленного тирана расплачиваются невинные люди, сотни тысяч невинных людей, своих и чужих.

Похоронив в песках отборную армию, Камбис отпустил греческих наемников на родину и начал готовиться к завоеванию Эфиопии. На сей раз он решил, что не худо хотя бы разведать поле будущего сражения. К эфиопскому царю было отправлено посольство с богатыми дарами, которому надлежало любыми способами склонить эфиопов к союзу с Персией. Попутно посланцам следовало дознаться о числе и расположении войск вероятного противника, о дорогах, колодцах и деревнях, в которых можно было бы пополнить запасы провизии.

Но мудрый эфиоп не дал усыпить себя сладкими заверениями дружбы. Отвергнув дары и услуги толмача-ихтиофага из Элефантины, он на хорошем иранском языке дал такую отповедь послам Камбиса:

— Государь ваш лукавец и лгун, а вы не кто иные, как соглядатаи и лазутчики. Вас следовало бы хорошенько проучить, но мы соблюдаем принятые у цивилизованных народов обычаи и не станем чинить вам зло. Возвращайтесь с миром. А Камбису передайте вот это. — Царь снял со стены огромный лук с неимоверно тугой тетивой. — Если между персами отыщется силач, способный его натянуть, то приходите помериться с нами силой, коли нет — сидите лучше дома и благодарите богов, что мы не ищем завоеваний.

От постоянных неудач Камбис впал в неистовство. Ему стало казаться, что люди открыто шушукаются у него за спиной, передавая из уст в уста весть о его позоре. Особенно подозрительными казались ему улыбки покоренных. Наверняка египтяне смеются в душе над ним, жалким последышем Кира, царя стран. Что ж, тем хуже для них. Во главе большого карательного отряда нагрянул он в Мемфис, где шумно проходили торжества в честь Аписа, бога-быка. И началась дикая охота, сумасбродная травля людей. Жителей, принимавших участие в празднике, рубили мечами, накалывали на пики, бросали в канал.

Жрецов высекли розгами прямо на алтаре, а наиболее видных сановников позорно казнили, посадив на кол у городской стены.

Не избежал кары и сам Апис. Вдоволь поиздевавшись над божеством, которое «мычит и оставляет лепешки навоза», Камбис рассек быдро.

Когда он возвратился в Фивы, то уже вся армия знала, что царь рехнулся. Открыто поговаривали о том, что его следует сместить и посадить на трон младшего сына великого Кира — Смердиса. Тем более что Смердис, пока его брат сражался в Мемфисе с быком, проявил себя с самой лучшей стороны, сумев натянуть эфиопский лук.

Участь Смердиса была, таким образом, решена.

Прежде всего Камбис и сам натянул тетиву, наглядно продемонстрировав, что надежды эфиопов на слабосилие иранских богатырей, мягко говоря, наивны. Далее, чтобы доказать войску всю беспочвенность слухов о безумии царя, он пустил из этого лука стрелу в первого попавшегося мальчишку, который залез на пальму полакомиться финиками. Никто не виноват, что паренек, которого стрела пронзила насквозь, оказался единственным сыном Прексаспа. Тем больше было оснований именно Прексаспу доверить исполнение исключительно деликатного дела, которое задумал Камбис.

— Ты не очень сердит на меня? — спросил он визиря, когда они остались в палатке, скупно освещаемой масляной лампой, с глазу на глаз.

— Смею ли я? — Лицо Прексаспа казалось совершенно непроницаемым. — Жизнь твоих подданных принадлежит тебе, о царь стран.

— Это ты верно сказал. За это я тебя одарю. — Камбис, все поступки которого совершались под влиянием минутного настроения, бросил преданному холопу змеиный перстень Псаметиха с красным камнем в центре солярного диска. — Он твой!

— Как ты щедр, государь! — Прексасп поцеловал колено царя и с некоторой опаской надел перстень на палец.

— А теперь о делах. — Решив, что недоразумение улажено, Камбис довольно огладил завитую в мелкие кольца, надушенную бороду и наклонился к визирю, с готовностью подставившему ухо.

Их исполинские тени на белом войлоке слились в причудливую фигуру, напоминавшую чем-то хищную птицу.

— Мне приснился удивительный сон, — как всегда издали, начал царь. — Будто бы мой горячо любимый брат Смердис... — Он замолчал.

— Да-да! — живо заинтересовался Прекасп.

— Смердис, понимаешь ли, приснился, — вздохнул Камбис. — Дорогой брат.

— Ну-ну! — понукал визирь.

— Но вид его мне показался странен. — Царь покосился на тень: теперь птица походила на нетопыря.

— И в чем странность?

— Видишь ли, Прекасп, брат мой выглядел огромным. Головой он доставал до небес, до облаков.

— А еще что приснилось тебе, государь? — насторожился визирь.

— Вот, пожалуй, и все... Да, одна незначительная подробность: Смердис сидел на троне.

— На троне?

— В том-то и дело. Он и сидя казался громадным, а если бы встал, то, наверное, пронзил бы облака. Не правда ли, страшный сон?

— Не вещий ли? — поддакнул визирь.

— Как думаешь, что это значит?

— Прости, государь, — уклонился осторожный Прекасп, — я не умею разгадывать сны... Велишь позвать мага? — Он сделал вид, что спешит исполнить высочайшее поручение.

— Погоди! — остановил его Камбис. — Я не желаю, чтобы о моем сне узнали маги. Возможно, боги предупреждают нас об опасностях. — Он пристально посмотрел на визиря и решил высказаться яснее: — На всякий случай я решил держать Смердиса подальше.

— Мудрость твоя велика, государь! — восхитился Прекасп. — А я сразу и не догадался! Конечно же, ты прав, говоря, что это боги посылают предупреждение. С чего бы это принцу Смердису, да живет он вечно, сидеть на твоем троне?.. Ведь трон, который приснился, наверняка твой. Другого в стране нет...

— Ради спокойствия державы я отослал дорогого брата в Экбатану. Он уже три часа как в пути.

— Да сохранят его боги.

— Огорченный расставанием, я забыл снабдить его открытым листом. Боюсь, что без подставных лошадей он будет ехать слишком долго.

— Прикажешь нагнать принца?

— Нагнать? — Камбис сделал вид, что подобная мысль не приходила ему в голову. — Действительно, его же еще можно... Немедленно садись на коня и мчись вдогонку!

— Повелишь выписать принцу открытый лист?

— Вот именно, открытый лист... — Камбис медленно отстегнул от широкого, украшенного золотыми чеканными бляшками пояса меч. — Он поможет тебе быстро доставить моего возлюбленного брата до места. Ты понял меня?

— Слушаю и повинуюсь! — Принимая царский меч, Прексасп едва заметно побледнел.

— Как себя чувствует царица? — круто меняя тему, спросил Камбис.

— С утра была вполне благополучна. — Визирь вновь насторожился: шахиншах, который, подобно фараонам — владыкам Кемта, женился на единоутробной сестре, следуя примеру великих мужей, ничего не спрашивал просто так и никогда не интересовался здоровьем жен.

— Мне показалось, что отъезд дорогого брата огорчил ее. Она так плакала, так умоляла меня оставить его... Как ты думаешь, Прексасп, быть может, не следует их разлучать друг с другом?

— Как ты заботлив, государь! — Притворился непонимающим визирь, но бледность лица его стала заметнее.

— Я бы не хотел разлучать их надолго. — Камбис отвернулся и, передавая через плечо черную удавку, обронил: — Прежде чем пойдешь седлать коня, найди главного евнуха... Так ты вправду не обижаешься?

Когда запыленный гонец в ранге «ока царева» спрыгнул с коня и, опустившись на одно колено, вручил шахиншаху послание сузского сатрапа, Камбис лакомился жареными мозгами павлина. Прополоскав рот анисовым настоем, он вытер жирные пальцы о волосы нубийского раба и раскрыл футляр с глиняной табличкой. Но едва он взглянул на ровные ряды клиньев, как у него потемнело в глазах. Опрокинув кушанья и топча сапогами испуганных прислужников, он выскочил из шатра и, сея повсюду ужас, понесся в диван.

Впрочем, его сумасбродные выходки уже давно не вызывали удивления. Все уже успели привыкнуть к тому, что государь помешан.

Раздавая пинки и полосуюя кого попало нагайкой, он разогнал диван и, схватив за бороду визиря, стал медленно пригибать его к земле.

— За что, государь? — прошипел Прексасп, перекосившись от боли.

— Ты еще спрашиваешь? — Камбис еще крепче зажал в пальцах завитые, крашенные хной волоски. — Так-то ты выполнил мое приказание, ослиная падаль? Смердис, оказывается, в Сузах!

— Не может быть! — Визирь вырвался, оставив клочок волос в руке шахиншаха, и распростерся на ковре. — Нет! Нет, великий царь! Я своими руками убил его, а мертвые не возвращаются.

— Не возвращаются? — Камбис метко попал обожженной табличкой визирю в висок. — А это что? — Несколько успокоенный

видом темной, медленно стекающей струйки, он пересказал заключительные слова послания: «Отныне все должны подчиняться не Камбису, сыну Кира, а Смердису, сыну Кира». Как я должен это понимать?

— Смилуйся! — взмолился Прексасп. — Твой брат мертв. Это наверняка самозванец...

— Самозванец? — Царь задумался. — А какая, в сущности, разница? — быстро смекнул он. — О том, что Смердиса нет, знаем только мы с тобой. Следовательно, в глазах всех персов этот самозванец — мой брат, сын Кира. Не следует и виду подавать, что это не так. Что будем делать?

— Немедленно идти на Сузы и подавить мятеж, шахиншах!

— Вели трубить поход! — Царь схватился за пояс. — Где мой меч? — Он вспомнил, что меч, который он отдал визирю, лежит в колодце среди пустыни. — Я сейчас! — Камбис кинулся в свой шатер и, схватив первое попавшееся оружие, прицепил его к поясу.

Вокруг хрипло ревели рога. Копейщики строились в походную колонну. Звенело оружие, скрипели разошедшиеся на солнце колеса арб. Ржали впрягаемые лошади. Среди всей этой суеты и неразберихи никто даже не подумал поинтересоваться, куда и зачем объявлен поход. Ослепительно сверкал на солнце металл, в глазах рябило от разноцветного мелькания лиц и одежд.

Камбису подвели коня, и он ловко вскочил в седло. Подняв над головой меч, он показал на восток и поскакал, вздымая облака удушливой пыли, во главе гвардейской сотни и последней оставшейся у него роты эллинов. Опуская на скаку меч в ножны, он нечаянно поранил бедро. Рана была неглубокой и не внушала особых опасений. Но именно она оказалась для Камбиса роковой. Он умер через несколько дней в Экбатане Сирийской, очевидно, от заражения крови. Геродот, правда, уверял, что смерть последовала по причине потрясения, которое царь пережил, когда узнал, что задел себя тем самым оружием, какое употребил против быка. Но в те времена только и делали, что искали знаменательные соответствия.

Геродот так описывает это событие в третьей книге «Истории»:

«Он (Камбис) вскочил на коня, решивши немедленно идти войною на Сузы против мага. Но в то время, как он садился на коня, отвалился наконечник от его ножен, и обнаженный меч ранил Камбиса в бедро, в то самое место, в какое прежде он нанес удар Апису.

Когда вскоре после этого появилось в кости воспаление, а бедро было поражено гангреною, жизнь покинула Камбиса; царствовал он всего семь лет и пять месяцев, не оставив детей ни мужского, ни женского пола».

Так умер Камбис, сын Великого Кира и Кассандры, дочери Фарнаспа.

На смертном одре он плакал. Одни утверждали, что ему жаль было расставаться с жизнью; согласно уверениям других, он вспомнил в последний миг о невинно убиенном брате и раскаялся.

Но как бы там ни было, смена власти прошла очень легко и для страны в целом незаметно. Люди даже облегченно вздохнули, когда все так естественно разрешилось и на престол самым законным порядком вступил Смердис, сын Кира.

В первый же день своего царствования новый властелин подтвердил постановление прежнего правительства, запрещающее постройку храма в Иерусалиме, сильно разочаровав тем самым либеральные круги. Сразу же стало ясно, что возврата к просвещенной терпимости Кира ожидать не приходится. Однако другое мероприятие Смердиса привлекло к нему симпатии широких народных масс. Освободив подданных на три года от военной службы и налогов, он недвусмысленно дал понять, что превыше всего ставит мир и процветание державы. На первых порах новый курс снижал необыкновенную популярность. Смердиса прославляли по всем сатрапиям обширной империи: на базарах, в харчевнях, храмах и на постоянных дворах люди благословляли его имя.

И все же какое-то неблагополучие ощущалось в персидской стране. За внешним поклонением, которое само по себе ничего не значило, поскольку было обязательным, искренних чувств не скрывалось. Новый царь не сумел завоевать любовь и не внушал страха, не ужаснул народ злодеяниями и не ослепил его блеском своих достоинств. Подобно злокачественной заразе, в обществе стало распространяться безотчетное смутное недовольство. Вскоре вся страна была охвачена враждебным недоумением. Прежде всего оказалась уязвленной национальная гордость. Царь проявил себя настолько безликим, что его как бы не существовало. Камбис, пусть чудовище и неудачник, все-таки был властителем. О нем говорили, считались с ним, его можно было хотя бы стыдиться. Этот же никакими индивидуальными чертами не отличался. Он являл собой принцип абстрактной власти, столь же неосязаемой, как и небесная, но лишённой божественного авторитета. В азиатской деспотии, где монарх и государство считались нераздельными, долго так продолжаться не могло. Молодые воинственные аристократы, привыкшие гордиться собой и империей, прежде других ощутили невыносимую тошноту безвременья.

Начали доискиваться, что да почему. И тогда выяснились поразительные вещи. Оказалось, что царя никто и в лицо-то не видел! Из дворца он никогда не выходит, в маневрах не участвует и даже диван не собирает. Нет у него ни друзей, ни фаворитов. Иностранных послов не принимает и постоянно отказывает в аудиенции самым знатным сановникам. И что за правитель такой?

Стали припоминать, каким был Смердис в юности. Но это ничего не дало. Так уж вышло, что Камбис полностью затмил заурядного брата, отвлек от него общественное внимание. Нашлись, конечно, очевидцы успехов младшего сына Кира на конных ристалищах и в стрельбе. Кое-кто припомнил даже, что именно Смердис первым в персидском войске сумел натянуть эфиопский лук. Но все

эти отрывочные сведения не позволяли создать целостный образ тогдашнего принца и тем более не могли дать ключ к загадочному поведению нынешнего властителя.

Начал распространяться неведомо кем пущенный слух, будто шахиншах вовсе не Смердис, сын Кира, а его тезка, Смердис-маг, похожий на принца лицом. Это дошло до Отана, знатного вельможи, чья дочь Федима была в гареме Камбиса, который, согласно закону, унаследовал теперь Смердис — кто бы он там ни был. Вскоре евнух за солидный бакшиш отнес на женскую половину записку:

«Федима, дочь! Правда ли, что человек, который теперь твой муж, сын Кира?»

На другой день Отану передали ответ:

«Не знаю. Мы здесь не видим чужих мужчин, и раньше Кирова сына я никогда не видела».

Заплатив евнуху еще щедрее, чем в первый раз, Отан умолил его взять еще одно письмо:

«Если сама не знаешь сына Кира, то спроси Атоссу, сестру его. Она-то должна знать своего господина-супруга и брата».

Но ответ и на эту записку не приподнял завесы над тайной Смердиса.

«Отец! — писала Федима. — Ни с Атоссой, ни с другими женами я не могу теперь перемолвиться даже словом единым. Как только наш господин, кто бы он ни был, сделался царем, нас отделили одну от другой».

Отан, сын Фарнаспа, хотя истины и не дознался, понял, что дело нечисто. Подозрения его, что шахиншах подменный, укрепились, и он решил действовать.

Пригласив к себе друзей детства: Аспафина и Гобрию, равных ему по рождению и богатству, которым мог, не опасаясь зависти и вероломства, довериться, он сказал с присущей ему прямоотой:

— Или сейчас, или никогда! Нам должно очистить трон и страну от самозванца¹.

— Ты получил доказательства, что он самозванец? — спросил Аспафин.

— Пока нет, — ответил Отан. — Но те факты, которые уже известны, трудно объяснить иначе. Оказывается, он не позволяет своим женам видаться друг с другом.

— Странно, — согласился Аспафин. — Как видно, он поступил так неспроста. На солончаке пресной воды не бывает². Но, прежде чем предпринять какие-то шаги, нам следует все же добыть неопровержимые доказательства.

— Я тоже не сидел эти дни без дела, — сказал Гобрия. — Вчера у пещеры Митры у меня была встреча с Прексаспом.

¹ Древние историки называют самозванца по-разному: Геродот — Смердисом, Ктезий — Сфендадатом, Эсхил — Маргом, Иустин — Окопастом. В Библии он носит имя Артаксеркса

² Персидская пословица Русский эквивалент — «Нет дыма без огня».

— С визирем Камбиса? — удивился Отан. — Разве он не в Греции?

— Нет. — Гобрия извлек из кошелька перстень с красным камешком. — Как видите, он возвратился. Но пока это тайна, и пусть, кроме нас с вами, никто о ней не знает.

— Кольцо фараона? — спросил Аспафин, любуясь искусной чеканкой. — Ты купил его?

— Прексасп нуждается в деньгах, — объяснил Гобрия, пряча перстень.

— На твоём месте я бы держался подальше от такого ничтожества, как Прексасп, — поморщился Отан. — Он вероломен и лжив.

— Знаю. — Гобрия и не думал возражать. — Скажу даже больше: он начисто лишен чувства собственного достоинства.

— В чём же тогда дело? — удивился прямодушный Отан.

— Очевидно, Гобрия знает, что делает, — заметил Аспафин. — А Прексасп не боится? Смердис понемногу избавляется от старых друзей.

— Я ж говорю, что он приехал тайно. — Гобрия понизил голос. — И рассказывает удивительные вещи. — Он ненадолго умолк. — Прексасп клянётся, что держал в руках голову Смердиса!

— Не может быть! — прошептал Отан.

— И всё же это так. — Довольный произведенным эффектом, Гобрия улыбнулся. — Прексасп рассказал мне, что Смердиса убил Камбис. Когда он узнал, что тот осмелился первым притронуться к эфиопскому луку, то страшно разгневался и, вы же знаете, каков он, рубанул брата мечом. Это случилось после мемфисской истории.

— Почему ты думаешь, что это правда? Прексасп представил какие-нибудь доказательства? — спросил Аспафин.

— Он готов указать место, где зарыт Смердис.

— Это далеко, в пустыне, — поморщился Аспафин.

— Я знал, что ты именно так и ответишь, изнеженный баловень судьбы! — Гобрия притворно пригорюнился. — Зачем ты позвал его, Отан?

— Затем, что, кроме тебя и его, мне некому верить, — не поддержал шутки Отан. — А в одиночку не справиться. Но Гобрия прав. — Он повернулся к возлежавшему рядом Аспафину. — Ради того, чтобы убедиться в подмене, стоит отправиться даже в пустыню.

— А Прексасп не догадался забальзамировать голову Смердиса? — спросил Аспафин, рассеянно роняя в чашу с вином розовые лепестки.

— Нет, — не сразу отозвался Гобрия. — Он сказал мне, что голову зарыл сам Камбис. Вырыть её Прексасп не решился.

— А ты бы решился? — зевнул Аспафин. — Но Прексаспу не надо было и колебаться. Он же надеялся служить тирану вечно.

— Не забудь, что Камбис убил его первенца, — напомнил Отан.

— Какое это имеет значение? — Аспафин лениво выцедил вино. — Лидийское? — постучал он по кувшину.

— Ханаанское, — небрежно бросил Отан. — Прошлогоднего урожая. Кому-нибудь визирь уже доверил свою тайну? — спросил он Гобрию, поудобнее устраиваясь на ложе.

— Клянется, что нет.

— Почему он открылся именно тебе? — спросил Аспафин.

— Видимо, уверен, что я не предаю. Он же хорошо знает, с кем я дружу, в чьи руки попадет в конце концов страшное доказательство.

— Воистину страшное, — поежился Отан. — Ты ходишь по острию меча, Гобрия. Если узурпатор дознается...

— А ты? — мгновенно откликнулся Гобрия. — Думаешь, зятек пощадит тебя, когда проведает о твоей переписке с Федимой? Как бы не так...

— Одним словом, доносчиком из нас троих могу выступить я один. — Аспафин пожевал пахучую веточку базилика. — Так, друзья?

— Куда ты клонишь? — не выдержал Отан.

— Ты не хочешь примкнуть к нам? — Гобрия начал угрожающе подниматься.

— Я этого не говорил. — Аспафин как ни в чем не бывало со вкусом продолжал есть и пить. — Моя тайна столь же опасна для головы, как и твоя переписка с дочерью, Отан, и твои переговоры с бывшим визирем, Гобрия. Раскрыв ее, я сравняюсь, таким образом, с вами, и нам не нужно будет опасаться друг друга.

— Мы и не сомневались в тебе, — покачал головой Отан.

— Знаю, — отмахнулся Аспафин. — Но этого мало. За то, что я избавлю вас от опасностей трудного путешествия, чреватого, кроме всего, и расходами, вам надо молиться на меня.

— Завтра же пожертвую в храм Митры белого коня! — пообещал Гобрия.

— Давай, Аспафин, говори, — засмеялся Отан, — не терзай. Мы тебя знаем и готовы на все.

— В таком случае по рукам! — Аспафин отшвырнул подушку, на которую опирался, и сел. — Я знаю почти достоверно, что трон узурпировал лидийский маг. Его тоже зовут Смердис, как и покойного царевича. Он брат знаменитого Патезефиса, который и вертит им как хочет. Сам же Смердис никакими достоинствами не обладает и во всем слушается старшего брата, мага дэзов.

— Это, конечно, хорошо, — сказал Гобрия, — но где доказательства? Без них твой секрет не больно-то дорог. Для успеха заговора одних слухов мало.

— А где доказательства убийства принца? Ты так рвешься в пустыню? Или всецело доверился бывшему визирю?

— Нет, отчего же, — смутился Гобрия. — Но Прексасп знает, как их добыть.

— И я знаю, — Аспафин поманил друзей приблизиться. — У мага Смердиса есть один признак, по которому его легко можно опознать. Еще при жизни великого Кира Смердису за недостачу в храмовой казне отрезали уши. Напиши дочери, Отан, пусть она это проверит... Ну как, друзья, стоит моя тайна Прексасповой? Персы, несомненно, обрадуются, что ими правит безухий властелин!

— Утром я пришлю тебе золото, — сказал Гобрия. — Ты согласен, Отан?

— Согласен-то согласен, — затуманился Отан, — но бедная Федима!.. Я сегодня же отправлю ей письмо.

«Когда он уснет, дочь, ощупай его уши. Если он окажется с ушами, то знай, что супругом имеешь действительно сына Кира, а ежели он безух, то живешь ты, несчастная, с магом».

Федима долго не решалась исполнить просьбу отца. Что, если у нового мужа и в самом деле нет ушей? Да он тут же зарежет ее, не дожидаясь наступления утра! Ей стали мерещиться лютые казни, одна другой страшнее, и белый свет сразу сделался немил. Со всевозрастающим ужасом ждала она того дня, когда евнух поведет ее на царскую половину. И все-таки, когда настал ее черед идти к господину, она сумела взять себя в руки. Едва тот уснул, Федима осторожно, боясь дохнуть, потянулась к туго закрывавшей весь затылок и лоб до самых бровей косынке.

На следующий день разбогатевший на нелегальной почте неграмотный евнух, дрожа и озираясь, вынес из дворца восковую табличку на которой значилось беглой клинописью: «Отрезаны».

Когда заговорщики окончательно удостоверились, что трон царя стран занимает безродный проходимец, да к тому же приговоренный к позорнейшему из наказаний, они значительно приободрились. Они готовились сражаться за бесспорно правое дело, и боги не могли отказать им в своем покровительстве.

Решено было, что каждый триумvir привлечет к заговору сколько сможет надежных и храбрых участников, но не свыше трех, а еще лучше одного, только самого верного, потому что опасность нарваться на предателя стала уж очень велика. Все знали, что шпионов завел себе Лже-Смердис так много, что не перечесть. Оставалось удивляться только, чем он оплачивал их труды, если налоги вот уже скоро семь месяцев не собирались. За отмену налогов и обязательной службы в войсках окраинные народы благословляли незримого повелителя. Разоренное неистовым Камбисом хозяйство мало-помалу приводилось в порядок, жить стало легче и безопаснее. Почувствовав послабление, и сатрапы стали лютовать меньше, казней и всяческих притеснений заметно поубавилось. Какое дело было мирному обывателю до странностей государя? Дальше ближайшего города или деревни он, почитай, и не ездил, а до Суз, с их загадочной жизнью, было куда как далеко...

И только сами хозяева — персы — чувствовали себя униженными. Для них безвременье становилось нестерпимее с каждым днем. Когда же просочилась молва, что шахиншах подменный и, в добавление ко всему, маг из Лидии, где живут, как известно, одни торгоши, чаша терпения переполнилась. Но еще не колыхалось море глубинное, темна и мертва была в нем вода. Один только гребень крохотный взметнулся и медленно покатился к шахскому дворцу.

Отан привел Интафрена, Гобрива — Мегабиса, Аспафин — Гидарна, и стало их всего шестеро, а потом и седьмой добавился — Дарий, сын Висташпы, могущественный наместник главной персидской сатрапии. Как он узнал про заговор, осталось тайной.

— Плохи дела, — Дарий не ответил на вопрос прямо, — если главари наши не знают, кому поручили позвать меня. Не хочется думать, что тот, кто говорил со мной, был действительно пьян и начисто все забыл, когда проспался. Но если так, то и вообще грош нам цена.

Каждый из триумвиров упорно стоял на том, что Дария не привлекал, в том же с глазу на глаз признались своим вербовщикам и неофиты. Никто, таким образом, не сознался, и это напугало всех. Словно смерть незримо вошла в их собрание и затаилась до поры, выискивая первую жертву. В глубине души каждый уже сожалеал, что связался в такое гибельное, такое пропащее дело.

Даже если и не нашлось среди них изменника, значит, затесался болтун, вертопрах и пропойца, который не сегодня, так завтра погубит всех. Что было делать? Выступить немедленно? Но ведь еще ничего не готово. Одного всеобщего недовольства мало для восстания, а их только горстка, и с охраной дворца им никак не совладать. Но и ждать уже стало невыносимо. Стоит только магу добраться до источника порочащих его слухов, а такое, все понимали, неизбежно теперь случится, как все погибнут. А возможно, и не все, только шестеро, пятеро, может, а один или два сохранят свои головы. Эх, знать бы заранее, кто эти двое! Или только один?

Тяжелое молчание установилось среди них, грозное, позорное.

Страшно было даже подумать, какие мысли роились в ту минуту в головах ближайших друзей.

Первым высказал, что у него накопело на сердце, Дарий:

— Выступать надо немедленно! Если вы не согласитесь, то знайте, никто из вас прежде меня во дворец не войдет. Я раскроюсь перед шахиншахом, с ушами он или без, я, и никто другой. Решайтесь же. Если мы внезапно ворвемся к нечестивому магу, дело может и выгореть. Главное — убить его, вернее, его и Патизефиса, а там видно будет. Будем же дерзкими и беспощадными! Охрана не помешает нам, если только мы не обнаружим страха и неуверенности.

И они решились и принесли друг другу клятву верности — вынужденной, жестокой.

Дарий как в воду глядел. Когда семеро знатнейших вельмож империи подъехали к воротам дворца, никому из часовых даже в голову не пришло расспрашивать их о чем бы то ни было. Стражи приветствовали их копиями на караул и беспрепятственно пропустили через ворота. Бросив лошадей у коновязи, заговорщики бегом кинулись к лестнице. Однако выскочившие им навстречу дежурные евнухи оказались уже не столь доверчивы, как солдаты, и потребовали, чтобы сановники немедленно убрались восвояси, грозя в случае неповиновения суровыми карами. Заговорщиками на миг овладела растерянность.

Переглянувшись, Дарий и Гобрия выхватили из-под плащей мечи и дружно атаковали прислужников мага. Пути назад были теперь отрезаны, и ничего другого не оставалось, как, обнажив оружие, пробиться во внутренние покои мужской половины дворца.

Стремительная атака семерых храбрецов застала обоих магов врасплох. Патизефис пересказывал брату содержание очередного шпионского донесения, в котором говорилось, что Прексасп тайно возвратился в Сузы и вошел в контакт с персами из самых знатных семейств. Заслышав крики, лязг мечей и стук падающих тел, он опрокинул светильник и сорвал со стены копье. В наступившей темноте Смердис тоже бросился за оружием и наткнулся на лук, совершенно бесполезный в ближнем бою. Но выбирать не приходилось. Стремительные убийцы, оставляя позади себя трупы и трупы, уже врываются в помещение. Патизефис действовал вначале довольно успешно. Поразив Аспафина в бедро, а Интафрена в глаз, он на какой-то момент задержал яростный натиск. Но Смердис, теснимый Дарием, отшвырнул лук и попытался укрыться в спальне. Оставшись один, Патизефис был мгновенно заколот. Перепрыгнув через его тело, Гобрия метнулся на помощь Дарию, который яростно рубил дверь спальни, куда, по всей вероятности, спрятался маг.

Когда задвижка отскочила, он первым ворвался в темноту и, наткнувшись на визжащего мага, покатился вместе с ним по полу. Безоружный Смердис дрался с яростью обреченного. Он пинал ногами, кусался, острыми ухоженными ногтями раздирал Гобрии лицо. Дарий, размахивая мечом, топтался над ними, не решаясь нанести удар.

— Чего же ты медлишь? — крикнул ему окровавленный Гобрия, отчаянно увертываясь от ногтей, неумолимо подбиравшихся к его глазам. — Бей!

— Боюсь ранить тебя! — закричал в ответ Дарий. — Ничего не видно, а вы катаетесь, как две кошки!

— Руби! — хрипя от боли, простонал Гобрия. — Бей куда попало и ничего не бойся. На мне талисман.

Дарий ударил плеча и попал в мага. Пальцы, сжимавшие Гобрию ослабели, он вырвался, вскочил на ноги и вместе с Дарием добил мага.

Дальнейшие события подробно описывает Геродот:

«Маги были убиты и головы их отрублены; раненные персы оставлены в замке как по причине обессилиения их, так и для охраны замка; остальные пять персов с головами магов в руках выбежали вон с криком и шумом, созвали прочих персов, объяснили им все происшедшее и показали головы; после этого они убивали всякого мага, попадавшегося им на глаза. Узнавши о том, что сделали вельможи и как обманывали их маги, персы нашли нужным действовать таким же образом; обнажили мечи и убивали всякого встречного мага, если бы не наступившая ночь, персы перебили бы всех магов до единого. День этот для персов — важнейший государственный праздник; в этот день они совершают великолепное торжество, именуемое у персов избавлением от магов. Тогда ни один маг не смеет показаться на улице, и потому они проводят весь этот день по своим домам».

Дарий, сын Висташпы, взошел на престол в 521 году до н. э. Не тронув вавилонских вавалов Мардука и Ашторет, он демонстративно совершал служения лишь одному светлomu Ахурамазде. В качестве фараона Египта он принял египетское тронное имя и сан верховного жреца. Запрет на строительство храма Единому Богу он отменил.

...На отвесной скале по дороге между нынешним Багдадом и Тегераном можно увидеть исполинский барельеф, повествующий об исторической победе Дария, сына Виштаспы¹, над магом Лже-Смердисом, или Гауматы, как его еще называют.

С той поры уже нигде и никогда магам не удалось достичь трона, особенно такого высокого, как персидский, но, таковы гримасы молвы, всех последующих самозванцев заклеивают в чародействе.

---

¹ В старинном русском сборнике «Голубиная книга» рассказывается об удивительной жизни царя Давида Евсеевича, во многом напоминающего своего прототипа Дария Гистаспа. Как и в персидской «Бун-Дехеш», в «Голубиной книге» говорится о замечательных свойствах дерева хом, вознесенного над другими чудодейственными цветами и травами.

ЦАРЬ. ГЕРОЙ. БОГ

Но, похоже, сама роковая судьба выбрала этот миг в круговороте событий, чтобы положить конец свободе Эллады, и, противодействуя усилиям Демосфена, предвещала будущее много жестом зловещих предзнаменований ужасающие пророчества изрекала Пифия, и многие вспомнили древний Сивиллин оркул

О, если б мог избежать я резни на берегах Термодонта,
дабы взирать на нее, как орел, из заоблачной выси!
Плач и рыдания ждут побежденных, но смерть победивших

Плутарх

Поборник эллинской демократии Демосфен, чье красноречие стало легендой, пытался противопоставить грубой силе единственное, чем обладал, — Слово.

Как всегда в истории, восторжествовала сила. Ее олицетворял македонский царь Филипп II.

Его сын — Бессмертный Александр — слил воедино слово и силу. Он был царем, героем и богом.

Невольно приходит на ум строфа пролетарского гимна: «...ни царь, ни бог и ни герой».

«Александр, сын Филиппа (кому угодно, пусть считает его сыном Зевса — мне все равно), одному только афинскому стратегу Фокиону, говорят, писал в письмах «здравствуй» — так Фокион расположил к себе македонца. Однажды царь послал ему сто талантов серебра и, назвав четыре города, позволил выбрать один», — сообщает Клавдий Элиан, римлянин, писавший на греческом языке. Александр III, если придерживаться счета македонских царей, а вообще-то Александр Великий, или, еще вернее, Александр Единственный, и впрямь был подобен богу. При всей его щедрости, он основал много больше городов, чем раздарил их друзьям. Здесь и Александрия при Иссе и Александрия на Тигре, Александрия Кавказская и Александрия Крайняя, что стала по прошествии долгих веков Ленинабадом, а после вновь поменяла название, и Александрия Ариана, именуемая ныне Гератом. Всего Александру приписывают 33 333 населенных пункта. Явная гиперболизация не должна нас смущать. Скорее всего, несусветное число имеет чисто ритуальный смысл. Феокрит в своей поэме «Похвала Птолемею» столь же непринужденно жонглирует множествами: тысяча стран, тысяча народов и то же сакраментальное — 33 333 — количество городов.

Власть нуждается в обожествлении или, по меньшей мере, в мифе.

Александр (356—323 до н. э.) родился в Пелле и умер в Вавилоне, не дожив до пророческих тридцати трех лет. В сиянии его образа меркнут любые гиперболы. Титулатура — ничто. Царь Македонии, фараон Египта, покровитель Эллады... Он — Единст-

венный. Царь мира, твердо стоящий обеими ногами на всех известных в то время материках. Маршрут беспримерного похода в Индию скажет больше, чем все эти «прочая и прочая». Палестина, Финикия, Ассирия, Вавилон, Иран, Гиркания, Парфия, Афганистан, Бактрия, Согдиана, Пенджаб... Пройдя вдоль Инда до Патталы (Хайдарабад), он вышел к Индийскому океану, где основал порт Александра, нынешний Карачи. Короче говоря, столица империи — Александрия Египетская строилась без него. Он лишь выбрал место.

«Недалеко от острова Фарос, — пишет Витрувий, — у древнего египетского поселения Ракотис, между морем и озером Мариут, царь увидел естественную гавань, прекрасное место для торгового порта, вокруг плодородные египетские нивы и близость реки Нил».

Зодчий Дейнократ, тот самый, что восстановил третье чудо света — храм Артемиды в Эфесе, говорят, просто-напросто бросил на землю свой плащ, затем обсыпал его песком и пальцем провел продольные и поперечные линии улиц. В давние времена все планы чертились на песке, правда, специально просеянном. Смерть застала Архимеда именно за таким чертежом. «Не трогай моих чертежей», — были последние его слова, обращенные к воину, уже занесшему меч. Однако, вопреки поговорке «построено на песке», все делалось основательно: корабли, катапульты, фундаменты...

Перед тем как продемонстрировать «проект» властелину, Дейнократ обсыпал для пущей наглядности свои стриты и авеню (именно по такому принципу выстроен Нью-Йорк) мучной пылью. Голуби, слетевшиеся на дармовое угощение, решили дело. Александр увидел в этом счастливое предзнаменование и дал «добро». Он торопился, его ждали великие, поистине достойные Геракла подвиги: новая война с персами, поход в Индию. Лишь внезапная болезнь заставила возвратиться.

Смерть в Вавилоне, роковом граде библейском, перечеркнула безумные планы. Впрочем, безумные ли? За исключением олимпийского бессмертия, все, или почти все, было достигнуто. Даже план, построенный на песке, обрел тщанием Дейнократа вещественные формы.

Новую столицу Александр так и не увидел. Тело богочеловека привезли сюда в золотом саркофаге.

Об Александре Македонском написаны сотни, тысячи книг. Его удивительная жизнь давным-давно превратилась в легенду. Нам остается лишь, наметив какие-то вехи, проследить взаимоотношения властелина и магов, если, конечно, нуждался в их рекомендациях бог. Элиан подсказывает единственно возможный путь: «...кому угодно, пусть считает его сыном Зевса — мне все равно...» Среди философов школы софистов было немало скептиков, относившихся ко всяческим чудесам более чем прохладно. Последователи Демокрита вообще не находили места пророчествам и теургии в

атомистическом каркасе мироздания. Диоген Лаэртский с предельной четкостью выразил отношение к таким вещам Эпикура: «Гадание он отрицает, в других своих сочинениях, например в «Малом обзоре», он говорит: гадания не существует, а если бы оно существовало, то предсказываемое следовало бы считать совершающимся помимо нас».

Этот логический вывод вытекает из отношения Эпикура к жизни и судьбе. Невольно вспоминается эпохальный роман Гроссмана «Жизнь и судьба».

Объясняя образование мира столкновением атомов, падающих в пустом пространстве, древнегреческий философ дает натурфилософское обоснование свободе воли: «Кто, по-моему, выше человека, который и о богах мыслит благочестиво, и от страха перед смертью совершенно свободен, который размышлением постиг конечную цель природы — понял, что высшее благо легкоисполнимо и достижимо, а высшее зло или недолго, или нетяжко, который смеется над судьбою, кем-то именуемой владычицей всего [и вместо этого утверждает, что иное происходит по неизбежности], иное по случаю, а иное зависит от нас, ибо ясно, что неизбежность безответственна, случай неверен, а зависящее от нас ничему иному не подвластно и поэтому подлежит как порицанию, так и похвале. В самом деле, лучше уж верить басням о богах, чем покоряться судьбе, выдуманной физиками¹, — басни дают надежду умиловить богов почитанием, в судьбе же заключена неумолимая неизбежность. Точно так же и случай для него и не бог, как и для толпы, потому что действия бога не бывают беспорядочны; и не безосновательная причина, потому что он не считает — будто случай дает человеку добро и зло, определяющие его блаженную жизнь, а считает, что случай выводит за собой лишь начала больших благ или зол. Поэтому и полагает мудрец, что лучше с разумом быть несчастным, чем без разума счастливым: всегда ведь лучше, чтобы хорошо задуманное дело не было обязано успехом случаю».

Обдумай же эти и подобные советы, и тебя не постигнет смятение ни наяву, ни во сне, а будешь ты жить, как бог, среди людей».

Советы Эпикура, адресованные некоему Менекею, могли бы дать ключ к пониманию загадочной во многом души Александра. Не забудем, что великий завоеватель, ученик Аристотеля, и сам был философом и тянулся, подчас завидуя, к мудрецам.

Так, на него неизгладимое впечатление произвела встреча с Диогеном.

— Отойди немного в сторону: ты заслоняешь мне солнце, — сказал обитатель пресловутой бочки в ответ на предложение любых благ.

Александр, очень любивший, когда его о чем-то просили и всегда воздававший сторицей, был поражен в самое сердце, поняв,

---

¹ Упрек Демокриту.

что Диогену ничего не нужно от властелина мира. Границы бескрайней империи кончились здесь, у отверстия экстерриториальной бочки.

Он ведь тоже желал, чтобы «хорошо задуманное дело не было обязано успехом случаю». Откуда это стремление, вызывавшее явное осуждение и македонцев, и эллинов, быть богом?

— Если бы я не был Александром, я бы был Диогеном, — признался он друзьям после злополучной встречи.

И это не пустая фраза. В ней ощущается затаенная горечь и зависть.

Бог позавидовал недоступной ему свободе духа.

Обратимся к другому Диогену — Диогену Лаэртскому, писавшему век спустя:

«Занятия философией, как некоторые полагают, начались впервые у варваров: а именно у персов были их маги, у вавилонян и ассириян — халдеи, у индийцев — гимнософисты, у кельтов и галлов — так называемые друиды и семнофеи; ...финикийцем был Ох, фракийцем Замолксис, ливийцем — Атлант. Египтяне уверяют, что начинателем философии, хранимой жрецами и пророками, был Гефест, сын Нила, от него до Александра Македонского прошло 48 863 года, и за это время было 373 солнечных затмения и 332 лунных. А от магов, первым из которых был перс Зороастр и до падения Трои... прошло 5000 лет; по счету же Ксанфа Лидийского, от Зороастра до переправы Ксеркса прошло 6000 лет, причем после Зороастра следовал длинный ряд магов-преемников — и Остан, и Астранпсих, и Гобрий, и Пизат, вплоть до сокрушения Персии Александром Македонским».

Оставим в стороне явные несообразности. Как мы уже знаем, чужих богов греки отождествляли со своими. Гефестом Диоген именует египетского Пта, Гермесом — Тота. Еще большее недоумение вызывает фантастическая хронология, дважды привязанная к Александру. Падение Трои историки относят к 1184 году до н. э., переправу Ксеркса соответственно к 480-му, а покорение Египта и Азии Македонским осуществилось в 331 году до н. э.

В данном случае нас интересуют не даты и не затмения светил. Куда более примечательно, что в цитированном отрывке из знаменитой книги «О жизни, учениях и знамениях знаменитых философов» как бы к общему знаменателю приводятся маги, халдеи, пророки и сами философы, по крайней мере древние.

И для этого есть немалые основания. Строго говоря, и великого Пифагора можно рассматривать в этом качестве. Его достославная теорема, доставившая массу хлопот бесчисленным поколениям школяров, бесспорно, имеет самостоятельное культурное значение, но ведь и слово «магия» из песни не выкинешь.

Такое двойственное отношение к философии длилось достаточно долго. Как увидим далее, его унаследовали многие из римских

императоров, изгонявших философов заедино с «халдеями» и магами».

Македонский, невзирая на божественные притязания, тоже был человеком своего времени. Мать героя Олимпиада была дочерью молосского царя Неоптолема II. Она вышла замуж за Филиппа II, когда тот еще не получил трона, а был регентом при малолетнем Аминте IV.

Обстоятельства рождения Александра окружены ореолом чудесного, как это свойственно великим пророкам и героям-полубогам. Плутарх, в частности, повествует, что ей приснилось, будто в чрево ударила молния, а после оттуда вырвался сноп огня и дивное сияние распространилось вокруг. Филиппу же привиделось, что, войдя к жене, он наложил на ее чрево печать с изображением льва. Младенец появился на свет в конце июля 356 года до н. э. Что соответствует 6 лооса по македонскому и 6 гекатомбеона — по аттическому календарю.

В этот день и впрямь вспыхнуло пламя: Герострат поджег храм Артемиды Эфесской. Для Филиппа он оказался трижды счастливым. Гонцы принесли весть о торжестве македонян над дарданами на иллирийском поле битвы, захвате Полидеи и победе на Олимпийских играх.

Воспитание царевич получил подобающее, но довольно суровое. Леонид, родич Олимпиады, держал его в строгости, безжалостно отбирая лакомства, которые время от времени подсовывала сердобольная мать. Мальчика обучали всем положенным дисциплинам, включая музыку и математику. В десять лет он уже играл на лире и наизусть читал из Гомера и Гесиода. Увлекался театром, умел ценить живопись, интересовался дипломатией. Когда сыну исполнилось тринадцать, Филипп пригласил к нему в учителя молодого, но уже широко известного Аристотеля. Сам Александр превыше всех возлюбил Лисимаха, который вошел в фавор не столько ученостью, сколько лестью, именуя Филиппа Пелеем, а Александра — Ахиллом.

Неудивительно, что именно этого героя «Илиады» будущий полководец взял себе за образец. Лисимах повсюду находился рядом с воспитанником, который не побоялся рискнуть ради него собственной жизнью. С Аристотелем же отношения складывались сложнее. Вначале горячо почитаемый и любимый, он удостоился резкого выпада, когда вздумал опубликовать кое-что из своих сочинений.

«Неправильно ты сделал, издав сочинения, излагавшиеся изустно: чем же мы будем отличаться от других, если произведения, на которых мы воспитывались, станут общими для всех?»

Претензия на исключительность явственно обозначена в письме Александра, но назвать ее необоснованной было бы несправедливо. Еще ребенком сын царя, перед которым уже трепетала Эллада, выказал удивительные качества. Одно укрощение знаменитого Буцефала, с которым и сильные воины совладать не смогли, чего

стоит! С этим конем, достойным эпического героя, Александр не разлучался и впредь. «Илиада», отредактированная Аристотелем, тоже сопровождала его во всех походах.

Он все же помирился с учителем и даже выделил ему из военной добычи восемьсот талантов. Сумма несметная!

Как-никак именно Аристотель сделал из Александра подлинного энциклопедиста. Помимо этики, политики, литературы и естественных наук, он проник, по свидетельству Плутарха, в существо «тайных и глубочайших учений», доступных лишь посвященным.

Обратим особое внимание именно на этот момент: будущий небожитель овладел искусством мага, волхва. И, главное, в какое время! Шел 340 год до н. э. Союз греческих полисов объявил войну персам и провозгласил царя Македонии стратегом-автократом, т. е. главнокомандующим объединенных сил. Отправляясь в поход на Перииф, он приказал сыну срочно прибыть в Пеллу и взять бразды правления. Герою только-только исполнилось шестнадцать лет. Тем не менее он успел усмирить восставших медов и захватил их город, переименовав его в Александрополь.

Перед тем как выступить, Филипп обратился к Дельфийскому оракулу. Ответ пифии гласил: «Бык увенчан лаврами, свершается жертвоприношение, явился и тот, кто принесет жертву». Понимать можно было по-всякому, но греки возликовали: македонский царь пустит кровь персидскому быку.

На первых порах военное счастье сопутствовало Филиппу. Ему удалось взять Эфес и Магнесию, местные греки со слезами на глазах встречали освободителей. Развить успех, однако, не пришлось по многим обстоятельствам, в том числе семейным.

«Мальчик, иди искать себе другое царство: Македония тесна для тебя», — будто бы сказал Филипп сыну, когда тот усмирил Буцефала.

Давняя шутка вспомнилась Александру, когда он узнал, что царь взял в жены Клеопатру, племянницу полководца Аттала.

— Будем молить богов о законном наследнике! — провозгласил хмельной Аттал на свадебном пиру.

— Нас ты считаешь незаконнорожденными, гнусная рожа! — Александр, поддавшись порыву ярости, швырнул в него серебряный кубок.

Царь бросился на сына с мечом, но упал, споткнувшись о шкуры.

— Посмотрите на него! — вскричал Александр. — Собрался из Европы в Азию перейти, а сам и ложа не смог переступить!

Все были изрядно пьяны, и крови удалось избежать, но Александр окончательно понял, что ему с отцом не ужиться. Олимпиаду, обвиненную Филиппом в супружеской измене, он отвез в Эпир под защиту могущественных родственников, а сам перебрался в Иллирию.

Филипп уговорил сына возвратиться в Пеллу, но согласия между ними быть не могло. Обе стороны держались настороже. Александр понимал, что с каждым днем его надежды унаследовать трон становятся все более призрачными. Разрешить скрытое противостояние помог случай, искусно, как нашептывали недоброжелатели, подготовленный Олимпиадой.

«...Смешение двух к одному создает то настроение возбужденности и умеренности подпития, которое души колеблет струны сокровенные, — оно уводит от трезвости, но и не погружает человека полностью в винное обаяние», — рекомендует в «Застольных беседах» Плутарх.

В отличие от греков, разбавлявших вино водой, македоняне всегда отличались приверженностью к божественному дару Диониса в чистом виде. На пиру в честь бракосочетания эпирского царя Александра с дочерью Филиппа вновь вспыхнула пьяная ссора. На сей раз зачинщиком выступил телохранитель царя молодой македонянин Павсаний. Обрушившись на Филиппа с упреками, он убил царя. В «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха читаем: «Когда Павсаний, потерпевший жестокую обиду из-за Аттала и Клеопатры, не нашел справедливости у Филиппа и убил его, то в этом преступлении больше всего обвиняли Олимпиаду, утверждая, будто она подготовила и побудила к действию разъяренного молодого человека. Обвинение коснулось и Александра; шли толки, что, когда после нанесенного ему оскорбления Павсаний встретил Александра и пожаловался ему на свою судьбу, тот ответил стихом из «Медеи»: «Всею отомстить — отцу, невесте, жениху».

Тем не менее, разыскав участников заговора, Александр наказал их и очень возмущался тем, что Олимпиада в его отсутствие жестоко расправилась с Клеопатрой».

Короче говоря, дело было сделано, и Александр повел себя именно так, как полагается в данных обстоятельствах государю.

Оракул же о быке и жертвователе перетолковали в обратном смысле. Под быком, оказывается, подразумевался Филипп, необузданный во хмелю и во гневе.

Александр тоже отличался вспыльчивостью и мог пьянствовать несколько дней без перерыва, что ничуть не умаляет его величия. Дионис, покровитель оргий, и тот не чурался безумных выходок, а ведь он бог и подлинный, хоть и незаконный, сын Зевса.

Настала пора и молодому царю Македонии заявить о своих правах. Возвращаясь домой из Коринфа, где произошла памятная встреча с Диогеном, он завернул в Дельфы. Ему явно не повезло, потому что визит пришелся как раз на те дни, когда не дозволялось совершать прорицания. Это ничуть не смутило Александра, который потребовал привести пифию. Когда же она отказалась, он самолично отправился за нею и, схватив за руки, поволок к треножнику.

— Ты непобедим, сынок! — воскликнула пророчица, уступив грубой силе.

Царь мгновенно разжал стальные объятия. Он услышал именно то что хотел, и больше не нуждался в оракуле.

Трудно было придумать лучшее напутствие перед походом, чем эти вырвавшиеся из уст пифии слова.

Верил ли он в богов, силой вымогая благоприятное знамение?

Когда войско уже выступило, ему доложили, что кипарисовая статуя Орфея истекает обильным потом. Македоняне увидели в этом дурной знак, но Аристандр, толкователь снов и провидец, дал иное истолкование:

— Не теряйте мужества! Царь совершит подвиги, достойные древних сказаний, заставив тем самым изрядно попотеть певцов и сказителей.

Похоже, что и Аристандра богоравный македонянин возил с собой только затем, чтобы любые приметы оборачивались лишь к вящей славе его. О чем же они говорили с глазу на глаз, а такое случалось частенько, никому не известно.

Жестоко, на страх прочим, расправившись с восставшими Фивами и наведя в Элладе порядок, Александр начал готовиться к вторжению в Малую Азию. Положение на отвоеванном еще при Филиппе прибрежном плацдарме оставляло желать лучшего. Персы почти всюду восстановили свое господство, а греческие силы таяли день ото дня. Особенно после убийства Аттала, которому Александр не простил выпада на царском застолье.

Для переправы войск через Геллеспонт понадобилось 160 судов. Перед тем, как отчалить, Александр принес жертву Протеси-лаю — первому ахейцу, вступившему на азийский берег. Точно так же он почтил Зевса, Афины и Геракла, устроив алтари всюду, где высаживались македоняне и греки. Преемственность подвигов героев «Илиады», таким образом, была продемонстрирована достаточно ясно. Македонский царь не только выступал прямым продолжателем излюбленного героя детских лет Ахилла, но еще и напомнил лишний раз, что он потомок Геракла, а следовательно, сын Зевса.

Не в угоду богам он старался, но ради поддержания боевого духа солдат и, разумеется, личной славы. Уже на волнах Геллеспонта он принес в жертву Посейдону и nereидам быка и совершил возлияние из золотой чаши, а когда его триера уткнулась в берег, бросил копье и первым прыгнул на сушу. Он ни с кем не собирался делить Азию, которую готов был завоевать своим оружием.

Символический смысл его действий очевиден. Посетив развалины Трои, Александр почтил Афины и героев обеих сторон: Ахилла и Приама, которого просил не гневаться более на предков, разрушивших Илион. На могилы Ахилла и Патрокла он возложил золотые венки.

По словам Филострата, биографа великого мага Аполлония из Тианы, Аякс спросил однажды Ахилла:

- Какой из твоих подвигов более всего достоин памяти?
- Тот, который совершил я во имя друга.
- А какой для тебя легче всего?
- Тот же самый.
- А какая из ран заставила тебя сильнее страдать?
- Та, что нанес мне Гектор.
- Гектор? Я не знал, что он нанес тебе рану.
- Он ранил меня смертельно, убив моего Патрокла.

Пройдут века, и Аполлоний, повторив путь македонского царя, отыщет могилы неразлучных друзей и будет говорить с их тенями.

Продолжая победное шествие по Малой Азии, Александр устанавливал в освобожденных городах традиционную для греков демократию. По крайней мере, формально. Назначив сатрапами Фригии, Лидии и других завоеванных областей своих сторонников, он дал ясно понять, кто отныне верховный властитель. Полисы, дерзнувшие придерживаться нейтралитета, брались штурмом. За ратными подвигами не были обойдены вниманием и боги. В афинский акрополь в честь богини-покровительницы он послал боевые трофеи, а в Сардах распорядился построить храм в честь Зевса Олимпийского. Не успел он выбрать подходящее место, как разразилась сухая гроза, перешедшая в метель. Лето стояло в самом разгаре, снег таял еще в воздухе, заливая опаленную землю дождевыми струями. Заметив, что водяной поток устремился в сторону дворца лидийских царей, Александр сказал, что сам царь богов указывает, где быть святилищу.

Во дворце древнего царя Фригии Гордия хранилась колесница, опутанная лыком дикой вишни, завязанным мертвым узлом. Претендент на трон, согласно преданию, должен был развязать этот самый «гордиев узел», что стал притчей во языцех. Александру такая задача оказалась не по плечу. Каллисфен утверждает, что он, не долго думая, разрубил лыко мечом, а по мнению другого царского историка, Аристобула, просто вынул из дышла штырь и снял ярмо. Во всяком случае, свое право на власть он доказал.

Первый этап похода увенчался завоеванием Киликии. Греко-македонские войска остановились на сирийской границе, готовясь вторгнуться в сердце державы Ахеменидов.

Решающая битва разыгралась у реки Пикар, где Дарий III потерпел сокрушительное поражение. В последовавшем затем сражении при Иссе македоняне захватили царский шатер и взяли одних драгоценностей на три тысячи талантов.

Как водится, пир победителей сопровождался грабежом и насилием. О пиршествах Александра слагались легенды. За его столом собирались до шести тысяч облаченных в пурпур воинов. Одни возлежали на серебряных ложах, другие предпочли стулья из серебра, но бражничали все в равной мере.

Сам Дарий, раненный в бедро, сумел скрыться, пересев на другую колесницу, но его мать, жена, малолетний сын и две дочери

оказались в плену. Александр, обычно всегда милостивый к побежденным, окружил их особой заботой.

— Объясни им, — сказал он, выбрав посланца, — что не о чем беспокоиться. Дарий жив, а я воюю с ним лишь из-за власти. Они получают все, чего пожелают.

На другой день он лично отправился навестить царственных пленников. Все ожидали, что он, как водится, возьмет персидскую царицу в наложницы, а детей обратит в рабство. Ничуть не бывало. Им было возвращено имущество и прислуга, а воспитание царевича и замужество принцесс Александр взял под свою опеку.

Он уже видел себя властелином Евразийской империи, где найдется подобающее место любому из покоренных царей, и вместо того, чтобы продолжить преследование Дария, укrywшегося в Вавилоне, пошел в Финикию.

Взятие Тира — единственного финикийского города, отказавшегося открыть перед Александром ворота, — проливает свет на роль «лейб-вохва» Аристандра и отношение к гаданиям самого царя.

В изложении Плутарха, осуждавшего всяческие суеверия, рассказ об этом событии вызывает особый интерес:

«Осада Тира закончилась так. После многочисленных сражений Александр основным своим силам предоставил отдых, но, чтобы не давать покоя врагу, посылал небольшие отряды к городским стенам. В эти дни прорицатель Аристандр заклал жертву и, рассмотрев внутренности, смело объявил присутствовавшим, что город непременно будет взят еще в этом месяце. Слова предсказателя были встречены смехом и шутками — ведь шел как раз последний день месяца. Увидев, что прорицатель оказался в затруднительном положении, Александр, который всегда покровительствовал гаданиям (возьмем на заметку. — *Е. П.*), приказал считать этот день не тридцатым, а двадцать восьмым. Затем, приказав протрубить сигнал, он начал штурмовать стены Тира... Атака была столь ожесточенной, что даже оставленные в лагере не усидели на месте и бросились на помощь. Тирийцы прекратили сопротивление, и город был взят в тот же самый день».

Владыка, принудивший пифию произнести нужные ему слова, заставил сбыться и это предсказание! Потому он и покровительствовал гаданиям, что проводил через них свою волю, готовый навязать ее силой кому угодно, хоть самому небу.

Удивительный человек!

Долговременная осада древнего и богатого города, для чего пришлось даже соорудить мол, ведущий к его островной части, дорого обошлась финикиянам. Овладев, наконец, ключевым портом, Александр перебил большую часть его защитников, две тысячи человек были распяты на крестах, остальные проданы в рабство. Царя Аземилька, местную знать и послов Карфагена репрессии не коснулись.

Мелькарта, в коем зрил прашура Геракла, победитель почтил жертвоприношением и гимнастическими состязаниями. Теперь в его руках была Финикия, почти весь Архипелаг, Родос и вновь отвоеванный Милет. Власть Александра признала и соседняя с Финикией Палестина, включая Самарию и Иудею. Одна только Газа, через которую шла дорога в Египет, оказала отчаянное сопротивление, но и она была взята приступом, повторив судьбу Тира: мужчин перебили, женщин продали в рабство, а правителя города, на страх всем прочим, подвергли мучительной казни.

Иосиф Флавий упоминает о въезде Александра в Иерусалим, где его встретила торжественная процессия во главе с первосвященником. Верный себе, сын Зевса воздал почести и библейскому Богу — Невидимому, Единому, который будто бы явился ему во сне и обещал победу над персами.

При дальнейшем продвижении в Египет он уже не встретил препятствий. Египтяне, возненавидевшие персов еще при вторжении Камбиса, приветствовали македонского царя ликующими кликами.

В Мемфисе, древней столице страны, он был коронован, как фараон, двойной красно-белой короной Верхнего и Нижнего Египта. Его имя в царственном картуше вечно живого бога и поныне можно найти на одной из колонн исполинского храма в Карнаке.

После торжественных празднеств и игр владыка половины мира отбыл на побережье Средиземного моря, где и основал город, которому суждено было стать самым процветающим центром эллинизма.

Зенитом звездного восхождения Александра явилось паломничество к оракулу египетского бога Амона, в котором греки видели Зевса. В официальный титул фараона включалось обязательное упоминание сына Амона-Ра, но египтяне смотрели на это как на формальность, а для греков мнение варваров ничего не значило. Претензии на божественность требовалось подкрепить впечатляющим знаменiem. Именно с этой целью и предпринял Александр трудный переход через пустыню в оазис Сива, где находился главный храм солнечного бога с бараньей головой. Согласно греческим мифам, там в незапамятные времена уже побывали легендарные предки македонских царей — Геракл и Персей. Лишний раз напомнить о кровной связи с ними тоже было бы весьма кстати.

Повествование об этой экспедиции расцвечено самыми фантастическими подробностями. Тут и огненные змеи, освещающие дорогу, и путеводные вороны, и божество, явленное благодатным дождем. Змеи в пустыне наверняка попадались, да и вороны тоже. Во всяком случае, греческие историки, ссылаясь на заслуживающие доверия свидетельства, упоминают о дожде, спасшем отряд от жажды, и воронах, появившихся по правую сторону каравана, что сочли добрым предзнаменованием.

Плутарх, в частности, дает совершенно реалистическую картину:

«Более всего путникам грозили две опасности: отсутствие воды, ибо много дней они шли пустыней, и свирепый южный ветер, который обрушивался на них среди зыбучих бесконечных песков. Говорят, что когда-то в древности этот ветер воздвиг вокруг войска Камбиса огромный песчаный вал и, приведя в движение всю пустыню, засыпал и погубил пятьдесят тысяч человек. Все это было заранее известно почти всем, но если Александр ставил перед собой какую-либо цель, удержать его было невозможно».

О посещении храма рассказывали разное. Пожалуй, ближе всех к истине приблизился греческий историк Страбон. Ссылаясь на племянника Аристотеля и историографа царя Каллисфена, он сообщает, что в храм допустили только самых близких спутников Македонского, а в святая святых он вообще остался наедине с верховным жрецом.

Что же произошло там, в заповедном обиталище бога Амона?

Известно одно: пророк назвал Александра сыном Зевса. Это было равносильно признанию его права на абсолютную власть над миром. Тот же Каллисфен упоминает о приезде в Мемфис послов из Милета, которые доставили известие о новом пророчестве. Оракул Аполлона в Пранхидах подтверждал божественное происхождение Александра и предсказывал скорый конец Дария. Потом пришли аналогичные вести и от эритрейских сивилл, но лучший подарок приготовили жрецы храма Артемиды в Эфесе. На просьбу Александра воздвигнуть стелу от его имени они ответили отказом, стоившим дорогого: «Не подобает-де богу совершать посвящения богам».

Но все это было на периферии, у варваров, эллины же хранили презрительное молчание. Пройдет еще не менее десяти лет, прежде чем Александр, уже пребывая на вершине власти, сломит упорный скептицизм.

Да и сломит ли? Тот же скептический прагматизм слышится в вынужденном признании спартанца Дамида: «Предоставим Александру, если ему так уж хочется, называться богом».

Особенно роптали македоняне. Из сотоварища, первого среди равных, царь превращался в заоблачного кумира. Вместо пьяной перебранки, когда хватаются за мечи и швыряют винные кубки, униженные мольбы? С этим было особенно трудно смириться буйным и вольнолюбивым мужам.

Филота, сын Пармениона — первейшего из полководцев, прислал Александру поздравление по случаю приобщения к бессмертным: «Сожалею о тех, кому придется жить под властью сверхчеловека».

Бунт против деспотии стоил головы самым доблестным военачальникам и ближайшим друзьям. Доносы о заговорах поступали со всех концов.

Служба слухов — не изобретение сегодняшнего дня. Среди греков и македонян пошли всяческие домыслы насчет особы царя.

Скептики утверждали, что жрец Амона выразился не совсем ясно. Трудно ожидать от варвара безупречного владения эллинской речью. Ласково приветствуя Александра, он сказал «дитя», а тому послышалось «сын Зевса».¹

Версия, безусловно, оригинальная, но с чего бы это жрецу называть «дитятей» могущественного царя-освободителя? Иное дело: «сын Амона». Так, в сущности, можно было сказать о каждом. Разве все люди не сыновья бога? Не дети Солнца?

Игра слов, коей баловались ученые скептики, не могла повредить Александру. Упорно распространялся слух, что он и вправду родился от Зевса, который вошел к Олимпиаде в образе змея. Собственно, именно это и дало Филиппу повод заподозрить жену в измене. Она же открыла сыну тайну его рождения лишь перед самым походом.

Не обошлось и без намеков самого Александра. Одно из его писем к матери начиналось так: «Царь Александр, сын Зевса-Амона, Олимпиаде, матери, шлет привет».

Эта формула, мало чем отличающаяся от «мы, Божьей милостью...», очевидно, устраивала владыку мира, но сам он относится к ней с юмором.

Как-то, когда среди пира прозвучал громовой раскат, придворный философ Анаксарх поддел царя ехидным вопросом:

— Ты ничего такого не делаешь, сын Зевса?

— Не хочу пугать друзей, — засмеялся Александр.

Он действительно любил своих друзей, проявляя редкую щедрость и терпеливую снисходительность, но беспощадно карал измену, невзирая на лица. Слова «друг», «друзья» постоянно слетали с его языка.

— Это кровь, друзья, а не влага, струящаяся в жилах блаженных богов, — улыбнулся он, превозмогая боль, когда наконецник вражеской стрелы застрял в ране.

Во главе новой администрации Александр поставил двух номархов-египтян, что было вполне естественно. Как фараон он опирался, прежде всего, на местную аристократию. Ключевые посты, разумеется, получили македоняне и греки, а в главных стратегических точках царь разместил свои гарнизоны. Финансы и армия Египта оказались под жестким контролем центра, а центр империи был там, где в данный момент находился Александр.

Возвратившись в Финикию, он столкнулся с бунтом самаритян, которые заживо сожгли Андромаха, македонского наместника Сирии. Подавив восстание, Александр основал несколько новых городов, куда переселил македонян и греков.

¹ «О пайдон!» — «О дитя!», «О пай диос!» — «О сын Зевса!» (др.-греч.)

В 1962 году в одной из пещер вблизи Иерихона археологи обнаружили самаритянские документы, датируемые IV веком до н. э. Там же нашли множество человеческих костей. По-видимому, именно здесь скрывались вожди самаритян. Они либо умерли от голода, либо были застигнуты македонскими войсками. Каждый шаг Александра оставил вещественный след.

В 331 году до н. э. он взял в жены Барсину, дочь Артабаза, которая четыре года спустя родила ему сына, названного Гераклом. Даже здесь этот сверхчеловек проводил свою политическую — иначе не скажешь — линию.

Между тем Дарий готовил в Вавилоне новое войско. По словам Флавия Арфиана, римского консула и наместника Каппадокии, знавшего толк в военном деле, персы собрали «сто мириад», т. е. миллион пехоты, сорок тысяч конницы, двести колесниц с серпами и косами на осях и пятнадцать боевых слонов. Если тут и есть преувеличение, то не слишком большое. Персидский царь расположил свою армию у Гавгамелы, на большой равнине к востоку от Тигра, повелев засыпать песком ямы и скрыть кочки.

Александр, со своей стороны, остановился на правом берегу Евфрата. Он привел из Финикии несравненно меньшие силы: сорок тысяч пехоты и семь тысяч всадников. Узнав, где находится неприятель, бросился вперед и, не дожидаясь окончания постройки мостов, переправился на левый берег. Тем же днем, а точнее, ночью 20 сентября 331 года до н. э., наблюдалось лунное затмение. Это могло бы смутить кого угодно, только не Александра. Он приказал считать знамение счастливым и двинулся вверх по реке.

Полководец Парменион советовал напасть под покровом ночи, но Македонский, понимая, что персы настороже, решил дожидаться рассвета. Свое решение он завуалировал звонкой фразой, рассчитанной вовсе не на потомков, а на своих бойцов:

— Я не краду побед, мне подобает воевать честно, без хитростей и уловок.

Опустим дальнейшее: нас занимают знамения, а не битвы. Воля Александра возобладала и на небе, и на земле. Победа осталась за ним. Дарий вновь бежал с поля боя. Бросив изрядно потрепанную, обуюнную паникой армию, он укрылся в Мидии. Вавилон, Сузы и Персеполь остались без всякого прикрытия.

Македоняне провозгласили своего победоносного вождя царем Азии. Осыпаемый цветами, он вступил в Вавилон. Библейский город, защищенный исполинскими стенами высотой в 22 метра и толщиной около десяти, общий периметр которых составлял свыше 70 километров, гостеприимно распахнул ворота. Священные Врата Итар, украшенные глазурованными химерами и знаками небесных светил.

Уставшие от ратных трудов ветераны с удивлением, но без страха взирали на чудищ, сиявших небесной лазурью, невидан-

ные висячие сады, ступенчатые зиккураты и великолепные дворцы, отражающиеся в зеленом зеркале обложенных камнем бассейнов.

Мегаполис-блудница, где жрицы любви готовы раскрыть объятия под сенью священных храмов, сулил несметные сокровища и умопомрачительные улады.

Действительность превзошла самые фантастические вождедения. Рядом с изысканными вавилонянами греки казались неотесанными варварами.

Александр не собирался надолго застрять в коварном и ласковом городе, погружающем в сладостный омут, где все дышало предательством и утонченным пороком.

Закрепив власть, он постарался продемонстрировать вавилонянам, сколь выгодно отличается «демократическое» правление от беспощадного персидского гнета. Один к одному повторялась «мистерия», разыгранная в Египте.

Фараон — там, а здесь — царь вавилонский, Александр поспешил заручиться поддержкой жречества и принес жертву Мардуку-Белу, в котором опять-таки увидел Зевса-отца. По его повелению начались работы по восстановлению разрушенных персами святилищ. Реконструкция гигантского комплекса Эсагилы, центром которого был храм царя богов, продолжалась и после смерти героя, готового молиться всем богам.

Въезд в Сузы был обставлен не менее триумфально. На берегу реки Хоасп Александра встретил тамошний сатрап с богатыми дарами, что несли на себе двенадцать слонов. Еще больший сюрприз ожидал его в сокровищнице Ахеменидов. Помимо всевозможных редкостей и драгоценностей, победителю досталось пятьдесят тысяч талантов серебра, почти столько же золота и на девять тысяч талантов чеканной монеты. Однако и эта совершенно фантастическая добыча меркнет перед сокровищами, захваченными в Персеполе. Одни только деньги в пересчете на вес серебра составили круглую сумму в сто двадцать тысяч талантов!

Столицу Персидской державы Александр отдал на разграбление.

«Самым богатым был этот город из всех существующих под солнцем, — не скрывая осуждения, писал историк Диодор Сицилийский, — и частные дома были переполнены с давних времен богатствами. Македоняне врывались, убивая всех мужчин и растаскивая имущества, которых было очень много, в особенности же полно было утвари и всяких украшений. Много тогда было унесено серебра, не меньше и золота разграблено; множество роскошных одежд, разукрашенных морским пурпуром или золотыми узорами, стали наградой победителям. Громадный, по всему миру прославленный дворец был отдан на глумление и полное разрушение. Однако македоняне, проведя весь день в грабежах, не могли удовлетворить ненасытную жажду богатства. Настолько огромной была жадность во время этих грабежей, что они и между собой

дрались и многих погубило обилие присвоенной добычи, некоторые, разрубив мечами самые драгоценные из найденных вещей, уносили свою долю, а иные, поддавшись злобе, руки отрубали у тех, кто хватался за спорные вещи. Женщин в их украшениях уводили силой, превращая полонянок в рабынь. Вот так Персеполис, насколько он превосходил другие города благополучием, настолько превзошел других несчастьями».

Он и поныне лежит в развалинах среди каменистой, истерзанной солнцем пустыни. Исполинские изваяния вызывают невольный трепет. Обрушенные колонны, циклопические капители, обломки крылатых быков с бородатыми головами великих царей Ирана.

«Увидев большую статую Ксеркса, опрокинутую толпой, беспорядочно стекавшейся в царский дворец, Александр остановился и, обратившись к статуе, как к живому человеку, сказал: «Оставить ли тебя лежать здесь за то, что ты пошел войной на греков, или поднять за величие духа и доблесть, проявленные тобой в других делах?» Постояв долгое время в раздумье, Александр молча отошел».

Плутарх. Александр

Медленно текли века над развалинами, смещались контуры созвездий, и Солнце знаменовало приход новой весны, сменяя свой царственный трон в домах зодиака, и каменные зеницы Ксеркса бестрепетно взирали на вечный ход светил.

Македоняне оставались в Персеполе четыре месяца, предаваясь буйному веселью, а Дарий отсиживался в Экбатанах Мидийских, не зная, куда теперь направится любимец богов!

Александр решил идти на Экбатаны. Уже на подступах получил известие, что персидский царь загодя оставил город, который покорно сдался на милость победителя. По сути, война, длившаяся два с половиной столетия, завершилась. Оставалось лишь заполучить голову Дария.

Александр счел свою миссию стратега-автократора Панэллинского союза исчерпанной. Распустив союзные войска по домам, он, помимо положенного жалованья, добавил для раздачи воинам две тысячи талантов.

Отныне царь Македонии, царь Азии и фараон Египта под собственным стягом пойдет завоевывать землю.

Речь на устах у кумира, вперившего в небо взоры:
Я господин на земле; Зевс на Олимпе цари.

Эту надпись скульптор Лисипп начертал под статуей героя. Он изваял его в любимой позе — с головой, устремленной в ему одному доступную высь.

Дария III Кодомана македоняне нашли лежащим на колеснице, умирающим от ран, которые нанесли самые приближенные к трону сатрапы.

Александр подошел к трупу, с нескрываемой скорбью снял с себя плащ и покрыл тело.

Кому дано судить, сколь искренним был этот жест, умиливший придворных летописцев? Все действия великого человека, все его помыслы и движения души продиктованы одной сверхидеей. И он не щадил себя, изрубленный с головы до ног, пробитый стрелами, обессиленный лихорадкой. При Гранике его шлем был рассечен мечом, под Газой дротик вонзился в плечо, под Маракандой (Самарканд) бронзовый наконечник застрял в голени, так что осколки кости выступили из раны, в Гиркании камень ударил в затылок, ослепив его на время, индийское копье разорвало лодыжку, в стране маллов стрела, пробив панцирь, впилась в грудь, а булава обрушилась на затылок. Тот же Дарий в битве под Иссой ранил Александра в бедро, что дало ему повод сказать с улыбкой: «Пришлось мне и самому получить кинжальную рану». Он разыскал и покарал убийцу последнего царя персов, и на дочери его женился ради сближения обоих народов, столь долго бывших врагами.

Браки скрепляли мировую империю, но из всех жен Александр любил одну Роксану, дочь бактрийского князя Оксиарта. Впервые она предстала перед ним пляшущей в хороводе пленниц. Он мог бы взять ее, как рабыню, но предпочел жениться.

Захватом Бактрии и Согдианы он окончательно закрепил за собой Среднюю Азию, что сделало возможным беспримерный поход в Индию. Добавив к своим венцам персидскую диадему, Александр рассудил, что должен установить господство и над таинственной страной, лежащей в долине Инда. Как-никак она примыкала к восточной границе бывшей державы Ахеменидов.

Каждый шаг вперед требовал неимоверных усилий. Войска роптали, неведомые болезни косили ряды, сам вождь лишь невероятным напряжением воли противостоял малярии, подхваченной то ли в Согде, то ли еще в Вавилонии.

Пройдут пятнадцать веков, но ни Наполеон, всерьез подумывавший о завоевании Индии, ни тем более Павел, одним мановением бросивший в пески Средней Азии пять тысяч солдат, не решились пройти по пятам Македонского. Ленин, бредя мировой революцией, тоже вынашивал подобные планы, но, обжегшись на Польше, отложил их в долгий ящик.

Отборный «Молниеносный» легион Рима смог дойти лишь до Каспия — Гирканского моря...

Выступив из Бакр, войска Александра за десять дней преодолели горы Гиндукуша и вышли к реке Кофен (Кабул), на которой стоит нынешняя столица Афганистана. Правитель Таксила (Пакистан), не оказав сопротивления, признал над собой власть непобедимого воителя и был оставлен сатрапом. Однако дальнейшее продвижение сопровождалось жаркими боями, вконец обескровившими македонян и греков, пожелавших остаться наемниками. Горные полудикие племена сражались с невиданным

упорством. Пришлось разделить основные силы на несколько отрядов. На пути к Инду Александру предстояло преодолеть непролазные джунгли, кишевшие змеями и пиявками, падавшими с листвы. Когда македоняне добрались до берега великой реки, они напоминали выходцев из Аида. Здесь их ожидала новая работа: рубить лес, строить корабли, а потом плыть по течению к переправам, которые возводили воины, оставленные в замиренном тылу.

После короткого отдыха в Таксиле Александр двинулся к реке Гидасп (ныне Джелам, на котором стоит Дели), где на левом берегу стояли войска могущественного царя Пора. Одних слонов у него было больше двух сотен. Оттеснив могучих зверей в узкое ущелье, македоняне обрушили на индов тучу дротиков и заставили повернуть вспять. Ревущее стадо смяло боевые порядки и обратило их в бегство. В битве получил смертельную рану верный Буцефал. Александр оплакал старого друга. В память об одержанной победе он повелел отчеканить монету. На серебряной декадрахме был отчеканен македонский воин, атакующий слона, на котором восседал царь индов.

— Как мне следует обращаться с тобой? — спросил Македонский, когда к нему привели плененного Пора.

— По-царски.

— По-царски? Не хочешь ли добавить еще что-нибудь?

— Все заключено в одном слове: по-царски.

Македонский не только оставил Пору его владения, сделав своим сатрапом, но и присоединил к ним новые земли. Это не помещало ему поставить сатрапом над другой областью, в три раза большей, верного друга Филиппа.

На берегах Гидаспа он заложил два города: Никею — в честь крылатой богини победы Нике и Буцефалию — в память о своем коне. Теперь под его скипетром находился весь Пенджаб, но дальше на восток лежала цветущая долина Ганга, где, по рассказам, находились еще более богатые страны.

Мир оказался слишком велик. Его населяли многочисленные народы, готовые постоять за себя, а это означало нескончаемую войну. Александр готов был идти вплоть до крайнего берега Океана, окружающего сушу со всех сторон, но воспротивилась армия. На военном совете прозвучало одно слово: «Домой».

Александр вспомнил предсказание гимнософиста, живым взшедшего на погребальный костер:

— Мы встретимся в Вавилоне. Ты последуешь за мной.

Голые философы произвели на царя сильное впечатление. Они и впрямь ходили в чем мать родила, почитали святого пророка по имени Махавира и, прежде чем сделать шаг, обметали перед собой землю, чтобы не задавить ненароком какую-нибудь букашку.

Несколько можно судить, это были джайны-дагамбары, или «одетые в воздух». Беседы, которые вели с ними философы-ки-

ники из окружения царя, записаны в самой общей и приблизительной форме. Старого дагамбара, решившего оставить свое брненное тело в огне, звали Каланом. Уже объятый пламенем, как утверждали очевидцы, все так же продолжал неподвижно сидеть, скрестив ноги, пока не обратился в пепел. Александр и все, кто присутствовал на церемонии, испытали глубокое потрясение.

О предсказании Калана греческие историки говорят почти в один голос, но сильно расходятся в подробностях. Согласно Плутарху, это произошло уже на обратном пути, в Персеполе, ибо Александр взял «одетого в воздух» философа с собой.

«Здесь Калан, долгое время страдавший болезнью желудка, попросил соорудить для себя костер. Подъехав к костру на коне, он помолился, окропил себя, словно жертвенное животное, и срезал со своей головы клочок волос в приношение богам. Затем, взойдя на костер, он попрощался с присутствующими македонянами, попросил их царя провести этот день в веселой попойке и сказал, что царя он вскоре увидит в Вавилоне. Произнеся эти слова, он лег и укрылся с головой. Огонь подбирался все ближе, но он не двинулся с места, не шевельнул ни рукой, ни ногой. Так он принес себя в жертву богам по древнему обычаю мудрецов своей страны. Много лет спустя в Афинах то же самое совершил другой индиец, находившийся тогда в свите Цезаря».

Элиан рисует несколько иную картину, но суть остается неизменной:

«Солнце осветило Калана, и он молитвенно пал ниц — это было знаком, чтобы воины разожгли костер. После этого мудрец недвижимо продолжал стоять, уже объятый огнем, и не дрогнул, пока не испустил дух. Даже Александр, как передают, был поражен и сказал, что Калан сражался с более сильным противником, чем он... с мучениями и смертью».

Сидя ли, лежа ли или же стоя умер гимнософист — какая разница? Сгорел «недвижимо»!

В тот день Александр пребывал в мрачном настроении и действительно всю ночь провел за винной чашей. Причиной тому была не только смерть Калана. Царь был вне себя, узнав, что разграблена могила великого Кира. Прочтя надгробную надпись, он приказал начертать ее и по-гречески:

«О человек, кто бы ты ни был и откуда бы ты ни явился, — ибо я знаю, что ты придешь, — я Кир, создавший персидскую державу. Не лишай же меня той горстки земли, которая покрывает мое тело».

Впервые, быть может, он, бог во плоти, ощутил всю тщету человеческой жизни. Позади остался тяжелейший переход через пустыни Ирана, но вместо заслуженного отдохновения Александр был вынужден с головой погрузиться в тяжелые заботы. Повсюду заговоры, волнения, мятежи. Надежно закрепить за собой Индию не удалось. Уже отход на судах по Гидаспу сопровождался боями,

а по дороге в Карманию догнала весть, что убили сатрапа Филиппа. Греки бросали новые города, заложенные на дальних границах, соратники, поставленные сатрапами, вызывали всеобщее возмущение бесчинствами и грабежами. Власть, а с нею и жизнь, утекала, словно вода сквозь пальцы.

Тридцать лет исполнилось Александру, всего тридцать лет... Наспех сколоченная империя распадалась прямо на глазах. Казни нерадивых и корыстных администраторов не спасали положения. Александр облачился в персидские одежды, что тут же вызвало нарекания компатриотов. Следуя обычаю Ахеменидов, раздал каждой персиянке по золотой монете, а будучи в Сузах, устроил грандиозное свадебное торжество: десять тысяч македонских воинов получили жен-азиаток. Он и сам сочетался брачными узами с персидскими царевнами: с уже упомянутой Статирой, дочерью Дария, и с Парпатаидой, дочерью Артаксеркса III Оха. Отныне он сам и его потомство, если суждено будет родиться сыновьям, получали законное право на Персию и Вавилон. Друзья и охранники — они назывались «товарищами» — тоже обзавелись женами из царских домов Азии и Эллады. Один из них — Птолемей Сотер, сын Лага, станет царем Египта и родоначальником греческой династии фараонов.

Но легкая зыбь не способна всколыхнуть океанскую толщу. Сплотить воедино разноязыкие племена, многие из которых даже не подозревали о существовании друг друга, не могли ни династические союзы, ни спешно набранные в дружины бойцы согдийских, иранских, бактрийских, индо-арийских и прочих кроев.

Как никогда прежде, Александр устремлял помыслы к Единому Богу, чьим сыном тшился предстать перед подданными. Зевс, Амон, Мардук, Митра иль Сурья — «что в имени тебе моем?».

Главные трудности по-прежнему коренились в мировоззрении греков. Александр потребовал, чтобы эллины официально объявили его богом.

«Это смешно, — прокомментировал Элиан, — ибо чего царь лишен от роду, он, несмотря на все настояния, не мог получить у людей. Каждый народ по-своему отнесся к приказу царя, а лакедемоняне вынесли постановление: «Если Александру угодно быть богом, пусть будет», — истинно по-лаконски насмеявшись над его безрассудством».

Недалеко же он продвинулся, достигнув края земли. Тем не менее грозная слава завоевателя сделала свое дело. У всех на памяти была судьба Фив. Обожествление, сколь ни противно было оно эллинскому самосознанию, явилось платой за относительную самостоятельность.

— Как бы вам землю не потерять, защищая небо, — предупредил сограждан оратор Демад.

Его прославленный в веках коллега Демосфен выразился еще яснее, слегка прикрыв откровенный цинизм иронией:

— Александра можно провозгласить и сыном Зевса, и сыном Посейдона, если он пожелает.

Тот самый никем не превзойденный красноречием Демосфен, который люто ненавидел Филиппа II, а его сына на первых порах именовал не иначе как «мальчишкой».

Мальчишке пришлось сперва воздать «кесарево», а потом и «богово». Он своего добился.

Возле Эритры, Теоса и Клазомены возникли посвященные ему храмы, были учреждены общеионийские игры — Александрии, а в Мегалополисе Аркадском установили герму Амона. Сакральные послы¹ со всей Эллады прибыли в Вавилон, чтобы воздать божеские почести и увенчать золотыми венками «Двурогого» (от Амона) сына Зевса.

Но цена всего этого внешнего блеска была невелика. Александра провозгласили богом, но вроде как *ex officio* — «по должности».

На рубеж 324—323 годов до н. э. пришлась его последняя, зимняя, кампания против коссеев, чьи набеги доставили столько беспокойства вавилонянам. Он строил далеко идущие планы покорения Северной Африки и, прежде всего, Карфагена, Испании и Сицилии, Аравии и неведомых стран за Гирканским морем. Только уже были исчислены сроки...

На пути в Вавилон, где назначил ему посмертную встречу Калан, царя встретили халдеи-прорицатели.

— Не входи в город, — предупредили они, — по крайней мере, по этой дороге.

Александр заподозрил, что жрецы Мардука пекутся о сокровищах, спрятанных в храмах, и пренебрег советом. Приблизившись к городской стене, он увидел множество воронов, которые нещадно бились между собой и падали замертво у его ног. Потом прорицатель по имени Пифагор гадал о судьбе царя по печени жертвы и нашел в ней изъяны.

— Плохой знак! — подсадовал Александр.

Небо больше не подчинялось его железной воле.

Еще об одном знамении, пожалуй, самом загадочном, сообщает Плутарх.

«Однажды Александр, раздевшись для натирания, играл в мяч. Когда пришло время одеваться, юноши, игравшие вместе с ним, увидели, что на троне сидит какой-то человек в царском облачении с диадемой на голове... он сказал, что зовут его Дионисий и родом он из Миссении, обвиненный в каком-то преступлении, он был привезен сюда по морю и очень долго находился в оковах; только что ему явился Серапис, снял с него оковы и, приведя его в это место, повелел надеть царское облачение и диадему и молча сидеть на троне.

---

¹ Послы, разносившие оракулы, строители мистерий и т. п.

Александр, по совету прорицателей, казнил этого человека, но уныние его усугубилось, он совсем потерял надежду на божество и доверие к друзьям».

Ключ к разгадке дают последние слова. Если такой случай действительно имел место, то без помощи «друзей» явно не обошлось. В чьих-то интересах было инспирировать дурное предзнаменование.

Последний знак был явлен, когда Александр, плывая в лодке по озеру, потерял диадему в зарослях тростника. Гребец незамедлительно прыгнул за борт и отыскал драгоценную регалию. Дабы легче было плыть, он надел ее себе на голову. Разгневанный государь отдал его палачу. Согласно одним сведениям, бедолагу казнили, другим — подвергли бичеванию.

Царь занемог после обильных возлияний у некоего Медия, где, по обыкновению, лихо осушил «кубок Геракла» — гигантскую двуручную чашу, вмещавшую невесть сколько вина. Врачи нашли у него воспаление легких, осложненное тропической лихорадкой. С каждым днем ему становилось все хуже.

Друзья и «товарищи» из охраны, соблюдая давние греческие обычаи, устроились на ночь в храме Сераписа, дабы бог, в ком Зевс соединился с египетским Осирисом, подсказал, явившись во сне, как и чем можно помочь царю.

Серапис повелел оставить его в покое, но это не помогло. Царь, бог и герой умер 13 июня 323 года до н. э., или 28 даисия по македонскому календарю и 28 таргелиона — по афинскому. Вместе с ним испустила дух несостоявшаяся мировая империя. Кровавая схватка за власть вспыхнула, когда он, всеми покинутый, еще лежал на смертном одре.

«Так как соратники его спорили за власть, тело царя оставалось без погребения, чего не лишены даже последние нищие, ведь человеку свойственно удалять мертвецов с людских глаз. Тело же Александра лежало в течение тридцати дней, пока тельмесец Аристандр (предсказатель и маг. — *Е. П.*), то ли одержимый божеством, то ли вдруг охваченный пророческим вдохновением, выступил перед македонянами и сказал, что Александр в жизни и смерти счастливее всех когда бы то ни было правивших царей. Боги-де открыли ему, Аристандру, что стране, которая примет тело царя, бывшееместилище его души, суждено счастье и вечное процветание. После этого среди сподвижников Александра началось соперничество: каждый стремился перенести останки царя в пределы своих владений как драгоценный залог непоколебимой прочности власти.

Птолемей, если верить рассказам, выкрал тело и с великой поспешностью перевез в Александрию Египетскую».

Элиан Пестрые рассказы

Там оно и пребывает поныне. В отличие от гробницы Филиппа II, раскопанной археологами, могила Александра по сей день не

найдена. Он спит в священной земле фараонов, сын бога Амона и фараон, и хочется надеяться, что ни ковш экскаватора, ни заступ не потревожат тень величайшего из героев.

Если память людская действительно является свидетельством бессмертия, то Александр заслужил его как никто более, став вровень с Гераклом — своим мифическим прародителем.

РИМСКИЕ КАТАКОМБЫ

Капитула третья

ПОТОМКИ ВЕНЕРЫ

Если же правду ты скажешь и хвастать
начнешь безрассудно,
Что сочетался в любви с Кифереей
прекрасновеночной, —
Зевс тебя в гнев низвергнет, обуглив
молнией жгучей.

Гимн к Афродите

Легендарный Дардан правил в Дардании, Дарданов внук Трой — Троей, сын Троя Ил основал Илион. Если легенда хоть как-то соприкасалась с действительностью, есть основания считать, что разные эпонимы указывают на два разных города, слившихся воедино в памяти поколений.

Отвечая на вызов Ахилла, Эней перечисляет своих предков:

Нашего предка Дардана Зевс породил громовержец.
Славный Дардан Эрихфония сына родил, скипетроносца...
Царь Эрихфоний родил властелина могучего Троса;
Тросом дарованы свету три знаменитые сына:
Ил, Ассарак и младой Ганимед, небожителям равный...
...Капис, ветвь Ассарака, родил властелина Анхиса;
Я от Анхиса рожден...

Илиада

Когда троянцы, не вняв прорицателю Лаокоону, вкатили в город ахейского коня, Анхис лежал без движения. С той достопамятной ночи, которую он провел с Афродитой в пастушеском шалаше, прошли годы и годы. Вспоенный молоком полногрудых нимф, Эней превратился в смелого воина. Но память о ласках богини любви не изгладилась в сердце Анхиса, и однажды, опьяненный вином, он нарушил священную клятву молчания и тут же упал, ослепленный небесным огнем. С той поры руки и ноги уже не повиновались ему. В змеях, обвинивших Лаокоона, Эней угадал зловещее предзнаменование. Вытащив из пылающего дома парализованного отца, он оставил обреченную Трою.

Отправляясь на поиски заморских венцов, Эней располагал флотом из двадцати кораблей, на которых могло разместиться целое войско и царский двор в придачу. Так что его плавание ничуть не походило на странствия одинокого Одиссея, хотя путь, как и предвещала пророчица Креуса, предстоял и долгий, и трудный: Фракия, Македония, Лакония, Аркадия, Крит, Делос, Сицилия — чуть ли не все Средиземноморье, если добавит сюда Карфаген. Так далеко на Запад, в страну Гесперид, Энея загнал разметавший суда ураган. О каком-то «капризе» своевольной стихии говорить не приходится. Трагедия под названием «Эней и Дидона» предусматривала и партию бога ветров Эола. Погубив почти весь флот, он благополучно привел флагманский корабль в карфагенскую гавань.

В Тринакрии, как величали Сицилию греческие поэты, Эней побывал дважды: погребальными играми почтил мученика-отца, а в другой раз вместе с сивиллой из Аполлонова святилища в Кумах спустился в дымящийся кратер Этны. Здесь, в царстве мертвых, он встретил тень отца. Так сбылось неосторожно брошенное слово в незабвенную ночь любви...

В сумеречных пространствах Аида, где из клепсидр не вытекает вода, тень Анхиса открывает сыну будущее на много поколений вперед: вплоть до Октавиана Августа, как гласит римская версия. Ее откровенно политическую подоплеку проясняют дальнейшие со- бытия.

Исчерпав уготованный ему жребий скитальца, Эней причаливает, наконец, к берегам Лация. Еще на Делосе в святилище Аполлона ему дан был оракул править на итальянские берега. И прорицание, полученное в Аиде от тени Анхиса, указывало туда же. Царь Латин приветает прославленного героя, породниться с которым считает за честь. Правда, есть одно маленькое препятствие: Турн, предводитель рутулов. Но недаром Зевса и Аполлона зовут Мойрагетами. Жизненный жребий Дарданида исчислен и верен на золотых весах олимпийского прашура. Эней бьется с известным племенным царьком, легко берет верх и получает в жены Лавинию, дочь Латина, а вскоре и трон. Новую столицу он назовет именем жены. Туземцы же, до тех пор прозываемые латинами, и даже римляне вслед за ними, нарекут себя энеадами. Мало того! Энею присвоят титул основателя Рима. Полубог из колена Зевсова, наверное, больше подходил для столь почетного звания, нежели вскормленные волчицей близнецы, но возникала серьезная неувязка во времени. Если Троя пала, согласно Эратосфену, в 1184 году до н. э., а Рим возник в 754 году до н. э., то Энея следует уподобить Мафусаилу. Тут нет ничего из ряда вон выходящего, потому что цари легендарных династий отличались завидным долголетием, будь то Шумер или Египет, где на первых порах правили сами боги.

Обойти хронологическую ловушку помогли мифические потомки Энеева сына Юла. Римскому роду Юлиев, к коему причисляли себя и Кай Юлий Цезарь, и его внучатый племянник Август, было не только лестно, но и политически выгодно легитимизировать императорский титул кровью бессмертных олимпийцев: по отцовской линии род полубога Энея восходил к самому Зевсу.

Отголоски «династических» споров промеж энеадами и приаидами внятно звучат в «Илиаде»:

Может, и Зевс раздражится, когда Ахиллес у Энея
Жизнь пресечет: предназначено роком — Энею спастися,
Чтобы бесчадный, пресекшийся род не погибнул Дардана,
Смертного, Зевсу любезного более всех человеков,
Коих от крови его породили смертные жены;
Род бо Приапа владыки давно ненавидит Кронион.

Дети, «порожденные смертными женами» от крови богов, кроме небесных отцов, имели еще и земных, номинальных, что позволяло без особых трудов разрешать неувязки по родословной части. Осиротевших сыновей Реи Сильвии и Марса (согласно другой традиции — Лара, духа домашнего очага, и рабыни альбанского царя Тархетия) приобщили к потомкам Юла. Породнив, таким образом, Ромула и Рема с олимпийскими предками Энеадов — Афродитой и Зевсом, имперский вариант мифа окончательно восстанавливал распавшиеся связи времен и еще более возвеличивал Альба-Лонгу, столицу столиц.

Оттого, что греческий (условно) лабиринт незаметно сменился столь же запутанными ходами римских катакомб, светлее не стало. Мистический туман по-прежнему застилает очи. Такова в конечном счете избранная стезя, что приходится, подобно улитке, скользить по лезвию бритвы.

Еще и сегодня на Апеннинах живут потомки патрицианских родов, восходящих к божественным предкам. Все тонет в безвременье «вечного теперь», вытекает из мифа и возвращается в миф.

Серьезный историк без лишних слов отбросит легендарную часть биографии своих героев и, строго следуя хронологическим векам, займется анализом их достославных или, напротив, омерзительных деяний. Но мы-то поставили перед собой иную задачу. В неразлучной паре «властитель и маг» на передний план выходит психологическая установка обоих, их символ веры, пусть даже заведомо ложный, однако врезанный в подсознание.

Юлий Цезарь (102 или 100—44 до н. э.) был дальновидным и трезвомыслящим человеком, щедро наделенным природой. Всевластный правитель, фактически монарх, он благоразумно отверг угодливо поднесенный ему императорский венец, номинально сохранив республиканские институты. Пожалуй, он бы легко сумел разобраться и в современной политической каше, найдя для себя подходящую нишу. Начав карьеру как убежденный сторонник демократии, будущий пожизненный диктатор прошел все ступени иерархической лестницы: военный трибун, эдил, претор, наместник Галлии. На пути к вождьленному консульству он вступил в союз с Помпеем и Крассом, но триумvirат оказался непрочным. Красс, богатейший человек своего времени и доблестный воин, пал в битве с парфянами, а вражда Цезаря с Помпеем обернулась гражданской войной. Помпей, ища спасения в Египте, был убит по приказу фараона Птолемея XI. Цезарь плакал, получив его голову.

В период его правления хватало разного рода оракулов, предзнаменований и вещей снов, но просвещенный властелин и победоносный полководец не придавал им большого значения. Зато его мать, Аврелия, определенно обладала провидческим чутьем.

Возможно, в подкрепление легенды о божественном происхождении сына она рассказывала, что зачала его от змеи, которая вползла к ней в храме Юпитера.

В Капуе, где по Юлиеву закону получили землю новые переселенцы, были раскопаны древние гробницы. По неведению потревожили и могилу основателя города — Капия. На бронзовой доске обнаружилась греческая надпись, пророчащая смерть потомку и всяческое кровопролитие. Едва ли это можно было отнести к Цезарю, хоть он, как и Капий, считался потомком Энея. Однако за несколько дней до злодейского покушения странно повели себя кони, отпущенные на волю после перехода через Рубикон. Они, по словам Светония, «отказывались от еды и проливали слезы». Гадатель Спуринна посоветовал Цезарю остерегаться опасности, подстерегающей его в дни мартовских ид. В ночь перед убийством Цезарю приснилось, будто он витает под облаками, увлекаемый мощной десницей Юпитера. Еще страшнее и определеннее было сновидение, посланное богами жене Кальпурнии. Сначала в доме обрушилась крыша, затем она увидела Цезаря, которого закололи в ее объятиях, и тут же сами собой распахнулись двери спальни. Она пробудилась с криком и принялась умолять мужа остаться сегодня дома. Он и сам было заколебался, но Децим Брут уговорил его пойти в сенат. По пути кто-то сунул записку, в которой сообщалось о заговоре, однако он отвлекся и приступил к жертвоприношению.

Не получив благоприятных знамений, Цезарь даже пошутил над Спуринной, мол, иды пришли, а ничего не случилось.

— Пришли, но не прошли, — мрачно отвечивал волхв.

Все так и произошло, как привиделось Кальпурнии.

— И ты, дитя мое, — таковы были последние слова, обращенные к Юнию Бруту, любимцу и, как полагают, сыну.

Децим Брут, тоже участник заговора, фактически толкнувший друга и благодетеля на верную смерть, был упомянут в его завещании как наследник второй степени.

Во время игр, которые давал Август в честь обожествления своего великого предшественника, в небе появилась комета. С того дня Цезаря изображали с хвостатой звездой на челе. Из его убийц никто не умер своей смертью.

При Октавиане (63 до н. э. — 14 н. э.), присвоившем себе титулатуру Августа, т. е. Божественного, астрологи и гадалы хоть и испытывали временные гонения, но в общем благоденствовали. Он был настолько суеверен, что любая мелочь могла привести его в дурное настроение. Случайно обув левую ногу прежде правой, весь день ходил как в воду опущенный.

В Аполлонии ему как-то пришлось подняться на башню к тамошнему астрологу Феогену. После долгих уговоров Октавиан назвал день и час своего рождения. Феоген произвел вычисления и благоговейно опустился на колени. С того дня будущий Август настолько уверился в своем счастье, что даже обнародовал личный гороскоп, отчеканив серебряную монету со знаком Козерога. Так или иначе, но удача сопутствовала ему.

Если Светоний не напутал в месяцах, — Октавиан родился не в декабре, а в сентябре, — то увековечен был день зачатия, как это принято на Востоке.

Возвращаясь сразу же после гибели Цезаря из Аполлонии, он видел радужный ореол вокруг солнца. Правление и впрямь оказалось счастливым, а войны победоносными.

В Бононии на шатер Августа опустился орел, которого внезапно атаковали два ворона. После короткой схватки нападавшие бездыханными пали на землю. В войсках это было истолковано как предвестие раздора между триумвирами, что вскоре и подтвердилось. Победа осталась за Августом. Почти всякий раз ему удавалось предугадать исход очередной битвы.

При Филиппах успех предрекла тень Юлия Цезаря, показавшаяся на проезжей дороге, накануне морского сражения за Сицилию из моря прямо к ногам вождя выпрыгнула рыба, а возле Акции ему повстречался грек, погонявший нагруженного корзинами осла. Когда выяснилось, что погонщика зовут Евтих — «победитель», а его животину Никон — «удачник», можно было не сомневаться в успехе. Войска Антония и царицы Клеопатры потерпели полное поражение. Так закончилась гражданская война, вспыхнувшая после смерти Цезаря. Все эти примеры лишней раз свидетельствуют о суеверии принцепса, который, как и его предшественник, не принял венца, оставив римлянам последний клочок республиканских иллюзий.

Когда он гадал по полету птиц, ему, как в свое время Ромулу, явились двенадцать коршунов. Всякий раз на жертвоприношении гаруспики в один голос хвалили печень животного. Раздвоенная снизу, она обещала великое и счастливое будущее.

Лишь у Перузии ему не удавалось добиться благоприятных знаменений. Он уж было собрался заколоть нового быка, но помешало неожиданное нападение противника. Пришлось срочно уносить ноги, оставив жертву врагу. Гадатели в один голос истолковали это как добрый знак. Возвешенные беды должны теперь пасть на того, кто завладел внутренностями жертвы. Августу вновь повезло: все сбылось в точности.

Ему, любимцу судьбы, и смерть выпала легкая, чего он всегда желал. Молния, угодив в бронзовую статую принцепса и верховного понтифика, расплавил первую букву в имени CAESAR. Поскольку римское С означает сотню, а оставшаяся часть слова читается по-этруски как «бог», то волхвы объявили, что Августу осталось только сто дней жизни, после чего он будет причислен к богам.

Болезнь подстерегла по дороге на Капри. Последний час великий человек встретил достойно. Веселился с пирующими друзьями, щедро раздавал подарки, шутил. Когда же стало совсем плохо, велел вернуть с дороги Тиберия, с которым надолго уединился. Передавая власть, больше делами не занимался. Попросил принести зеркало, привел в порядок прическу, после чего позвал друзей.

— Хорошо ли я сыграл комедию жизни? — спросил с улыбкой и закончил стихами:

Коль хорошо сыграли мы, похлопайте
И проводите добрым нас напутствием

Претор Нумерий Аттик клялся, что видел, как тень Августа воспарила в небо вместе с дымом погребального костра. Пепел понтифика собрали верховные жрецы.

Он чтил богов, покровительствовал свободным искусствам, но весьма двойственно вел себя по отношению к астрологам: то ополчался против них, изгонял из Рима и жег колдовские книги, то, напротив, привечал и возвеличивал. На всякий случай волхвы разных специальностей прославляли его в один голос.

Кто-то из них даже придумал байку, будто юный Август заставил замолчать расквакавшихся лягушек. Это была откровенная лесть, ибо похожий подвиг, только с цикадами, совершил Геракл.

Монархам грядущих эпох — августейшим кесарям — Цезарь и Август оставили в наследство свои имена.

Предиката «божественный» оба принцепса удостоились после смерти. В Риме не существовало культа здравствующих властителей. Такой чести могли сподобиться только покойники, и то по особому решению сената.

Нерон потребует божеских почестей еще при жизни...

Развитие фабулы далеко не всегда послушно воле автора. Мы вынуждены вернуться на полстолетия вспять, когда и Август, и Цезарь еще были живы. На то есть серьезные причины. Тем более что оба принцепса были причислены к сонму богов и пребывают в «вечном теперь», где нет ни прошлого, ни будущего.

Все дело в том, что оракул порой вторгался в жизнь самых могучих владык помимо их воли, а то и вопреки ей, властно соединяя и перекраивая людские судьбы.

СИВИЛЛИН ОРАКУЛ: НЕОЖИДАННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Взглянуть смогла на пепел палат своих
Спокойным взором и, разъяренных змей
Руками взяв бесстрашно, черным
Тело свое напоила ядом,
Вдвойне отважна Так, умереть решив,
Не допустила, чтобы суда врагов
Венца лишенную царицу
Мчали рабой на триумф

Гораций

В 56 году до н. э., перед самыми январскими идами и за двенадцать лет до наступления роковых мартовских, молния ударила в статую Юпитера в храме на Альбанской горе. Дабы истолковать зловещее знамение, римские власти обратились к жрецам, на попечении которых находились знаменитые «Сивиллины книги».

Самих сивилл, как в честь богини Кибелы именовали пифий римляне, к тому времени порядком оттеснили нахлынувшие в Вечный город азиатские маги, египетские жрецы и доморожденные астрологи. Надо признать, что они тоже малость измелъчали, Аполлоновы вещуньи. Даже в первой десятке самых прославленных наметилась явная тенденция к торгашеству и шарлатанству.

Пытаясь противостоять конкурентам с востока, Самбета выдавала себя за невесту библейского Ноя, дельфийская жрица — за дочь Тиресия, а кумская сивилла Амальтея вообще предложила Тарквинию Гордому купить у нее все десять книг, в которых было прописано будущее Рима на сотни лет. По мере торга — царь оказался прижимист — она сжигала один сборник пропеций за другим, пока не осталось три последних. Тут уж Тарквиний не выдержал и выложил деньги на бочку. По его указанию книги спрятали в каменный ковчег, на который наложили печать. Они сгорели в годы правления диктатора Суллы, но остались списки, просуществовавшие вплоть до IV века н. э.

Их, как воплощение языческой скверны, сожгут уже при Феодосии. С этими списками и предстояло сверить столь поразительное событие, как удар молнии, доставшийся Юпитеру-громовержцу.

Оракул гласил:

«Если египетский царь обратится за помощью, не отказывайте ему в дружбе, но и не давайте войска, ибо подвергаете себя многим трудностям и опасностям».

Консулам, сенаторам да и самим жрецам оставалось лишь скрыть улыбку. Уши, что называется, торчали. Устами сивилл вещала влиятельная партия, не желавшая вмешиваться в запутанные и взрывоопасные египетские дела.

Царя Птолемея XII (около 106—51 года до н. э.), вынужденного бежать из Александрии, поначалу взял под свое крыло могущест-

венный Помпей. Но он уже давно подвергался яростным нападкам народного трибуна Клодия, и, поскольку триумвират фактически распался, встать на его сторону означало бросить вызов Юлию Цезарю. Завязалась ожесточенная схватка под ковром. Прямо сказать о том, что пророчество — это всего лишь прием, используемый политиками, никто не решался, боясь прослыть безбожником. Еще бо́льшим риском грозил намек на те баснословные выгоды, которые сулит поддержка изгнанного собственным народом царя. Когда он покидал Александрию, его старшей дочери Беренике было около двадцати лет, Клеопатре — одиннадцать, а младшей Арсиное и того меньше. На сыновей, пребывавших в младенческом возрасте, вообще не приходилось рассчитывать. Шансы завладеть тронem были, таким образом, только у Береники. За нее и встали горой все противники иноземного вмешательства, ибо вернуться Птолемей мог только с помощью римлян.

Самоуверенный и властный Помпей рассчитывал, что именно ему сенат поручит эту почетную и очень выгодную миссию. Тем неожиданнее была весть, что лакомый кусочек достался консулу Лентулу. Оставалось одно: втайне интриговать, надеясь на время, которое всегда несет в себе перемены. Прежде чем высадиться в Египте, Лентулу предстояло занять должность наместника Киликии.

Между тем Беренике срочно подыскивали супруга, принадлежавшего к побочной линии Птолемеев и Селевкидов, правивших в Сирии. К сожалению, воспитание претендента в фараоны оставляло желать лучшего. Его грубые манеры и простонародные привычки вызвали настоящий шок в высшем свете Александрии. Фараонский обычай близкородственных браков вошел в плоть и кровь династии Птолемеев. После нескольких дней совместной жизни Береника не выдержала и приказала задушить «торговца соленой рыбой».

О том, насколько сложно выглядела сложившаяся ситуация, где на проблему престолонаследия наложились интересы виднейших римских политиков, свидетельствует письмо Цицерона Лентулу.

Писатель и виднейший оратор и сам надеялся нагреть руки на египетской афере и был чрезвычайно раздосадован неожиданным вмешательством небесных сил:

«...Гортенсий, Лукулл и я (Цицерон называет сторонников «военной помощи». — *Е. П.*) уступаем требованиям религии в вопросе о войсках, ибо иначе нельзя удержать положения, но сенат на основании того постановления, которое было принято по твоему предложению, определяет, чтобы царя возвратил ты, что ты можешь сделать с выгодой для государства, хотя религиозные соображения устраняют войско, но сенат оставляет тебя как исполнителя. Красс предлагает назначить трех послов, и не исключает Помпея... Спорят сильно, решения колеблются... рвение всех друзей Помпея заставило полагать, что он, видимо, жаждет назначения».

Пока шли споры, охладевшие друг к другу триумвиры встретились в апреле 56 года до н. э. в Луке и решили возобновить четырехлетней давности соглашение. Договорились, что Цезарь продлит свой мандат на управление Галлией, Красс получит Испанию, Помпей — Сирию.

Птолемей, пребывавший в Эфесе, пришел в отчаяние. Возвращение в Александрию явно затягивалось. Вместе с ним рвали на себе волосы и его римские кредиторы, которым он задолжал огромные деньги. Одному Цезарю пришлось уплатить за обещанную поддержку шесть тысяч талантов, что составляло почти годовой доход Египта. Часть этой суммы предназначалась Помпею, на подарки которому тоже ушли немалые средства. И все оказалось напрасным из-за каких-то изъеденных плесенью «Сивиллиных книг»!

Птолемей XII выбрал себе два тронных имени: Филопатр — «любящий отца» и Филадельф — «любящий сестру». Первым он хотел подчеркнуть, что является законным сыном фараона, хотя и рожден от наложницы, второй объяснялся давним египетским обычаем, согласно которому цари женились на сестрах. В его титулатуру входили и имена богов: «Новый Дионис, возлюбленный Птахом и Исидой». Но в памяти поколений закрепилось лишь прозвище, присвоенное народом: Авлет, т. е. «флейтист» по-гречески.

Царь трепетал перед Римом, чуждался религии, но обожал устраивать театральные представления, аккомпанируя хорам игрой на флейте.

Флейтист явно недооценивал могущества триумвиров. В Риме не было силы, способной оказать им сколь-нибудь действенное сопротивление. Представители главных партий — популяры и оптиматы — выказали полнейшую недееспособность.

Еще в 65 году до н. э. Цезарь разработал план превращения Египта в провинцию Рима. Это означало ликвидацию трона, как это уже проделали на Кипре, где тоже правили Птолемеи. Марк Красс со своей стороны предложил начать в Египте сбор податей. Будучи цензором, он делал вид, что печется исключительно о благосостоянии республики. На самом же деле этот прожженный делец и честолюбец заботился лишь о собственной мошне. Ни для кого не составляло секрета, что богачей Красс дует в одну дуду с Цезарем, боготворимым римской толпой. Именно это обстоятельство и провалило проект. Пристегнуть слабый в военном отношении Египет к империи не составляло особых трудностей, и это предложение почти наверняка могло собрать в сенате большинство голосов. Но ропот возмущения вызывало уже одно упоминание о Крассе и Цезаре. Ограбив Египет до нитки, что они непременно сделают, получив полномочия, они сосредоточат в своих руках несметные богатства, создав тем самым опасность для республиканского строя. Цезарь не мог соперничать ни с военной славой Помпея, которого называли Великим, ни с несметным богатством Красса. Тем сильнее обуревала его жажда власти. С детских лет

мечтая о могуществе и славе, он не мог без зависти смотреть на статуи Александра Македонского или читать описания его походов. Проезжая однажды через захолустное галльское поселение, кто-то из его друзей в шутку спросил:

— Неужели и в этом жалком уголке борются за власть? И кто-то мечтает о первенстве, и готов на все, чтобы добиться его?

— Я бы предпочел быть первым здесь, чем вторым в Риме, — вполне серьезно ответил наместник Трансальпийской и Цизальпийской Галлии.

Сенат не питал иллюзий насчет настроений честолюбца. Он внушал опасения даже стоявшим за ним популярам. О противниках и говорить не приходится. Многие обвиняли Цезаря в том, что он вместе с Помпеем и Крассом готовит убийство обоих консулов.

Как и следовало ожидать, оптиматы, имевшие твердое большинство, провалили египетское предприятие, чему немало поспособствовал своим красноречием сенатор Цицерон.

Юлий Цезарь, постоянно нуждавшийся в деньгах, оказался в очень затруднительном положении. Срок его полномочий в Галлии приближался к концу, чем не замедлят воспользоваться враги. Шесть тысяч талантов подвернулись как нельзя более вовремя. Они-то и обратили лютого врага в умного и энергичного союзника.

Ко всеобщему удивлению, Цезарь внес в сенат предложение признать Птолемея XII царем Египта и другом римского народа. Помпей, в свою очередь, убедил сенаторов продлить еще на год полномочия Габиния в Сирии. Это было совершенно необходимо, ибо под его началом находилось несколько легионов, которые в короткий срок могли войти в Египет.

Габинию Птолемей Авлет посулил десять тысяч талантов, что составляет шестьдесят миллионов греческих драхм. Такая фантастическая сумма легла на чашу весов, чтобы уравновесить оракул из «Сивиллиной книги»!

Да и не из «Сивиллиной» вовсе. Инспирированное оптиматами «пророчество» под стать нынешним. Телевизионная программа «Звезды говорят» дает наглядный пример: «Ракам следует соблюдать крайнюю осторожность в выборе деловых партнеров и приглядеться к спонсорам».

Габиний мог вполне положиться на «партнеров» и «спонсоров», гарантировавших в случае удачи выплату миллионов, но терзался сомнениями. Как-никак ему предстояло бросить вызов религии и сенату. Конец сомнениям полководца положил верный союзник Цезаря легат Марк Антоний, сославшись на растущую мощь возобновленного триумvirата, прозванного «Трехглавым чудовищем».

Доводы, которые привел Антоний, оказались достаточно вескими. Ради укрепления союза Цезарь закрыл глаза на амбиции Помпея, мечтавшего стать диктатором, и даже выдал за него свою дочь Юлию. Он также сумел убедить своих подвижников забыть старые распри, серьезно ослабившие обоих, что не замедлило сказаться на

политической атмосфере. Огромным большинством голосов Цезаря избрали великим понтификом. Габиний мог быть уверен, что глава римских жрецов защитит его, по крайней мере, от обвинения в святотатстве.

Ничтожная бумажка с оракулом лжесивиллы смогла затянуть в тугой узел судьбы главных участников предстоящей драмы: Цезаря, Помпея и Марка Антония. Капризом судьбы в центре его оказалась будущая царица Египта Клеопатра VII (69—30 до н. э.), которую музы избавили от порядкового номера в списке фараонов.

КЛЕОПАТРА

Подай мне мантию, надень корону
Я так истосковалась по бессмертью!
Уж больше губ моих не увлажнит
Египетская гроздь Живей, Ирада!
Мне кажется, меня зовет Антоний,
Хвала за мужество, смеется, слышу,
Над счастьем Цезаря, ведь счастье боги
Дают нам для того, чтоб оправдать
Потом свой гнев

Шекспир Антоний и Клеопатра

Римляне верно оценивали боеспособность египетской армии. Конница Антония без боя овладела пограничной Пелузией. Одержимый жаждой мести, Птолемей Авлет требовал перебить весь гарнизон крепости. Его едва удалось утихомирить. Но свою дочь Беренику и ее второго мужа Архелая он распорядился немедленно умертвить. Теперь старшей из его наследников становилась Клеопатра. Ей исполнилось четырнадцать лет, и она вполне сформировалась как женщина. Современники не считали ее эталоном красоты, так сказать, второй Еленой Троянской. Однако сама жизнь показала, что колдовскому очарованию будущей царицы Египта не смог противостоять ни один из смертных.

— Клянусь — о мать наслаждений,
Тебе неслышанно служу,
На ложе страстных искушений
Простой наемницей всхожу
Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари,
О боги грозного Аида,
Клянусь — до утренней зари
Моих властителей желанья
Я сладострастно утомлю
И всеми тайнами лобзанья
И дивной негой утолю

Александр Пушкин. Египетские ночи

В Александрии, заворожено блуждая по залам Греческого музея, где рядом с Исидой, стоящей в легкой тунике вакханки меж двух змеев, сверкнет мраморный бюст Клеопатры с фараоновой коброй на темени, я вспоминал божественные строфы. Любовь на грани смерти. Розовая, круглозаяда (Камипига!) Афродита, рожденная на Кипре из пены морской, и мрачные чертоги Плутона.

Под смертную секирой
Глава счастливица упадет

Они всегда рядом, Танатос и Эрос, первопотенции вечности. Все четыре стихии, все сущности мировые соединил Пушкин крылатой рифмой. Сумеречные глубины мифа с исторической достоверностью, духом и буквой ее.

В библиотеке храма Сераписа Марк Антоний — за один только поцелуй! — подарил царице множество свитков с философскими трактатами мудрецов Греции и Рима. И все это, вместе с трагедиями и поэмами, уничтожит огонь! Пламя Эроса обернется в веках факелами фанатичных преступников. Словно изначальное проклятие довлеет над человеческим родом. Любовница, а затем и жена Антония, Клеопатра лелеяла надежду завлечь Октавиана Августа, но ушла из жизни, когда римские легионы подступили к столице.

Треугольная головка болотной виперы, поднесенная к обнаженной груди...

Биение сердца, сопряженное с ритмом мировых циклов. Гадюка на груди, да еще жемчужина, брошенная в кубок с вином, почему-то больше всего поразили воображение поэтов.

Она раскинулась лениво —
Навек забыть, навек уснуть
Змея легко, неторопливо
Ей жалит восковую грудь

Александр Блок

И черную змейку, как будто прощальную жалость,
На смуглую грудь равнодушной рукой положить

Анна Ахматова

Одного так и не поняли питомцы муз: почему именно такую смерть избрала царица. По египетским верованиям, укус змеи обеспечивал самый скорый переход в вечность. Как и Александр, Клеопатра искала бессмертия.

Ирония судьбы: конец царицы, последней из фараонов, знаменовал и закат Александрии — мировой метрополии, возникшей по мановению бога и первого фараона чужой, не египетской крови...

Первым к ее ногам пал Марк Антоний, весьма охочий до женских прелестей. Его мать происходила из рода Юлиев и состояла в родстве с Цезарем. Он постоянно строил грандиозные планы, хотел всего и сразу и едва ли догадывался, что юная царевна станет его судьбой. Боги неохотно приоткрывают завесу будущего перед глазами смертных. В Сирии вспыхнули беспорядки, и Антоний вместе с Габинием был вынужден покинуть Александрию, оставив несколько когорт для охраны Птолемея.

Ему предстояло выбивать деньги из вновь обретенных подданных. «Воды жизни», по выражению египтян, фараону-флейтисту оставалось чуть поболее четырех лет. События, которыми они были насыщены, вне сферы нашего интереса. За исключением последних месяцев, когда соправительницей отца сделалась Клеопатра. Что же касается Габиния, который не только не получил обещанных миллионов, но и угодил под суд, а после отправился нищим в изгнание, то его участь достойна упоминания.

В отношении к оракулам проявлялось двоемыслие просвещенных римлян. С одной стороны, явная профанация, с другой — своего рода символ веры, наследие славных предков, притом живое, чреватое самыми неожиданными сюрпризами. В то, что «Ленин всегда живой», мы, само собой, тоже не очень-то верили, но делали серьезные мины, выслушивая явную нелепицу. Но речь не о нас, о римлянах, в данном случае — плебсе.

Суть в том, что порой сбываются и высосанные из пальца пророчества. Весенний разлив Тибра вызвал сильное наводнение, затопившее низменные участки Рима. Много людей погибло, еще больше осталось без крова. В этом усмотрели месть неба за пренебрежение оракулом сивиллы. Только случайность спасла Габиния от гнева разъяренной толпы. Его головы требовали и многочисленные приверженцы Сераписа и Исиды, которые не забыли, что именно он выступил против восстановления разрушенных алтарей.

Внакладе остались и прочие кредиторы покойного Птолемея.

Трон унаследовал его десятилетний сын Птолемей XIII и восемнадцатилетняя Клеопатра. По древнему обычаю, им предстояло вступить в священный брак фараонов.

Далее барабаны судьбы забили в учащенном темпе крещендо.

В Александрию с флотом из пятидесяти военных кораблей прибыл двадцатилетний сын Помпея Великого Гней. Клеопатра, которая была старше его на пять лет, не замедлила очаровать молодого флотоводца. Всесторонне образованная и необыкновенно привлекательная царица, обладавшая ко всему прочему на редкость проникновенным голосом, без труда вскружила ему голову. Ведь, в отличие от аристократа Антония, Помпеи происходили из плебейского рода. Отлично разбираясь в хитросплетениях римской политики, от которой в конечном счете зависела ее жизнь, Клеопатра не упустила случая привлечь на свою сторону сына триумвира и, как знать, возможно, будущего диктатора. Была ли она настолько распутна, как тщились представить ее недоброжелатели? Вполне возможно, ибо двор Птолемеев не отличался добродетелью. Но ведь и Рим, мягко говоря, не был образцом нравов. Как бы там ни было, на первом месте у Клеопатры всегда стояла власть, а постель служила лишь орудием, впрочем, весьма убедительным.

Гней Помпей, сохранив приятное воспоминание, отбыл в Адриатическое море, увозя из Египта гораздо меньше новобранцев, нежели первоначально рассчитывал, а год спустя в Александрии совершился переворот. Птолемей XIII, этот едва оперившийся эфеб, сверг с трона свою многоопытную сестру и супругу.

Близ медлительного Нила, там, где озеро Мерида,
в царстве пламенного Ра,
Ты давно меня любила, как Озириса Изида,
друг, царица и сестра!
И клонила пирамида тень на наши вечера.

Валерий Брюсов

Клеопатра не только не любила тщедушного сосунка, которым вертели опекуны, но, прежде всего, ни с кем не желала делить трон. Вынужденная бежать в Палестину, надеясь набрать там достаточно наемников, чтобы отвоевать власть, она неожиданно для всех исчезла из дворца. По-видимому предприятие ей удалось, потому что Птолемею XIII пришлось послать на границу целую армию. Начать битву первым никто не решался, что тоже как-то созвучно теме рока, проявлявшей себя нарастающим громом.

Подоспели уже известные нам события: Красс погиб, а Цезарь схлестнулся с Помпеем Великим на поле боя. Перед Птолемеем XIII и Клеопатрой встал один и тот же вопрос: чью сторону взять.

Опекуны и жрецы фараона высказывали различные мнения, но большинство склонялось к нейтралитету. Евнух Потин, фактически регент, разбил все доводы. В изложении римлянина Лукана он заявил приблизительно следующее: «Правитель всегда должен стоять на стороне судьбы и богов, то есть поддерживать того, кому сопутствует удача, и пренебречь неудачником. Справедливость и выгода столь же далеки друг от друга, как огонь и вода. Власть теряет силу, как только начинает следовать принципам справедливости».

Поскольку Помпей потерпел поражение, выбирать не пришлось.

«Среди многих чудесных знамений, предвещавших победу Цезаря, как о самом замечательном сообщают о знамении в городе Траллах. В храме Победы стояло изображение Цезаря. Земля вокруг статуи была от природы бесплодна и к тому же замощена камнем, и на ней-то, как сообщают, у самого цоколя выросла пальма.

В Патавии некто Гай Корнелий, человек знаменитый искусством гадания, как раз в тот день сидел и наблюдал за полетом птиц. По рассказу Ливия, он прежде всех узнал о времени битвы и заявил присутствующим, что дело уже началось и противники вступили в бой. Затем он продолжал наблюдение и, увидев новое знамение, вскопчил с возгласом: «Ты победил, Цезарь!»

Плутарх. Цезарь

Не оттого ли не удалось помериться силами враждующим супругам из дома Птолемеев, что внимание небес целиком переключилось на гражданскую войну в Риме? Ведь границы Рима — границы мира.

Сам Цезарь, упоминая себя в третьем лице, описывает в «Записках о гражданской войне» сложившуюся после убийства Помпея ситуацию так:

«...Цезарь так полагался на славу о своих подвигах, что без колебания двинулся в эту экспедицию с недостаточными силами в расчете, что везде будет в безопасности. В Александрии он узнал о смерти Помпея...

Сам же он вынужден был оставаться из-за сильных пассатных ветров, делавших отплытие из Александрии очень затруднительным. Между тем он был убежден, что спор между царем и царевной принадлежит решению римского народа и его консулов и тем более

касается его должности, что именно в его предыдущее консульство, по постановлению народа и сената, был заключен с Птолемеем-отцом союз. Поэтому он заявил, что, по его мнению, царь Птолемей и его сестра Клеопатра должны распустить свои войска и решать свой спор лучше легальным путем перед его трибуналом, чем между собой оружием».

Боги в лице своего избранника и впрямь распорядились за Клеопатру и Птолемя.

Записки Цезаря — спокойно, деловито, просто, но с умолчаниями — живописными подробностями дополняет римский историк Дион Кассий:

«Глядя на голову Помпея, Цезарь плакал и горько сетовал. Он вспоминал, что покойный был его зятем; перечислял услуги, которые они когда-то друг другу оказывали. А что касается убийц Помпея, то он не только не выказал им благодарности, но даже резко их обвинял. Голову он приказал украсить, тщательно забальзамировать и сохранить. Все это заслуживало бы уважения, но его лицемерие кажется смешным. Ведь с самого начала Цезарь всеми силами стремился к единовластию, а Помпея ненавидел как противника и конкурента».

Не Макиавелли первым открыл заповеди власти. Евнух Потин, живший за полторы тысячи лет до лукавого флорентийца, чуть ли не цитирует его «Государя». Едва ли Цезарь был менее искушен, чем евнух.

То, что историк счел за лицемерие, было лишь адекватной обстоятельством реакцией властелина. Он и здесь хотел походить на Македонского. Разница лишь в том, что Александр был богом и каждый его жест вызывал преклонение, пародия же обречена на пренебрежительную усмешку.

Наступал второй акт драмы. В первом, напомним, приняли участие Марк Антоний и Гней Помпей-младший.

О встрече Цезаря с Клеопатрой подробно повествует Дион Кассий:

«Сначала она хлопотала о себе перед Цезарем через посредников. Потом, узнав, как он падок на женские прелести, сама обратилась к нему с просьбой:

— Поскольку друзья не излагают мои дела верно, я думаю, что мы должны встретиться лично».

Она была прекрасна и сияла очарованием юности. У нее был прелестный голос, она умела быть обаятельной со всеми. Наслаждением было и смотреть на нее, и слушать ее речи. Она могла легко покорить любого человека — даже мужчину уже немолодого и пресытившегося любовью.

Когда ей разрешили предстать перед диктатором, она приготовилась и принарядилась очень тщательно — так, чтобы, сохраняя достоинство своего сана, одновременно возбудить сочувствие к своему положению изгнанницы. В город и во дворец она проникла тайно, ночью, прячась от Птолемя и его сторонников. Цезарь был покорен сразу, как только увидел ее и услышал ее голос».

Отдадим должное мужеству Клеопатры, которая прямо-таки играла со смертью. Любой слуга евнуха Потина, ненавидевшего царицу, мог убить ее, как говорится, не сходя с места, и никто бы не узнал, что с ней произошло. Пойти на такое отчаянное предприятие заставила все та же циничная логика власти.

Птолемей — рядом с Цезарем, он оказал ему неоценимую услугу, покончив с Помпеем, она же — изгнанница. За братом весь государственный аппарат, за ее спиной — наемники, завербованные в сирийских кабаках. Не стоит ломать голову над тем, на чью сторону встанет диктатор. Словом, основания разом бросить все на кон были. Непонятно другое: поведение Цезаря. Он пленен красотой? Пусть так, но зачем же безумствовать, если женщина сама отдала себя в его руки? Он только что добился того, к чему шел всю жизнь: единоличной власти. Вроде бы не самый подходящий момент для азартных игр. Александрия клокочет ненавистью, того и гляди, вспыхнет восстание и начнется война. Римляне могут оказаться в невыгодном положении. Да и он, диктатор, всего лишь гость в этом дворце, что гудит, как потревоженное гнездо шершней. Всемогущий евнух держится за воспитанника и ни перед чем не остановится, если почувствует угрозу своей власти. Это можно понять.

Тем не менее Цезарь отдает распоряжение привести к нему Птолемея-царя, союзника! Вопреки всякому этикету, да еще среди ночи! Что это: мгновенное помешательство на любовной почве, колдовские чары или то и другое вместе взятое? Клеопатра многое почерпнула у египетских жрецов: омолаживающие снадобья, яды, всевозможные приемы магического воздействия. Допустим, Цезарь, как в свое время Антоний, а за ним и молодой Помпей, был сражен безотказной стрелой Амура, который шутя лишал разума даже олимпийских богов. Он и в молодости был грешен по этой части, а в зрелые годы, вопреки рассуждению Диона Кассия, симптомы волшебного недуга могли проявиться еще резче: «седина в бороду, бес в ребро».

Впрочем, продолжим цитату:

«Цезарь старался примирить брата и сестру; недавний судья Клеопатры превратился в ее защитника. Зато молодой человек пришел в бешенство. С криком, что его предали, он кинулся в толпу придворных, сорвал с головы диадему и бросил ее на пол.

Возникло замешательство. Люди Цезаря силой увели царя, а среди египтян продолжались волнения. Они атаковали дворец с суши и моря. И вероятно, захватили бы его, потому что у римлян не было достаточно сил для защиты, если бы в последний момент Цезарь, испугавшись, не вышел навстречу атакующим. Он встал в безопасном месте и громко крикнул, что выполнит все их требования.

Позднее диктатор выступил перед народом Александрии. В присутствии Клеопатры и Птолемея он прочитал завешание их отца. В нем говорилось, что брат и сестра, по египетскому обычаю, должны

вместе жить и совместно царствовать под опекой римского народа. Тогда, наконец, пришло успокоение. Но немного позже снова вспыхнули волнения, а потом началась война».

Ее застрельщиком явился, конечно же, Потин, не скрывающий враждебного отношения к Цезарю. Компаньон евнуха по опекунству Ахилла находился с войском в Пелусии. Противники Клеопатры располагали значительной силой, которая еще более возросла, когда в их лагерь перебежала младшая царевна Арсиноя.

Мог ли такой замечательный стратег и искушенный политик, как Цезарь, не предвидеть последствий своего импульсивного поведения? Или это Кассий, увлекшись любовной авантюрой, упустил нечто весьма значительное, в корне меняющее всю диспозицию?

Обратимся к Плутарху, который с особым вниманием относился к личности своих героев, к внутренним побуждениям, диктовавшим те или иные поступки.

«Что касается Александрийской войны, то одни писатели не считают ее необходимой и говорят, что единственной причиной этого опасного и бесславного для Цезаря похода была его страсть к Клеопатре, другие представляют виновниками войны царских придворных, и в особенности могущественного евнуха Потина, который незадолго до того убил Помпея, изгнал Клеопатру и тайно замыслил против Цезаря... Цезарь ответил на это, что он меньше всего нуждается в египетских советниках, и тайно вызвал Клеопатру из изгнания.

Клеопатра, взяв с собой лишь одного из друзей, Аполлодора Сицилийского, села в маленькую лодку и при наступлении темноты пристала вблизи царского дворца. Так как иначе трудно было остаться незамеченной, то она забралась в мешок для постели и вытянулась в нем во всю длину. Аполлодор обвязал мешок ремнем и внес его через двор к Цезарю. Говорят, что уже эта хитрость Клеопатры показалась Цезарю смелой и пленила его. Окончательно покоренный обходительностью Клеопатры и ее красотой, он примирил ее с царем для того, чтобы они царствовали совместно. Во время всеобщего пира в честь примирения раб Цезаря... проведal о заговоре, подготовляемом против Цезаря военачальником Ахиллой и евнухом Потинном. Узнав о заговоре, Цезарь велел окружить стражей пиршественную залу. Потин был убит».

Перемена последовательности событий в корне меняет всю картину. Не Клеопатра, а Цезарь явился инициатором встречи, ибо, зная сложившийся расклад, рассчитал партию на много ходов вперед. Внезапная страсть едва ли была способна затмить его трезвый аналитический ум. И можно не сомневаться, что о заговоре он проведal не в самый последний момент. В его записках ясно сказано, что, перехватив курьера, который вез письмо к Ахилле с призывом выступить, он велел казнить евнуха.

Ставка на Клеопатру была сделана с учетом всех обстоятельств. Что же до драматического появления царицы, то, безусловно, оно вполне могло произвести сильное впечатление.

Мы слишком мало знаем, но не в ту ли минуту в голове диктатора, ревновавшего к славе Македонского, мелькнула та самая идея, которую он вскоре попытался осуществить? Забегая вперед, скажем, что в его грандиозных планах нашлось место для Клеопатры. Отсюда и поразительная быстрота действий. Красота, ум и дерзкая отвага царицы, прежде всего, подстегнули воображение, а вспыхнувшее чувство, если и тут не обошлось без расчета, высветило дальнейший путь.

Они, даже разделенные морями, пройдут его вместе: Цезарь и Клеопатра.

Война в Александрии шла с переменным успехом. Римлянам, несмотря на малочисленность, все же удалось высадиться на острове Фарос, где находилась исполинская башня с маяком, по праву считавшимся одним из семи чудес света. Они взяли под свой контроль вход в Восточный порт, хотя остальная часть острова и почти весь город находились в руках Ахиллы. По существу, Цезарь находился в осаде. Оставшись без пресной воды, его войско было вынуждено в перерывах между атаками египтян рыть колодцы. Положение спасли суда, на которых прибыл тридцать седьмой легион с катапультами и запасом провианта. Римляне выиграли морское сражение, но в битве за Фарос и дамбу обратились в позорное бегство. Сам Цезарь спасся на корабле, до которого доплыл с поднятой над водой рукой, в которой держал важные документы. Его багряница досталась александрийцам в качестве трофея. Но нам важны не перипетии войны, а ее последствия. Главным из них можно считать гибель Птолемея, тело которого, найденное после битвы, опознали по золотым доспехам. Эта смерть развязала Цезарю руки. Одержав с помощью подоспевших подкреплений верх, он 27 марта 47 года до н. э. вступил победителем в Александрию, где вновь провозгласил царицей Клеопатру и ее нового супруга — десятилетнего братца, ставшего Птолемеем XIV.

Царевну Арсиною он взял с собой в Рим. Ей предстоял позорный путь перед колесницей триумфатора. «Ненужную» — прав Кассий — войну Цезарь хотел оправдать пышным победным празднеством, а что за триумф без поверженного врага? Но ценой унижения была спасена жизнь Арсинои. Рассчитывать на родственные чувства сестры ей не приходилось.

По сравнению с первым триумфом, которым сенат удостоил Цезаря за покорение Галлии, этот вызывал у римлян больше смеха, чем ликования. Особенно позабавили толпу ветераны, которым древний обычай позволял всласть поиздеваться над своим вождем. Это должно было отвести от него зависть богов.

Переминая косточки Цезарю и Клеопатре, brave легионеры заклинали римлян подальше спрятать своих жен, потому что едет «лысы бабник», который до всех доберется.

Отчасти это смягчило разочарование. Арсиною и рядом нельзя было поставить с закованным в цепи галльским вождем Верцингеторигом. К счастью для Арсинои, потому что, опять же согласно

обычаю, Верцингеторига удушили в тюрьме, а она, вышагав свое, могла наслаждаться свободным житьем на римской вилле.

Еще одним, притом не менее важным, итогом Александрийской кампании явилось рождение наследника трона, которого тоже, согласно традиции, нарекли Птолемеем. Впрочем, Клеопатра дала сыну и второе имя — Цезарь, а также двойную титулатуру Филопатор-Филометор: «любящий отца» — «любящий мать». Имя — знак. В нем отразились чаяния царицы. Александрийцы, ненавидевшие ее так же сильно, как и римских завоевателей, прозвали мальчика «Цезаренком».

Пока Клеопатра переживала радости материнства, насколько это позволяли государственные заботы, Цезарь успел разгромить у города Зеде в Малой Азии войско Фарнака, сына царя Понта Митридата VI Евпатора, о чем и оповестил сенат сакраментальной фразой: «Пришел—увидел—победил». Всего три слова, но они даже в переводе выражают ошеломляющую быстроту внезапной атаки трех легионов.

По возвращении в Рим Цезарь был вторично избран диктатором, а на следующий год — консулом, но его положение не было достаточно прочным. Его враги Катон и Сципион укрылись в Северной Африке, где при содействии нумидийского царя Юбы I собрали значительную армию.

Цезарь столь же стремительно высадился в Сицилии и, дождавшись прямо на берегу попутного ветра, отплыл с тремя тысячами пехоты и небольшим конным отрядом. Доставив войска на место, он незаметно отплыл навстречу главным силам. Узнав, что Сципион верит древнему оракулу, согласно которому всему их роду суждено побеждать в Африке, Цезарь решил пошутить, а скорее всего, обратить предсказание себе на пользу. Выбрав среди своих легионеров отдаленного потомка Сципиона Африканского, он поставил его во главе войска, что вызвало дружный хохот. Этот Сципион Саллутийон, по словам Плутарха, был «человек во всех отношениях ничтожный и всеми презираемый». Однако возложенную на него миссию он выполнил. Цезарь наголову разгромил нумидийцев, и захватил сына царя.

В Риме его ожидали сразу два триумфа. Триумфатор и сенат предпочли не упоминать о том, что вместе с нумидийцами были разбиты и римские войска, сохранившие верность Помпею. Не успели отгреметь триумфы, а Рим вновь взбудоражен прибытием Клеопатры. Она жаждет встретиться с Цезарем, он хочет увидеть ее. Поводом для желанного свидания послужило заключение союзнического договора. Вместе с царицей прибыли ее двенадцатилетний супруг Птолемей XIV и годовалый Цезарион.

Царская семья была встречена со всеми подобающими почестями. Цезарь предоставил под резиденцию свою виллу на Янукулском холме. Реакция римлян прохладная. Царица с ее двумя мальчиками вызывает неясные опасения и жгучее любопытство. «Какой из них сын Цезаря?» — вполголоса шутят охочие до зрелищ зеваки.

На слуху еще скабрзные куплеты легионеров. Похоже, все видевший Рим осуждает своего «лысого бабника». Он ведь и в Африке напроказил, вскружив голову мавританской царевне Эвное. Слухи об этом романе дошли до Александрии, что заставило Клеопатру ускорить приезд.

На открытии храма Венеры Прародительницы она во всем блеске красоты и убора стоит рядом с Цезарем. Святилище построено на его личные средства. Совершая как великий понтифик возлияние в честь богини любви, он желает почтить и свою далекую прабабку. Всем известно, что род Юлиев восходит к герою Энею, рожденному Венерой на Иде Троянской, но какое отношение к этому имеет египетская царица? Оказывается, имеет.

Вступившие под сень храма — три его колонны все еще высятся на руинах форума — испытали настоящий шок, увидев рядом с мраморным изваянием Венеры золотую статую Клеопатры! Такого никто не ожидал, хотя слухи ходили. Даже терпеливая Кальпурния была уязвлена. Она любила своего ветреного мужа и, несмотря на его увлечения, хранила непоколебимую верность, однако на сей раз он зашел слишком далеко. Зачем выставлять напоказ эту связь, которая никому не делает чести? Глупая, кощунственная демонстрация. Неужели Цезарь окончательно потерял голову?

Греки и римляне отождествляли Исиду с Афродитой—Венерой, а коль скоро египетскую царицу почитали воплощением Исиды, образ Клеопатры по праву мог находиться в храме. Впрочем, логика безмолвствует, когда затронуты чувства. Любовный порыв Цезаря всколыхнул волну возмущений. Но на то и волна, что как накатит, так и отхлынет, а за ней накатит другая.

Штормовое предупреждение поступило из Испании. Вновь дал знать о себе Гней, сын Помпея Великого, три года назад навещавший Клеопатру в Александрии. Вместе в братом Секстом он сосредоточил на границах Галлии крупные силы. Цезарь срочно отбыл на пиренейский театр, а Клеопатра осталась в Риме. Вновь увидеться им довелось лишь через девять месяцев. Война оказалась затяжной. Цезарь сокрушил мятежников весной 45 года до н. э. в битве под Мундой. Гнея удалось захватить, и он был убит, а Секст бежал куда-то на север.

Цезарь мог вздохнуть с облегчением. В Риме не осталось сил, способных бросить открытый вызов его единоличной власти. Оппозиционно настроенные сенаторы могли только ворчать. Пусть их!

«К друзьям он всегда был внимателен и добр... — говорит о Цезаре Светоний, — напротив, вражды у него ни к кому не было настолько прочной, чтобы он от нее не отказался с радостью при первом удобном случае».

Сделавшись пожизненным диктатором, он остался таким же великодушным и благородным, но позволил себе большую откровенность в высказываниях.

Историк Тит Амвий, приверженец Помпея, возможно, тенденциозен, но едва ли бы он решился приписать Цезарю чужие слова:

«Республика — ничто, пустое имя без тела и облика».

Все правильно: власть портит человека, а абсолютная власть портит абсолютно. Много хуже другое: абсолютная власть лишает человека разумной осторожности. Цезарь счел возможным сбросить последние маски и явить себя миру в подлинном облике. Для историка — это подарок, для современника — вызов.

Как-то гаруспик доложил ему, что у зарезанного животного не оказался сердца.

— Тебя ожидает несчастливое будущее, — предрек гадатель, то ли заведомый лжец, то ли растяпа, не сумевший разобраться во внутренностях.

— Все будет хорошо, коли я того пожелаю, а в том, что у скотины нету сердца, ничего удивительного нет, — спокойно и с присущим ему остроумиемотреагировал потомок Венеры.

Не он один посягал сравниться с Македонским, но ни у кого другого не было на то большего права.

— Я Цезарь, а не царь! — оборвал он однажды склонившегося перед ним плебея.

На Луперкалиях — празднике Вахха—Диониса — когда консул Антоний пытался возложить на него диадему, Цезарь велел отослать ее в храм Юпитера Всеблагого и Величайшего.

— В Риме только один царь — Юпитер.

Ему ли было не знать, сколь презираемы гражданами варварские венцы! Но границы Рима — границы мира, а над миром... Его планы простирались от Атлантики до Индийского океана. Он уже видел себя властелином планеты и Клеопатру рядом с собой. Перед ней, дочерью фараонов, склонится Восток, перед ним, победоносным воителем, — Запад. Друзья говорили, что Цезарь втайне готовил закон, дававший ему право на многоженство. Держава Македонского потому и распалась, что он не сумел обеспечить ее законным наследником. В жилах Цезаря течет священная кровь Венеры — Афродиты—Исиды—Астарты. Она сплотит воедино народы и племена, дав им царей-богов. Птолемею Цезарю быть первым!

Безумным, как ни обидно за Цезаря, мечтам не дано было осуществиться по многим причинам. Тем более что неумолимо наджигались мартовские иды.

Слухи о том, что Цезарь собирается жениться на Клеопатре и перенести столицу в Александрию, побудили республиканцев Брута и Кассия ускорить задуманное. Ничто не проходит бесследно. Даже мысли, которые выливаются в неосторожное слово. Великое Неведомое, откликнувшись на зов сивилл, проникло в сны верной Кальпурнии и брызнуло кровавым дождем.

— И ты, Брут...

Второй акт драмы вскоре будет отыгран.

Третий, ничуть не посягая на авторские права Шекспира, — ныне творчество гения обеспечивает работой миллионы интеллектуалов! — иначе как «Антоний и Клеопатра» не назовешь. Литература и кино — кто не помнит голливудский боевик с Элизабет

Тейлор в заглавной роли царицы? — позволяют перескочить через ступени событий и вернуться в Египет.

Опасаясь за себя и за сына, Клеопатра поспешила с отъездом. Наследником покойного Цезаря объявлен Октавиан, будущий Август. Имя Птолемея Цезаря не названо нигде. Надвигался шквал непредсказуемых потрясений.

В борьбе за власть Октавиан заключил союз с Антонием и Лепидом. В битве при Филиппах триумвиры одержали верх над убийцами Цезаря. Расправа была жестокой. Голову Брута Октавиан отправил в Рим, приказав бросить ее к ногам статуи названного отца, но ей суждено было сгинуть в пучине вместе с кораблем близ Диррахия.

Заведомо непрочный триумвират вскоре распался. Октавиан отнял войско у Лепида, а затем порвал и с Антонием, которому по разделу полномочий достался Восток.

Бурный ветер перемен не обошел и Александрию. Клеопатра, опираясь на местное население и жречество, всеми способами пыталась умиротворить римских эмиссаров. К счастью для нее, раздираемая гражданской войной империя не могла проводить последовательную политику. Карты в колоде, где вместо королей мелькали калифы на час, постоянно меняли масти. Как всегда, возобладали корыстные интересы.

Загадочная смерть Птолемея XIV прошла для Рима незамеченной. По сей день не известно, как и где это произошло. В последний раз торжественная формула «В царствование Клеопатры и Птолемея» промелькнула 26 июля 44 года до н. э. Ходили слухи, что царица отравила своего четырнадцатилетнего брата и номинального мужа. Это наиболее вероятная версия, хотя и ничем не подкрепленная. Соправителем она сделала сына, который едва встал на ножки.

На каменных скрижалях появилась новая надпись: «Царица Клеопатра Филопатра и царь Птолемей, который именуется также Цезарем, Филопатор Филометор».

Марк Антоний, все еще полновластный наместник Восточных пределов, дал о себе знать, направив в Александрию посла. Его интересовали причины, не позволившие царице принять участие в войне с Брутом и Кассием.

Встреча была назначена в Тарсе, Киликийской метрополии, где родился апостол Павел и упокоился Юлиан Отступник.

Клеопатра явилась — иного слова не подберешь — в образе Афродиты. Не нагая из пены морской, но со всеми атрибутами прекрасной богини она приплыла на дивном корабле под окрашенным бесценным пурпуром парусом. Серебряные весла, сами похожие на струны, повинаясь волшебным звукам кифар и флейт, ударяли о воду. Три обнаженные грации, окруженные сонмом дриад, нереид и нимф, кружились в медленном танце. Сама золотая владычица вожаделений возлежала под сенью шелкового тента, овеваемая опахалами из павлиньих перьев, которыми ритмично помахивали голенькие эротики.

В запасе у Клеопатры были все чары обольщения, но несказанная роскошь небесной галеры так подействовала на тщеславного и весьма недалекого Антония, что его можно было брать голыми руками. Особенно поразила его золотая посуда и чаши, выточенные из сардоникса и нефрита. Он порядком поиздержался за последний год на войнах, а впереди ожидали новые походы: отбились от рук сирийские царьки, вновь зашевелились парфяне да и обстановка в Италии не позволяла расслабиться.

После обеда, который под дождь из розовых лепестков царица дала в честь триумвира и его приближенных, состоялись переговоры с глазу на глаз.

Политический, а возможно, и более тесный альянс одинаково устраивал обе стороны.

— Это все твое, — широким жестом Клеопатра указала на драгоценную утварь, дав понять, что за финансовой поддержкой дело не станет.

Ее требования на первых порах были намного скромнее: голова Арсинои, которая укрылась в храме Артемиды Эфесской, и какой-то самозванец, мутивший воду в Араде.

Святылище богини-охотницы, сестры Аполлона, с незапамятных пор пользовалось правом убежища, но это ничуть не смутило Антония. Не сходя с места, он вызвал центуриона и дал ему нужные указания. Бравый воин немного перестарался и вместе с Арсиноей доставил из Эфеса верховного жреца, давшего царственной беглянке приют. Клеопатра, которую волновала только сестра, милостиво простила старика.

Так же просто решился вопрос и с самозванцем из Арада, возмнившим себя Птолемеем XIII.

Следующее свидание состоялось уже в Александрии. В томлении и неге текли недели, месяцы. За пирами и увеселениями оба, казалось, забыли о Риме, где жена и брат Антония отчаянно боролись против Октавиана. Послы противоборствующих сторон умоляли триумвира вернуться в Италию и положить конец затянувшемуся противостоянию, но он отделялся неопределенными обещаниями. Зачастую его и вовсе не удавалось застать на месте. Увеселения сменялись морскими прогулками, феерические празднества чередовались облавами на африканских зверей.

Антоний трезво оценивал положение. Клеопатра была готова предоставить ему деньги, но не солдат. Собрать боеспособное войско он мог только в Италии и предпочел выжидать, убаюкая себя надеждой, что Октавиан истощит силы в борьбе. Расчет не оправдался. В Перузии, где находилась семья Антония, начался голод. Истерзанный долгой осадой, город сдался на милость победителя, но Октавиан дал волю свирепой мести. Фульвию и детей Антония он, однако, не тронул. Весть о событиях на родине застала разгневанного полководца уже в Тире, куда он был вынужден спешно прибыть, чтобы встретить наступающих парфян. Варвары вторглись в Малую Азию, заняли Сирию и рвались на Финикийское побережье.

Повторить подвиг Македонского атакой островной цитадели с моря варварам оказалось не по зубам, но восточные провинции были потеряны. По дороге в Рим, где он надеялся полюбовно договориться с Октавианом, Антоний остановился в Афинах повидаться с Фульвией.

В ответ на упреки жены холодно отрезал:

— Ты сама во всем виновата. Глупо было начинать эту войну и уж совсем непростительно — потерпеть фиаско!

На том и расстались. Пройдя путем Одиссея — между Сциллой и Харибдой — Мессинский пролив, он собирался пристать в Брундизии, но вход в гавань закрывала железная цепь. Город заняли верные Октавиану войска.

Изнурительный торг, предшествовавший неизбежному столкновению за рамками пьесы. Будущий Август далеко превосходил партнера как дипломат и опирался на реальную силу.

Клеопатра тем временем произвела на свет близнецов: мальчика Александра Гелиоса и девочку Селену: Солнце и Луну. Антонию, всецело поглощенному дележом провинций, было не до потомства. Ему достался Восток, Октавиану — Запад, а Лепид, практически утративший влияние, получил Африку. Италия значилась как общее достояние, хотя хозяином в Риме остался Октавиан.

В знак нерушимости достигнутого соглашения он предложил Антонию руку своей овдовевшей сестры Октавии.

Известие о свадьбе любовника и отца ее малюток не обрадовало Клеопатру. Оставалось уповать на то, что дипломатический марьяж отойдет в область предания, как только Антоний вновь окажется на Востоке. Надежды оказались призрачными. Влюбчивый и ветреный триумvir привязался к жене. Не успев отвоевать у парфян захваченные земли, он уже строил проекты броска к Индийскому океану.

Клеопатра знала о каждом его шаге и через своего агента-астролога тонко настраивала против Октавиана. Она руководствовалась расчетом, а не эмоциями, тщательно продумывая любое решение, ничего не забывала и умела терпеливо ждать.

Прошло долгих четыре года, прежде чем они вновь смогли свидеться в отвоеванной Сирии. В театральной постановке нужды не было. Клеопатра привезла на деловую, как заранее намечалось, встречу более весомые аргументы, нежели любовное искушение. Отец должен увидеть своих детей, обворожительных малюток, с дальним прицелом названных именами божеств.

Парфянского царя титуловали «братом Солнца и Луны». Пусть Антоний помнит, что она, Клеопатра — Исида, по-прежнему видит в нем Диониса. Только они, живые боги, могли породить богов, которые затмят своим блеском парфянских владык. Маленькому Александру Гелиосу уготовано будущее Александра Македонского.

Она не ошиблась в расчете. Растроганный и окрыленный отец взял деток на руки и поднял над головой, что было равносильно

официальному признанию. Оставалось лишь юридически оформить брак. При живой жене это было немыслимо, а Антоний не желал развода, как и Цезарь в свое время. Для главы государства, правда, существовала лазейка в виде династического союза, но на Египет она не распространялась. В глазах закона женой Антония оставалась Октавия. На первых порах это устраивало все стороны. В качестве свадебного подарка Антоний преподнес богатые области Киликии и Крита, возвратив Египту опорные пункты, утраченные последними фараонами исконных династий. Располагая флотом и сокровищами царицы, он надеялся сокрушить Парфию и двинуть на Рим. «Божественная комедия», постоянно разыгрываемая Клеопатрой и жрецами, одурманила его и без того не слишком ясный рассудок. Он почти всерьез воспринял хвалебные гимны, в которых его воспевали как «благодетельного бога Осириса — Диониса», уравнивая тем самым с Клеопатрой—Исидой. Ей же, равнодушно внимавшей привычным славословиям, требовались более весомые доказательства могущества фараонов. Она мечтала присоединить не только Иудею, чего не удалось даже Рамсесам, но и Аравию — «страну ароматов». До сих пор Антоний действовал в рамках полномочий, передав территории, не принадлежавшие Риму, но отдать Иудею, где правил Ирод, которого он сам же вместе с Октавианом и посадил на трон, было выше его сил. Тем более что Клеопатре едва ли удастся удержать эту вечно бунтующую провинцию. Пришлось ей удовольствоваться несколькими второстепенными городами и клочком Набатейской пустыни. Суверенитет Птолемеев над Кипром, восстановленный Цезарем, он, само собой, подтвердил.

Весной, когда на Востоке благоухает нисан—новогодний «месяц цветов», Антоний во главе большого войска выступил походом на Парфию. Клеопатра проводила его до берега библейской реки Хидекель—Евфрата.

Вопреки ожиданиям, предприятие закончилось крахом. Антоний продемонстрировал полнейшую неспособность к проведению крупномасштабных операций. Выказывая без всякой на то необходимости бесшабашную храбрость, он не только не смог воодушевить теснимые парфянами ряды, но и внес сумятицу в боевые порядки.

Клеопатра поспешила на выручку, но ни деньги, ни снаряжение уже не могли вернуть боеспособность отступающим легионам. Когда Клеопатра взойшла на палубу корабля, прибыл гонец с вестями о победе Октавиана в морском сражении у Сицилии.

Достойный преемник Цезаря завершил его дело, окончательно добив Секста Помпея, да еще и перетянул на свою сторону войско Лепида.

Неверный триумвират уступил место еще более шаткому дуумвирату, ничего общего не имеющему с одноименным судебным институтом. Еще Ромул, убив Рэма, доказал, что в Риме нет места для двоих властителей. Пережить успех соперника оказалось тяжелее, чем собственное поражение. В Александрию невезучий Осирис — Дионис вернулся мрачнее тучи.

Боги ревнивы и мстительны. Звезда Антония клонилась к закату. Словно в насмешку, Фортуна заманивала его все дальше в ловушку проблемскими случайных удач.

Прибегнув к обману, ему удалось пленить армянского царя Артавазда и его сыновей, но игра не стоила свеч: Армения недолго оставалась провинцией империи. Зато Клеопатра, в нарушение всех норм, устроила мужу пышный триумф. В Риме это восприняли как беспримерный вызов, неслыханное кощунство. Повсюду пошли разговоры, что эта тряпичная кукла, которой коварная египтянка вертит как хочет, собирается перенести столицу в Александрию.

Воистину, желая покарать, боги прежде лишают разума, давая смертному замечательную возможность отыграть для себя могилу. Мало того, что Антоний нарушил древний закон, он еще и проявил святотатство. Разрешение на триумф может дать только сенат и место для него только в Риме. Это священная мистерия в честь Юпитера Капитолийского, которую открывают сенаторы и магистраты. Триумфатор, одетый в платье, взятое в храме, представляет самого верховного бога.

Не успело отгреметь кощунственное торжество, как за ним последовало новое, еще более вызывающее.

На сей раз новоиспеченный триумфатор громогласно присвоил Клеопатре титул царицы царей. Ее соправителем на престоле Египта и Кипра был назван первородный сын Птолемей Цезарь.

Правящее семейство разместились на вызолоченной трибуне, напоминающей ступенчатую пирамиду фараона Джосера — самую древнюю в Египте. На самом верху восседали Антоний и Клеопатра в рогатом уборе Исиды. Ниже стояли троны наследников. Александр Гелиос, наряженный мидийским царем, получил Парфию, Мидию и Армению, самый младший, еще совсем крошечный Птолемей Филадельф, одетый как македонец — вилайеты в Сирии и Киликии, а хорошенькая Селена — Ливию и Киренаику.

Когда поступило подробное донесение о скандальном церемониале, сенат взорвался возмущенными криками. Спокойствие сохранил один Октавиан. Улыбаясь в душе, он мог поздравить себя с полной победой: родственничек лез головой в петлю. Совсем свихнулся от этой бабы, но Октавию жаль.

Но самую большую ошибку Антоний совершил, когда в официальном порядке подтвердил, что отцом Птолемея действительно является Юлий Цезарь. Никаких дальних целей он этим не преследовал. Всего лишь хотел воздать должное великому человеку, с которым был близок, и даже не задумался о последствиях.

Зато Октавиан разложил все по полочкам и вынес тайный приговор сопернику, который стал теперь смертельным врагом, и мальчишке, которого так необдуманно превратили в соперника.

Заключительный акт был предreshен куда более жестко, чем это выглядит в бессмертной пьесе Шекспира:

Принес змейку нильскую, что дарит
без боли смерть?

Открытому столкновению предшествовал довольно продолжительный период «холодной войны». Запугивая сенат угрозой с Востока, Октавиан потребовал особых полномочий.

В переписке противники, не стесняясь в выражениях, осыпают друг друга упреками. В ответ на обвинение в том, что он превратился в послушную марионетку чужеземной царицы, Антоний перечисляет действительные и мнимые грехи Октавиана. О стиле и содержании эпистолярного наследия дуумвиров можно судить по письму Антония, написанному в лучшие времена, когда взаимная неприязнь маскировалась грубоватой прямой закадычных друзей:

«С чего ты озлобился? Оттого, что я живу с царицей? Но она моя жена, и не со вчерашнего дня, а уже девять лет. А ты как будто живешь с одной Друзиллой? Будь мне неладно, если ты, пока читаешь это письмо, не переспал со своей Тертуллой, или Терентиллой, или Руфиллой, Сальвией, Титизенией, или со всеми сразу, — да и не все ли равно, в конце концов, где и с кем ты путаешься?»

Не дремала и тайная агентура. Клеопатра предпочитала услуги астрологов и поэтов. В Риме, где ощущалась острая нехватка хлеба, прошел слух, что это вина Октавиана. У всех на устах был стишок о «пире двенадцати богов» — оргии, которую названный сын Цезаря якобы устроил на его вилле.

Шесть богов, шесть богинь Маллия вдруг увидел
И между тем, как в обличье обманщика — Феба безбожный
Цезарь явил на пиру прелюбодейства богов,
Все отвратили свой лик небесные силы
И, позолоченный трон бросив, Юпитер бежал

Кто такой этот Маллия, неизвестно, но явно просматривается контрвыпад на обвинение в оскорблении Юпитера, которое выдвигалось против Антония в связи с его самозванным триумфом. Уподобляя Цезаря (читай Августа) обманщику Фебу¹, анонимный поэт намекал на то, что в районе, особенно пострадавшем от голода, почитали этого бога в образе Аполлона-Мучителя.

Светоний отмечает, что еще в раннем возрасте Октавиан снискал дурную славу позорными поступками:

«Секст Помпей обзывал его женоподобным, Марк Антоний уверял, будто свое усыновление купил он постыдной ценой, а Луций, брат Марка, — будто свою невинность, початую Цезарем, он предлагал потом в Испании и Авлу Гирцию за триста тысяч сестерциев...»

Нельзя доверять наветам, исходящим из уст явных недругов. Тот же Светоний высказывается на сей счет совершенно определенно: «Из всех обвинений и нареканий он легче всего опроверг упрек в постыдном пороке, от которого жизнь его была чиста...» Гнусь, однако, прилипчива. После того как Антоний объявил Птолемея Цезаря сыном покойного диктатора, возрождение давних клевет

¹ Феб — римский эквивалент греч Аполлона

должно было особенно больно уязвить законного наследника. Сетовать, однако, не приходилось. Политика неотделима от грязи, и всякий публичный политик должен быть готов к тому, что его грязные простыни выставят на обозрение свету.

«Что он жил с чужими женами, — признает Светоний, — не отрицают даже его друзья, но они оправдывают его тем, что он шел на это не из похоти, а по расчету, чтобы через женщин легче выведывать замыслы противников».

Сомнительные оправдания, хотя у каждой эпохи свои представления о морали. Зато порок вечно постоянен.

Обливая друг друга грязью, политические соперники во все времена использовали одни и те же методы. Обращение к трансцендентным силам не составляет исключения. Широкое распространение получила поэма, написанная по-гречески, которую ловко выдали за пророчество сивиллы. Лжеоракул предвещал скорое наступление золотого века, когда над миром воцарится Госпожа, которая принесет с собой всеобщее благоденствие, порядок и полную чашу в каждый дом. Нетрудно догадаться, кто подразумевается под этой Госпожой, удостоенной заглавной буквы, как это и положено по штату богам.

В Риме основными пропагандистами оракула выступали астрологи и гадатели, что и послужило причиной их высылки в 33 году до н. э. Так что у Октавиана были основания недолюбливать «халдеев», особенно египетских. Он-то понимал, откуда дует ветер.

Подготовка к войне шла уже полным ходом. В Эфесе, мистическом городе философов и духовидцев, Антоний сосредоточил основные силы пехоты и конницы. На рейде ждала своего часа армада, состоящая из восьмисот кораблей. Четверть из них предоставила Клеопатра. Она взяла на себя материальное и продовольственное обеспечение кампании. Астрологи нагадали, что в последней битве Восток возобладает над Западом и наступит долгожданный золотой век.

Она настолько уверовала в ею же инспирированные вымыслы, что пожелала принять личное участие в предстоящем походе. Но когда весной 32 года до н. э. она неожиданно высадилась в Эфесе, у Антония возникли трудности. И без того хватало разговоров, что он-де под каблуком у царицы. Одно дело — когда между собой дерутся римские консулы, не важно, прошлые или нынешние, другое — война Египта с республикой. Приняв с благодарностью привезенные царицей двадцать тысяч талантов, он попытался было под благовидным предлогом отослать ее обратно, но она пустила в ход свое обаяние и щедро одарила наиболее влиятельных легатов. Антоний капитулировал. Она и впрямь могла вить из него веревки. Постоянными интригами Клеопатра оттолкнула от Антония нескольких сенаторов, которые перешли к Октавиану. Им были известны не только военные планы, но и содержание завещания, в котором Дионис—Осирис наказывал похоронить его в Александрии рядом с Клеопатрой. Там же вновь подтверждались наследственные права Птолемея Цезаря.

Ее присутствие действовало на армию разлагающе. Пошли бесконечные пиры, театрализованные представления, увеселительные морские прогулки в сопровождении музыкантов и танцовщиц.

На одном из ночных симпосиев, что в переводе с греческого означает ни что иное как попойка, она принудила Антония расторгнуть брак с Октавией. Он и впрямь вел себя, как покорный раб, без толку теряя драгоценное время. Тем более что его противник вызвал недовольство римлян, обложив их военным налогом, равным четверти годового дохода.

— Хочешь победить, убей Клеопатру, — однажды посоветовал Антонию царь Ирод. Его слова неведомым образом получили известность и были у всех на устах.

В честь Антония Ирод назвал одну из башен Иерусалима.

Тьма, пришедшая со Средиземного моря,
накрыла ненавидимый прокуратором город.
Исчезли висячие мосты, соединяющие храм
со страшной Антониевой башней...

Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита

Как непредсказуемо связано все со всем! Помпей, осквернив святая святых храма, вскоре погибнет, но и храму года сочтены. Свидетель разрушения Иерусалима Иосиф Флавий, получивший доступ к архивам при Веспасиане и Тите, во всех бедах Антония, да и не его одного, обвинит царицу:

«Ведь она убила несколько ей не опасную сестру свою Арсиною, коварным образом погубила брата своего и ограбила родных богов и гробницы своих предков. Получив престол от первого Цезаря, она тем не менее решилась возмутиться против сына его и преемника¹, совратив своим кокетством Антония, она сделала из него врага отечества и заставила его изменить друзьям; одних она, совершенно обезумев, лишила царского достоинства, других побуждала к злодеяниям. Но стоит ли еще говорить об этом, когда она, покинув в морском сражении... мужа и отца детей своих, тем самым побудила его бросить войско и, отказавшись от власти, последовать за нею?»

Драма неудержимо приближалась к развязке, predetermined личными особенностями персонажей. Упоминаемое историком морское сражение разыгралось 2 сентября 31 года до н. э. у мыса Акция в Эпире. Ему предшествовало формальное, с соблюдением древнего религиозного ритуала, объявление войны.

Одним своим присутствием на флагманской триере Клеопатра дала Октавиану козырного туза. Он выступал не против римского гражданина Марка Антония из рода божественных Юлиев, но в защиту Рима, которому дерзнула бросить вызов коварная египтянка. Одно это уже обеспечивало ему весомое преимущество. В верности Октавиану, избранному главнокомандующим, присягнула вся Италия и западные провинции.

---

¹ Т. е. Октавиана.

Вместе с Марком Валерием Мессалой, сторонником Брута, одновременно примкнувшим к Октавиану, его избрали консулом на будущий год.

На море Антоний действовал столь же неуспешно, как и на суше. Лишь несколькими кораблям удалось вырваться из боя, продолжавшегося до глубокой ночи, и вернуться в Александрию. В ожидании неминуемого конца возобновились пиры и забавы, принимавшие подчас извращенный облик. Власть казалась дороже жизни. Антоний и Клеопатра могли бежать, взяв с собой детей и сокровища, которых хватило бы для безбедного существования многих поколений. Октавиан, у которого были свои заботы, предоставил им такую возможность.

Прошел почти целый год, прежде чем он покинул Брундиций, где убогатворил взбунтовавшихся легионеров и обходным путем через Сирию направился в Египет. Клеопатра подготовила для бегства корабль, но так и не решилась погрузить на него золото и драгоценности.

Тайно послав Октавиану диадему и скипетр, просила его отдать трон любому из ее сыновей.

Наследник Цезаря, тоже строго конфиденциально, обещал, что никому не причинит зла.

Его передовые отряды уже приближались к Александрии.

Антоний попробовал было организовать оборону, но ни моряки, ни солдаты уже не повиновались ему. Обманутый ложной вестью, что царица покончила с собой, он вручил рабу меч и обнажил грудь. По иронии судьбы, имя раба было Эрос, что по-гречески означает любовь во всемирном масштабе, космическую первопотенцию. По-видимому, Эрос настолько любил своего господина, что предпочел заколоться сам.

— Ты научил меня, как это сделать! — воскликнул Антоний.

Он попытался воспроизвести прием, но не попал в сердце и, истекая кровью, побрел к усыпальнице возле храма Исиды, где, по словам служанки, заперлась Клеопатра. Не надеясь застать ее в живых, хотел испустить дух рядом с телом.

Последние дни она часто говорила о смерти. Да и не только говорила, но и проверяла действия различных ядов на людях. Жрецы, знающие в этом толк, поставляли змей, которых по ночам подпускали к заключенным, томящимся в подземной тюрьме.

Обессиленный от потери крови, Антоний упал, умоляя поскорее добить его, но так и остался лежать, брошенный всеми.

Придя в сознание, он увидел склонившегося над ним Диомеда, секретаря Клеопатры.

— Царица жива и жаждет встречи с тобой, — сказал Диомед, помогая подняться.

Умиравшего Антония на носилках отнесли в усыпальницу. Рассказы о смерти Антония и Клеопатры разноречивы. Ограничимся лаконичными строками Светония:

«Антоний предлагал запоздалые условия мира; но он (Октавиан. — Е. П.) заставил его умереть и сам смотрел на его труп. Клеопатру он особенно хотел сохранить для триумфа, и когда она умерла, по общему мнению, от укуса змеи, он даже посылал к ней псиллов, чтобы высосать яд и заразу. Обоих он дозволил похоронить вместе и с почетом, а недостроенную ими гробницу приказал закончить... Цезариона, которого Клеопатра объявила сыном, зачатым от Цезаря, он схватил во время бегства, вернул и казнил. Остальных детей Антония и царицы он оставил в живых и впоследствии поддерживал их и заботился о них, как о близких родственниках...»

Здесь нам не обойтись без небольшого разъяснения. Любоваться трупом врага считалось у римлян проявлением варварства. Поэтому больше доверия вызывает мнение Плутарха, который считал, что Октавиан проливал слезы над мечом, обгаренным кровью Антония. Это больше соответствует образу. Цезарь тоже плакал, получив голову Помпея.

Наконец, о сакраментальной змее. Ее, сколько ни искали, так и не нашли в комнате, где лежала мертвая Клеопатра. Псиллы, заклінатели змей из какого-то африканского племени, действительно осмотрели царицу и обнаружили у нее на груди две красные точки от змеиных зубов. Причина смерти обеих служанок, ушедших вместе с госпожой, осталась невыясненной. Никаких следов на теле замечено не было.

Наконец, кто доставил царице «нильскую змейку»?

Рассказывают, что с восходом солнца во дворец пришел какой-то старик, одетый крестьянином. При нем была корзинка, доверху заполненная невиданной величины смоквами. Сказал, что к царскому столу. Стражники, коим он охотно дал отведать редкостных плодов, пропустили его в дворцовую кухню.

Кем он был — жрецом или псиллом, остается гадать.

Что же до детей, то их взяла на воспитание Октавия. Достойная матрона до конца жизни казнила себя, что война между мужем и братом началась из-за нее.

Гораздо с большим на то основанием можно винить хранителя «Сивилиной книги», составившего фальшивый оракул в угоду политикам.

СВЕТ ВИФЛЕЕМСКОЙ ЗВЕЗДЫ

Они, выслушавши царя, пошли И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был младенец

Евангелие от Матфея

Елка, украшенная звездой, бородатый Дед Мороз в колпаке и красной долгополой одежде, веселые новогодние хлопоты. Из впечатлений детства — это, наверное, одно из самых прекрасных. Радостное оживление ощущается повсюду: на улицах, заполненных праздничными толпами, в самой природе, как бы очнувшейся от долгой спячки. День заметно прибывает, повеселевшее солнце прочит близость дивной поры — «весны света».

Праздник Рождества, вновь вернувшийся на российскую землю, католики и протестанты встречают в самом начале солнцеворота, на несколько дней раньше православных, но эта разница, обусловленная реформами летоисчислений и расколом церквей, не имеет принципиального значения, ибо по сей день неизвестна точная дата появления на свет Спасителя Мира.

Мы редко задумываемся над символическим значением примет, ознаменовавших это поистине космическое событие. Между тем сияющая на зеленом деревце — совсем не обязательно елке — звезда и одяение доброго деда с подарками имеют к нему самое прямое отношение.

Вдумаемся в глубинный смысл стихов первого из четырех Евангелий, что по-гречески означает «благая весть»:

«Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят:

— Где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду его на востоке и пришли поклониться Ему».

Волхвы, их еще называют магами и мудрецами, по традиции изображались в виде звездочетов, наряженных в длинные халаты из пурпурного виссона — они ведь еще и цари! — и остроконечные колпаки.

Волхвами поименована в Библии каста священников, существовавшая с незапамятных времен у мидян и персов. Они были одновременно жрецами, учеными, астрономами и прорицателями. Главный из них назывался Нергал-Шварецер, начальник магов, как о том сказано в «Книге пророка Иеремии». В Вавилоне на эту высокую должность был назначен пророк Даниил, уведенный туда за шесть столетий до рождения Иисуса.

Священное писание не называет точного количества мудрецов, пришедших с востока. По установившейся традиции им приписывают магическое число три, хотя есть основания полагать, что их было четверо, согласно четырем сторонам света.

Недаром художники Возрождения изображали одного из царей в виде темнокожего эфиопа. Такая версия отвечала идее универсальности: поклониться пришли представители всего человечества.

Знаменательное событие случилось, как сказано, во дни царя Ирода. Ирод Антипа, сын Ирода Великого и самаритянки Мальфаки, был тетрархом, управлявшим четвертой частью разделенной римлянами Палестины. Будучи уроженцем Галилеи, Иисус, таким образом, считался его подданным. Ирод оставил свою первую жену, дочь царя Ареты, и сошелся с Иродиадой, женой родного брата Ирода Филиппа. В день рождения царя она исполнила магический танец, чем его окончательно и околдовала. Ирод поклялся осуществить любое ее желание, даже если попросит полцарства. Иродиада же потребовала голову Иоанна Крестителя, брошенного в темницу за обличения беззаконий царя и его коронованной блудницы. Услышав о рождении Иисуса, Ирод собрал первосвященников и книжников и начал выпрашивать, где находится место, в котором, как предувещивалось, должно родиться Мессии (Христос по-гречески). Ему называли Вифлеем Иудейский.

Вифлеем, или Бейт-Лехем, что означает «дом хлеба», находился в семи-восьми километрах от Иерусалима. Он и поныне окружен садами и нивами, и холмы его радуют яркими красками виноградных лоз, цветущего миндаля, оливами и смоковницами. Контраст при переходе от раскаленного камня Иудейской пустыни к благодатному оазису, очевидно, казался настолько разителен, что городу первоначально дали название Ефрафа — «плодородный».

Современный Бейт-Лехем расположен на месте библейского. Под великолепным храмом Девы Марии находится пещера, где увидел свет Иисус.

Тысячелетием ранее в Вифлееме родился царь и псалмопевец Давид, из «ветви» которого, согласно древним пророчествам, должен был происходить и Христос-Мессия. Дева Мария как раз и принадлежала к дому Давидову. Поэтому ей, как того требовала Римская перепись, надлежало отправиться на роды в город пращуров.

Дознавшись о месте, Ирод тайно призвал к себе волхвов, чтобы хитростью — недаром его прозвали «лисицей» — выведать у них время появления чудесной звезды.

«И, послав их в Вифлеем, сказал: посудите, тщательно разведайте о Младенце, и когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему».

Они выслушали царя, пошли. И се, звезда, которую они видели на востоке, шла перед ними...»

Из текста совершенно ясно, что мудрые, но простодушные маги поверили лживому заверению. Впрочем, для нас в данном случае гораздо важнее, что звезда «шла перед ними». Они бук-

важно следовали на ее путеводный свет. Здесь не только глубокий символический смысл, но и совершенно конкретное указание астрологического порядка.

Древние толкователи Библии объясняли появление звезды как сверхъестественное явление, которое, возможно, могли видеть одни лишь волхвы. Однако Евангелие не содержит конкретных сведений на сей счет. Мы даже не знаем, откуда явились благочестивые мужи, где и как узрели звезду. То ли действительно в восточной части неба, то ли просто где-то в родных местах, расположенных к востоку от Иерусалима. Понимать можно и так и этак.

И здесь на помощь библеистике и в конечном счете истории приходит астрология, вернее, астрономия, ибо в древности обе науки о звездах составляли единое целое. Не секрет, что символика многих библейских стихов пронизана немеркнущим сиянием светил.

Не случайно Рождество Христово отмечает рубежную смену эонов-эпох, когда после двухтысячелетней эры Овна наступала эра Рыб. Это наблюдаемое астрономическое явление, приуроченное к моменту входа Солнца в точку весеннего равноденствия. Мы и сейчас переживаем такую перемену, когда после двухтысячелетнего пребывания в созвездии Рыб Солнце переместилось в знак Водолея.

Не будем также забывать, что именно рыба была первым символом христианства! Ее рисунки встречаются и в пещерах у Мертвого моря, и в римских катакомбах, где тайно собирались гонимые последователи новой веры.

Буквы, входящие в греческое слово «иксоис», т. е. «рыба», составляют священную аббревиатуру: «Иисус Христос, Божий Сын, Спаситель». Подобную символическую систему можно принимать и не принимать, однако знать о ней безусловно следует. Ведь это неотъемлемая составляющая культуры, из недр которой вышло учение, преобразовавшее мир. Более поздний в сравнении с рыбой знак креста, например, толкуется как пересечение экватора и эклиптики, а двенадцать апостолов — как круг зодиака. Это отражение в небе священной мистерии земли. «Звезды — бесчисленные светила, созданные Всемогушим, — говорится в Библии. — Господь знает число им и всех их называет именами».

Именно они, маяки ночи, более чем что-либо другое в природе, свидетельствуют, как поется в Псалмах, о дивном величии Создателя.

Сам Иисус назван «Звездой светлой и утренней», в «Откровении» Иоанна Богослова. Считается, что пророк Валаам за тысячу лет предсказал о Нем как о «звезде восходящей».

При всем осуждении языческих верований, касающихся влияния звезд на людские судьбы и всяческих гаданий, авторы Библии, будучи детьми своего времени, отдавали дань восхищения небесным явлениям. И в этом они не были одиноки. Памятники Древних

Египта, Вавилона, Греции, Персии буквально в один голос говорят об одном и том же.

Тело Аргуса, усыпанное мириадами недреманных очей, — звездное тело владычицы неба Нут. Одни читали в звездных письменах имя Геракла, другие — Мелькарта, Гильгамеша. Имя — всего лишь знак. Не в нем тайна. Она в нас самих, в нашей истории, в удивительном мире, который даровано нам ощущать прекрасным. И так уж ли важно, кто персонально проявит свой лик в ответах зари: Афродита, Венера или Астарта?

Звездочеты переселили персонажей мифологической истории на звезды и по-своему ее переосмыслили. Отсюда всевозможные эзотерические реминисценции из египетских — звезда Сириус, греческих — созвездие Гидры и раннехристианских легенд — знак Рыб и загадочная звезда Вифлеема. В поле магического притяжения последней попали не только планеты и комета Галлея, но и целое скопление звезд.

Обратимся теперь к Евангелию от Луки.

«И вот вам знак: вы найдете младенца в пеленах, лежащего в яслях». Ученик Иисуса и словом не упоминает о чудесной звезде, зато такая, казалось бы, малозначительная вещь, как ясли, представляется ему исключительно важной. Он приковывает к ней наше внимание. Для него это Знак, столь же судьбоносный и безошибочный, как звезда для Матфея. Противоречия между свидетельствами как будто бы налицо: с одной стороны, звезда и волхвы, с другой — пастухи и ясли. Утонченный астральный эзотеризм и сельская простота. Но ведь такая же, кажущаяся несовместимой, двойственность определяет уклад жизни и образ мышления всего древнего мира! «Между двумя крайностями лежит не истина, а проблема», — напоминал Гегель.

Недоступная нам высокая символика седой старины не всегда правильно понималась уже современниками Иисуса. При записи и переписке устных преданий свойственная им сакральная метафоричность могла быть принесена в жертву буквальному смыслу.

В астрономических каталогах не значит звездное скопление Ясли, между тем у Плиния Старшего о нем говорится совершенно определенно: «В знаке Рака есть две маленькие звездочки, называемые Ослятами, а среди них маленькое облачко, которое называют Яслями».

Древние мистики Греции и Рима полагали, что именно оттуда прилетают на землю души новорожденных. Добавим сюда, что «Тремя волхвами» называли в древности Пояс Ориона, который у многих древних народов символизировал идею воскресения. Астральное знание, таким образом, придает историческому событию космический смысл. Проведем параллель с «Одиссеей».

Гелиос тучных быков и баранов пасет там на пышных, Злачных равнинах; семь стад составляют быки и бараны
Столько ж; и в каждом их стаде числом пятьдесят, и число то
Вечно одно; не плодятся они...

Как воспринимает эти стихи современный читатель? Да однозначно: бог Солнца владеет рогатым скотом. Тем более что спутники Одиссея едят мясо именно этих, гелиосовых быков и баранов. Число их вечно, хотя они не размножаются, но идут на убой. Нонсенс? Но мифологическая вуаль оставляет его незамеченным. На самом же деле нет никакого противоречия. Быки и бараны символизируют дни и ночи. Семь стад по пятьдесят голов каждое дают в итоге 350 — число суток греческого лунного года. Люди едят мясо времени, а год остается вечным.

Сколько ни черпай из колодца веков, а он все не убывает.

Можно понять ученых, которые не оставляют попыток дать астрономическое истолкование чуду Вифлеемской звезды. Выдвигались самые различные гипотезы: явление кометы, яркая вспышка метеора, хотя метеоры сгорают в доли секунды и уж никак не могут «вести» за собой. Наиболее привлекательно выглядит предположение о близком соединении планет.

Так, 29 мая 7 года до н. э. произошло редкое тройное соединение Юпитера и Сатурна в созвездии Рыб. При нынешнем уровне знаний ничего не стоит рассчитать положение светил сколь угодно далеко в прошлом и будущем, и даже наглядно продемонстрировать это в планетарии. Встречи Юпитера и Сатурна наблюдаются приблизительно каждые 20 лет, но в указанное время рандеву было особенное — тройное. Сначала планеты сошлись, как уже сказано, 29 мая, затем 30 сентября и, наконец, 5 декабря. Причем угловое расстояние между ними колебалось около 1°. Такие схождения повторяются один раз в 120 лет.

Впервые планетную гипотезу выдвинул, причем в канун Рождества 1603 года, еще гениальный астроном Кеплер, вынужденный, кстати, подрабатывать составлением гороскопов для коронованных особ ради хлеба насущного. Наблюдаемое им «великое тройное соединение» сопровождалось взрывом так называемой «сверхновой» звезды в Змееносце и пришествием весной следующего года Марса.

Конечно, волхвы должны были хорошо разбираться в путях подвижных светил, но тройное соединение, да еще в созвездии Рыб, могло поразить их воображение. С незапамятных времен таким небесным знамениям придавали глубокий мистический смысл. Они считались предвестниками важнейших событий, служили поводом для политических предсказаний и философских споров.

Иосиф Флавий считал, что подобная картина наблюдалась на небе перед рождением Моисея, крупнейший религиозный авторитет средневековья Маймонид тоже соотносил ее с предупреждением о пришествии Мессии.

Во всем древнем мире Юпитер (он же греческий Зевс — царь Олимпа) считался звездой владык, а Сатурн — «звезда субботы» — покровителем Иудеи.

Известно, что их встреча весной 7 года была заранее вычислена звездочетами Вавилона, о чем недвусмысленно свидетельствуют обнаруженные на раскопках Сиппура клинописные таблички.

Вообще между 12 годом до н. э. и 7 годом н. э. происходило около двухсот различных соединений светил. Стоя на крыше ступенчатого храма-зиккурата, какой-нибудь халдейский маг мог наблюдать, скажем, восход Луны на востоке и ярко горящую Венеру на западе, рядом с которой кровавым огнем переливается Марс. Они сливались в искрящийся факел у самой черты горизонта.

Астроном Уильям Бидлмен из университета Кейз-вестерн-резерв просчитал параметры соединения Юпитера с Венерой (вавилонской Астартой), которое произошло 12 августа 3 года до н. э. и повторилось 17 июня на следующий год. Когда волхвы достигли Иерусалима, тот же самый объект, который видели, отправляясь в путь, на востоке, должен был появиться перед ними на юго-западном склоне.

Не зная точной даты Рождества, трудно выбрать наиболее подходящую сцену, разыгравшуюся в ночном небе, но, с другой стороны, определив звездное знамение, можно до часов, до минут установить день и год величайшего события мировой истории. Богословы, хотя волнует это не их одних, бьются над такой задачей вот уже скоро тысячу лет. Тем не менее кое-какие выводы можно сделать уже сегодня.

Новое летоисчисление было предложено монахом Дионисием Малым в VI веке, а введено в большинстве стран Европы лишь в XVI веке. При этом создатели новой системы летоисчисления опирались на Евангелие от Луки, из которого явствует, что Христос выступил в роли Мессии, когда его было около 30 лет. Там же уточняется, что было это на пятнадцатом году правления императора Тиберия в Риме. Между тем в Евангелии от Матфея говорится, что Иисус родился при царе Ироде, который умер в 4 году до н. э. Известно также, что упомянутый в Евангелии от Луки Тиберий управлял вместе со своим предшественником императором Августом приблизительно с 11 года н. э., и, таким образом, пятнадцатый год правления Тиберия приходится на 26 год н. э. Стало быть, Христу было около тридцати лет в 26 (или 25) году н. э. А это полностью совпадает с утверждением, содержащимся в Евангелии от Матфея, что Иисус Христос родился до смерти царя Ирода в 4 году до н. э.!

Отсюда с достаточно большой вероятностью можно заключить, что слияние (угловое расстояние всего 0,5°) Юпитера и Венеры, из ночи в ночь встававших на горизонте, и привело в священный вертеп царей-магов.

«И, вошедши в дом, увидели Младенца с Мариею, Матерью Его, и, падши, поклонились Ему, и, открывши сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну».

Если у пророка Ездры путь из Вавилона в Иерусалим занял четыре месяца, то и волхвам «с востока» понадобилось не меньше. И всякий раз они видели перед собой волшебную звезду, загоравшуюся знамением за три с половиной часа до рассвета.

ДЕВА НА ЗВЕРЕ

Наполовину задушенный мир терзался последним Флавием, Рим пресмыкался перед лысоголовым Нероном... Злое чудовище, даже в наш век выдающийся изверг.

Ювенал

1

Иисус Христос родился на десятом году принципата Октавиана Августа, а во времена наследовавшего ему Тиберия (14—37) распространилась удивительная легенда о корабельщике Таммузе, которому прозвучавший над морской бездной таинственный голос велел возвестить, что умер великий Пан. Когда весть об этом достигла Рима, Тиберий приказал доставить к нему Таммуза, судя по имени, финикиянина, и после беседы с ним собрал совет виднейших философов. Они склонны были считать, что древний бог лесов и пастбищ, по-видимому, действительно опочил на одном из островов Архипелага.

Рим продолжал жить по Юлианскому календарю, не подозревая о наступлении новой эры.

Ливия Друзилла, мать Тиберия, мечтавшая родить мальчика, гадала на курином яйце. Когда из него вылупился петушок, «с гребешком небывалой величины», как отмечает Светоний, она уверилась в том, что надежды сбудутся. Оставим с стороне праздный вопрос, откуда мог взяться гребешок у проклюнувшегося цыпленка. Куда важнее предсказание астролога Скрибония, возвестившего младенцу великое будущее и трон, хотя и без царского венца. Ведь Юлий Цезарь и Октавиан Август формально числились правителями все еще как бы республиканского Рима, и волхв по наивности полагал, что так будет вовеки.

Но в главной части оракул сбился, Октавиан взял Ливию в жены, усыновил Тиберия, а затем сделал его своим соправителем и главным наследником. Как вскоре выяснилось, вместе с многомиллионным богатством и славным именем к Тиберию перешли и небесные вестники отчима. Выступив в свой первый поход в Сирию, он встречает огни, что сами собой вспыхивают на древних алтарях Македонии, кости, брошенные в ручей у оракула Герiona, выпадают самым благоприятным образом, а на крышу дома в Родосе садится неведомо откуда залетевший орел.

Впрочем, не все складывалось так гладко, как бы хотелось. Вопреки посулам волхвов, между Августом и его пасынком пробежала черная кошка. Два года Тиберий провел в изгнании, ненавидимый и презираемый жителями Родоса, уничтожившими его статуи и порт-

реты. Есть все основания опасаться наемных убийц. Страх не оставляет даже во сне: Тиберию снится, что на нем вспыхивает туника.

Увидев на горизонте приближающийся корабль, астролог Фрасилл объявил, что он везет добрые вести. На деле же вышло иначе. Рим метал громы и молнии. Во время морской прогулки Тиберий даже собрался бросить своего придворного предсказателя за борт, но передумал. О другом случае с тем же Фрасиллом упоминают Тацит и Дион. В трудную минуту Тиберий хотел было столкнуть астролога со скалы.

— Ты все толкуешь о моем будущем, — сказал он с ухмылкой. — Но знаешь ли, что ожидает тебя?

Наскоро сделав расчеты, Фрасилл (надо думать, недурной физиономист) в ужасе закричал, что над его головой нависла смертельная опасность. Изумленный Тиберий оставил астролога в покое. С тех пор он слепо доверялся его советам.

Выдающийся полководец, знаток права и хороший оратор, Клавдий Нерон Тиберий слишком поздно унаследовал власть. Став на пятьдесят шестом году неограниченным диктатором, он принял титул цезаря и превратился в тупого безжалостного тирана. Окружил себя толпой жадных льстецов и наушников, предался самому разнузданному разврату и совершенно отстранился от государственных дел.

«Оказавшись в уединении, он... дошел до того, что завел особые постельные комнаты, гнезда потаенного разврата, — отмечал Светоний. — Собранные толпами отовсюду девки и мальчишки — среди них были изобретатели тех чудовищных сладострастий, которых он называл «спинтриями», — наперебой совокуплялись перед ним по трое, возбуждая этим зрелищем его угасающую похоть... Даже в лесах и рощах он повсюду устроит Венераины местечки, где в гротах и между скал молодые люди обоего пола предо всеми изображали фавнов и нимф». Полагаясь во всем на астрологов и любимца, вроде Сеяна, Тиберий фактически переложил бремя власти на наместников. Положение в провинциях, особенно с Сирии и Палестине, дошло до крайности. При пятом прокураторе Понтии Пилате был распят Иисус.

Проклятия на голову деспота сыпались со всех сторон. В Риме получили распространение стихи, содержащие, помимо обличений, пророческие строки:

Ты беспощаден, жесток — говорить ли про все остальное?

Пусть я умру, коли мать любит такого сына...

...Цезарь конец положил золотому Сатурнову веку —

Ныне, покуда он жив, веку железному быть.

Он позабыл про вино, охваченный жаждою крови:

Он упивается ей так же, как прежде вином...

Скажешь ты: Риму конец! никто, побывавший в изгнание,

Не становился царем, крови людской не пролив.

«Пусть ненавидят, лишь бы соглашались», — изрек Тиберий крылатую фразу, которой суждено было стать своеобразной запо-

ведью грядущим тиранам. Вскоре станет ясно, что изгнание отнюдь не является обязательной предпосылкой для кровопускания.

Гадателей, кроме приближенных ко двору, он преследовал. Опасался, что могут прознать день его смерти. Магу Юнию предъявили обвинение в том, что он вызывает тени из Тартара. Иными словами, занимается некромантией, спиритизмом. И это становится решающим фактом для сенатского суда.

Уединившись на Капри, Тиберий превратил свою жизнь в одну нескончаемую оргию. Со всех концов империи на остров везли самые изысканные яства. Медвежьи лапы, соловьиные языки, мозги обезьян — все это входило в каждодневный набор пиршественных блюд. Особенно ценились краснобородки, которые, умирая, радовали бражников буйством пурпурных переливов. За крупную рыбину в Риме платили по миллиону сестерций. Светоний приводит в связи с этим следующее свидетельство:

«...Один рыбак застиг его наедине и неожиданно преподнес ему огромную краснобородку. В страхе, что к нему пробрались через весь остров по непролазным скалам, Тиберий приказал хлестать его этой рыбой по лицу. А когда рыбак под ударами стал благословлять судьбу, что не поднес заодно и омара, которого поймал еще огромное, он велел и омаром исполосовать ему лицо. Воина-преторианца, который похитил из его сада павлина, он казнил смертью. В пути однажды его носилки запутались в терновнике — тогда он схватил центуриона передовых когорт, разведывавшего дорогу и, разложив его на земле, засек чуть не до смерти».

Не пощадил он и ближайших родственников, а там и до наперсника Сеяна руки дошли. Дня не проходило без казни, будь то праздник, заповедный день или даже новый год. Вместе с осужденными убивали и малых детей. Старинный обычай запрягал душить удавкой девственников. Законник император и тут нашел обходной путь: несовершеннолетних девочек перед казнью растлевал палач. Любой, пусть и совершенно нелепый донос, подшивался, как бы мы сказали сейчас, к делу. Даже самые невинные слова по адресу какого-нибудь мифологического героя приравнялись к уголовному преступлению. Поэта осудили на смерть лишь за то, что он непочтительно отозвался в трагедии об Агамемноне.

«Он даже придумал новый способ пытки в числе других, — со свойственной ему обстоятельностью живописует преступления императора Светоний, — с умыслом напоив людей допьяна чистым вином, им неожиданно перевязывали члены, и они изнемогали от режущей перевязки и от задержания мочи. Если бы не остановила его смерть и если бы, как говорят, не советовал ему Фрасилл отсрочить некоторые меры в надежде на долгую жизнь, он, вероятно, истребил бы... и последних внуков».

Астрологом двигало не человеколюбие, а страх за собственную жизнь. Он сумел убедить Тиберия, что тот переживет его на десять

лет, обеспечив себе тем самым неприкосновенность. Этот трюк, как уже говорилось, повторил астролог Людовика XI.

«Не умолчу и о предсказании Тиберия относительно Гальбы, — сообщает Тацит. — «...И ты, Гальба, отведаешь когда-нибудь власти».

Умирающий император обнаружил, как говорили тогда, знакомство с наукой халдеев, которую изучил еще на Родосе под руководством Фрасилла. Правление Гальбы, как и намекалось, было недолгим и поздним.

Болезнь подстерегла Тиберия в Кампании на вилле Лукулла. Разлагающийся заживо, с ног до головы покрытый язвами, он остался наедине со смертью без всякой помощи. Это напоминает конец Сталина на Ближней даче. Схожа не только обстановка, но и сопутствующие кончине слухи. Одни говорили, что цезарю дали медленный разрушительный яд, другие полагали, что он просто скончался от голода, ибо был совершенно беспомощен, третьи не без основания кивали на охранников, задушивших семидесятисемилетнего старца подушкой.

Тацит описывает смерть Тиберия так: «В 17-ый день до апрельских календ дыхание его прервалось... Вот уже, окруженный толпой поздравляющих, выходит Гай Цезарь (Калигула), чтобы принять власть, как вдруг приносят весть, что к Тиберию вернулись голос и зрение, и он зовет, чтобы принесли ему поесть для поддержания сил. Ужас обуял всех, люди рассыпались кто куда, каждый изображает скорбь или неведение, Гай, в безмолвии, за высшим своим мигмом ожидает последнего мига. Но Макрон бесстрастно приказывает задушить старика, набросив на него груды одежды...»

Аналогия убийственная! В сходных обстоятельствах Берия повел себя, как Макрон — префект преторианской гвардии.

— Умер тиран! — бросил он, стоя над распростертым на полу телом вождя. Но стоило Сталину приоткрыть глаз, как его верный министр бросился на колени и принялся покрывать поцелуями парализованные руки. Пережив краткий приступ ужаса, он, если верить многочисленным публикациям, в частности Авторханова, последовал примеру Макрона.

Смерть Цезаря вызвала бурю ликования. С криком: «Тиберия в Тибр!» — люди выскочили на улицы, молясь Земле-матери и мамам — душам умерших не давать покойнику места в загробном мире, разве что среди самых отъявленных негодяев.

Типические характеры в типичных обстоятельствах. Основопологающий принцип реализма невольно приходит на ум, когда пытаешься окинуть взглядом портретную галерею римских цезарей.

Тиберий еще не самый худший в этом скопище растленных чудовищ. Упомянутый выше Калигула (12—41), его внук и наследник, откалывал и не такие фортели. Один конь, коему он заставил сенаторов воздать божеские почести, чего стоит! Но не о зверствах

и мерзостях речь. У нас иная задача, хотя без сопутствующих подробностей зачастую не обойтись.

Как это обычно бывает после смерти тирана, люди вздохнули с облегчением, возлагая надежды на лучшие времена. Калигула восстановил доброе имя жертв террора, вернул опальных из ссылки. На форуме он публично сжег все доносы и протоколы, касающиеся политических процессов минувших лет. Римляне плясали от восторга, приветствуя молодого властителя. Вскоре, однако, выяснилось, что сожжены были только старые ненужные копии, а подлинники Калигула хранил у себя. Им еще предстояло выйти на второй круг.

«Я больше всего заинтересован в том, чтобы сохранить для потомства всю правду», — заявил он, дав разрешение обнародовать секретные документы Тиберия. Краткая «оттепель» вскоре сменилась заморозками.

В услугах магов Гай Цезарь (не путать Калигулу с Гаем Юлием Цезарем) практически не нуждался, ибо провозгласил себя верховным богом Юпитером Капитолийским, поставив свои бюсты во всех храмах. Он и сам частенько забирался на статую громовержца и, подставив ухо к каменным устам, принимался шептаться со своим олимпийским двойником. Таким образом, чушь, которую нес император, почиталась небесным откровением. Какой оракул посмел бы соперничать? Сенаторских жен и дочек, которых он, как сутенер, понуждал к проституции, и сестры-наложницы ему, как видно, было мало. В полнолуние в спальне распахивались двери, а сам император укладывался на специально поставленное ложе, куда зазывал провести с ним ночь богиню Диану.

Пресмыкавшийся перед принцепсом Вителлий первым начал обращаться к нему как к богу. Однажды, очевидно после ночи, проведенной в общении с Луной, Калигула ошарашил его неожиданным вопросом:

— Видишь эту богиню?

— Это только вы, боги, способны созерцать друг друга! — смиренно потупив очи, отвечивал находчивый прихлебатель. Минут десятилетия, и Гальба вверит этому человеку командование рейнскими легионами!

Тем же, кому природа отказала в быстроте и сметке, пришлось куда как худо.

— Кто выше? Я или бог? — спросил Калигула Апеллеса.

Прославленный актер замешкался, не зная, что и сказать. Заминка стоила ему жизни.

Сенат безмолвствовал, покорно принося жертвы безумцу цезарю, возмнившему себя царем богов, и богине Друзиле, единокровной его konkубине. Нового Брута не нашлось. Убить благородного Юлия было почему-то легче. Римляне терпеливо сносили кровавые пиршества и запятнавшую лавры скверну кровосмешения.

Калигулу зарезали его же преторианцы: трибун Херея и Сабин. Закономерный финал.

Из сорока шести, если не изменяет память, римских императоров тридцать три были убиты личной охраной. И еще один существенный момент. Астрологов и вообще всяческих предсказателей цезарям, как правило, подсовывали их верные стражи — префекты преторианских когорт. Понятно, что их влияние на государя многократно возрастало. Бывали случаи, когда такой префект вообще присваивал себе функции оракула и даже гадал по внутренностям животных. Лучше всего это удавалось фавориту Нерона Тигеллину. Одержимый артистическим зудом цезарь, прославившийся тем, что спалил Рим и, обвинив в том христиан, бросил их на съедение львам, еще ожидает нашей с ним встречи. Прежде предстоит познакомиться с Божественным Клавдием (10 г. до н. э. — 54 г. н. э.), точнее, Клавдием и Мессалиной, поскольку фактическая власть находилась в руках этой прелестной дамы, само имя которой стало нарицательным.

Отцом Клавдия считался Деций Друз. Достопамятная Ливия уже находилась в интересном положении, когда выходила замуж за Августа. Друз родился через три месяца после свадьбы, что дало повод заподозрить Ливию в прелюбодеянии. «Везучие родят на третьем месяце», — пересмеивались остряки за спиной принцепса.

Друз прославил себя военными и морскими походами, прорыл судоходные каналы и вообще оказался человеком достойным. Умер, правда, при загадочных обстоятельствах, оставив малолетнего Клавдия на руках Антонии и Ливии. Обе знали цену отпрыску.

Мать иначе как «уродом среди людей» его и не называла, а бабка, не скрывая презрения, общалась с ним только через посредство рабов. Словом все, кроме Октавиана Августа, почитали его за идиота.

При мысли, что ему предстоит стать императором, сестра Ливилла билась в истерике, проклиная выпавшую римлянам злую судьбу. Клавдия выдвинула случайность. Когда заговорщики благополучно расправились с Калигулой, он в страхе спрятался за шторой в покоях Гермеса. Его вытащил оттуда какой-то легионер. Клавдий упал на колени, умоляя о пощаде, но чьи-то сильные руки уже волокли его на ревушую площадь. Он пришел в себя на носилках, приветствуемый пьяной солдатней.

Кое-как уяснив свое положение, он перестал дрожать и пообещал каждому по пятнадцать тысяч сестерциев, став первым цезарем, купившим преданность войска за серебро. Хотя мать и клеймила его глупцом, он повел себя на первых порах довольно осмотрительно. Из участников заговора отправил на казнь лишь главных трибунов и центурионов. Больше для примера, нежели из мести. Всячески прославляя память брата, даже поставил в его честь греческую комедию, ублажив тем самым плебс.

Имя — не титул и не высшее военное звание! Имя Цезаря, вместо своего личного, он не принял и благоразумно отверг непомерные почести. И вообще, он держался исключительно скромно, стараясь остаться незамеченным. Даже смиренно просил у сената разрешения брать с собой префекта преторианцев.

Столь необычное поведение сначала озадачило римлян, затем привело в восторг. За исключением нескольких заговорщиков, которые найдутся при любой власти, граждане Вечного города окружили Клавдия почти что любовью. Бедняги не знали, что их ждет впереди. Оракулы и те оказались бессильны.

Оракулам, коль о них зашла речь, Клавдий уделял повышенное внимание. Он вообще серьезно относился к своим обязанностям великого понтифика. При нем эта, некогда выборная, должность окончательно закрепилась за императорами.

В «Анналах» Корнелия Тацита эта сторона его деятельности находит полное одобрение:

«Выступил Клавдий в сенате и с докладом об учреждении коллегии гаруспиков, дабы не заглохла по нерадивости древнейшая наука Италии: к ним часто обращались в трудные для государства дни, по их указаниям восстанавливались священнодействия и в последующем более тщательно отправлялись; этруская знать по собственному желанию или побуждаемая римским сенатом хранила преемственность этих знаний; теперь, однако, это делалось гораздо небрежнее из-за всеобщего равнодушия к благочестию и распространения чужеземных суеверий. И хотя ныне во всем установилось благополучие, все же должно воздать благодарение богам за их благосклонность и не допустить, чтобы священные обряды, усердно почитавшиеся в тяжелые времена, оказались преданными забвению в счастливые. Исходя из этого и был составлен сенатский указ, предписывающий верховным жрецам рассмотреть, что необходимо для сохранения и закрепления искусства гаруспиков».

Став женой Клавдия, Мессалина взяла гадателей по внутренностям жертвенных животных под свой патронаж.

3

Валерия Мессалина (23—48) родилась в тот самый год, когда Тиберий потерял обоих сыновей: Германик скончался в заморской Сирии, а Друз — в Риме. Тогда принцепс и отправился искать уединения в Кампанию. Близкие ко двору люди полагали, что он уже не вернется в столицу и скоро умрет. Предвидение оправдилось, по крайней мере в главном: в Рим император так и не возвратился. Причиной тому было не столько отцовское горе, сколько недвусмысленный знак богов. Во время буйного застолья на вилле «Грот», близ Террачины, внезапно обвалился потолок, похоронив пирующих под обломками. Сам Тиберий чудом уцелел и, отрешив-

шись от бесконечных хлопот, решил пожить в свое удовольствие. Мы уже знаем, чем он занимался. Но возвратимся к Месаллине, ибо ее время только еще начиналось. Она увидела свет в патрицианской семье, связанной родственными узами с императорскими фамилиями, что не могло не сказаться на атмосфере, царящей в родительском доме. Было бы несправедливо изобразить эту очаровательную женщину эдаким монстром, сделать из нее козла отпущения. Если она что называется и попала в историю, то лишь потому, что грешила несколько больше, чем другие, и, главное, делала это совершенно открыто. С покоряющей наглостью и бесстыдством.

Ее отец Марк Валерий Мессала Барабат приходился внучатым племянником Октавиану Божественному. И это не пустой звук. В глазах римлян император — избранник богов и носитель сверхъестественной силы. Людей, входивших в дом Августа, охватывал священный ужас. Словом, родство с великим обязывало ко многому. Иное дело, что одни предпочитали следовать добродетелям, другие — порокам. Наглядные образцы последнего Валерия Мессалина могла наблюдать еще лежа в колыбели. Ее мать Домиция Лепида также принадлежала к аристократической элите. Она была двоюродной сестрой Агриппины, которой предстояло стать матерью Нерона, а затем и женой императора Клавдия. Получив власть, Нерон расправился с обеими — матерью и теткой и вообще оставил за собой такой кровавый след, что все мерзости Мессалины покажутся детской игрой. Но речь все-таки о ней, Мессалине, хотя и с Клавдием, и с Нероном она вскоре сойдется накоротке. Прежде всего с Клавдием. Случится это в 41 году, когда Валерии едва минет восемнадцать. Римлянки созревают рано. Валерия пошла в мать. Такая же рослая, статная и сластолюбивая, как Лепида, она скоро превзошла ее красотой, жестокостью и коварством. В десять лет для блудной дщери не осталось уже никаких тайн по части амурных утех. На празднество по случаю интронизации нового владыки полумира она явилась в сопровождении актеров-любовников.

Клавдию красавица определенно приглянулась. Впрочем, видел он ее далеко не впервые и был в курсе скандальных походов как матери, так и дочери. Это не только не отталкивало брата Калигулы, но, напротив, — притягивало.

Сам Клавдий был дважды помолвлен, а затем и дважды женат. Надо ли говорить, что всякий раз партнерши были новые?

Сын знаменитого Друза, полководца и мореплавателя, он мечтал пойти по следам отца и воплотил мечты в явь, хотя, как вскоре увидим, довольно своеобразно. Желая кого-нибудь уязвить, Антония бросала в сердцах: «Глупее моего уroda Клавдия». Вряд ли это было так уж справедливо. Высокий, краснолицый, рано поседевший Клавдий по-своему был хорош и нравился женщинам. Вот с головой, верно, у него не все было ладно. Иногда действовал разумно и осмотрительно, но чаще опрометчиво и даже нелепо. Семейная

жизнь определенно не складывалась. Не только жены, но и вольноотпущенники вертели им как хотели. С первой женой — Петиной — развелся из-за постоянных дразг, а Плавтия самым беззастенчивым способом ему изменяла и в довершение всего подозревалась в убийстве. Казалось бы, пустяк, но император только что возложил на себя обязанности цензора и великого понтифика. Пришлось прогнать и Платтию.

Тут-то и подвернулась под руку Валерия Мессалина. Пышно отпраздновав свадьбу и вкусив сладость первых ласк, а в этом она оказалась великой искусницей, Клавдий начал готовиться к походу в Британию. Особой нужды в том не было: на провинцию, которую пристегнул к империи еще Юлий Цезарь, никто не посягал. Но Клавдий так мечтал о триумфе! Пройдя без единого боя вдоль побережья и подчинив часть острова, принцепс вернулся победителем. На крыше Палатинского дворца вывесили сразу два венка: гражданский и морской. Как бы покоров океан, Клавдий как бы сравнялся в славе с отцом. Триумф, которым его почтил сенат, затмил все прежние. Сжимая в объятьях любовника, Валерия следовала за торжественным шествием в крытой двуколке. Достоинство описать ее проделки способен разве что Апулей. Она ухитрилась сорвать мимолетный цветок наслаждения даже в присутствии мужа. Клавдий частенько устраивал богатые пиры, теша гостей, коих собиралось до шестисот, такими яствами, как жареная газель, начиненная фазанами, и фаршированная осьминогом мурена. От постоянных излишеств у него начались nelaды с желудком. Он даже собирался особым эдиктом позволить испускать ветры на пиру, так как и в этом не желал себя сдерживать. Пока он с чашей сантуринского вина возлежал в окружении хмельных гостей, Валерия в каком-нибудь закутке ублажала силача-центуриона или смазливое лицедея, вроде Мнестра. Поскольку тот был мимом, она запретила ему изъясняться звуками на ложе любви. Извивалась от хохота, глядя на его гримасы.

О, если бы императорская чета осталась в памяти потомков лишь под знаком Бахуса и Венеры! Увы, крови было пролито больше, нежели столь любимого обоими испанского вина.

Клавдий жадно прислушивался к доносам и наговорам. Порой достаточно было малейшего подозрения, чтобы лишить человека жизни. Его ближайшие наперсники — отпущенные на волю рабы Нарцисс и Палант, пользуясь слабостью господина, без особых хлопот избавлялись от неугодных. Мессалина довела процедуру истребления до совершенства. Она погубила множество достойнейших граждан, среди которых были и сенаторы, и всадники — цвет империи.

Особые толки и недоумение римлян вызвала смерть Аппия Силадана, отчима Мессалины. По ее наущению Нарцисс, слывший удачливым ясновидцем, вбежал рано утром в спальню императора с криком, что видел ужасный сон, будто Аппий занес нож над принцепсом. Мессалина с деланным удивлением принялась уверять, что

вот уже неделю, как и ей снится та же самая сцена. Под конец, как было условленно, стража доложила, что во дворец ломится этот самый Аппий. Казнь человека, который был в свое время консулом, требовала объяснения в сенате. Клавдий сделал это на следующий день. Он даже похвалялся тем, что вольноотпущенник-волхв и во сне бережет его особу.

Неудивительно, что во дворце воцарилась мерзкая атмосфера страха и раболепия. Умерщвлялись мнимые враги императора и потенциальные соперницы императрицы, благоденствовали наушники и льстецы. Клавдий уверенно шел по стопам Тиберия и Калигулы.

Луций Вителлий дошел в своем низкопоклонстве до того, что поставил на семейный алтарь изображения Нарцисса и Паланта. Как-то он испросил в качестве величайшей милости дозволения разуть Мессалину. Упрятав сандалию между туникой и тогой, этот отец будущего императора, тоже мерзавца, при каждом удобном случае покрывал ее поцелуями.

От Клавдия у Мессалины родился сын Британик и дочь Олимпия. Желал упрочить положение отпрыска, она вознамерилась убить Нерона, усыновленного Клавдием, и подослала убийц. И надо же было случиться, что именно это преступление не удалось! Наемники не решились задушить спящего юношу, которого-де защитила свернувшаяся на подушке змея. Так была упущена возможность спасти Рим от пожара, римлян — от масовых казней, а христиан — от свирепых львов на арене Колизея. Ценой одной головы Мессалина могла бы в памяти поколений искупить многие преступления. Больше того! Уберечь собственных детей, которых не замедлит уничтожить Нерон. Но история не знает сослагательного наклонения. Случилось то, что случилось. Нельзя не подивиться искусству, с которым случай — или рок? — завязывает самые причудливые узлы. Октавия сперва станет женой Нерона, а уж потом разделит жуткую участь всех его близких.

В годину террора никто не может быть спокоен за собственную жизнь. Философ Сенека спешно покинул Рим, укрылся на Корсике и расточает в письмах славословия Клавдию: «Сколько бы раз твои глаза не наполнялись слезами, обращай их к императору. Слезы высохнут при созерцании великого и светлого божества. Блеск его ослепит тебя, и ты уже ничего другого не будешь видеть, созерцая его».

Тиберий, Калигула, Клавдий, Нерон, Вителлий — трудно сказать, кто из них хуже. Специфической особенностью Клавдия была забывчивость, возможно, притворная, но, скорее всего, натуральная. Сегодня он отправляет на казнь друга и сотрапезника, а завтра велит звать его на пирушку, либо на игру в кости. Есть все же и у порока, общего для любой эпохи, индивидуальные черты...

Смерть прекрасной Юлии Лепиллы, очевидно, переполнила чашу терпения златокудрой богини Венеры, которая до сих пор

смотрела сквозь пальцы на проделки самой распутной из своих дочерей.

Нечаянная стрела Амура послала Мессалине всепоглощающую страсть к Гаю Силию, красивейшему из молодых людей Рима. Могла ли думать Валерия, что последние месяцы 48 года, на которые сенатор Силий был назначен консулом, станут завершением ее бурной жизни? Бесцеремонно расторгнув брак избранника с Юнией Силаной, Мессалина безраздельно завладела любовником. Неодолимый соблазн приникнуть к подлинному источнику заставляет и на сей раз обратиться к непревзойденному Тациту: «Силий хорошо понимал, насколько преступна и чревата опасностями подобная связь, но отвергнуть Мессалину было бы верной гибелью, а продолжение связи оставляло некоторые надежды, что она останется тайной. Привлекаемый вместе с тем открывшимися перед ним большими возможностями, он находил утешение в том, что не думал о будущем и находил наслаждение в настоящем».

Исчерпывающий анализ! Но думать о будущем следует при любых обстоятельствах, особенно если настоящему отведены краткие сроки. Надежда на «тайну» развеялась. Закусив удила, Мессалина открыто навещала любовника, осыпая его золотом и почестями. Окруженная толпой прихлебателей и слуг, тащила к нему драгоценную утварь из дома принцепса, дарила рабов. Что же до «возможностей», открывших путь к власти, то они и погубили обоих. Мессалине скоро прискучила легкость, с которой она совершала бесчисленные прелюбодеяния. Захотелось более острых, неизведанных наслаждений. Она решилась на отчаянный шаг — обвенчаться с возлюбленным при живом муже! Светоний сообщает по этому поводу совершенно ошеломительную подробность:

«И уже всякое вероятие превосходит то, что на свадьбе Мессалины с ее любовником Силием он сам (речь идет о Клавдии) был в числе свидетелей, подписавших брачный договор: его убедили, будто это нарочно разыграно, чтобы отвратить... угрозу опасности, возведенную ему какими-то знаменьями».

Император, конечно, был не семи пядей во лбу, но не стоит делать из него идиота. Как-никак из-под его пера вышел обширный труд, излагающий в 41 книге историю Рима; составил он и собственную биографию, но ничего из его писаний не дошло до наших дней. Современники часто сгущают черные краски.

На самом деле и здесь, бесспорно, прав Тацит, свадьба имела место, но Клавдий о ней ничего не знал и уж тем более не был свидетелем бракосочетания.

Сам факт этого действия был использован против «молодоженов». Если все повидавший Рим мог спокойно взирать на то, что ложе императора оскверняет какой-то актеришка, мим, то с Силием дело обстояло иначе. С помощью Мессалины молодой энергичный сенатор мог без особого труда совершить переворот. Наверняка были

такие планы. Они-то и встревожили «наперсников разврата», дворцовых куртизанов и прихлебателей, чье положение могло пошатнуться. Вчерашние заединщики Мессалины — Палант и Нарцисс, разыграв благородное возмущение, дали знать Клавдию, совершавшему в тот момент жертвоприношения в Остии, какие дела творятся у него под самым носом. Вновь была разыграна, как по нотам, комедия, но уже без Мессалины. Любимые наложницы Клавдия, повинившись в том, что скрывали связи императрицы с Веттием, Плавтом и прочими, открыли ему глаза на всю серьезность последней эскапады: «Если ты не станешь немедленно действовать, супруг Мессалины овладеет Римом».

Клавдий впал в прострацию, боясь, что сенат и войска уже перешли на сторону Силия. Мессалина между тем предавалась веселью, устроив празднество по случаю сбора винограда. Вместе с Силием плясала она, распустив волосы, в давящем чане. Одетые в звериные шкуры, облитые суслом женщины, изображая вакханок, распевали скабрезные куплеты. О приближении грозы сообщили в тот самый момент, когда Силий, вооружась тирсом, корчил из себя Диониса. Он и вправду был красив, как бог — покровитель необузданных оргий.

Дабы показать, что ничего не боится, сенатор отправился на форум, к своим обязанностям, а Мессалина удалилась в сады Лукулла на виллу. Она была уверена, что и на сей раз обедеет «старичка» вокруг пальца. Так бы и случилось, если бы не Нарцисс. Бывший раб взял инициативу на себя. Клавдию были продемонстрированы похищенные императорские реликвии и длинный список любовников, многие из которых стояли тут же. Не пытаясь оправдаться, Силий просил об одном: ускорить смерть. Клавдий велел казнить как прямых виновников, вроде Прокула и Валента, так и свидетелей прелюбодеяний. Вместе с сенаторами и консулами сложили головы префект пожарной стражи и начальник школы гладиаторов, злосчастный мим и богатый-легат, сластолюбивый жрец Астарты и звездочет. Последний был повинен лишь в том, что не сумел разглядеть, что творится на земле.

Торопя события, Нарцисс приказал страже немедленно умертвить Мессалину. Посланные застали ее с кинжалом в руках. Видя, что она окончательно потеряла лицо и не сможет уйти достойно, молчаливый трибун нанес удар мечом.

Беспечный Клавдий с чашей в руке кейфовал во дворце. Он даже не поинтересовался, как встретила смерть еще недавно обожаемая супруга. Садясь на другое утро за стол, спросил: «Почему не приходит императрица?»

Потупив глаза, Нарцисс напомнил вчерашнюю сцену.

— В самом деле? — слегка удивился император.

Сенат постановил убрать все статуи Мессалины, а имя ее предать забвению.

Не получилось...

Сам же император умер от яда, который подложил в суп из угрей евнух Галот, проверявший кушанья принцепса за трапезой жрецов на Капитолии. По другим сведениям, отраву подмешала в белые грибы — любимое лакомство Клавдия — бывшая жена Агриппина. В свое время она донесла на соперницу, будто бы та гадала о брачных планах принцепса у оракула Аполлона Кларосского и обращалась за помощью к «халдеям и магам». Ныне она и сама была бы не прочь обратиться к астрологам. Судьба Фурия Скрибиона, поплатившегося изгнанием за попытку узнать, когда умрет обожаемый принцепс, не слишком пугала мать Нерона. Она вообще отличалась изрядным мужеством и, не надеясь на благосклонность планет, предпочла действовать своими руками. Как вскоре выяснилось, это не противоречило неисповедимым замыслам мойр.

Властительницам судеб, прядущим нити и режущим их в надлежащий час, ведомо все в обе стороны времен. Евнух Галот был слепым орудием Агриппины, которая достала отраву у знаменитой Локусты, поднаторевшей в тонком искусстве токсикологии.

Смертному часу Клавдия предшествовали знамения: в небе появилась комета, рассыпающая красный огонь, а в памятник Друза, номинального родителя Клавдия, ударила молния.

4

«Нерон родился в Анции, через девять месяцев после смерти Тиберия в восемнадцатый день до январских календ, на рассвете, так что лучи восходящего солнца коснулись его едва ль не раньше, чем земли. Тотчас по его гороскопу было сделано много страшных догадок; пророческими были и слова его отца Домиция, который в ответ на поздравления друзей воскликнул, что от него и Агриппины ничто не может родиться, кроме ужаса и горя для человечества».

Горькое признание Домиция как бы отодвигает знамения на задний план. И в самом деле, чего еще можно было ждать от таких родителей? Приведенную выдержку из Светония изрядно подкрепляет свидетельство Диона. По его словам, астролог предрек, что мальчик станет царем, но убьет свою мать. «Пусть убьет, лишь бы царствовал!» — воскликнула Агриппина.

Блюдя интересы сына, она пыталась скрыть смерть Клавдия, пустив слух, что наступило улучшение состояния. Подозревающих истину, отсылали опять же к халдеям, которые предвещают скорое исцеление. Стража денно и ночью бодрствует у дверей императорской спальни, где разлагается труп. Сестер Клавдия Агриппина почти насильно удерживает при себе. И все ради него, дорогого сыночка, который должен во что бы то ни стало опередить другого претендента — Британика, сына Клавдия и Мессалины.

Старый и вечно новый метод. О смерти Сталина страна узнала через два дня, Брежнев — по истечении почти суток. В прошлом для закрепления власти за преемником, будь то фараон, папа или далай-лама Тибета, требовалось значительно больше времени. Иногда даже несколько лет. Так что кое-какой прогресс все же налицо.

Нерон (37—68) поначалу повел себя осмотрительно, руководствуясь, очевидно, примером Клавдия.

«Ему шел семнадцатый год, когда было объявлено о кончине Клавдия. Он вышел к страже между шестью и семью часами дня — весь этот день считался несчастливым, и только этот час был признан подходящим для начала дела».

Не столь важно отметить, что указанный Светонием промежуток соответствует часу пополудни. Знаменателен сам факт воздействия «авгуральных наук» на принятие политических решений.

Сенека переживал счастливейшие минуты жизни. Он с почетом вернулся в Рим, его воспитанник, завладев трон, тут же приблизил к себе учителя. Можно ли желать лучшего? Для философа сразу же нашлась неотложная работа. Принцепсу предстояло произнести две речи: одну в сенате, другую перед преторианцами и выступить на церемонии обожествления Клавдия. Все три текста он поручил написать Сенеке. Кому же еще? Бывший воспитатель становился политическим советником императора, почти соправителем.

Писать о заслугах покойного Клавдия было нестерпимо. Переполющая душу ненависть и память о пережитом страхе искали выхода. Диктуя писцу речь для Нерона, в которой превозносились заслуги Клавдия, Сенека оттачивал фразы будущего памфлета. Название «Отыквление Божественного Клавдия» говорит само за себя. Более злой и кощунственной сатиры на акт обожествления трудно было бы выдумать. Не довольствуясь бранью в прозе, автор прибег к стихам: «Жизни дурацкой царя наконец оборвала теченье». Это о мойре, перерезавшей нить. Изящно и непринужденно брань сменяется безудержной хвалой «Яркому Солнцу» — Нерону. Словно бы позабыв, что уподоблял животворному светилу и поносимого Клавдия, писатель-стилист, потеряв чувство меры, вновь обращается к прозе: «А умер он, слушая комедиантов... вот последние его слова, какие слышали люди и которые он произнес, издав громкий звук той частью тела, какой ему легче было говорить: «Ай, я, кажется, себя обгадил!» Так ли это было, не ручаюсь, но что он все обгадил — это верно».

Сколь лучезарно и многообещающе утро нового царствования! Но тем мрачнее видится его закат.

Вспомним Павла и его первенца Александра, вспомним, наконец, Михаила Сергеевича Горбачева. «Нет ничего нового под солнцем». Какие надежды, какие восторженные упования!..

В первый же день правления Нерон назначил трибуну своих телохранителей пароль: «Лучшая мать». Он доверил Агриппине ве-

дение всех своих дел, частных и государственных. Римский плебс приветствовал их обоих, сидящих в одних носилках.

Что же дальше? «Лучшая мать» начинает мешать неблагодарному отпрыску. Она по-прежнему одержима властолюбием и нетерпимостью и готова на все, чтобы удержать при себе сына-венценосца. Препятствует разводу с Октавией, мешает встречам с любовницей Пoppейей.

«Агриппина дошла до того, — бесстрастно отмечает Тацит, — что в разгар дня, и чаще всего в те часы, когда Нерон был разгорячен вином и обильною трапезой, предстала перед ним разряженной и готовой к кровосмесительной связи: ее страстные поцелуи и предвещавшие преступное сожительство ласки стали замечать приближенные...»

Интрига завязывается в тугой узел.

В тщетной надежде вразумить воспитанника, Сенека не находит ничего лучшего, как вовлечь в этот гинекей, больше напоминающий клубок змей, еще одну женщину — вольноотпущенную Акту. Она-де откроет глаза принцесу на угрожающую ему опасность. Мол, гnevаются сенаторы, ропшет чернь и войска не потерпят над собой власти цезаря, запятнанного инцестом.

И никому невдомек, чем разрубается гордиев узел. Кроме самого Нерона, естественно.

Он между тем обсуждает с прихлебателями планы убийства матери. Яд не годится. Слухи о загадочной смерти Клавдия по-прежнему подогреваются недругами, число коих множится. Да и память о Британике еще слишком свежа.

Безотказное средство Локусты пустили в ход, когда обделенному принцу, достигшему четырнадцати лет, предстояло надеть мужскую тогу. Он был настолько наивен, что не скрывал желания царствовать.

Агриппина и молодая царица Октавия, родная сестра Британика, бесстрастно следили, как он бьется в конвульсиях на пиршественном ложе. Такова суровая природа власти: двух цезарей быть не может. Ромул тоже убил Рэма. Римляне повздыхали о юном царевиче и умолкли.

Выход находит префект мизенского флота Аликет, ненавидящий Агриппину. Что может быть лучше кораблекрушения? Стихия скроет все следы. Волны и ветер не знают греха, и принцепс сможет с чистой совестью воздвигнуть в честь незабвенной матушки поминальный храм. «Но боги, словно для того, чтобы злодеяние стало явным, послали ясную звездную ночь с безмятежно спокойным морем». Отдадим должное слогу летописца!

Отягощенная свинцом кровля каюты обрушивается, придавив фактотума Агриппины, но сама царица остается целехонькой. И гребцам, как назло, не удастся потопить устойчивую трирему. Военный корабль с честью выдерживает испытание. Ничего не поделаешь: так угодно богам. Служанку, которую принимают за Агриппину, забили баграми, а сама она, никем не узнанная, вплавь добирается до рыбацкой лодки.

Карты раскрыты. Нерон в ужасе ожидает возмездия. Философ-стоик подсказывает ему упредить фурию-мать. Недалек день, когда достойный ученик прикажет ему вскрыть себе вены. Все, все обречены в этой мрачной трагедии: жена Октавия и будущая жена Поппея, сын Поппеи от первого брака и плод от Неронова семени во чреве ее. Но первой будет «лучшая из матерей». Убийцы, взломав ворота, врываются на виллу Агриппины, расшвыривая рабов, вваливаются в ее спальный покой.

Первый удар обрушивает триерарх-капитан злополучной триремы. На суше у него получается лучше, нежели на воде, но царица жива. Тогда меч выхватывает центурион флота Обарит.

— Поражай чрево! — крикнула Агриппина, обнажая живот. «Пусть убивает, лишь бы царствовал!» И это сбылось. И давний сон Сенеки, увидавшего у себя на коленях Калигулу вместо Нерона, тоже окажется вещим.

Далее следует сцена в стиле театра абсурда, фарса-гиньоль. Склонясь над окровавленным ложем, принцепс разглядывает мертвую мать, гладит ее руку, восхваляет бархатистую нежность кожи, восторгается красотой.

Он тонкий эстет, этот император — актер и поэт, устроитель невиданных зрелищ, меняющий маски непревзойденный мим. Пожар Рима — это ли не представление, достойное богов! Он ведь и сам бог. Не Юпитер, как Калигула, но Все-бог Нерон Император.

Очевидцы свидетельствуют, что император был потрясен, постигнув всю непомерность совершенного злодеяния. Неподвижный и погруженный в молчание, а порой мечущийся от ужаса и полупомешанный, он провел мучительную ночь, ожидая рассвета, который сулил гибель.

Ему мерещился разворошенный муравейник курии, где каждый сенатор скрывает кинжал под тогой, разъяренный плебс, взбунтовавшиеся легионы. По древним законам отцеубийцу засекали до крови, затем зашивали в мешок вместе с собакой, петухом, змеей и обезьяной и швыряли в морскую пучину.

Перед ним же лежала изрубленная мечами мать. На императрицу распространялась присяга, которую приносили дому Клавдиев сенат и войска.

Агриппина:

Ты брата отравил — начало недурное.
За кем теперь черед? Наверное, за мною.
Как ненависть ко мне тебя, мой сын, грызет...
...Ты станешь убивать, чтоб обрести покой,
И кровь затопит Рим багряною рекой,
Но небо утомишь и — о венец желаний! —
Ты жертвою падешь своих же злодеяний.
Опустошишь весь Рим и, сам опустошен,
Рукою собственной себя убьешь, Нерон...

Расин. Британик

Ночные кошмары развеялись. Первыми поздравить с избавлением от «нежданной опасности» явились трибуны и центурионы. Ловя руку императора, они вперемежку с поцелуями возносили хвалу его непоколебимой твердости, пресекавшей в зародыше преступное злоумышление.

Смолк железный шелест крыльев мстительных фурий. Царственный мим вновь ощутил себя на сцене, границы которой раздвинулись, обнимая весь мир. В конце концов, это была лишь короткая интермедия, вроде схватки гладиаторов или рыканья львов, пожирающих человечье мясо на окровавленном песке арены. Впереди мерещился огонь. Полыхающее зарево над семью холмами.

Войдя в роль, Нерон разразился бурными рыданиями, проклиная себя за то, что остался жив. Скорбя по «лучшей из матерей», он не забыл отправить в сенат послание, в котором сообщалось об аресте некоего Агерина, вольноотпущенника покойной царицы. Подосланный убить императора, он был схвачен с мечом, после чего Агриппина, терзаясь раскаянием, предала себя смерти.

Незамедлительно последовало постановление об учреждении в память раскрытия заговора публичных игр, а день рождения Агриппины включили в число несчастных. Раблепные патриции спешно выделили в курии место для золотой статуи Миневры. Рядом с богиней божественной мудрости предполагалось водрузить изваяние Божественного Луция Нерона. В свое время Агриппина отвергла предназначенное ему имя Тиберий, но оно все же дало о себе знать. Ведь имя — знак.

Былое втягивает в себя, как в омут. Легко поддаться искушению и, пустясь во все тяжкие, окунуться в кровавый туман чудовищных оргий, но будем помнить о главном.

Во времена Нерона замечены две хвостатые звезды. Он полагал, что это к счастью, халдеи судили иначе. Астрологов держала при своем дворе Сабина, красивейшая женщина Рима, сказочно богатая и утонченно распутная. На ее светло-золотистые волосы, столь редкостные у черных, как смоль, помпеянок, смотрели, как на чудо. Все в один голос говорили, что она поразительно похожа на мать — Поппею Сабину. Судьба старшей Поппеи была несчастливой. Выданная за юного патриция Тита Оллия, она рано овдовела. Это случилось еще при Тиберии, когда был раскрыт заговор префекта преторианцев Сеяна. Действительный, а не мнимый, ибо ближайший телохранитель во все времена составлял главную угрозу для владычества.

Через шестнадцать лет после казни Оллия, облыжно обвиненного в связях с Сеяном, Поппея Сабина принуждена была покончить с собой. Мстительная и завистливая Мессалина тоже приплела ее к какому-то заговору.

Юная Поппея осталась одна со своими миллионами и ангельской красотой.

«Я хотела бы умереть прежде, чем стану увядать», — признавалась она частенько.

Созданные ее алхимиками бальзамы и притирания на века вошли в непрменный арсенал римлянок, а ванны из ослиного молока сделались притчей во языцех. Еще в прошлом веке арабские медики видели в них лучшее средство омоложения.

После развода с первым мужем Пoppея обручилась с Отонoм, близким другом Нерона. Император влюбился в нее с первого взгляда. Отон сам навлек на себя беду, хвастаясь прелестями жены. В отношениях с Нероном, который был моложе ее на семь лет, Пoppея повела себя властно и тонко.

— Я не намереваюсь разрушить свой брак. Отон прекрасен, а ты делишь ложе с этой Актой, прошедшей через множество рук. Какая мерзость!

Принцепс метался в ярости и срывал зло на закадычном дружке, который ни с кем не хотел делить жену-чародейку. Пoppея втайне смеялась. Молва приписывала ей множество любовников, но никому так и не удалось застать ее на месте преступления. Она была на редкость образованной и начитанной женщиной, увлекалась верованиями Востока и знала толк в оккультизме. Отправляясь на тайные свидания, не забывала прикрыть лицо. Среди множества «халдеев» она особенно выделяла астролога Птолемея. Он еще скажет свое слово при будущих императорах, ибо переживет и свою хозяйку, и еще многих и многих, включая Нерона.

Одни падут под ножом палача, другим прикажут принять яд или перерезать себе вены. Сидя в теплой ванне, где от вытекающей крови постепенно розовеет вода, Сенека продиктует писцу все свои ощущения до последнего мига. Благородный Гай Петроний Арбитр, непрменный участник императорских забав, закончит свой непревзойденный «Пир Трималхиона», отошлет рукопись во дворец и так же достойно и безболезненно ускользнет от неминуемой расправы. Изысканный и щедрый Пизон...

Прервем на этом перечисление: нет особой нужды — кто нынче вспомнит о Пизоне? — и не хватит страниц. И оставим Нерона на дымящихся углях имперской столицы.

Приводимую ниже выдержку из Тацита, хоть и считают позднейшей вставкой безымянного монаха-переписчика, но она уместна как нельзя более:

«И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виновных и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат, подавленное на время это зловредное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное...»

Последние слова следует отнести к самому Нерону. Если великий понтифик и почитал кого-либо из богов, то это была сирийская

богиня — Кибела. Маленькую ее фигурку он постоянно носил с собой, молился ей напоказ всему свету, уверяя, что она исполняет все его желания.

И еще одна классическая фраза из Тацитовых «Анналов», как отклик на историческое мероприятие императора, повелевшего изгнать всех актеров и магов:

«Люди этой породы обманывают государей и лгут честолобцам, их вечно изгоняют из нашего государства и вечно оставляют, чтобы пользоваться их услугами».

Лаконично и всеобъемлюще верно, и редкие исключения лишь подтверждают правило.

Птолемей нагадал Отону, что тот переживет венценосную бестию. Это казалось почти невероятным, но, на удивление, оправдалось. С той поры астрологу верили безоглядно, и он в полной мере этим воспользовался. Можно даже сказать — изменил ход истории, хотя кто знает... Иногда кажется, что звезды и впрямь управляют театром марионеток, где в руках невидимых кукловодов дергаются заглавные наши герои — властитель и маг, которым все чаще сопутствует безликий телохранитель.

Должен признать, более с удивлением, нежели огорченно, что автор почти не властен над случайными вариациями сюжетного клише. Наглядный пример. Вопреки строгому отбору фактов в действие затесался третьестепенный персонаж: человек достойный, но вовсе не обязательный. Речь о Пизоне, с коим мы распрощались как будто бы навсегда. Но не тут-то было! Вмешивается небесная механика, и хочешь не хочешь, а приходится возвращаться. Он уже висит на ниточках. Бессловесный, неподвижный, но необходимый.

«Хвостатая звезда, по общему поверью грозящая смертью верховным властителям, стояла в небе несколько ночей подряд».

Можно ли пройти мимо такого свидетельства античного автора? Тем более что оно непосредственно касается Нерона.

«...Встревоженный этим, он узнал от астролога Бальбилла, что обычно цари откупаются от таких бедствий какой-нибудь блистательной казнью, отвращая их на головы вельмож, и тоже обрек на смерть всех знатнейших мужей государства — тем более что благовидный предлог для этого предоставило раскрытие двух заговоров: первый и важнейший был составлен Пизоном в Риме, второй...»

Ограничимся первым, ибо звезды довели нас до Пизона. Дивное выражение употребил Светоний: «Блистательная казнь!» Заговорщиков держали в оковах из тройных цепей и подвергали садистским пыткам, а после того, как их истерзанные тела крючьями сволокли в Тибр, палачи принялись за детей. Одних отравили, других умили голодом, немногих счастливчиков изгнали из Рима.

Получается, что звезды воистину правят судьбами людей, если, конечно, в это верит тиран. Пизон, скорее всего, не верил.

Он был другом Петрония, который высмеивал астрологическую дребедень. Верил Нерон, и хвостатая звезда стала роковым знаком для Пизона.

Гай Петроний умер с улыбкой на устах. Он несколько раз давал перевязать себя, чтобы продлить беседу с друзьями.

«На круглом блюде были выложены кольцом двенадцать знаков зодиака, причем на каждом кухонный архитектор разместил соответствующие яства. Над Овном — овечий горох, над Тельцом — говядину кусочками, над Близнецами — почки и тестикулы, над Раком — венок, над Львом — африканские фиги, над Девой — матку неогулявшей свиньи, над Весами — настоящие весы с горячей лепешкой на одной чашке и пирогом на другой, над Скорпионом — морскую рыбку, над Стрельцом — лукоглаза, над Козерогом — ома-ра, над Водолеем — гуся, над Рыбами — двух краснобородок».

*Петроний. Пир Трималхиона
(«Сатирикон»)*

Смерть рыб, услаждающая пирующих буйством пурпурных тонов. Как связано все со всем в этом мире, где в единой сети трепещет и бьется мимолетная жизнь.

Тацит упоминает о двух кометах при Нероне: в 60 и 64 годах. Явление последней ознаменовало нарастающую волну террора. Особенно много толков вызвал процесс консула Сорана и его дочери Сервилии. Она все свои драгоценности раздала магам и астрологам, пытаясь узнать исход дела отца, за что и была взята под стражу. Попытка выведать у астрологов что-либо связанное с государственными секретами, каралось смертью. Консул и наместник провинции Азия Сервий Соран пополнил вместе с дочерью длинный список безвинных жертв.

Казни сопровождалась торжествами и зрелищами. Император лично выступал на сцене в самых различных жанрах. Сенат уже заранее присудил ему первую премию за исполнение песен и венок за красноречие, но Нерон не согласился, потребовав предоставить равные возможности всем участникам состязания. На деле все получалось обратно тому, ибо царственный певец начал с декламации длинной поэмы. Враки, что за него писали другие. И ораторского искусства ему было не занимать. Когда, заняв все время, он закончил пение и, отложив лютню, раскланялся, раздался шквал аплодисментов и криков восторга. Скрыть энтузиазм публике было трудно. За этим следили специально расставленные между скамей бичевщики из преторианцев. Так называемая «группа ликования» в Кремлевском дворце работала более мягко, но не менее эффективно.

Пышные «неронии» сменились кратковременным трауром по случаю смерти императрицы: пьяный Нерон ударил беременную Поппею ногой в живот. Октавию, сосланную после развода на островок Пандетерию, зарезали мясники Тигеллина. Словом, и хвостатая гостья 60 года тоже натворила немало бед.

Но в той, что явилась после, замордованный Рим читал скорую гибель обгащенного кровью монстра. Тигеллин, чуткий к незримым, но всей кожей ощущаемым знамениям, незаметно уходит в тень. Меняя заплечных дел мастеров, тираны переваливают на них какую-то часть преступлений. Телохранители, не связанные с темными делами, тоже стараются спрыгнуть с палубы, учуяв перемену ветров. Как, например, генерал Генералов в Форосе. Правда, он покинул Горбачева по приказу начальника знаменитой «девятки». Любое сравнение хромает, но тенденция налицо.

Префект Бурр продолжает раскручивать мясорубку, но скоро исчерпывает ресурс и заболевает, сорвав голос на допросах. Нерон обещает ему лекарство от горла, а посылает яд.

Примерно как у нас в тридцатые годы политические процессы перемежались манифестациями в честь полярников и летчиков — героев дальних перелетов, Нерон отвлекает граждан от мрачных мыслей широкомасштабными действиями.

На сей раз Рим ожидает прибытия парфянского царя Тиридата. В сущности, он заложник легата пятого легиона Корбулона. Сценарий предстоящей церемонии расписан заранее. «Тиридат, — по словам Тацита, — положит свою царскую корону к подножию статуи Цезаря и получит ее обратно не иначе как из рук самого Нерона».

Но что для толпы изнанка политики? Важен внешний эффект, зрелищность, а уж на этом цезарь, что называется, собаку съел.

«Спустя несколько дней оба войска во всем блеске были построены друг против друга — с одной стороны конница, расставленная отрядами с отечественными различиями, с другой — ряды легионов со сверкающими орлами, знаками и изображениями богов, как в храме; посередине был сооружен трибунал с курульным креслом на нем и изваянием Нерона на кресле. После заклания, согласно обычаю, жертвенных животных к нему приблизился Тиридат и положил у его ног снятую с головы диадему, что вселило в души присутствующих волнение... Тиридат отправился в Рим напоказ всему миру, и намного ли он своей участью будет отличаться от пленника?»

И все-таки это настоящий восточный царь! В его свите иранские жрецы, могущественные волхвы, таинственные маги. Римляне ликуют. У женщин замирают сердца от сладостной жути.

Нерон, воспользовавшись случаем, хочет разузнать, правда ли все, что говорят о Заратуштре и магах, о солнечном боге Митре, на котором помешались почтенные матроны и юные патриции. Но в глубине души он остается глубоко равнодушным.

Зато астролог Птолемей не теряет времени даром. Легко найдя общий язык с собратями по ремеслу, сверяет с магами вещице конstellации планид. Он в курсе событий, подспудно вызревающих на границах империи. В хвостатой звезде прозревается новое авгу-

стейшее имя: Гальба. Тем не менее хитрый грек пророчит императорский венец Отону. Гальба стар, а Отон молод и хоть изнежен телом, но духом тверд. Он не простит Нерону отторгнутую от сердца Поппею. Растравляя незаживающую рану, Птолемей острожно подталкивает его к действию.

— Звезды сулят Риму великие потрясения, а тебе, Отон, славу. Я совещался с магами. Они тоже называли тебя.

Отон верит, верит и боится, надеясь втайне, что Гальба его усыновит. Он не настолько глуп, чтобы воевать на два фронта.

Вести о смерти Сенеки, убийстве Бурра и уходе Тигеллина зловещим эхом отозвались в самых дальних углах. В окружении принцепса усиливаются панические настроения. Все помыслы об одном: не погибнуть вместе с безумцем, чьи злодеяния переполнили чашу терпения.

Комета и молния, ударившая в статую в Субалаквее — это знак, но откуда исходит непосредственная опасность? Кто претенденты на трон?

Сулла, который отбывает ссылку в Массалии? Бурра и Паланта, служившего еще Мессалине и Клавдию, убрали только за то, что заподозрили в заговоре в пользу Суллы. На всякий случай к Сулле подсылают убийц. Остается Рубелий Плавт. Нерон направляет палачей и к нему, в Малую Азию.

Хронологические вехи в нашем случае не имеют особого значения. Важна не последовательность событий, но их суммарная составляющая. Император для нас интересен только в паре с волхвом или в роковом треугольнике, когда на сцену выходит охранник. Грандиозные свершения, победоносные битвы и проигранные сражения, казни, заговоры — короче, все то, что, собственно, составляет историю, в нашем случае — лишь элементы сменяемых декораций.

Прихотливо выхватывая отдельные эпизоды, забегая вперед и возвращаясь назад, мы стремительно подвигаемся к предсказанному — не важно, кем именно, — финалу.

Гром грянул, когда Нерон самозабвенно возился с водяным органом, сотворенным Ктезибием Александрийским. Пришла весть, что от Рима отпала Испания. Наместник Ближней Испании Гальба выступил перед войсками, призвав свергнуть ненавистного злодея. К Гальбе незамедлительно, словно ждали сигнала, примкнули наместник Лузитании Отон и наместник Южной Испании Цецина.

Сейчас опустится занавес в театре марионеток. Последнюю точку по законам жанра поставит последний преторианский префект императора по имени Нимфидий Сабин. Человек с темным прошлым и непомерными амбициями, он возникнет на сцене в самый кульминационный момент, когда Нерон будет искать смерти.

Все кончено.

Сенат объявил его «врагом народа».

Принцепс даже заколоться не может самостоятельно и умоляет привести гладиатора, но голос его остается втуне. Всеми покинутый, он твердит, заливаясь слезами, одно и то же:

— Какой актер погибает, какой актер...

— Неужто смерть и вправду так страшна? — привел, уходя, строчку из Вергилия какой-то центурион.

Страшна не смерть, но страх смерти.

Последний преторианец покинул Сервилиевы сады, чтобы провести ночь в римских казармах. Прихватили с собой все, что смогли. Даже золотой футляр, в котором хранился яд от Локусты.

Вонзить кинжал в горло помог юный вольноотпущенник Эпафродит. Он один не оставил своего повелителя.

Уже отходя, Нерон услышал громкий голос префекта:

— Я поспешил на помощь!

Лжец. Он надеялся захватить «врага народа» живым и передать в руки Гальбы.

— Слишком поздно... Спасибо за верность, — донеслось из потустороннего далека.

Пресекая славный род, Нерон был последним императором, носившим имя Цезаря. Теперь оно становилось лишь титулом.

5

Консулу Сервию Сульпицию Гальбе (3—69) довелось побыть цезарем всего семь месяцев. Кровь Юлиев не текла в его жилах, но, надев императорский венец, он обнародовал свою родословную, восходящую по отцу к Юпитеру, а по матери к Пасифае, к той самой, что была женой Миносу и спаривалась с быком.

Сбылось предсказание Тиберия. Узнав от астрологов, что Гальба взойдет на трон лишь в старости, он махнул рукой.

— Пусть живет, коли нас это не касается.

Людовик XV не был оригинален, когда сказал: «После нас хоть потоп». Сентенцию приписывают Помпадур.

Дед рассказывал юному Гальбе, что совершал однажды жертвоприношение после удара молнии. Внезапно налетел громадный орел, вырвал жертву и унес ее на высокий дуб, покрытый желудями.

— Твой род получит верховную власть, — истолковал знамение гаруспик.

— Когда?

— Когда мул ожеребится.

Это означало примерно то же, что наше «когда рак на горе свистнет».

Гальба вспомнил об этом, когда в день совершеннолетия увидел во сне Фортуну, которая сказала ему, что устала стоять на пороге. Распахнув поутру дверь, он обнаружил медную статуэтку богини.

Он верой и правдой служил Риму, этот суровый и крепкий воин. Как-то, проведя полевые учения, пробежал за колесницей императора двадцать миль, не выпуская щита. За боевые заслуги в Германии и Африке получил триумфальные знаки и был избран жрецом в три коллегии сразу.

В Испании Фортуна вновь напомнила ему, что устала ждать на пороге. Произошло это в храме, когда у мальчика-служки, стоявшего возле курильницы, в один миг стала седой голова. В этом усмотрели знак скорой смены правителя: молодому, дескать, наследует старец.

Вскоре пришла весть от Юлия Виндекса, поднявшего восстание в Галлии. Он просил Гальбу возглавить борьбу за освобождение страны от кровавого деспота.

Власть сама падала в руки, но он колебался: слишком поздно. Последним толчком Фортуны стал перехваченный приказ Нерона. Узнав, что прокуратору предписывалось немедленно его казнить, Гальба взойшел на трибуну и произнес пламенную речь. Ритором он был отменным. А дальше пошли сплошные чудеса.

На месте, где был назначен сбор войск, нашли перстень с геммой, изображавшей богиню Викторию, и, словно по волшебству, ветры пригнали к берегу финикийский корабль с грузом оружия, но без кормчего и гребцов.

Он уже готовился выступить, когда подоспели гонцы из Рима с известием, что Нерон мертв и все присягнули ему, Гальбе.

Сложив звание легата, старый солдат принял титул цезаря и, накинув военный плащ, велел трубить поход.

Еще не достигнув Рима, он многих успел восстановить против себя. Молва о его жестокости и скаредности опережала железную поступь когорт. Гадатель предупредил Гальбу, что убийца совсем близко, но он лишь панцирь надел и удвоил стражу. Узнав, что Отон поднял мятеж, он покинул дворец и смело направился к форуму.

Легионер, которого звали, как сообщает Плутарх, Юлий Атик, похвастался, что зарубил Отона.

— По чьему приказу? — не повернув головы, спросил Гальба.

Убили его у колодца на форуме, где по преданию бросился в пропасть Марк Курций, принеся себя в жертву величию Рима.

Какой-то солдат отрубил ему голову и поднес ее Отону.

В Откровении от Иоанна Богослова, завершающем Новый завет, описан выходящий из моря зверь с семью головами и десятью рогами.

«Здесь мудрость, — предупреждает автор Апокалипсиса. — Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть».

О, эти три шестерки, которыми в старину няньки пугали детей!

Толстовский Пьер Безухов, прибегнув к гематрии, приходит к тому, что зверь, чье число 666, — Наполеон.

Недостаточно овладевший масонской наукой Пьер ошибался, но как он был близок к истине!

Многие полагают, что «число зверя», так волновавшее целые поколения богобоязненных обывателей, скрывает не имя грядущего антихриста, как утверждали и продолжают твердить мистики, но древнееврейское сочетание «кесарь Нерон». Это подтверждается не только наглядным суммированием численных значений букв, но и текстом самого Откровения:

«Зверь, которого ты видел, был и нет его... Семь голов суть семь гор, на которых сидит жена, и семь царей, из которых пять пали, один есть, а другой еще не пришел и, когда придет, не долго ему быть. И зверь, который был и которого нет, есть восьмой, и из числа семи... Жена же, которую ты видел, есть великий город, царствующий над земными царями».

Из этого описания выводится Рим, построенный на семи холмах и «царствующий над земными царями», время действия и действующие лица. «Шестой царь» — это Гальба, наследовавший гонителю христиан Нерону, тот, кто «еще не пришел» — Отон, а «зверь, который был и которого нет» — вновь Нерон, потому что в тот период разнесся слух, будто цезарь жив и вскоре вернется на страх врагам.

В глазах первых христиан император-злодей был действительно «зверем» и «антихристом», «блудницей вавилонской», как иносказательно говорит автор Апокалипсиса. Иоанну Богослову было чего страшиться. Неудивительно поэтому, что он прибег к зашифровке.

6

Отон (32—69) не мог похвастаться происхождением от олимпийских богов, но числил в предках знатных этруских князей. Дед его, Марк Сальвий Отон, был сыном всадника и вольноотпущенницы, если вообще не рабыни.

Кровь ли тому виной или нечто иное, но будущий император рано обнаружил дурные наклонности, за что бывал крепко бит отцом. Наглец и транжира, он развлекался тем, что подстерегал пьяных на ночных улицах и подвергал их всяческим издевательствам. Вкравшись к доверие к Нерону, вступил, как принято было изъясняться, «в развратную близость» с ним и сделался ближайшим другом его и сообщником. Именно он обеспечил Нерону алиби в день убийства матери, устроив разгульную пирушку, где во всем блеске явила себя Пoppея.

После того как Нерон забрал ее к себе, Отон был отправлен наместником в Лузитанию. Остроумцы прокомментировали назначение в игривых строфах:

Хочешь узнать, почему Отон в почетном изгнание?
Сам со своею женой он захотел переспать!

Может, это и спасло ему жизнь. Конечно, Нерон, уничтожая всех и вся, мог бы легко достать дружка юных забав и в Лузитании,

но, видимо, просто не успел. Как только трон под ним зашатался, Отон поспешил примкнуть к повстанцам, поспособствовав тем самым исполнению пророчества Птолемея. Благополучно пережив Нерона, он устранил Гальбу, не пожелавшего сделать его наследником, и купил прочих. Всякий раз, устраивая пиры, не забывал одаривать золотом охранников. Когда же его пригласили однажды на роль третейского судьи в земельном споре, он откупил у владельца участок и подарил его претенденту. Можно ли было пожелать лучшего императора?

Продажная и беспамятная чернь вместе с подкупленной солдатней провозгласила Отона цезарем и нарекла вдобавок Нероном. Ненавистное еще вчера имя вновь стало желанным. Изображения чудовища толпа вынесла на площадь.

Митинги с портретами усатого генералиссимуса определенно свидетельствуют о неизменности человеческой природы. Предпосылкой переворота является помрачение мыслей, которое выливается в беснование.

В безумную ночь, озаренную полыханием факелов, когда восторг и ненависть выплеснулись на улицы, Марк Сальвий Отон стал еще и Нероном. Мойры, однако, положили ему еще меньший срок, нежели Гальбе.

Уснул он уже под утро, исполненный ликования и головокружительных планов, но был разбужен кошмаром.

Прибежавшие на крик преторианцы нашли его на полу. Калифу на час приснилось, что явился дух Гальбы и сбросил его с ложа. Весь день Отон провел в храме, не жалея денег на искупительные жертвы, но едва приступили к гаданиям, как внезапно поднявшийся вихрь опрокинул его перед жертвенником.

В тот же час взбунтовавшиеся германские легионы провозгласили Вителлия императором. На мрачном горизонте появился еще один выродок.

Отон заранее считал дело проигранным и фактически отказался от борьбы. Низость духа, помноженная на суеверие, обернулась постыдной слабостью. Едва достало сил вонзить кинжал под левый сосок.

Это случилось рано утром, на тридцать восьмом году жизни, после девяноста пяти дней правления. Любимой богиней Отона была египетская Исида, коей поклонялись уже по всей империи. На празднествах в ее честь он всенародно появлялся в полотняном жреческом одеянии. Мужество, проявленное тщедушным и жалким Отоном в его последний день, произвело неизгладимое впечатление на разбежавшуюся охрану. Пошел слух, что он не только не виновен в убийстве Гальбы, но и вообще все его действия были направлены на восстановление в Риме республики. Словом, договорились до полнейшего абсурда. Переменчивый охлос¹ еще долго лил слезы по нищему духом кумиру, который лишь за недостатком времени

¹ Толпа (греч.).

не успел заняться обильным кровопусканием. Если бы не императив темы, повенчанной с гаданиями и пророчествами, имена таких выроdkов, как Отон и сменивший его Вителлий, не стоило даже упоминать.

Деградация власти, а заодно и родословной ее носителей налицо.

7

Вителлий (12—69), человек темного прошлого, зарекомендовал себя отъявленным садистом. Казни, а убивал он по любому поводу и без всякого повода, доставляли ему патологическое удовольствие. Будущих жертв он обычно несказанно обхаживал и ублажал, делая вид, что готов любого из них посадить на свое место. И все только затем, чтобы с изощренным коварством лишить всего — имущества и жизни.

Казалось бы, уже ничем нельзя было удивить Рим, однако этот властелин запомнился своей патологической жестокостью и феноменальным обжорством.

За столом императора Аврелиана рекорд чревоугодия поставил то ли всадник, то ли сенатор, ухитрившийся умять в один присест целого кабана, барана, поросенка и сотню хлебов. При этом он умудрился «выпить» полторы кадки вина, вставив под самый конец воронку в задний проход. Вителлий вполне мог бы составить ему конкуренцию: в течение одного дня он проглотил четыре тысячи устриц.

Вот выдержка из Светония, достойная пера Рабле:

«Пирь он устраивал по три раза в день, а то и по четыре — за утренним завтраком, дневным завтраком, обедом и ужином; и на все его хватало, так как всякий раз он принимал рвотное. В один день он напрашивался на угощение в разное время к разным друзьям, и каждому такое угощение обходилось не менее чем в четыреста тысяч. Самым знаменитым был пир, устроенный в честь его прибытия братом: говорят, на нем было подано отборных рыб две тысячи и птиц семь тысяч. Но сам он затмил и этот пир, учредив такой величины блюдо, что сам назвал его «щитом Минервы градодержидцы». Здесь были смешаны печень рыб скар, фазаньи и павлиньи мозги, языки фламинго, молоки мурен, за которыми он рассылал корабли и корабельщиков от Парфии до Испанского пролива. Не зная в чревоугодии меры, не знал он в нем ни поры, ни приличия — даже при жертвоприношении, даже в дороге не мог удержаться: тут же, у алтаря, хватал он и поедал чуть ли не из огня куски мяса и лепешек, а по придорожным харчевням не брезговал и тамошней придымленной снедью, будь то хотя бы вчерашние обеды».

Плиний сообщает, что «щит Минервы» обошелся в миллион сестерциев. Для приготовления его пришлось построить печь на

открытом воздухе. За несколько месяцев правления Вителлий промотал на жратву чуть менее миллиарда!

Невообразимая химера, сочетающая в себе великана Гаргантюа и швейковских Балоуна и фельдкурата Лацину. Его единственная речь перед солдатами состояла из одной фразы:

— Смелей! Этот свет для нас!

Сказано было по случаю пожара в столовой, который сочли недобрый предзнаменованием. Куда более зловещий знак был явлен перед походом на Отона. Сначала, к радости авгуров, появился орел, сделавший круг над значками когорт авангарда, но, когда на коня взгромоздился сам Вителлий, с головы у него слетел лавровый венок, а его статуи обрушились с перебитыми коленями. Предзнаменования оправдались: власть прожорливому садисту на блюдечке поднесли легаты, но сам он ее удержать не сумел.

С халдеями Вителлий не знался, будучи предубежден против них. Всякие сатирики, вольнодумцы, к коим он причислял и астрологов, вызывали в нем острую ненависть. Любого из перечисленных казнили без суда, по первому же доносу.

Древний цех предсказателей, понятно, платил ему той же монетой. После обнародования эдикта об изгнании астрологов из Рима и Италии, получила распространение следующая публикация:

«В добрый час, говорят халдеи, а Вителлию к календам октября не быть в живых».

Кошунственное пожирание предназначенных богам жертв и гонения на волхвов могут создать Вителлию репутацию чуть ли не просвещенного атеиста. Ничуть не бывало. Он был так же суеверен, как и прочие. Просто злобные инстинкты в этом тупом животном брали верх над страхом. Гадалка из германского племени хантов, а чужим пророкам, будь то вавилонские халдеи или кельтские друиды, римляне доверялись больше, чем доморощенным, предсказала ему, что он сохранит власть, если переживет родителей. И что же Вителлий? Уморил голодом захворавшую мать.

Когда ему на голову однажды взлетел петух, это было истолковано как знак скорой смерти от руки галла.

Вскоре восставшие легионы провозгласили императором Веспасиана, и Вителлий вместе с сыном и братом, пали под ударами разъяренной толпы. Его кололи мечами, забрасывали навозом и грязью, но решающий удар нанес легат Антоний Прим, прозванный «Бекконом», что значит «петушинный клюв».

8

С приходом Божественного Веспасиана (9—79) на императорском троне утвердился род Флавиев.

За какой-нибудь год на троне сменилось три императора. Мало кто полагал, что и четвертый удержится дольше прежних.

Тем более что впервые в истории Рима венок цезаря получал выходец из престолярства, не из сенаторского сословия. Впрочем, тогу и место в курии сын откупщика Тит Флавий Веспасиан за военные заслуги получил еще при Тиберии. Всюду, где ему довелось служить, он сумел снискать преданность армии. Он командовал знаменитым Рейнским легионом, отлично зарекомендовал себя в Южной Британии, а в 67 году был послан сенатом и народом на подавление восстания в Иудее. Вечно бунтующая провинция, где поклонялись невидимому Богу, никак не желала смириться с римским обычаем обожествлять императоров. Особенно когда военные власти принуждали помещать их статуи в храмах.

Получив вдобавок к местным войскам два легиона и восемь конных ал, Веспасиан взял с собой в Палестину сына Тита, которого назначил легатом. В ожесточенных сражениях он проявил не только искусство стратега, но и личную отвагу. Исполнял он и должность консула, был удостоен триумфа.

Надежда взлететь еще выше появилась у Веспасиана, когда в борьбе за власть сцепились в смертельной схватке Гальба, Отон и Вителлий. Знамена, коими фортуна не обделила и Веспасиана, отвечали его честолюбивым намерениям.

Минут долгие века, и почти те же знаки будут явлены в далекой гиперборейской империи — Третьем Риме, в Северной его Пальмире, чуть ли не в одночасье поднявшейся из чухонских болот. В ночь убийства Павла I, «нашего романтического императора», как назвал его Пушкин, стая воронов взметнулась над отрядом заговорщиков в Летнем саду.

Марк Алданов со свойственным ему элегантным скептицизмом обыгрывает знаменательную переключку времен:

«— Что, мой друг, плачут царские кони?

— Как вы говорите? Я не понимаю...

— Это не я, это Плиний... Плиний говорит, что лошади льют слезы, когда их хозяевам грозит опасность. А другой древний лгун, Светоний, утверждает, что незадолго до мартовских ид заплакали горькими слезами кони, на которых Цезарь перешел Рубикон».

Других свидетелей, кроме Светония и Плиния, у нас, увы, нет. Да и не лгали они вовсе, а, будучи детьми своего времени, со вниманием относились ко всему, что почиталось важным в их пору. Пусть многие приметы были явлены не до, а после описываемых событий или вовсе придуманы задним числом, в нашем контексте это ровным счетом ничего не меняет. Оракул был действительным фактором высокой политики, и от этого куда не уйдешь. Другое дело, что уж больно однообразны эти мнимо значительные моменты в биографии земных владык, но ведь войны, казни, перевороты тоже не отличаются особым изыском. И от заведомых лгунов открещиваться не след. Уж их-то предостаточно было в минувшем, а уж в нынешнем — пруд пруди. Обманщики

не только желанные гости на наших страницах, но и полноправные герои. Среди магов попадались совершенно блистательные аферисты и фокусники, а что до властителей, то ложь была, есть и будет расхожей монетой.

Так вот, в загородном владении Флавиев был древний дуб, посвященный Марсу, и всякий раз, когда мать Веспасиана готова была разрешиться от бремени, на нем вырастали новые ветки. Одна из них оказалась особенно мощной, что и было истолковано в самом благоприятном смысле. Далее пойдут сплошные курьезы: бродячая собака принесла Веспасиану человеческую руку, в его столовую ворвался разъяренный бык и рухнул, склонив голову, у самых ног будущего принцепса, на его поле ни с того ни с сего вдруг накренился, а затем выпрямился кипарис.

В эпизодах такого рода нет ничего необычного. Они вполне могли иметь место в жизни любого человека, но достойными памяти поколений их сделал тот непреложный факт, что Веспасиан действительно стал императором. В Иудее он обратился к оракулу ханаанейского бога Кармила, в коем римляне видели Юпитера Странноприимца. Ваал предрек полный успех любых, даже самых дерзких, начинаний.

Особняком стоит неоспоримый исторический факт — пророчество Иосифа Флавия. Закованный в цепи, он выразил уверенность, что будет освобожден полонившим его военачальником, который вскоре сделается императором. После того как это произошло, иудейский писатель обрел статус римского гражданина и золотое кольцо всадника.

Вести о междоусобицах в Риме, подкрепленные слухами о знамениях, распространились по всей империи. Первым привел легионы к присяге Веспасиану наместник в Египте Тиберий Александр. Впоследствии этот день отмечался как праздник начала правления.

Власть, по существу, досталась бескровно, хотя новому принцепсу из гущи народной явно недоставало величия и харизмы. Помог опять-таки «случай», надо думать, недурно подстроенный. В Александрии в ноги Веспасиану почти одновременно кинулись двое убогих: слепой и хромой. Умоляя об исцелении, они поклялись, что обоим явился во сне Серапис и посулил выздоровление, если император плюнет на первого и ударит пяткой второго. Веспасиан воспротивился, не желая предстать в шутовском виде перед собравшейся толпой. Придворные медики дали ему разумный совет:

— Если исцеление удастся, это только послужит славе, если нет — к осмеянию.

Все же под влиянием царедворцев, гарантировавших успех, император решился попробовать.

Результат превзошел все ожидания. Тацит ссылается на очевидцев, переживших Флавиев, «когда уже не было выгоды лгать».

Там же, в Египте, Веспасиан в одиночку посетил храм Сераписа, этого эллинизированного Осириса с чертами Дита — Юпитера загробного мира. На вопрос, насколько будет прочна новая власть, ответил своим внезапным явлением некий Басилид, о котором знали, что он слаб и немощен, и, в довершение, находится далеко от Александрии. Затем прозвучали слова оракула:

— Что бы ты не замышлял, Веспасиан, постройку ли дома, расширение ли поместий или покупку рабов — все даруют тебе боги, и пышные палаты, и бескрайние земли, и власть над множеством людей.

Когда же Басилид, согласно обычаю, поднес ритуальные венки и лепешки, пришло известие из Рима, что Вителлий убит, а войска его разгромлены при Кремоне.

Веспасиан не был похож на своих ближайших предшественников. Стараясь по возможности проявлять снисходительность и справедливость, не сеял вокруг себя смерть. Он оставил о себе долгую память поговоркой: «Деньги не пахнут». Обложив налогом римские туалеты, император-плебей выдержал множество насмешек и нареканий, но не дрогнул, а когда поступили первые выплаты, поднес сыну систерций прямо под нос.

— Понюхай. Воняет?

— Ничуть, — ответил Тит, тоже не одобрявший одиозное нововведение.

— А ведь это денежки из мочи!

Когда же римляне решили на общественный счет соорудить в его честь статую и пришли посоветоваться о месте и времени, он первым делом спросил, собраны ли деньги, и, получив утвердительный ответ, недвусмысленно раскрыл ладонь:

— Ставьте здесь и сейчас.

Ухватки и деловая сметка этого императора вызывают в памяти образ Санчо Пансы. Как-то молодой расфранченный патриций, донельзя надушенный, явился к нему благодарить за высокое назначение.

— Уж лучше бы ты вонял чесноком, — проворчал принцепс и отменил приказ.

Наделенный незаурядным чувством юмора, он избегал излишней патетики, любил порядок и едва ли всерьез относился к собственному обожествлению. Однако не пытался ломать традиции.

Весной 79 года в созвездии Тельца появилась копьевидная комета-аконтия, после чего в Риме началось моровое поветрие.

— Кажется, я становлюсь богом, — сказал император и умер.

Это напоминает слова «красного императора» Мао Цзэдуна о его скорой встрече с Марксом.

Веспасиану наследовал его старший сын Тит, завершивший покорение Иудеи взятием Иерусалима и уничтожением храма.

«Это был венец похода. Во имя того, чтобы разгромить и разграбить этот дом невидимого бога, десятки тысяч людей умирали, переносили тяжелые испытания и ужасы. Зато теперь они решили насладиться в полной мере... Треща, рвались длинные занавесы, их пылающие лохмотья летали по воздуху. С грохотом рушились балки храмового здания, за ними валились обломки стен. И вдруг раздался звук, более мощный, чем треск пламени, чем грохот падающих балок, чем дикое пение солдат и вопли умирающих, — звук резкий, воющий, визжащий, ужасно и отвратительно умноженный окружающими горами. Это была стозвучная Магреха. Чудище пытались уволочь, но затем бросили, как ненужную вещь, и теперь ветер проносился через нее и заставлял звучать».

Лион Фейхтвангер. Иудейская война

Магрехой назывался установленный в храме гидравлический гудок — инженерное чудо своего времени. Его «стозвучный» рев был слышен даже в Иерихоне.

— У вашего Бога очень громкий голос, — обращаясь к Иосифу Флавию, заметил Тит.

По-видимому, могучий ревун как-то причастен к легенде, родившейся при осаде Иерусалима. Римляне якобы слышали громоподобный глас, возвестивший, что «боги уходят». Едва ли это могло относиться к тому, кто незримо присутствовал в святой святых обреченного храма, — множественное число никак не пристало Единому. Речь, следовательно, могла идти о богах языческих, прежде всего — римских, чья эра закончилась в знаке Овна.

Не о том ли свидетельствовал и корабельщик Таммуз, принесший Тиберию весть о смерти великого Пана? И знамение, что прочли звездочеты в небе над Вифлеемом? На арке Тита, воздвигнутой на римском форуме изображены похищенные из храма сокровища: драгоценные сосуды и золотой семисвечник — символ Миротворителя, одежда которого, как сказано в Псалмах, свет.

9

Предводитель восточных легионов Тит Флавий Веспасиан (39—81) был не только соправителем отца, но и префектом преторианской гвардии. После взятия Иерусалима солдаты провозгласили его императором и ни за что не хотели отпускать в Рим. Это породило слухи, будто он замыслил отколоться от Веспасиана, воцарившись на востоке средиземноморской эйкумены. Будучи в Александрии, он и сам допустил неосторожность, появившись на празднике освящения мемфисского быка Аписа в диадеме. Таково было требование ритуала, но доносчики истолковали это иначе.

Дабы развеять опасные толки, Тит поспешил предстать перед очами отца. На грузовом судне он добрался до Путеол и, не дав себе отдыха, поскакал в Рим:

— Вот и я, батюшка, вот и я! — воскликнул он, преклонив колени перед цезарем, который никак не ожидал столь внезапного появления.

С того дня они вновь стали неразлучны. Вместе справляли триумф, делили цензорские и консульские обязанности.

Твой же, римлянин, долг — полновластно народами править;
В этом искусства твои: предписывать миру законы,
Всех покоренных щадить и силой смирять непокорных

Вергилий. Энеида

Оракул Венеры Пафосской напроорочил Титу власть, но правление его не было ни продолжительным, ни тем более счастливым. Его омрачили извержение Везувия, уничтожившее Помпеи, грандиозный пожар в Риме, бушевавший три дня и три ночи, а также невиданное прежде моровое поветрие.

При освящении амфитеатра — знаменитого Колизея — и спешно выстроенных поблизости бань Тит ублажил плебс роскошными гладиаторскими играми. В один день на арену было выпущено пять тысяч хищников. В разгар кровавой гекатомбы он почувствовал первые признаки лихорадки.

По окончании представления он разразился горьким плачем и велел везти себя в сабинское имение. По пути были принесены жертвы, но животное вырвалось из слабеющих рук властителя полумира, а в безоблачном небе прогремел громовой раскат. Это лишь усилило мрачные ожидания. На первой же стоянке Тит почувствовал себя совсем худо. Его положили на носилки. В бреду он жаловался на несправедливость судьбы, лишаящую его жизни в самом расцвете.

Умер он на той же вилле, что и Веспасиан, и также был причислен к богам. Но «боги уходят».

Ходили слухи, что причиной внезапной смерти цезаря была не злокачественная лихорадка, а яд, подмешанный в вино младшим братом Домицианом, открыто домогавшимся власти.

Умирая, Тит видел склонившуюся над ним царевну Беренику — единственную женщину, которую любил самозабвенно и страстно, но малодушно отверг, опасаясь злословия римлян.

...Виною — моя порфира.
Я властью цезаря решаю судьбы мира,
Могу и низлагать царей, и создавать,
Но сердце никому не волен отдавать.
Рим, давний враг царей, не примет благосклонно
Прелестнейшей из жен, воспитанных для трона.
Тиара царская, венчанных предков ряд
Страсть императора позорят и сквернят.

Расин. Береника

Если бы он только знал, кому достанется трон цезарей!
Жрец-египтянин из храма Сераписа в Александрии предрек, что
род Флавиев не оставит потомства.

10

Домициан (51—96) живо напомнил римлянам веселые времена Тиберия и Нерона. Первым из императоров он провозгласил себя «господином и богом». Предписанная сенату официальная формула говорит сама за себя: «Наш господин и бог хочет и приказывает».

Пытаясь походить на отца и брата, которого ненавидел с детства, он устраивал пышные зрелища, широко раздавал деньги и всеми силами пытался расширить границы империи. В этот период римские легионы впервые достигли берегов Каспия. В скалах Кобустана, недалеко от пещерных поселений первобытных людей, мне довелось видеть мраморную доску с полустертыми латинскими литерами: «В правление императора Домициана Цезаря Августа Германского Луций Юлий Максим, центурион Двенадцатого Молниеносного легиона».

Сторож-азербайджанец, правда, считал, что надпись оставлена Наполеоном, и почему-то страшно этим гордился. Как бы там ни было, но ни прежде, ни потом римские орлы, а Наполеон присвоил себе эту имперскую эмблему, не залетали столь далеко.

Закрепить результаты походов не доставало ни сил, ни средств. Пытаясь свести концы с концами, Домициан пустился во все тяжкие, сделав ставку на самый разнузданный террор.

«Имущества живых и мертвых захватывал он повсюду с помощью каких угодно обвинений и обвинителей: довольно было заподозрить малейшее слово или дело против императорского величия». Не случайно Светоний употребил дышащее кровью словосочетание «слово и дело», этот пароль убийц и доносчиков. Во все времена преступная власть первым делом приступала к вооруженному грабежу собственных подданных. Прибегнув к безотказному средству пополнения казны, Домициан окончательно отбросил республиканскую мишуру принципата.

Подобно любому ущербному палачу, он создал вокруг себя гнетущую атмосферу страха и пустоты.

«Высокомерие на челе, гнев во взоре, женоподобная слабость в теле, в лице бесстыдство, прикрытое густым румянцем, — характеризует его внешность Плиний Младший. — Никто не осмеливался подойти к нему, заговорить с ним, так как он всегда искал уединения в укромных местах и никогда не выходил из своего одиночества...»

Если Тиберий укрывался на острове, то Домициан предпочитал корабль, который плавал вдоль берега на буксире. Забившись в

каюту, изолированную от звуков и случайных толчков, он, бывало, неделями не показывался на палубе.

Позорное это было зрелище, как отметил историк.

Что еще можно сказать об этом малоинтересном для нас властелине? Гонения на астрологов? На философов и вообще умных людей? Эко диво!

Главное, что конец укладывается в канву.

«Год, день и даже час и род своей смерти давно уже не были для него тайной, — говорит о Домициане Светоний, — еще в ранней молодости все это ему предсказали халдеи».

Веспасиан частенько смеялся над страхами сына, которому за каждым углом мерещился заговорщик с кинжалом. Когда однажды Домициан отказался отведать белых грибов, старый император пошутил:

— Кажется, ты забыл о своей судьбе, малыш, и больше, чем меча, боишься несварения желудка.

Домициан жил в постоянном ужасе перед возможным покушением. С приближением предсказанного срока он становился все более беспокойным и мнительным.

Как-то ему пришла дикая для римлянина, но вполне достойная коммунистического генсека мысль вырубить виноградники. Был даже издан соответствующий эдикт, который тут же пришлось спустить на тормозах по причине подметных писем, содержавших недвусмысленную угрозу:

Как ты, козел, не грызи виноградник, вина еще хватит
Вдоволь напиться, когда в жертву тебя принесут.

Перефразированная эпиграмма Эвена Паросского, переведенная, кстати, с греческого Овидием, призывала к убийству.

Предсказание было прямо-таки обречено стать, как выражаются социологи, организованным прогнозом.

Жена императора, узнав, что он намеревается ее умертвить, подкупила преторианцев, которые хладнокровно зарезали деспота, положив тем самым конец династии Флавиев.

Аполлоний Тианский, о котором предстоит сказать особое слово, находился в тот час в Эфесе, в изгнании. Очевидцы рассказывают, что он внезапно прервал беседу, сосредоточенно нахмурился и вдруг начал вещать изменившимся голосом:

— Мужайся!.. Бей, бей смелее!.. Вот тиран падает... Все конечно. Он умер.

Рассказывают, что, находясь в Египте, Тит посетил Аполлония, который предостерег его против злых умыслов брата и посоветовал ему поскорее вернуться в Рим.

Сорвав со стен императорские эмблемы, сенаторы постановили уничтожить всякую память о Домициане. Из уст в уста передавалась весть о том, что ворон на Капитолии прокаркал: «Все будет хорошо».

Светоний, закончив на сем свой труд «Жизнь двенадцати цезарей», полагал, что «оракул от ворона» сбылся, благодаря справедливости и умеренности последующих правителей. И это справедливо, если, конечно, иметь в виду Траяна, Адриана, а уж тем более Марка Аврелия, при котором, между прочим, благоденствовали не только поэты, но и великое множество чародеев, включая астролога-египтянина Ануфрия.

Однако нам-то, читатель, положено знать, что просвещенному императору-философу наследовал его сын Коммод, который недалеко ушел от того же Диоклетиана или, допустим, Калигулы.

НОЧЬ ВОЛЧИЦЫ

«Выхода нет для тебя; твою смерть объясню преступлением;
Ложный свидетель вины, сам я тебя ж обвиню...»
...Что ж, победитель, ты рад? От победы ты этой погибнешь!
Ночь эта стоит тебе царства потери всего.

Овидий

1

Сын великодушного Марка Аврелия и Фаустины Младшей, которая выбирала себе любовников среди гладиаторов и матросни, Луций Элий Аврелий Коммод (161—192) запятнал себя всеми мыслимыми и немыслимыми пороками. Он был скорее гладиатором, нежели принцем. Во всяком случае, до него ни один император не выходил на арену, чтобы помериться силами с бойцами-невольниками и диким зверьем. Шатаясь до рассвета по лупанариям и кабакам, он раздавал высшие государственные посты соучастникам непотребных увеселений и преторианцам, которые старались не отстать в разврате от своего повелителя. Продавалось все без разбора: судебные решения, смертные приговоры и помилования, даже целые провинции.

Провозгласив себя Геркулесом, Коммод велел повсюду воздвигнуть статуи, изображающие его в соответствующем виде — в львиной шкуре и с дубиной в руке, — которым полагалось приносить жертвы. Однако божеских поклонения и положенных по такому случаю подношений ему показалось мало. Он дошел до того, что возобновил человеческие жертвоприношения. Помимо диких, давным-давно забытых обрядов в честь Исиды и Кибелы, в подземельях Капитолия возобновились кровавые служения древнеримской богине войны Беллоне, которую отождествили с каппадокийской Ма.

История словно бы двинулась вспять.

Геродиан в «Истории императорской власти после Марка» воссоздает колоритную сцену боя на арене цирка:

«...Для Коммода была устроена ограда в виде кольца, чтобы он не подвергался опасности, сражаясь со зверями лицом к лицу, а бросал бы копье сверху, из безопасного места, выказывая больше меткости, чем смелости... Наконец, когда из подземелий амфитеатра была одновременно выпущена сотня львов, он убил их всех таким же количеством дротиков — трупы их лежали долго, так что все спокойно пересчитали их и не обнаружили лишнего дротика... Дошел он до такого безумия, что не захотел больше жить в императорском дворце, но пожелал переселиться в казарму гладиаторов. Себя он повелел называть уже не Геркулесом, а именем одного знаменитого гладиатора, недавно скончавшегося».

Биографы подсчитали, что принцепс-выродок выступал на арене 735 раз. Трудно сказать, кого больше стубил полоумный кровопийца: невинных людей или бессловесных тварей — львов, слонов, носорогов, пантер.

Молодой халдей, принесенный в жертву Беллоне, нагадал ему развязку, сходную с участью Диоклетиана. Справившись с анналами, Коммод тут же включил в список приговоренных свою любовницу Марцию, но она — история воистину напоминает заезженную пластинку — опередила его, организовав заговор, в который вовлекла Квинта Эмилия Лета — начальника преторианской охраны.

Как уныло, как бесприсветно скучно все повторяется!

И вновь, почти по Лермонтову, «ликует буйный Рим». Торжествующие сенаторы разбивают статуи и стирают ненавистное имя. Игла обходит старую пластинку по замкнутой борозде. Правда, пал Коммод не от меча, как Домициан. Марция опоила его вином, обильно приправленным ядом. Богатырский организм долго противостоял отраве, так что пришлось прибегнуть к помощи атлета Нарцисса, который и придушил венценосного гладиатора.

Отныне судьбой трона распоряжались куртизаны и казарменная сволочь. На сей раз его решено было просто-напросто продать с публичных торгов.

Впрочем, имела место краткая интермедия, если и достойная внимания, то разве что ради последовательности изложения.

После убийства Коммода императором провозгласили вполне достойного патриция Публия Гельвия Пертинакса, который, невзирая на почтенный возраст, начал с радикальных мер. Он, видите ли, давно лелеял мысль приструнить преторианцев, превратившихся в шайку разбойников. Это его и погубило. Разъяренные охранники в ночь на 31 декабря 193 года ворвались во дворец, убили принцепса и, вернувшись в казармы, заперли ворота.

Поднявшись на стену, они громогласно оповестили, как пишет тот же Геродиан, «о продаже императорской власти, обещая вручить власть тому, кто даст больше денег, и с помощью оружия беспрепятственно привести его в императорский дворец».

Весть о распродаже дошла до сенатора Дидия Юлиана, слывшего богатеем. Бросив в разгаре обильный пир, он поспешил в преторианский лагерь и вступил в переговоры.

— Даю наличными и сразу, — были его слова.

Охранники спустили веревочную лестницу и подняли его на стену. Там пошел уже конкретный торг. Дидий соглашался на любые условия и был вскоре провозглашен императором.

Получив власть, он тут же вернулся к излюбленным забавам — пирам, на которых подавали редкостные яства, и попойкам. Казнив убийц Коммода, он окружил себя сонмом волхвов, которых возвысил над жреческим сословием. Тут-то и проявилась странность, присущая этому императору. В краткий период его правления жертвоприношения приносились только богам преисподней. Плутону с Прозерпиной и Гекате — владычице чар.

На одной из кладбищенских церемоний он, взяв в руки погребальную урну, задумчиво произнес:

— Как ты мала, но скоро в тебя уместится тот, кому весь мир был тесен.

Слова, достойные принца Гамлета, оказались пророческими.

Гадая на зеркалах с помощью мальчика-медиума, одурманенного дымом колдовских трав, Дидий увидел тень всадника в воинской амуниции.

— Кто это? — спросил он тревожно.

— Легат иллирийской армии Септимий Север, — ответил ребенок-сомнамбула.

И верно. На границах империи уже вовсю шла и множилась смута. В Антиохии легионы провозгласили императором Писценния Нигера, тогда как армия, стоявшая на берегах Дуная и Рейна, поддержала притязания Севера.

Человек решительный, привыкший к суровой и грубой жизни, к тому же ливиец родом, он сделал вид, что не претендует на трон, но хочет лишь отомстить за смерть Пертинакса, и, назвавшись Септимием Севером Пертинаксом, двинул войска на Рим.

Мало того, что изнеженный Марк Дидий Север Юлиан ничего, кроме, конечно, колдовства, не мог противопоставить стремительному натиску прирожденного воителя, он еще и обвел преторианцев вокруг пальца. Расплатиться по счету собственных средств не достало, а государственную казну разтранижил еще Коммод.

Преторианцы рассчитались с ним по-своему, но торжествовать, а тем более пустить трон к дальнейшей продаже им не пришлось. Одни были изрублены легионерами, других Север в буквальном смысле голыми выгнал из Рима. Выполняя данное обещание, он велел бросить атлета Нарцисса на съедение львам.

2

Недолго радовались и сенаторы. В алчности, и жестокости новый принцепс превзошел своих предшественников. Убивая в зародыше даже самую мысль о противодействии, он держал страну в постоянном страхе. Сенат при нем потерял всякое значение. Варвар по рождению и языку, Луций Септимий Север (193—211) тем не менее был достаточно обучен латинскому языку, хорошо владел греческим и усердно занимался «науками», под которыми понимал единственно астрологию.

Как справедливо отмечают биографы, «его очень любили после смерти или потому, что злоба уже улеглась, или потому, что исчез страх перед его жестокостью».

Уходя, он оставил крепкие границы, запас хлеба на семь лет вперед, а масла столько, что его надолго хватило не только для Рима, но и для всей Италии.

Последними словами, которые сохранили для потомков придворные волхвы, были следующие:

«Я принял государство, раздираемое повсюду междоусобиями, а оставляю его в состоянии мира даже в Британии. Старый, с большими ногами, я оставляю моим сыновьям власть твердую, если они будут ее достойны, но — слабую, если они будут недостойны ее».

Потомки, разумеется, оказались не на высоте, а остатки стены, построенной Севером в Британии, по сей день тянутся чуть ли не поперек всего острова.

Старшего сына, Септимия Бассиана, Север переименовал в Марка Антония, но в историю будущий император вошел под именем Каракаллы (198—217). Причиной тому долгополое одеяние — каракалла. Уже будучи императором, Марк Антоний наделял этим нехитрым нарядом простой народ. Он вообще отличался в юности мягкостью и радушием, но власть вызвала в нем резкие перемены.

С младшим братом Гетой он был на ножах еще с детства. После смерти отца взаимная вражда вспыхнула с новой силой. Оба неоднократно пускали в дело яд, но без особого успеха. В конце концов они решили даже разделить империю на Запад и Восток, что, собственно, и случилось спустя век. Помешала мать — Юлия Домна, но вскоре раскаялась. Обезумев от ненависти, Каракалла зарубил брата у нее на руках.

Совершив убийство, вновьявленный Ромул бросился в преторианский лагерь. Современник свидетельствует:

«За свое спасение и единовластие он пообещал выдать каждому воину по 2500 аттических драхм, а также увеличить в полтора раза получаемое ими довольствие. Он велел... сразу взять эти деньги из храмов и казнохранилищ, в один день безжалостно расточив все то, что Септимий Север восемнадцать лет копил и сохранял».

Недурное начало царствования.

— Пусть будет божественным, лишь бы не был живым! — бросил он крылатую фразу, повелев причислить убиенного брата к богам.

Далее все пошло по проторенной дорожке. Встав на путь террора, Каракалла обрушил карающую длань на сенаторов, особенно тех, кто был побогаче, надеясь пополнить пустую казну. Обвинение было стандартным: «сторонник Геты». Кровавая мясорубка втянула в себя и ближайших родственников. Жену Плавтиллу, которая была дочерью Марка Аврелия, сперва отправили в ссылку, затем удушили.

Современники отмечали, что Каракалла не только по внешности, но и по духу был подлинным варваром. Он постоянно якался с германцами, переняв у них воинскую одежду. Даже прическу делал на германский манер, а потом и вовсе надел светловолосый парик.

Маниакальная подозрительность, вечная болезнь тиранов, тоже, как водится, дала знать о себе, соединившись с мрачным мистицизмом.

«Вечно подозревая во всех заговорщиков, он непрестанно вопрошал оракулов, посылая повсюду за магами, звездочетами, гадалками по внутренностям жертвенных животных, так что не пропустил ни одного из тех, кто берется за такую ворожбу», — дает исчерпывающую характеристику проницательный и бесстрастный Геродиан.

Невзирая на явные прогерманские пристрастия, Каракалла ревностно поклонялся египетским кумирам: Исиде, Серапису, лунному богу Хонсу.

При нем в честь Исиды было построено несколько новых храмов.

«Я Исида, госпожа всей земли. Я дала людям законы и правила, которые никто не может изменить. Я старшая дочь Хроноса. Я жена и сестра царя Осириса. Я звезда в созвездии божественного Пса. Для меня построен город Бубаст. Я отделила землю от океана. Я указала путь звездам, солнцу и луне. Я изобрела мореплавание. Я дала правосудию силу. Я соединила мужчину с женщиной. Я сделала так, что женщины носят плод до десятого месяца. Благодаря мне дети любят родителей. Я караю тех, кто не чтит отца и мать. Вместе с братом моим Осирисом я положила конец людоедству. Я показала людям мистерии. Я научила людей создавать изображения богов. Я установила божьи храмы. Я свергла тиранов. От меня произошла любовь мужчин к женщинам. Благодаря мне правосудие сильнее золота и серебра, а правда прекрасна. Я создала супружеские союзы».

Этот гимн Исиде сохранила греческая надпись, найденная на острове Иос. Точно такие же гимны исполнялись и на молебствиях в Риме.

Нет ни одной заповеди, которую бы не поправил Каракалла, истово поклонявшийся благостной богине-матери. Это лишнее свидетельство о вечном противоречии тоталитарной практики и идеологии.

Финал Каракаллы, превратившего Рим в бойню и лупанарий, тоже закономерен. Принцепс был зарезан своим охранником и партнером по египетским мистериям Макрином. Префект преторианцев, в прошлом раб, захватил императорскую власть, взяв в соправители своего сына Диадумена.

Не веря своему счастью, сенаторы — в который раз! — поздравляют друг друга с избавлением от чудовища. На радостях даже забыли предать ненавистное имя забвению. И оно пережило века в знаменитых «Термах Каракаллы» — грандиозных общественных банях, где, кроме бассейнов с горячей и холодной водой, были площадки для игр, библиотеки и роскошный парк с дивными субтропическими растениями.

Под конец жизни Каракалла успел обожествить Аполлония Тианского, статуи которого появились во многих храмах. Ему и вправду не было равных в сонме волхвов, столь высоко чтимых принцепсом.

Вину за убийство Каракаллы Макрин возложил на непокорных солдат и направил в сенат витиеватое послание, изобразив себя смиренным орудием судьбы:

«Мне передали императорскую власть, охрану которой, отцы сенаторы, я временно взял на себя. Я удержу в своих руках правление, если вам будет угодно то, что было угодно воинам; им я выплатил жалованье и отдал все распоряжения, какие полагается императору».

В принципе, здесь все правильно. Выплата жалованья, притом свыше обычного, явилась первым его деянием, да и взятая власть оказалась, вопреки тайным надеждам, временной. Втопанную в грязь, низведенную до карикатуры рабом, солдафоном, варваром, на нее мог теперь притязать любой. В желающих возложить на себя золотой венок недостатка не ощущалось. Как ныне, когда любой проходимец считает, что может пролезть в президенты, так и в те смутные времена кандидатов в императоры не приходилось долго искать. Они возникали сами собой из глубин взбаламученного моря житейского.

3

Первой претенденткой на трон заявила себя Юлия Меза, сестра Юлии Домны. Высланная Макрином в Финикию, она исподволь начала привлекать на свою сторону восточные легионы. Богатые подарки и звонкая монета явились самым веским аргументом в династическом споре. В конце концов, женщина, тем более патрицианка, ничем не хуже безродного невольника, неведомо где и как добывшего свободу.

Все же, по зрелому размышлению, Меза решила действовать в пользу внука, четырнадцатилетнего Вария Авита Бассиана. Тут же сочинили легенду, будто он законный отпрыск Каракаллы.

Полуидиот и, как утверждали, гермафродит, Варий подвизался на роли жреца в храме финикийского божества Гелиогабала, т. е., как явствует из имени, солнечного идола — ваала.

Будем, однако, блюсти объективность. На первых порах в Риме никто не мог сказать о «сыне» Каракаллы — вдруг и на самом деле, чем черт не шутит? — худого слова.

«Был он в цветущем возрасте, — сообщает Геродиан, — и, по обычаю варваров, плясал у алтарей под звуки флейт и свирелей, люди взирали на него более чем с обычным любопытством, а особенно — воины, знавшие, что он из царского рода, да к тому же привлекательность его притягивала к себе взоры всех».

Чем было оплачено «знание» солдат, уже известно, но важен результат. Сторонники Мезы сошлись на границе Сирии и Финикии с войском Макрина, которое потерпело в этой битве сокрушительное поражение. Сам Макрин бежал с поля брани и, как

водится, был убит своими преторианцами. Пролетарствовал он чуть менее года, т. е. в полном смысле слова «временно». Этаким несчастливый самопрогноз.

Вария Авита (204—222) провозгласили императором 16 мая 218 года. Он взял себе имя Цезарь Марк Аврелий Антоний Август, но в историю вошел как Элагабал, Гелиогабал, — солнечный идол, коему служил в Финикии и продолжал кадить, сидя на троне.

Он даже не пожелал явиться в сенат в римской тоге, заставив привыкших ко всему отцов нации смириться с варварским восточным нарядом. Сооруженный им храм Гелиогабала они приняли с тем же усталым смирением, с каким взирали на капища Митры, воссозданные Нероном, и храмы Сераписа, где бычьи тестикулы соседствовали с мумией крокодила.

Передоверив властолюбивой бабке бразды правления, юный принцепс без устали плясал перед алтарем под звуки кимвалов и флейт. Вместе с ним тряслись в экстатическом танце полуголые соплеменницы-финикиянки, тогда как благородные патриции в белых тогах с пурпурной каймой принуждены были любоваться кощунственным лицедейством. Впрочем, многим из них нашлось место не только, так сказать, на скамье амфитеатра, но и на сцене. Гелиогабал заставил их наряжаться служками, сопровождающими моление кумиру заморских варваров.

Вроде бы все видел вечный Рим: певца и мима — поджигателя Нерона, сумасшедшего содомита Калигулу, устроившего в курии конское стойло, гладиатора Коммода, приносившего человеческие жертвы иноземным богам. Казалось бы, дальше и падать-то некуда, ан нет! Этот фрукт превзошел их всех вместе взятых как в непотребствах, так и в чудовищных зверствах. Он не только свеживал, как Коммод, на алтаре живых людей, по преимуществу малолетних, но и сам гадал по их внутренностям.

И это помимо ежедневных служений в храме Элиогабала-Гелиогабала, куда по утрам сгоняли стада животных и пригоняли возы с амфорами выдержанных отборных вин.

«Он добивался того, чтобы в Риме почитался только один бог — Гелиогабал... для того, чтобы жречество Гелиогабала держало в своих руках тайны всех культов, — подчеркивает Элий Лампридий. — Гелиогабал приносил и человеческие жертвы, выбирая для этой цели по всей Италии знатных и красивых мальчиков».

«Хотя и казалось, что император посвящает все свое время пляскам и священнодействиям, он все же казнил большое число знатных и богатых людей, на которых ему донесли, что они не одобряют его и смеются над его поведением», — вторит Геродиан.

Единый бог — Солнце, а император — верховный жрец. Идея, быть может, и недурна, но далеко не нова. Подобный переворот надумал совершить еще за полторы тысячи лет до Гелиогабала фараон Эхнатон — «Угодный Солнцу» (Атону). И то, что не уда-

лось в сравнительно мононациональном Египте, изначально было обречено на провал в империи, закабалившей под крыльями своих орлов множество разных народов с их поистине неисчислимыми божествами.

На Палатин перенесли множество самых разных истуканов, преимущественно из Сирии и Финикии. Помимо ваала Элиаха, главной святыней стал «вефиль» — гигантский метеорит, которому поклонялись в родной для Гелиогабала Эмессе. Камень везли на колеснице, запряженной шестеркой белых коней, которой правил сам император и верховный понтифик. Спустя несколько месяцев туда же, на императорский холм, приволокли и большое изваяние Астарты. Гелиогабал устроил «свадьбу», на которой играл роль жениха звездной богини.

Это не помешало ему облачиться в женское платье и «выйти замуж» за собутыльника-сенатора. Все четыре жены принцепса приняли деятельное участие в церемонии. Свадебный пир перешел в оргию. Едва ли Гелиогабал был гермафродитом, скорее обычным бисексуалом, но, что называется, абсолютно без царя в голове.

Своей матери Созмиаде, а заодно и любимой бабушке он преподнес сюрприз в виде женского сената, который учредил как бы в противовес курии.

Все безумства своих самых одиозных предшественников Гелиогабал довел до крайней черты. Изогранный гедонизм тоже не составлял исключения.

«Смысл жизни состоял для него в придумывании все новых и новых наслаждений. Он устилал розами столовые, ложи и портики и гулял по ним. Он не соглашался лечь на ложе, если оно не было покрыто заячьим мехом или пухом куропаток, который находится у них под крыльями. Он часто ел пятки верблюдов, гребни петухов, языки павлинов и соловьев. В столовых с раздвижными потолками он засыпал своих прихлебателей таким количеством фиалок и других цветов, что некоторые, не будучи в силах выбраться наверх, задохнувшись, испускали дух. Передают, что он дал в цирке зрелище морского сражения в каналах, наполненных вином. Он носил тунику всю в золоте, носил и пурпурную, носил и персидскую — всю в драгоценных камнях, причем говорил, что он отягощен бременем наслаждений».

Как удивительно напоминает (приходится повторяться) эта выдержка из Лампридия непревзойденного Рабле! Особенно пух из подкрылий куропаток. Юный Пантагрюэль тоже изобрел идеальное средство для подтирки — живых гусей.

И еще один «пунктик», возможно, сопричастный с определенным психическим дефектом: Гелиогабал бодрствовал ночами. Всякие сравнения, как известно, хромают, но такой режим был присущ многим тиранам, в частности Сталину.

Элий Лампридий, биограф Гелиогабала, приводит характерную подробность:

«Обычными дневными делами он занимался по ночам, а ночными — днем, считая и это условием роскошной жизни; таким образом, он просыпался и начинал принимать приветствия поздно вечером, а ложился спать утром. Своим друзьям он каждый день что-нибудь дарил и редко оставлял кого-либо без подарка; исключение составляли честные люди, которых он считал пропащими».

Окончательно впад в помрачение, вертопрах-реформатор дошел до того, что разрушил систему власти.

«Гелиогабал впал в такое безумие, что всех актеров перевел со сцены на высшие государственные посты; префектом претория (начальником своей охраны) он назначил какого-то человека, который в молодости был танцором и выступал перед римской публикой; возвысив... другого человека со сцены, он поручил ему руководить воспитанием юношества, следить за благонравием и проверять всех вступающих в сенат или в сословие всадников. Наездникам, комикам и мимам он доверил важнейшие дела империи. Рабам же своим и вольноотпущенникам в меру их известности в постыдных делах он отдал управление провинциями, вручив им проконсульскую власть».

Это уже не свадьба с Астартой. Едва ли Геродиан тут что-либо выдумал. Однако продолжим:

«Вследствие того, что Гелиогабал нагло и безумно пограл в вакхическом исступлении все, что считалось в Риме достойным уважения, все люди и особенно преторианцы (заметим! — *Е. П.*) стали испытывать к нему гнев и ненависть; римляне чувствовали к нему отвращение, видя его лицо, нарумяненное более сильно, чем это подобает женщине, видя его, увешанного золотыми ожерельями, разодетого в пестрые ткани и пляшущего на виду у всего Рима».

Танцор-император, танцор — наиглавнейший охранник, танцоры — сирийские волхвы.

Интересный балет получился на Палатине.

Юлия Меза терпеливо сносила выходки обожаемого дурачка-внука, но, чем дальше, тем серьезнее, начала задумываться о неизбежных последствиях подобных безумств.

Кроме Созмиады, у нее была еще одна дочь — Маммеа. Ее одиннадцатилетнего сына Алексиана решено было сделать соправителем развратного плясуна. Этот отрок по всем позициям куда более годился для трона. Втайне от всех Маммеа приглашала к нему учителей, приучала к физическим упражнениям и вообще воспитывала в греко-римском духе.

Прежде чем принять решение, Меза обратилась к оракулу Фортуны—Пренесты. Последовал стих из «Энеиды»:

Если возьмешься одолеть враждебную судьбу,
Марцеллом будешь!

История Рима знала трех Марцеллов, и только один из них был по-настоящему знаменит. Как говорится, бабушка надвое гадала. Все же, склоняясь в пользу младшего внука, Меза заставила Гелио-

габала усыновить двоюродного братца, которому дали новое имя — Александр. Покорный сенат постановил считать Александра сыном Гелиогабала и римским цезарем. Гелиогабал тут же попытался вовлечь соправителя в хороводы и пляски, а заодно и в исполнение жреческих обязанностей в храме Солнца, где приносили в жертву младенцев.

Натолкнувшись на упорное противодействие Маммеы, он разразился площадной бранью, выгнал из дворца ученых наставников и даже казнил наиболее известных из них, обвинив в «развращении названного сына».

Кляня себя за то, что сделал Александра соправителем, Гелиогабал вознамерился задушить маленького кузена в горячей бане, но не сумел провести операцию. Ведь, кроме как кружиться в экстатической пляске, он ничего по-настоящему не умел. Предугадать развязку не составляет труда. Взбунтовавшиеся преторианцы убили Гелиогабала и Созмиаду и выбросили их порубанные тела в Тибр. Сенат, само собой, в спешном порядке принялся соскребать ненавистные буквы с мраморных плит, запретив называться кому-либо Антонием на все времена. Пляска вокруг вефиля закончилась, танцы по замкнутому кругу продолжались.

Хитроумная Меза сумела сохранить не только жизнь, но и власть. Александр вззошел на трон под именем Марка Аврелия Севера (208—235). Он начал с того, что разом отменил все новации покойного брата, провел радикальную чистку сената и гвардии, сократив до минимума свиту и двор.

«Он ввел очень большое число разумных законов, касающихся народа и императорского казначейства. У него был обычай, если речь шла о праве или других важных делах, приглашать на совет только ученых и красноречивых людей, если о военном деле, — то старых военных, заслуженных ветеранов, хорошо знающих местности, порядок ведения войны, устройство лагеря, а также — всяких образованных людей, главным образом тех, кто знал историю: у них он спрашивал, как поступали в случаях, подобных тем, какие разбирались, прежние римские императоры или вожди иноземных племен... Александр Север занимался геометрией, изумительно рисовал, замечательно пел, но никогда не делал этого в чьем-либо присутствии, — свидетелями бывали только его рабы. Он составил в стихах жизнеописания хороших (прелестный эпитет. — *Е. П.*) императоров. Он играл на лире, на флейте, на органе, на трубе, но, став императором, перестал заниматься этим. Борцом он был первоклассным. Он отличался в военном деле, так что много воевал, и притом со славою».

Возможно, Элий Лампридий и переборщил по части розовых тонов, наскучив мазать сплошной черной краской лихих предшественников Александра. Объективность дается на длинной дистанции. Но нельзя отрицать, что в лице этого цезаря Рим наконец-то обрел достойного правителя. Тем прискорбнее, что и он не избежал общей участи.

Вместе с матерью Александр был убит в Германии восставшими легионерами, которые провозгласили императором своего предводителя Максимиана Фракийца.

Династия Северов, открывшая дорогу на Палатин варварам, пресеклась, таким образом, мученической смертью властителя, едва достигшего двадцати семи лет.

После его гибели власть переходила из рук в руки. Принцессы менялись с калейдоскопической быстротой. Редко кому из них удавалось усидеть на троне два-три года.

В нашем сюжете для них нет места. Ничего сколь-нибудь нового и, как правило, скучно, убого. Поэтому помедлим на мгновение, прежде чем распрощаться с Александром и магическими тайнами имперского Рима.

Маммеа, успевшая снискать ненависть патрициев и преторианцев, была христианкой. Александр тоже добавил к Ларам¹ на семейном алтаре христианские символы. Он даже подумывал о том, чтобы открыто выступить в поддержку новой, собиравшей все больше приверженцев веры, но, по зрелому размышлению, воздержался.

Возможно, время еще не пришло. Маятник общественных упований колебался между Иисусом и Аполлоном Тианским, официально обожествленным Коммодом. Адепты культа Аполлония выступали самыми серьезными, пожалуй, соперниками христиан, и неизвестно, как бы сложилась история, если бы... Впрочем, Клио решительно отвергает сослагательное наклонение. Случилось то, что случилось, что не могло не случиться.

Как мы уже видели, из десяти преемников Августа лишь четверым даровано было отойти в вечность без чьей-либо помощи и лишь трое удостоились посмертного обожествления. Прочих же причислили к цезарям «проклятой памяти». Так закончился первый век Рима — вероятный временной плацдарм Аполлония.

---

¹ Божества, охранявшие домашний очаг и семью.

АПОЛЛОНИЙ ИЗ ТИАНЫ

Стали рыть землю, потом теребили и рвали зубами
Черную ярку и кровью наполнили яму, чтоб тени
Вызвать умерших — на страшные их отвечать заклинанья.
Вынули образ какой-то из шерсти; другой же из воску.
Первый был больше, как будто грозил восковому; а этот
Робко стоял перед ним, как раб, ожидающий смерти!
Тут Гекату одна вызывать принялась, Тизифону
Кликать другая. Вокруг их, казалось, ползли и бродили
Змеи и адские псы...

Горацій

1

Аполлоний родился в Тиане Каппадокийской. Наряду с Фессалией, откуда родом был Апулей, Каппадокия прославилась своими особо зловредными колдунами. В соседнем с Тианой городе с варварским названием Кастабалы находился храм Артемиды, жрецы которого ходили босиком по раскаленным угольям и держали за пазухой змей. Сомнительно и эллинское происхождение Аполлония. Во всяком случае, его книга о волхвовании по звездам, написанная после паломничества в Индию, нуждалась в греческом переводе. Остается только гадать, с какого языка. Скорее всего, с каппадокийского.

Не известен и год рождения пророка. Хронологические зарубки дают весьма приблизительную дату. В четырнадцать лет он перебрался в Тирс, где обучался грамматике и риторике у Эвфидема. Попав в Грецию, он примкнул к школе пифагорейцев, черпнув там основы тамошней мистики и дисциплины: одевался в льняные ткани, питался одними плодами, пил только чистую воду, предавался молчаливому созерцанию. Его пристанищем стал храм Асклепия, римского Эскулапа. Бог врачевания, являясь Аполлонию во сне, сообщал ему сокровенные тайны целительства и гигиены. Ведь и сама Гигиена, Эскулапова дочь, почиталась богиней. Вместе с тамошними жрецами Аполлоний успешно лечил больных, снискав благодарную славу. Согласно обычаю, пришедшему в греко-римскую эйкумену из Индии, исцелившиеся жертвовали храму так называемые вотивные приношения (по обету — *ex voto*): отлитые из драгоценных металлов части тела: головы, туловища, руки, ноги — словом, все то, что было избавлено от недуга. Современная практика медицинских отделов буддийских монастырей дает полное представление об атмосфере, царившей в храмах Асклепия. Веками выверенные методы лечения сопровождались молитвами, медитацией и магическими демонстрациями, воздействующими на психику, а следовательно — на сомu, тело

больного. Зачастую вера давала не меньший эффект, чем снабдь и хирургия. Во всяком случае, одно успешно дополняло другое.

Однажды, при огромном стечении народа, Аполлоний продемонстрировал яйцо, в котором, по его словам, пребывал сам бог. Из разбитой скорлупы действительно выползла змея — непременная спутница Эскулапа и его воплощение, которая тут же исчезла в складках одежды великого мага. С того дня он появлялся на публике с этой самой змеей, обвитой вокруг шеи, как своеобразное ожерелье. Аполлоний утверждал, что она нашептывает ему советы, как лучше справиться с той или иной болезнью.

Если это и была ложь, то, как говорится, во благо. Слушая жреца, пациенты внимали его божественному патрону. По существу, это был гипнотический прием, сродни тем, что и по сей день используют всяческие «экстрасенсы».

Вручая пакетик сушеных трав, врач предписывал дни и часы приема, определенное заклинание или молитву, строго-настрого наказывал, какой рукой брать лекарство и сколько при этом сделать шагов. Словом, использовались все методы психотерапии, что наверняка способствовало воздействию таких испытанных средств, как диета или минеральные воды.

Об отношении самого Аполлония к окружавшей его молве, включая, разумеется, магию, красноречиво свидетельствует письмо к Евфрату (ок. 40—119), софисту и философу-стоику из Тианы.

«Почему бы и тебе не написать что-нибудь? Хотя бы хватило у тебя и на это подлости — тут-то было бы тебе раздолье творить привычные и в зубах навязшие изветы! «Аполлоний сроду не мылся!» Да, и к тому же в доме у него не прибрано, а ноги грязные. «Никто не видал, чтобы он хоть пальцем пошевелил!» Да, ибо в движении у него лишь душа. «Он весь зарос диким волосом!» Да, ибо он эллин и выглядит, как эллин, а не как варвар. «Одет в дерюгу!» Да, ибо жрецу приличествует лишь чистейшее. «Он волхвует!» Да, ибо слишком многое нам неведомо, так что иначе невозможно провидеть будущее. «Философу не пристало заниматься подобными делами!» А вот богу пристало. «Он облегчает телесные муки и избавляет от боли!» Что ж, в этом можно винить и Асклепия. «Он ест один!» Да, потому что все остальные жрут. «Он говорит редко и мало!» Да, ибо не способен всегда молчать. «Он гнушается мяса и вообще всего животного». Да, ибо это помогает ему быть человеком. А ежели возразишь ты, Евфрат, что все это уже написал, тогда добавь еще и такие слова: «Представься случай, он принимал бы деньги, подарки и должности — совсем, как я». Нет, не принял бы ни при каком случае. «Все-таки принял бы — не для себя, так для отечества». Город, не ведающий, чем владеет, — не отечество».

Последние слова можно понимать в том смысле, что нет пророка в своем отечестве. Величественный образ вырисовывается сквозь

туман мистических легенд, образ человека, — не бога! — ясной мысли и твердых убеждений.

В письме к брату Гестиею те же мысли сформулированы с кристальной ясностью:

«Стоит ли удивляться, что повсюду люди почитают меня бого-равным, а то и богом, и только мое отечество вплоть до нынешнего дня меня не признает, хотя именно здесь я особенно потрудился для славы своей?.. Впрочем, для вас не тайна, сколь прекрасно всю землю именовать отечеством и весь род людской — братьями и друзьями, ибо все люди суть чада единого бога и единой природы, а потому всем им присуще сходство в помыслах и чувствованиях — все равно, где и как случилось человеку родиться, так что будь он хоть эллином, хоть варваром, он всегда остается человеком... В числе прочих тварей произвела природа и человека, а потому хотя бы и слыл он мудрецом и хотя бы с избытком доставляла ему земля все прочие блага, но не может она произвольно явить очам его могилы предков».

Как блистательно ограничена мысль! Для Аполлония бог и природа — синонимы. Убежденный пантеист, он достойно приемлет заслуженную славу с ее неизбежными преувеличениями — «бого-равный», а то и «бог», что ничуть не мешает ему осознать свое место на этой прекрасной и горькой земле.

Осуществилось то, что осуществилось.

Вообще, письма Аполлония дают значительно больше уму и сердцу, нежели его полумифические жития. Бессмысленно ныне гадать о том, какие из них подлинные, а какие подложные, либо случайно попавшие в собрание Флавия Филострата, написавшего «Жизнь Аполлония». Даже если какая-то часть эпистолярного наследия принадлежит перу посторонних, то ведь и они, посторонние, так или иначе из круга пророка.

Приведем несколько выдержек, взятых почти наугад, но вкупе воссоздающих духовный портрет исторического Аполлония.

«Платон говорил, что у добродетели нет господина. Ну, а ежели никто ни во что не ставит его слова и с ними не согласен, но, напротив, принимается торговать собою за деньги, тот сам себе творит многих господ».

Этические принципы он распространяет буквально на все, не исключая столь тонкий и взрывоопасный предмет, как магия.

«По-твоему, магами надобно звать любомудров Пифагорова толка, да заодно уж и Орфеева. А по-моему, магами пристало именовать философов какого угодно толка, ежели притязают они на святость и праведность».

И из другого письма, словно бы в дополнение:

«Магами персы именуют тех, кто принадлежит святости, а стало быть, маг или служит богу, или по природе своей божествен...»

В себе он, как можно догадаться, особой харизмы не ощущает. Во всяком случае, мыслит вполне рационально:

«Естествоиспытатель Гераклит говорил, что неразумие присуще самой природе человеческой. Если это верно — а это верно! — то пора бы со стыда сгореть наглицу, дорвавшемуся до суетной славы».

А вот поучение, адресованное цезарю Домициану, сцену убийства которого Аполлоний, как было сказано, словно бы видел из дальнего далека:

«Ежели есть у тебя сила — а она у тебя есть, — то надлежит тебе обрести еще и здравомысленность, ибо будь у тебя здравомысленность без силы, то в такой же мере потребна была бы тебе сила».

Выговор наставника без намека на пиетет.

«Праздники суть причина болезней, ибо хотя и дают отдохновение от трудов, но способствуют пьянству и обжорству», — указывает он законодателям.

Попробуй возрази... И римские градоначальники получают по заслугам:

«Ваше начальство верховное, но тогда, ежели умеете вы править, почему из-за вас приходят в ничтожество города? А ежели вы управлять не умеете, то прежде научитесь и тогда управляйте».

И то, и другое верно на все времена. Тут ни прибавить, ни убавить. Столь же актуальна для любой эпохи сентенция, обращенная к прокураторам Азии:

«Что пользы рубить ветви сорных зарослей, оставляя корни их в земле?»

Аполлоний ровен в обращении со всеми, не соблюдая различий между принцепсом, нищим философом или коллегой по искусству. Строки, обращенные к Критону, автору трактата о врачевании, поистине афористичны. Любой медик мог бы взять их в качестве заповеди:

«Пифагор называл врачевание святейшим из искусств, а ежели врачевание столь свято, то надлежит более печься о душе, нежели о теле, ибо не будет никакая живая тварь в добром здравии, когда недужна лучшая ее часть».

Под душой здесь определенно следует понимать психику. Симптоматично и выражение «живая тварь». Это напоминает буддийскую категорию «живое существо», не выделяющую из общей цепи человека. Сам стиль Аполлония, его поведение и принципы врачевания разительно сходны с буддийскими. По легенде, впрочем оспариваемой исследователями, он совершил паломничество в Индию, где наверняка мог соприкоснуться с практикой индуистских ашрамов и буддийских монастырей. Ведь встреча великих культур Индии и Эллады состоялась еще при Александре Македонском. В Средней Азии возникли такие процветающие центры цивилизации, как Согдиана и Маргиана. Лучезарная буддийская этика буквально просвечивает сквозь строки даже в отповеди Евфрату, где Аполлоний объясняет свое вегетарианство стремлением «быть человеком!».

Те же мотивы звучат в послании к мнимым мудрецам:

«Если кто называет себя моим последователем, то пусть еще скажет, что сидит безвыходно дома, избегает всяких омовений, не губит никакой живой твари, не ест убоины, чужд зависти, подлости, гнева, злобы и вражды, да притом зовется вольным и свободорожденным».

За исключением не совсем понятного предубеждения против омовений, особенно странного для врача, прямая калька «восьмеричного пути» Будды.

Кстати, Гераклит из Эфеса, на которого постоянно ссылается Аполлоний, был современником великого индийского учителя. Явственно ощущается переключка между обеими доктринами. В водах «реки, в которую нельзя вступить дважды» и «другом берегу» палийской «Дхаммапады» бьет ключ непостижимого потока сантаны. Пифагор, духовный отец Аполлония, тоже общался с индийскими философами, переняв у них учение о метапсихозе — вечном круговороте смерти и возрождения. «Премудрый Пифагор тоже был из божественного племени», — замечает Аполлоний, бросив упрек все тому же Евфрату.

Обращаясь к олимпийским жрецам, Аполлоний с присущей ему искренностью и прямоотой говорит:

«Богам не надобны жертвы, а ежели так, то что остается сделать человеку в угождение богам? По-моему, следует ему учиться уму-разуму, да по мере сил благодетельствовать тех, кто того достоин. Вот это и мило богам, а жертвы пусть приносят безбожники».

Создается впечатление, что он и сам верит в богов не больше, чем Будда Шакья-Муни, который обходил этот вопрос «благородным умолчанием». Боги никак не вписывались в созданную им картину мира.

В послании к дельфийским жрецам та же мысль изложена значительно резче. Оно и звучит, как вызов:

«Жрецы оскверняют алтари кровью, а потом люди еще дивятся, почему это нет счастья их городам, меж тем как сами же накликают на себя великие напасти. Вот где невежество! Мудр был Гераклит, однако и ему не удалось убедить ефесян, что грязью грязь не отмыть».

Владел ли он эзотерическим знанием? Безусловно, ибо совершил множество деяний, которые современники посчитали за чудо. Да и в письмах, где всегда откровенен, он, рассуждая об одних и тех же явлениях, дает им различные толкования. Точнее — на разных уровнях, в зависимости от подготовки и мироощущения адресата.

«Если спросил бы кто пифагорейца, выйдет ли от учения его польза и какая, я ответил бы так: «Ты научишься законодательству, геометрии, звездочетной премудрости, арифметике, гармонии, музыке, врачеванию, всякому божественному волхвованию (отметим! — здесь и далее *Е. П.*) и еще того лучше (отметим тем

более!) — благородству, щедрости, великодушию, постоянству и лепоте речей. А еще усвоишь знание — а не только мнение — о богах и постигнешь демонов не только верою, но и наяву, и будешь в дружбе с теми и другими. Вдобавок достанутся тебе независимость, усердие, скромность, расторопность, благодушие, пригожесть, здоровье, бодрость, бессмертие».

Не бог и даже не маг, хотя владеет практической магией, но прежде всего гуманист, титан, далеко опередивший свою эпоху.

«По закону естества все возросшее преходяще, — утешает он брата, потерявшего жену, — а стало быть, каждому суждена старость, за которой следует небытие».

Казалось бы, куда более пристало это слово стоику, а не пифагорейцу, но в таком же утешительном послании к Валерию — не столь важно, к какому именно, ибо род этот был весьма многочисленным, — утверждается как бы прямо противоположное:

«Никакой смерти нет, кроме как по видимости, и равно нет никакого рождения, кроме как по видимости, а причина в том, что поворот из бытия в природу почитается рождением, а из природы в бытие — соответственно смертью, однако же взаправду никто никогда не рождается и не гибнет, но лишь становится прежде явным и после незримым — одно состояние происходит от сгущения вещества, второе — от истончения бытия, а сущность всегда одна и та же, различаясь единственно движением и покоем. Таковое различие есть необходимое условие всякой перемены, однако же проистекает отнюдь не от внешних обстоятельств, но от слияния частей в целое и от расчленения целого на части, ибо все сущее едино».

Противоречие здесь кажущееся. Одна и та же мысль присутствует в разных понятийных рядах.

Мнимую дилемму превосходно разрешил Воланд в «Мастере и Маргарите» Булгакова:

«— Михаил Александрович, — негромко обратился Воланд к голове, и когда веки убитого приподнялись, и на мертвом лице Маргарита, содрогнувшись, увидела живые, полные мысли и страдания глаза. — Все сбылось, не правда ли? — продолжал Воланд, глядя в глаза головы, — голова отрезана женщиной, заседание состоялось, и живу я в вашей квартире. Это — факт. А факт — самая упрямая в мире вещь. Но теперь нас интересует дальнейшее, а не этот свершившийся факт. Вы всегда были горячим проповедником той теории, что по отрезании головы жизнь в человеке прекращается, он превращается в золу и уходит в небытие. Мне приятно сообщить вам, в присутствии моих гостей, хотя они и служат доказательством совсем иной теории, о том, что ваша теория и солидна, и остроумна. Впрочем, ведь все теории стоят одна другой. Есть среди них и такая, согласно которой каждому будет дано по его вере. Да сбудется же это! Вы уходите в небытие, а мне радостно будет из чаши, в которую вы превращаетесь, выпить за бытие...»

Вот так.

Аполлоний возвратился в Тиану на похороны отца. Как знать, о чем думал он, вглядываясь в пламя погребального костра? Какие слова нашел для себя, размышляя над вечной загадкой бытия и небытия? Возможно, именно тогда он и надумал открыть свою школу, предварив решение пифагорейским обетом пятилетнего молчания.

Запечатав уста, бродячий философ, а именно к этой братии стали причислять Аполлония, отправился в дальние края. Его видели в Киликии и Панфилии, а в Аминде он волшебным способом предотвратил голодный бунт. В чем суть волшебства? В колдовском заклинании, написанном на дощечке, которое произвело на горожан успокаивающее действие? Не трудно предположить, что Аполлоний, не желая нарушить молчание, просто начертил на восковой дощечке несколько слов о том, что возы с хлебом уже в пути и надо набраться терпения. Откуда он мог знать об этом? Мы вольны выбирать между провидческим даром, снимающим такие вопросы, и каким-нибудь рациональным объяснением. По дороге в город молчаливый философ мог, скажем, обогнать хлебный караван или услышать от кого-нибудь, что аминдянам выслана помощь.

Срок безмолвия истек, когда Аполлоний находился в Эфесе. Здесь у него появились первые ученики. Легко догадаться, что их было семеро. Почин оказался не слишком удачным. Ни один из неопитов не пожелал сопровождать учителя, когда тот надумал посетить Вавилон и Индию. Только верный друг Дамид, почитавший Аполлония божеством, отправился с ним в дальние страны. Разрозненные и путаные записи Дамида попали в руки императрицы Юлии Домны, второй жены Септимия Севера, и чрезвычайно ее увлекли. Собственно, это и послужило отправной точкой восставления или, вернее всего, воссоздания житий Аполлония Тианского. Филострат дал волю фантазии, создав по сути авантюрный роман с яркими экзотическими вкраплениями.

Скорее всего, Аполлоний все-таки побывал в Индии, где его радушно встретили гимнософисты, ввели в свою общину и посвятили в таинства. Но едва ли ему довелось добывать слоновую кость, собирать с помощью обезьян перец, а тем паче — охотиться на страшных змей, дабы извлечь из их черепов драгоценные камни. Софист и приверженец классического стиля Флавий Филострат вольно или невольно подбавляет толику-другую несообразностей в Дамидовы хроники, где и без того достаточно противоречий.

У Филострата Аполлоний заявлен как абсолютный полиглот, хотя и не изучавший языков. Этот волшебный дар приводит в изумление царедворца-парфянина, но почему-то изменяет Аполлонию в беседе с индийским царем. Но не стоит обращать внимания на мелочи, особенно в нашем контексте, где явная нелепица или откровенный обман являются неперенными спутниками как истинных, так и мнимых чудес.

«Многословие оступается часто, молчание никогда», — говорил ученикам Аполлоний.

Оставим в покое спорные записи Дамида и колониальную экзотику, достойную Синдбада-морехода. Филострат дает нам в руки нечто более весомое — хронологическую привязку. Находясь в Эфесе, Аполлоний провидит убийство Домициана? Мы точно знаем не только год, но даже день смерти императора: 18 сентября 96 года. Таких опорных точек немало: падение Архелая, последнего царя Каппадокии — 17 год, консульство друга Аполлония Телесина — 66 год, мятеж пропретора Галлии Виндекса — 68 год, разорение Иерусалима Титом — 70 год и т. д.

Житие реальной фигуры немисливо вне хронологии. Деятельность Аполлония, таким образом, протекает на вполне конкретном историческом фоне. Более того, он принимает деятельное участие в событиях знаменательных, судьбоносных: помогая Виндексу, способствует гибели Нерона; направляет Веспасиана; дает наставления Титу; спешествует Нерве. Короче говоря, только благодаря Аполлонию судьба Рима, пусть и не слишком завидная, сложилась так, как сложилась, ибо могло быть значительно хуже.

Обратимся непосредственно к тексту Филострата.

«Правитель Бетики весьма желал познакомиться с Аполлоном, хотя тот и говорил, что беседа его может быть привлекательна для философа. Правитель, однако, настаивал, а так как, по слухам, человек он был добрый и к Неронову кривлянью питал отвращение, то Аполлоний написал ему, приглашая явиться в Гадиру, и тот явился — безо всякой начальственной пышности, но лишь с немногими ближайшими друзьями. После взаимных приветствий они удалили присутствующих, так что, о чем шла у них беседа, никому не ведомо, — а по домыслам Дамида, они сговорились против Нерона, ибо когда после трех дней разговоров с глазу на глаз правитель, уже уходя, обнял Аполлония, тот сказал: «Будь благополучен и помни о Виндексе».

Где тут волшебство? Сплошная политика. Заговор, движущим началом которого явился интеллект философа-пифагорейца, в крайнем случае, его провидческий талант, как непременная, хоть и загадочная, составляющая высокого интеллекта.

В полной мере магический блеск провидения был продемонстрирован в Александрии, на встрече с Веспасианом, уже императором, т. е. военачальником, но еще не принцепсом-цезарем.

«Принеся жертвы, но не успев еще толком разобраться в городских делах, Веспасиан обратился к Аполлонию, словно с молитвой: «Вручи мне державу!» — «Я уже вручил тебе ее, — отвечал тот, — помолясь о государе правосудном, благородном и здравомысленном, сединою украшенном и о законных чад отце — и, без сомнения, тебя-то и выпросил я у богов». Император был весьма обрадован этими словами, ибо толпа, наполнявшая храм, согласно зашумела, и спросил: «А каково тебе кажется правление Нерона?» — «Нерон,

быть может, умел настраивать кифару, но державу свою он опозорил — хоть ослабляя струны, хоть натягивая».

Далее следует беседа, главное место в которой опять-таки занимает политика на злобу дня. Показательно заключительное высказывание Веспасиана:

«Спокойно смотреть, как начальствуют над римлянами негодяи, я не могу, но желаю быть самим собою, сделав вожатыми своими богов, а потому и доверяюсь, Аполлоний, твоему попечению, — ты ведь, говорят, лучше всех постигаешь божью волю. Итак, будь мне советником в заботах о земле и о море...»

На следующее утро, чуть свет, Аполлоний явился во дворец и, узнав, что император уже встал и работает с бумагами, изрек: «Быть ему государем!»

Идеальный пример симбиоза философа, слывшего магом, и властелина, чья звезда только всходила к зениту.

«Я знаю, — пишет Филострат, что тирания — наиглавнейшее испытание для философа... Кое-кто может возразить, что с Нероном-де Аполлоний лицом к лицу не сходил, но целил в него издаലെка: бодрил Виндекса, пугал Тигеллина и так колебал тиранство Нероново. А еще можно порою услышать празднословные рассуждения, будто не велика-де честь уязвить Нерона при его-то бабьем нраве, да при его-то бряцании и дудении, — но что скажут эти пустомели о Домициане? Уж он-то телом был могуч, уж он-то воротил нос от усладительных игр и напевов — оттого, что отвагу-де они умаляют, и главное удовольствие его было в чужих бедах и слезах; а еще он говорил, что недоверие хранит народ от тиранов и тиранов от всего света и что по ночам самодержцу надобно ото всех дел отдыхать, но для убийства это дело очень даже годится. Вот почему знатнейшие сенаторы были обезглавлены, а философы до того перетрусили, что, позабыв о чести своей, разбежались, кто куда... Один Аполлоний оказался схож с Тиресием, который в Софокловой трагедии говорит Эдипу:

Я не тебе служу, но Аполлону!»

С легендарным прорицателем Тиресием мы расстались в «Греческом лабиринте», а вот судьба претора-гаруспика Тигеллина, пережившего Нерона, осталась непроясненной. Восполним же этот пробел.

С 62 года Сафроний Тигеллин, который, по словам современников, провел молодость в грязи, а старость в бесстыдстве, обладал неограниченной властью. Вовремя перебежав к Гальбе, он ушел от возмездия и, удалившись в тень, надеялся спокойно дожить оставшиеся годы. Но когда к власти пришел Отон, приспешник Нерона и неперемный участник его оргий, Тигеллин получил приказ лишить себя жизни.

Окруженный наложницами, «среди бесстыдных ласк», по словам Светония, он старался оттянуть конец, но все же нашел силы перерезать горло бритвой.

С Тигеллином связана колоритная сцена, в которой Аполлоний явил чудеса. Все началось с бань, к которым философ всегда относился с предубеждением, унаследованным еще от Пифагора. Конечно же, блюститель гигиены и жрец Асклепия, как и его великий учитель, не отвергал омовений как таковых. Напротив, он часто прописывал своим пациентам минеральные ванны. Иное дело бани, ставшие средоточием разнузданного разврата и гедонических наслаждений. Во времена Калигулы и Нерона общественные бани пользовались худшей репутацией, чем самые грязные лупанарии.

Философ Деметрий, чьим постоянным наставником был Аполлоний, позволил себе развязать язык в присутствии самого Нерона, прибывшего на освящение только что построенных бань. «Деметрий и разразился речью против моющих: они-де тут лишаются силы, да вдобавок и сквернятся — словом, он доказывал, что тратиться на бани не следовало».

Только и всего. Из слов Филострата никак не следует осуждение самого процесса мытья, ибо весь пафос направлен против действий, ему сопутствующих: оргий с преобладанием мужеложества, пьянства, обжорства.

«...Подозрение пало на Аполлония: будто это его козни и будто он науськивает, а особенно против бань... и подозрение это еще усилилось после беседы о небесных знамениях. Дело было так. Случилось затмение солнца, и в тот же день загредел гром, а подобные события совпадают весьма редко. И вот, глянув на небеса, Аполлоний изрек: «Нечто великое свершится и не свершится». Слышавшие это пророчество не сумели сразу разгадать его смысл, и лишь на третий день после затмения все прояснилось: когда Нерон сидел за едой, в стол ударила молния, выбив чашу из рук императора и пролетев совсем рядом с его лицом, — так что он едва не был поражен перуном и сбылись слова «случится и не случится». Услыхав обо всем этом, Тигеллин стал бояться Аполлония, полагая его искушенным в чудедействе, и предпочел открытого обвинения не возбуждать, ибо опасался колдовской порчи... Тут напала на Рим болезнь, которую врачи именуют дыхательным катаром... Храмы были полны, и все молили богов об исцелении, ибо у Нерона опухло горло и он охрип. Аполлоний порицал это всеобщее помешательство... Об этих разговорах донесли Тигеллину, который без промедления послал стражников, дабы заключили они Аполлония в темницу — пусть оправдывается в оскорблении Неронова величества. Был приготовлен и обвинитель, уже погубивший множество людей и не раз побеждавший в подобных ристаниях — в руках у него была свернутая записка, содержащая обвинение, и запиской этой он заманивался, словно мечом, твердя, что наострил свой донос на погибель Аполлонию. Тигеллин развернул этот свиток, но не обнаружил там ни следа хотя бы единой буквы: перед ним была неисписанная бумага, и понял он, что свершилось чудо, — то же

самое, говорят, позднее испытал в сходных обстоятельствах Домициан».

Речь в данном случае идет об исчезновении Аполлония из суда, когда в самый разгар процесса обнаружилось, что ответчик словно бы растворился в воздухе.

О чем свидетельствуют подобные эскапады? Позволительно предположить, что Аполлоний мастерски владел техникой гипноза. Как мы увидим далее, Лев Бецалель, Калиостро и наш современник Мессинг проделывали и не такие фокусы.

На трусливого Тигеллина исчезновение букв произвело неизгладимое впечатление.

— Уходи, — сказал он волхву, — но прежде представь поручительство за свою личность.

— Стоит ли ручаться за личность, которую нельзя заключить в оковы — ответил Аполлоний.

— Иди, куда хочешь, ибо ты сильнее власти моей! — в страхе воскликнул начальник охраны.

Примерно в тот же период Аполлоний совершил воскрешение девушки, умершей в день свадьбы. Дабы не упустить важный нюанс, вновь предоставим слово Филострату:

«Некая девица в час своей свадьбы — по общему мнению — умерла», — соблюдая осторожность, пишет утонченный софист. Запомним это «по общему мнению».

Аполлоний случайно столкнулся с похоронной процессией, в которой принял участие чуть ли не весь Рим.

— Опустите носилки, ибо я остановлю слезы, проливаемые вами по усопшей, — сказал он, наклонившись над юной покойницей.

Вглядевшись в ее лицо, которого, казалось, не коснулась тень смерти, он возложил руки на мраморный лоб и что-то прошептал. Спящая красавица тотчас же открыла глаза и, как сказано у Филострата, «пробудилась от мнимой смерти».

«Мнимая смерть», летаргическая — этим все сказано. Автор «Жизни Аполлония Тианского» прямо-таки подсказывает ответ, анализируя поведение своего героя:

«То ли он обнаружил в мнимой покойнице некую искру жизни, укрывшуюся от тех, кто ее пользовал, — не зря говорили, что под дождем от лица покойницы шел пар, — то ли уже угасшую жизнь согрел он своим прикосновением — так или иначе, вопрос этот остался неразрешенным не только для меня, но и для свидетелей описанного события».

У нас тем более нет верного способа отделить зерна от плевел. Слишком бедны и ненадежны источники. Драгоценное зеркало едва проблескивает сквозь темную патину легендарных наслоений. Попробуем хотя бы восстановить последовательность событий, ибо в Рим философ попал после долгих скитаний по таинственным странам Востока. Сен-Жермена и Калиостро тоже окутывала эта ориенталистская аура, столь притягательная для жаждущих уверовать в чудо.

Был ли Калиостро в Египте? Очень возможно. В Аравии? Скорее сомнительно. Удалялся ли «собеседник Христа» Сен-Жермен на вершины Гималаев, чтобы чудесным образом продлить свое многовековое существование? Ответа не требуется.

Ситуация с Аполлонием много сложнее. Он если и прибегал к обману, то, как уже сказано, в целях благих, ради спасения жизни, включая собственную.

Его навыки гипнотизера и терапевта определенно свидетельствуют о знакомстве с секретными доктринами брахманов и буддийской тантры. Можно лишь вновь повторить, что в Индии он все-таки побывал. Иное дело Вавилон. Тут противоречие на противоречии, и, главное, хромает хронология.

Путь из Малой Азии в Вавилон недолг. Наш молодой, как надо понимать, странник попадает туда во времена царя Вардана, который правил около 45 года. В отличие от римских, даты «восточных варваров» не слишком надежны, но все-таки кое-какие сопоставления сделать возможно.

Упомянутый выше Архелай, к которому тоже причастен пророк, царствовал тремя десятилетиями ранее и пал, когда Аполлонию было около двадцати лет. Спрашивается, в каком возрасте оказался он при дворе Вардана? Около сорока? Не слишком ли поздно для ученичества? А ведь именно с этой целью и предпринял он свой анабазис.

Более того, в каком Вавилоне он побывал? Столица нечестивого Валтасара давным-давно лежала в руинах. И вообще стольный город парфянских владык мог находиться где угодно, только не в Вавилоне: в Армении, Бактрии — словом, к юго-востоку от Каспия, ближе к индийской границе. Если Аполлоний добрался до Индии, то почти наверняка не миновал и Парфянское царство, а погребенный в песках Вавилон тут ни к селу ни к городу.

Вот и получается, что царь Фраот, личность в истории неизвестная, беседовал не с молодым пифагорейцем, жаждавшим эзотерических таинств, но с умудренным мужем, которому перевалило за сорок.

В обстоятельной и глубоко аргументированной статье Е.Г. Рабиновича о Флавии Филострате и его книге справедливо отмечено, что «ожидание исторической точности само по себе может быть в некоторых случаях ошибочным — мы не вправе требовать от сочинителя, чтобы он исполнял задачи, которых он перед собою не ставил».

При этом проводится следующая параллель:

«Можно ли поверить, что вовремя доставленные д'Артаньяном из Англии бриллианты Анны Австрийской ослабили политические позиции кардинала Ришелье? А между тем этот кардинал существовал, интриговал против королевы, эти интриги были подчас весьма увлекательными — но все-таки другими, чем в «Трех мушкетерах». Кроме исторической реальности, с той или иной степенью правдоподобия отражаемой в исторических сочинениях,

имеется еще условно-историческая реальность исторического романа».

Что ж, тайная, неизведанная историческая реальность избранной нами тематики действительно ближе к историческому роману, чем к сочинению летописца. Тут нет повода ни для сетований, ни для гордыни. Такова реальность, и только. Ошибки, несообразности и анахронизмы одинаково свойственны обоим жанрам. Парадокс заключается лишь в том, что и романисту, и историку одинаково необходимо воображение, когда перо невольно останавливается перед невосполнимой лакуной. И здесь преимущество оказывается на стороне писателя.

Возьмем тот же пример с бриллиантами Анны Австрийской. Он был бы вполне безупречен, если бы не одно обстоятельство. Не только королеву и кардинала, но и д'Артаньяна следует отнести к числу исторических персонажей. Авантюра с подвесками тоже имела место, и вопрос о том, насколько она повлияла на политические позиции Ришелье, представляется явно второстепенным. Тут уже все дело в интерпретации.

Попутно заметим, что шевалье д'Артаньян по праву займет место на наших страницах. И не только потому, что при Людовике XIII и Ришелье имели место несколько громких колдовских процессов, но и по должности. Ведь мушкетеры — гвардия короля — исполняли примерно те же обязанности, что преторианцы в Риме и, скажем, охрана нынешних президентов.

Пусть не смущает нас неведомый царь Фроат. Имя скорее эллинизированное, нежели индийское. В сущности, нам вовсе не важно, кем он был на самом деле: махараджей одного из индийских княжеств или властителем неизвестной страны, возникшей после Македонского на стыке двух великих культур. Куда интереснее познакомиться с тайнами, которые открыл Аполлонию, наверное, и вовсе мифический Иарх. Будем лишь помнить, что книга Филострата все-таки ближе к историческому роману.

«...По словам Дамида, Аполлоний философствовал наедине с Иархом; позднее он записал в четырех книгах упомянутые собеседования о звездах и гаданиях — об этом сочинении упоминается у Мойрагена — а также записал беседы о жертвоприношениях... Иарх подарил Аполлонию семь перстней, поименованных по семи планетам»...

Отбросив сказки о звере мартихоре с головой человека, одного из осле и самоцвете пантраб, который «убегает, если только не привлечен заклинанием», то выкристаллизовываются главные темы: астрология, алхимия, практика жертвоприношений и волхование.

«...Иарх возвратился к разговору о волхвовании, перечислив многие блага, кои несет оно людям, и величайшим из этих даров назвал врачевание...»

Это и есть круг интересов Аполлония. Врачевание, как дар Асклепия, сына Аполлона, тоже относилось к волхвованию, входило

в непременный комплекс герметических дисциплин, авгуральных наук.

Вся последующая деятельность пророка в Греции и Риме свидетельствует о том, что он преуспел в своем несколько запоздавшем ученичестве, почерпнув на Востоке множество псевдомагических приемов, включая оживление псевдоумерших.

В Пергаме, где находилось знаменитое святилище Асклепия, он научил тамошних жрецов искусству навевать вещие сны, исцелил страждущих и отправился в Илион, к могиле Ахилла, павшего под стенами Трои. Вызвав тень героя, который предстал перед ним, как Самуил перед Саулом, но в доспехах и при оружии, всю ночь он провел на кургане, но так и осталось тайной, о чем у них шла беседа. Известно только, что Ахилл указал место погребения Пеламеда.

Велев бросить якорь поближе к Мефине, он высадился на берег, отыскал схороненное в земле изваяние и вознес молитву: «О, Паламед, уйми гнев, что некогда питал к ахейцам, и дай приумножиться мудрым! Паламед! От тебя речи, от тебя музы, от тебя я сам!»

Следующая стоянка была на острове Лесбос, возле святилища певца Орфея, величайшего из посвященных, чьей прорицательной мощи позавидовал сам Аполлон.

Когда же плыли по Евбейскому морю, Аполлоний внял просьбам спутников и поведал о том, что произошло на кургане.

— Я не рыл яму по примеру Одиссея, — начал он рассказ о тайнах, ведомых лишь теням преисподней, — и не завлекал души овечьей кровью, но вознес я молитву, которую индусы велят возносить героям, — и так вступил в беседу с Ахиллом.

Пригодились, видать, некромантические уроки Иарха! О чем же была беседа? О грядущем, проведать которое тщится мятущийся дух человека? Отнюдь. Пифагорейского волхва волновали скрытые подробности Троянской войны, ускользнувшие от Гомера.

Впечатляющая черта духовных устремлений Аполлония из Тианы. Путешествуя по Элладе, он искал посвящения в мистерии, прорицал, творил чудеса, излечивал недуги. Слава о нем летела по всей эйкумене, но слава двусмысленная.

Верующие в чудеса почитали его как божественного пророка, по крайней мере, могущественного волшебника, но скептики видели в нем ловкого шарлатана. Лукиан, живший задолго до Филострата, едко высмеял одного бродячего пифагорейца из Аполлониева окружения: «Сам видишь, из какой школы вылупился этот мой герой», — не скрывая презрения, говорит он в памфлете «Александр, или Лжепророк».

2

Что еще, кроме едкой иронии, могли противопоставить такие люди, как Лукиан, нарастающей волне иррационализма? С новой силой ожили архаические суеверия. Общественным сознанием за-

владели демонические создания, призраки и оборотни. Властителями душ сделались иступленные фанатики и шарлатаны. Впрочем, не в первый и далеко не в последний раз.

«Вся странная эпоха с ее сочетанием мистики и скептицизма, показного блеска и внутренней опустошенности, беспокойных поисков чего-то лучшего и полного равнодушия к любому проявлению жестокости, подлости и разврата — вся она нигде не отразилась более ярко и всесторонне, чем в творчестве талантливого африканца Апулея».

М. Е. Грабарь-Пассек Апулей

Весьма уместно это уточнение: «африканец». С ведьмами из Мадавры могли соперничать разве что каппадокийские волшебницы.

Ремесло колдуна в Риме считалось жульническим, и довольно опасным. Не настолько, как в средние века, когда на борьбу с ведовством поднялась церковь, но все же достаточно рискованным. Свойственная античному миру религиозная терпимость не распространялась на черную магию.

Август, как уже говорилось, прислушивался к оракулам, но третировал астрологов, а Тиберий даже казнил странствующих чародеев. Каралась, впрочем, лишь практика, преследовавшая явно неблагоприятные или противозаконные цели. Те же гаруспиции, например, составляли неперемнную принадлежность государственного обихода, если, конечно, гадание производил официальный жрец. Никто не возбранял и «частную практику». Любому было дозволено пытаться богов об успехе задуманного предприятия. Иное дело, когда кто-либо пытался сунуть нос в императорские дела. Многие заплатились жизнью за проявленное любопытство к гороскопу принципсов. Казнь грозили и человеческие жертвоприношения.

Понятно, что на «чародеев» вроде Коммода это не распространялось. Как великий понтифик, жрец над жрецами, цезарь мог позволить себе любую гнусность.

Вообще, все зависело от конкретных обстоятельств. Матримониальные, скажем, гадания и любовный приворот были в порядке вещей, но могли стать и предметом судебного разбирательства. Стоило поступить иску, что волхование связано с денежной аферой, и дело могло приобрести крутой оборот. Поэтому — колдуном, а колдовство каралось смертью по древним законам «Двенадцати таблиц», ничего не стоило объявить любого адепта тайных наук: астролога, некроманта, волхва — короче говоря, всякого, о ком шла недобрая молва. Четких критериев не было. Античный мир не знал полярного противостояния сил света и тьмы. Демоны почитались такими же божественными созданиями, как, допустим, боги местности, но опасными и злокозненными. Сократ постоянно ссыался на «своего» демона, который отвращал его от дурных поступков. Примерно о том же говорил и Платон, развивший

учение о промежуточных существах — посредниках между бессмертными небожителями и людьми. Им тоже полагалось приносить жертвы.

В отличие от гоэтов, которые не только якшались с демонами, но и принуждали их служить себе с помощью заклинаний и людоедства, чудотворцы-туаматурги выполняли волю богов. Пифагора бесспорно причисляли к туаматургам, что, однако, не распространялось на его последователей. Любой из них, и Аполлоний в том числе, мог предстать перед судом, как это случилось с тем же Апулеем.

Создатель «Метаморфоз» знал толк в колдовстве, о чем свидетельствует хотя бы его бессмертный роман. В колдовстве, помимо прочих грехов, писателя обвинил Сицилий Эмилиан — брат первого мужа Пуденты, которая после четырнадцати лет вдовства вышла замуж за Апулея. Она была женщиной состоятельной и в летах, и ее брак лишал родственников надежд на наследство. Очевидный интерес Апулея к трансцендентальным материям дал им повод выдвинуть против него обвинение в магии. Председателем суда, где слушалось дело, был проконсул провинции Африка Клавдий Максим. Процесс состоялся в городе Сабрате и, по счастью, закончился полным оправданием писателя. Защитительная речь, с которой он выступил в суде, вылилась в знаменитую «Апологию» — уникальный литературный памятник и юридический документ.

Понятно, что доставшееся нам в наследство законченное произведение существенно отличается от первоначальной речи, произнесенной в суде. Сам Апулей свидетельствует, что написал ее за четыре дня. Едва ли в ней содержались пассажи, которые трудно рассматривать иначе, чем апологию магии. Впрочем, как знать. Апулей защищался с большим искусством, издеваясь над противником и не брезгуя демагогией.

«Теперь я приступаю к самому обвинению в магии; его запалили с невероятным шумом, чтобы возбудить ненависть ко мне, но, вопреки всеобщим ожиданиям, огонь поддерживали какими-то бабьими сказками, и все обвинение сгорело дотла. Ты видел когда-нибудь, Максим, как пламя, охватив солому, звонко потрескивает, далеко бросает свой отблеск и быстро растет? Но вот — легкая солома сгорела, пламя угасло, и от костра ничего не осталось. Вот тебе обвинение того же сорта — оно начинается с брани, многословно, но бездоказательно, а после твоего приговора оно исчезнет, не оставив после себя никаких следов клеветы. Все это обвинение направлено у Эмилиана к одной цели — доказать, что я маг, и поэтому мне хочется спросить у его учнейших адвокатов: что такое маг?

Ведь если, как читал я у многих писателей, на языке персов «маг» — то же самое, что наше «жрец», что же это, в конце концов, за преступление — быть жрецом, изучить, как принято, законы священных обрядов, правила жертвоприношений, различные

религиозные системы, понимать их и хорошо в них разбираться? А если магия — это то, что понимает под этим словом Платон, упомянутая, каким наукам обучают персы юного наследника царского престола...

Слышите ли вы, безрассудные обвинители магии? Это — наука, угодная бессмертным богам, обладающая знанием того, как чтить их и поклоняться им. Она безусловно священна, и божественное ведомо ей, она знаменита еще со времен Зороастра и Оромаза¹, своих основателей. Она — жрица небожителей, ее изучают как одну из наук, особенно необходимых царю, и у персов не разрешают сделаться магом первому встречному, как не разрешают ему и стать царем. Тот же Платон в своем диалоге так написал о некоем Залмоксе, родом фракийце, но занимавшемся той же наукой: «Заговоры — это прекрасные слова» (цитируется на греческом. — Е. П.). А раз так, то почему бы мне и не знать прекрасных слов Залмокса или жреческого искусства Зороастра?.. Но если, вместе с толпой, мои обвинители думают, что маг это только тот, кто вступил в общение с бессмертными богами, узнал какие-то невероятной силы заклинания и поэтому может испоганить все, чего не пожелает, то я чрезвычайно изумлен, как они не побоялись обвинять человека, который, по их же собственным словам, обладает такой безграничной властью. Да, потому что столь таинственное и божественное нельзя сравнить ни с чем остальным, и от него не уберешься. Если кто-нибудь привлечет к суду убийцу, то появляется на улице с провожатыми; кто обвиняет отравителя, бывает особенно осторожен в еде; кто уличит вора, оберегает свое имущество. Но уж если кто-нибудь посягнет на жизнь мага (я употребляю это слово в том смысле, какой ему придают они), то какими провожатыми, какими предосторожностями, какой охраной сумеет этот человек предотвратить невидимую и неизбежную гибель? Разумеется, никакими. Вот почему обвинять в таких преступлениях — значит не верить в них».

Сногшибательный адвокатский выверт! Завуалированная угроза суду, едва успев прозвучать, сменяется разворотом на 180 градусов и выпадом; выбивающим оружие из рук противника. Вспомним разговор Аполлония с Тигеллином в тюрьме!

3

— Итак, ежели мы тверды, идем в Рим, — сказал ученикам Аполлоний. — А в ответ на указы Нерона, воспреещающие философию, есть у нас строка из Софокла: «Нет! Сей закон не Зевсом мне указан».

---

¹ Вслед за Платоном Апулей рассматривает Оромаза (бога Ахурамазду) как отца Зороастра.

Увы, пребывание в Риме грозило Аполлонию куда более серьезными последствиями, нежели Апулею наветы Эмилиана. Суть в том, что в то время действовал эдикт Нерона об изгнании волхвов.

Из тридцати четырех учеников лишь восемь решились последовать за пророком.

— Не стану попрекать отступников, — ободрил его не покинувших, — а вот вас более всего хвалю за то, что вы — совсем как я. Я отнюдь не сочту трусом того, кто бежал в страхе перед Нероном, но ежели кто оказался выше страха, то в таком муже приветствую я философа и научу его всему, что сам знаю.

Консул Гай Луций Телесин, друг Аполлония, выхлопотал ему разрешение посещать храмы, но заклинал, ради собственной безопасности, воздержаться от вызывания духов и прочего чудодейства.

Обосновавшись в Вечном городе, Аполлоний занимался одним врачеванием. Несмотря на то что он излечил множество недужных, а еще большие толпы осаждали его порог, приглашения во дворец так и не последовало. Чтобы повидаться с Нероном, пришлось пуститься на хитрость. По городу разнесся слух, пущенный самим Аполлонием, будто бы он поднял из гроба какого-то юношу. Нашлись и «очевидцы» чудесного воскрешения, оказавшегося на поверку ловким трюком. Авантюра, на которую пустился снedaемый честолюбием маг, который так и лез в большую политику, могла бы закончиться скверно, но, на его счастье, дело ограничилось высылкой. Нерон оказался таким же трусом, как и Тигеллин, и не решился тронуть столь могущественного колдуна.

Филострат всячески старается обелить своего героя. Из книги следует, что Аполлоний не только не общался с темными силами, но, напротив, оказывал им мужественное сопротивление: избавил своего ученика Мениппа от эмпусы¹, победил демонов, наславших чуму на Эфес, исцелил сонмы бесноватых, проявив тем самым благую силу экзорциста.

Тем не менее подозрение в черной магии преследовало философа-пифагорейца всю жизнь. И даже смерть его не развеяла суеверной молвы. Одни полагали, что он умер, притом окончательно, в 97 году при Нерве, другие — будто внезапно, как то было в суде, исчез, третьи, и таких большинство, намекали на жизнь вечную.

Филострат пишет, что по прошествии тридцати дней после убийства Домициана «было доставлено к Аполлонию послание от Нервы, в коем тот извещал, что милостью богов и Аполлония вступил во владение Римской державою и что легче будет ему править, ежели поступит к нему Аполлоний в советники».

---

¹ Привидение из свиты Гекаты, многоликое и изменчивое ослиная морда, пес, прекрасная дева и т д

Казалось бы, вот он, звездный час, когда властелин и маг могут объединить усилия, но были исчислены сроки цезаря, которому оставалось жить чуть поболее года, и самого пророка.

Написав ответное письмо, он повелел Диомиду вручить его императору в собственные руки.

— В этом деле не обойтись без тебя, ибо я тут пишу государю о некоторых не подлежащих разглашению предметах, и тайна эта столь сокровенна, что в письмо это можно заглянуть лишь нам с тобою.

Письмо не сохранилось, что же до тайны, то Аполлоний частенько говаривал:

— Живи тайком, а ежели не умеешь, хоть помирай тайком.

Диомид с опозданием догадался, что учитель потому и отослал его, чтоб отойти без свидетелей. Исчезнуть без следа, как это обычно проделывал.

«О том, как умер Аполлоний — ежели умер, — оговаривается Филострат, — рассказывают всякое...»

По некоторым сведениям, он опочил в Эфесе, согласно другим преданиям, это случилось в Лииде: вошел в храм Афины и сгинул. А еще говорят, что на Крите перед ним сами собой растворились двери святилища Диктины и тут же захлопнулись у него за спиной. Изнутри же прозвучало девичье пение: «Вознесись от земли к небу».

«У Дамида ничего не сказано также и о годах Аполлония, — заключает повествование Филострат, — а было ему по иным сведениям восемьдесят лет (как Будде! — *Е. П.*), а по иным — за девяносто, а по иным — и за сто перевалило, хотя был он телом крепок и статен, красоты же ему с годами лишь прибавлялось».

Еще в XVIII веке иллюминаты считали, что Аполлоний все еще жив, ибо, обладая философским камнем, сумел изготовить эликсир бессмертия.

Такие же байки сложились и по смерти Сен-Жермена.

Автор антихристианского памфлета Гиерокл пытался доказать, что Аполлоний совершил больше чудес, чем Иисус, и вполне мог бы стать основателем нового вероучения. Александр Север, молившийся всем богам без разбора, высоко почитал чудотворца из Тианы, а императору Аврелиану (214—275), основавшему государственный культ Непобедимого Солнца, он являлся во сне¹. Но все это лишь подбавляло жару под плавильным котлом культов, где кристаллизовался сверкающий сплав величайшей из мировых религий.

Через некоторое время после ухода Аполлония он будто бы явился в Тиану, где собрались его ученики, и «пропел предивные стихи о душе»:

¹ Вступив в Эмесу, он принес жертвы в храме Гелиогабала. Убит заговорщиками.

Смерти не знает душа и, промыслы также подвластны,
Словно стреноженный конь, на волю из тесного тела
Рвется она, отрясая постылые путы,
Дабы в родимый эфир воротиться от мук многотрудных.
Срок придет, и поймешь, а ныне без толку: толки.
Ты средь живых и жив — не впрок тебе эта наука!

Эфир, Брахман, Адибудда, Абсолют — Душа мира.

На память приходят эзотерические строки Платона:

Прежде звездой восточной светил ты, Астартой, живущим,
Мертвым ты, мертвый теперь, светишь вечерней звездой.

ГИБЕЛЬ БОГОВ

Суждена всему, что творит природа
(Как его мы ни мним могучим), — гибель.
Все являет нам роковое время
хрупким и бrenным.
Новое русло прокатают реки,
Путь привычный свой на прямой меняя,
Руша перед собой неуклонным током
Берег размытый.

Сульпиций Луперк

Первые шаги по превращению христианства в государственную религию были сделаны при императоре Константине (306—337), сыне Констанция Хлора, иллирийца, провозглашенного цезарем в 293 году.

Невдалеке от Колизея и поныне величественная арка со словами:

«Императору Цезарю Флавику Константину Величайшему, Благочестивому, Счастливому Августу сенат и народ римский посвятили замечательную арку в честь его триумфа, что он со своим войском по внушению свыше и благодаря величию своего ума с помощью справедливого оружия освободил государство одновременно и от тирана и от всей его клики».

Это единственная римская арка, сооруженная за победу не над внешним врагом, а в междоусобной борьбе. Не к чести римлян, для ее украшения были сняты скульптуры с арки Траяна, считавшегося лучшим императором за все время существования империи.

Сенат к тому времени потерял какое-либо значение, а плебс раболепствовал перед императором, словно перед каким-нибудь восточным владыкой.

Тираном же назван Максенций Аврелий (280—312), последний император, стремившийся возродить величие Древнего Рима. Поворот Константина к христианству произошел, видимо, в период борьбы с Максенцием, потерпевшим поражение в битве у Мальви-ева моста возле Рима.

В 313 году Миланским эдиктом христианство было признано равноправной религией. Этот процесс завершился лишь в правление императора Юстиниана (527—565), хотя у истоков его стояла еще мать Константина Елена, дочь трактирщика. Взойдя на трон, Констанций Хлор вынужден был расторгнуть неравный брак и жениться на Феодоре, родословная которой тоже оставляла желать лучшего. Елена, однако, сохранила почетное положение при дворе и пользовалась большим влиянием. Ей было присвоено официальное имя Флавия Юлия Елена Августа.

Соправитель тяжело больного Констанция Хлора, носивший официальное имя Цезарь Гай Галерий Валерий Максимилиан Ав-

густ, однажды как бы в шутку втолкнул молодого Константина в клетку со львами. Не исключено, что именно этот случай заставил его с особым вниманием прислушиваться к рассказам матери о страданиях христиан.

В борьбе за власть Константин не брезговал средствами. В опоре на христианскую общину ему виделся еще один ловкий политический ход. Новая религия широко распространилась по всей империи, и среди ее последователей набралось немало влиятельных людей. Куда разумнее было считать их друзьями, нежели противниками. Веротерпимость стала насущной необходимостью.

Учтя богатый опыт прошлого, Константин распустил преторианцев и сравнял с землей их лагерь, а последовательное увеличение членов сенаторского сословия фактически лишило его властных функций. Император соблюдал показной пиетет в отношении древних латинских богов и принял христианство лишь незадолго до смерти.

Я возносил мольбы к Астарте и Гекате,
Как жрец, стотельных жертв сам проливал я кровь,
И после подходил к подножиям распятий
И славил сильную, как смерть, любовь.

Валерий Брюсов

Император не славил любовь. Религия была для него лишь рычагом политики, не более.

Церковь постаралась увековечить его память, благодаря чему уцелела замечательная конная статуя Марка Аврелия, которую не слишком грамотные средневековые монахи приняли за благодетеля христиан Константина. Его мраморное изваяние по сей день стоит в соборе Сан-Джованни ин Латерно возле Латернского дворца пап, которые унаследовали от цезарей титул великого понтифика.

К столице империи на семи холмах Константин не проявлял особенно теплых чувств. Обретя неограниченную власть, он превратился в такого же свирепого деспота, как, скажем, Диоклетиан, чью политику взялся продолжить. Его алчность, расточительность и неумеренное стремление к азиатской роскоши превратились в непомерное бремя для граждан империи, веками кичившихся своими законами и правами. Всему этому пришел конец, как, впрочем, и самому Риму, который заполнили иноплеменные толпы. Франки, германцы, сирийцы стали занимать даже консульские посты.

Покинув столицу уже на четвертый месяц после победы над Максенцием, Константин сделал своей временной резиденцией Трир в Германии, а потом начал переезжать с места на место. После Аквелеи и Медиолан (Милан) он перебрался в Паннонию, затем в Фессалоники (Салоники) и, наконец, в родной иллирийский Нэсс (Ниш).

Место для новой столицы он наметил на Босфоре, где Европа сходится — или расходится? — с Азией. Так было положено начало

расколу на Западную и Восточную империю. Классический Рим, по сути, был брошен на разграбление свирепым кочевым племенам. Начался отсчет эры Второго Рима и его императоров, принявших затем греческий титул базилевс.

Византия поочередно носила названия Византиона, Нового Рима, Константинополя. Арабы называли столицу империи Константиэ и Фаруком, турки — Исламбулом, Дерсаадетом, Дералиэ. Ныне закрепилось одно-единственное — Стамбул, или, вернее, Истамбул. Возможно, от греческого Стин Полин, что означает «в городе». Впрочем, как знать? Византия прославилась непостоянством. Не уступающая в славе Афинам и Риму, она выросла на возвышенностях, что простираются между Золотым Рогом, Пропонтидой (Мраморное море) и Босфором. Последнее словообразование означает по-гречески «бычий проход». Именно здесь переправилась из Европы в Азию превращенная в телицу возлюбленная Зевса Ио. В сущности, ту же операцию совершил и Константин, перенес столицу на Восток, но так окончательно не определился, застряв на рубеже двух континентов. Заполучив Константинополь, османы унаследовали эту так и не преодоленную двойственность — красное полотнище Турецкой республики в равной мере принадлежит исламу и христианству, а по существу — лунным богам Египта и Вавилона — Хонсу и Сину.

Мало кому известно, что султан Мехмет Второй взял в качестве официальной эмблемы полумесяц — древний знак Византии, добавив к нему свою счастливую звезду. Едва ли правоверный покоритель Константинополя предполагал, что лунный серп станет излюбленной эмблемой мусульманского мира, и уж тем паче не намеревался воссоединить Сина с Иштар. Само собой получилось, что невольное возрождение ассирийской символики сопутствовало крушению Византийской империи. Недоставало для полноты священной триады лишь солнца, которое навсегда закатилось для Нового Рима.

Столицу Восточной Римской империи Константин «основал» 11 мая 330 года. Границы города, коему базилевс даровал свое имя, он провел острием копья. Кольцо стен вобрало в себя семь, как в Риме, холмов, стерегущих берега Пропонтиды и Золотого Рога. Правда, первичный контур охватывал лишь пять возвышенностей, но все равно по площади новая столица значительно превосходила оставленный Рим. Второй Рим мистически словно бы замещал Первый. Минут века, и, соткавшись из «воли и представления», Москва — Третий Рим — возомнит себя восприимницей исчезнувшей Византии. Не столько в иконописи, что, безусловно, отвечало действительности, сколько в сфере разнообразных идей, в том числе геополитических: «Четвертому Риму не бывать!»

Константин желал быть императором Нового Рима, которого не было ни во времени, ни в пространстве. Оттого и приходится закавычивать торжественный глагол «основал», что на месте Констан-

тинополя почти тысячу лет находился богатый греческий полис Византий. «Основанный» выходцами из Мегары по меньшей мере в 660 году до н. э., он, в свою очередь, опирался на многовековой культурный слой. Так что и легендарного мегарца Византа нельзя считать основателем.

Недаром фараон Амазис, поведав историю Атлантиды, попенял Солону: «Вы, эллины, всегда дети, а старца эллина нет... не имеете вы в душе ни одного старого мнения, которое опиралось бы на древнем предании, и ни одного знания, поседевшего от времени».

Мы дети страшных лет России
Пути не помним своего

Александр Блок Скифы

Инфантильную эту беспамятность можно, конечно, переадресовать тем же грекам, византийцам, откуда Третий Рим заимствовал не только веру, но и официальный чин, и примат государственного над личным. Отсюда — неистребимая предрасположенность к мессианству, к утопии, ностальгическая тяга на Босфор с Дарданеллами, которой страдали не только цари, но и генералиссимус Сталин.

Короче говоря, эмблематическим актом «основания» базилевс Константин перечеркнул чужую историю, чтобы начать свою, вселенскую.

«Византий мыслится нетождественным себе, но зато тождественным Риму, — с филигранной точностью формулирует в «Поэтике ранневизантийской литературы» С.С.Аверинцев. — По сути дела, этот город не имеет имени, а только титул — Новый Рим. Наименование, которое ему дали наши предки как городу царей и царю городов, — Царьград — тоже представляет собой титул».

Просуществовав свыше тысячи лет, Константинополь пал под ударами османов 29 мая 1453 года, или в двадцатый день Джемадиул-ахир 857 года хиджры. Эра сменяется эрой. Конец одного цикла служит началом другого. Византия исчезает с политической карты, а город-миф, город-перевертыш, меняя летоисчисления и богов, будет жить под новым именем, сохраняя верность золотому серпу Луны.

Географическое положение столицы Восточной Римской империи, окончательно размежевавшейся с Западной лишь в 395 году, позволило Византу безраздельно господствовать над Восточным Средиземноморьем и Черным морем. После падения Рима, разрушенного готами и вандалами, значение Константинополя еще более возросло. Христианство, подточившее устои Первого Рима, возвеличило Новый Рим, единственный во Вселенной. Власть императора-базилевса, признанного наместником бога на земле, распространялась на всю Малую Азию, Балканы, Египет, Сирию, Палестину, Кипр, Крит и острова Эгейского моря. В состав империи входили отдельные районы Аравии, Месопотамии, Армении,

греческие полисы Крыма. Но нет ничего вечного на земле. Византию ожидала участь всех великих империй. По иронии судьбы, последний базилевс тоже был наречен именем Константина. Начав с крепости Румили-Хисар, султан Мехмет отнял у него последнее — Константинополь и жизнь. «Лучше тюрбан, чем тиара!» — провозгласили столпы ортодоксальной церкви, когда встал вопрос о союзе с римским папой. Яростный спор в храме святой Софии вылился в уличные беспорядки. Через семь месяцев тюрбаны заполонили святилище. Мехмет вступил в город через Харисейские ворота.

Первым делом султан отправился взглянуть на святую Софию. Однако он не ворвался в собор верхом, как гласила о том молва, да еще по горам окровавленных трупов. Осада длилась пятьдесят четыре дня, и город, конечно же, пострадал, но чудовищных зверств и особо памятных актов вандализма не отмечено. А вот крестоносцы по пути в Святую землю действительно основательно порезвились в Царьграде. Это они ввели своих лошадей в православный храм, благо широкая, мощенная каменными плитами галерея в семь поворотов позволяла поднять на верхние ярусы любую повозку. А надобность в этом была. Паладины четвертого похода вывезли восемнадцать тонн золота. Кони, ослепленные жарким блеском церковной утвари, шарахались и вставали на дыбы.

Все это случится через тысячу лет, а мы стоим в самом начале эона Византии и ее базилевсов.

В традиционной паре властитель — маг, невзирая на растущее влияние христианского духовенства, практически ничего не изменилось.

Нет особой нужды для блуждания по не менее, чем римские, запутанным подземельям Константинополя с их гигантскими цистернами для воды, чтобы убедиться в полной преемственности традиций.

Достаточно привести одну-другую выдержку хотя бы из «Хронографии» Михаила Псела. Он родился в 1018 году в конце полувекового царствования Василия II Болгаробойцы (976—1025), которое совпало с расцветом Восточной Римской империи. Умер Псел, скорее всего, в девяностых годах, пережив по крайней мере, одиннадцать императоров и двух самодержавных императриц: Зою и Феодору. За свою долгую жизнь он многое повидал: разделение в 1054 году христианской церкви на западную и восточную, чудовищные зверства, низкое коварство, оголтелый разврат, достойный Калигулы и Отона, всевластие евнухов, заправлявших всеми делами империи. Женщины на троне вели себя ничуть не лучше мужчин. «К старости стала Зоя уже нетверда рассудком, — короткими мазками набрасывает историограф психологический портрет, — но не то чтобы лишилась разума или сошла с ума, а просто потеряла всякое представление о делах и была совершенно испорчена царским безвкусием... была она то мягкой и расслабленной, то жесто-

кой и строгой, причем оба состояния сочетались в одном человеке и сменяли друг друга в мгновение ока и без всякой причины. Если кто-нибудь при ее неожиданном появлении бросался на землю, притворяясь, будто, как ударом молнии, поражен ее видом (такую комедию перед ней разыгрывали многие), то она сразу одаривала его золотой повязкой, но если он при этом начинал пространно выражать свою благодарность, тут же приказывала заковать его в железные цепи. Зная, что ее отец не скупился на наказания, лишая осужденных глаз, она подвергала такой же каре за малейший проступок...»

При всем при том была необыкновенно набожной и считалась сверх меры добродетельной и благочестивой!

Охраной базилевсов ведали исключительно евнухи.

Высшая придворная должность — паракимомен, которой удостоивались скопцы, давала даже большую, нежели у претора, власть. Паракимомены спали в покоях императоров и заботились ночью об их безопасности. Сплошь и рядом это были ближайшие родственники базилевса. Паракимомен Василий, незаконный сын Романа I Лакарина, получил должность главного министра при дворе Никифора II и Иоанна I Цимисхия.

По словам византийского хрониста Иоанна Скилицы, кастраты «все наполнили беспорядком и смутой и чуть было не погубили царство». Особенно рассчитывать на их преданность тоже не приходилось. Они были ничуть не лучше преторианцев, хотя чаще пускали в дело яд, а не меч.

Византийская иерархия поразительно напоминает китайскую. И не только по причине засилья евнухов. Сходство с мандарином обнаруживает и структура чиновничества, разделенного на пятнадцать рангов. Высшие из них входили в состав синклита, который возглавлял базилевс. Сразу за ним стояли внеградные кесари и новелисимы — обычно близкие родственники.

Свое место в иерархии занимали и приближенные к трону астрологи. Они снабжали гороскопами весь двор, хотя и кокетничали иногда своим скептицизмом, вроде нашего достойного информатора Псела. Ипат философ¹, монах-интеллектуал, он стыдится, оставаясь наедине с собой, «побочного», так сказать, ремесла.

«Однако люди оказывают мне больше чести, чем я заслуживаю: они думают, что если я изучил геометрию, то могу измерить небо, если кое-что смыслю в небесной сфере, то должен знать и о восходах, наклоне Зодиака, затмениях, полнолуниях, циклах, эпициклах, и полагают, что я умею предсказывать будущее, хотя и отвернулся от этих книг. Желая познакомиться с гороскопами, я действительно занимался этим вздором... и хотя знаю об игре случая и злом роке, тем не менее не верю, будто ход дел в подлунном мире определяется местоположением и сочетанием светил».

---

¹ Декан философского факультета.

Идеал Псела — философ-советник при монархе. Но если властелин желает приподнять завесы грядущего, приходится соответствовать, хотя о том, чтобы «истину царям с улыбкой подносить», нечего и мечтать.

Привилегией, именуемой парресия¹, дающей право свободно высказывать свое мнение, пользовались лишь наиболее приближенные к высочайшей особе вельможи. Астрологу и даже врачу, а Псел занимался и врачеванием, чаще оставалось лишь угадывать о том, что действительно надобно властелину. В этом-то и состоял главный секрет искусства.

Поклонник Платоновой идеи государства, Псел вынужден был держать при себе и неверие, и веру.

Чисто случайно выбранная для примера августа Зоя была далеко не худшей в прошедшей перед его глазами череде коронованных владык. Ее мозаичный портрет можно видеть в южной галерее собора святой Софии. В ночь на 19 апреля 1042 года она была вывезена на Принкип — самый большой из Принцевых островов, куда ссылали опальных вельмож. Через девять столетий там же обосновался высланный из СССР Троцкий.

Оставив в покое Зоину сестру Феодору, которая недалеко ушла от Мессалины, бросим беглый взгляд на внутрисемейные отношения византийских владык.

О «любви» к родне Михаила V Калафата, правившего всего-то пять месяцев (1041—1042), сообщает его тезка историк Атталиат. По его словам, император велел оскотить многих своих родичей, как мальчиков, так и уже зрелых мужей. О его отношении к матери Зое подробно рассказывается в «Хронографии».

«Императрицу и — вопреки здравому смыслу — собственную мать — он возненавидел еще раньше, когда получил царскую (титул кесаря. — *Е. П.*) власть, а за то, что некогда назвал ее госпожой, готов был сейчас откусить себе язык и выплюнуть его изо рта.

Царь был вне себя, слыша, как в совместных славословиях ее имя упоминают на первом месте. Сначала он отталкивал и отдалял от себя царицу, перестал делиться с ней своими планами, не позволял ей брать даже малой толики из царских сокровищ, всячески унижал и, можно сказать, выставлял ее на посмешище».

Задумав совершить государственный переворот, он посвятил в свой замысел самых близких сподвижников. Мнения высказывались разные: от полного одобрения до осторожного осуждения. Большинство сошло на том, что надобно запросить астрологов, насколько «благоприятен момент для действий и не препятствует ли... расположение светил». Царь внимательно выслушал каждого, но, готовый добиться своей цели любыми средствами, решил поступить, как задумал. Тем не менее астрологов призвал. Не раскрывая существа вопроса, он лишь спросил о том, насколько благоприятствуют звезды тому, кто отважился на большое дело.

¹ Буквально «свобода» (греч.).

«Астрологи, — Псел не упоминает о своем участии в совете, — произвели наблюдения, исследовали, насколько благоприятен момент, и, ничего не увидев, помимо крови и скорби, стали отговаривать царя от решительных действий; причем те, что похитрее, советовали только отложить их до другого времени. Но в ответ царь лишь громко расхохотался, с издевкой назвал их науку лживой и сказал: «Убирайтесь вон, своей отвагой я опрокину расчеты вашей науки».

Типичная реакция деспота.

Людям проникательным и причастным к дворцовым интригам нетрудно было проникнуть в тайные мысли царя, не прибегая к звездным наблюдениям. Астрологи знали настроения в столице и прекрасно понимали, к чему может привести переворот.

Заточив патриарха Алексея Студита в Пинерудский монастырь и отправив Зою на Принкип, Михаил спровоцировал народный бунт. Восстание, в котором приняли участие тысячи горожан, продолжалось три дня. Высланный патриарх самовольно явился в столицу и потребовал низложения узурпатора и вечером того же дня венчал на царство Феодору. В противовес этому Михаил вернулся с острова мать, но разъяренные толпы уже ворвались во дворец.

21 апреля, то есть уже на третий день после высылки Зои, царь, вместе с поспешившим к нему на помощь новелисимом Константином, укрылся в Студийском монастыре, но его достали и там.

Благочестивая Зоя не решилась предать смерти родного сына, но велела его ослепить. Такая же специфически византийская кара постигла и ближайших приспешников.

Картина экзекуции впечатляет.

«Лишившийся глаз новелисим, поднявшись с земли и опершись на руку одного из близких, заговорил с теми, кто приближался к нему, будто ему нипочем и сама смерть, был сильнее обрушившихся горестей. Что же до царя, то палач, видя, как тот боится и как без конца взывает к состраданию, связал его потуже и схватил покрепче, чтобы не разворотить ему лицо во время наказания. Когда вырвали глаза и у царя, всеобщее возбуждение и злоба улеглись, и толпа... снова устремилась к Феодоре. Из двух императриц одна в то время находилась в царском дворце, другая — в великом храме божьей мудрости¹... И пошли тут споры и пересуды, кому отдать власть. Старшая, однако, сама разрешила сомнения... Она договорилась с сестрой о царской власти, пригласила ее в сопровождении торжественной процессии к себе и сделала соправительницей. Феодора же, все еще трепеща перед сестрой, признала ее старшинство и уступила ей первенство, дабы царствовать вместе с Зоей и ей подчиниться».

Поставим точку на этой почти идиллической картине. Сестры смертельно ненавидели друг друга, и впереди Византию ожидали

¹ Св. Софии.

новые потрясения. Но нам вполне достаточно и этих отрывочных эпизодов, чтобы проникнуться духом «катакомбной истории» Второго Рима, «лучшего», как постоянно подчеркивал Псел. Куда интереснее вернуться к совету астрологов, о котором наш хронограф, явно обеляя себя, отозвался столь уклончиво.

Писателям свойственно проговариваться. При внимательном чтении создается впечатление, что Псел все же участвовал в совете, но далеко не на первых ролях. В самом деле:

«В то время было немало людей, посвященных в сию науку. Эти мужи — я был знаком с ними — не очень-то ломали голову над расположением и движением небесных светил на небосводе; ведь они не умели заранее и на основании законов геометрии указать и предвидеть их местоположение, но попросту устанавливали центры, выясняли восхождение и нисхождение Зодиака и все, что с ними связано, я имею в виду планеты — хозяева домов, а также места и границы фигур и какие из них благоприятны, какие неблагоприятны, и предсказывали будущее тем, кто к ним обращался с вопросами, причем некоторые из них даже отвечали впопад. Я рассказываю о таких вещах, поскольку сам знаком с этой наукой, издавна ею занимаюсь и помог многим астрологам в определении фигур...»

Жаль, что не названы поименно «эти мужи». Слова «я был знаком с ними» говорят очень о многом. Не исключено, что самые рьяные из астрологов тоже подверглись суровому наказанию. Пытаясь затушевать свою причастность, Псел пускается в описание технических приемов и терминов, как это сделал Апулей на известном процессе. Хронографу, удостоенному высоких придворных званий и кичащемуся успехами в медицине, о чем он постоянно упоминает, и здесь не удалось сдержать гордыню. Он явно подчеркивает свое превосходство в знании законов геометрии и провидческом умении. Признавая, что «некоторые даже отвечали впопад», он еще выше возносит себя. Куда, спрашивается, девалось его неверие?

Ревность к более удачливым, но невежественным, совсем как сегодня у нас, коллегам-звездочетам понятна. На сей раз Псел, оттесненный в тень, и не помышляет о том, чтобы откреститься от составления генитур. Напротив. И это тоже характеризует его как человека и мага, а с ним вместе и эпоху.

Время магии — «вечное теперь». Второй Рим мало чем отличался в этом смысле от первого, «худшего», по выражению Псела.

Как знать...

Вспарив, по законам магии, над временем и пространством, перенесемся ненадолго назад, в туманное утро ранней Византии.

«Наследует не сын, но племянник...» Не знаю, где и когда родилась эта поговорка, но в ней определенно таится глубокий исторический смысл. Суть не столько в кровной преемственности, сколько в деяниях наследников, подвергающих решительному пересмотру предшествующее правление. Такая тенденция определенно

просматривается на дальней дистанции от римских цезарей до генеральных секретарей.

Впрочем, иногда на смену почившему властелину и в прямом и в переносном смысле приходит племянник. Самый яркий пример тому — Юлиан II, прозванный Юлианом Отступником.

Флавий Клавдий Юлиан (332—363) был сыном Юлия Констанция, одного из сводных братьев Константина Великого, того самого, кто дал равенство в правах христианам и перенес столицу на Босфор.

Юлиан и родился в Константинополе, которому предстояло стать главной твердыней веры и, водрузив над миром крест, склониться перед полумесяцем: в 1453 году Константинополь пал перед натиском турок и был переименован в Истамбул. Это стало концом Византийской империи, которая до последнего дня называлась Римской.

Констанцию II, сыну Константина Великого и Фаусты, которую царственный супруг утопил в бассейне с горячей водой, Юлиан приходился двоюродным братом.

Он чудом избежал смерти, ибо его отец и почти все близкие родственники пали жертвами в извечной борьбе за власть. Рано потеряв мать Базилику, тоже происходившую из царского рода, мальчик остался круглым сиротой. Его содержали вдали от двора сначала в Каппадокии, где все еще помнили Аполлония, затем в Никомедии. Констанций II, человек хитрый, но недалекий, беспощадно разделившись с претендентами на власть, допустил явную промашку, сохранив жизнь малолетнему кузену. Назначив ему в воспитатели строгих христианских священников, он на первых порах бдительно следил за каждым шагом ребенка, но вскоре просто-напросто выбросил его из головы. Хватало иных забот.

Будучи христианином, Констанций оставался приверженцем «бабьих суеверий», как отзывались о нем современники. Считая себя повелителем вселенной, а не смиренным рабом Божиим, он совершенно не считался с главой церкви — римским епископом Либерием, которого в конце концов отправил в ссылку. Фактически бразды правления находились в руках евнухов, заполонивших покои дворца. Особенно могущественным был некий Евсевий.

Историк Аммиан Марцеллин не удержался от такой саркастической ремарки: «Констанций II имеет у Евсевия большую силу».

По всей видимости, Юлиан и уцелел лишь потому, что всевластный скопец имел на него определенные виды. Вопреки усилиям священников, будущий Отступник не только не проникся духом христианской харизмы, но, напротив, отвратился от нее. Его целиком захватила философия, особенно учение Платона. С увлечением читал он античных поэтов, внимательно изучал историю Рима.

Констанций смеялся, когда ему доносили, что брат превратился в законченного любомудра. Пусть себе, лишь бы сидел тихо.

Подрастая в уединении и тайно молясь языческим богам, Юлиан научился скрывать свои мысли и ни разу не дал повода для

державного гнева. К исконным богам он обратился под влиянием антиохийского ритора Либания и неоплатоника Максима, который до конца жизни оставался его первейшим наставником.

В 355 году Констанций удостоил его царского титула и женил на своей сестре Елене, названной в честь знаменитой бабки-христианки. Сразу после свадьбы Юлиан отправил в Галлию для защиты границ от варваров.

«Тогда повсюду ходила молва, — пишет в своей «Истории» Марцеллин, — что Юлиан был сделан цезарем не для того, чтобы облегчить трудное положение Галлии, но чтобы он сам погиб в жестокой войне, так как думали, что при всей своей полной неопытности в военном деле он не вынесет даже звука оружия».

Не тут-то было. Любомудр и тайный язычник явил завидное мужество и полководческий талант. «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря, которые с таким увлечением он изучал в отрочестве, оказались весьма кстати.

«Он явился на поле брани из тенистых аллей Академии и, поправ Германию, умиротворив течение холодного Рейна, пролил кровь и заковал в кандалы руки царей, дышавших убийством», — не без выпренности отзывается историк.

Скромностью и простотой обращения Юлиану удалось снискать уважение воинов, привыкших к суровой жизни и почти открыто осуждавших восточную роскошь византийских владык. В вожде они видели настоящего римлянина. Он ел пищу из солдатского котла, запретив подавать к столу такие яства, как жареный фазан или нафаршированная перепелиными грудками свиная матка, спал на бараньих шкурах и не знал досуга, всецело отдавался делам. Все так же тайно молясь Меркурию-Гермесу, который, согласно тайным, герметическим, учениям олицетворяет движущее начало мира и приводит в действие человеческий разум, молодой кесарь находил время для философских занятий и бесед с Максимом.

Марцеллин не скрывает любви к своему герою:

«...Он обращался к изощрению своего ума, и просто невероятно, с каким пылом одолевал трудную науку возвышенных истин, как бы в поисках пищи для своего возвышенного духа, тщательно изучая все разделы философии. Если его познания в области высших наук доходили до совершенства, то тем не менее он не пренебрегал также и низестоящими дисциплинами; так, он уделял некоторое внимание поэтике и риторике (о чем свидетельствует безукоризненное изящество его речей и писем, соединенное с серьезностью), а равно также истории Римского государства и других стран».

Достоинства просвещенного кесаря неоспоримы, хотя далеко не все обстояло так гладко, как виделось биографу. Сам Юлиан признавался в письме к Максиму, сколь тяжело ему давались трансцендентальная мудрость и та же риторика:

«Все разом обступает меня и не дает говорить — ни одна из моих мыслей не уступает дороги другой — назови это душевной болезнью или уж как тебе угодно».

Следует иметь в виду, что Максим Эфесский был не только философом, но, прежде всего, теургом: жрецом Гекаты — лунной богини сновидений и волшебства, — магом при будущем императоре. Его уроки во многом определили мироощущение Юлиана. Отсюда и особая приверженность к Меркурию, покровителю тайных наук Гермесу — Тоту.

Максим сопровождал ученику и на полях сражений, вопрошая богов, вымаливая удачу обильными жертвоприношениями. Властителям преисподней приносили в жертву, по древнему обычаю, петухов.

В битве при Аргенторате (357) Юлиан разбил войска алеманнов и франков. В 360 году в Лютеции (Париж) легионы подняли его на щит и провозгласили императором. За неимением диадемы кто-то из воинов сорвал с себя цепь знаменосца и увенчал ею вождя.

Он оказался в трудном, смертельно опасном положении.

— Храбрые и верные защитники, — сняв импровизированный символ верховной власти, он обратился к войску с проникновенной речью, — вы, которые вместе со мной не раз рисковали жизнью, вправе ожидать от меня правильного и осмотрительного решения. Едва войдя в годы юности, облаченный лишь для вида, как вы знаете, в пурпур, я был божеским соизволением вверен вашей охране и никогда не отступал от велений долга. Я был рядом с вами в минуты опасности, когда дикие народы дали волю наглости и обрушились на города наших провинций. После таких славных подвигов потомки будут славить ваши заслуги перед государством. Я уверен, что и впредь вы всей силой доблести будете стоять за того, кого вознесли на такую высоту.

Отказаться он не мог, но и принять венец не считал возможным, опасаясь гражданской войны. Понимая, что окружен шпионами, поспешил отправить в Константинополь послание, в котором сообщал, что по-прежнему будет подчиняться приказам императора и фактическое положение дел никак не изменится.

На его счастье, до прямого столкновения дело не дошло, хотя отношения оставались натянутыми. Долго так продолжаться не могло, и, укрепя сердце, Юлиан отдал приказ вступить в Паннонию, чтобы захватить Дакию и обрести тем самым надежный плацдарм.

«Двинув армию в поход, он бросился навстречу превратностям судьбы».

Максим заверил ученика, что древние боги Рима на его стороне, и принес жертвы Юпитеру, Марсу, Янусу и Белоне. И случилось чудо: Констанций неожиданно тяжело заболел и почти в одночасье скончался. Власть сама упала в руки полководца-язычника.

«Возгордившись удачами, Юлиан чувствовал себя как бы сверхчеловеком. Он счастливо вышел из длительных опасностей, и, казалось, сама Фортуна с рогом изобилия в руках... сулила славу ему, спокойно властвовавшему над римским миром. К прежнему его победам добавила она то благо, что, когда он стал единодержавным повелителем империи, ему не пришлось бороться с внутренними врагами, а ни один варварский народ не вышел за пределы своей

территории. Все народы со свойственной людям страстью корить прошлое за грехи и обиды единодушно слагали ему хвалу...

Он издал ясные и определенные указы, разрешившие открыть храмы, приносить жертвы и восстановить культы богов. Чтобы придать большую силу своим распоряжениям, он созвал во дворец христианских епископов, пребывавших в раздоре друг с другом, и народ, раздираемый ересями, и в дружественном тоне стал их уговаривать забыть распри, чтобы каждый, не подвергаясь опасности, исповедовал ту религию, которая ему нравится. Он особенно настаивал на этом, рассчитывая на то, что свобода вероисповедания приведет к увеличению религиозных раздоров и тогда не надо будет бояться единодушия простого народа. Он знал по опыту, что дикие звери не проявляют такой ярости, какую проявляют большинство христиан в своих внутрирелигиозных разногласиях».

Вывод Марцеллина столь же неожидан, сколь и парадоксален.

Юлиан успел зарекомендовать себя тонким и умудренным государственным деятелем. Он успешно провел реформы финансовой и налоговой системы, расширил права муниципальных курий, усовершенствовал почту, оздоровил армию. Едва ли он ставил извечный принцип «разделяй и властвуй!» в своей религиозной политике. Никаких преследований при нем не было, хотя, видимо, памятуя о собственном детстве, он и запретил священникам заниматься педагогической деятельностью.

По сути, он повторил реформу Константина Великого, утвердившего веротерпимость. С той лишь, безусловно, существенной разницей, что вектору было придано обратное направление. Это была попытка реставрации, по размаху и глубине почти равная религиозной революции Эхнатона, но столь же малоуспешная.

Слишком уж утопичной выглядела конечная цель: создать нечто вроде языческой церкви, соединив античную философию с древними верованиями. Масло в священном сосуде давно выгорело. К середине IV века язычество, утратив творческий потенциал, приобрело оттенок шутовства, фарса.

Даже Марцеллин, несомненный поклонник Юлиана, сохранивший к тому же приверженность к исконному культу, был вынужден отметить:

«Прозвали Юлиана не почитателем богов, а прислужником жреца, так как многие высмеивали его частые жертвоприношения».

Не погромы, которые учиняли фанатики, круша мраморные изваяния олимпийцев, а смех обрек на поражение романтическую попытку дважды вступить в одну и ту же реку.

В 363 году Юлиан предпринял давно подготовляемый поход против персов, которыми правил Шакур II Сасанид. Ромейской, как называли ее византийцы, армии удалось достичь стен Ктесифона, но взять вражескую столицу оказалось не под силу. Пришлось отступить. В кровопролитном сражении базилевс получил смертельную рану. Умер он на руках Максима, а Либаний написал

эпитафию, подробно описывающую жизнь одного из самых загадочных императоров еще не разделенного Рима.

По единогласному мнению христианских историков, правление Юлиана грозило церкви если не совершенным уничтожением, то небывалым упадком.

Едва ли. Идеи, пока они способны воспламенять сердца, неуничтожимы.

После смерти Юлиана фанатичные толпы бросились громить и жечь памятники античного гения по всей империи, и только Рим, где язычество сохранило крепкие корни, избежал глумления и разора.

Минет всего одно поколение, и орды вестготов под предводительством Алариха вторгнутся в границы империи.

Максим Эфесский подвергся жестокой казни, а его ученик обрел бессмертие литературного героя. Ему посвящено множество самых разных книг, и он по-прежнему вызывает горячие споры.

«Все это — подражание галилеянам, все это — новое, неизвестное древним мужам, героям Эллады. Юлиан, Юлиан! Разве боги твои — прежние олимпийцы, лучезарные, беспощадные — страшные дети небесной лазури, веселящиеся кровью жертв и страданиями смертных? Кровь и страдания людей — нектар и амброзия богов».

Д. С. Мережковский. Смерть богов (Юлиан Отступник)

Любая оценка издалека неизбежно выливается в штамп, окарикатуренный примитив. Истинные цели таких властителей, как Эхнатон, Юлиан или Павел I, возложивший на себя знаки гроссмейстера католического ордена святого Иоанна Иерусалимского, никогда не будут разгаданы до конца.

ТЕМНЫЕ ВЕКА

**Капитула
четвертая**

КАДУЦЕЙ ГЕРМЕСА

Египтяне увлекались философией посвоему. Это видно из их священных церемоний. Впереди выступает Певец, несущий символы музыки. Говорят, что он должен был изучить две книги Гермеса, одна из которых содержит гимн богам, а вторая — правила царской власти. После Певца выступает Астролог, с гороскопом в руке и пальмой, символом астрологии.

Климент Александрийский

Древние авторы рассказывают, что в одном из походов Александру Македонскому показали гробницу Гермеса Трисмегиста. Не будем гадать о том, чей прах покоился под безымянным камнем, на который походя взглянул полубог. Над этой загадкой бились поколения исследователей и толкователей древних текстов, но так и не пришли к единому мнению. Может быть, потому, что нет ее, загадки, а есть повенчанная с мифом схоластика.

Боги Олимпа не мыслились изначальными. Как и у людей, у каждого из них была своя биография, место рождения и, следовательно, дата его, пусть точно не зафиксированная. Громовержец Зевс вырос на Крите, владычица любви Афродита появилась из пены морской на острове Кипр.

Пока приносились жертвы на алтари и живая кровь веры питала олимпийцев, они мнились бессмертными, но настала пора, и языческим богам пришлось, вслед за Паном, уйти в небытие. Как неохотно, как мучительно долго уходили те, кому принадлежала одухотворенная земля с ее горами и реками, заповедными рощами и вещим небом — усыпанным звездами, подоженным зарей!

Анатолию Франсу удалось передать в «Святом сатире» щемящее чувство прощания с природой, вернее — угасания, наполняющего природу животворного духа языческих игрищ:

«Увы! И я состарился, ибо я только бог, и века посеребрили волосы у меня на голове и на груди; они погасили пыл моих чресл. Я был уже обременен годами, когда умер великий Пан, а Юпитер, претерпев ту же участь, которой он подверг Сатурна, был низложен Галлилеейном. С тех пор я начал хиреть и чахнуть, а под конец даже умер и был похоронен в гробнице. И поистине я только тень самого себя. Если же я еще хоть отчасти существую, то потому лишь, что в мире не пропадает ничего и никому не дано умереть совсем. Смерть не совершенней жизни».

Греческие гиды охотно показывают туристам могилу Зевса, благоразумно обходя логический тупик, над которым безуспешно ломали голову богословы. С одной стороны, всякая вещь, имеющая начало, должна иметь и конец, с другой — бессмертная сущность не знает смерти, а бестелесное не оставляет праха.

Бесполезно вымерять циркулем рационализма расплывчатые контуры мифа. Если могли умереть великие боги Зевс и Пан, то почему бы и Гермесу — очаровательному послу Олимпа — не иметь своей могилы, затерянной где-нибудь в варварийской глуши?

Кто же он, этот сын Зевса, с увитым змеями жезлом-кадуцеем, давший имя своему «герметическому искусству» — алхимии и «герметическому знанию» — оккультизму? Покровитель плутов и торговцев Меркурий (римский эквивалент) или ибисоголовый египетский Тот, путеводитель душ и родоначальник тайных наук? А может быть, всего лишь жрец Меркурия-Тота, оставивший после себя сорок два рукописных свитка, чьи устремления высоки, а смысл смутен?

Последний вариант, снимавший неразрешимые теологические трудности, и взяли на вооружение теософы и оккультисты.

Мифологический певец Орфей, с именем которого связаны элевзинские мистерии и орфические гимны, настолько прочно утвердился на культурном Олимпе, что его причисляют к неопределенной категории «полуисторических» лиц. Тем более это правомерно в отношении Гермеса Трисмегиста.

Герметические трактаты действительно рисуют легендарного Трисмегиста скорее земным, нежели небесным посланцем божественной воли, вещающим свои откровения через сыновей Тота — Асклепия и Амона.

Трудно сказать точно, где и когда жил человек, выбравший себе и своим воображаемым наследникам столь претенциозные литературные псевдонимы. Тем более что за ними могла скрываться целая авторская бригада, растянувшая свою анонимную деятельность на века.

Греческий философ Ямвлих приписывал Трисмегисту авторство двадцати тысяч книг, александриец Манефон — и того более: тридцати тысяч! Возможно, мы и приблизимся к этим числам, взяв в купе всех провозвестников герметического учения.

Исторический контекст трактатов позволяет дать, пусть самую приблизительную, хронологическую привязку.

Климент Александрийский (II—III века), имевший обыкновение обильно цитировать сочинения современных ему гностиков, не упоминает ни имени Трисмегиста, ни названий его трудов. Зато Климент подробно перечисляет папирусы бога Гермеса, вернее, Тота, обнимающие всю иератическую¹ мудрость Египта: божественные песнопения, астрологию, медицину, включая физиологию женщины и гигиену. Но спустя столетие Лактанций уже приводит ссылки на Гермеса Трисмегиста, хотя и не упоминает его «Асклепия». Это позволяет сделать вывод, что основные герметические трактаты появились в Александрии где-то в середине третьего века. Причем были они написаны по-гречески, что видно из характерной игры слов, а не переведены с египетского, как сочинения «Гермеса-бога».

¹ Жреческую.

Более того, весь египетский их элемент откровенно заимствован из упомянутого Климентом свода.

До нас дошли четырнадцать трактатов Трисмегиста, объединенных в общий сборник под названием «Пемандр», или «Пастырь мужей», где автор излагает поучения божественного разума; книга «Асклепия», или «Посвятительная речь»; четыре отрывка из книги «Дева Мира», разрозненные фрагменты диалогов с «сыновьями», а также три «определения» Асклепия царю Амону: о солнце, демонах и телесных страстях.

Им и суждено было окропить живой водой буйные всходы всех последующих оккультных учений.

Трисмегист смело перемешал между собою «три первоэлемента» грядущей средневековой мистики: иудео-христианский монотеизм с его реликтами солнечных поклонений, египетское многобожие, инстинктивно тяготеющее к эзотерическому синтезу, и философский идеализм греческой Александрии.

В первом трактате идея Единого Бога отождествляется с божественным разумом в образе света, противостоящего влажному началу, созданному тьмой. Разум, как свет, излучающий свет, порождает слово. Разум поэтому бог-отец, а логос — сын божий. «Откуда, — вопрошает Трисмегист своего небесного собеседника, — произошла стихия природы?» Из воли Бога, который, взяв свой Логос и созерцая в нем порядок и красоту, создал мир по этому прототипу, — разъясняет Пастырь мужей.

Далее выстраивается гностическая цепь: «Разум — бог мужской и женский, жизнь и свет, рождает черед Логос Божество огня и духа, которое, в свою очередь, образует семь служебных духов, обнимающих своими кругами чувственный мир и управляющих им посредством так называемой судьбы». Смешав библейскую идею творца с гностическим символом Гермафродита — падшего зона-андрогина, Трисмегист поставил перед человеком дерзновенную, еретическую в самой основе задачу — посредством совершенного знания соединиться с божеством и стать его воплощением. Бестрепетная скорбь египетской «Книги мертвых», повествующей о загробных странствиях души, обретает у Трисмегиста явственные контуры пифагорейской абстракции, а отголоски индуистских мелодий вливаются в мощный орфический гимн.

«Смерть есть наше освобождение от уз матери. Тело есть куколка (кризолида), которая открывается, когда мы созрели для более высокой жизни. При смерти наш дух выходит из тела, как аромат из цветка, ибо дух заключен в теле, как аромат в семени цветка».

Трактат «Асклепий».

Как не вспомнить здесь о практике подвижников-шиваитов, о тантрической медитации, о мусульманских аскетах из ордена суфи?

Не о реальном познании мира говорит Трисмегист, а о «разумной жертве души и сердца», о сосредоточенном погружении в абсолют, отрешении от желаний и мысли.

«Наша мысль не может представить себе божество, и наш язык не может его определить. Бестелесное, невидимое, не имеющее формы не может быть воспринято временем. Божество есть абсолютная истина и абсолютное могущество, а абсолютно-неизменное не может быть понято на земле».

Отсюда он совершенно закономерно приходит к теургии: чудотворству и волшебству.

Подобно тому, как верховное божество эмануирует отдельных богов в небесных сферах, человеку дана сила творить богов в посвященных им храмах, изучать материю и создавать формы для чудотворных, пророческих проявлений невидимых сил.

В иерархии сфер царит творец вселенной, в эфире царит солнце, управляющее движением звезд и светил, луна повелевает душами и демонами, а царь, помазанник Божий, владеет землей, населенной людьми.

Как и пророки богов-победителей, сумевшие освятить своим именем ту или иную церковь, Трисмегист явно стоит на стороне власть предержащих. Согласно его учению, царские души божественны по природе и неизменны в своем высочайшем достоинстве. И это вполне отвечает ностальгическому зову минувшей эпохи, когда Цезарь именовался божественным, а фараон — богом.

Жалобой об утраченной цельности и универсализме пронизаны ломкие папирусы, на которых неведомая рука начертала поучения Трисмегиста. Но в трогательной жалобе этой, заглушенной песнопениями в честь Бога из Назарета, мы различим и гностический бунт, и присущий раннему христианству смиренный демократизм, и грядущие черные мессы средневековья.

Государи, поучает Гермес, являющиеся несправедливыми и жестокими, не таковы по своей природе, но лишь по наущению злых демонов. И они, демоны, не замедлят поселиться в роскошных чертогах. Когтистая нечисть с нетопыриными крыльями закружится под гулками сводами стрельчатых арок. Инфернальные ангелочки с рожками козлят попрчутся в балдахинах королевских опочивален.

Стоит ли удивляться поэтому, что хрестоматийные мифы о духах и привидениях, о сбывшихся пророчествах, ангельских посланиях и самой черной волшбе столь упорно цепляются за отороченный горностаем шлейф высочайших особ?

Государь и верховный жрец слитны в атавистической памяти поколений. Где еще, как не в суеверной молве, могли сохраниться тени былой теократии? Корни генеалогических деревьев уходили во мглу, в которой таились свергнутые с Олимпа боги, превращенные в демонов. Они по-прежнему алкали крови и золота, направляя судорожные движения коронованных марионеток, чьими альковами раз и навсегда завладел похотливый дьявол.

И потому астролог, алхимик и маг-чернокнижник поспешили проторить тропы к царским воротам. Они встретили радушный, хотя и чреватый костром и виселицей прием. Сделались доверен-

ными слугами, конфидентами, советниками. Не только императоры, но и святейшие папы начинали баловаться алхимией и чернокнижьем.

Средневековые алхимики как раз и приписывали Гермесу Тризмегисту так называемую «Изумрудную скрижаль». Этот неизвестного происхождения аллегорический отрывок, в котором можно усмотреть описание системы миров и философского камня, был признан квинтэссенцией алхимической премудрости, получившей прозвание «герметической философии».

Эти тринадцать заповедей Гермеса Трижды Величайшего, начертанные, по преданию, на его могиле волей Александра Македонского, окажутся для нас не только вратами замкнутого в себе самом универсума алхимии, но и тайным ходом в причудливую вселенную средневекового сознания, простеганую нитями волшебных соответствий.

«Это верно, без обмана, истинно и справедливо!

То, что внизу, как то, что сверху, и то, что сверху, как то, что внизу, для того, чтобы совершить чудеса одного и того же. И подобно тому, как все предметы произошли из одного, по мысли Одного, так все они произошли из этого вещества, путем его применения.

Его отец Солнце, его мать Луна, Ветер носил его в своем чреве, Земля его кормилица. Солнце отец всякого совершенства во Вселенной. Его могущество безгранично на Земле.

Отдели землю от огня, тонкое от грубого, осторожно, с большим искусством. Это вещество поднимается от земли к небу и тотчас снова исходит на землю. Оно собирает силу и верхних и нижних вещей.

И ты получишь славу мира, и всякий мрак удалится от тебя.

Это могущественная сила всякой силы, она уловит все неуловимое и проникнет во все непроницаемое, потому что так сотворен мир!

Вот источник удивительных применений... Вот почему я был назван Гермесом Трижды Величайшим, владеющим тремя отделами Всеобщей философии. Я сказал здесь все о деле Солнца».

Алхимики понимали под «делом Солнца» изготовление золота, оккультисты — преображение духа и тела. Правы, видимо, обе стороны, но скрижаль намекает еще и на нечто третье — священнейшую мистерию Солнца, объединившую жрецов Амона — Ра и Ярилы, Шамаша и Сурьи, Аполлона и Митры.

Все во всем, одно может выступать манифестацией другого и каждое — всего. Пересечение двух треугольников, обращенных основаниями друг к другу. Союз огня и воды, макрокосма и микрокосма, единство и борьба двух противоположных начал: света и тьмы, бога и дьявола.

«Ключ Соломона» называлась знаменитая книга средневековой магии, составленная из пентаклей, талисманов и заклинаний.

Таким «ключом» был в наших странствиях основополагающий принцип «Изумрудной скрижали»:

То, что внизу, как то, что сверху

Он позволил открыть позеленевшие от времени засовы античности и наверняка подойдет к магическим замкам, оснащенным электроникой и прочими технологическими изысками. Стоит ли вновь повторять, что в основе своей магический ларец почти не изменился со времен Альбрехта Большетдского и Раймунда Дуллия.

Поэтому, чтобы составить себе представление о «Черном искусстве», не обязательно всякий раз прибегать к первоисточникам, записанным на пергаментных свитках латинскими литератами, арабскими и еврейскими письменами. Творения современных оккультистов и их теософских предшественников, несмотря на ощутимый индо-буддийский или же сексуально-расистский макияж, явят нам тот же мертвенный лик замкнутой в мистический многоугольник вселенной, подвластной воле мага, мириадами нервных нитей соединенной с его душой.

Популяризаторы древней мистики, вроде Элиафаса Леви, Папюса, Пиобба или Тухолки, настолько благоговели перед своими древними учителями, что прилежно переписывали любой вздор, над которым потешался еще Корнелий Агриппа. Авторитет прошлого был для них не только непрекращаемым, но и, как это свойственно мифологическому сознанию, освящен традицией.

«Древняя, — счел необходимым подчеркнуть уже в заглавии своей книги французский мистик П.Пиобб, — высшая магия!»

«Предание западных оккультистов, — декларирует С. Тухолка в «Оккультизме и магии», — ведет свое начало от египетских жрецов. Основным догматом религии жрецов, сообщаемым, однако, лишь посвященным, был догмат о единстве божества».

Орфей, наиболее древний из известных нам посвященных, говорит в своих песнях и мистериях:

«Размысли о божественном слове. Созерцай его непрерывно, направь твое сердце и твою душу по правому пути и взирай на Господа Единого, который бессмертен, Единого, который сам себя зародил. Все происходит от него одного, и Он есть во всем».

Монотеизм, разумеется, зародился в недрах политеизма, но для этого понадобилась не одна тысяча лет. Те же египетские жрецы, которых поминают при каждом удобном случае авторы оккультных сочинений, обрушили свой гнев на Эхнатона.

Но кто проведет границу между религией и политикой? Обе стороны боролись за власть.

СЫН ВДОВЫ

Пожелав одарить разумное творение способностью желать добра и воспользоваться свободой выбора, Бог сообщил человеку способность следовать по той или иной дороге и тем самым оказываться в состоянии тем, кем он хочет

Пелагий Послание Диметриаде

«Добру и злу внимая равнодушно...»

Время избранничества, преображение плоти и духа и, как следствие, пророческий дар. В яростном, как проблеск молнии, озарении, когда триада времен сливается в вечном теперь, обнажаются хтонические тени: пасть дракона и жало змеи. Путь к небесному сиянию пролегает через немоту смерти.

«Я что-то нарисовал, какую-то птицу, вылезаящую из земного шара, и послал рисунок ему. Через некоторое время, когда я уже не ждал этого, у меня в руках оказался клочок бумаги, на котором было написано: «Птица выбирается из яйца. Яйцо — это мир. Кто хочет родиться, должен разрушить мир. Птица летит к богу. Бога зовут Абраксас».

Герман Гессе Демиан

Истоки явной катарской ереси и сомнительной ереси тамплиерской затерялись в смутных веках, предшествовавших становлению христианства. Но уже в учениях гностиков и манихеев, блистательно смешивавшихся на щедрой почве Александрии, где Запад и Восток переплелись подобно змеям на жезле Гермеса, они выбиваются на дневную поверхность. «Новому Вавилону» с его храмами всех религий, бесчисленными сектами и философскими школами суждено было соединить мистические устремления греков, иудеев и египтян. Когда же к гностическим и манихейским учениям добавилось первоначальное христианство, раскаленная масса напрочь разнесла огнеупорную кладку печи и устремилась наружу. Алхимический метод проб и ошибок, причем без видимого посредства философского камня, привел к неожиданным последствиям. Вместо долгожданной универсальной религии, которую готовы были принять не только фараоны, но и сменившие их цезари, возникла гремучая смесь вселенской ереси.

Отголоски взрыва, потрясшие христианство, мы различим не только в построениях оккультизма, в учениях алхимиков, розенкрейцеров и обрядной символике позднейших масонов. Все без исключения, разделы мистики, будь то альбигойский ритуал, теософия или современное колдовское шоу, несут на себе выжженное клеймо герметического тигля, в котором клокотал и бился неукротимый металл. Прежде чем взорвать хрупкие оболочки и растечься по

извивам неведомых русел, это «яйцо философов» пять веков вызревало здесь, в философской столице мира.

Гностики взлелеяли идею вечной, невидимой и неизвестной сущности, изначально неспособной к покою. Излучаясь и заполняя вселенную, она творила реальности бытия, терявшие свое совершенство по мере удаления от гипотетического центра. Как и у прочих религиозных систем, у гностиков тоже была основная триада. Олицетворенная абстрактными понятиями материи, демиурга и искушения, она обнимала собой весь космос: человека, его историю и окружающий мир. Высшие истечения, суть составные части и носители свойства божества, назывались «эонами».

Распределенные на классы по символическим, пифагорейским, законам совершенных чисел, они, подобно цветным стеклышкам в зеркалах калейдоскопа, слагались в «плерому» — узор абсолюта, названного «полнотой разума». Весьма характерно при этом, что гностический демиург, или, согласно Платону, высшая сила, создавшая мир, считалась последней и наименее совершенной эманацией такой «полноты». Отсюда присущая мироздателю полярность, равное сочетание света и тьмы, добра и зла, силы и слабости. Человеческая душа рисовалась поэтому в образе пленника, заключенного в узилище несовершенного, сотканного из противоположных начал мира. Страдающие и обремененные материей души мог освободить лишь искупитель — одна из высших ипостасей божественного разума, мирового духа. Человечеству, как творению этого духа, было предназначено порвать оковы земного бытия, вырваться из косного вещественного плена и вознестись к духовной идеальной жизни. Отсюда и деление людей в соответствии с преобладанием в них материального или духовного начала на классы, точнее — на касты, ибо границы мнились изначально ненаружимыми. Земным существам предназначалось сгинуť во мраке невежества, «психикам» предстояло возвыситься до постижения демиурга и лишь «пневматики» — люди духа — могли узреть божественный свет.

Дальним отголоском прозвучит в веках трубадурская альба — песнь утреннего восхода. «Золотой рассвет», «Восход», «Лучезарная заря» — противоречивые судьбы были уготованы символическим понятиям, всевозможным мистическим братствам. Древняя символика стала расхожей монетой. Извращенные толкователи, как известно, могут опорочить любую идею. Само название «катар», что значит по-гречески «чистый», подразумевало духовность. У альбигойцев подлинно чистыми считались лишь Совершенные, целиком отдавшие себя служению идеалу. Впоследствии «чистыми» и «совершенными» назовут себя люди, крайне далекие от нравственного совершенства.

Набиравшему силу христианству пришлось вести ожесточенную борьбу с религиозным синкретизмом гностиков, готовых с одинаковым усердием молиться всем богам. К концу второго сто-

летия первоначальная яркость «плеромы» стала понемногу бледнеть, но образовавшийся было вакуум мгновенно заполнился близкими к гностическим учениям неоплатонизма и манихейства. Таков был жар александрийского горна, напряжение распаленной ищущей мысли.

Учение персидского невольника Мани, которого столь ревностно почитали потом альбигойцы, явно недооценено историками. Оно пленяло умы и сердца людей не столько своей экзотикой, сколько прячущейся за причудливыми извивами мысли идеей универсальной связности всех проявлений бытия. Манихейство наложило неизгладимый отпечаток на мировоззрение и религиозные искания многих народов: от пустынь Северной Африки до ледяных хребтов Тибета.

Жадно вбиравшая все новые блоки и кирпичи гностическая башня, одновременно изощренно метафизическая и варварски пышная, должна была обрушиться, подобно Вавилонской, или распасться в силу одной лишь сложности, как распадается, излучая свет, перегруженное нуклонами атомное ядро. Присоединив к иудео-вавилонским и египетским воззрениям на посмертное существование явно заимствованную из Индии идею вечного перерождения, александрийские герметисты заложили мину под эклектическое строение, возведенное усилиями гностиков Симона Волхва и Менандра, Церита и апостола Милленарийского. Но выстроенный с восточной роскошью храм тем не менее уцелел и, когда после темного периода гностицизма в Александрии возникла новая секта Василида, украсился очередными пристройками. По сути, это было уже не отдельное строение, а целый город с обособленными, но тесно примыкавшими друг к другу кварталами. Судя по планировке, именно такой и являла себя сама Александрия, собравшая пророков, мистиков и чудотворцев со всего света.

Василид творчески переосмыслил идею 365 эонов или циклов творения, называемых по-гречески «Абраксакс»¹. Численные значения греческих букв, составляющих это магическое слово, столь полюбившееся средневековым чернокнижникам, дают в сумме 365 ($1+2+100+2+60+200$). То же количество дней солнечного года — «целокупность мирового времени и пространства», получается из сложения цифровых значений букв в имени персидского бога Митры, Ваала древнего Вавилона, и в галльском названии солнца.

Арифметические упражнения василидиан, продолжавшиеся с большим или меньшим успехом на протяжении веков, вернули абстрактной идее верховного бога первоначальный астрономический,

---

¹ Персонифицированный Абраксакс — верховный глава небес и эонов, выражающих их полноту, «целокупность духовного мира». Образ этого космологического существа воплощен в химере с человеческим торсом, петушиной головой и змеями вместо ног.

а точнее — солярный смысл, вновь уравнив утонченную теологию христианства с эзотерическими учениями Востока.

Как и Симон Волхв — его крылатый образ запечатлен на старинных скульптурах и фресках, — Василид не гнушался колдовством и цирковыми эффектами, что ничуть не мешало ему развивать полярную доктрину гностиков. Вслед за древнеиранским пророком Заратустрой он учил, что материю — средоточие зла — истребит очистительное пламя, а люди духа, достигнув совершенной зрелости, возвратятся к своему первобытному естеству и вознесутся в блаженные сферы «полноты разума». Отсюда и герметический принцип: «В огне обновляется природа». По иронии судьбы, инквизиция возжигала костры для очищения еретических душ, а не ради обновления материи.

От секты василидиан отпочковались офиты, назвавшие себя по имени змея, искусившего человеческую праматерь и даровавшего людям плод познания. Так был сделан существенный вклад в фундамент сатанинского храма. Дело офитов с успехом продолжили каинаниты, провозгласившие убийцу брата Авеля (символ слепой веры, по их воззрениям) первым гностиком, наказанным демиургом Ягве.

Противники закона — антитактиты — ополчились уже против любой религии, прославляющей бога-творца, а первые нудисты — адамиты, объявив брак «плодом греха» и сбросив одежды, провозгласили свободу любви, так сказать «сексуальную революцию».

В Амстердаме я видел гравюру, на которой были изображены ухмыляющиеся стражники, разгоняющие алебардами толпы обнаженных фанатиков, заполнивших улицы голландской столицы.

Ничто, как мы видим, не проходило бесследно, любой спектакль, промелькнувший на мировых подмостках, находит в грядущем новых режиссеров-постановщиков.

Масонские ложи, особенно возникшие под влиянием «Великого Востока» Калиостро, беззастенчиво переняли церемонии гностиков-пелузиан, обставлявших свои обряды фантазмагорическими сценами, в которых участвовала женщина, загримированная как греческая Церера и египетская Исида. Она являлась из тьмы в звездном венце, с солнечным диском на темени и лунным серпом у ног.

На гностических инталиях, хранящихся во многих музеях мира, можно видеть чуть ли не все позднейшие эмблемы алхимиков и вольных каменщиков: астральных богинь, скрещенные циркуль и наугольник и, конечно, змею, кусающую собственный хвост.

Но вернемся к манихеям — предшественникам альбигойцев. О подробностях жизни пророка Мани почти нет достоверных сведений, но легенда, как водится, с лихвой заполнила зияющие провалы. Он родился, по-видимому, около 210 года в Ктезифоне, в сельце сектантов — «крестильников», примыкавших к гностиче-

ским общинам аскетов — эльхаизитов, секте, близкой к ессеям. Иранец из аристократического парфянского рода, Мани вырос в Вавилоне и говорил на арамейском наречии. В зрелые годы ему довелось пережить озарение, подобно Заратустре, а впоследствии и Мухаммеду. Встав на путь религиозного проповедника, он вобрал в свое учение принципы раннего иудео-христианства, обильно сдобренные зороастрийскими представлениями. Согласно Мани, различные религии (включая буддизм, из которого он позаимствовал «благородную истину» о том, что мир неотделим от страданий), проистекают из единого первоисточника. Их разделение есть следствие человеческих заблуждений, и его, пророка, миссия заключается в том, чтобы восстановить незамутненный облик праведной веры.

От многочисленных недругов и хулителей Мани нашел защиту в лице персидского царя Шапура I. Лучшие годы пророка прошли при дворе шахиншаха, тридцать два года (240—272) державшего твердой рукой бразды правления. Принципы своего вероучения Мани изложил в книге «Шабураган», написанной специально для столь благосклонного к нему владыки. В начале нашего века на раскопках погребенного в туркестанских песках манихейского монастыря были найдены отрывки из его сочинений.

По ним можно составить некоторое представление о религии манихеев. Имена верховного бога — Зурвай и его сына Ормазда явственно перекликаются с зороастризмом. Шапур, оставаясь убежденным приверженцем веры отцов, проявлял очевидный интерес к различным течениям научной мысли, о чем свидетельствует книга Динкард, включенная в Зендавесту.

Царь царей, Шапур, сын Ардашира, собрал затем те писания, не относящиеся к вере, которые были распространены в Индии, Византийской империи и в других странах и которые касались медицины, астрономии, движения, времени, пространства, субстанции, акциденции, становления, исчезновения, измерения качества, логики и прочих ремесел и умений. Все это он сличил в Авестой и повелел, чтобы со всех тех писаний, в которых нет порока, сняли копию для хранения в царской сокровищнице».

Добавления («зенд» по-персидски) к Авесте подарили нам Зендавесту со всеми ее комментариями. Шапуру I наследовал его сын Хормузд I (прав. 272—273), которого вскоре сменил на троне его брат Вахрам I (прав. 273—276).

Верховному жрецу Кирдэру, первейшему врагу и ненавистнику Мани, удалось очернить пророка. После жестокой пытки он был казнен.

Так легенда становится былью. Благодаря нескольким рукописным фрагментам мы знаем теперь, что Мани — не миф, а человек из плоти и крови. Мученическая кончина послужила обожествлению пророка.

Все это позволяет по-новому взглянуть и на его проповеди.

Воспитанный в атмосфере мистики и фанатизма, Мани рано познакомился с эзотерическими учениями, принимал участие в таинствах Митры и даже какое-то время был христианским пресвитером. Черпая понемногу из разных источников, он выработал свою христианско-гностическую доктрину и под именем Параклеита, якобы возведенного Христом, понес новое учение в мир. Трудно сказать, насколько успешна была его миссионерская деятельность. Известно лишь, что он обошел многие города и страны, добрался до границ Индии и Китая, где познакомился с даосами и буддистскими монахами. Скорее всего, именно в этот насыщенный активной деятельностью период он угодил в рабство, откуда его выкупила какая-то богатая вдова. Этот, возможно вымышленный, факт биографии так подействовал на воображение последователей, что они прозвали своего наставника «Сыном вдовы». Вскоре так же стали называться и сами сектанты. На какое-то время Мани совершенно исчез из их поля зрения, удалившись в пещеру, где питался одной травой.

В Персию он возвратился, по-видимому, незадолго до смерти Шапура и в марте 276 года был распят по наущению местных магов. Последний факт биографии открыл мятежному проповеднику дорогу в бессмертие.

«Сыну вдовы» приписывают несколько религиозных трактатов, к сожалению, уцелевших лишь в отрывках и пересказах недругов. Наибольшей популярностью у манихеев пользовались упомянутая «Шабураган» и «Книга гигантов», в которых Мани, причем весьма непоследовательно, изложил свои космогонические представления. Мы можем судить о них по опубликованной лишь в начале нашего столетия «123-й беседе Севера, патриарха Антиохийского», жившего в V—VI веках.

Характерные для гностицизма противопоставления света мраку и духа — материи воплотились у Мани в дереве жизни и дереве смерти. Первое осеняло своей благодатной кроной север, восток и запад; второе, подобно пушкинскому анчару, произрастало одиноким изгоем где-то на юге. Скорее всего, в аравийской пустыне, чьи иссушающие, несущие тучи песка ветры испокон веков испеляли сады и нивы Ирана.

Царство исполненного великолепия и животворной мощи древа жизни мыслилось беспредельным. «Нет ничего постороннего ни кругом, ни внизу, ни в одной точке, но есть только единое древо жизни всюду и бесконечно. Ничто не окружает и не объемлет его; оно пребывает в своих плодах и царство его в нем самом. Его нет в стране южной, оно сокрыто в своем лоне. Бог оградил это место стеною, чтобы не будить вожелений у древа смерти, не томить его и тем не подвергать опасности древо жизни».

Невзирая на стену, борьба между добром и злом рисуется неизбежной. От древа смерти постоянно отпочковываются побеги, между которыми бушует злоба и идет жестокая война. Даже

взращенные на древе смерти плоды и те исполнены ненависти к материнским ветвям. Эта внутренняя напряженность, вызывая «возмущение элементов», приводит в конце концов к проникновению в область добра и света. Пораженные невиданным зрелищем и уязвленные завистью, темные силы, до того не связанные между собой — «члены древа смерти не знали друг друга», — объединяются и обрушиваются на свет.

Это материя с ее мраком и грязью, бурями и потопами, демонами и отвратительными чудовищами ополчается на светоносный эфир. Так возникает вынужденное смешение частиц добра с беспроектным истечением адской бездны. Именно смешение, потому что свет по своей исконной природе никому не может причинить никакого вреда. Он способен лишь парализовать смрадное и губительное дыхание тьмы присутствием в стане врага. Вот почему, ограждая доброе и разрушая злое начало, светоносные элементы продолжают лететь во тьму.

В многочисленных «Посланиях» Мани древнейшая зороастрийская концепция о борьбе Ахурамазды и Анхроменью обрастает ярко выраженной «александрийской» плотью. «Книга схолий» епископа Теодора ван-Хони сообщает умозрительной космогонии манихеев необходимую конкретику.

Область света, оказывается, обнимает пять основных средоточий василидианских эонов. Это «чертоги» — источники благоуханного воздуха, прохладного ветра, ясного света, живительного тепла и чистой воды. Им противостоят скопища полярных эонов бездны. Добро, таким образом, персонифицируется разумом, знанием, мыслью, рассудком и волей, зло — прямо противоположными качествами. На таких основах выстраивается причудливое, слепленное из произвольных фрагментов «откровение от Вдовьего сына».

В противоборстве основных сил некий первичный «Отец величия» порождает мать жизни, которая производит первого человека, а он, в свою очередь, пятеро сыновей. Пожранные истечениями бездны, плененные мраком невежества, первочеловек и его сыны продолжают вести войну с адскими силами. Семь раз — совершенное пифагорейское число — вызывают они к Отцу, который исцеляет их разум от яда и посылает на помощь «Животворящий дух» с его пятью чадами. В очередной битве на стороне добра, таким образом, принимают участие уже две «команды», и она заканчивается освобождением первого человека, хотя сыновья его все еще остаются в плену. «Пятерка» духа между тем занимается активным мирозданием. Поубивав сынов мрака — архонтов и содрав с них кожу, они дали Матери мира материал для построения небес. «Простирай небо, яко кожу», — поется в одном из псалмов. Вскоре усилиями духа на этом небе первобытных преданий запыхало солнце, появились звезды и луна. Потом родились реальные стихии — воздух, вода и огонь.

Вспомним в этой связи египетскую богиню неба Нут, чье изогнутое аркой тело сделалось звездной твердью.

По сравнению с александрийскими гностическими системами космогонии Мани, конечно же, выглядела несколько по-варварски и отпугивала эстетов, возвращенных на учениях античных философов. Можно лишь удивляться, почему откровенно восточной ереси удалось так широко распространиться на Западе, причем сразу же после победы христианства над гностицизмом, завоеванной в упорной борьбе. Подобная же историческая загадка вновь возникла с появлением «Учения мирового льда» и «арийской космогонией» третьего рейха.

Воздержимся от дальнейшего пересказа мифологии манихейства. В «троицах», «седмицах» и «вестниках», которые появлялись на фоне непрерывных стычек сынов человеческих с исчадиями бездны, легко запутаться, да и нет непосредственной надобности в подробной детализации. Прервав божественную историю манихейства где-то на стадии образования животных и растений, мы подведем ее непосредственно к Адаму и Еве, которые остались порождениями тьмы, хотя и пребывали в нечистой плоти библейских прародителей частицы света. Для освобождения Адама от власти материи силы добра послали Иисуса, но не евангельского Христа, сына человеческого, а духа. Этот дух просветил плененный разум, освободил его от оков адского сна и открыл ему сияющие дали небес. Только теперь освобожденная мысль могла постичь основное таинство манихейского символа веры. Отверстым очам Адама и Евы явился прекрасный, сотканный из света облик. Но скорбное лицо Христа, терзаемого хищниками, окружал беспросветный мрак.

«Сыны вдовы» говорили, что пророк заранее знал об уготованной ему участи. Это было видение крестной муки, разлитого в природе божественного начала, обреченного на вечное страдание в круговороте смерти и возрождения. В каждом кровоточащем куске, в каждом сорванном плоде, в каждой растоптанной былинке повсеместно и повсемерно стонала распинаемая плоть божества. Буйный дух древних мистерий так и рвался на простор из-под смиренной христианской вуали.

Иисус возвысил Адама, дал вкусить ему от древа жизни, дабы уразумел человек всю беспросветность окружающего его мрака и увидел дорогу к спасению.

Отсюда и основополагающие принципы манихейства: защита души от всякой телесной скверны, самоотречение и воздержание, постепенное преодоление пут материи и окончательное освобождение заключенной в человеке божественной сущности.

Здесь Мани вплотную приблизился к индо-буддийским представлениям о конечном слиянии освобожденной души с абсолютном.

Столь же сходны с буддийскими и налагаемые на манихеев запреты: мясо, вино, чувственные удовольствия и т. п. Конечно, как и в других религиях, у «сынов вдовы» был собственный внутренний круг. Поэтому внешне громоздкий и варварски фантастический космогонический миф может иметь и другое, более

утонченное, предназначенное для посвященных истолкование. «Матерь жизни» толкуется в этом случае уже как «Душа мира», как первобытная мысль высшего существа, как небесная София александрийских гностиков. Она слишком чиста и бесплотна, чтобы непосредственно соприкоснуться с материей, и потому посылает на борьбу с тьмой свою эманацию в образе первого человека. Когда же у него недостает сил для победы в смертельной схватке, на помощь приходит искупитель, животворящий дух, освобождающий мысль от материального плена.

Но даже в таком «облагороженном» виде в манихействе явственно проглядывает солнечный культ с его экстатическими мистериями в честь Митры.

Подобно тому, как буддийские монахи образом жизни и строгостью запретов отличались от простых прихожан, последователи Мани делились на два резко отграниченных класса: «избранных» и «слушателей». Последние только обязывались воздерживаться от идолопоклонства, лжи, волхвования и пролития крови, тогда как жизнь «избранных» была опутана бесчисленными табу.

В соответствии с идеей полного отражения друг в друге законов земли и неба, община избранных строилась на принципе пятиступенчатой иерархической пирамиды. На вершине находились «учители кротости», затем шли «сыны видения» — епископы, «сыны разума» — пресвитеры, «сыны тайны» и аудиторы. Августин называет двенадцать учителей и семьдесят два епископа, остальных «избранных» было также не очень много.

Култ манихеев отличался строгостью, простотой и состоял в основном из молитв и песнопений. Это существенно облегчало тайное распространение религии. Основная мистерия «Сынов вдовы» посвящалась распятому вероучителю и приходилась на март. Позднее, уже под влиянием христианского культа, они отправляли обряды, похожие на крещение и причастие, что еще более помогло им приспособиться к обрядам официальной церкви.

Сектанты, спаянные строгой дисциплиной и тайными ритуалами, выступали под знаменем изначального христианства, которое будто бы хотели восстановить во всей его первобытной чистоте. Но римская церковь сразу же ополчилась на раскольников, пришедших из ненавистой Персии. Феодосианский кодекс наполнен многочисленными законами против манихеев, которых преследовали по всей империи.

В конце четвертого века «сыны вдовы» появились в Испании и на севере Африки. При матери базилевса Анастасия I Дикора (491—518), покровительствовавшей сектантам, манихеи распространились по всей Византии, но последовавшие вскоре гонения заставили их уйти в подполье.

Переменив название и эмблематический язык, они покинули насиженные места и, как некогда Мани в пещере, исчезли с глаз сильных мира сего.

Пройдут века, прежде чем в Болгарии, а затем и Чехии появятся неведомо откуда пришедшие богомилы. Эти наследники павликиан и евхитов понесут манихейскую ересь в Ломбардию и Прованс.

Разрушение Рима и основание града небесного, как о том сказано в Апокалипсисе, было их тайной целью. Продвигаясь по городам и весям к лазурным берегам Средиземного моря, богомильские проповедники заронили искры, которые вспыхнули через века и разгорелись вселенским пожаром. Их вещее слово было подхвачено гуситами и виклифитами, расчитившими путь Реформации. «Совершенные» альбигойцы бесстрашно шли на муки, не смея, однако, осквернить себя прикосновением к оружию. Зато чешские табориты, подняв на своих знаменах крамольный знак чаши, смело взялись за мечи и алебарды, когда «силы тьмы» в образе инквизиторов и ландскнехтов Священной Римской империи двинулись на них войной.

В одиннадцатом веке «болгары» под именем патаренов уже осваивают Италию, альбигойцы, получивши свое имя от Альби — столицы графства Тулузского, без боя овладевают очарованной «веселой наукой» Аквитанией, в Орлеане и Фландрии тоже возникают манихейские секты.

Очевидные успехи манихейства нельзя, однако, рассматривать как победу Востока над Западом. В конце концов, христианство тоже было занесено в Рим с восточных пределов империи, а учение «сынов кротости» вобрало в себя космогонические представления эллинских натурфилософов. Противопоставление Востока Западу и, как следствие, отсечение христианства от начальных истоков бесперспективно. И великие реки, и скромные ручейки — все в конечном счете сливаются в океане. Институт монашества, например, возник еще в раннем буддизме, равно как и молитвенные четки, которые попали в Европу через посредство арабов-мусульман.

Не магические семена зороастризма способствовали расцвету манихейства, но, прежде всего, подготовленная к приятию его религиозная почва Европы. Разве сама католическая церковь, рассматривавшая мир как арену непрерывной борьбы бога с дьяволом, не способствовала развитию дуализма? Или аскетическая мораль монашества и возникшие на Святой земле ордена не проложили дорогу одетым в черные рубища «совершенным»? Для простого народа катары ничем не отличались от госпитальерских эмиссаров, от нищенствующих монахов, несущих в массы незамутненное слово Господне. Не только неграмотные крестьяне, но и католические епископы, торгующие индульгенциями и церковными должностями, не усматривали на первых порах ничего экзотического в новой секте. Кто только не прошел по мощенным еще римлянами дорогам Европы! Арнольдисты, вальденсы, теперь болгары, павликиане, катары — несть числа.

Тем более что манихеи всюду проповедовали простые, привычные истины: любовь к ближнему, аскетизм, христианскую добро-

детель. Завербованного в секту неопита очень неторопливо и осторожно увлекали все дальше от догматов папской церкви. Манихейские таинства преследовали две цели: незаметно изменить стереотипные привычки и мировоззрение новичка, а затем научить его условному языку манихеев, требовавшему кропотливого и долгого обучения под руководством наставника. Далеко не каждый допускался до этой ступени. Те, которые «возвращались назад», так и оставались в лоне католичества, не вкусив новых таинств. Добрые христиане и искренние сторонники «реформ», «чистоты», «упрощения», они шли на костер, даже не подозревая об истинной сущности инкриминируемой им ереси. Так было, например, в Орлеане, где в 1022 году с первыми катарами взойшли на костер и их искренние приверженцы. Однако лишь «совершенные» знали, что за разговорами о церковной реформе скрывается идея иной, противостоящей католичеству, церкви. К XII веку в Европе уже сформировались иерархические общины со своими епископами и даже папой, истинным «викарием Петра», который скрывался где-то в Боснии.

Соединив полярности католицизма и манихейства, дуализм Запада с зороастрийским дуализмом Востока, катарское учение окончательно уравнило в правах бога света, управлявшего невидимым миром, с богом тьмы, царящим в мире видимом.

Полонив ангелов — носителей света — и заключив их в темницы плоти, Люцифер, сын темного бога, ведет борьбу с ветхозаветным Яхве, окруженным пророками, с Моисеем во главе, и эфирными созданиями — Иисусом, Марией, Иосифом, евангелистом Иоанном и прочими ангелами, принявшими человеческий облик.

Победив Иоанна Крестителя, в этой системе посланца князя тьмы, Иисус через обряд духовного крещения открыл дорогу к освобождению скованным цепями плоти ангелам света и возвестил тем самым новую эру. Борьба света и тьмы закончится полным раскрепощением светлого начала и обособлением обоих царств.

Не вдаваясь в тонкости катарского вероучения, противоречивого и по-разному трактуемого той или иной сектой, отметим лишь роль, которую оно отводит Люциферу (Сатанайлу у богомилов) в мировом процессе.

Дьявол не только признается равновеликой Богу силой, но и его антиподом, необходимым для самого существования вселенной. Мысль эта, хоть и принято говорить, что «мысль изреченная есть ложь», не исчезнет и не забудется, но станет философской основой для обоснования сатанинского культа.

Крестовый поход против альбигойцев, инквизиционные судилища в Испании, Фландрии и Германии огнем и мечом искоренят катарскую ересь и вместе с тем посеют плевелы дуалистического сатанизма.

О катарах, которые почитали за смертный грех убийство не только человека, но и животного (за исключением змеи), станут

говорить как о кровожадных разбойниках. Проповедовавших суровый аскетизм и половое воздержание «совершенных» обвинят в разнузданном разврате и прочих гнусностях. Но главное, что поставит им в вину инквизиция, направляемая мрачными фанатиками вроде Конрада Марбургского или Роберта Болгарина, в прошлом «совершенного», будет, конечно, служение дьяволу. В дело пойдет полный набор мерзостей: совокупление с демонами и оргии в альбигойских церквах, каннибальство и осквернение святынь, кровь и зажаренные младенцы — словом, все то, что не раз встретится в следственных протоколах и приговорах, освященных именем божьим.

Клевета окажется поразительно живучей! Измышлениям изуверов и палачей суждено передаваться из поколения в поколение, переходить от святош к погромщикам, скрепляя миф страшной печатью человеческого страдания.

БАШНЯ МЕРЛИНА

Еще не видела земля,
Как у Артура-короля
Одежду лучшую достали,
По залам тут же разбросали,
Чтоб каждый брал. А во дворе
Лежали грудой на ковре
Серебряные эстерлины.
Ведь были со времен Мерлина
Монетой ходовой в те дни
В Британи признаны они.

Кретьен де Труа

Эстерлины и поныне в ходу. Наименование древней британской монеты, претерпев легкое фонетическое искажение, превратилось в стерлинг. Надо думать, что Кретьен де Труа застал эти самые эстерлины. Для средневекового поэта ничего не стоило перенести их в легендарные времена Артура. Мир представлялся неизменным, застывшим в своем ранжированном совершенстве и куртуазном величии.

Собственно, и мы приблизительно в том же положении. Вечное теперь диктует фабуле свою непредсказуемую волю. Начав с «Черного мага при президенте», наверное, сразу можно было проскользнуть куда-нибудь в Камелот или Авелон. Крупно набранным подзаголовком «Башня Мерлина» еженедельник как бы указывал направление.

«Ну, разумеется. Заинтересовавшись Георгием Георгиевичем Rogozinym и его подчиненными, невозможно не обратить свой взор вертикально вверх. Генерал Rogozin, если вспомнить, и обязан нынешней славой прежде всего своим публичным путешествиям за грань реального. Изо всех щелей в Кремлевской стене полезли на газетные полосы анекдоты и истории не для слабонервных...

Лично я уж тогда предпочел бы другую версию: Rogozin — это Мерлин, влезший в российскую политическую реальность непосредственно из-за круглого стола короля Артура.

Короче говоря, я уверенно объявил бы все это бредом, если бы... если бы уверенность мою не поколебали люди, которым у меня нет никаких причин не доверять».

Анекдоты и истории и в самом деле полезли. Вполне уместно привести выдержку из другого еженедельника, не слишком, впрочем, respectable и авторитетного, но анекдот — он и есть анекдот.

«Говорят, из Кремля уволили сразу нескольких десятков штатных колдунов, прорицателей и ясновидящих — за то, что они неправильно предсказывали результаты парламентских выборов. Никто не может сказать, когда их приняли на работу в администрацию, видимо, это было сделано в обстановке глубокой секретности.

Некоторые источники сообщают, что колдуны числились в штате под видом экспертов и консультантов, а другие источники даже сообщают, что один из ясновидящих получил ранг помощника президента, но пока не уволен. Этого загадочного прорицателя описывают так: с бородой и постоянной, как будто нервной ухмылкой. Похоже на ельцинского помощника Георгия Сатарова. О нем и раньше ходили слухи, будто он — экстрасенс и в свободное от работы время занимается столоверчением и вызывает души мертвых. Как бы то ни было, его колдовство не помешало победе коммунистов».

Мегаполис-экспресс. № 51. 27 декабря 1995 г.

Это сакраментальное «говорят» избавляет от кропотливого сбора доказательств. Слухи, а они тоже лезут «из всех щелей», еще более усугубляют общий и довольно-таки мрачный фон. Неладно что-то в Датском королевстве. Вот и популярный телеведущий в беседе с одним из наиболее симпатичных помощников президента обмолвился насчет «Рима эпохи упадка», а его коллега на соседнем канале врезал уже напрямую «пир во время чумы».

При всем при этом никакой официальной реакции. Ну, коли так, и нам особенно суетиться нечего. Не начинать же собственное расследование? У нас своя задача и свои непроторенные пути.

Магическое зеркало параллельной истории позволяет заглянуть не только в далекое прошлое, но и в текущий момент, причем современность высвечивается как бы самопроизвольно, словно кусочек грандиозной мозаики. Вот свежий пример из газеты «Сегодня» от 3 января 1996 г. В статье, озаглавленной «Издателей заставят получить лицензии», звучит тревога по поводу законопроекта «О лицензировании отдельных видов деятельности», который может ограничить свободу слова. Все связано со всем: заявленная нами тема распространяется и на цензуру, коль скоро таковая является традиционным орудием власти.

Между тем мы и словом не обмолвились о сем предмете, предпочитая не растекаться мисью, как уверяют пуристы, по древу. Однако приведем короткую выдержку из указанного материала.

«Римские цезари на основании старинных установлений активно боролись с безнравственностью. Один из них, Флавий Домициан, по свидетельству Светония, «ходившие по рукам сочинения с порочащими нападками на именитых мужчин и женщин уничтожил, а сочинителей наказал бесчестьем». Тот же Светоний так охарактеризовал правление Домициана: «Свирепость его была не только безмерной, но к тому же изощренной и коварной». Борьба с безнравственностью на его собственном характере, очевидно, никак не сказывалась».

Отсюда следует, что мы на верной дороге. Блуждания по «Римским катакомбам», оказывается, не только не уведят от сиюминутных проблем, но даже позволяют приподняться над ними, взглянуть на них с высоты вечности. Значит, даже беглое знакомство с такой своеобразной личностью, как Домициан, не пройдет бесследно, коль скоро политические будни извлекли его из небытия.

Напомню, что именно этот принцепс предал огню несметное множество магических сочинений. Посему вернемся на свою стезю.

Мерлин так Мерлин, хотя мифического волшебника почему-то все время пытаются выставить злым гением.

«— Мерлин, могущественный чародей и великий лжец. Пропавши он пропадом! Он так надоед нам своей единственной сказкой. Все боятся его, потому что он повелевает бурями и молниями и дьяволы ада послушны ему, — а то мы давно выпустили бы ему кишки и прикончили его сказку. Он всегда рассказывает ее в третьем лице, чтобы сделать вид, будто он так скромн, что не хочет прославлять самого себя, да будь он проклят, да разразит его гром!»

Марк Твен. Янки при дворе короля Артура

Американский классик решал собственные творческие задачи. Образ «злобного старикашки» удался ему как нельзя лучше. Нам же, по мере сил, больше пристала холодная беспристрастность.

Для начала познакомимся с характеристикой, которую дает могущественному волшебнику британский писатель XII века Гальфрид Монмутский:

В царстве многих владык измерив долгие годы,
Славный британец Мерлин прослыл по целому свету...
Правил и предрекал грядущие судьбы монархам.

Жизнь Мерлина

Совсем иной образ вырисовывается. Не злой гений, не сварливый зануда, а мудрый советчик «многих владык». В знаменитом романе Томаса Мэлори «Смерть Артура» (XV век) Артур и шагу сделать не может без помощи всемогущего наставника.

«В пути говорит король Артур:

— У меня нет меча.

— Не беда, — отвечал Мерлин, — тут поблизости есть меч, и, если я захочу (курсив мой. — Е. П.), он достанется вам.

Едут они дальше и видят озеро, широкое и чистое. А посреди озера, видит Артур, торчит из воды рука в рукаве богатого белого шелка, и сжимает в длани своей добрый меч».

И так почти всюду! Право, было бы не худо, если бы за Кремлевской стеной или, скажем, на Варварке и впрямь обосновался (в башне ли, в кабинете — какая разница) такой ясновидец.

Физики давно носятся с идеей тахионов — частиц, движущихся со сверхсветовой скоростью. Это предполагает обратимость «стрелы времени». Двигаясь из будущего в прошлое, гипотетические тахионы в принципе могли бы нести информацию о событиях, которые для нас еще не наступили. Не будем сосредоточиваться на чистейшем в игре ума, ибо трудно даже представить себе завтрашний день, который уже существует в готовом виде.

Прелесть ситуации заключается в том, что над подобной проблемой задумывались, по крайней мере, тысячу лет назад. Иначе трудно истолковать легенду, наделившую Мерлина удивительным

свойством жить во встречном времени. Он воспринимал события, словно видел их на киноленте, запущенной в обратном направлении. Грядущее прозревалось с кристальной ясностью, прошедшее было скрыто непроницаемой завесой.

Бесценное свойство для пророка при властелине! Прогноз безошибочен, а тайны, которые хотелось бы предать забвению, за семью печатями. Не удивительно, что Мерлин, прослужив многим монархам, сумел сохранить голову.

Нам еще предстоит познакомиться с удивительными «Пропециями» Мишеля Нострадамуса. Здесь же уместно упомянуть об одноименной книге Гальфрида Монмутского «Пропеции Мерлина», обнародованной по просьбе епископа Линкольнского Александра около 1134 года. Несомненно, что писатель, по-видимому монах, опирался на куда более древние источники.

По стилю прорицания Мерлина напоминают библейских пророков, но больше — «Сивиллины книги». Столь же темные и загадочные, они тем не менее как-то соотносятся с событиями, описанными тем же Гальфридом в «Истории бриттов», а порой и выходят за очерченные им хронологические границы. Их астрологический, близкий к Нострадамусову подтекст очевиден, что не скажешь о смысле. Временами они ставят в тупик и самого хрониста:

«Сияние солнца потускнеет в янтарных лучах Меркурия, и взрывающие на это будут охвачены ужасом... Марсов шлем отбросит тень, и ярость Меркурия перешагнет границы. Железный Орион обнажит меч... Юпитер сойдет с определенных для него троп, и Венера покинет установленные пути. Светило Сатурна обрушил на землю свинцовый свой свет и изогнутым серпом будет истреблять смертных... Так как Мерлин напроорочил все это и прочее, он удивил окружающих неопределенностью своих слов».

Куда больший интерес вызывает другая выдержка, где речь идет о постройке башни:

«Тогда Мерлин молвил: «Прикажи твоим прорицателям явиться сюда, и я изобличу их в том, что они измыслили ложь»¹... Король повелел прорицателям явиться безотлагательно и сесть перед Мерлином, и тот обратился к ним с такими словами: «Не разумея, что препятствует устойчивости основания начатой башни, вы заявили королю, будто нужно обрызгать щепень моей кровью. Но скажите, что, по-вашему, скрыто под основанием? Ведь под ним находится нечто мешающее ее устойчивости». Оробевшие прорицатели промолчали. Тогда Мерлин, прозывавшийся и Амброзием, проговорил: «Владыка король, призови строителей и прикажи им выкопать в земле яму поглубже, и ты обнаружишь озеро, которое не даст башне должной опоры».

Мерлин проявил ясновидческие способности, а может быть, и чутье так называемого «лозоходца» — умение находить подземные воды тоже почиталось волшебным даром, — посрабив тем самым

---

¹ Прорицатели «измыслили» окропить фундамент Мерлиновой кровью.

лжепрорицателей. Это любопытно само по себе, но куда важнее замечание, что Мерлина прозывали Амброзием. В другом месте прямо так и значится: Мерлин — Амброзий. Обратимся к другому монаху из Уэльса — Неннию. В его труде, тоже озаглавленном «История бриттов», волхва и прорицателя называют тем же именем. Амброзия, как известно, пища олимпийских богов, дающая бессмертие и вечную юность. Следовательно, Мерлина прозывали Бессмертным, Божественным. Наиболее ранняя рукопись Ненния датируется X веком, а сам он жил, вероятно, в IX.

Предвижу вопрос: «Зачем уделять столько внимания мифическому или, скажет так, литературному герою?» В том-то и дело, что существуют указания на реальность Мерлина или какого-то его прототипа. Ведь до последнего времени и короля Артура считали вымышленным персонажем!

Обратимся к Неннию:

«Артур сражался против саксов в одном ряду с королями бриттов, но сам он был военачальник... Его двенадцатое сражение было у горы Бадон, и только в тот день от атаки Артура погибло 960 человек, и всех он убил сам и во всех битвах был победителем».

Пойдем дальше в глубь темных веков. В поэме «Годдодин», датируемой V—VI веками, упоминается воитель, который «хотя... и не был подобен Артуру, доблесть его весьма велика». Но ведь это время Артура! О нем и о его подвигах знают, но не настал срок творить легенду. В памяти живы конкретные события.

Еще один ранний уэльский источник — «Черная книга» называет поименно Артуровых рыцарей: участников Круглого Стола Кея и Бедивера. Сам Артур титулуется «амбероудиром», что является кельтским эквивалентом латинского «император».

Король Артур — император?

Вспомним, что это звание присваивали победоносным полководцам войска, а Британия в V веке, по крайней мере номинально, оставалась в пределах Римской империи. Последние легионы покинули Альбион в 407 году. Кельтские племена, к коим относились бритты, обрели независимость. Ее-то и предстояло отстаивать перед натиском англосаксов.

Не случайно, что кельтский эпос пронизан духом борьбы, героического противостояния не на жизнь, а на смерть. Это явственно ощущается и в пропециях Амброзия-Мерлина:

«Горе красному дракону, ибо близится его унижение. Пещеру его займет белый дракон, который олицетворяет... саксов, тогда как красный — исконное племя бриттов, каковое будет утеснено белым драконом. Горы Британии сравняются с ее долами, и реки в долах ее станут струиться кровью».

Смысл пророчества предельно ясен. Гальфрид Монмутский сам же и расширяет оракул устами Мерлина.

На набережной Темзы, рядом с Лондонским Барбиканом, красуется отлитый в бронзе крылатый дракон. Не помню только какой: красный или белый.

Имя Артура косвенно упоминается в хронике монаха Гильдаса «О разорении и завоевании Британии», написанной в VI столетии. Само название ее говорит о том, что пророчество Мерлина оправдалось, но благодаря триумфальной победе у горы Бадон оккупация страны чужеземцами была отсрочена на полвека.

Гильдас называет некоего Урадса, что по-латыни означает «медведь». Возможно, тут зашифровано имя Артура, ибо корень уэльского (валлийского) слова медведь — Арту.

В анонимном манускрипте «Анналы Камбрии» Артур фигурирует дважды. Первый раз это приурочено к 516 году: «Битва при Бадоне, во время которой Артур носил на своих плечах крест Господа нашего Иисуса Христа три дня и три ночи, и бритты были победителями». Следующее упоминание приурочено к 537 году: «Битва при Камларе, во время которой Артур и Медрауд убили друг друга, и мор наступил в Британии и Ирландии».

Кто же этот Медрауд? Уж не Мордред ли — сын Артура и его сестры Моргаузы?

«Но сэр Мордред, увидя бегущего на него короля, устремился ему навстречу с обнаженным мечом в руке. Король Артур достал сэра Мордреда из-под щита и пронзил его насквозь острием своего копья. Но, почуяв смертельную рану, из последних сил рванулся Мордред вперед, так что по самое кольцо рукояти вошло в его тело копье короля Артура... Но и благородный король Артур повалился без чувств на землю».

Мэлори. Смерть Артура

Хроники расходятся с произведениями Артурова цикла, хотя и тут и там кровавая битва, которая переходит в смертельный поединок. Король Артур бьется с вероломным сыном, посягнувшим на трон, Артур-вождь с захвачником-саксом.

Собранные по крупицам сведения позволяют сделать набросок предположительной биографии подлинного Артура. Кельт по происхождению, он мог занимать высокую должность в одном из последних легионов, расквартированных на Британских островах. Был ли Артур христианином? Вполне возможно, так как в этот период христианство являлось государственной религией. После эвакуации римлян ничто не мешало ему вместе с другими легионерами-валлийцами остаться на родине и, с началом вторжения англосаксов, возглавить войска. Отсюда и император — главнокомандующий.

Далее мы вряд ли продвинемся. Для подкрепления шатких, надо признать, построений придется вновь приникнуть к живительному источнику поэзии. Порой в ней больше правды, чем в ветхих анналах, в коих монахи-переписчики делали вставки и дополнения «ради вящей славы Господней» — девиз иезуитов.

О том, что у короля Утера Пендрагона должен родиться сын — будущий защитник отечества, Мерлин, провидя грядущее, знал наперед. Потому он и содействует королю, влюбленному в герцогиню

Игрейну, в его поползновениях овладеть замужней женщиной. Адюльтер не слишком дорогая плата за свободу, отвоєванную для двух поколений. Пендрагон, превращенный мудрым волшебником в двойника герцога — супруга Игрейны, проникает в замок Тинтагиль и без труда овладевает обманутой красавицей.

«Сэр, — сказал Мерлин, — вот мое желание: в первую ночь, которую вы проведете с Игрейной, будет вами зачато дитя, и когда родится оно, отдайте его мне, дабы я мог вскормить его по своему усмотрению, ибо вам это будет во славу, а младенцу — на пользу, если только он ее достоин».

Если только? И это говорит королю Мерлин, для которого грядущий день — открытая книга? Отличие романа Мэлори от ранних легенд в том и состоит, что автор, по мере возможности, избегает чудес. Мерлин у него не столько провидит, сколько предвидит, и это приближает нас к реальным прототипам участников Круглого Стола — первого рыцарского братства христианской Европы.

Существует распространенное мнение, что имя Артур проистекает от римского родового — Арториус, которым могли назвать и предводителя кельтов. Этимологическое значение созвучия Арду, с другой стороны, дает словосочетание «черный ворон». Известна легенда, согласно которой Артур не погиб в бою, а превратился в ворона. Возможно, в прашура вещей птиц, доселе пестуемых в лондонском Тауэре.

Много проще разобратъся с именами отца героя: Утер — «ужасный», пен — «голова», драгон — «дракон». По-видимому, это титул уэльских вождей — вспомним белого дракона — символа кельтов. «Устрашающий главный дракон» — звучит весело.

Отсюда можно сделать единственный вывод: Артур был незаконным сыном короля, отданным на попечение образованного и прозорливого советника, снискавшего почетное звание «бессмертного», коим исстари наделяли мудрецов. Пифагор пользовался не меньшей славой. Французская академия тоже возникла не на пустом месте.

Греховное зачатие Артура обогрено кровью герцога Тинтагильского. Самому королю суждено пасть от руки сына, рожденного им от сводной сестры. Сын, в свою очередь, вожделеет Гиневиру — жену отца, что, собственно, и становится одной из причин роковой схватки.

Друидическая карма сродни брахманской. Неразрывны цепи ее, замкнутые кольцом.

Загадочно имя королевы Гиневиры (Геневеры). По-валлийски оно звучит как Гвенвайфар, что означает «белый призрак». ее супружеская неверность — та же дань кармической неизбежности. Под пером поэта куртуазно возвышенная измена превратилась в романтическую историю любви королевы и Ланселота Заозерного, первейшего из рыцарей Круглого Стола, но и здесь любовь повенчана со смертью. Погибают все, даже «Бессмертный» Мерлин — Амброзий.

Исстари считалось, что человек, покидая подлунный мир, продолжает жить в памяти поколений. Артура, кем бы он ни был, — героем мифа или смертным из плоти и крови, — судьба не обделила неувядаемой славой.

«Сила — это еще не справедливость, справедливость — это и есть сила» — его девиз и нынче звучит как нельзя более актуально.

«Есть ли место в границах Христианской империи, куда не долетела бы крылатая хвала Артуру Британцу? Кто, — спрашиваю я, — не говорит об Артуре Британце, если он известен даже народам Азии, хотя и в меньшей мере, чем британцы? Об этом свидетельствуют рассказы людей, возвращающихся из стран Востока. Хотя они и отделены огромными пространствами, восточные народы вспоминают его так же, как и западные. Египет говорит о нем, да и Босфор не молчит. Рим, властитель городов, поет о его подвигах, а его войны известны даже бывшему сопернику Рима — Карфагену. Антиохия, Армения и Палестина воспевают его деяния».

Эти вдохновенные строки принадлежат современнику Гальфрида Манмутского, но и ныне, по прошествии восьми с половиной столетий, можно воочию убедиться в их справедливости.

Северный портал кафедрального собора в Модене осеняет барельеф с изображениями «Артура Британца» и рыцарей Круглого Стола. Он датируется 1096 или 1106 годом.

Получается, что благороднейшего из королей почитали в Италии еще до того, как в Англии появились первые письменные упоминания о его подвигах!

Валлийские романы IX—XI веков вряд ли могли попасть в Модену, а если даже попали, то едва ли воспламенили благодарным волнением сердца. Для этого по меньшей мере нужны были синхронные переводы, но мы не найдем их в итальянских хранилищах. Слава крылата. Изустная молва опередила писаное слово.

«Двор короля Артура» есть и в Риге (чуть было не сказал «у нас в Риге»), в доме Черноголовых, построенном в XIV веке. Это еще одна загадка таинственного братства, чьи знаки разбросаны по всей Балтии.

Тайне свойственно порождать тайну. Дивным образом сказания Артура цикла, подобно кольцам хитроумной головоломки, оказались сцеплены с легендой о Граале, быть может самой притягательной на Земле.

Знамена таборитов — последователей сожженного Яна Гуса, епископа пражского, несли изображение чаши («калик» по-чешски). Такая же чаша (на аквитанском наречии «гразаль») украшала гербы знатных сеньоров Прованса.

Мистический культ чаши восходит, как полагают, еще к языческим мифам: кельтским, иберийским и галльским. За это говорит лингвистическое сопоставление: «грааль», «грасаль», «греаль» — на разных старофранцузских диалектах; «гразаль» — на аквитанском; «гриаль» — на староиспанском и «граль» — на португальском языках.

В поисках этимологии слова ученые упоминают греческие наименования «кратер» и «краталис», означающие «сосуд», и даже ирландское «криоль» — «корзина изобилия». Гластонберийская версия легенды об Иосифе Аримафейском также называлась «О Градали», хотя непосредственно о чаше там не было речи. Короче говоря, для одних Грааль — это сосуд, в который Иосиф Аримафейский, упомянутый во всех четырех Евангелиях, собрал Христову кровь, для других — блюдо тайной вечери, для третьих — нечто вроде рога изобилия и скатерти-самобранки, а для сторонников эзотерической легенды Монсегюра — золотое изображение Ноева ковчега. Почва для подобного «размышления» была подготовлена где-то на грани XII—XIII веков.

Кретьен де Труа, блестящий поэт конца XII века, глухо упоминает в своей незаконченной поэме «Персеваль» о каком-то таинственном блюде; ближайшие его продолжатели толкуют о Граале уже в легендарно-апокрифическом духе, а богослов Роберт де Борн (XIII век) совершенно определенно рассказывает о чаше Иосифа, о том, как он собрал на Голгофе кровь из ран Иисуса, как попал Грааль в Англию и какие чудеса произошли с ним при дворе короля Артура. Так незаметно апокрифический миф соединился с «бретонским циклом» сказаний о 12 пэрах Круглого Стола и чародее Мерлине. Французский исследователь Марио Рока, подробно изучив фрески и скульптурные изображения древних соборов Шартра, Буржа, Каркассона и других, попробовал наложить их тематику на повествовательную ткань сказаний о поисках Святого Грааля. Речь, по мнению Рока, идет об одном из моментов литургии — таинстве евхаристии. Проносимое копьё выступает в этом случае символом оружия, которым римский воин поразил распятого Иисуса в сердце, а чаша — сосуд тайной вечери, куда затем была собрана кровь.

«То, что такая интерпретация напрашивается сама собой, — отмечает по этому поводу знаток артуровского цикла Жан Марко, — не вызывает сомнений. Но мне кажется невозможным, чтобы христианское истолкование лежало в основе понятий и изображений, мифологический характер которых бросается в глаза».

У мифа, как известно, своя география, своя хронология и неподвластная закону причинности преемственность. Бессмысленно гадать о том, как одна и та же реликвия могла пребывать одновременно в трех местах: генуэзском кафедральном соборе, куда привезли ее рыцари Храма, в замке Монсегюр и в Гластонберийской церкви.

История церковных святынь, причем не обязательно христианских, знает и не такие перипетии.

Легендарный Артур и его не менее легендарные рыцари тоже оставили многочисленные подтверждения своей «историчности», в том числе мощи.

В Вестминстерском аббатстве находится рака святого Эдуарда, где хранится оттиск печати красного воска с латинскими словами: «Патриций Артур, император Британии, Галлии и Дании». Гробни-

ца короля-рыцаря считается важной достопримечательностью Гластонберийского монастыря. «В Дуврском замке, — говорится в предисловии Кэкстона к изданию 1485 года романа Мэлори «Смерть Артура», — хранится череп Гавейна и плащ Кардока, в Винчестере — Круглый Стол, в иных же местах — Ланселотов меч и многие другие предметы».

Поэтому не будем смущаться ни материальными доказательствами правоты мифа, ни очевидным его расхождением с действительностью, потому что реалии, реальность вообще, с одной стороны, и миф — с другой, лежат на непересекающихся плоскостях. В работе «Артуровские легенды и их эволюция» А. Д. Михайлов сделал остроумное замечание по поводу культа Иосифа Аримафейского: «Распространению этого культа среди кельтов способствовала простая историческая ошибка: средневековые монахи спутали двух Филиппов — первого епископа Иерусалима, который считался хранителем святых реликвий (чаши и копья), и первосвященника Галлии — и считали, что среди галлов насаждал христианство один из соратников Иосифа Аримафейского. Эта церковная легенда локализовалась в Западном Уэльсе, в Гластонбери, который был местом соприкосновения четырех культур — валлийской, ирландской, саксонской и франко-нормандской. Здесь загадочный Авалон артуровских сказаний столкнулся с христианским мифом и церковной легендой...»

Не только для Кретьена, но и для более позднего Мэлори подвиг во имя святого Грааля отнюдь не означал «вызволнение» чудесной реликвии, хотя оное и отвечало духу эпохи. Не добыча, но одно лишь созерцание священной чаши было целью рыцарства, высшей наградой за подвиг, венцом благих деяний и искуса. Только так можно было освободить от заклятия опустошенную страну. Грааль, как видим, обретает многозначную символику. Это и личное воздаяние, и акт исторической справедливости, рыцарский подвиг и сокровенное посвящение. Не случайно, исцелив увечного короля и разрушив сковавшие Опустошенную страну чары, рыцари обретают святость — кто на небе, кто на земле.

Для интересующей нас проблемы это не менее важно, чем явно гностическая окраска Евангелия от Никодима (IV век), где подробно изложен миф об Иосифе и церемониал с копьем и чашей, который, как вскоре увидим, обретет новую жизнь в колдовских действиях наших дней.

Обратим в этой связи внимание на числовую символику «бретонского цикла», и в частности романа Мэлори, на его, по словам литературоведа И. М. Бернштейн, «круглые», или магические, числа.

«Три девицы сидели на Михайловой горе у великана; *три* девицы встретились Гавейну, Ивейну и Мархальту; *трижды* надо ударить в висящий таз; *три* дня и *три* ночи пролежал в обмороке Тристрам, столько же проспал у Морганы Александр Сирота; *три* дня длится турнир... *трижды* тянет Тристрам меч из головы Мархальта; проехав *три* мили, король Марк встречает *трех* рыцарей; *три* рыцаря...»

За этим навязчивым умножением галльских триад позволительно увидеть не только распространенный эпический прием, но и отголоски эзотерических посвящений. С провалом крестовых походов, с кровью и мерзостью нашумевшего на весь мир тамплиерского процесса закатывался мифический «золотой век» рыцарства. Однако, чем ниже падало реальное значение кольчужной знати, тем выше тщи́лась она вознести свой ритуальный престиж. Созданные в четырнадцатом столетии ордена Подвязки, Благовещения, а затем и Золотого руна уже ничем не напоминали общины суровых крестоносцев. Невозможность возврата к прошлому была очевидна, и зияющую идейную пустоту пришлось прикрыть парадным блеском и пышностью. За Круглым Столом, сама форма которого исключала неравенство, сидели рыцари, завоевавшие это право после трудной полосы испытаний. Зато новоиспеченному кавалеру высшего в Европе ордена Золотого руна не требовалось ни «граалить», ни отправляться в плавание аргонавтов. Не столько личные заслуги, сколько звонкий титул и высокая придворная должность обеспечивали возделенное кавалерство. Заменявший прежнее орденское устройство костюмированный бал оставил, однако, в неприкосновенности степени посвящения, превратившиеся в табель о рангах.

Изначально таких степеней было три: паж, оруженосец и рыцарь. Впоследствии, под влиянием тайных обществ, связанных с альбигойцами, тамплиерами и гибеллинами, число степеней возросло.

Статут учрежденного Альфонсом Девятым, королем Кастилии и Леона, тайного ордена подразумевал уже семь градаций. Об этом свидетельствует само его название *Las siete Partidas* — «Семь частей». Однако и в нем господствовала триада. Рыцари, офицеры и командоры ордена носили одежды трех цветов: белого, зеленого и алого.

Любопытное совпадение: Данте, описывая одежды Беатриче, вновь появившейся в трех кругах рая, перечисляет те же, очевидно, символически очень значимые для него тона:

В венке олив, под белым покрывалом,
Предстала женщина, облачена
В зеленый плащ и в платье огне-алом.

Это из тридцатой песни, а чуть раньше, в двадцать девятой, великий флорентиец дал следующую символическую картину:

...Три женщины, одна — совсем алая;
Ее в огне с трудом бы rozpoзнали;
Другая словно создана была
Из плоти, даже кости изумрудной;
И третья — как недавний снег бела.
То белая вела их в пляске чудной,
То алая, чья песнь у всех зараз
То легкой поступь делала, то трудной.
А слева — четверо вели свой пляс,
Одеты в пурпур, повинуюсь ладу...

Три главные и четыре послушные ладу — итого семь степеней! Какой смысл вложил в эти явно не случайные термины Данте Алигьери? Современник Бонифация VIII и Климента V, поклонник трубадуров и свидетель гонений на тамплиеров, он видел распад старого мира и приветствовал грядущее, благословляя «любовь, что движет солнца и светила».

Даже случайно оброненная великим поэтом фраза порой становится откровением. Пройдя сквозь ад, чистилище и взлетев к эмпиреям, Данте не пытался пророчествовать, но многое угадал.

Минет почти полтысячи лет, и первый консул Бонапарт утверждает цвета итальянского флага, которые уже в следующем столетии станут национальными. Та же комбинация красок, но несколько в иной последовательности...

А в заключение еще одна «сводка» числовых соответствий романа Мэлори, также отмеченных И.М.Бернштейн: *«Семь часов спит Ланселот, заколдованный Морганой; семь лет волшебница из Гиблой часовни любит Ланселота; семь дней идет турнир в Сурлузе; семью ударами Ланселот повергает преследователей Кая; в семь раз ярче дневного света было сияние Святого Грааля...»*

Итак, отметив попутно исключительную важность числовой и цветовой символики в средневековой системе мира, где все отражалось во всем, мы вновь приблизились к загадке Грааля. К его альбигойской версии.

ПОД ТРЕХВЕНЕЧНОЙ ТИАРОЙ

**Капитула
пятая**

СКАНДАЛЬНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ НА ПАПСКОМ ПРЕСТОЛЕ

Подвластно все на свете злату
О Риме так сказал когда-то
Югурта-царь «О город блудный!
Тебя купить ничуть не трудно,
Лишь был бы кто купить готов! »
А ныне мало ль городов,
Где и советы и суды —
Бессовестные слуги мзды?
Так рушат правые порядки
Власть, кумовство, корысть и взятки!

Себастиан Брант О дураках, облеченных властью

Детский стул — судно, на которое вновь избранный папа опускает свою священную задницу для того, чтобы легко можно было проверить его пол. Это делается для того, чтобы не оказаться в том неудобном положении, когда вместо папы избрали папессу

Поль Гольбах

Грубовато, зло, но вызывает любопытство: какая-то папесса? Антиклерикальные издержки века просвещения? «Раздавить гадину», — призывал Вольтер, имея в виду церковь.

Один из пушкинских замыслов, которому не суждено было осуществиться, носит интригующее название «Папесса Иоанна». Пушкин, чьи исторические интересы простирались и на Восток, и на Запад, задумал пьесу в трех актах, героем (вернее, героиней!) которой должен был стать римский первосвященник, наследовавший папе Льву IV, скончавшемуся в 855 году.

Первоначальной план произведения был написан на французском языке в 1834 или 1835 году. Каждая строка гения драгоценна, и трудно устоять от соблазна проведать, что кроется за этой строкой. Особенно в данном случае, когда речь идет о столь парадоксальном сюжете. Папа женщина? Невероятно!

Однако не будем спешить. В библиотеке Ватикана, где я провел считанные часы, нечего было и думать о том, чтобы получить доступ к архивным документам, тем паче столь деликатного свойства. Да и существуют ли они на самом деле? Возможно, вся эта история, скандальная, но жгуче притягательная, не более, чем легенда? В коротком примечании к плану значится следующее: «Если это драма, она слишком будет напоминать «Фауста» — лучше сделать из этого поэму в стиле «Кристабель», или же в октавах».

Пушкин не бросал слов на ветер. Есть основания полагать, что пьеса или драматическая поэма о папессе отнюдь не мимолетная задумка, от которой поэт отказался по зрелому размышлению. По-видимому, тема волновала его и всесторонне исследовалась.

В черновике «Сказки о рыбаке и рыбке», написанной в октябре 1833 года, после стиха «Не садися не в свои сани» идут следующие не вошедшие в издание строки:

Не хочу я быть вольной царицей,
Я хочу быть римскою папой!

Отметим, что золотая рыбка исполнила и это, уж совсем безумное, требование ненасытной старухи.

Воротился старик к старухе,
Перед ним монастырь латынский
Сидит его старая старуха
На старухе сарачинская шапка,
На шапке венец латынский

Согласно замыслу пьесы, дочь ремесленника Жанна, одержимая тягой к знанию, наряжается в мужскую одежду и под видом странствующего школяра прибывает в Англию. Там она поступает в университет и успешно защищает диссертацию по богословию. Перед молодым теологом открывается блестящая карьера: аббат крупного монастыря, кардинал и, наконец, вышший иерарх римско-католической церкви — наместник святого Петра.

Первое действие условно можно было бы назвать «Детство и юность Жанны», второе (в переводе с французского) Пушкин написал следующим образом:

«Жанна в университете под именем Иоанна Майнцкого. Она сближается с молодым испанским дворянином. Любовь, ревность, дуэль. Жанна защищает диссертацию и становится доктором. Жанна в качестве настоятеля монастыря; строгий устав, который она там вводит. Монахи жалуются.

Жанна в Риме, кардиналом, папа умирает — конклав — ее делают папой».

Наконец, третье, в котором действительно явственно слышится перекличка с «Фаустом»:

«Жанна начинает скучать. Приезжает испанский посланник, ее товарищ в годы ученья. Они узнают друг друга. Она грозит ему инквизицией, а он — разоблачением. Он пробирается к ней. Она становится его любовницей. Она рождает между Колизеем и монастырем... Дьявол ее уносит».

Пушкин, как это можно понять из плана, ознакомился с различными версиями скандальной истории, весьма популярной в средние века. Впрочем, есть и примечательные анахронизмы. Правление папессы Иоанны относят к середине IX века. Инквизиции, которой она грозит испанцу, тогда не было и в помине. Инквизиционный трибунал учредили только через четыре столетия. Но не это главное. В плане упоминается конклав¹, но в те времена папу избирали не на собрании кардиналов, а на площади, где тон зада-

¹ Собрание кардиналов буквально «запертые на ключ»

вал римский плебс. Увы, это на первый взгляд незначительное обстоятельство сыграло определяющую роль в судьбе Жанны, если, повторяю, она действительно выступала на подмостках истории.

Итак, вновь перенесемся на улицы Вечного города и попробуем, как говаривал доктор Фауст (реальный прототип героя Гете), «облечь скелет мясом». Тем более что такую попытку однажды уже сделал грек Эммануил Ройдис, написавший одноименный с пушкинским замыслом роман.

У Ройдиса Иоанна предстает дочерью английского монаха, посланного миссионером к германским язычникам, что, разумеется, не меняет основной канвы. Особо стоит остановиться лишь на эпизоде, в котором Иоанна, приняв обет, меняет женскую обитель на мужскую, где проводит счастливые ночи с любовником — монахом Фроментием.

Подобные эскапады и впрямь случались, особенно в Италии, о чем свидетельствуют не только хронисты, но и писатели, досконально знакомые с бытом и нравами монастырей. В частности, Боккаччо, чьи гривуазные сентенции будут как нельзя более кстати.

«Мазетто из Лампореккио, прикинувшись немым, поступает садовником в обитель монахинь, которые все соревнуются сойтись с ним».

День третий. Новелла I

«Одна настоятельница поспешно встает впотьмах, чтобы захватить в постели с любовником монахиню, на которую ей донесли; так как с нею самой был тогда священник, она, полагая, что накинула на голову вуаль, набросила поповские штаны; когда обвиненная увидела их и указала настоятельнице, ее отпустили, и она спокойно осталась при своем любовнике».

День девятый. Новелла II

Лишь одна подробность вызывает сомнение. Трудно поверить, что Жанна и Фроментий провели на тесном келейном ложе... семь долгих лет. Как бы там ни было, но любовников все же застали на месте преступления. Вынужденные бежать, они долго скитались по градам и весям, пока не обрели приют в Греции, в отшельнической пещере Дафнийского монастыря.

По-видимому, жилось им там не столь привольно, как прежде, а вернее всего, Иоанне просто наскучило монотонное существование. Тайно покинув опостылевшего партнера, она отправляется навстречу новым приключениям. В Рим, куда, как известно, ведут все дороги.

Здесь нам предстоит окунуться в реальную историческую атмосферу более чем тысячелетней давности. Поэтому оставим литературную тему и отрешимся от смутных преданий. За многочисленными рассказами о женщине-папе стоит нечто более

достоверное, нежели просто легенда. Такого мнения, кстати, придерживаются многие серьезные историки, в частности М. Шейман, автор монографии «Папство»:

«Нет ничего удивительного в том, что в период, когда папство находилось в состоянии полного разложения и крайнего морального упадка, на папском престоле оказалась женщина... папесса Иоанна, правившая под именем Иоанна VII».

Мне удалось найти выдержку из хроники летописца Мартына Польского, написанной не позднее 1278 года. В ней прямо и недвусмысленно говорится о том, что преемником папы Льва IV был Иоанн Англичанин (!), который занимал папский престол 2 года, 7 месяцев, 4 дня и умер в Риме. «Говорят, — отмечает хронист, — он был женщиной в мужском платье».

И еще одно авторитетное мнение. Ян Гус, вождь чешской реформации, сожженный на костре, неоднократно упоминал в своих проповедях о столь беспрецедентном казусе. А к слову мудрого свободолюбца стоит прислушаться. Оно не заглохло во тьме столетий. Недаром памятник Гусу на центральной площади Праги стал главной трибуной «Чешской весны».

Когда на Констанцском соборе Гуса обвинили в том, что он говорил, будто церковь может существовать без видимого главы, он ответил:

«Без главы и без начальника была церковь, когда в течение двух лет и пяти месяцев папствовала женщина Иоанна».

Так говорят обычно о факте, причем общеизвестном. Показательно, что обвинители не смогли возразить пражскому епископу. Очевидно одно: они тоже знали, что речь идет о действительном происшествии.

Распад государства франков, созданной Карлом Великим европейской империи, избавил пап от зависимости королевской власти. Но ненадолго. Святой престол вскоре стал разменной монетой в руках римских феодалов. Патриции одного за другим свергали и убивали — главным образом, душили — своих архипастырей, чтобы посадить на трон очередную марионетку. Случалось, что одновременно царствовали двое, а то и трое понтификов. Так, с 891 по 931 годы, т. е. всего за сорок лет, сменились пятнадцать пап. Некоторые из них правили христианским миром менее года.

Такие знатные патрицианки, как Феодора и ее дочери, сажали на престол своих любовников, которых затем благополучно отправляли на тот свет, чтобы взять новых. Мароция, старшая дочь Феодоры, возвела в папы своего двадцатилетнего сына, который во всем слушался матери. Затем папой сделался ее восемнадцатилетний внук, превративший папский дворец в настоящий вертеп. На оргиях сей достойный отпрыск высокородных блудниц поднимал бокал во здравие сатаны. Обряд посвящения он совершал в конюшне, где однажды надел епископскую митру на десятилетнего мальчика.

Примечательно, что и внук, и сын Феодоры выбрали себе то же тронное имя, что и наша папесса — Иоанн.

Такая осознанная преемственность наводит на грустные размышления.

Рим словно бы перенесся во времена Вителлия или Нерона. О нравах, царивших в тот период в Латеранском дворце, можно судить и по следующему эпизоду. Папа Стефан VI люто ненавидел своего предшественника Формозу. Труп одного Формозы по приказу нового главы церкви вырыли из могилы, облачили в парадные одежды и посадили на трон. Для чего, спрашивается? Лишь для того, чтобы устроить посмертный судебный процесс. Покойника обвинили в незаконном захвате власти. Казнь мертвеца заслуживает подробного описания. Сначала ему отрубили на правой руке три пальца, которыми благословлялся народ, затем сорвали золотые одежды и бросили в Тибр.

Вернемся, однако, к нашей героине. Ее удивительная жизнь примечательна уже сама по себе, однако в нашем случае Иоанна вызывает особый интерес своими познаниями в сфере магии, алхимии и прочих тайных наук. При первой встрече она настолько приворожила к себе Льва IV (понтификат 847—855), что он определил ее профессором теологии в школу святого Мартина, на кафедру, где восседал некогда сам святой Августин. Вскоре о молодом красноречивом богослове заговорил весь Рим. Послушать его проповеди приезжали издалека. Не о догматике, не о высокой премудрости вещал медоточивый пастырь, не страшил он и муками ада, не призывал к покаянию. Речь велась о предметах понятных, льстящих слуху и, главное, привлекательных. Словословия в честь конкретного папы и папской власти вообще сменялись рассуждениями о физике Аристотеля, гимны Христу — рецептами из медицинских книг язычников вроде Сервилия и Самоника.

Иоанна, бесспорно, была образованной женщиной. Недаром она первой в Италии ввела в моду рифмованные стихи. О занятиях черной магией, коим она предавалась наедине, не было сказано и полслова. Зато, разливаясь соловьем, она взалхлеб цитировала медицинские вирши какого-нибудь Луксория, в том числе и такие:

Если же задний проход поражен злосчастным недугом,
То чилибуху берут, что кротам своей силой враждебна,
И белену, составляя из них превосходное средство.
Выпьешь их вместе, — и кровь успокоится мало-помалу.

Паства выслушивала с глубоким и благодарным вниманием: геморрой был широко распространен во все времена. Неизвестно, помогало ли снадобье земляка славного Апулея, но ясно одно: чилибуха и белена — растения очень ядовитые, и приготовленная из них микстура могла легко препроводить на тот свет. Иоанна знала толк в ядах.

Папа между тем благополучно старился и глупел. Вздумав однажды, уподобясь апостолу Петру, пройти по воде, аки посуху, он с головой окунулся в холодные волны и подхватил ревматизм.

Тут и пригодилась рецептура Иоанны. Не знаю, чем она пользовала его: мазями, травяными настоями или пассами, подобно Джуне, по слухам допущенной к Брежневу, но папе вроде бы становилось легче. На радостях он возвел профессора теологии в тайные секретари. Должность, по нашим меркам, соответствующая первому помощнику генсека. Власть Иоанны сделалась почти безграничной. От секретаря зависело главное: доступ к высочайшей особе, к «телу». Вскоре вокруг нее сформировалась своего рода мафиозная структура, в которой сама Иоанна стала бесспорным вождем и авторитетом. Кое-кто начал уже подумывать о замене хворого Льва, засидевшегося на троне. Тайный секретарь держался по-прежнему скромно и с многозначительной улыбкой пресекал крамольные речи.

Уединившись в капелле, Иоанна молила Пречистую Деву прибрать к себе дряхлеющего страдальца. Как знать, не прибегала ли она и к иным средствам, дабы ускорить долгожданный момент? О традиционных ядах вопрос не стоит. Ни хроники, ни легенды, к чести Иоанны, не содержат упоминания о мышьяке и цикуте, издавна полюбившихся римлянкам, которым надоели мужья или мешали соперницы. Зато насчет колдовства есть кое-какие намеки.

Закутавшись в черный плащ, пробиралась злокозненная дочь Альбиона в какой-нибудь заброшенный храм, дабы свершить тайный обряд, именуемый на языке посвященных энвольтованием на смерть, или мессой святого Секария. Восковую куколку, замешанную на прахе могильном и нареченную Львом, опускала она на алтарь и кадила дурманом, взывая к духам всяческой тьмы, втыкала раскаленные иглы.

Скорее всего, первым отреагировал ад, хотя не было, как только что говорилось, забыто и небо. Состояние Льва ухудшалось не по дням, а по часам. Не помогали ни молитвы, ни лекарства прославленных медиков, знакомых с секретами мавританских каббалистов и терапевтов Эскулаповой школы.

В надежде на подсказку свыше, епископальный совет распорядился перенести папу в крипту святого Тибурция, дабы тот открыл рецепт подходящего снадобья. На четвертые сутки бедняга испустил дух.

Встал вопрос об избрании преемника. Не на конклаве, как полагал Пушкин, ориентируясь на современный ему и нам порядок.

В ранней церкви епископы, включая верховного — Римского, избирались всей общиной. Разумеется, знатные и богатые играли тут первую скрипку. Подобная избирательная кампания во многом напоминала прелестные игры сегодняшнего дня. Голоса покупались

открыто. Щедрые посулы и лесть сопровождалась дармовой выпивкой. Непотребные девки, задрав юбки метались среди гомонящих толп, раздавая бесплатные поцелуи. Одни отдавали свой голос за серебро, другие — за хмельную кружку, третьи — за торопливые ласки, но все хором клевали на безотказный крючок: справедливость, порядок, процветание.

Именно с такой программой выступила невесть откуда взявшаяся «партия», что требовала тиары для отца Иоанна, мудрого и смиренного, кроткого и прекрасного ликом монаха Бенедиктинского ордена.

И вот свершилось, казалось бы, невозможное. Под именем Иоанна VIII новый глава церкви был возведен на золотой трон в Латеране и увенчан тиарой с двумя (третья появится спустя века) коронами.

Опустим подробности правления Иоанны. Они не существенны и ничем не отличаются от прежних понтификатов. Нас привлекает заключительный аккорд. Достигнув высшей власти, Иоанна могла свободно вздохнуть и завести друга сердца. Выбор пал на Флора, сына покойного Льва, именуемого по традиции «племянником». Его ложе находилось в светелке, примыкавшей к спальным покоям ушедшего папы. Он был, что называется, под рукой.

В урочный час папесса забеременела. Растущее чрево удавалось скрывать под пурпурной мантией, но настал неизбежный момент, когда тайное стало явным.

Упомянутый выше хронист отмечает, что Иоанна забеременела от служащего курии, и это ничуть не противоречит первоначальной версии, ибо Флор носил высокое звание тайного камергера. Роды случились по дороге в Латеранский дворец. Покровительствовавшие Иоанне высшие силы послали ей скорую смерть от горячки.

Конец папессы описал французский фельетонист и мистификатор Лео Таксиль, чьи дерзкие проделки никак не способствуют читательскому доверию. Тем не менее его версия заслуживает внимания.

«Смерть Иоанны была трагична: в день Вознесения, которое, как обычно, знаменуется крестным ходом, папесса в парадном облачении первосвященника, в порфире, во главе процессии верхом на коне, согласно установленному ритуалу, окруженная свитой епископов и сановников, вельможами и многотысячной толпой, торжественно направилась в базилику святого Петра.

По пути родовые схватки одолели ее с такой силой, что она упала с лошади. Терзаясь, она каталась по земле и издавала нечеловеческие вопли. Наконец, разорвав покрывавшие ее священные одежды, в страшных конвульсиях она разрешилась от бремени.

Рассвирепевшие священники не только не позволили оказать ей помощь, но, окружив ее плотной цепью, как бы желая укрыть от любопытных взоров толпы, проклинали, осыпали грязными ругательствами, пока она не испустила дух.

Во время ее предсмертной агонии эти изверги задушили ребенка, которого она произвела на свет.

Главный аргумент христианских писателей, настойчиво отрицавших существование папессы Иоанны, основан на том, что Бог никогда не допустил бы такого вопиющего позора и потому престол святого Петра, учрежденный самим Иисусом, не могла занимать распутная девка. Довод, конечно, солидный!»

Как уже говорилось, Иоанна направлялась не в базилику святого Петра, а в Латеран, но это не означает, что Таксиль допустил анахронизм. Современный собор действительно был начат постройкой 18 апреля 1506 года, однако еще в IV веке на том же месте стоял другой храм, возведенный при Константине.

В реестре пап для Иоанны не отведено места. Понтификат означенного там Иоанна VIII приходится на 872—882 годы. Это ничего не опровергает, но и ничего не доказывает: подправлять историю умели еще в Египте. Порядковый номер 8 получил следующий понтифик, принявший это же имя. Иоанн XXIII — абсолютно реальная фигура, чье надгробие я видел воочию, тоже исчез из реестра, чтобы возникнуть вновь через пятьсот лет, уже в наше время, но в образе совсем иного человека — мудрого и благородного.

СВЯТЕЙШИЙ ПИРАТ

Допустим, папа, дар беря назад,
Не причиняет никому урона —
Мол, семена взойдут, и я богат;
Допустим, столько символов законной
Он даст мне власти, сколько с потолка
На папских мессах не видал Иона;
Допустим, щедрая его рука
В карман мне золото сыплет, не жалея,
И в рот, и в чрево — аж трещат бока...
Но неужели в этом панацея?
Ужель возможно методом таким
Унять во мне алкающего змея?

Лудовико Ариосто

Тройная корона возвышает папу над императорами и королями, символизируя его тройственные права как верховного судьи, законодателя и священнослужителя. Согласно Геродоту, тиара являлась регалией персидских царей и никаких венцов на ней не было. Первая корона появилась, когда папы получили права светской власти. Второй венец появился в конце XIII столетия, при папе Бонифации VIII, и уже в следующем веке Урбан V добавил третий.

Таким образом, понтифик, с которым нам предстоит познакомиться, надевал по торжественным дням трехвенечную, с крестом на маковке, корону судьи, законодателя и первосвященника.

Жизнь его была поистине удивительна, но начать придется издалека...

В библиотеке бывшего монастыря премонстрантов, возле чешского городка Тепла, мне попалась рукопись на немецком языке, предположительно принадлежащая алхимику Мельхиору фон Блаузее. О нем известно лишь то, что он окончил свои дни в темнице, куда его заключил французский король Карл VII (1403—1461), тот самый, который получил корону из рук Жанны д'Арк. Неблагодарный, как и положено властелину, он выдал Орлеанскую деву англичанам. При нем закончилась Столетняя война, длившаяся, кстати, 116 лет, а французская церковь получила определенную независимость от папского трона.

Когда и при каких обстоятельствах Блаузее, которому приписывают открытие неведомого «зеленого олова», попал во Францию, сегодня не скажет уже никто. Можно не сомневаться, что король добивался секрета философского камня. Что еще нужно сильным мира сего от бедных искателей магистериума, если не золота?

По странной случайности манускрипт Блаузее навел меня на след еще одного удивительного папы, также исключенного из реестра. О нем и пойдет рассказ. Содержащийся там любовный эпизод

я выдумал, так как это понадобилось мне для одного из романов. Сведенный здесь до минимума, он тем не менее оставлен, ибо служит связующей нитью между алхимиком и его сотоварищем по университету — будущим папой Иоанном XXIII.

Доброго католика Мельхиора фон Блаузее привело в Италию пламенное желание постичь истинное предназначение рода человеческого, ввергнутого с рождения в круговорот скорбей. В пятнадцать лет, получив благословение батюшки и рекомендательное письмо местного священника, он покинул родной Хеб, старинный славянский городок на западной границе Богемского королевства, и пешком отправился в Париж. Привлеченный славой Сорбонны, Мельхиор намеревался одолеть премудрости семи свободных искусств и подготовиться к сдаче магистерского экзамена. Однако ему не суждено было получить украшенный тяжелыми печатями свиток. Сожжение ведьм, которым встретила философа гостеприимная столица Франции, произвело на его нежную, чувствительную душу столь тягостное впечатление, что он поспешил примкнуть к процессии богомольцев, направляющихся в Рим.

Диплом магистра наук и доктора теологии¹ потерял в его глазах всякую ценность. Хотя нравы на далекой родине были ничуть не мягче, Мельхиора потрясло лицемерие обаятых пламенем женщин. Среди тридцати шести преданных казни колдуний было несколько совсем еще юных, почти девочек. Созданное всевышним промыслом здание мира мыслилось совершенным, а принесенная на Голгофе искупительная жертва наполняла все сиянием вечной жизни. Столь вопиющая жестокость пятнала белоснежные одежды матери-церкви, обратив в развешающийся яд даже кристальную влагу схоластических истин. Чтобы жить дальше, следовало поскорее забыть о зверствах.

Посетив святыни Вечного города, неутомимый искатель перекопывал в Болонью, где и обрел временное успокоение в стенах древнейшего университета Европы. Это были самые счастливые годы для молодого чужеземца. Проявленное им прилежание, равно как и глубокий критический ум, счастливо соединенный с благочестием, не остались без внимания. Тем более что Мельхиор, обнаружив редкие способности к языкам, снискал известность утонченного знатока древних манускриптов, считавшихся еретическими и именно поэтому вызывавших жгучий интерес. Расшифровав несколько темных, нарочито запутанных сочинений, приписываемых Гермесу Трисмегисту, он удостоился аудиенции сангроского кардинала, который без долгих разговоров пригласил его к себе на службу.

Этой встрече суждено было сыграть в судьбе Мельхиора фон Блаузее поистине роковую роль.

Прослышав, что где-то в Ночере хранится список с секретного спагерического² сочинения, кардинал, будучи охоч до всего запрет-

¹ Обычная в то время ученая степень.

² «Спагерическое искусство» — алхимия.

ного и таинственного, спешно снарядил своего нового секретаря в поездку. Вместе с инструкциями ему вручили туго набитый золотыми флоринами кошель и длинное послание к епископу Ночеры. Несмотря на то что даже папы не брезговали алхимическими изысканиями, дело это было чрезвычайно тонкое и даже рискованное. Мельхиор, однако, чувствовал себя на седьмом небе. Впервые в жизни ему предоставлялась возможность попутешествовать не на своих двоих, а в крытом возке, запряженном мулами.

Епископ встретил посланца как родного. Поселил у себя во дворце приставил расторопных слуг и вообще окружил заботой и лаской. Вскоре искомый список был обнаружен, и Мельхиор незамедлительно приступил к его расшифровке. Работал он со вкусом, не торопясь. Следовало соблюдать осмотрительность, ведь бредущего в алхимических потемках на каждом шагу подстерегают ловушки.

Вначале Мельхиор попытался овладеть условными значками алхимиков, выражавшими подчас самые разнообразные понятия. Трудность состояла не только в том, что одним и тем же символом обозначались, допустим, Солнце и золото, железо и Марс. Это-то лежало на поверхности. Поднаторев в расшифровке, здесь можно было не бояться ошибки. Куда труднее оказалось постичь другие сопоставления. Так, например, одинаковыми рогами и перечеркнутыми кружками изображались каменная соль и созвездие Тельца, дух и спирт. Как тут разобраться, что к чему? С другой стороны, возгонка ртути представлялась сразу в двух вариантах.

Пришлось потратить, не жалея свечей, не одну ночь, прежде чем начали понемногу спадать покровы с таинств. После многомесячного бдения Мельхиор знал спагерическую знаковую систему почти наизусть. Но он понимал, что одного этого еще недостаточно. Требовалось большее: научиться мыслить спагерическими иероглифами, чтобы высвободилась в сознании волшебная суть, запечатанная в них, как в герметических сосудах. Даже гуляя с вошеной табличкой по саду, он совершенствовал память, чертя и стирая чернокнижные письма.

Овладев словарем и грамматикой языка-шифра, Мельхиор фон Блаузее принялся за чтение рукописи, озаглавленной «Дорога дорог». В ней содержался верный рецепт изготовления философского камня. Она была составлена в виде письма Альберта из Виллановы папе Бенедикту XI.

«Почтенный отец! — обращался к своему тюремщику брошенный в тесную одиночку ученый. — Приблизь с благоговением ухо и знай: ртуть есть семенная жидкость всех металлов... И вот доказательство. Всякое вещество состоит из элементов, на которые его можно разложить. Возьму неопровержимый и легко понимаемый пример. С помощью теплоты лед легко расплывается в воду, значит, он из воды. Металлы растворяются в ртути, значит, ртуть есть первичный материал всех металлов...»

Размышляя над смыслом этих фраз, Мельхиор задумчиво бродил по дорожкам, вдыхая пряный аромат белоснежных лилий. Незаметно для себя он забрел в самую глухую часть сада и оказался возле решетки.

В этой смиренной обители Ордена святого Доминика укрылись от мира девять молодых монахинь, отданных на попечение Леоноры дельи Альбериге, девятнадцатилетней аббатисы. Все они, не исключая и саму Леонору, дочь герцога, приняли постриг исключительно под давлением семьи и томились в монастырских стенах, куда их привезли семилетними девочками.

Скуку неизменного распорядка с его литургиями и литаниями не могла скрасить даже повсеместно распространившаяся свобода нравов. Роскошь, окружавшая «христовых невест», принадлежавших к самым знатым фамилиям, не могла долго противостоять беспросветной тоске и одолевавшему плоть зову. Напротив, изысканные яства и заморские вина, подаваемые к трапезе, лишний раз развязывали воображение, заставляя с болезненным интересом прислушиваться к искушающим нашептываниям товаров по заточению.

Не способствовали строгому выполнению обета и наряды девиц, выгодно подчеркивающие их природное очарование и стать. Не составляло тайны, что почти у каждой был высокопоставленный покровитель — граф или герцог, а то и церковный прелат. Свидания устраивались легко. Посещение обители было не только разрешено неписаными правилами, но и считалось хорошим тоном.

В дни карнавала, который в иных местах растягивался чуть ли не на полгода, залы для общих молитв превращались в маскарадные чертоги. Вереницы смеющихся гостей с хохотом проносились по аскетическим дортуарам. Чем фривольнее была маска, тем больший успех выпадал на долю ее обладателя. Не желая ни в чем отставать от своих веселых гостей, предприимчивые монашки, случалось, даже решались примерить мужское платье. И это тоже сходило с рук. Своим откровенным презрением к пережиткам раннехристианской морали итальянские монастыри резко отличались от орденских заведений во Франции и немецких землях. Распушенность, по-своему бытовавшая и там, тщательно скрывалась за внешним подчеркнuto ханжеским благолепием.

Вот почему Мельхиор сперва даже не понял, с кем он имеет дело, когда его рассеянно блуждающий взор неожиданно остановился на смуглой мордашке, мелькнувшей в зарослях деревьев.

При виде остолбеневшего богослова с восковой табличкой в руках незнакомка смело выступила из тени и, словно давая разглядеть себя со всех сторон, повернулась бочком. На ней было облегающее короткое платьице из тончайшей шерсти и кокетливая шапочка, перевитая ниткой крупного жемчуга. У корсажа белели тугие бутоны роз. Лишь на левом плече виднелся выши-

тый крестик, изобличая аббатису Доминиканского ордена. Уставной головной накладки не было и в помине, и это почему-то больше всего смутило бедного богослова. Лишь дьявол мог принять столь обольстительный и греховно-кошунственный облик. Мельхиор, как замороженный, сделал шаг и приблизился к самой решетке.

— Вам угодно о чем-то спросить меня, доминe доктор? — Перебирая граненые четки, она озарилась дерзкой улыбкой.

— Нет, монна¹, — пробормотал он, преодолевая смущение.

— А я видела вас однажды в церкви святого Рокко.

— В самом деле? — почему-то обрадовался Мельхиор. Увлеченный своими научными занятиями, он беззастенчиво пропускал службы, выходя только к терции². Теперь он припомнил, что тогда на празднике Марии Матери Божьей пел хор христовых невест.

Эта встреча положила начало их любви — невозможной, непозволительной, преступной. Для дочери герцога и тирана³ это было лишь средство избавиться от смертельной скуки, очередной забавой, которую легко оборвать и забыть. А безземельный рыцарь, сбежавший от нищеты на чужбину, и впрямь вплотную приблизился к смерти, стал бессловесной игрушкой легкомысленной донны. Алхимические бредни пришлось оставить. Забросив расшифровку «Дороги дорог» ради владычицы мечтаний и дум, Мельхиор рисковал лишиться благоволения кардинала. Его выручила только заваруха в римской курии.

Высокопреосвященному князю церкви было теперь не до спагетического искусства. Впервые после семидесятишестилетнего перерыва в Ватикане собирался чрезвычайный конклав. Среди кардиналов, созданных на выборы наместника святого Петра, итальянцы составляли жалкое меньшинство. Основной тон задавали французы, жаждавшие поскорее вернуться в Авиньон, дабы вновь предаться привычным излишествам и лени. Однако полного единства в их стане никогда не было. Северяне, стремясь протащить на престол своего человека, интриговали против южан, а южане готовы были стакнуться с кем угодно, чтобы только не пропустить бретонского или нормандского варвара.

Обстановку накаляли крики римского плебса, осадившего дворец, где, согласно обычаю, были замурованы кардиналы-выборщики. Вновь обрести свободу они могли, только огласив имя нового главы христианства. Да и то сомнительно, потому что собравшаяся под окнами двадцатитысячная толпа не на шутку грозила расправой.

— Римлянина, римлянина, римлянина! — скандировали разгоряченные вином патриоты. — Папа должен быть римлянином! Если этого не будет, мы перебьем всех!

¹ Моя госпожа (*ит.*), сокращенное от «*mia donna*»

² Утреннее богослужение

³ Правитель города в средневековой Италии

Чтобы как-то успокоить орущую чернь и выиграть время, папские регалии силком надели на брыкавшегося что было мочи кардинала Теомбалдески и толкнули его на балкон.

— Папа не я! — бился он в иступлении, страхась неминуемой расплаты. — Они вас обманули! Я не хотел!..

Но его визги потонули в густом торжествующем гомоне, жутком, ни на что не похожем реве охваченной истерией толпы.

Кардиналам не осталось ничего другого, как увенчать тиарой первого попавшегося итальянца. Разумеется, в порядке временной меры, чтобы поскорее вырваться из этого проклятого города. В Авиньоне они надеялись все переиграть.

По обыкновению политиканов невысокого пошиба, заботящихся только о собственной выгоде, выборщики одну за другой отвергли все мало-мальски достойные кандидатуры и остановились на самой ничтожной — на «серой лошадке», от которой ожидали полного послушания. Сошлись на том, что папой всего на несколько дней станет Бартоломео Приньяно, архиепископ Бари, не имеющий даже кардинальской шапки.

— Когда все уляжется, ты отречешься от престола, — инструктировал его ведавший делами двора кардинал-камерленго. — А в награду мы сделаем тебя полноправным кардиналом.

Бартоломео с готовностью согласился и был коронован трехвечной тиарой под именем Урбана VI. Уже на другой день после торжественной церемонии участники конклава поняли, что жестоко просчитались. Ни о каком отречении новый понтифик даже не помышлял, а в ответ на деликатное напоминание сотворил непристойный жест.

— Идиот! — во всеуслышание обозвал он кардинала Орсини, знатнейшего из знатных. — Да и все вы, в сущности, дураки. Нужна мне ваша красная шапка, как же! Да у меня их теперь полные сундуки.

Первейшим его шагом на новом поприще стала раздача кардинальского сана наиболее преданным архиепископам. Обеспечив себе столь простым маневром большинство, он заявил, что останется здесь, в Италии, где за него стоит горой вся римская чернь.

Выказав себя человеком твердым и властным, к тому же искусным законником, новый папа заявил, что запретит симонию¹, приносившую кардиналам сказочные барыши.

Война, таким образом, была объявлена не на живот, а на смерть. «Серая лошадка» обернулась свирепым алчущим волком.

Обескураженные кардиналы объявили избрание Урбана не имеющим силы, навязанным извне, но тут же, опровергая собственное заявление, постановили направить в Рим делегацию с беспрецедентным посланием.

---

¹ Торговля церковными должностями

«Мы согласны, чтобы ты продолжал управлять церковью, — говорилось в нем узурпатору святейшего престола. — Но мы решили назначить опекуна, дабы он помогал тебе в отправлении должности, которую ты не способен занимать в силу самой природы своего естества, равно как и грубости».

Папа встретил делегатов уже знакомым простонародным жестом. Это и послужило формальным поводом к началу военных действий.

В Англии, Наваррском королевстве и пограничной с ним Басконии стали спешно формироваться отряды наемников, а во всех провинциях и городах Апеннинского полуострова началась жестокая резня. Одна сторона стояла другой.

Кардиналы, объявившие преданного анафеме Урбана самозванцем, избрали новым наместником Божиим Роберта Женевского, законченного бандита. По наущению Урбана римские погромщики принялись убивать всех иностранцев, которых считали сторонниками кардиналов-бунтарей. Методы борьбы и соответственно зверства по отношению к мирному населению были схожи до неразличимости. И там, и тут резали, грабили и жгли во имя святейшего отца христианства.

За Урбана горой стояли города в Италии и Германии, его поддерживали Англия, Венгрия и Польша. На стороне Роберта, ставшего Климентом VII, были Франция, Шотландия, Испания, Савойя и Неаполитанское королевство.

В эту разорительную внутрицерковную битву была вовлечена вся клерикальная Европа, включая подвижников веры, еще при жизни причисленных к лику святых.

У простого народа созрела крамольная мысль, что у антихриста две ипостаси. Во всяком случае, оба папских двора достигли крайнего предела разложения. Свидетельства всеобщего распада были настолько очевидны, что не составляли тайны ни для вождей, ни для их кровавых сатрапов. Все наиболее гнусные и жуткие формы террора, все самое недостойное и отвратительное, что только таится в смрадных пучинах взбаламученного моря житейского, было поднято на поверхность и пущено в дело. Что в Риме, что в Авиньоне отъявленные подонки поднимались на верхние этажи власти и тут же принимались творить всевозможные гнусности.

Урбан первым понял, какого типа подручный требуется ему в такой войне, и обратился к предводителю пиратов Балдазаре Коссе.

Четыре года его трехмачтовые корабли с косыми, на разбойничий манер, парусами свирепствовали в средиземноморских водах. Косса грабил всех без разбора: мусульман и христиан, включая соотечественников-итальянцев и осевших на Родосе последних госпитальеров. Только суда, плававшие под флагом Прованса, могли беспрепятственно действовать в изрезанной укромными бухтами берберийской акватории, где большей частью

охотился удалой Балдазаре. Причина была достаточно уважительная: на службе прованского герцога состоял единоутробный братец Гаспар, такой же пират.

Имя Балдазаре гремело от Александрии до Геркулесовых Столбов. Никто не мог быть спокоен за свою жизнь. Вчера пираты ворвались в испанскую крепость, сегодня их видели в Сардинии или на Мальте, завтра они могли атаковать Неаполь или высадиться на мавританском побережье, где прятали награбленное добро корсары-магометане.

После каждого похода Косса исправно возвращался домой, к доброй морщинистой маме — тучной, но подвижной и экспансивной, как все итальянки.

— Это тебе, — скупно ронял он, вручая какую-нибудь заморскую диковину, и почтительно целовал руку.

Последняя операция была особенно удачной. Захватив две боевые галеры родосских братьев, как стали с недавнего времени именовать госпитальеры, Косса привез к себе на Искию несметные сокровища: тяжеловесные золотые сервизы, украшенные драгоценными одежды, редкостное оружие и, конечно, мешки со звонкой монетой. Дукаты, динары, цехины, реалы, торнези, константинаты — все перемешалось при пересыпке.

Выточенную из цельного смарагда чашу, оправленную в золото, он преподнес мамочке.

— Куда столько всего? — всплеснула она руками, втайне любясь рослым красавцем сыном, который не знал поражений и привык первенствовать во всем. — В нашем палаццо уже не осталось свободного места. Скоро ты весь остров завалишь золотом. Зачем так много? А эти толпы несчастных пленных? Они измучены и еле держатся на ногах. Мне даже негде их разместить. Неужели их нельзя было распродать по дороге? Про женщин я уж и не говорю, Балдазаре. До них ты всегда был жаден. Но ведь должен же быть предел! Пора, давно пора остановиться на какой-то одной. Неужели ты еще не перебесился? Опомнись, сыночек. Твои безумства не кончатся добром. Ты должен остепениться и начать совершенно новую жизнь. Если ни одна из юных красоток, которых я устала кормить, не смогла надолго удержать тебя в своих объятиях, то самое время вспомнить о Боге. Из нашего рода вышло столько знаменитых служителей церкви! Почему бы тебе не стать одним из них? Тогда бы я могла умереть спокойно.

Это наставление, как и все предыдущие, Балдазаре выслушал вполуха. Но, как явствует из последующих событий, материнские молитвы были услышаны.

Не прошло и месяца, как пиратского главаря пригласили к его святейшеству.

Косса облачился в самое скромное платье, надел плащ из тонкой романьолы¹ и отправился в папский дворец.

¹ Сукно, вырабатываемое в горах Романьи.

— Мне говорили о тебе как об отважном, решительном человеке, — с места в карьер начал Урбан, внимательно оглядев великолепно сложенного кондотьера с необыкновенно одухотворенным лицом, обветренным и загорелым до черноты.

— Тебе правильно говорили.

— Ты знаешь, что мои войска потерпели поражение? Неблагодарный Карл Дураццо, которого я своими руками посадил на неаполитанский трон, переметнулся к антихристу и открыто выступил против меня.

— Я избавлю тебя от этого врага, — уверенно пообещал Косса.

— Но для успешного ведения военных действий требуются немалые средства, а моя казна опустошена. Пришлось даже перелить церковные блюда и дароносицы.

— Я дам тебе денег и соберу твоё рассеянное войско в единый кулак.

— Тебя послало мне само провидение! — Урбан выразил свое удовлетворение скупой улыбкой. — Мне говорили, что ты знаком с теологией. Это верно?

— Сказать, что я знаком с теологией, равносильно предположению, что я разбираюсь в морском деле. — Балдазаре надменно вскинул подбородок. — Я не просто знаком. Я теолог, святой отец, и хорошо знаю каноны. Ведь не даром же мне пришлось пять лет корпеть в Болонье. По всем предметам я шел в числе первых и лишь волей случая не получил диплома.

— Значит, так тому и быть, — заключил папа, строя далеко идущие планы.

— Аминь, — отозвался Косса.

Верный излюбленному тактическому приему захватить противника врасплох, новый главнокомандующий обрушился на разрозненные отряды Карла, отбил одиннадцать катапульт и погнал отступающих к морю.

Папа тут же посвятил едва отмывшегося от крови победителя в священнический сан и поручил ему возглавить следствие над опальными кардиналами, которых подозревал в пособничестве врагу. Князей церкви вместе с их наиболее доверенными приближенными перевезли в Ночеру и разместили в подземной тюрьме.

Косса взял себе в подручные самых отчаянных головорезов из числа соратников по пиратским баталиям. Он не ошибся в выборе. Сменив abordажные крючья на тиски и клещи, они выказали себя прирожденными мастерами пыточных дел. Закованных в цепи епископов доставили из подземной тюрьмы в следственную камеру, где уже все было готово для пытки: пропущенные через блоки веревки, раздвижные доски с клиньями, «испанские сапоги». Даже желоба для стока крови в углублении каменного пола были отмыты загодя. Сам Косса в качестве осененного благодатью чрезвычайного следователя, поднаторевшего к тому же в теологических ухищрениях, занял кресло на помосте.

Побывав на заре юности в застенках святейшей инквизиции, куда попал по подозрению в чародействе, он знал, как нужно вести допрос. Справедливости ради следует сказать, что его задержали тогда совершенно случайно. Просто «псы Господни» застали Балдазаре в доме одной молодой колдуньи, и не его вина, что пришлось заколоть в завязавшейся схватке двоих или даже троих агентов. Других грехов перед церковью он за собой не знал. Не веруя ни в Бога, ни в дьявола, Косса и к черной магии относился вполне равнодушно. Но опыт — сквозь толстые стены он слышал крики пытаемых, которые сознавались в немыслимых преступлениях, — не пропал даром. Советы его святейшества пали на вполне подготовленную почву.

— Тебе не следует разяснять существо обвинений, — отечески наставлял Урбан новоиспеченного инквизитора. — Спрашивать надо лишь в самой общей форме. «Ты признаешься в злодейских деяниях? Кто помогал тебе творить богопротивные мерзости?» На такие вопросы отвечают обычно слезами отчаяния и воплями протеста. А это достаточный повод для применения пытки.

И пошла работа. Оказавшись в руках вчерашних морских разбойников, чьи лихие шрамы не смогла прикрыть даже сутана, изнеженные князья церкви упорствовали совсем недолго. И то потому, что не знали, на свою беду, в чем именно следует сознаться.

— Прекратите! — вопил терзаемый болью епископ Акуилы. — Я не могу понять, чего вы от меня требуете. Скажите же, ради всего святого, и я тут же возьму на себя любые грехи.

Но вспотевшие от напряжения палачи не отвечали, ту же затягивая костедробильный винт. А папа в это время бродил с молитвенником под окнами и распевал во весь голос псалмы, чтобы не дремали его заплечных дел мастера, не ослабляли усилий и душили крамолу в зародыше, не поддаваясь жалости.

Вместе с другими прелатами угодил в заточение и кардинал сангроский. Едва он был доставлен в Ночеру, как поступил донос на Мельхиора фон Блаузее, и незадачливый секретарь очутился в подземелье. На счастье, а может, и на горе, Косса признал в нем своего однокашника по Болонскому университету.

— Ты-то как здесь оказался?

— Неисповедимы пути Господни, — с трудом шевеля разбитыми губами пробормотал Мельхиор. Но пуще любой телесной боли его терзала тоска. Только иступленная, отчаянная надежда еще раз увидиться с Леонорой не позволяла ему разmozжить себе голову о первую же ступень.

— Очень даже исповедимы, — ухмыльнулся Балдазаре, критически оглядев бывшего соперника по схоластическим диспутам, который, следует отдать ему должное, чаще других выходил победителем. — На каждую решительную перемену есть своя причина, и только наша собственная недалекость не позволяет

нам разглядеть конечную связь, — разъяснил он и тут же распорядился насчет сотоварища. — Поместите отдельно!

Благодаря этой случайной встрече секретарь кардинала был избавлен от пыток. Его даже ни разу не вызвали на допрос. Зато самому кардиналу пришлось испытать полную чашу страданий.

— Да, вы тысячу раз правы! Я действительно совершил тягчайшее преступление, — хрипя, он выплевывал кровавые сгустки. — Но не против Урбана, а ради него. Как и Роберт-антихрист, я зверски пытал своих собратьев по сану, добываясь от них признаний в несовершенных грехах. И вот воздаяние за преданность! Горе мне, окаянному, горе...

Не сострадая жертвам и не испытывая особого удовольствия от лицемерия их мук, Косса старался как можно точнее исполнить повеление папы. Для развлечений существовали совсем иные объекты. Например, аббатиса Леонора, которую он вместе с другими приглянувшимися ему «христовыми невестами» не замедлил переселить поближе к крепости.

Вакханалию пыток, весть о которых дошла до самых отдаленных приходов, пришлось прервать ввиду появления неприятельских разездов. Карл Дураццо, неаполитанский король, собрав новую армию, стягивал вокруг Ночеры кольцо осады. На военном совете было решено как можно скорее покинуть крепость.

— Это тебе, — сказал Косса, спустившись в промозглую дыру, где без света и свежего воздуха томился Мельхиор фон Блаузее. — Просили передать. И он бросил ему четки из причудливо ограненных камней.

— Она помнит обо мне! — воспламенился безземельный рыцарь, ошупью прочитав вырезанные на гранях буквы. — Она жива?

— Для тебя — нет, а так, что ей сделается... Готовься в дорогу, школяр. Арестованных забираем с собой. Вот все, что я могу для тебя сделать. — Косса протянул рукояткой вперед остро отточенный стилет. — Постарайся сохранить голову.

— Зачем мне жить? — горько усмехнулся Мельхиор, сразу же помыслив о самоубийстве.

Из крепости выступили под покровом ночи и, обманув сторожевые посты, двинулись по дороге в Салерно.

Карл, разгадавший этот хитроумный маневр, не велел преследовать отступавших, мечтая лишь об одном: чтобы изувер в облике папы поскорее покинул его владения. А догнать было так легко, потому что истерзанные узники едва тащились, спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу.

Епископа Акуилы, который не мог держаться в седле, Балдазаре пришлось зарубить. Впрочем, он лишь выполнял полученный приказ и, дабы поскорее избавиться бедолагу от мук, постарался прикончить его с одного удара.

Вблизи Барлетты беглецов ожидал генуэзский корабль. Едва носильщики перенесли на борт последний вьюк, капитан распорядился поднять паруса. Только теперь, когда все опасности остались

позади, папа вспомнил про ненавистных кардиналов и велел зашить их в воловьи кожи.

Еще не скрылись из глаз каменистые берега Адриатики и пропыленные сосны на них, как мешки полетели за борт.

Обо всем предупрежденный заранее, Мельхиор ухитрился вспороть шов — и вынырнул на поверхность. В последнем теологическом споре насчет причин и следствий верх одержал Балдазаре. Определенно он видел намного дальше...

Добравшись до берега, Мельхиор нашел приют в хижине пастуха. Прошрое умерло для него, и он не пожелал возвратиться на пепелище. Покинув при первой возможности Италию, добрался до родных мест и попросил убежища в монастыре премонстранцев.

Приняв постриг, он целиком посвятил себя спагерическим изысканиям. На подготовку к Великому деянию ушло семь лет, но опыт не оправдал ожиданий.

— Абра... абрака... — шептал он, стиснув пылающие виски, но ничего не получалось. — Алкоголь, баня, роса, амальгама, кристалл, антимониум...

И когда мозг окончательно отказывался служить, а пальцы уже не могли удержать тростниковую палочку, полубезумный инок хватал первый попавшийся клочок, выводил на нем имя и начинал всматриваться в него, словно в зеркало, шевеля губами, растрепав поседевшие космы.

Что виделось ему, что мерещилось в редеющей мгле? Какие образы вставали, какие пробуждались воспоминания?..

Когда в Теплу пришла весть, что пират Балдазаре Косса стал папой Иоанном XXIII, Мельхиор тихо засмеялся и, выхватив стилет, стал поражать одолевавших его духов.

Простимся с алхимиком, вступая на твердую почву документальной истории.

Папа Бонифаций IX назначил Коссу архимандритом собора святого Евстафия, а вскоре, минуя епископский сан, вручил ему кардинальскую шапку. Папы и антипапы продолжали сражаться за трон с неослабевающим рвением. Кардинал Косса с присущей ему энергией включился в схватку. Нет смысла перечислять великих понтификов, сменявших один другого с калейдоскопической быстротой.

Задержимся коротко лишь на Иннокентии VII (1404—1406), ибо достоверно известно, что его собственноручно отравил бывший пират, тоже поднаторевший в молодые годы в алхимических упражнениях. Он все ближе продвигался к вожденной тиаре. При избрании Григория XII (1406—1415)¹ его подпись под протоколом стоит первой. Александра V (1409—1410) он фактически назначил единолично и поселил во всем послушного чревоугодника у себя во

¹ Последней дате нельзя верить, ибо в 1410 г папой сделался Косса, но слишком уж много развелось антипап.

дворце. Там же, в Болонье, Косса оборудовал отменную алхимическую лабораторию. Не приходится удивляться, что святейший узник, откушав матлот из угрей, вскоре скончался.

Понтификат Коссы отмечен чудовищным всплеском торговли индульгенциями, симонией и ростовщичеством. Продажа церковных должностей приносила особенно высокую прибыль. Наложницы Коссы купались в роскоши.

Иоанн XXIII, скончавшийся 22 декабря 1419 года, был посмертно вычеркнут из списка пап, хотя в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона сразу после Александра и следует. «Иоанн XXIII (1410—1415)». Только в 1958 году, через пятьсот с лишним лет, это имя и порядковый номер вновь повторились в перечне наместников святого Петра, когда римскую курию возглавил кардинал Ронкалли. За столь долгий срок все, за ничтожным исключением, успели забыть, что такой папа уже появлялся однажды на грешной земле. На его памятнике, изваянном гениальным Донателло, значится:

«Здесь покоится прах Балдазаре Коссы, бывшего папы Иоанна XXIII».

Почему «бывшего», возникает невольный вопрос. Разве можно в столь неподобающей форме отзываться о главе римско-католической церкви? Оказывается, можно, ибо в 1415 году на Констанцском соборе он был низложен и обречен на забвение.

Кровавые преступления, грязный разврат, коррупция — возможно, об этом не стоило говорить, ибо Косса не столь уж и уникален. Семейство Борджиа, например, осчастливило Италию не менее замечательным папой. «Был рабом плоти», — скромно отзывался о своей особе бывший пират. Все в конечном счете замечают пески времени, но одно преступление Иоанна XXIII не изгладится в памяти поколений. Именно он повелел созвать Констанцкий собор, на котором приговорили к сожжению Яна Гуса. Старухам мойрам не чужда ирония. Косса был низложен собором, получившим то же название — Констанцкий, а умер от яда, которым так часто пользовал других.

Остается вновь воздать должное благородству и мужеству венецианского кардинала Анджело Джузеппе Ронкалли, который буквально шокировал членов конклава, избравшего его 28 октября 1958 года на папский престол, когда на вопрос об имени твердо заявил:

— Иоанн XXIII.

Это был великий папа, «красный», как называли его реакционеры-фундаменталисты. Начав с того, что принес себя в жертву, дабы смыть позорное пятно с белоснежных риз церкви, он много сделал для приближения ее пастырей к заботам и нуждам современного мира.

Соблюдаем объективность: в реестре понтификов встречаются замечательные имена. В этом отношении папство ничуть не хуже, но и не лучше любой из известных династий.

Опозоренное пиратом имя, оно одно связывает Коссу с Ронкалли, как бы принявшего на себя чужие грехи, но тот факт, что начавшиеся при новом папе реформы нашли продолжение, свидетельствует о многом.

Заглавная тема предопределила выбор таких фигур, как папесса Иоанна и Балдазаре Косса. Поэтому будет лишь справедливо обратиться к примерам прямо противоположного свойства. Если, махнув из средневековья в XX век, мы очутились в 1958 году, то можем продвинуться и чуточку дальше, вплоть до нынешнего дня.

ПОЛЬСКИЙ ПАПА

Каждый собор состоит из трех периодов первый — когда дьявол пытается спутать карты, второй — когда человек еще более усиливает путаницу, и третий — когда святой дух вносит во все ясность

Папа Пий IX

Неужели Вы, монсеньер¹, полагали, что перед лицом столь важного для судеб церкви события бес будет пребывать в праздности? Впрочем, если собор, в чем мы уверены, божье дело, то нам предстоит немало испытаний

Павел Иоанн XXIII (Ранколи)

В октябре 1978 года на самый древний и самый высокий в мире престол взшел польский кардинал Карол Войтыла, один из немногих, чье возвышение не связано ни с магами, ни с астрологами. Впервые с XVI века главой католической церкви и верховным правителем города-государства Ватикан сделался не уроженец Италии. Все предыдущие папы, а в церковный реестр занесено 264 имени, были итальянцы. Полный титул духовного и светского владыки: «Епископ Рима, наместник Иисуса Христа, преемник князя апостолов, верховный понтифик вселенской церкви, патриарх Запада, примас Италии, архиепископ и митрополит Римской провинции, монарх Ватикана, раб рабов Божьих».

Папство — старейший религиозный институт, существующий вот уже 1500 лет. Он начал складываться в период упадка Римской империи, когда с переносом столицы в Константинополь и падением последнего цезаря светская власть в Вечном городе перешла в руки тамошнего епископа.

Спустя три века франкский король Пипин Короткий даровал папам земли, образовавшие особую Папскую область, от которой ныне остался один Ватикан — район, расположенный на одноименном холме в центре Рима. Несмотря на то что площадь государства составляет всего 44 гектара, а число граждан не превышает тысячи, папе в иерархии монархов традиционно отводится первое место. На его особое положение указывает тиара — белоснежная яйцевидной формы корона с тремя королевскими венцами. Исключительная роль папства подчеркивается и символикой прочих регалий. Два скрещенных ключа в гербе легендарно восходят к апостолу Петру, которому доверено попечение над воротами рая. Не случайно императоры и короли традиционно целовали расшитую жемчугами туфлю римского первосвященника. Ныне этот обряд, вызывавший множество насмешек и нареканий, отошел в область предания. Ве-

¹ Секретарь собора монсеньер Перикле Феличе

ликий Рабле с присущим ему искрометным юмором высмеивал «Папего» — игра слов, сочетающая в одном ряду папу и попугая, в частности, и по этой причине.

— Не поеду в Рим, — говаривал он друзьям. — Если папа принуждает моего короля целовать ногу, то мне он подставит свой зад.

Строго говоря, папство знаменовало собой возрождение доисторического института жрецов-правителей. Разумеется, в совершенно иной, не имеющей прецедентов форме.

В средние века папы, как и верховные жрецы в том же Египте, боролись за преобладание духовной власти над светской, но не смогли предотвратить ни великого раскола церкви на западную и восточную, ни последовавшую за ним реформацию. В борьбе с ересями и свободомыслием оказались бессильны не только половинчатые реформы, но и рыцарские военно-монашеские ордена, иезуиты и даже такой мощный террористический аппарат, как инквизиция. Потерпели крах и крестовые походы, а костры мучеников разожгли пламя восстаний.

Чего только не было за пятнадцать минувших веков! На папский престол попадали отъявленные головорезы, вроде Коссы и Борджиа, мздоимцы, фанатичные искатели философского камня, отравители. Можно даже не вспоминать анекдотичную папессу Йоанну, скандально разрешившуюся от бремени в разгар священной церемонии. За исключением этого маленького происшествия, ее образ бледнеет рядом с папой-чернокнижником Гонорием.

В противовес неугодным первосвященникам избирались параллельные, что вовлекало христианскую Европу в разорительные междоусобицы. Властолюбивые императоры захватывали наместников святого престола в заложники, добываясь пытками и кошунственными издевательствами угодных решений. Папство пережило и долгий период пленения, когда волей французских монархов резиденция вселенской церкви была перенесена из Рима в Авиньон.

Здесь уместно привести выдержку из книги бенедиктинского монаха Паоло Кальяри «Папа, видимый вблизи», изданной в 1956 году в Милане и сразу же ставшей библиографическим раритетом.

«Как только папа вступал на престол, он немедленно окружал себя детьми своих братьев и сестер, и, казалось, что единственной его заботой было обогатить и возвеличить свою семью... Их племянники, даже малолетние, даже при отсутствии у них каких-либо положительных качеств, вершили важными и ответственными делами церкви».

Справедливое, но излишне мягкое замечание. Кардинальский — второй после папы — титул в католической иерархии присваивался не только «племянникам», но, как было сказано, и незаконнорожденным сыновьям первосвященников, сплошь и рядом нарушавших обет безбрачия. Иногда красная шапка доставалась малолетним детям, которых не потрудились даже формально возвести в священ-

нический сан. Так, Джованни Медичи, будущий Лев X, удостоился стать кардиналом всего семи лет от роду.

История церкви, как и вообще история, далека от идиллии. И это дало повод Кальери прийти к любопытному умозаключению. По его мнению, церковь давным-давно бы рухнула под тяжестью собственных прегрешений, если бы не пользовалась божественным покровительством.

«Разве не чудо, что этого не произошло?»

Оставим чудеса тем, кто в них верит, и предоставим мертвым хоронить своих мертвецов. В перечне великих понтификов, выстроивших «мост» меж землей и небом, увековечено немало достойных личностей, которых без преувеличения можно назвать замечательными. Среди них были философы и поэты, стойкие в вере и добродетели гуманисты. В том же, что о Белармине — гонителе Галилея — мы знаем много больше, чем о Барберини — его заступнике, отчасти повинен присущий Ватикану режим секретности. Доднесь атмосфера глубокой тайны окутывает все, что находится по ту сторону «бронзовых врат», ведущих в апостолическую резиденцию. Возводя очередного прелата в ранг кардинала, папа «запечатывает» ему уста. Никто без специального на то дозволения не вправе разглашать даже самые невинные подробности ватиканской кухни, тем более если они затрагивают высочайшую особу.

Частная жизнь понтифика, объявленного на Первом вселенском соборе 1870 года непогрешимым, не подлежит обсуждению. Наместник Бога на земле выведен из круга простых смертных, и потому все прозаическое, мирское как бы не имеет отношения к его особе.

Попробуем приподнять балдахин таинственности, издревле осеняющий тронное место. Начнем с выборов — процедуры, одинаково болезненной для любого режима.

До тех пор пока та или иная кандидатура не соберет двух третей плюс еще один голос, Сикстинская капелла, в которой заседает конклав, не только запирается «на ключ», но и замуровывается. Всякая связь с внешним миром прерывается. Об избрании главы католической церкви верующие узнают по дыму, который поднимается из трубы над капеллой. Печь топят специальной соломой, которая дает черный, пока папа не избран, или белый дым — в случае благоприятной баллотировки.

— У нас есть папа! — провозглашает тогда кардинал-камерленго, выходя на балкон.

Вслед за ним появляется и одетый в багряницу избранник, приветствуемый одобрительным ревом запруженной народом площади. Этот обычай введен в средние века, чтобы понудить прелатов побыстрее выполнить свою основную обязанность. Ныне в конклаве участвуют 120 кардиналов, чей возраст не превышает восьмидесяти лет.

Дважды в неделю — по средам и воскресеньям — всякий желающий может лицезреть папу на площади Святого Петра, перед

одноименным собором, самым грандиозным в христианском мире. Литургия начинается ровно в 10 утра и собирает множество участников. Лишь вторую половину августа понтифик проводит на отдыхе в загородном дворце Кастель Гандольфо. С ноября по март, из-за погодных условий, мессы проходят в зале Нерви, рассчитанном на шесть тысяч мест. Встав пораньше и не забыв захватить с собой паспорт, любой паломник или турист может получить заветное кресло.

13 мая 1981 года турецкий террорист Али Агджа, по слухам связанный со спецслужбами бывшего соцлагеря, с нескольких метров выстрелил в папу, тяжело ранив его в живот. С того времени папскую кафедру защищает пуленепробиваемое стекло. В таком же «аквариуме» первосвященник разъезжает по улицам городов мира во время официальных визитов. После Агджи на его жизнь неоднократно покушались в разных местах. В частности, в Ливане и на Филиппинах. Слишком многим не нравится нынешний глава Ватикана, человек твердых убеждений и большого личного мужества.

Таковы мрачные реалии нашего времени, которое не далеко ушло от пресловутого «мрака средневековья».

При интронизации Карол Войтыла взял имя Иоанна Павла II. Как и все, связанное с Ватиканом, выбор был далеко не случаен. Суть в том, что непосредственными предшественниками польского кардинала были «красный папа» Иоанн XXIII, провозгласивший «мир на земле» и не менее выдающийся либерал-реформатор Павел VI. Для обновления церкви и приближения ее к нуждам современности они сделали, быть может, больше, чем все предыдущие понтифики вместе взятые.

Короче говоря, явлен был недвусмысленный знак, каким путем пойдет новый властитель. Правительства всех стран, в том числе и самых могущественных, с тревогой и надеждой следили за каждым его шагом, ловили каждое слово. Ведь если, как уже упоминалось, число подданных государства Ватикан не достигает и тысячи, то количество верующих католиков приближается к 800 миллионам, включая два миллиона одних только священнослужителей. Не приходится удивляться тому пристальному интересу, который проявляли к папе-поляку политики самых разных ориентаций и вероисповеданий: христиане и мусульмане, буддисты и в особенности воинствующие атеисты из стран Варшавского договора.

Для Варшавы и Москвы Войтыла был костью в горле.

Частицу света на его загадочный для многих взлет пролила итальянская газета «Коррьере делла сера».

Вторая мировая война застала Карола студентом Краковского университета. Начинаящий драматург, он скоро сблизился с польским подпольем. Короткие антифашистские пьесы и пламенные воззвания против нацизма сыграли немалую роль в сплочении поляков. В последующие годы молодой философ-теолог посвятил

себя тонкому и умному разоблачению коммунистической идеологии, что и было замечено в Ватикане. Впервые на скромного ксендза обратил внимание Павел VI, поручив ему составление энциклики «Прогресс народов», посвященной проблемам развивающихся стран.

Войтыла блестяще справился с заданием, за что и был посвящен в сан епископа. Стойкий антитоталитаризм, соединенный с глубокими знаниями и поэтическим даром, выдвинул его на передовые роли в государстве за «бронзовыми воротами». На руку сыграли и постоянные раздоры среди кардиналов-итальянцев, особенно усилившиеся в период политического кризиса в Италии. Грубые и неуклюжие нападки Москвы, как правило, давали обратный эффект. Ватикан призывает к единству церквей и примирению блоков, а коммунистическая пропаганда повторяет зады Вольтера: «раздавить гадину». Неудивительно, что польский прелат быстро поднимался по иерархической лестнице. К тому времени итальянцы в конклаве находились уже в меньшинстве. Павел VI всю надежду красными шапками епископов третьего мира: черных африканцев, латиноамериканцев, филиппинцев. Они-то и составляли ядро электората, избравшего поляка на апостольский трон. В 1981 году Войтыла обнародовал энциклику «О человеческом труде», в которой были проанализированы глобальные проблемы современности. События в Восточной Европе лишний раз доказали прозорливость Иоанна Павла II.

Используя свое право назначать кардиналов «в сердце», т. е. не объявляя публично, он присвоил этот высокий сан литовскому епископу. Это случилось задолго до падения Берлинской стены. На заседании Синода 26 ноября 1994 года было объявлено о назначении сразу 30 новых кардиналов. Ныне из 167 прелатов в пурпуре лишь 37 являются итальянцами.

Большинство кардиналов — представители восточного блока: Беларуси, Боснии, Кубы, Вьетнама, Албании и таких стран черной Африки, как Уганда и Мадагаскар. Недаром еще древние римляне говаривали, что имя — знак. Реформы Иоанна и Павла были достойно завершены Иоанном Павлом II.

Неутомимый путешественник, побывавший на всех континентах, он, сойдя с трапа, становится на колени и целует землю, на которую сподобился ступить. Его приветствие всегда звучит на местном наречии, а благословение он произносит на пятидесяти, а то и более языках. Поэт и философ, папа публикует книги, которые тут же раскупаются. Весь гонорар идет в пользу бедных. Как и страховка в 63 миллиона долларов на случай смерти.

При всем при этом нынешнему главе святого престола свойствен определенный консерватизм. В своем неприятии абортов и разводов он столь же последователен, как и в отрицании смертной казни. К тягчайшим грехам современности папа относит терпимость к проявлениям несправедливости и «безмолвие перед

тоталитаризмом». Я не могу отказать себе в удовольствии с предельной точностью процитировать именно эти слова из последнего послания, красноречиво озаглавленного «В то время как мы приближаемся к третьему тысячелетию». Впервые за все время существования Ватикан принял на себя тяжкие грехи прошлого и настоящего. О текущем периоде только что было упомянуто. К четырем грехам прошлого Иоанн Павел II отнес следующие: «разрыв единства христианства», «религиозные войны», «суды инквизиции», «дело Галилея».

Да, величайший ученый был реабилитирован лишь в наше время, и только теперь официально осуждению подверглись инквизиционные пытки и казни, чудовищная охота на ведьм. Что ж, лучше поздно, чем никогда. Но иначе, чем как акт величайшего мужества, нельзя расценить признание папы, что вина за раскол 1054 года ложится на всю римско-католическую церковь и на него, Иоанна Павла II, лично.

Так мог поступить только незаурядный государственный муж, возвысившись над временем, над собой и над каноническим догматом о собственной непогрешимости.

«Раб рабов Божьих», Войтыла был избран на трон в 58 лет, став, таким образом, самым молодым папой почти за полтора столетия. В 1995 году он отметил свой 75-летний юбилей.

МОЛОТ ВЕДЬМ

...Впоследствии сожженная банщица рассказала, каким образом она сама была соблазнена старухой: по дороге она встретила демона в человеческом образе, шла она с намерением посетить своего любовника с целью блуда; когда она была демоном-инкубом опознана и спрошена... он сказал: «Я дьявол, и если ты хочешь, я всегда буду готов к твоим услугам и не оставляю тебя ни в какой нужде». Так как она согласилась на это, то в течение восемнадцати лет, то есть до конца жизни, она предавалась этим дьявольским мерзостям, при полном, конечно, отрицании веры.

Я. Шпренгер и Г. Инститорис. Молот ведьм

Жрец и жрица, колдун и ведьма — вот ключевые фигуры «Искусства», главные действующие лица магического круга. На эту арену они выходят то поодиночке, то вместе и ведут свою партию при пустом либо, напротив, набитом притихшими зрителями зале.

Впрочем, театр никогда не бывает по-настоящему пуст. Его заполняют невидимые духи, ради и с помощью которых разыгрывается магическое действо, будь то сольный номер или дуэт.

Хронология властно втягивает нас в ренессансный период, когда Европу захлестнула волна чародейства, докатившаяся и до новых времен, а костры, на которых жгли ведьм, пылали с особой яростью.

Здесь — заповеданность
Истины всей
Вечная женственность
Тянет нас к ней.

Иоганн Вольфганг Гете. Фауст

У «культуры внутри культуры», у «теневого цивилизации» колдовских пещер, повторяю, собственная хронология. Альфред Леманн в «Иллюстрированной истории суеверий и волшебства» особо выделяет XIII век, когда, по его мнению, произошла «полная и внезапная перемена в отношении церкви» к самой возможности чародейства.

Такая ли полная? — зададимся вопросом. Такая ли неожиданная?

Основные вехи «Черного Искусства» — института тайного, скрытого в подземельях, — зачастую удается разглядеть лишь в отраженном свете церковной истории. «Ведомство света» не только освещает антипод, хотя бы огнями костров, но и побуждает его к активности.

Эволюция магии и дьяволизма неотделима от эволюции церковных представлений о сем жгучем в полном смысле слова вопросе. Поэтому если до отмеченного Леманном рубежа церковь сжигала в основном еретиков, а затем вдруг принялась и за колдунов тоже,

то нам следует прежде всего приглядеться к «другому ведомству» — выражение Воланда.

Что случилось с католической церковью на переломе эпох, если она, пребывая на вершине могущества, с такой яростью ополчилась на дьявола и его прислужников? Ужель вправду воскрес козлоногий рогатый Пан, а некогда загнанные в чащобы милые нимфы полчищами ведьм вернулись в опустошенные чумой и неурожаем села и города? Судя по «Молоту ведьм», вернулись.

Истину можно вывести из слов Кассиана:

«...У нечистых духов, без сомнения, столько же занятий, сколько и у людей. Некоторые из них, которых простой народ называет фавнами, лесными богами, а мы — призраками и привидениями, бывают обольстители и шутники».

Инквизиторы, составившие руководство для следователей и палачей, склонности к шуткам не испытывали. Вопиющее по своему ошарашивающему невежеству сочинение поражает псевдонаучной серьезностью и обстоятельностью. Чуть ли не каждое утверждение подкреплено ссылкой на авторитеты.

Европейские народы вместе со «светом с Востока» унаследовали и экзотические суеверия, которые пали отнюдь не на стерильную почву. Собственное языческое наследие упорно отстаивало свои позиции. Поэтому христианство прежде всего обрушилось на местные верования, реликты которых по сей день сохранились в повседневной жизни людей. Сущность конфликта легко понять. Церковь боролась на первых порах не столько с верой в злых духов, сколько с их культом, потому что язычникам свойственно поклоняться своим божествам. Злой дух значил для них ничуть не меньше, чем добрый. Напротив, служение враждебно настроенным силам требовало куда большего тщания и заботы. Их приходилось ублажать, склоняя на свою сторону обильными жертвоприношениями и лестью, тогда как заслужить благосклонность духов света казалось куда легче. Не случайно культ темного начала разработан намного глубже и обстоятельнее, нежели служение силам добра. С особой наглядностью это проявилось в ламаистской форме буддизма, где тантрическая обрядность воскрешает самые устрашающие волхования древнейших времен. Заклинания, магические и погребальные церемонии, наполненные жертвенной кровью чаши из черепов, — все это живые примеры необычайной устойчивости колдовских ритуалов, соединявших человека с косным, враждебным, затаившимся миром, который следовало сначала умиловить, а затем организовать и поставить себе на службу.

Раннее христианство заняло по отношению к злему началу половинчатую позицию. Формально признав его существование и возведя это положение в догмат, оно категорически запретило служение сатане — в буквальном смысле слова «противнику», врагу христианской троицы. Все силы души христианин должен был посвящать одному Богу, тогда как на долю «князя тьмы» оставался

лишь атавистический страх и новообретенный ужас, нагнетаемый ежедневным напоминанием о Страшном суде и муках ада. Всякая попытка обратиться непосредственно к сатане как «параллельной» силе, считалась поэтому богоотступничеством.

Верить и не служить? Для языческого сознания это было непостижимо. Тем более что сама церковь ухитрилась воскресить исконные, зачастую крайне диковинные обычаи. Ссылаясь на Беккера, Леманн приводит характерный пример: «Священник в полном облачении кладет на находящиеся на алтаре пылающие уголья железный болт, несколько раз перед тем окропленный святой водой, затем поет песнь, которую пели три отрока в огненной печи, дает обвиняемому в рот просфору, закликает его и молится, чтобы бог открыл или его вину, если раскаленное железо, вложенное в его руку, сожжет его, или же его невинность, если он останется невредим. Обвиняемый должен сделать десять шагов с железным болтом в руке, затем священник завязывает руку и запечатывает узел. Три дня спустя осматривали руку, которая должна была быть здорова и без всяких повреждений. В противном случае обвиняемый считался уличенным в своей вине».

Нечто подобное практикуется и в наше время в самых глухих уголках Африки, где лесные колдуны находят с помощью «огненной меты» виновников разного рода прегрешений. Порой для этого используют безвредные порошки, объявляемые, однако, смертельным ядом. Воображаемая отравка, случается, действительно убивает запирающегося послушника. Такие испытания основываются на беспрекословной вере человека в колдовство и, как следствие, физиологическом воздействии этой веры. Закабалая сознание и волю жертв, они одновременно повышают престиж мага.

Наряду с испытанием огнем церковь использовала и магические свойства противоположной стихии, обращаясь опять-таки к обрядам язычества.

Древние кельты проверяли водой «законность» ребенка. В сомнительных случаях они сажали голенького младенца на щит и пускали по течению. Если ребенок ухитрялся не потонуть, его объявляли законным, в противном случае роженица рисковала прослыть шлюхой. Похожие испытания, основанные на чистой случайности и лишенные даже намека на физиологическую или еще какую-либо целесообразность, стали особенно широко практиковаться в эпоху бурной облавы на ведьм. Заподозренным в ведовстве связывали крестом руки и ноги, после чего несчастных бросали в воду. Если человек шел камнем на дно, его признавали оправданным, ибо освященная вода не могла принять грешника.

Христианизировав наиболее чтимые народом языческие праздники и обычаи, церковь невольно подпадала под воздействие магической ауры, приобщая к своему арсеналу откровенно колдовские заговоры и заклинания. Тому есть тьма примеров. Приведем один, наиболее наглядный.

Вот как звучит старинный, записанный в Трире заговор, с помощью которого крестьяне пытались исцелять лошадей:

Христос раз ехал очень скоро,
Его молодая лошадь сломала себе ногу,
Иисус сошел и исцелил ее
Он приложил мозг к мозгу,
Кость к кости, мясо к мясу,
Затем прикрыл листом,
И все пришло в порядок

Рекомендация дельная, с точки зрения костоправа, хотя слычая с лошадью и не был зафиксирован составителями Евангелий. Обратимся поэтому к другому источнику — заклинанию, приведенному в рукописи X века, принадлежавшей капитулу Мерзебургского собора:

Фол и Водан пошли в лес,
Там у Бальдерова коня была сломана нога,
Заговорила ее Зингунда, сестра ее Зунна,
Заговорила ее Фруа, сестра ее Фолла,
Заговорил ее Водан, так как он это умеет
На сломанную кость, на кровь, на члены, —
С костью кость, с кровью кровь,
С членом член, склейте, как прежде

Историческая преемственность здесь очевидна. Произошла лишь «смена караула». Пантеон «Старшей Эдды» расступился перед новым победоносным божеством. «Подобным образом, — отмечает Леманн, — в течение всех средних веков и до наших дней сохранилось в низших классах народа (вскоре мы увидим, что и привилегированные классы не остались тут в стороне. — *Е.П.*) древнее искусство чародейства, как европейского, так и азиатского происхождения, только таким образом оно и могло сохраниться, так как церковь уже давно... считала языческую магию за диавольскую и преследовала наравне с ересью и идолопоклонством».

Вдумаемся в эти слова, чтобы вернуться к ним несколько позже, когда мы увидим, чем обернется для церкви очередной тактический ход — христианизация магии.

Клерикальная элита решила сдаться на него далеко не сразу. В постановлении папского Синода, созванного в 785 году, сказано на сей счет весьма категорично: «Кто, ослепленный диаволом, подобно язычнику будет верить, что кто-либо может быть ведьмой и на основании этого сожжет ее, тот подлежит смертной казни».

О, если бы этим реалистическим принципом руководствовались в течение последующего тысячелетия! Сколько ущербных садистов он мог бы обуздать! Сколько безвинных женщин были бы спасены от позора, нечеловеческих пыток и мученической смерти!

Мы знаем, однако, что история церкви пошла по другому пути. Более того, разве смысл и категоричный тон постановления не

указывают на то, что несчастных ведьм к тому времени уже сожгли предостаточно? И вновь возникает вопрос: так ли уж внезапно совершился поворот в отношении церкви к колдунам и ведьмам?

Несмотря на то, что Карл Великий в свое время утвердил цитированное выше постановление, придав ему силу закона, а на собрании церковных иерархов, состоявшемся в 900 году, главы общин призывались к борьбе с вредными суевериями насчет всякого рода сношений человека с демонами, веру в чародейство равно разделяли и общество, и церковь. Об этом свидетельствуют как многочисленные магические формулы, дошедшие до нас с тех времен, так и зафиксированные в документах случаи преследования за колдовство.

Речь, таким образом, может идти не о внезапном перевороте в церковном мышлении, а о постепенном сдвиге, приобретшем в XIII веке черты массовой истерии и, как следствие, узаконенном идеологически.

«Некоторые думают, будто бы не существует никакого ведовства, — писал один из виднейших католических авторитетов Фома Аквинский (1225 или 1226—1274), — и что оно возникает из неверия, они думают также, что демоны существуют только в человеческом воображении, так что люди порождают их, так сказать, из себя самих и потом пугаются этих образов, созданных их воображением. Но католическая вера утверждает, что демоны существуют, что они могут вредить своими кознями и препятствовать плодovitости брака... по попущению божью, могут вызывать вихри в воздухе, подымать ветры и заставлять огонь падать с неба. Хотя телесная материя относительно принятия той или иной формы и не подчиняется ни добрым, ни злым ангелам, но одному только богу-творцу, но по отношению к движению в пространстве телесная природа создана так, что подчиняется духовной. Примером этого может служить человек, члены которого движутся только под управлением его воли. Следовательно, если допустит бог, то не только добрые, но и злые духи могут собственной силой достигнуть всего, что только может быть достигнуто посредством движений в пространстве. Так, они могут вызывать ветер и дождь и другие подобные явления в воздухе посредством движения паров, поднимающихся с земли и с моря».

Не приходится спорить: радикальный и, главное, резкий разрыв с падерборнским постановлением здесь налицо. За одним, может быть, исключением. Осуждая веру в чародейство, постановление тем не менее содержит ссылку на дьявола — первоисточник, движущее и юридическое начало всех живописуемых Фомой ужасов. Не следует также упускать из виду и временную дистанцию в половину тысячелетия. Это не наполненная пустотой бездна, но исторический процесс, в течение которого постепенно восторжествовала новая точка зрения на побочный, в сравнении с главным — признание дьявола, — вопрос.

Именно постепенно, потому что впечатление резкости, внезапности как раз и проистекает из сравнения двух отдаленных друг от друга периодов. Если сопоставить, абстрагируясь от промежуточной эволюции философской мысли, уже известную нам выдержку из Фомы Аквинского с тем, что скажет через 600 лет Артур Шопенгауэр («Опыт о духоведении и о том, что с ним связано»), можно впасть в ту же иллюзию внезапного и радикального отказа от канонических взглядов.

«Животный магнетизм, симпатическое лечение, магия, второе зрение, вещие сны, призраки и всякого рода видения — все это родственные явления, ветви одного ствола, и они дают непреложно-достоверное свидетельство в пользу того, что есть связь мировых существ, обусловленная совершенно иным порядком вещей, нежели природа, которая имеет своей основой законы пространства, времени и причинности, тогда как этот иной порядок глубже, исконнее и непосредственнее, и потому на него не распространяются самые первые и общие (благодаря своему чисто формальному характеру законы) природы, так что время и пространство больше не разделяют индивидуумов, и как раз на эти формы опирающиеся разобщение и изоляция индивидуумов не ставят уже неодолимой преграды сообщению мыслей и непосредственному воздействию воли; значит, всякие изменения происходят здесь совсем не обычным путем: не в силу физической причинности и не по сцеплению ее звеньев, а вызываются просто волевым актом, на особый лад проявленным и оттого получившим силу вне пределов индивидуума».

Здесь уже не то что дьявол, но и Бог не упоминается как первопричина всего сущего, однако при самом поверхностном анализе обнаруживается, что столп немецкой идеалистической философии середины XIX века просто-таки не продвинулся дальше средневекового теолога. Здесь то же признание магических явлений, их надприродной, высшей сущности, примат воли над материей. Тем более что немецкий философ признает внепространственный и вневременной характер всего комплекса магических чудес. Заглавие основного шопенгауэровского труда «Мир как воля и представление» без угрызений совести могло быть принято и в XIII веке. И если Фома ссылается в таких случаях на провидение Божье, то у Шопенгауэра оно подразумевается, присутствует в неявном виде. Вот и все различие за 600 лет!

И какие это были века! Насыщенные борьбой, революциями, взлетами человеческого гения и взрывами воинствующего мракобесия, величайшими свершениями науки, торжеством искусств и отчаянными пароксизмами реакции, сменой общественных формаций и преемственностью учений, в том числе и заведомо ложных. Последнее, кстати сказать, особенно интересно для исследователя средневекового типа сознания. Если проследить непрерывную линию от Фомы Аквинского до Шопенгауэра и современных спириту-

алистов, то можно раз и навсегда убедиться, что в «опыте духоведения» никаких изменений за это время не произошло, равно как и в «опыте колдовства».

Что ж, тем больше оснований изучить этот несомненно богатый и поучительный опыт тупиковых ветвей познания мира...

Едва ли можно сомневаться в том, что, меняя свою точку зрения на ведовство, церковь лишь избирала иную тактику, более отвечающую ее возросшей мощи и абсолютистским амбициям. Не следует забывать также, что этот достаточно протяженный процесс протекал на фоне непрерывных и возрастающих по масштабам преследований еретиков.

Отстаивая первоначальную мысль о том, что произошел «полный переворот» в общем понимании чародейства, Леманн объяснял это влиянием мавританской магии:

«Благодаря крестовым походам и мавританским университетам в Испании европейцы пришли в соприкосновение с арабами и, познакомившись с естествознанием и магией, которые ревностно культивировались маврами, развили эти науки еще далее».

Здесь нет места для полемики. Более высокий по сравнению с европейским уровень арабской науки, а также изощренные приемы магии, искусство алхимии и каббала сыграли заметную роль в истории народов христианской Европы. Но это отнюдь не вскрывает причину мнимого «переворота».

Что же касается очевидной перемены тактики, то она целиком и полностью была вызвана появлением инквизиции.

В 1274 году, как раз в год смерти Фомы Аквинского, состоялся первый широковещательный процесс над ведьмами, закончившийся костром. И произошло это в том самом Лангедоке, где новоиспеченный орден доминиканцев — «псов Господних» — выжигал остатки разгромленной силой оружия катарской ереси.

«Охота на ведьм» в прямом и переносном значении слова явилась закономерным продолжением ожесточенной, никогда не утихавшей борьбы с ересью. Поскольку в Тулузском графстве непокорных еретиков разбили, а нераскаянных сожгли, требовалось продолжить облаву на еретиков тайных. Это оказалось удобнее сделать под прикрытием новой процедуры, скрупулезно разработанной в недрах святейшей инквизиции. Церковь, одержавшая победу в крестовом походе против собственных, хотя и малость заблудших чад, стремилась окончательно упрочить свою духовную, а через это и светскую власть. Объявить возможного конкурента еретиком было уже недостаточно. Уничтожение катаров (греческое слово превратилось в немецкое «катцер», что буквально значило еретик) как бы снимало проблему с повестки дня. Победа же, достигнутая ценой невиданного кровопролития и зверств, создала нужную атмосферу истерии и суеверного ужаса. Это расширяло возможности террора, позволяло придать ему как массовый, так и сугубо индивидуальный характер.

Филипп Красивый был далеко не первым властителем, сумевшим по достоинству оценить «альбигойский прецедент». Право объявить еретиком было бесспорной прерогативой церкви, которая широко использовала его в качестве мощного политического орудия.

Когда же вдруг обнаружилось, что это орудие может служить и отмычкой к любому денежному сундуку, окончательно решилась проблема создания специальной карательной службы. Соответственно изменилась и терминология. Привычное клеймо «еретическая секта» все чаще стало заменяться определением «бесовская секта». От этого уже пахло не богословским инакомыслием, но адской серой. Подняв забрало, церковь нацеливала копье не на человека, обладающего свободой воли, могущего заблуждаться и отречься от заблуждения, а на самого дьявола с его сонмищами демонов и одержимых, на отродья в человеческом облике, кровью скрепивших свой договор с адом. Перекрещенные в бесов еретики не могли надеяться на жалость и снисхождение.

Новое орудие — инквизиционный трибунал, новое клеймо — «дьявольский прислужник», — одинаково пригодное для простолюдинов и богатых вельмож, для мужчин и особенно женщин, ставших излюбленной дичью «Господних псов».

Доминиканцы сразу же сделали ставку на низменные инстинкты, опираясь в своей деятельности на стяжателей и клеветников, ловко используя фанатиков и суеверных безумцев.

Ужас разъединяет людей. Взбаламученное кровавым потоком море житейское не замедлило выбросить на поверхность нечистую пену шпионов и добровольных доносчиков всех мастей.

«И Клаас на основании указов был признан виновным: в симонии — так как он продавал индульгенции, равным образом в ереси и укрывании еретиков, и ввиду этого присужден к пребыванию на костре до тех пор, пока не последует смерть... Суд присудил доносчику Иосту Грейпстюверу, имя которого, однако, не было названо, пятьдесят флоринов на сто первых флоринов наследства и по десять флоринов на каждую следующую сотню».

Шарль де Костер Легенда об Уленшпигеле

Дата возникновения инквизиции варьируется. Инквизитор Парамо обращается, например, к библейским временам, когда Господь обрушил гнев свой на Адама и Еву. Иисуса он считает «первым инквизитором Нового завета», который «умертвил Ирода, заставив червей съесть его».

Историки называют разные даты, но тем не менее они укладываются в сравнительно узкий промежуток между понтификатами Иннокентия Третьего (1198—1216) и Григория Девятого (1227—1241).

Известный немецкий историк прошлого столетия Шлоссер, автор 18-томной всемирной истории, считал, что инквизиция сложилась между 1198 и 1230 годами.

Знакомясь с обстоятельствами жизни людей, считавших себя колдунами, и людей, которых принимали за колдунов окружающие, — ловких фокусников и безвинно обогланных свободолобцев, мы не упустим из виду жуткого зарева за окнами их кабинетов и лабораторий. Нет и не может быть истории волшебства вне истории инквизиции, вне истории вселенской церкви вообще.

«Антиклерикальные историки, — замечает по этому поводу в «Истории инквизиции» И.Р.Григулевич, — объявляют инквизицию следствием органической «порочности» католической церкви и свойственного только ей одной духа нетерпимости, игнорируя тот факт, что своих противников с не меньшим ожесточением преследовали протестантская, православная и другие христианские церкви, как и другие религии».

Это очень существенное для нашей темы уточнение, потому что в католических странах столь же широко была развита «охота на ведьм» и соответственно процветали дьявольские шабаши, как и в протестантских, отрицавших католицизм с его инквизицией, но полностью принимавших католическую демонологию.

«Если наши отцы, — не без юмора замечает современный исследователь ведовства Ч.Уильямс, — ошибались в этом вопросе, то они ошибались в одинаковой степени. Католики и протестанты спорили о небе, что касается ада, то у них было почти единое мнение».

Единое мнение было у них и по части забав, связанных с пиротехникой, и по части методов допроса, способных заставить человека сознаться в том, что он, как тот несчастный тамплиер, «убил брата».

Мы вскоре увидим, что процесс Урбена Грандье, который с таким блеском провели внуки «героев» Варфоломеевской ночи, даже в мельчайших деталях не отличается от инсценировки под кодовым названием «Салемские колдуньи», поставленной калвинистскими сыновьями американских пионеров.

К моменту создания инквизиционных судилищ, опутавших паутиной доносов, истерии и лжи Европу, а затем перекинувшихся в открытый Колумбом Новый Свет, колдовство и дьявольские шабаши обрели пугающую реальность, стали неотъемлемой частью повседневности, элементами быта.

Так фантом, завладевший людским сознанием и узаконенный в юридических актах, обретает плоть, подвижность и власть.

Тогда же стала обретать отчетливые очертания и занимающая нас фантазмагорическая система, получившая название оккультной науки.

Колдовское зелье, составленное из вавилонских заговоров, александрийской теургии, арабской алхимии, еврейской каббалы, иранского магизма и суеверных вымыслов, возвращенных на пустырях сумеречного сознания еще греками и римлянами, вскипело в адском котле и потекло через край.

Понадобился добавочный жар припасенных инквизиторами вязанок хвороста, чтобы сплавить воедино столь разнородные ингредиенты. В известном смысле это древнее варево клокочет и пенится по сей день, жадно вбирая в себя отголоски вселенских мифов. И дабы не остыли угли в алхимическом горне, чудовищные меха неустанно подкачивают туда чумной воздух.

КРЕСТ И ПОЛУМЕСЯЦ

**Капитула
шестая**

ПРОРОК МУХАММЕД

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного!
Хвала Аллаху, господину миров
Милостивому, милосердному,
Царю в день суда!

Коран

Часом утренним и ранним,
Появился всадник дерзкий
На коне чернейшей масти.
Конь свирепый скалил зубы,
Угрожал врагам оскалом,
Словно рвать готовый в клочья
Встречных воинов христианских.
Мавр одет стальной кольчугой
Под марлотою нарядной,
Что окрашена в три цвета,
Белый, голубой и алый;
Острие копья двойное
И крепчайшего закала;
Щит по плотности не может
Ни с одним щитом сравняться.
Привязал к хвосту кобылы,
Вере правой в посмеянье,
Привязал святые четки
В оскорбленье христианам.

Старинный романс¹

Прислушаемся к словам, скрывающим тайную мудрость...

«Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник божий».

Священная формула, первейшая из основ мусульманской веры. Аллах, вернее, ал-илах, по-арабски означает не что иное, как Бог. Это евангельский Бог-отец, Элохим Ветхого завета. Эл (ил) — общесемитические корни непостижимого простым разумом понятия — Бог, божественный дух.

От европейской науки каким-то образом ускользнул тот непреложный факт, что с незапамятных времен культ Аллаха проявлялся главным образом во время морских путешествий. Люди, достигнутые штормом, поминали Аллаха, давая обет искренне служить ему, но, высадившись на берег, забывали клятву и вновь обращались к идолам. Об этом неоднократно упоминает Коран. Отсюда можно заключить, что в далеком прошлом Аллах был морским божеством, вроде Эмма земли Ханаанской.

Когда арабы (это наименование можно перевести как «кочевник») пришли в знойные пески Аравии, они принесли с собой и своих племенных идолов. Священные для всякого мусульманина места — такие, как Мекка с ее Каабой и источником Земзем,

¹ Хинес Перес де Ита. Повесть о Сегри и Абенсеррахах.

почитались задолго до Мухаммеда. Храм, прозванный за свою кубическую форму Каабой — наше «куб» заимствовано из арабского языка, — стал «Домом Бога», всемогущего и единого. И тот чисто формальный акт, что оттуда были изгнаны статуи почитаемых язычниками женских божеств Уззы, Лат и Манат и зияющая пустота стала символом надмирного, не имеющего образа духа, имеет второстепенное значение. Это всего лишь эпизод, символический жест, подобный тому, что продемонстрировал Владимир Святославич, низвергнув Перуна в воды Днепра.

Подвиг, совершенный Мухаммедом, заключался не только в ревностной пропаганде идеи единобожия. Первым на этом поприще, еще до Моисея, был фараон Эхнатон. Оставив «Дом Бога» — Каabu его истинному хозяину, Мухаммед не только положил начало новой мировой религии, но и новой цивилизации, которую с полным правом можно назвать мусульманской. Не случайно родословие предков племени курайшитов, из которого происходил Мухаммед, смыкается с библейской историей. По арабским преданиям, Земзем — чудотворный ключ, забивший в бесплодных песках, обязан своим появлением Иسمайлу — сыну праотца Авраама (Ибрагима). Его жена Сарра, как известно, родила ему Исаака, а рабыня Ходжар — Исмаила, родоначальника арабских племен. Когда оставленные по воле Бога в Аравийской пустыне мать и дитя умирали от жажды, Исмаил ударил ножкой оземь, открыв путь живительному источнику. Согласно арабской версии, Авраам возвратился в эти места и по указанию архангела Гавриила (Джебраил) выстроил храм Каабы. В урочный час Джебраил предстанет перед Мухаммедом.

Архангел принес Аврааму камень, который мог невесомо парить в воздухе, благодаря чему удалось обойтись без строительных лесов. И еще один камень понадобился — тот самый знаменитый черный камень, обозначивший место, откуда надлежит совершать обход святилища. По сей день эти реликвии, почитаемые всем мусульманским миром, пребывают в Каабе.

От старшего сына Исмаила попечение Святых мест перешло к племени джурхумитов, но в III веке люди из соседнего клана Бану Хузаа разрушили храм и засыпали источник. Восстановить Каабу было суждено потомку Исмаила Аднану, праправнуку которого Фир, прозванный Курайшем, стал прародителем племени курейшитов. Прадедом Мухаммеда был Хашим, внук Кусая, который приходился потомком в седьмом колене первому из курейшитов. Родословная, восходящая к Исмаилу, надо думать, во многом способствовала миссии Мухаммеда. Тем более что уже в 440—450 годах, т. е. за полтора века до рождения пророка, вожди-жрецы курейшиты управляли Меккой и всеми ее святынями.

Хашим ежегодно для прокормления города снаряжал два больших каравана. Продовольствие поступало из Сирии и Йемена. Во время одной из поездок он заболел и умер на морском берегу

возле Газы, оставив малолетнего сына Шейбу. С помощью младшего брата Хашима, которого звали Мутталиб, он смог вернуться на родину уже в зрелом возрасте. На первых порах его посчитали невольником и дали соответствующее имя — Абд аль-Мутталиб, т. е. «раб Мутталиба». Недоразумение сгладилось, когда после смерти дяди Абд аль-Мутталиб унаследовал prerogative старейшины клана, а вместе с ними и ключи от Каабы. Крайне важное обстоятельство, если учесть, что его сыну Абдаллаху суждено было стать отцом провозвестника новой веры, утвердившейся в старом храме.

Назвав Мухаммеда религиозным гением, Владимир Соловьев сделал упор не столько на силу теологической мысли, сколько на глубину чувства.

Именно это необыкновенно развитое ощущение неразрывной связи с божественной волей следует иметь в виду, обращаясь к жизнеописанию основоположника ислама. Реальность Мухаммеда, как исторической личности, не вызывает сомнений. Существует по крайней мере три авторитетных источника, по которым можно проследить основные биографические вехи. Это, прежде всего, Коран, записанный со слов самого пророка, «Житие посланника Аллаха», принадлежащее перу уроженца Медины Ибн Исхака, и «Книга военных походов» Вакиды.

Обратимся к Корану. Вряд ли удастся сыскать лучший источник для биографии автора этой богодухновенной книги, чем сура (глава) 93. Она называется «Утро» и, как все суры, открывается обращением: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного!»

«Не покинул тебя твой Господь и не возненавидел. Ведь последнее для тебя — лучше, чем первое. Ведь даст тебе твой Господь, и ты будешь доволен. Разве не нашел Он тебя сиротой — и приютил? И нашел тебя заблудшим — и направил на путь? И нашел тебя бедным — и обогатил? И вот сироту ты не притесняй, а просящего не отгоняй, а о милости твоего Господа возвещай»¹.

Пророк говорит о самом себе, о раннем своем сиротстве, нужде, постоянных сомнениях и обретенной во внутренней борьбе истине, ставшей целью и смыслом всей жизни.

Родился он между 570 и 571 годом, названным в арабских летописях «годом Слона», ибо появление Мухаммеда на свет совпало с походом на Мекку йеменского правителя Абрахи, в войсках которого находились боевые слоны эфиопов. Невиданное прежде животное настолько поразило жителей Аравийской пустыни, что они увековечили его в своих хрониках. Окованные медью слоновые бивни легко рушили глинобитные стены.

Силы, собранные властителем Саны, были настолько велики, что, казалось, у курейшитов нет ни малейшего шанса оборонить Мекку. Но вмешалось провидение. Над вражьей ратью, подобно

---

¹ Здесь и далее строфы Корана даны в переводе Крачковского

грозовой туче, зависла птичья стая. Пернатые воительницы обрушили на неприятеля град острых камушков, оставлявших незаживающие раны. Затем хлынул ливень, смывший врагов в Красное море. Историки связывают разгром эфиопо-йеменского альянса с вполне реальными событиями, имевшими место в «год Слона»: эпидемией оспы и умелым действием конницы Ирана — союзника Мекки. Но знамения остаются знамениями. Так или иначе, все свидетельствовало об особой судьбе ребенка. Даже имена его родителей Абдаллах — «раб бога», и Амина — «верная». Предания, воспевающие их красоту и благочестие, не упоминают о материальной стороне. По-видимому, семейство не принадлежало к числу зажиточных, как-никак Абдаллах был всего лишь двенадцатым сыном.

Еще в колыбели у Мухаммеда обнаружилась склонность к визионерству. Это были своего рода сны наяву, яркие, запоминающиеся, наполненные загадочными образами. С особой силой это проявилось, когда мальчик потерял на шестом году обоих родителей. Дядя Абу Талиб приютил сироту, отдав ему на попечение своих овец и коз. Пустыня, куда по весне уводил стадо мечтатель-пастух, научила его оставаться наедине с самим собой. Погружаясь в размышления, он подолгу раздумывал над потаенным смыслом обуревавших его видений.

Перемену жизни обозначила женитьба на богатой вдове Хадидже, ставшей первой из четырнадцати жен пророка. Хотя ей уже перевалило за сорок, а ему было всего двадцать четыре года, Мухаммед был очень привязан к жене и вплоть до последнего ее часа считал, что ему необыкновенно повезло в браке. Материальная независимость позволила оставить торговлю и полностью посвятить себя главному: поискам смысла человеческой жизни. Хадиджа родила Мухаммеду несколько детей, но достоверные сведения сохранились лишь о дочери Фатиме, пережившей отца и оставившей многочисленное потомство. Могила жены Мухаммеда и поныне можно видеть на кладбище, к северу от Мекки, а дом ее был обращен в мечеть.

Трудно дать определенный ответ на вопрос, откуда возникла у Мухаммеда жаркая вера, что именно его Аллах избрал выразителем своей воли. Объяснить это одними видениями нельзя. Тем более что и до него появлялись богоискатели — ханифы, верившие в Единого Бога. Не будучи ни христианами, ни иудеями, они искали свой путь, но время стерло их имена.

Конечно, и Мухаммед был человеком своего времени, ощущавшим присутствие внеземной силы, которой буквально дышала пустыня, красная на закате, окрашенная ночью в густые угольно-серые и фиолетовые тона. В минуты глубокого душевного напряжения ему, как и апостолу Павлу, приоткрывались завесы сверхчувственного мира. Но в обыденной жизни он оставался трезвым рационалистом и, тяготея к умеренности, как мог, старался избегать крайностей.

«Бог никогда не возлагает на человека такую ношу, которую тот не смог бы снести».

По словам Мухаммеда, подкрепленным свидетельствами современников, он проводил в молитве добрую половину ночи. Если добавить сюда дневные медитации, то становится ясно, что молитва открыла ему дверь в сверхчувственные миры.

«Молитва — это соединение верующего с Богом возвышением духа».

Постоянным местом духовного подвига стала для Мухаммеда гора Хи́ра, уголок каменистой пустыни в нескольких часах хода от Мекки. Даже пастухи не забредали туда. Прихватив лепешку и бурдюк с водой, он уединялся там на долгие дни, вперив взгляд на «дальний лотос» горизонта, творя молитву, склонял долу чело. Тут же и спал, завернувшись в плащ, а в ненастье спускался в пещеру.

Так проходили годы. Горячая надежда обрести истину сменялась смертной тоской, и только безграничная любовь и вера Хадиджи уберегла его от последнего шага, на который толкает отчаяние.

Сура 97 повествует о ниспослании Корана в «ночь предопределения», «ночь всемогущества».

«Нисходят ангелы и дух в нее с дозволения Господа их для всяких повелений».

Ночь 24 числа месяца Рамадана 610 года ниспослала Мухаммеду, уснувшему в пещере на склоне Хиры, удивительный сон.

Явился Он, Обладатель могущества, и развернул сверкающий свиток с непонятными письменами и повелел прочитать. Традиционно считалось, что Мухаммед не знал грамоты. По-видимому, такой взгляд проистекал из его ответа: «Я не умею читать». Однако в арабском оригинале понятие «читать» многозначно. Оно подразумевает и повторение, и чтение наизусть, и просто произнесение. Поэтому вопрос остается открытым.

Гораздо важнее иное. Неназванный гость, кого впоследствии отождествили с упомянутым уже Джебраилом заставил прочесть пять строк из дивного свитка, тяжесть которого сдавила грудь Мухаммеда. Они впечатались в его сердце, и по пробуждении он смог воспроизвести текст до последней буквы.

Много раз и одними и теми же словами повествовал он об этом знаменательном событии.

Шатаясь от пережитого потрясения, терзаясь сомнениями, вернулся пророк в дом Хадиджи. Потерянный, сам не зная, кто он — поэт или безумец, — поделился с женой пережитым. Хадиджа беззаветно верила в высокое предназначение мужа. Нет, он не поэт, не безумец и не грешник, терзаемый демонами, ибо праведен и милостив к убогим и сирым.

Из буквального смысла суры 53 можно заключить, что Мухаммед лицезрел самого Аллаха, сура 81 указывает на то, что в другое время «на светлом небосклоне» ему являлся посланец Бога, «сильный перед его престолом».

До конца жизни пророк уклонялся от определенного ответа.
«Они спрашивают тебя о духе. Скажи: «Дух от повеления Господа моего. Даровано вам знания только немного».

Сура 87

Очевидно, у Мухаммеда были веские причины для умолчания. Он и сам сомневался и ясно видел, насколько невежественны люди.

Бог, как понимал его пророк, не мог явиться в облике человека. Вездесущий, бесконечный во времени и пространстве, он несоизмерим с человеком и потому невидим. Это мог быть либо ангел, либо шайтан (библейский сатана).

Хадиджа помогла мужу разрешить роковую альтернативу, когда Неназванный вошел в их спальню.

Мухаммед видел его, она же не видела, но велела мужу встать слева от ложа. Видение не исчезло, хотя перед Хадиджой вновь была пустая стена. Она попросила Мухаммеда встать справа, и опять все повторилось: он видел, она же — нет. И тогда мудрая женщина сбросила с себя покрывало, представ обнаженной перед ночным гостем, и он исчез. Мухаммед больше не видел его. Теперь все стало на свои места. Будь это дьявол, он бы не убоился женской наготы, но безгрешному ангелу подобное зрелище не подобало.

Есть в суре 53 стихи, говорящие о могуществе Неназванного, большем, нежели у архангела:

«Сердце (ему) не солгало в том, что он видел. Разве вы станете спорить с ним о том, что он видит? И видел он Его при другом нисхождении у лотоса крайнего предела. У Него — сад прибежища».

«Сад прибежища» — это рай. Отсюда и богословские споры о Неназванном. Джебраил это или же сам Аллах?

Остановимся на традиционном — Джебраил. Как подсчитали теологи, крылатый посланец Бога 12 раз являлся Адаму, 42 — Аврааму, 400 — Моисею, 10 — Иисусу, Мухаммеду же — 24 000 раз. Открыв в «Ночь Свершений» пять первых строк свитка, он ночь за ночью пересказал пророку все суры Корана, что в переводе с арабского означает «чтение». Священная книга была, таким образом, прочитана во сне.

Окончательно уверовав в откровение на горе Хира, Мухаммед осознал себя пророком Аллаха. На этом, собственно, заканчивается наиболее таинственная часть его жизни и начинается прозелитская деятельность. Основоположник ислама действует как наставник веры и политический деятель. Вопреки позднейшим измышлениям, он не был ни магом, ни чудотворцем.

— Какой же ты пророк! — насмехались над ним первые слушатели — жители Мекки. — Ты ходишь по рынкам, как самый последний из нас.

Ответ содержится в Коране: «И до тебя Мы (т. е. Аллах) не посылали посланников, которые бы не ели пищи и не ходили по рынкам».

— Я хочу верить тебе, — сказал на это кто-то из мекканцев, — но ты докажи чудесами, что ты действительно пророк Божий.

— Если я сотворю невероятное, любой мне поверит, и в том не будет заслуги поверившего... Гораздо больше доблестной веры в том, чтобы верить искренно, без помощи чудес.

Не получив поддержки в Мекке, Мухаммед вместе с немногочисленными сторонниками перебрался на родину матери, в город Ясриб, который потом назвали Мединой. Это переселение, или «хиджра» по-арабски, имело место осенью 622 года, от которого ведет начало мусульманское летоисчисление.

Жизнь пророка в Медине резко отличалась от прежней. Сразу же после смерти Хадиджи он взял себе двух жен, в том числе юную Айшу, которую любил до последнего вдоха. В год его смерти у него было девять жен, хотя своим последователям он не разрешал иметь более четырех.

Успешное управление Мединой и военные победы Мухаммеда привлекли в его лагерь гораздо больше сторонников, чем проповеди в Мекке. К нему, в частности, примкнули местные монотеисты — ханифы. Он возглавил первую мусульманскую общину, в которой люди объединились не по кровному родству, а по принадлежности к новой религии. В 630—631 годах мусульмане под водительством своего вождя подчинили, после нескольких неудачных набегов, Мекку, а затем и большую часть Аравии. Политический компромисс между Мухаммедом и старой мекканской знатью был достигнут, и вступление в Мекку прошло мирно. Идолов из Каабы убрали.

Скончался пророк после непродолжительной болезни 8 июня 632 года. Его гробница сделалась второй, после Каабы, святыней ислама.

Над Аравией взвилось зеленое знамя.

Всего через сто лет, 17 октября 732 года, арабо-иберийская конница под водительством эмира Абдуррахмана перешла через Пиренеи и совершила набег на земли франков. Вскоре последовало новое столкновение при Пуатье, а несколько лет спустя воины ислама померились силами с базилевсом Львом III. В Европе, едва опомнившейся после летаргической спячки, никто так и не понял по-настоящему, что это был пролог тысячелетнего противоборства между Западом и Востоком.

Первые халифы — духовные и светские властители теократических государств ислама (632—661) считаются преемниками Мухаммеда, а при Омейядах (661—750) — наместниками самого Аллаха. К середине VII — началу IX веков оформился могущественный Арабский Халифат, распространивший свою власть на Ближний и Средний Восток, Северную Африку и Юго-Западную Европу.

Практически была завоевана большая часть Пиренейского полуострова. Лишь после семи с половиной столетий Реконкисты испанцам удалось оттеснить завоевателей в Африку. К середине XV века только Гранада оставалась последним арабским форпостом. Он пал в 1492 году, ознаменованном открытием Нового Света Христофором Колумбом.

Началом Реконкисты считается 718 год, когда местное ополчение нанесло поражение маврам в астурийской долине Ковадонга. Между этими временными вехами лежит грандиознейшая эпоха крестовых походов и географических открытий, инквизиционных трибуналов и величайших свершений во всех областях человеческой деятельности.

Примечательный штрих: в 1554 году учрежденная при Иване IV «Англо-Московская компания» порадовала грозного царя редким подарком из королевской сокровищницы в Лондоне — клинком дамасской стали, принадлежавшим некогда первому халифу Арабского Халифата Абу Бекру (572—634).

Н. В. К вопросу о связи времен: Иван Грозный и Елизавета Английская — наши герои.

ГОСПИТАЛЬЕРЫ

Безумец в полном смысле слова!
Умрет в своей постели тот,
Умрет позорно, как корова,
Кто вместе с нами не уйдет.
Коль обрету я смертью тела
Блаженство вечное души,
Во имя светлого предела
Мне все дороги хороши!
Готов я кинуться в сраженья,
Готов идти в темницу я,
И не составят преткновенья
Жена и дети для меня.

Рютбеф Крестоносец

История — это не только прошлое, но и наш сегодняшний день. Отжившие свой век идеи и предрассудки крайне неохотно уходят в небытие. Минувшему свойственно бороться за свое место под Луной. А вместе с ними и институтам, казалось бы, полностью потерявшим под ногами почву, напрочь утратившим не только перспективу, но и смысл своего существования.

Мне пришлось убедиться в этом воочию в Риме — Вечном городе, где оставили свой немеркнущий след чуть ли не все эпохи и где неприкаянные тени седой, пережившей себя старины никак не желают уйти на покой, бередя воображение, мучая память мелькающих поколений. Я жил неподалеку от центра, в небольшой уютной гостинице «Светлая месса», и каждое утро, сверившись с планом города, отправлялся бродить по легендарным улицам, неподвластным круговороту светил. Нет, туристическая эйфория не кружила мне голову и глянцевитые, пылающие отсветами солнца камни Старой Аппиевой дороги не ослепляли глаз. Я замечал помпезные строения начала века, завитушки рококо, разноцветные надписи на камнях и на стенах. Фломастер явно не уважал старины. Пятная обсосанный веками каррарский мрамор, лозунги различных партий перекрывались свастиками, непристойными рисунками, признаниями кому-то в любви, символами спортивных клубов. Одно это могло вернуть на грешную землю и напомнить о дате в календаре.

В Непале и Индии я видел ступы, воздвигнутые в III веке до нашей эры. Обряды в святилищах, расположенных вокруг этих внушительных колоколообразных сооружений, символизировавших изначальную пустоту Вселенной, не претерпели существенных перемен за долгие эти века. Шафрановые сангхати монахов и разноцветные сари прихожанок тоже остались такими же, как и в эпоху Мауриев. Там бессмысленно было бы говорить о возврате средневековья или еще более древних времен. Нечему было возвращаться. Прошлое никуда и не уходило. И в этом смысле не было принципиальной разницы между праз-

дником чудесного рождения принца Сиддхартхи, справляемым в храме Сваямбунатха, и рождественской мессой в церкви Марии Маджоре. Вечным стражем гордых теней высилась каменная резная арка императора Константина, через которую двигался непрерывный транспортный поток.

Но Ватикан с его швейцарской гвардией, чьи средневековые головные уборы словно были взяты у карточных валетов, как и замок Сант-Анджело и грандиозный собор святого Петра, где служил кардинал в раздвоенной, усыпанной самоцветами митре, — они были частью современного мира. У меня и мыслей не возникало усомниться в необратимости течения «медленной Леты». Недаром же известный астрофизик Эддингтон столь образно упомянул, причем в серьезном научном труде, о «стреле времени»! Она вечно летит из прошлого в будущее и не может вернуться назад, несмотря даже на вероятную кривизну четырехмерного континуума Вселенной.

«В чем же тогда дело?» — пытался я разобраться в своих ощущениях. Если церковь — древнейшее и, добавим, консервативнейшее учреждение на земле, — продолжает шествовать сквозь века, сохранив исконную обрядность и чин, то почему должна вызывать удивление устойчивость параллельного института, «другого ведомства», со всеми его жрецами и черными магами.

Это очень серьезный вопрос, ибо он затрагивает не какую-нибудь случайную, причем чисто внешнюю, аналогию, но нерасторжимую взаимосвязь, диалектическое единство. На вере в существование дьявола и его козней веками покоилась реальная власть над душами. Это равно устраивало и пап, и королей, и всевозможных адептов черной и белой магии. Страх — мощное оружие. И наш век торжества науки почти ничего тут не изменил. Теологи-модернисты, предпочитающие избегать прямой персонификации дьявола, остроты вопроса тоже не сняли. Подменив рогатого, с хвостом и раздвоенными копытами «князя тьмы» неким «злым началом», гнездящимся в природе и человеке, они просто перевели проблему на иной терминологический уровень.

«Библейский сатана — это персонифицированный грех, — писал в 1973 году тюбингенский теолог Герберт Хааг. — Всюду в Новом завете, где говорится о сатане и дьяволе, это наименование можно с таким же успехом заменить словами «грех» или «зло».

Однако подобная замена никуда не ведет. Во-первых, она противоречит духу и букве Священного писания, богословской традиции и отнюдь не разделяется большинством современных теологов, настаивающих на реальности хозяина преисподней. Во-вторых же, — и это особенно важно в нашем случае, — злему началу, как и началу добруму, можно поклоняться с не меньшей искренностью, чем, скажем, Святой Троице, тоже включающей, как известно, довольно абстрактное понятие святого духа. Таким образом, на

скорое «Расставание с дьяволом» (так озаглавил свою книгу Хааг) рассчитывать не приходится.

В принятой Вторым Ватиканским собором конституции «О церкви в современном мире» прямо говорится о дьяволе, повергшем человечество в рабство. Конституция «О церкви» провозглашает, что проповедь должна послужить величию Бога и «посрамлению дьявола». Привычная, отшлифованная еще первыми отцами церкви лексика. Основанное в 1534 году Игнатием Лойолой «Общество Иисуса» тоже ни на йоту не изменило своего воззрения на интересующий нас комплекс.

«Разве позволительно сомневаться относительно существования ангелов и демонов? — говорилось в журнале иезуитского ордена «Чивильта каттолика». — Большинство теологов ответило бы, что в таком случае подвергается сомнению одна из религиозных истин».

Выходит, прав был Поль Гольбах, сказав, что, «не будь дьявола, многие набожные люди никогда не помышляли бы ни о Боге, ни о его духовенстве»?

Каноническую идею персонификации зла отстаивал и высший в католическом мире авторитет — папа. Несмотря на то, что, в отличие от иезуитов, окостеневших в своем средневековом консерватизме, последние понтифики сделали существенные шаги навстречу современности, отношение к дьяволу не сдвинулось с мертвой точки.

На общей аудиенции 1972 году папа Павел VI, говоря о борьбе с мировым злом, назвал его источник — «темного враждебного агента, именно дьявола». Ссылаясь на Библию, где деятельность врага человеческого отражена достаточно широко, папа подчеркнул, что «враг номер один», подобно прочим созданиям, сотворен Богом и «действительно существует».

И здесь мы вновь возвращаемся к существу поставленного вопроса: почему именно деятельность сатанистов заставила западную прессу заговорить о «возвращении дьявола», «реставрации средневековья»? Ведь если Ватикан, как мы теперь видим, традиционно продолжает поддерживать в душах сотен миллионов людей веру в ангельские рати и адские сонмища, то получается, что и дьявол никуда не уходил, и мир по сей день не расстался с колдовской практикой и нетерпимостью эпохи религиозных войн.

Не будем торопиться с однозначным ответом. В разных формах и по разным поводам гамлетовский вопрос о «связи времен» еще не раз встанет на наших страницах. Поэтому оставим пока в стороне проблему дьявола, как наделенного личностным разумом творения.

Я хочу продолжить рассказ о личном прикосновении к непреодоленному прошлому, за которым стоят действительно волнующие тайны истории. Как ни микроскопично и как ни кратко было это касание, но оно не только позволило глубоко прочувствовать высказанную выше мысль об устойчивости теней, отнюдь не претендующую на оригинальность, но и подсказало, как, перебросив мост

между веками, восстановить связь времен. Есть ли нужда пояснять, что речь идет всего лишь о публицистическом приеме, когда автор, опираясь на собственный опыт, пусть незначительный, использует эффект присутствия?

Итак, в тот день, постояв на Кампо ди Фиоре, где 17 февраля 1600 года взошел на костер Джордано Бруно, я нашел на плане улицу Кондотти, давно пленявшую мое воображение. Улица оказалась совсем близко, почти напротив ступеней легендарной лестницы на площади Испании, заставленных вазонами с кустами роз, померанцев и бурно цветущей ромашки. Ворковали голуби, говорливые мамы прогуливали своих бамбино, бородастые художники и очаровательные художницы бойко писали моментальные портреты смущенных провинциалок и жизнерадостных американских туристов. Это была вечная сцена с неизменными декорациями, на которой менялись лишь одежды статистов: колеты на камзолы, фраки — на джинсы. Отсюда легко было скользнуть в затененный канал, где словно застыло само время, уподобившись мертвой, позеленевшей воде. Я скоро нашел солидный, хоть и слегка обшарпанный дом с опущенными, по местному обыкновению, жалюзи на окнах. Сначала я было подумал, что ошибся, так как не ожидал встретить витрину с кожаной одеждой, дорогими чемоданами и шерстяными пуловерами. Однако все правильно: флагшток под балконом, обвитый красно-белой тесьмой, и белый восьмиконечный крест на красном поле щита (просто первый этаж сдавали под магазин). Та же эмблема, только во много раз увеличенная, виднелась сквозь арку, за которой был залитый светом дворик, заставленный роскошными автомобилями.

Успокоительно улыбнувшись охраннику, я ступил под ее сень и остановился перед бронзовой дощечкой, где под тем же крестом ясно читались глубоко вырезанные и почти черные от патины литеры: «Военный орден мальтийского креста», далее следовало уже мелким шрифтом: «Экстерриториальное владение».

Это было все, или почти все, что осталось от некогда могущественного рыцарского ордена госпитальеров святого Иоанна Иерусалимского, основанного еще в XII веке. Дом-государство без территории! Дом-посольство несуществующей державы!.. Нонсенс. Призрачный курьез. Однако орден все еще существует и недавно вновь открыл на Мальте свой капитул. Собственно, это и заставило меня, когда появилась такая возможность, отыскать узкую улочку, ведущую от площади Испании на шумную Корсо.

И вот я стоял перед дверью, что, как «Дверь в стене» Герберта Уэллса, вела в легенду. Память развешивала удивительную цепь, на которую были нанизаны крестовые походы, умирающие у стен Иерусалима паладины, тамплиеры, изрыгающие из пламени костров хулу на французского монарха, и где-то возле Михайловского замка заснеженный плац, на котором государь император и самодержец Павел I муштрует своих гвардейцев с мальтийски-

ми крестиками на супервестах. Какое потрясающее, почти невероятное сцепление звеньев! Страны, столетия, материки, острова... Наследники альбигойских реликвий, Родосское братство с его тайной символикой, восходящей к временам Минотавра... Я ведь касался этих увлекательных тем, достойных любого романа, но они представлялись мне занимательной игрой, бестелесной легендой.

Оказывается, ничего подобного. Дощечка и флагшток со щитом могли послужить опорой для любого вымысла. Легенда не была бесхозным имуществом, ее передавали по наследству.

С неожиданной яркостью я представил себе Петербург и Павловск. Дворец с голубой залой для приема мальтийских кавалеров, здание бывшего пажеского корпуса, где собирался орденский капитул, когда прославленный царь столъ неожиданно для многих принял сан гротосмейстера воинственного католического братства. Удивительные пассажи разыгрывает иногда искусница Клио. И ведь из ее партитуры, как из песни, не выкинешь ни ноты, ни слова. Тем более что все это и наше наследство, причудливо связавшее в прошедшие времена далекую Мальту с Петербургом.

Вот и появился непосредственный повод начать рассказ о духовных орденах, а затем и о катарской ереси, без которых нельзя постичь ни европейской магии, ни алхимии, ни тем более сатанизма, ибо у всего свои истоки и корни: у рек, растений, легенд.

...Царить стал Павел,
Мальтийский кавалер,
Но не совсем он правил
На рыцарский манер...

Очень точно схватил самую суть Алексей Константинович Толстой в своей «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева». Но сколь долг был путь мальтийских паладинов от гроба Господня до Северной Пальмиры! Семь столетий...

В ноябре 1095 года, когда Священной Римской империей германского народа правил Генрих IV (1050—1106), а на французском троне сидел Филипп I (1052—1108), суровый и решительный папа Урбан II созвал в Клермоне церковный собор. Отлучив мимоходом короля Филиппа от церкви за развод и вторичный брак, провозгласил крестовый поход, «бросок на Восток». Сверившись с гороскопом, составленным астрологом Амальфи, папа выбрал 26 ноября для публичного обращения. «Если кто, отправившись туда, окончит свое житие, пораженный смертью, будь то на сухом пути, или на море, или же в сражении против язычников, отныне да отпускаются ему грехи. Я обещаю это тем, кто пойдет в поход, ибо наделен такой милостью самим Господом».

Через три года Иерусалим был взят.

Когда на Святую землю, отвоеванную крестоносцами у неверных, хлынул поток паломников, завоеватели столкнулись с трудной задачей. Истощенные, шатающиеся от усталости и болезней пилигримы сотнями умирали в преддверии святынь, которые грезились

им на тернистом пути в Палестину. Чтобы как-то облегчить участь страждущих, несколько французских рыцарей основали странноприимный дом. Так было положено начало религиозной конгрегации, члены которой обязались посвятить себя уходу за бедными и больными и сами дали обет бедности и воздержания. Одевшись в темное грубошерстное платье и поддерживая дух в теле лишь хлебом и водой, они разослали по всему христианскому миру сборщиков милостыни, которую складывали в приюте для больных. Начало было положено купцом Панталеоном Мауро, который еще в 1070 году основал иоаннитское братство по соседству с бенедиктинским монастырем святой Марии Латинской, а рыцари заявили о себе уже после взятия Иерусалима. Единственным их отличием был белый крест, завещанный братьям основателем ордена — рыцарем по имени Жерар. По крайней мере так говорит легенда странноприимного дома иерусалимского госпиталя или госпиталя святого Иоанна. О больнице, дававшей одновременный приют двум тысячам занедуживших искателей благодати, шла молва по всему Востоку. Рассказывают, что ее тайно навестил сам султан Саладин, переодевшись нищим, чтобы своими глазами увидеть этот дворец милосердия.

Подобное идиллическое существование продолжалось, по-видимому, недолго, потому что госпитальеры вернулись к рыцарским забавам, а за больными стали ходить специально нанятые послушники. Прежний аскетический наряд был заменен черным костюмом сеньора и красным плащом. «Провизор» — первоначальный наставник общины — стал именоваться магистром, а после 1267 года (по другим сведениям, 1155) — великим магистром. При магистре Раймунде дю Пюи основанный французскими рыцарями орден стал вселенским, как сама церковь, разделенным на восемь (универсальное число направлений пространства) «языков», представлявших главные государства феодальной Европы.

Название «госпитальеров святого Иоанна» рыцари, однако, сохранили, равно как и красную мантию с вышитым белым шелком восьмиконечным крестом — символом целомудрия и восьми рыцарских добродетелей. Орденская печать изображала больного на ложе с таким же крестом в головах и светильником в ногах. «Бедные — вот наши единственные господа, — уверяли госпитальеры. — Помощь больным — вот наша единственная забота». Это ничуть не мешало ордену, быстро обретшему военный характер, совершать кровопролитные набеги на мусульман и враждовать с другими крестоносцами. За внешним смирением таилась гордыня. Стать госпитальером мог лишь рыцарь самого благородного происхождения, в крайнем случае, побочный сын владетельного князя. Вступая в обитель, новый посвященный вносил в орденскую казну солидную по тем временам сумму в 2 тысячи су.

Во всех завоеванных крестоносцами землях госпитальерам предоставлялось преимущественное право строить замки и укреплен-

ные дома за городскими стенами. Они воздвигли свои форпосты в Антиохии и Триполи, возле Тивериадского озера и на границах с Египтом. Один только Маркибский замок, законченный постройкой в 1186 году, вмещал тысячный гарнизон, а припасы были заготовлены на пять лет непрерывной осады. Замок включал в себя не только церковь и жилища ремесленников-оружейников, но и целую деревню с пашнями и садами.

Орден скопил несметные богатства, и не было в Европе такого герцогства, где бы не нашлось имения, принадлежавшего иоаннитам. В XIII веке они владели уже 19 тысячами рыцарских вотчин. До сих пор на карте Франции можно найти массу деревень с названием Сен-Жан. Все это бывшие командорства. «Имя — это знак» — утверждает мудрая латинская поговорка...

С историей иоаннитов тесно связана судьба другого могущественного ордена христианской Европы — рыцарей Храма. Незадолго до того как госпитальеры окончательно отвернулись от добровольных обетов милосердия, восемь из них — снова сакраментальная восьмерка! — решили выделиться в отдельное братство. Презрев изнурительные труды хожалок, они вновь взялись за оружие, дав обет сопровождать паломников по дороге в Иерусалим и охранять их от сарацинских набегов. Произошло это, согласно орденским анналам, в 1118—1119 годах, когда первым великим магистром, или грессмейстером, были избран Гуго де Пайен. Вместе с рыцарем Годфруа де Сент-Омером он входил в легендарную восьмерку, возглавившую первых храмовников, надевших белые полотняные рубахи с красным восьмиконечным крестом. Иерусалимский король Балдуин выделил братству часть собственного дворца, построенного на месте древнего Соломонова храма. Отсюда и название общины — храмовники, тамплиеры. Устав ордена «Бедных братьев Иерусалимского храма» — бедность и здесь положили в основу — частично воспроизводил цистерцианский и был разработан при деятельном участии Бернара Клервоского, позже причисленного к лику святых.

Показательна клятва, которую приносил рыцарь, надевая плащ храмовника: «Я, имярек, рыцарь ордена Храма, клянусь Иисусу Христу, моему господину и повелителю, и... суверенному папе... в постоянной верности и послушании... Обещаю также повиноваться великому магистру ордена... В любое время дня и ночи, когда будет получен приказ, клянусь переплыть все море, чтобы сражаться против неверных королей и князей».

Последним словам суждено было сыграть роковую роль. Двусмысленность определения «неверные» позволяла обнажить меч не только против мусульманских властителей.

Оттиск первой тамплиерской печати изображал храм. Однако вскоре символику изменили, взяв за образец рыцаря и пилигрима, едущих на одной лошади. В 1128 году орденский статут окончательно утвердил папа Гонорий II на соборе в Труа. Запомним эти подробности, потому что мы стоим у истока легенды, которая ста-

нет в течение веков питать европейскую мистику. Ей отдадут дань и розенкрейцеры, и масоны, и первые сатанисты. «Маги-тамплиеры против христианнейших королей» — так можно было бы озаглавить эту страницу истории.

Несмотря на то что монашеские обеты бедности, послушания и целомудрия равно распространялись на всю общину, орденский устав узаконил четкое разграничение прав и обязанностей рыцарей, служителей и священников. Занимать должности в ордене и возглавлять монастыри могли только рыцари — люди кровей благородных. Они становились великими приорами, комтурами (начальниками крепостей), управляли провинциями. Богатым горожанам, пожертвовавшим имущество в казну, дозволялось становиться оруженосцами, управителями, они вели финансовые дела ордена, наблюдали за прибытием кораблей с паломниками и за отправлением их обратно в Европу. Священники же, как всюду, выполняли свои привычные обязанности, возложенные на них Господом и его наместником на земле. Но это был уже особый клир, тамплиерский, все далее отделявшийся от церковной иерархии.

Великие понтифики на первых порах принимали горячее участие в нуждах ордена, дозволив храмовникам открыть собственные капеллы, кладбища и даже выбирать из своей среды священников для отправления службы в тамплиерских монастырях. Больше того, папская булла 1162 года вывела лиц, находящихся на орденской службе, из-под юрисдикции местных епископов. Один гроссмейстер — «Магистр Темплариорум» — был властен распоряжаться их судьбами. Орден превращался в «церковь внутри церкви», подчиненную, и то до поры до времени, только папе. Из уважения к военным подвигам крестоносцев, а также из страха перед их растущим могуществом светские и духовные князья не скупились на дары и пожертвования. Под скипетром гроссмейстера в одной лишь Европе оказались вскоре 10 тысяч обитателей, собственный флот, банковские конторы и такое количество золота, что он мог предложить за остров Кипр 100 тысяч червонцев. Именно здесь следует искать разгадку постигшей орден судьбы, жестокой, страшной и вместе с тем романтической.

Но об этом позднее...

Пока же упомянем еще об одном братстве, основанном по образцу Иоаннова госпиталя в 1198 году. На сей раз общину составили немецкие рыцари, в отличие от храмовников и госпитальеров, выходцев главным образом из французских земель. Во время осады крестоносцами крепости Акры несколько рыцарей собрали своих раненых товарищей на судне, поставленном по причине негодности на прикол. Получив от немецких князей нужные средства, они организовали больницу, где богомольцы из Германии могли бы говорить на родном языке. Так возник третий военно-монашеский орден, названный в честь «Дома Марии Тевтонской» Тевтонским, или Немецким. Учтя опыт госпитальеров, рыцари-основатели дали

клятву, что будут одновременно и ходить за больными, и биться с сарацинами. Но им было предназначено совсем иное. Немецкие рыцари первыми из крестоносцев вернулись в Европу: сначала в Трансильванию, затем в низовья Вислы. По договору 1226 года между польским королем Конрадом Мазовецким и гроссмейстером Германом фон Зальцем, орден получил Хелминьскую область, ставшую trampлином для нападения на восточные земли, где жили тогда балтийские племена пруссов. От них осталось лишь слово Пруссия, сохраненное новыми хозяевами. Первоначальное же наименование общины — «Братья Немецкого Дома» — в настоящее время знают очень немногие, потому что огнем и мечом врезано в исторические скрижали имя Тевтонский. Это от тевтонских командоров пошло пресловутое «Дранг нах Остен!». Как политическое завещание приняли лозунг поколения прусских милитаристов, взлелеявших и второй, и третий рейх. Тяжелый шаг закованных в броню рыцарей сотрясал дороги Польши, Чехии и Литвы. Звериные оскаленные морды, клювы и когтистые птичьи лапы их ведроподобных шлемов тянулись все дальше на восток, к российским лесам и нивам, пока не захлебнулись в студеной воде под чудским льдом.

Еще одна судьбоносная нить, простегнутая сквозь временные толщи! Сколько их, этих стежков! Последний гроссмейстер ордена Готард Кетлер променял в 1561 году свой жезл на корону герцогства Курляндского, присоединенного по прошествии веков к России. Протекут еще десятилетия, и Калиостро, остановившись в Митаве, «вызовет» тень герцога-гроссмейстера, чем немало потрясет воображение местных баронов. «Немецкий Дом» просуществовал, уже в призрачном воплощении, до конца Первой мировой войны. Ныне, как частное общество, он возобновил свою деятельность в Германии и Австрии. За пять лет до Ледового побоища к тевтонам присоединились остатки осевшего на ливонских просторах рыцарского братства меченосцев, и орден стал именоваться Ливонским. Меченосцами, кстати, восхищался, став генсеком, Сталин.

Подавив сопротивление покоренных народов, орден захватил обширные территории между Нарвой и Вислой и образовал мощное, насквозь милитаризованное государство, ставшее плацдармом для подготовки захвата балтийских земель — польских, литовских, латышских, эстонских.

На шпиле высокого донжона Мариенбургского замка, где поселился гроссмейстер, тяжело полоскалось на ветру военное знамя. Боевая мощь ордена была подорвана лишь после Грюнвальдской битвы в 1410 году, когда против псов-рыцарей выступили объединенные войска Литвы и Польши, которым оказали поддержку их славянские соседи. Полвека спустя, уже по Торуньскому мирному договору, орден признал себя вассалом польских королей и открыл Польше выход к морю. Капитул перебрався в Кенигсберг (ныне Калининград), где вскоре наступила развязка. Воспользовавшись широким реформационным движением, Альбрехт фон Гогенцол-

лерн, происходивший из династии бранденбургских курфюрстов, объявил орденские области своим наследственным княжеством и секуляризовал тевтонское братство. Так было положено начало герцогству, а затем и королевству Пруссия. В 1809 году орден был упразднен Наполеоном, но четверть века спустя восстановлен и реорганизован австрийским монархом. Он существует в Австрии и поныне, собрав под свой штандарт обломки военной титулованной знати.

Таков исторический путь Тевтонского ордена, построившего свою первую резиденцию — Монфорский замок — в 1229 году с благословения императора Священной Римской империи Фридриха II.

Все три ордена произрастают из единого древа. Отсюда — общность уставов, иерархии и полумонашеских-полувоенных одежд. Поверх доспехов паладины всегда надевали плащи. У госпитальеров они были черными с белым крестом, у храмовников — белые с красным, а тевтоны те же белые плащи оттеняли черным знаком, переродившимся через века в Железный крест.

Метъ свои крепкие латы
Знаком креста на груди, —

говорится в драме «Роза и Крест» Александра Блока.

Попоны на закованных в панцири лошадях были под стать плащам. Они быстро ушли под лед на Чудском озере, люди и кони. Прервалось прямое, а затем и косвенное наследование, но сохранилась преемственность идей. Остались тени: имя и знак. И, подобно насосавшимся крови вампирам, они обретут плоть в начале нашего столетия в орденах немецкого оккультизма, откуда уже рукой подать до СС...

На сем расстанемся с тевтонами, на время простимся с храмовниками и продолжим одиссею братьев иоаннитов. В 1291 году, когда были потеряны последние надежды удержать Святую землю, они переселились на Кипр, где создали сильное централизованное государство с лучшим по тем временам флотом. Не прошло, однако, и 20-ти лет, как оно по причине внутренних распрей распалось, и госпитальеры вынуждены были переселиться на остров Родос, после чего их стали называть родосскими братьями. Турки, бывшие в XV—XVI веках властителями Средиземноморья, атаковали Родос, и рыцари вновь, оставшись без крова, отправились по миру в поисках приюта. Они побывали на Крите, попробовали бросить якорь в Мессине, Витербо, пока наконец не осели в 1530 году на Мальте. Отныне мы станем звать их мальтийцами. Получив из рук императора Карла V Мальту вместе с прилегающими островами Гоцо и Комино, братство трансформировалось в Мальтийский орден святого Иоанна Иерусалимского.

Оно по-прежнему оставалось своего рода духовно-рыцарским суверенным государством во главе с гроссмейстером, которого титуловали «ваше преимущественное высочество», но стали иными цели и

политические амбиции. Ни о призрении страждущих, ни о гробе Господнем не было больше речи. Рыцари, объявив себя форпостом христианства против Турецкой империи, обязались защищать Средиземное море от султана и корсаров Магриба. Сражались они, воздадим им должное, самоотверженно, оказав бесценные услуги и Карлу V, и Филиппу II. Орден достиг апогея славы, победоносно выдержав четырехмесячную осаду и заставив уйти восвояси многочисленный турецкий флот и сорокатысячную армию. Это произошло в 1565 году. Рыцарским гарнизоном в 9 тысяч человек командовал гроссмейстер Жан-Паризо де Ла Валетта, чье имя было присвоено затем столице островного государства. Как это часто случается, высший взлет явился началом падения. Железная дисциплина ослабла, вспыхнули межнациональные распри, рыцари, погрязнув в пороках, начали обогащаться за счет местного населения. На фоне всеобщего разложения, коррупции и упадка проявилась полнейшая неспособность гроссмейстеров справиться с положением. «Преимущественные высочества» теряли реальную власть, чем ловко воспользовались иезуиты и святейшая инквизиция.

По мере ослабления Турецкой Порты деятельность ордена приобретает более мирный, можно сказать, «цивильный» характер. Восстание в 1775 году подавленное рыцарством местного населения — потомков арабов и финикийцев — вынудило великого магистра принца Рогана провести хотя бы минимальные реформы. Были сделаны попытки реорганизовать государственное управление, судопроизводство, наладить экономику, что, в свою очередь, побудило шире взглянуть на мировую политику. Именно в этот период началось сближение мальтийцев с Россией — традиционным врагом Порты. При благосклонном содействии Екатерины II ордену передали сначала богатый майорат князей Острожских, а затем и бывшие владения иезуитов Польше, где вскоре учредили великий приорат.

С этого момента следует искать начало рыцарских игрив, столь поразивших русское общество в царствование Павла I (1796—1801), короткое, но насыщенное поразительными событиями.

«Павел, — отмечал проницательный шведский дипломат Г. М. Армфельд — с нетерпимостью и жестокостью армейского деспота соединял известную справедливость и рыцарство в то время шаткости, переворотов и интриг».

ИМПЕРАТОР-ГРОССМЕЙСТЕР

Из недр гроба столетия глас утешенья
изыде
Срини отчаянье! смертной, надейся!
Бог жив!
Кто духу бурь повелел истязать
бунтующи волны,
Времени держит еще цепь тот
всесильной рукой
Мир, суд правды, истина, вольность
лиются от трона
Зрите на новый вы век, зрите
Россию свою!

А Радищев Осьмнадцатое столетие

Одними из первых, кого вернул из тюрем, ссылки воцарившийся Павел, были Александр Радищев, автор крамольного сочинения «Путешествие из Петербурга в Москву», и Николай Новиков, издатель и публицист, а также «мастер стула» в ложе «Латона» и член Ордена Злато-Розового Креста. «Станем общими силами стараться исследовать, не разделились ли мы в том духе, в котором обещались жить и умереть; сей ли дух и поныне нас одушевляет?» — писал бывшим единомышленникам создатель знаменитой Вольной типографии.

Вместе с неразлучным другом С. И. Гамалеей порядком одряхлевший, но не сломленный Новиков посвятил себя составлению «Библиотеки, содержащей в себе некоторые герметические, каббалистические, магические и иные книги»... братьев Злато-Розового Креста.

Вслед за Новиковым вышли на свободу и прочие вольные каменщики, посаженные Екатериной II, — М. И. Багрянский, Н. Н. Трубецкой, И. П. Тургенев, И. В. Лопухин и др.

Воодушевленные братья вознамерились было возобновить сложную интригу по вовлечению императора в масонскую деятельность, но Павел резко отклонил проект нового ордена.

Сам он, скорее всего, вступил в ложу во время заграничного путешествия. Свидетельство тому брошюра на французском языке, автором которой является некий де Нанс: «Вступительная речь к принятию Святой Императорской Мастерской Российского Великого Князя во Фридрихсвилде 6 августа 1776». Есть также не совсем достоверные сведения о встрече великого князя со шведским королем Густавом III в ложе «Аполлон».

Показательно, что Павла сопровождали в поездке видные масонские деятели: друг детства цесаревича князь Александр Куракин, почтенный мастер Тамплиерского ордена, и генерал-адъютант Сергей Иванович Плещеев, член теоретического градуса, получившие посвящение в Ливорно.

Сразу же после возвращения наследника Екатерина II отправила «бриллиантового князя» — Куракин обожал роскошь — в его саратовскую вотчину. Близость цесаревича с вольными каменщиками, розенкрейцерами, тамплиерами и прочими вольнодумными мистиками представлялась нежелательной.

Доверительные отношения Павла с гениальным архитектором Баженовым, строителем Михайловского замка и, понятно, тоже масоном, сыграли роль отягчающего обстоятельства в обвинениях против Новикова.

Как повелось с давних времен, лучшие люди страны связывали с именем нового царя надежды на просвещенное правление и всяческие реформы. Вместо этого начинался мрачнейшего свойства балаган, маскарад, от которого изрядно пахло мистикой. Все теперь выстраивалось в единую линию: вояж по Европе, совершенный под именем графа Норда, встречи с мартинистами, иллюминациями и прочими искателями чудес, беспокоившая еще покойницу Екатерину II возня вольных каменщиков. И каменщики, проникшие во дворец в обличье учителей, и их соперники иезуиты зорко следили за созреванием наследника, чьи прекраснодушные порывы к грядущему переустройству мира теперь, после якобинского террора, могли вызвать лишь грустную улыбку. И хотя впоследствии Павел, с присущим ему шараханьем из крайности в крайность, резко отшатнулся от всякого рода секретных лож, вырастивших бунтовщиков и цареубийц, тяга к запредельной мечте, очевидно, осталась. Иначе никак нельзя было объяснить таинственное эхо, долетевшее из тьмы веков. Но стоит ли сожалеть о невольных промахах юности?

Особливо о тех, что имели место в то достопамятное путешествие, когда карету с графской короной на дверце трясло по разбитым дорогам. «Графиня Норд», будущая государыня Мария Федоровна, целиком и полностью разделяла искания и надежды супруга. Да и могло ли быть иначе? Урожденная София-Доротея-Августа-Луиза, воспитанная отцом, герцогом Вюртембергским, в лучшем духе немецких семейств, она всем своим видом являла образец послушания. В ее девичьем альбоме красовалось аккуратно переписанное стихотворение. «Нехорошо по многим причинам, чтобы женщина приобретала слишком обширные познания. Воспитывать в добрых нравах детей, вести хозяйство, наблюдать за прислугой, блюсти в расходах бережливость — вот в чем должно состоять ее учение и философия». Не ей, нареченной Софией-Мудростью, было уберечь цесаревича от ошибок. А их было допущено предостаточно, в том числе и сугубо дипломатических. В Стокгольме он позировал придворному живописцу, будучи облаченным в запон-передник мастера обряда «строгого послушания», в Сикстинской капелле Ватикана доверчиво раскрыл сердце римскому папе. А сколько вертелось вокруг него всякого рода шарлатанов, которые на поверку оказывались либо шпионами, либо отъявленными мошенниками? Духовидцы, делатели золота, адепты животного магнетизма — все они прямо из

кожи вон лезли, добиваясь внимания путешествующей четы. Все жило, все дышало тогда ощущением невероятного, предчувствием удивительных перемен. А чем закончилось? Окровавленной корзиной, куда полетели головы Людовика и Марии-Антуанетты, милых, сердечных людей, окруживших гостей из далекой империи изысканной предупредительностью и утонченным европейским комфортом.

Под натиском наполеоновских армий шатались не только троны. Первыми дуновение грядущего века ощутили иезуиты, которых ветер революции погнал, как перекасти-поле, из страны в страну. Падали полосатые пограничные шлагбаумы, заколачивались окна монастырей, отмеченных эмблемой пылающего сердца. Европа брезгливо стряхивала с себя липкую паутину наущничества, доносов и злостных интриг, чьи паразитические хитросплетения часто лежали за гранью здравого смысла. Но возведенное еще Игнатием Лойолой величественное строение не могло быть разрушено в результате нескольких подземных толчков, пусть даже большой силы. Слишком глубокий и прочный оказался фундамент невидимого храма. Именно в это время когда в политике первого консула, обнаружившего явное стремление к авторитарной власти, проявились благоприятные тенденции, судьба давала «Обществу Иисуса» новый шанс поправить дела. В тех условиях русский монарх мог пойти значительно дальше Екатерины, приютившей вместе с обломками роялистской знати тайных миссионеров. Любой ценой следовало окружить Павла своими людьми и, искусно играя на тайных струнах его мятушей души, осторожно повернуть русскую политику в нужную сторону.

«Латинская», как ее называли, партия, представленная при дворе Илинским, Потоцким, Чарторыжским и Радзивиллом, приложила все старания, чтобы изобразить римскую иерархию в качестве наилучшего олицетворения монархического принципа.

На первых порах эти откровенно иезуитские происки остались без ответа. Воспитанник московского митрополита Платона, Павел стойко придерживался православия. Он исправно говел во все четыре поста, исповедовался и причащался. Паркет перед иконостасом в спальне Гатчинского дворца был вдоль и поперек исполосован его коленями.

Впрочем, прагматично настроенные политики отнюдь не намеревались отвратить всероссийского самодержца от православия. Речь могла идти лишь о некоторой перестановке акцентов.

О том, что такое вполне достижимо, свидетельствовала хотя бы упомянутая встреча в Ватикане. Из доверительной беседы с римским первосвященником Павел вынес самое отрадное впечатление, которое не могло не сказаться на его отношении к католицизму вообще. Не составляло секрета и то, что представитель латинской церкви в России — архиепископ Сестренцевич — пользовался особым расположением наследника. Став императором, Павел недвусмысленно дал понять, что эти его привязанности, не в пример

прочим, отличаются завидным постоянством. Осыпанный знаками монаршего благоволения, Сестренцевич был возведен в митрополи-ты. Наконец, можно было сделать определенную ставку и на сочувствие к изгнанной французской династии. Роялистская эмиграция составляла внушительную силу еще при Екатерине II, хотя государыня не терпела вмешательства в свои внутренние дела. По крайней мере явного, потому что тайное шло полным ходом. Ставка делалась на грядущие поколения. Нахлынувшие в Россию эмигранты-иезуиты обосновались в домах знати, сделавшись наставниками юношества. Но недаром говорится, что лучшим учителем является сама жизнь. Иезуитские воспитанники выросли в вольнодумцев, бунтарей-декабристов.

Внешне словно бы соперничая с иезуитами, а на самом деле дую в одну дуду, не уставали домогаться монарших милостей и мальтийские рыцари, также осевшие в России при матушке Екатерине. Великая мастерица отыскивать нужных именно в данную минуту союзников, царица вошла в тайные переговоры с тогдашним великим магистром Роганом и заручилась его поддержкой против общего врага — Османской империи. С началом активных военных действий на суше и на морях принц де Роган направил рыцарский флот на соединение с русской эскадрой.

Лишь под давлением Людовика XV, пригрозившего конфисковать орденское имущество на всех подвластных Франции территориях, великий магистр был вынужден отказаться от активных акций. Зато он передал русскому правительству все карты и планы, которые были заготовлены для восточных походов.

Питая к ордену политические симпатии, Екатерина передала их сыну, чьей настольной книгой стало сочинение аббата Ферто, повествующее о славной истории первейшего в христианском мире военно-духовного братства.

Воспитанный на восторженном поклонении перед рыцарской верностью и честью, Павел, такой непостоянный в своих пристрастиях, до конца жизни остался верен этой романтической страсти.

Не успел он взойти на престол, как байли Мальтийского ордена граф Литта, брат обосновавшегося в Петербурге папского нунция, поспешил нанести поздравительный визит. В Северной Пальмире граф чувствовал себя как дома, ибо уже состоял ранее на русской службе, удостоившись контр-адмиральского чина. При дворе к нему обращались по-свойски: Юлий Помпеевич. За полную неспособность к морскому делу, а также незнание русского языка, что, конечно, затрудняло успешное командование галерным флотом, его пришлось уволить в отставку.

Однако то было в прошлое царствование.

Ныне наступали совсем иные времена.

Посол Мальтийского ордена Джулио Помпео Литта имел торжественный въезд в Петербург 27 ноября 1797 года¹ от Калинкиных

¹ По старому стилю

ворот. Кортёж состоял из четырех придворных карет и тридцати шести экипажей прочего сорта, забитых нахлынувшими в Россию мальтийцами. Литта успел уже освоиться с морозами, от которых было отвык, поскольку перед этим вел несколько недель в Гатчине, где имел встречи с государем. Обсуждались финансовые дела великого приорства Волынского, учрежденного при Екатерине.

В черной мантии с белым восьмиконечным крестом мужественный паладин выглядел необычайно импозантно. Рядом с ним на парчовых подушках сидели первые сановники империи. Все были преисполнены сознанием исключительной важности переживаемого момента.

Момент и впрямь был весьма деликатный. Католический орден — весть о том разнеслась повсеместно — искал защиты у православного государя, готовясь вступить чуть ли не в вассальную зависимость. Даже иностранные послы, не говоря уже о русских попах и вельможах старого закала, отказывались верить своим глазам.

Многое из того, что представляется неожиданным, внезапным и даже таинственным, проистекает из подспудных течений исторического процесса, питаемых сугубо прагматическими ключами.

Тяготение Павла к мальтийцам, помимо личной склонности государя к готическим ритуалам, тоже во многом было продиктовано политическими причинами. Французская революция, изгнавшая орден из страны, вновь сделала его естественным союзником самодержавия. На сей раз против врагов внутренних. Иерархическая дисциплина феодального братства и его очевидный консерватизм не могли не привлечь монарха, мечтавшего о рыцарской верности подданных.

Действия Павла теряют мистичность и становятся до предела понятными лишь в общеполитическом контексте.

Конвент конфискует мальтийские владения во Франции? Царь, защищая возвышенные идеи рыцарства от якобинства, тотчас же подписывает Конвенцию об учреждении в России Ордена Иоанна, в которой, в частности «подтверждает и ратифицирует за себя и преемников своих на вечные времена, во всем пространстве и торжественнейшим образом заведение помянутого ордена в своих владениях».

Великому приорству Волынскому государственная казна предоставила годовой доход в размере трехсот тысяч злотых. С чисто иезуитской сметкой мальтийцы поспешили воспользоваться благоприятной конъюнктурой. Павлу был поднесен странноватый для России титул «протектора религии мальтийских рыцарей», и православный государь с готовностью принял его. На состоявшейся в Зимнем дворце церемонии Литта приблизился к подножию трона и поднес дары, хранившиеся доселе в сокровищнице: крест знаменитого гротескмейстера Ла Валетты и мощи святого Иоанна.

После этого Павел, уже в качестве протектора, сам возложил орден на принца Конде, посвященного в великие приоры, на Кура-

кина с Безбородко, нареченных почетными байли, и на командоров Чарторыжского, Радзивилла, Сен-При и прочих — либо роялистских эмигрантов, либо польских магнатов.

Обойденные придворные завидовали и начинали интриговать. Глухо роптало духовенство.

Братья Литта спешили развить успех. По своим каналам, а также через русского посла в Риме Лизакевича им удалось склонить Пия VII к беспрецедентному решению. Под давлением обстоятельств новый папа соглашался передать славнейших из католических орденов гроссмейстеру иного вероисповедания. Право, католик Буонапарте пугал его куда больше, чем Павел Романов.

Когда все было надлежащим образом согласовано, в гостеприимно распахнутые ворота Гатчинского дворца въехала нарочито запыленная карета с гербом мальтийского приорства. Та же печать дальних странствий лежала на сопровождающих ее экипажах и всадниках. Лошади выглядели измученными. По крайней мере, им надлежало казаться таковыми.

Преклонив у подъезда колени, печальные кавалеры в черных иоаннитских плащах смиренно обратились к вышедшему навстречу шталмейстеру.

— Кто живет в этом замке? — спросил Юлий Помпеевич, разыгрывая этакое странствующего рыцаря, увидевшего среди раскаленных песков чью-то зубчатую башню.

— Его величество Павел, самодержец всея Руси и защитник религии мальтийских рыцарей, — последовал бесстрастный ответ.

— Благоволите, мессер, передать, что мы повергаем к стопам его величества нашу смиренную просьбу о приюте.

— Пустить их! — последовал приказ, когда просьба была передана через флигель-адъютанта.

«Владелец замка», превосходно осведомленный обо всех тонкостях ритуала, повелел препроводить депутацию в парадные покои и благосклонно выслушал скоморошью белиберду, которую нес Юлий Помпеевич.

— Вы видите перед собой скромных рыцарей святого Иоанна Иерусалимского, сир, — томно играя очами, распространялся Литта. — Странствуя по Аравийской пустыне и увидя замок, мы узнали, кто тут живет...

Эта речь и вся сцена, словно заимствованная из рыцарского романа, закончились официальным предложением.

Приятно взволнованный император, всласть поигравший в молодости в эзотерические тайны, растрогался и принял поднесенный ему почти опереточный титул.

— Русский Дон-Кихот! — воскликнул Наполеон, узнав, кто стал великим магистром.

Поддержав гонимых, буквально подвешенных в воздухе рыцарей, Павел и вправду продемонстрировал классический донкихотский комплекс. Благородно, трогательно, но ведь и смешно.

Есть основания полагать, что меткое замечание первого консула явилось реакцией на весть отнюдь не неожиданную, а, напротив, страстно лелеемую. Более того, операция с Мальтой была частью интриги, задуманной Талейраном лишь для того, чтобы поссорить Россию с Англией. Высадившись на острове, Наполеон едва ли надеялся удержать его надолго. Англичане, чей перевес на море был очевиден, вскоре отвоевали Мальту, бросив тем самым вызов новоиспеченному гротескному гроссмейстеру. Антифранцузская коалиция в итоге окончательно распалась.

Непомерная плата за средневековые побрякушки: мальтийскую корону, жезл, орденскую печать и рыцарский меч! Действо коронации тем не менее было совершено с подобающей пышностью в тронной зале Зимнего дворца, где собрались Сенат, Синод и вся придворная камарилья. Мальтийский крест осенил двуглавого имперского орла, а к длинному перечню царских званий, заканчивающемуся словами «и прочая», добавился еще один титул.

Бывший дворец графа Воронцова на Садовой, где разместился капитул, переименовали в замок, на Каменном острове построили странноприимный дом с церковью Иоанна Крестителя, где всеми цветами радуги заблестали торжественные одеяния католического духовенства. Не было выше и лестнее знака, чем мальтийский крестик. Зато лишение звания мальтийского кавалера означало полнейшую опалу. Юлий Помпеевич стал ближайшим советником царя. Он получил чин вице-адмирала, хотя мог похвастаться лишь проигранным сражением на море, и командорство в десять тысяч рублей ежегодного дохода, а главное — стал наместником великого магистра. В таком звании он мог оказывать серьезное влияние на ход государственных дел.

Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся —

с чуткостью художника отреагировал Державин, уловив дух тревожного ожидания роковой развязки. Он, кстати, присутствовал на «мальтийской» коронации, о коей сложил и поднес к стопам самодержца надлежащую оду.

Тлетворный воздух занемогшей в гнетущем ожидании столицы дышал истерией. Вместе с торжественной мессой, вместе с одеждами эпохи крестовых походов и паладинами, бодро месящими чухонскую грязь, распространился магический флюид.

В изысканном Павловске, на туманных полянах бессонного парка, взвились вдруг девять мальтийских костров! Исконное чародейство Европы вывалилось на просторы колдовской Иоанновой ночи.

Ах, эти томительные часы летнего солнцестояния, эти огни великого шабаша, зажженные, однако, не ради ведьм. Павел, которому оставалось менее двух лет жизни, предчувствуя, как сожмется роковое кольцо заговоров, вдруг истово поверил, что ритуальное пламя защитит от измены и злонамеренных умыслов. Он слепо бил

наотмашь, сражался с духами, не отличая преданности от измены, и верил, верил в огни, на которых крестоносцы сжигали во дни оны свои окровавленные бинты.

Не в пример рыцарям, затеявшим шумный карнавал, иезуиты действовали в глубоком молчании. Руководствуясь девизом «Поспешай медленно!» — они неуклонно шли к цели. Конспиративное братство, привыкшее мыслить в масштабах эпох, продолжало терпеливо плести свои сети. Долгожданный случай приблизиться к престолу вскоре представился.

Подверженный разносторонним влияниям и легковнушаемый император вдруг обнаружил намерение возвратиться после коронации не прямой дорогой, а через Белоруссию. В Орше, приняв парад семеновцев и преображенцев, Павел, как всегда неожиданно, решил осмотреть местные достопримечательности. Ему подсунули иезуитский коллегиум.

Архиепископ Сестренцевич едва успел выскочить из кареты и, сбросив на руки служки плащ, кинулся вдогонку. Выказав себя отменным бегуном, он удостоился чести первым встретить государя у ворот, осененных лучезарным треугольником небесных властей. Саркастически улыбнувшись, Павел дал знак отметить ревностное усердие служителя церкви в походном журнале.

Бедный Сестренцевич! Он почитал себя на вершине успеха, не подозревая, что этот день 8 мая¹ 1797 года станет началом его падения. Римско-католический прелат решительно не устраивал иезуитскую верхушку, ибо заботился лишь о собственных нуждах, пренебрегая вселенскими.

Незаинтересованно скользнув взглядом по мощенному гранитом двору и унылым стенам коллегиума, прорезанным реденькими оконцами, Павел направился к церкви. На почтительном отдалении следовали великие князья Александр и Константин.

— Кто такие? — неожиданно спросил Павел, указуя на монахов в отличном от прочих одеянии.

— Бернадины, ваше величество, — почтительно доложил провинциал и ректор коллегии Вихерт.

— Бернадины? — русский государь обнаружил неожиданную осведомленность по части католических орденов. — Но у них совсем другие цвета!

Иезуитские начальники показали мгновенную растерянность.

— Совершенно справедливо, ваше величество, — на выручку поспешил отец Грубер. — Так, причем совершенно неправильно, прозывают францисканцев, потому что первая основанная здесь церковь носила имя святого Бернарда. Дав исчерпывающее объяснение, он, словно испытывая необоримую робость, спрятался за спинами старших братьев.

— Кто таков? — обернулся за разъяснением Павел, изучающе оглядев сутулого монаха с грубым тяжеловесным лицом.

---

¹ По старому стилю

— Отец Грубер, государь, — сказал Сестренцевич, выдвигая тем самым на авансцену своего будущего врага.

Имя запомнилось и, когда пришел срок, это малозначительное обстоятельство сыграло назначенную роль.

Не прошло и двух лет, как Гавриил Грубер, тайно двигавший всеми пружинами своего ордена, объявился в столице. Уроженец Вены, он вступил в «Общество Иисуса» пятнадцатилетним отроком, посвятив себя религии, философии и изучению мертвых языков. Затем он успешно штудировал в Лейбахе механику и гидравлику, а также, как некогда Фауст, занимался исправлением русел и осушкой болот. Когда в Австрии было обнародовано бреве папы Климента Четырнадцатого о роспуске ордена, Грубер, сколько мог, сохранял верность обету. Узнав, что русская государыня предоставила приют рассеянными по миру мытарям, Грубер переселился в Полоцк. Пустив корни в тамошнем коллегииуме, он вскоре зарекомендовал себя замечательным педагогом. Читая положенные по штату механику и архитектуру, он не пренебрегал и физикой, обогатив тамошний физический кабинет приборами собственного изготовления. Не было, в сущности, такой дисциплины, которой Грубер не отдал бы щедрую дань. Математика, история, химия — его эрудиция не знала пределов. Обогатив прежний лингвистический багаж, он добавил к французскому и родному немецкому итальянский, польский, а затем легко выучит и русский язык.

По примеру знаменитых мужей Возрождения, Грубер выказал дарования и в сфере искусств. Церковная музыка, а также перспективная живопись, где его успехи были блистательны, снискали ему благодарных ценителей и учеников. Если добавить сюда незаурядные гастрономические познания, особенно по части приготовления шоколада, всегда составлявшего гордость иезуитских коллегииумов, то в мире не останется области, не охваченной этим достойным мужем.

Невольно вспоминался неподражаемый граф Сен-Жермен. Ему еще предстоит появиться на нашем пути в свое время: мы вновь забежали вперед на полтысячи лет.

Все способности и таланты Гавриила Грубера были подчинены единственной цели — возрождению ордена. До мозга костей преданный его основополагающим заветам, он почти буквально следовал лозунгу «Цель оправдывает средства». Скончавшийся вскоре после высочайшего представления генеральный викарий Ленкевич и заступивший на его место Франциск Каро буквально раболепствовали перед этим гениальным фанатиком, замыслившим перевернуть мир.

Впрочем, истинных своих целей Грубер, ставший своего рода неофициальным генералом братства, не открывал никому. В Петербурге, где его хорошо знали в ученых кругах, он появился под весьма благовидным предлогом ознакомить членов императорской академии с успехами их скромных коллег из белорусских губерний.

На выставке, которая с большой помпой была развернута в академических залах, были представлены всевозможные насосы, ножницы для стрижки сукна и скульптуры религиозного содержания, изваянные питомцами коллегийумов.

Но это была лишь ширма. Все свои незаурядные дарования, равно как и поразительное упорство, отец Грубер сфокусировал в одну точку. Любой ценой он должен приблизиться к императору, завоевать его доверие. После свидания в Орше ни о чем ином он просто не мог думать. К его услугам была тайная помощь собратьев и миллионы одного сомнительного негоцианта, завоевавшего доверие царя весьма немудреным манером. Это был некто Мануччи, то ли итальянец, то ли поляк, чей отец сделал себе состояние на службе у Потемкина. Узнав, что Павлу ненавистно все, что хоть как-то связано с именем князя Таврического, Мануччи передал ему секретную переписку батюшки. Обнаружив пикантные места, оскорбительные для памяти светлейшего, Павел пришел в восторг.

Безродный купец продавал отца, самодержец мстил нелюбимой матери — какая, в сущности, разница?

Во всяком случае, на деньги Мануччи иезуитский агент мог покупать высокопоставленных осведомителей. Его жгуче интересовали любые новости, так или иначе касавшиеся венценосных особ. Понемногу прикапливая сведения, Грубер терпеливо ждал подходящего случая приблизиться к императору. И такой случай не замедлил представиться. Судьба сама поспешает навстречу тому, кто по-настоящему умеет ждать. Грубер умел.

Когда до него дошла весть о том, что царица страдает неутолимой зубной болью, он решил действовать точно и размеренно, как пружина часового механизма.

Досконально вызнав подробности — придворные врачи, испробовав все доступные им средства, признали свое бессилие, — Грубер начал исподволь подсылать всяческих кликуш и мошенников. Истрадавшаяся царица готова была ухватиться за любую соломинку. Она покорно позволила заговаривать себе зубы. Самое сомнительное лекарство, любой бредовый совет воспринимались с готовностью и надеждой. Личность целителя и его происхождение во внимание больше не принимались. Было не до того.

Издерганный стонами и жалобами, Павел, обычно подозрительный и строптивый, примирился с постоянными нарушениями регламента. Возвышенные фантазии увлекали его к сияющим вершинам, а жалкая жизненная проза приковывала к земле. В пропахший настойками будуар Марии Федоровны не хотелось даже входить. Сразу портилось настроение. Как не ко времени были эти свалившиеся на голову хлопоты! Государь переживал период необычайной активности и подъема. Это отражалось на всех сторонах замкнутого дворцового мирка, заставлявшего глухо откликаться бескрайние полуночные пространства великой империи. Количество дел, обращающихся в тот год в тайной канцелярии, раз в десять превзошло высший екатерининский показатель. Указов издавалось до двадцати

пяти в месяц. И ведь за каждой бумагой стояли люди, иногда многие сотни людей, судеб, перетасовка истрепанной дворцовой колоды, когда одни фигуры падают на пол рубашкой вверх, а другие возносятся на ключевые места пасьянса.

Закатилась звезда канцлера Безбородко, зато в большую силу вошел Растопчин. Опале подвергся целый конногвардейский полк. Командир и шесть старших офицеров за «безрассудные их поступки во время маневров» были посажены под арест, а сам полк отправлен в Царское Село. Поскольку, перемежая команды ругательствами, царь несколько раз выкрикнул любимое слово «Сибирь», случилось досадное недоразумение. Приготовившиеся к дальней дороге конногвардейцы только на месте узнали, где им назначено отбывать ссылку. Есть все же разница между царскосельскими казармами и сибирским острогом. Недаром недремлющие острословы-крамольники тут же сочинили злой анекдот: «Полк, в Сибирь шагом марш!»

Перестановка отдельных карт внушала обманчивую иллюзию отрадных спасительных перемен, ничего, в сущности, не меняя.

В конце концов расставшись не без боли и слез с Катей Нелидовой, многолетней пассией, Павел избрал другую даму сердца, окружив ее рыцарским почитанием. Ни в чем не зная меры, он был поистине трогателен в восторженном преклонении перед новой владычицей своих грез. К тому же все происходило на фоне мальтийских приключений, в наэлектризованной атмосфере оживших легенд, когда невозможное представляется достижимым, и захватывает дух от сладкой мечты, и вдохновенно кружится голова.

Почти каждый день двор выезжал на строительную площадку, где на месте снесенного Летнего дворца вырастали могучие стены Михайловского замка. Он был спланирован по образцу средневекового, в соответствии с собственноручными набросками Павла. Строительство протекало с соблюдением древних рыцарских церемоний. Во внимание принималось решительно все: состав связующего, фазы Луны и, конечно, цвет. Поцеловав перчатку Анны Лопухиной-Гагариной, Павел продемонстрировал свой фетиш художнику. Задание дано. Дело остается за малым. Смешав в бочонках нужные краски, маляры в точности воспроизвели малейшие капризы оттенка. И как нарочно, в разгар всех этих увлечений досадная зубная канитель!

Прошение Грубера, адресованное на имя царицы, пришлось как нельзя более кстати. Предлагая себя в качестве дантиста, ученый иезуит действовал наверняка. Дуры-ворожеи умастили ему дорогу.

Мария Федоровна незамедлительно показала каллиграфически написанное письмо Павлу.

«Это какой же Грубер? — призадумался император. — Надо на него посмотреть. Знакомая фамилия».

На следующей неделе иезуит получил предписание явиться в Зимний дворец.

— Вы действительно беретесь излечить заболевание? — строго спросил Павел, разочарованный неудачами прежних целителей. — Разве когда-нибудь прежде вы занимались медициной?

— Наш древний орден владеет множеством старинных рецептов, — бестрепетно ответил патер. — С Божьей помощью я надеюсь прекратить течение болезни. Для этого мне придется некоторое время пробыть во дворце, чтобы иметь возможность своевременно оказать необходимую помощь. Поэтому покорнейше осмелюсь просить ваше величество позволить мне поместиться где-нибудь поблизости от кабинета государыни.

— Быть посему, — согласился Павел. — Но имейте в виду, что я лично буду наблюдать за ходом лечения!.. Пусть в кабинете поставят для меня канапе и ширмы, — отдал он распоряжение присутствовавшему при разговоре Кутайсову.

Эликсиры, срочно затребованные Грубером из монастырских аптек, вскоре привели к желаемым результатам. Царица перестала стонать по ночам, а первоначальная настороженность Павла сменилась полнейшим доверием. Он готов был осыпать самозваного лекаря всяческими милостями и уже собрался возложить на него орден Андрея Первозванного, но проникательный иезуит с горделивым смирением уклонился.

— Устав нашего общества не позволяет нам носить какие-либо знаки светских отличий. Если мы и служим монархам, а также подданным их, то единственно к вящей славе Господней.

Павел пришел в восторг. Подобное бескорыстие не часто встречается при дворе, где погоне за богатством и почестями подчинены все думы и помыслы.

С той минуты двери царского кабинета были открыты для Грубера. Ему разрешено было входить без доклада. Привилегия почти немислимая!

— К вящей славе Господней, — шутливо приветствовал иезуитским девизом нового лейб-медика царь.

Их встречи становились все более частыми, беседы — продолжительными и откровенными. Выходя за рамки медицины и привязанных к ней восточных таинств, Грубер осторожно касался вопросов политики. При помощи нунция Литты он вовлек императора в ватиканские интриги и даже заручился обещанием содействовать формальному возобновлению ордена.

Явившись однажды к утреннему приему, Грубер застал государя за чашкой шоколада.

— А я только что вспоминал о вас! — посетовал Павел. — Мой кондитер совершенно не умеет варить шоколад. Сколько я ни требую, никак не могу добиться, чтобы сделали как следует. Самый вкусный напиток мне довелось отведать в одном из ваших монастырей, где мы случайно остановились, путешествуя по Италии.

— Это действительно наша тайна, государь, вроде ликера братьев бенедиктинцев. Мне известен самый лучший испанский ре-

цепт. Если вашему величеству будет угодно, я берусь приготовить по-своему.

Влияние Грубера, перескочившего из лейб-медиков в государственные шоколадники, росло со сказочной быстротой. Никогда и ничего не прося для себя лично, он шутя потеснил и Лопухина, папеньку фаворитки, и самого Кутайсова, постоянно готового схватить любой кусок.

Скоропалительная переменчивость к явлениям и лицам не могла не сказаться и на внешней политике, пересмотр которой наметился к концу уходящего в Лету восемнадцатого столетия. Грубер чутко уловил едва заметные изменения в отношении Павла к Наполеону и постарался незаметно подстегнуть этот желательный для иезуитов процесс.

Когда-то камер-фрейлина Нелидова упрекнула наследника за решительный поворот во взглядах на просвещение и просветителей.

— Вы вправе сердиться на меня, Катя, все это правда, — с грустью признал Павел. — Но правда также и то, что с течением времени человек становится слабее и снисходительнее. Вспомните Людовика XVI! Он начал уступать и кончил эшафотом.

Зная о стойком отвращении Павла к революционной Франции, едва ли можно было вообразить, что он не только пойдет на союз со вчерашними цареубийцами, но и решится изгнать из пределов империи Людовика XVIII со всем его семейством. Однако такое произошло.

Симпатии Павла качнулись в сторону первого консула, чей военный гений снискал восхищение даже в стане врагов. Тем более что Наполеон выгодно проявил себя и на поприще государственного устройства, укротив разбушевавшуюся чернь, а вместе с ней и революционную стихию.

К тому же глупость и легкомыслие Бурбонов, пригретых матушкой Екатериной, довели Павла до крайней степени раздражения. Русская знать, достаточно натерпевшаяся от засилья немцев, с трудом сносила французскую спесь. Тем более что в свите двора в изгнании, как нарочно, подобралась почти одни вертопрахи, ловцы чинов и богатых невест. Отличаясь крайней неводержанностью, они частенько болтали лишнее, что сейчас же становилось известно Павлу. Это был не тот человек, чтобы долго сносить подковырки.

В Париже вскоре стало известно о назревающем перевороте симпатий и чувств. Возможности возникали обширнейшие. Проинформированный Талейраном, Наполеон сразу же сделал ставку на Грубера, в кратчайшие сроки ставшего одним из наиболее доверенных лиц русского императора. В своих письмах к скромному труженнику науки первый консул закликает его во имя конечного торжества религии сделать все возможное для установления доброго согласия между Францией и Россией.

Когда таковое стало свершившимся фактом и петербургские газеты, как по команде, начали вздохнуть расхваливать все французское и поносить все английское, Грубер, пользуясь правом входить без доклада, проскользнул в императорский кабинет.

— Что нового? — спросил Павел, неохотно отрываясь от письма Лизакевича, сообщавшего о согласии папы посетить Петербург. — О чем говорят в городе?

— Смеются над последним указом вашего величества, — с присущей ему смелостью ответил Грубер, намекая на передачу церкви святой Екатерины иезуитскому духовенству.

Стрела угодила точно по назначению. Смех подданных вернее всего мог привести импульсивного монарха в состояние, близкое к невменяемости.

— Кто посмел?! — вскрикнул он, багровея.

— Извольте, ваше величество, — иезуит преспокойно развернул заранее подготовленный список, в котором перечислялось двадцать семь имен. Среди других неугодных ордену представителей духовенства был назван и митрополит Сестренцевич.

— Арестовать! — распорядился Павел, едва пробежав глазами. — Выслать! — И велел срочно сыскать фон дер Палена.

Приказ петербургский генерал-губернатор, понятное дело, выполнил, но, зная крутой нрав самодержца, не стал допытываться, кого сажать, а кого лишь препроводить в родовые имения. Просто взял и выслал из столицы всех скопом — одних раньше, других, более именитых, позднее.

Шоколадник пережил государя и уже под конец жизни достиг той вершины, к которой стремился. При Александре I папа специальным бреве восстановил орден, и Гавриил Грубер был избран его генералом. Он погиб в 1805 году в Петербурге при пожаре, охватившем коллегиум.

Нет необходимости вспоминать здесь о последних годах Павла. После его смерти «от апоплексического удара в висок», как остроумно была перефразирована официальная версия, существование ордена в России стало бесперспективным. Александр I наотрез отказался от гроссмейстерских мальтийских регалий, оставив за собой лишь титул протектора. В 1817 году орден объявили несуществующим в пределах Российской империи, а вскоре мальтийцы потеряли опору и в немецких государствах. В 1834 году капитул переехал в Рим, и с тех пор судьба ордена тесно связана с Ватиканом. Время от времени усилиями крайних реакционеров, вроде австрийского канцлера Меттерниха или прусского короля Фридриха-Вильгельма IV, восстанавливались ненадолго отдельные приораты, но в целом братство влачило жалкое существование. Даже великие магистры перестали выбираться. Лишь в 1887 году маркизу Санта-Кроче был дарован прежний титул.

Ныне орден превратился в благотворительную организацию, распространяющую идеи католицизма. Рыцари давно утратили боевой пыл и, стараясь не слишком упираться на слово «католицизм», порой обходят и понятие «христианство».

Это связано с тем, что сегодня кавалером или кавалерственной дамой ордена могут стать лица любого вероисповедания, в том числе и прежние недруги — мусульмане.

Сочетая противоположные качества: окаменелость идеологии и гибкость на путях ее распространения, орден не слишком преуспевает в своих начинаниях.

Быть может, он просто затаился и ждет, когда наступят более благоприятные времена. Ведьмы и сатанисты льют воду на его мельницу. Кто знает, куда качнутся качели общественного мнения, дойдя до крайней точки? Что, если люди, отшатнувшись от дьявола, вновь кинутся в спасительные объятия матери-церкви?

«Девять столетий!» — мысленно подсчитал я, выходя на шумную, мигающую вывесками магазинов Корсо.

Нет, не только на улицах Вечного города смешались и перепутались времена... Кроме старинного дворца на улице Кондотти, владения ордена распространяются и на большую виллу на Аветинском холме. Лишь в самые последние годы крошечному государству удалось еще немного расширить границы: рыцари вернулись на Мальту.

В 1988 году великим магистром ордена был избран Эндрю Берти, преподаватель из Эссекса. Не надо думать, что, остановив свой выбор на пятидесятивосьмилетнем педагоге, капитул сделал резкий крен в сторону демократизации, отказавшись от аристократических традиций. Провинциальный лингвист Эндрю Берти — внук графа Абингдона. Отныне он именуется «Его преосвященным высочеством, братом Эндрю, 78-м князем и великим магистром суверенного военного ордена святого Иоанна Иерусалимского, Родосского и Мальтийского».

Он избран заседавшей в Риме коллегией выборщиков в составе 36 рыцарей, и его назначение одобрено папой. Среди выборщиков были председатель Британской ассоциации ордена сэр Питер Хоуп и член бывшей германской императорской семьи принц Гогенцоллерн.

Нет, прошлое никуда не уходит. Права старинная английская поговорка:

Что в цель попало, то история,
А где туман, там тайна

Собственно, мы и приближаемся сейчас к средоточию тайны. К ядру «беззаконной кометы», как образно сказал поэт, которая недобрым вестником вспыхнула во мраке позднего средневековья. Оставленный ею мистический шлейф наложил неизгладимый отпечаток на всю дальнейшую историю.

РЫЦАРИ ХРАМА

Всем профессам¹ мы выдаем как для зимы, так и для лета, поелику возможно, белые облачения, по которым их могут распознать все, кто провел жизнь в темноте, так как их долг — посвятить души Творцу, ведя чистую и светлую жизнь

Из тамплиерского устава

Тамплиеры, которых мы оставили на Святой земле, готовились возвратиться в Европу. Крестовые походы потерпели полное банкротство, но могущественнейший орден христианского мира выходил из войны, которую вел без перерыва почти 200 лет, не претерпев существенного урона. Напротив, в Европе, усеянной аббатствами и неприступными замками, возведенными под наблюдением непревзойденных тамплиерских архитекторов, перед ним открывались широчайшие перспективы.

Между тем как паладины
Встречу трепетным врагам
По равнинам Палестины
Мчались, именуя дам

К описываемому моменту уже нельзя отнести эти строки А. С. Пушкина. Прошло, безвозвратно прошло для французского рыцарства то легендарное время! Не только обеты, но и конечные цели ордена претерпели существенные изменения. По-иному стали толковать даже исконные символы тамплиеров, метившие, так сказать, красугольные камни. В фигурах на лошади стали видеть не рыцаря и паломника, а отцов основателей Пайена и Сент-Омера, якобы имевших одного боевого коня на двоих. Казна ломилась от золота и захваченных на Востоке сокровищ. Поэтому самое время было напомнить о бедности. По всему миру гуляла поговорка «пьет, как тамплиер», а орденские капелланы с особым энтузиазмом толковали о воздержании, скромности, о том, как жить сообразно правилам святого Августина.

Поступок пушкинского рыцаря («Ave, Mater Dei² кровью написал он на щите») мог вызвать разве что снисходительную улыбку, хотя благочестивые паладины по привычке поминали свою небесную покровительницу «La douce mère de Dieu»³ в ежедневных молитвах. А может, и не поминали, потому что вместе с последними паломниками из Палестины распространился жуткий слухок про то, как в тамплиерских святилищах пинают изображение распятого Христа.

¹ Рыцарь-монах, давший три обета бедности, целомудрия и послушания

² Радуйся, мать Божья (лат.)

³ «Кроткую мать Божью» (фр.)

Так в общих чертах выглядела ситуация к 1306 году, когда орден во главе с великим магистром Жаком де Молэ возвратился на родину. Развернув босеан — так называлось черно-белое полосатое знамя с крестом и девизом «Не нам, не нам, а имени твоему», — сопровождаемые толпами пажей, оруженосцев и всяческой челяди, сошли на берег овеванные славой паладины, чтобы рассредоточиться по назначенным им странам. Оставив Иерусалим, орден с удвоенной силой принялся укреплять позиции и в западных, и в восточных провинциях. Его командорства были повсюду: на Кипре, в Триполи, Антиохии, в Кастилии и Леоне, Португалии, Арагоне, во Франции, включая Фландрию, и Нидерландах, а также в Англии, Ирландии, Германии, Италии и Сицилии.

Располагая неслыханным по тем временам доходом в 112 миллионов франков ежегодно, они могли спокойно ждать, пока яблочко само упадет к ним в руки. Вернее, не яблочко, а библейский гранат, в коем одни видели сверхчеловеческую мудрость, другие — мировую власть. Венценосцы и без того уже склонялись перед «Босеаном». Альфонс IV, король Арагона и Наварры, даже объявил орден своим наследником, хотя страна и не подтвердила столь эксцентричного, мягко говоря, завешания.

Когда в Париже, где железной рукой правил Филипп IV Красивый (1268—1314), вспыхнуло восстание, король поспешил укрыться не где-нибудь, а в Тампле, исполинской крепости-храме, возведенном для капитула ордена. Тамплиеры, которым позднейшая молва приписывала пророческий дар, на свою голову защитили христианейшего владыку от гнева народа. Пройдут считанные месяцы, и величавый, сумрачный Тампль станет их последней тюрьмой. Говорят, что будущие мученики неосторожно обнаружили перед алчным взором неблагодарного властелина свои несметные богатства, но это вряд ли существенно сказалось на их дальнейшей судьбе. И папы, и короли были превосходно осведомлены насчет тамплиерских сундуков, а растущее влияние ордена лишало их спокойного сна.

Филипп знал о предостережении английских тамплиеров, сделанном в 1252 году английскому королю Генриху III: «Ты будешь королем, пока справедлив». Эти слова впервые заставили его призадуматься. Подобно всем венценосцам, он не мог потерпеть посягательств на право королей творить, причем безнаказанно, несправедливость.

Одним словом, столкновение вставшей на путь абсолютизма королевской власти с еще могучим, но исторически обреченным порождением феодализма было неминуемо.

Повода начать войну искать не приходилось. Причина — сокровища ордена — была налицо, а поводов сколько угодно. Мало кто из государей испытывал теплые чувства по отношению к людям, чья беспринципность и вызывающая надменность стали притчей во языцех. Недаром Ричард Львиное Сердце сказал перед смертью: «Я оставляю скупость цистерцианским монахам, роскошь — ордену нищенствующих братьев, а гордость — тамплиерам».

Они не только возмутили весь христианский мир вздорным соперничеством с госпитальерами, но и не раз вступали в союз с неверными, вели войны с Антиохией и Кипром, свергли с престола сюзерена Иерусалимского королевства, созданного крестоносцами, опустошили Грецию и Фракию. Что же касается Франции, то здесь список их прегрешений отягощали возмутительный отказ участвовать в выкупе из египетского плена Людовика Святого и, что было совсем непростительно, поддержка Арагонского королевства в его борьбе против французского Анжу.

Если учесть при этом хроническое безденежье короля, выжавшего до последней капли и своих, и пришлых купцов и разорившего страну «победоносными» войнами, то станет понятно, почему его так взволновали известия о прегрешениях паладинов против матери-церкви. Собственно, он сам и распространял пасквилы, возводившие на орден обвинения в безбожии, ереси и сатанинском грехе.

А тут как нельзя кстати подвернулись два ренегата, один из которых — вспомним катара-отступника Роберта Болгарина — имел высокий сан приора Монфоконского. Будучи осужден своим гроссмейстером на пожизненное заключение за многочисленные проступки, он с чьей-то помощью сумел бежать из подземной тюрьмы и сделался главным хулителем своих недавних братьев.

История альбигойцев повторялась до мелочей. Все, таким образом, складывалось удачно для короля. Особенно радовало его благополучное окончание долгих и хлопотливых распрей с наместником святого Петра папой Бонифацием VIII (1235—1303). Это и в самом деле была ожесточенная свара. Королевские советники Петер Флотт и Гийом Ногарэ в поте лица трудились над тем, чтобы крепче прижать римского первосвященника, начав против него настоящую финансовую войну. Затем честолюбивый потомок катаров Ногарэ подал своему сюзерену еще одну недурную идею. Давний спор вокруг города Памье явно обещал взбаламутить церковное болото. Один из предшественников Бонифация на папском престоле, по сути, украл этот самый Памье у французской короны. Во всяком случае, не заручился согласием короля, когда отделил город от тулузской епархии и образовал самостоятельное епископство. Много охотников было прибрать к рукам обожженные кострами земли катаров, и лучшего предлога возобновить распри трудно было выискать. С одной стороны, претензии французского короля на епископство Памье неоспоримы, с другой — дело это чисто церковное.

Римский первосвященник ответил на брошенный вызов как по подсказке. Но подсказчиком был его лютый враг. На пост памьеского епископа Бонифаций подобрал человека безгранично ему преданного, безусловно честного, но недалекого. Получив епископство, посох и кольцо с аметистом, Бернар Саниссетти не придумал ничего лучшего, чем бросить вызов французскому королю. В первой же публичной проповеди он провозгласил полную

свою независимость от светской власти и, презрев приличия, отказался поехать в Париж.

— Памье — не Франция, — сказал он местному бальи¹. — А власть Филиппа не от Бога. Он дьявол, и обличье у него дьявольское. Кто служит ему, проклят будет во веки веков!

Бальи выслушал пастыря в глубоком смущении и незамедлительно послал в Париж гонца с подробнейшим донесением.

Филипп буквально затрясся от смеха. И хотя все протекало, как было намечено, смертельно возненавидел простака епископа, чья епархия была лишь пешкой в игре сильных мира сего.

Но французский король сумел сдержать неукротимый нрав свой, а папа не сумел. Филипп затаился, сжался, проглотил как будто бы оскорбление, а Бонифаций, распалясь от кажущегося успеха, пошел дальше, сделал еще один шаг к пропасти. На удивление всей Европе, епископ памьеский получил назначение при французском дворе. Великий понтифик назначил его своим легатом в Париже. Так Бернар Саниссетти стал дипломатическим старшиной и ближайшим кандидатом на красную кардинальскую шапку.

Филипп Красивый и на этот раз смолчал, хотя мог не задумываясь вышвырнуть из своей столицы ненавистного клирика. Но он метил выше и оставил епископа в покое. На время, разумеется, ибо не умел и не желал ничего забывать.

Папа и его верный клеврет торжествовали. Смахнув с доски две королевские фигуры, Бонифаций решил, что настало время объявить Филиппу шах, и передвинул проходную пешку еще на одно поле.

На первом же приеме послов Саниссетти надменным, почти угрожающим тоном потребовал освобождения мятежного графа Фландрского. Это был уже открытый удар по политическим интересам Франции. Маленький епископ явно вышел за рамки извечных споров между светской и духовной властью. Он оскорбил короля, проявил явную неучтивость к французскому двору, поставив себя в один ряд с владетельными особами.

Теперь у Филиппа были окончательно развязаны руки. И странно: наконец, когда в его власти было дать выход своему гневу, он этого гнева не чувствовал. Было лишь упоительное торжество ловкого охотника, загнавшего в ловушку вождьленную дичь. Но правила охоты требовали проявления королевского гнева. И Филипп дал ему волю. Более того, он дал понять всем, что ослеплен бешенством, ибо этого требовали его дальнейшие планы.

Папского легата с позором выгнали из дворца, а мессир Ногарэ заготовил специальный протокол, в котором Бернар Саниссетти обвинялся в оскорблении короля, измене, лихоимстве и других преступлениях. Юридически документ был составлен образцово, и лучшие законоведы Европы могли лишь восхищаться искусством

---

¹ Бальи — королевский чиновник, глава судебно-административного округа (бальяжа) в средневековой Франции

французских коллег, которые ухитрились даже отсутствие доказательств лихоимства обратить против обвиняемого, а юридически спорную измену превратить в очевидность.

Зерна, которые посеял еще дед Филиппа, дали первый урожай. Процветание наук и университетов принесло королю Франции чисто практическую пользу.

Филипп по достоинству оценил громкий обвинительный акт против памьеского епископа. Простолюдin Ногарэ получил золотые шпоры, то есть рыцарское достоинство. Он получил даже большее: баронство и два больших ленных поместья.

После скандального изгнания своего легата папа потребовал предоставить ему как высшему духовному судье решение по делу епископа Памье. Но Флотт и Ногарэ холодно отвергли все домогательства Бонифация VIII. Процесс был начат. Оправданий епископа даже слушать не стали. Он был лишен власти и как преступник препровожден под конвоем в парижскую тюрьму.

Подгоняемый бешенством, папа пошел на крайние меры и обнародовал буллу, в которой утверждал за собой право верховного суда не только в вопросах веры, но и в светских делах. Это была роковая ошибка. Флотт и Ногарэ могли поздравить себя с успехом. Свирепый вепрь попал в вырытую для него яму. Папские притязания всколыхнули весь христианский мир. Лишая французских королей всех преимуществ, формально подтвержденных грамотами предыдущих понтификов, булла Бонифация ударяла не только по короне, но прежде всего по интересам дворянства и горожан. Вся Франция, вся Италия встали на сторону Филиппа. Папа проиграл. И финал его упорной войны с французским королем был тем самым уже предreshен.

Отправив в Италию Гийома Ногарэ, снабженного последними червонцами из опустевшей казны, король уединился с Петром Флоттом. Он уже подыскивал подходящую кандидатуру на римско-католический престол. Шахматная партия вот-вот должна была увенчаться победой.

Ногарэ между тем вместе с ярым врагом Бонифация, римским патрицием Колонной, напал на папу в Ананьи и полонил его. Три дня не выпускали они Бонифация из его собственного дома, морили голодом, не давали спать. Колонна, впрочем, этими притеснениями не ограничивался и частенько давал волю рукам. На третий день у папы, доведенного до белого каления, разлилась желчь, и он впал в полубезумное состояние. Дни его были сочтены.

Французский король поэтому вполне мог заняться поисками более приемлемой кандидатуры. Перед его глазами стоял сверкающий мираж тамплиерских сокровищ. Бертрану де Готу, ставшему стараниями короля папой Климентом V, было поставлено пять предварительных условий, которые тот с готовностью принял, хотя один пункт, последний, так и не был назван.

Когда настало время свести счеты, король дал ясно понять, что он имел в виду, и потребовал помощи в аресте Жака де Молэ. По

просьбе папы великий магистр оставил Кипр и приехал в Париж, якобы на совещание по поводу новых военных акций в Святой земле. Вместе с ним прибыли 60 рыцарей, которые привезли 150 тысяч золотых флоринов и большое количество серебра. Одни эти доставленные в кладовые Тампля сокровища могли покрыть неотложные долги королевства.

Филипп пригласил в свое время Жака де Молэ быть крестным отцом своей дочери, окружив старого воина подчеркнутым уважением, теперь же, когда внезапно скончалась невестка короля, де Молэ было доверено нести погребальное покрывало.

Однако уже на следующий день после траурной церемонии великий магистр со всей его свитой был взят под стражу. Вместе с ним был арестован и визитатор-наместник ордена Гуго де Перо. Тщательно продуманный механизм заговора заработал на полную мощность. Филипп разослал всем бальи в провинциях тайное повеление арестовать, согласно предварительному расследованию инквизиционного судьи, в один и тот же день всех тамплиеров, а до времени хранить это дело в глубочайшей тайне.

Обращает на себя внимание своеобразный стиль этого документа. Ознакомимся с начальными строками: «Событие печальное, достойное осуждения и презрения, подумать о котором даже страшно, попытка же понять его вызывает ужас, явление подлое и требующее всяческого осуждения, акт отвратительный; подлость ужасная, действительно бесчеловечная, хуже, за пределами человеческого, стала известна нам благодаря сообщениям достойных доверия людей и вызвала у нас глубокое удивление, заставила нас дрожать от неподдельного ужаса».

Сплошная брань, сопровождаемая мелодраматическими восклицаниями, и ни одного аргумента. Примерно на том же эмоциональном накале будет выдержан и весь процесс.

Нужно ли говорить, что полицейские власти выполнили предписание с неукоснительной точностью, и в роковой день ареста рыцари были захвачены врасплох. Тогда же было конфисковано и все имущество ордена. Арестованных подвергли немедленному допросу с применением пытки. Тем, кто, не выдержав мучений, соглашался оговорить себя на суде, обещали прощение. Упорствующим грозили костром.

Вести следствие король поручил самым доверенным лицам: личному исповеднику Имберту и канцлеру Ногарэ. Инквизитор Имберт сам выбрал остальных следователей.

Лица, производившие дознание, руководствовались при этом заранее присланным из Парижа списком вопросов. Суд, таким образом, начался процедурой, возможной только по византийско-римским понятиям о правах и отправлении судебного процесса. Подобный способ ведения дела полностью противоречил законам и обычаям франков. Дальнейший ход следствия лишь умножил число явных и тайных несправедливостей. Король находился в очевидном сговоре и с теми, кто в красных мантиях судей выно-

сил приговоры, и с теми, кто в белых прокурорских одеждах требовал для рыцарей Храма мучительной смерти. На защитников же было оказано сильнейшее давление как со стороны светской, так и духовной власти. Королю почти не пришлось подгонять судей, которые все как один были лютыми врагами ордена. Приговор был предreshен, и ничто не могло изменить предначертанный королевской рукой ход разбирательства.

Показателен отрывок из документов, с которыми мне довелось познакомиться во французских архивах:

«Брат де Мильи, — обращается к рыцарю Ангерану де Мильи великий инквизитор Франции Гийом Эмбер, — вам надлежит по доброй воле или по принуждению ответить на следующие вопросы: как вас посвятили в рыцари Храма? Приказывали ли вам после церемонии отречься от Христа? Раздели ли вас потом и целовали ли вас пониже спины? И предложили далее совершить содомский грех? А потом опоясали шнурком, снятым с некоего дьявольского истукана, которому поклонялись древние?»

Рыцарь с негодованием все отрицает. Но с него уже сорван плащ, и жарко пылает жаровня в углу, и палач в балахоне готовит «испанский сапог».

Тюрьма и пытка сделали свое дело. Один за другим сознавались тамплиеры в самых страшных грехах. Следствие еще не было закончено, как нетерпеливый король приступил к казням. В 1310 году под Парижем, на поле возле монастыря святого Антония, мучительную смерть на медленном огне приняли 54 рыцаря, осмелившихся отказаться от своих вынужденных показаний. Один из этих страдальцев бросил своим судьям слова, ставшие потом достоянием истории: «Разве это я сознался на вашем допросе? Разве это я взял на душу чудовищный и нелепый плод вашей фантазии? Нет, мессирь! Это пытка вопрошает, а боль отвечает!».

Истерзанному Мильи зачитывают показания великого магистра. Разумеется, сфабрикованные, как это было, есть и будет повсюду, где правит наглый произвол:

«Вопрос: Как вас посвятили в рыцари Ордена тамплиеров?

Жак де Молз: Меня посвятил рыцарь Юбер де Пейро в городе Боне около сорока лет назад. Сначала я дал обет соблюдать различные правила и пункты устава ордена, затем на меня надели плащ. Далее брат Юбер велел принести бронзовый крест с изображением Христа и велел мне отречься от Христа, изображенного на этом распятии. Против воли я сделал это. Затем брат Юбер велел мне плюнуть на крест...»

Сам стиль, канцелярский, убогий, крючкотворски-невежественный, избочивает фальшивку. Полицейско-клерикальную, но так похожую на дела, что велись на Лубянке.

Немногие выдержали пытку, но почти все отреклись на суде от вынужденных признаний.

По решению поместных соборов Реймса, Пон дел'Арка и Каркассона, вскоре сожгли еще несколько десятков «упорствующих».

Слухи о несправедливых, страшных процессах вызвали в народе глухой ропот. Это заставило короля дать согласие на то, чтобы привезенным в столицу узникам было разрешено прибегнуть к законной защите генерал-прокурора ордена Петра Булонского. Впрочем, то была пустая формальность, вынужденная временная уступка. Все защитительные акты генерал-прокурора суд оставил без ответа.

Под давлением короля папа Климент V (?—1314), вынужденно пребывавший с 1309 года в Авиньоне, созвал во Вьенне в октябре 1311 года XV Вселенский собор. Но из королевских особ на нем присутствовал лишь сам Филипп, остальные владетельные особы прислали только своих представителей. Король французский потерпел постыдное поражение. Собор отказался проклясть усопшего папу Бонифация, а за уничтожение ордена из 140 кардиналов проголосовали только четверо. Напрасно король и папа уговаривали прелатов осудить тамплиеров заглазно, не выслушав оправданий измученных пытками командоров. Кардиналы требовали беспристрастного расследования. После шести месяцев бесплодных пререкательств Филипп появился на соборе с внушительным отрядом солдат и потребовал у папы единоличного решения. Поломавшись для виду, понтифик подписал 2 мая 1312 года буллу, начинавшуюся словами: «К провидению Христа...», в которой упразднился орден Храма. Согласно ей сказочные богатства тамплиеров отходили в руки церкви, а не к французской короне. Король пришел в бешенство. Из-за чего же он затеял тогда весь этот процесс? Выставил себя вероломным чудовищем в глазах всей христианской Европы? Неужели только для того, чтобы присутствовать на церемонии передачи всего движимого и недвижимого имущества в чужие руки?

По совету Ногарэ Филипп смирил гордость. Он даже выразил свое формальное согласие на то, что наследником рыцарей Храма будет Орден иоаннитов. Но пока выполнялись необходимые формальности, Флотт опутал имения ордена такими долгами, что иоанниты чуть не обеднели от неожиданного наследства. Все золото, все лены и майораты достались королю.

Гроссмейстер Жак де Молэ все еще сидел в башне. Чтобы не возбуждать страсти, Филипп удовольствовался тем, что приговорил его к пожизненному заключению. Но на публичном чтении приговора упрямый храмовник в позорном одеянии кающегося грешника отрекся от всех данных под пыткой показаний и заявил протест против незаконного ведения процесса. Это окончательно взбесило короля, который незамедлительно отдал великого магистра и восьмидесятилетнего Жофруа де Шарне, приора Нормандии, палачу. На другой день, марта 18-го дня 1314 года, Жака де Молэ сожгли на медленном огне. Он стойко принял мучительную смерть и, перед тем как предстать перед очами высшего судьи, громко призвал к суду Божьему чудовище-короля, отступника-папу и вероломного честолюбца Ногарэ.

— Папа Климент, шевалье Гийом де Ногарэ, король Филипп... Не пройдет и года, как я призову вас на суд божий, и воздастся вам справедливая кара! Проклятие на ваш род до тринадцатого колена!

Стоя в дворцовой галерее, как раз напротив костра, король смеялся, и его лицо казалось ужасным.

Прошло только 40 дней после аутодафе на острове, как умер папа Климент, всеми покинутый и забытый, терзаемый на смертном одре видениями больной совести. Сбывалось страшное проклятие старого тамплиера. Вскоре за ним последовал Гийом де Ногарэ. Ведал ли король Франции, что его самого в скором времени постигнет внезапная смерть во время охоты в том же роковом 1314 году?

Уже лежа на смертном одре, и папа, и король признались, что слышали в свой последний час голос храмовника.

Затем, что вслед, всех в скверне обогнав,
Придет с заката пастырь без закона,
И, нас покрыв, он будет только прав

Как, в Маккавейских книгах, Иасона
Лелеял царь, так и к нему щедро
Французская окажется корона

Эти терцины из «Ада» Данте посвятил папе Клименту V и королю Филиппу.

Пророчество де Молэ, подтолкнувшее явных и тайных врагов Филиппа и Климента к энергичному действию и потому бывшее, оставило неизгладимый след в памяти поколений. Уцелевшие тамплиеры, потомки сожженных, а вслед за ними и те, кто создавали новое тамплиерство, ничего общего не имевшее с орденом Храма, соединенными усилиями сотворили легенду, породившую мистический ритуал. Мы различим его отголоски в обновленном масонстве второй половины XVIII века. Даже новейшие обскурантистские ложи США, нелепо претендующие на причастность к романтическим таинствам средневековья, включили тамплиерские элементы в свою «цирковую» программу.

«Цирковую» не только вследствие старых как мир, но всегда привлекательных для публики фокусов, а прежде всего из-за неизбежного перерождения мифа в обычную сказку. В пантомиме пародийных ритуалов не только исчезает дух исконной трагедии, но и ее сокровенный смысл, давно утративший непосредственную историческую актуальность. Если масонские ложи, вскормившие трибунов Конвента, восприняли ненависть к власти папы и короля как животрепещущее наследие, как руководство к действию, то нынешние заокеанские самозванцы просто стригут чужие купоны. Это настолько очевидно, что не нуждается в обсуждении.

Куда более глубоким и в какой-то мере неожиданным оказалось влияние тамплиерства на развитие сатанистских культов, особенно на культ Люцифера, ангела тьмы, гордого мятежника, бросившего дерзновенный вызов Богу.

Духовные наследники храмовников, в чьих сердцах еще стучал пепел сожженных, и просто мечтатели, очарованные легендой, сотворили именно то, в чем наотрез отказались сознаться, несмотря на пытки и костры, их пращуров. Да, это было на первый взгляд неожиданно, но не слишком, ибо преемственность часто бывает двусмысленна, а следовательно, чревата вызовом и протестом.

Тамплиеров, как в свое время альбигойцев, а затем и всех прочих мучеников инквизиции, обвиняли в безбожии, поругании христианских святынь, содомском грехе и таких непередаваемых гнусностях, которые способны совершить лишь люди с поврежденной психикой. Но в традиционном комплекте обвинений, возводимых палачами в сутанах, шли и такие, что поражали и до сих пор продолжают тревожить воображение болезненной фантазией, какой-то изощренной нелепицей.

Попробуем разобраться в этой чудовищной мешанине явной клеветы и суеверного помрачения.

В протоколах следствия, основывавшихся на показаниях приора Монфоконского, заведомого клеветника, перечислены следующие смертные грехи: не признают Христа, Пречистой Девы и святых; плюют на крест и топчут его ногами; поклоняются в темной пещере идолу Бафомету, обтянутому человеческой кожей, которого почитают как своего бога и мажут его жиром изжаренных младенцев, рожденных от соблазненных ими девиц; поклоняются также и самому дьяволу в виде кошки, сжигают тела умерших товарищей, а пепел подмешивают в пищу младшим братьям; целуют друг друга «во все восемь отверстий»; содомничают и т. д.

Достаточно проштудировать «Молот ведьм», написанный инквизиторами Шпренгером и Инститорином, или ознакомиться с наветами последующих времен, поразительно живучими, невзирая на их бредовую сущность, чтобы проникнуться убеждением в невинности тамплиеров. Дети своего времени, люди из крови и плоти, они были столь же грешны и столь же праведны, как и их судьи. «Покуда орудия пытки готовятся к действию, судья от своего имени и от имени других уважаемых мужей и ревнителей веры снова предлагает обвиняемому добровольно признаться. Если он упорствует, то передается палачам, которые и начинают пытку. По просьбе кого-либо из присутствующих пытка на время прекращается, и обвиняемый снова увещевается сказать правду. При этом ему обещают, что он не будет предан смерти, если сознается».

Молот ведьм

«Пытка вопрошает, а боль отвечает...»

И все же инкриминируемые им мерзости — столетие спустя те же грехи навесят на Жилия де Ре — «Синюю бороду» — дают повод для размышлений.

Мне представляется вполне вероятным, что крестоносцы сжигали трупы своих павших товарищей. Я вижу здесь не столько влияние всевозможных еретических сект, с которыми соприкасался орден на Святой земле, сколько насущную в условиях войны и жаркого климата необходимость. Разве иоанниты не сжигали большое белье и бинты в день своего святого? Рожденный требованиями элементарной гигиены обряд, а не нарочитый вызов христианской традиции можно усмотреть в этом огненном действе. И вправду, «в огне обновляется природа». Что же касается пепла, то сходные обычаи я наблюдал у ламанитов, верящих в особую силу пепла перерожденцев будд и бодхисатв, духовных наставников. Да и христиане во все времена истово поклонялись чудотворным мощам, в том числе пеплу блаженных мучеников, разве что не употребляли его в пищу.

Усвоив от манихеев, катаров и всевозможных византийских раскольников, нашедших приют у арабов, доктрину метемпсихоза¹, вечного круговорота, храмовники вполне могли прибегнуть и к «таинству пепла». Неумирающая идея, непрерывная эстафета традиций, огненный цикл.

Обратимся теперь к Бафомету. Подобного имени не встречалось доселе ни в сочинениях отцов церкви, ни в гримуарах чернокнижников, ни в каббалистических таблицах. На этом оселке оттачивали хитроумие учейшие люди прошлого и настоящего, но загадка так и осталась загадкой. Даже самое оригинальное толкование, основывающееся на греческих корнях, согласно которому «бафометиос» есть «крещение мудростью», не может претендовать на абсолютную достоверность. Загадочное имя пытались вывести из фрагментов, взятых от ненавистного тамплиерам слова «папа» и столь же непопулярного имени Мухаммед, но это совершенно искусственное построение. Подразумевая под кумиром храмовников двуглавое олицетворение зла, французский историк де Кенси допускает явный анахронизм. Папа стал врагом храмовников слишком поздно, чтобы сделаться объектом ритуальной игры, а на предшественников Климента им нечего было жаловаться. Я уж не говорю о том, что сам облик загадочного кумира рисуется крайне разнообразно, с числом голов от одной до трех.

«Бафомет — низший «демиург». «Низший»! До какого педантизма извратили гностики иерархический принцип! Почему в таком случае Бафомет всегда изображался двуликим?»

Густав Мейринк Ангел западного окна

Жан Шарпантье, далекий потомок крестоносцев, обнаружил в Провансе две статуи Бафомета. На одной он представлен гностическим Андрогинном, попирающим крокодила (или дракона?), на дру-

¹ Метемпсихоз (др.-греч.) — переселение души, берет начало в древнейших культах Индии

гой — в образе человека, обвитого змеем. Но именно так изображали Митру! Одно из двух: либо тайный культ тамплиеров включал в себя митраистские мистерии, либо Шарпантье ошибся в интерпретации образов.

Алхимический змей — первейший из знаков гнозиса.

В ранних источниках Бафомет — это старец с длинной белой бородой. Такая точно фигура, нестати, украшает фронтоны старинной церкви Сен-Мерри. Вообще непосредственное знакомство с памятниками тамплиерской архитектуры, с немногими уцелевшими склепами и надгробными плитами лихих крестоносцев больше, чем любые, часто сомнительные свидетельства письменности, убеждает в крайнем своеобразии их символики. Ее связь с культурной традицией гностиков и альбигойцев почти очевидна. Вот почему небезынтересно прислушаться к доводам авторов, пытавшихся косвенно реконструировать философский смысл «тамплиерской ереси», зерно ее крамольной гордыни.

«Храм более величественное, более обширное и более понятное название, чем церковь», — писал Чарльз Уильям Гекертон в своем капитальном труде «Тайные общества всех веков и всех стран». — Храм выше церкви; у последней обозначено число основания и место нахождения, первый существовал всегда. Церкви падают, храм остается как символ родства религий и вечности их духа».

Едва ли отцы основатели ордена были одержимы подобными умонастроениями, не говоря уже о том, что само название его, как мы видели, возникло совершенно случайно. Лишь в зените могущества тамплиерские богословы могли задуматься над принципами более совершенной, универсальной религии. Два века, проведенные на Востоке, не прошли бесследно. Простое сравнение христианской обрядности с местными религиями должно было привести к «открытию» общих для всех монотеистических систем таинств древнего солнечного культа. Но от еретических верований до сатанинских оргий еще очень далеко. Едва ли Жак де Молэ и его стойкие товарищи, гордо отказавшиеся от последнего покаяния, стремились к ниспровержению христианства. Видя в храме дом святого духа, они продолжали почитать церковь — дом Христа. Как защитники гроба Господня, они хранили верность первоначальным обетам, хотя и могли втайне отдавать предпочтение творцу мироздания — духу. Не случайно, подобно альбигойцам, они предпочитали Пасхе «белое воскресение» — пятидесятницу. Дошедшие до нас сведения о таинствах посвящения, монументальные памятники и даже протоколы заведомо несправедливого процесса свидетельствуют о явном преобладании духа в сокровенных учениях тамплиеров.

Как и альбигойцы, они считали себя восприемниками мистических идеалов раннего рыцарства, ищущего свой недоступный Грааль. Встав на подобную точку зрения, мы не должны удивляться и кажущейся странности некоторых обрядов. Альбигойцы не желали поклоняться кресту, считая его орудием пытки, символом позора,

коим он и был в Древнем Риме, где на Т-образных столбах распинали рабов. Не случайно, что и ранние христиане не почитали креста.

Неофит входил в пещеру как заблудшая овца, как грешник, которому, прежде чем узреть свет истины, предстояло одолеть тьмуну невежества. Он отрекался трижды, подобно святому Петру, чтобы затем, уже с помощью старших братьев, очистить себя навсегда и причаститься святого духа. Допустимо предположить, что это требовало определенных символических жестов, таких, например, как поправление креста.

Для средневековья с его «кораблями дураков» и омерзительными «пиршествами идиотов» подобная комедия не была чем-то из ряда вон выходящим. Мы можем судить об этом по гениальным полотнам Босха и Брейгеля, по фрескам на стенах древних соборов. В те далекие от нас времена сами церкви являли собой подобие театров, на подмостках которых разворачивались дерзкие фарсы и в назидание глупцам кошунственно пародировались «священные таинства». Эти комедии, понимаемые сначала как должное, уже в глазах реформаторов стали воплощением разнузданной скверны.

Филиппу Красивому, отдавшему в «черную пятницу» — роковое или тщательно продуманное совпадение? — повеление арестовать всех тамплиеров, вовсе не нужно было напрягать фантазию, чтобы очернить нечестивцев в глазах суеверной Европы.

И руководившие пыткой Имберт и Ногарэ тоже, не мудрствуя лукаво, ухватились за то, что лежало на поверхности. Сцена допроса великого магистра, реконструированная Морисом Дрюоном, по видимому, очень близка к действительности:

«Ему казалось, что кости его выходят из суставов, мышцы рвутся, тело, не выдержав напряжения, распадается на части, и он завопил, что признается, да, признается в любых преступлениях, во всех преступлениях мира. Да, тамплиеры предавались содомскому греху, да, для вступления в орден требовалось плюнуть на святое распятие; да, они поклонялись идолу с кошачьей головой; да, они занимались магией, колдовством, чтили дьявола... да, они замыслили заговор против папы и короля...»

Не первый и тем более не последний в истории процесс, основанный на показаниях, добытых на дыбе.

В Лондонском донжоне, музее, где собраны орудия, единственным назначением коих было терзать человеческую плоть, я видел шипцы и крючья, которыми Эдуард II вырывал «признания» английских храмовников. Эдуард пошел на это под давлением обстоятельств, ибо собирался жениться на сестре французского короля. Добыв нужные тому показания, он все-таки сохранил жизнь истерзанным рыцарям.

Аймериде Вильер, отрекшись от сделанных под пыткой признаний, заявил комиссии: «Если я должен буду погибнуть на костре, я не выдержу и уступлю, ибо слишком боюсь смерти. Я признался под присягой перед вами и признаю перед кем угодно все преступ-

ления, вменяемые ордену, я признаю, что убил бога, если от меня этого потребуют».

Протоколы допроса, хотя в них и содержится обязательная формула «обвиняемый заявил под присягой, что к нему не применялись ни угрозы, ни пытки», лучше, чем что бы то ни было, свидетельствуют о полной беспочвенности вздорных наветов. Политические обвинения насчет тайного сговора с мифическим «вавилонским султаном» стоят церковных. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить между собой взятые наугад следственные документы. Так, невзирая на то, что всем обвиняемым предлагались одни и те же вопросы, ответы на них обнаруживают явный разноречивый. Одни тамплиеры сознаются в том, что при вступлении в орден их заставляли отречься от девы Марии, другие — от Христа, третьи — вообще от Бога. Еще больше «разночтений» обнаруживается в спорном вопросе о Бафомете.

«Среди тех, которые говорили, что видели его, с трудом можно найти двух, описавших его совершенно одинаково, — отмечает Генри Ч. Ли в «Истории инквизиции в средние века». — Иногда голова эта — белого цвета, иногда она — черная, то у нее черные волосы, то с проседью, а то вдруг у нее является длинная седая борода. Одни свидетели видели ее шею и ее плечи, покрытые золотом, один показывал, что это был злой дух, на которого нельзя было смотреть без содрогания, другой говорил, что у нее было нечто вроде глаз из карбункулов. Один свидетельствовал, что у нее было два лица, а другой — что три, один показывал, что у нее было четыре ноги, две сзади и две спереди, а другой говорил, что это была статуя о трех головах... Иногда это — бог, создатель всего мира, заставляющий цвести деревья и прозябать растения; иногда это — друг (?) бога, который может ходатайствовать перед ним за молящегося. Иногда идол пророчествует; иногда его сопровождает или заменяет злой дух, принимающий форму черной или серой кошки или ворона и отвечающий на предлагаемые ему вопросы; церемония оканчивалась, как и шабаш ведьм, приходом демонов под видом невыразимо прекрасных женщин».

Уж не от этих ли демониц рождались потом младенцы, из которых топили жир?..

Воистину «пытка вопрошает, а боль отвечает»...

Хотя в Германии, Испании и на Кипре орден был оправдан от возводимых на него обвинений, тамплиерская звезда окончательно закатилась.

Какое-то мгновение казалось, что чаша весов дрогнула и наметился благоприятный поворот. Все еще томившийся в Авиньоне папа, у которого французский и английский короли перехватили добычу, засомневался в необходимости закрытия ордена, но монархи поспешили поделить награбленным, и он скоро опомнился, хоть и жаловался до конца дней, что ему недоплатили.

Да, тайна возникает лишь тогда, когда мы чего-то не знаем.

В обстоятельствах смерти папы и короля можно видеть случайность или попытаться проследить политическую интригу. Но в том, что отравленную свечу для внука сожженного катара Ногарэ слепила рука тайного тамплиера, ощущается запоздалая месть.

И еще одна любопытная подробность. В Тампле провели последние дни перед гильотиной Людовик XVI и Мария-Антуанетта...

С тамплиерами сошла со сцены целая эпоха. Рыцарство, крестовые походы, магическая власть «преимущественных высочеств» — все это сгинуло, в сущности, вместе с ними, впиталось в землю, как ржавчина рассыпавшихся доспехов. Но грохот обрушенной груды железа был так силен, что даже папство испытало жесточайшее потрясение, хоть и сказалось оно далеко не сразу.

Созерцательный мистицизм, манивший неверным сиянием одержимых искателей, уступил место разъедающему души сомнению, за которым пришло жадное любопытство к реальностям бытия. Поворот Европы к преобразованию окружающего мира был решителен и необратим, хоть и витали еще, страшась небытия, чахлые тени. Долго будет дрожать туманная дымка над руинами, поросшими дикой травой, долго...

В немногих провинциях, не затронутых кровавой облавой, тамплиеры продолжали владеть свои дни, омраченные предчувствием неизбежного краха. В Португалии они объединились в орден Христа, в Шотландии скрылись под именем ордена Терновника. В середине XVIII века отцы иезуиты, напуганные ростом «вольного каменщичества», попытались под видом тамплиерского наследства привить масонству католическую идею.

Гибрид в лице «новых тамплиеров» получился нежизнеспособным, отмеченным всеми признаками вырождения. Первые же порывы ветра, предвещавшего невиданную бурю, развеяли гниловатый туман. На сцене, властно захваченной революцией, рыцарству, хотя бы и возрожденному по самым верным рецептам, нечего было делать.

Масонская ложа «Тамплиеры», возникшая в Париже уже в новые времена, породила молву о том, что Жак де Молэ назначил перед смертью преемника, и с того момента цепь великих магистров не прерывалась.

Даже наиболее фанатичные вольные каменщики не верили в эту байку, но миф тем и хорош, что всегда оставляет место для ритуальной игры.

В нее все еще играют, в эту «тамплиерскую» сказку...

ЧАША «СОВЕРШЕННЫХ»

За ними шествует царица.
Как светозарная денница,
Ее чудесный лик сиял:
Казалось всем, что день настал
Девицы перед ней покров
Несут; он соткан из шелков
Арабских; цвет его зеленый
Ласкает взор наш восхищенный
И над покровом пышным тем
Она несет желанный всем,
Для всех таинственный предмет;
К нему стремится целый свет;
Отрадой служит он и раю;
В нем совмещен, но как, не знаю,
Конец с началом. Тот предмет
Зовется Гралем.

Вольфрам фон Эшенбах

Миннезингеры, как называли трубадуров в немецких землях, принадлежали к рыцарскому сословию, но были бедны и обычно не знали грамоты.

Вольфрам фон Эшенбах, быть может, самый глубокий и таинственный среди поэтов миннезанга, происходил из знатного, но обедневшего рода. Он родился в Эшенбахе, городе семейного имени, где находился древний замок, построенный предками. Год рождения, к сожалению, не известен. Достоянием истории стала только смертная дата: 1220 год.

В 1203—1216 годах рыцарь Вольфрам в качестве вассала обрелся при дворе суверенного властителя Нижней и Верхней Саксонии ландграфа Германа Тюрингского, зарекомендовавшего себя покровителем поэтов и ученых. Есть сведения, что ландграф разделял мистические искания своего вассала. Оба были горячими поклонниками «науки любви», принесенной, вместе с катарской ересью, французскими трубадурами.

Великолепные города Лангедока уже пылали в огне. Папа и христианнейший король Франции огнем и мечом искореняли «альбигийскую чуму». Отсюда, наверное, известная зашифрованность песен и романов поэта. Особенно таких, как «Парцифаль» и «Титурель», одухотворенных мистической легендой о Граале.

Для Эшенбаха не было секретом, что изумрудная чаша Иосифа Аримафейского была привезена из Палестины крестоносцами: «он соткан из шелков арабских, цвет его зеленый». Говорится вроде бы о покрове, но на самом деле дается намек и на сам «таинственный предмет». Краткое замечание, что в нем «совмещен конец с началом», тоже свидетельствует о многом. Немецкий рыцарь был не только приобщен к эзотерическим учениям Восто-

ка, но мог знать или хотя бы догадываться о местонахождении «Граля», как в угоду размеру назвал волшебную чашу русский переводчик.

Память человечества неподвластна течению лет. В Милане мне посчастливилось увидеть лангедокские манускрипты с непревзойденными по изяществу миниатюрами и буквицами. Я держал в руках одну из немногих книг, уцелевших от загадочной катарской ереси, тайно расцветшей и безжалостно преданной огню.

И все же, если бы пришлось выбирать заставку к повествованию об альбигойской ереси, я бы выбрал пламенную розу, а не бледную мистическую лилию. Не объятый огнем эшафот, но сердце, сжигаемое на любовном костре.

Перелистывая пергаментные страницы старинных рукописей, мы возвращаем прошлое, вызываем к жизни умолкнувшие звуки, отблеставшие краски. И чужая печаль проникает нам в душу, чужие восторги кружат голову сумасшедшим неизведанным хмелем.

У каждой эпохи своя цветовая гамма, своя мелодия. Случается, что торжественные хоралы и мессы легко заглушает скабрезная песенка, а нежная лютия перекрывает гулкие вздохи органов.

Тысячелетие, условно разделившее античность и новые времена, с трудом уместается в прокрустовом ложе, традиционно именуемом средними веками. Сосредоточим наше внимание на куда более узком и, главное, хронологически очень четко вычленном периоде — эпохе крестовых походов.

Но помедлим последовать за рыцарской молодежью, увлеченной непостижимой мечтой. Не терновник, а розовый куст с его геральдической и оккультной, как вскоре увидим, символикой влечет нас на берега Средиземного моря.

Аскетическое умерщвление плоти? Мрачный фанатизм и невежество? Ужас перед адскими муками и постоянное ожидание Страшного суда? Да, всем этим действительно бредила замершая в ожидании вестей от крестоносцев Европа. Но ведь было и нечто совсем иное. Полнокровная жизнерадостность, утонченная роскошь, куртуазная изысканность жестов и слов. Даже у задавленных барщиной, прозябающих в дремучем оцепенении крестьян бывали безмятежные часы, когда прелести земного бытия затмевали лубочные картинки «небесного блаженства».

Не только скрежет лат и свист рассекаемого мечами воздуха доносится из той невозвратной дали, не только жаркий треск костров опалает лицо.

Томительная любовная песня прорывается в похоронном звоне, пьянящее благоухание садов разливается над выжженным полем, пропахшим кровью и мертвечиной.

Пусть же ледяное оцепенение каменной кладки согреет дыхание выпеченных хлебов и ладони, натруженные ратной работой, задрожат от случайного прикосновения пальцев, исколотых тонкой иглой.

Здесь начало романтического недуга, упоительного любовного бреда преобразившей мир мечты. Оно в соловьином безумстве, в журчании фонтана, в переливах росинок, зажженных луной. И все, о чем пропоет трубадур в этой душной, охваченной неизбывным томлением ночи, на века обретет емкость символа: кольцо, голубка, перчатка, балкон, кинжал, чаша, «жемчуг» зубов, «коралл» милых губок, «сияние» глаз...

Другу напомни про данное мною —
Перстень заветный, застежку колета
И поцелуй в подкрепление обета

Гильом де Бергедан

«...Могло ли средневековье быть сплошным адом, в котором человечество пробыло тысячу лет и из которого это бедное человечество извлек Ренессанс? — писал академик Н.И.Конрад. — Думать так — значит прежде всего недооценивать человека, его силы, его труды... Готическая архитектура, зодчество и скульптуры буддийских храмов, мавританские дворцы и сады, лучезарная эпоха трубадуров и миннезингеров, рыцарский эпос, жизнерадостные, брызжущие юмором народные фарсы. Средневековье — одна из великих эпох в истории человечества».

«Лучезарную эпоху» характеризуют невиданный расцвет лирической поэзии, науки и, главное, необратимый поворот к гуманизму, закрепленный впоследствии Возрождением. Быть может, эта вспышка в ночи была преждевременной, но, однажды воссияв, она оставила по себе неизгладимую память.

Данте и Петрарка нарекут Арно Даниеля, непонятного даже для иных современников, посвященных в таинства «веселой науки», «Великим Мастером Любви».

Дети своего времени, трубадуры, а вслед за ними миннезингеры и ваганты отдали, подобно алхимикам, дань герметизму. В известном смысле они были объединены в духовно-рыцарский орден с особой ритуальной символикой, но размытой, если только она вообще существовала, иерархией. Поэтому романтический титул «Великий Мастер Любви» означал нечто большее, чем просто возвышенный поэтический образ.

В старофранцузском «Романе о Розе» описывается сказочный замок, окруженный семью ярусами стен, увешанных разного рода эмблемами. Только перед певцом Любви, сумевшим разгадать их таинственный смысл, раскрывались ворота. Здесь можно увидеть явное указание на мистику с ее степенями посвящения и эзотерическим языком. Не случайно трубадуры узнавали друг друга по тайным знакам.

Олицетворением куртуазной поэзии был образ Прекрасной Дамы. Грაციозно швырнув перчатку угрюмому аскетизму и ханжеству, трубадуры вознесли на небеса земную любовь с ее мукой и радостями и оживили любовь небесную жаркой земной кровью.

Как и крестоносцы, которые, посвятив себя Пречистой Деве, избирали еще и даму сердца, трубадуры венчали свою Донну двойной короной. Один золотой обруч возлагали на прелестное чело владычицы дум, другой олицетворял возвышенную философскую идею Вечной Женственности. Пройдут столетия, и сияние этих венцов озарит Владимира Соловьева и Александра Блока.

Религиозному символизму, даже если речь идет о внеисповедальной «Религии Любви», присуща условность. Образный строй трубадурских альб и кансон, низведенный затем до уровня штампа, предполагает безмерное преувеличение и силы чувства поэта, и совершенств его Донны.

Это дань куртуазной игре, придворному этикету, требовавшему от вассала ритуального поклонения Первой Даме, как правило, жене сеньора. Но как нарастает пьянящая волна, как розовеет она живой кровью сердечных ран!

Лицезрея обожаемый образ, прославленный трубадур Гильом де Кабестань чувствует райское блаженство, улыбка любимой для Рамбаута д'Ауренга прекраснее ангельской, а Пейре де Видалю уже мнится лик божества. Дальше — больше: рядом с Донной не остается места для Бога.

Владычица Любовь, трубадурская finamor, смеясь, разбивала словесные преграды, как цветочные цепи, разрывала феодальные узы, подтачивала символы веры. Перед ее божественной властью все были равны: и сын пекаря Бертран де Вентадорн, и знатнейший из знатных сеньор Гильом, девятый герцог Аквитании и седьмой граф Пуату. И оба одинаково гордились званием трубадура, странствующего рыцаря Донны Любви.

Я ради наслаждений жил,
Но бог предел мне положил

Гильом не страшится расплаты и не уповает на небесное блаженство. Если он и сожалеет о чем-то, то лишь о бренности человеческой жизни.

Близится к концу сверкающий карнавал. Покинув освещенные залы, вереницы гостей исчезают в темных аллеях сада. За позолоченной маской ритуальной символики возникает задумчивый лик странника-трубадура, проскользнувшего через ворота в очарованный замок.

Юный паж, кого ласково и игриво поманила когда-то Любовь, он внезапно увидел свое отражение в зеркале пруда и понял, что стал совершенно седым. Отнимая занемевшую руку от раны, он ждет последнего посвящения, а где-то рядом, обграв Белую Розу последней каплей крови, умолк пронзенный шипом соловей.

«Я не думаю, что любовь может быть разделенной, ибо, если она будет разделена, должно быть изменено ее имя», — оборвав струны, бросит в бессмертье трубадур Арнаут де Марейль.

Преувеличенное восхваление Донны — еще не ересь, а только опасная блажь, но постижение общечеловеческих истин открывает дорогу к безбожию.

Пейре де Барджак склонился над водным зеркалом и убрал с груди окровавленную руку:

Лишь позовите — и помощь подам
Из сострадания к вашим слезам!
Платы не надо — ни ласк, ни речей,
Даже обещанных вами ночей,
Что, вопреки вашим нежным словам,
Не удосужились вы подарить, —
За вероломство не стану корить.
.....
С просьбой пришел я — меня
отпустить,
Вот и порвется последняя нить.

Продолжая служить возвышенной идее, он развенчивает кумира и порывает обеты. И как порывает! С каким кристальным, с каким возвышенным благородством! Для рыцаря — храмовника, госпитальера — такое было бы немислимо. Утрата божественного символа означала и отказ от самого божества. Получая плащ с крестом, рыцарь навеки связывал себя с орденом и небесной его патронессой.

Свободомыслие — беспокойный, в полном смысле этого слова сжигающий дар. Оно неотделимо от обостренного ощущения своего человеческого достоинства.

Пейре Карденаль, усомнившись однажды в моральной правомерности прокламируемого церковью миропорядка, пойдет в своем богоборчестве до конца.

Пускай мои стихи меня спасут
И от крошечного избавят ада!
Я господу скажу: «Ужели надо,
Претерпев при жизни столько бед,
В мучениях держать за все ответ?»

Поднимаясь по золотым ступеням постижения истины, философ-трубадур осознает свою теургическую власть и божественное право поэта ниспровергать ложных идолов. С присущей средневековой универсальностью он нанесет удар сразу по всей структуре феодального общества.

Наш император мнит,
Что всюду он царит,
Король свой трон хранит,
А граф владычит с ним
И с рыцарством своим, —
Поп правит без парада,
Но поп неодолим...

Детство и юность Карденалья, который родился около 1225 года, опалили жестокие альбигойские войны, приведшие к опустошению Прованса и Аквитании. Певцы Любви, паладины «веселой науки» стали яростными обличителями католицизма и застрельщиками народного возмущения. Трубадуры и альбигойцев соединило общее горе, спаяла ненависть. Они пели одни песни, бились спина к спине и горели на одних кострах.

Рим! Держи ответ,
Не жди себе прощенья.

Летит над остывшим пепелищем сирвентес Гильома Фигейра, пробуждая скорбное эхо.

Пора и нам в Лангедок, на Поле мучеников, где стоит теперь строгий белый обелиск. Лангедокское графство простиралось от Аквитании до Прованса и от Пиренеев до Керси. Его сюзерены, династия графов Тулузских, были настолько могущественны и богаты, что их часто называли «королями юга». Но если на севере все еще исповедовали католичество, то во владениях графов Тулузских все шире распространялась опасная ересь, таинственными путями проникшая во Францию из далекой Азии.

Альби, Тулуза, Фуа, Каркассон — повсюду множилось число тех, кого называли потом катарами («чистыми» по-гречески), или альбигойцами, поскольку впервые они заявили о себе именно в Альби. «Нет одного бога, есть два, которые оспаривают господство над миром. Это бог добра и бог зла. Бессмертный дух человеческий устремлен к богу добра, но брэнная его оболочка тянется к темному богу» — так учили катары. В остроконечных колпаках халдейских звездочетов, в черных, подпоясанных веревкой одеждах, пошли они по пыльным дорогам Лангедока, проповедуя повсюду свое вероучение. Это были так называемые «совершенные» — подвижники веры, принявшие на себя тяжкие обеты аскетизма. Остальные же лангедокцы жили обычной жизнью, веселой и шумной, грешили, как все люди, и радовались жизни, что не мешало им благоговейно соблюдать те немногие заповеди, которым научили их «совершенные». Одна из этих заповедей — основная: «Не проливай крови». Это была ересь! Опасная во все времена, она, быть может, еще более страшила сильных мира сего, чем сама доктрина катаров. Впрочем, они неотделимы друг от друга. Символ веры и образ жизни. Мир существует вечно, учили катары, он не имеет ни начала, ни конца... Земля не могла быть сотворена Богом, ибо это значило бы, что Бог сотворил порочное... Христос-человек никогда не рождался, не жил и не умирал на земле, так как евангельский рассказ о Христе является выдумкой католических попов... Крещение бесполезно, ибо оно проводится над младенцами, не имеющими разума, и никак не предохраняет человека от грядущих грехов... Крест не символ веры, а орудие пытки, в Риме на нем распинали людей.

Конечно, этого было вполне достаточно, чтобы поднять христианский мир на крестовый поход против страшной заразы, идущей с юга. Благо интересы церкви здесь целиком сходились с тайными устремлениями французских королей. Ведь и Филипп II Август (1165—1223), и Людовик VIII (1187—1226) давно уже точили зубы на богатое Тулузское графство, которое было бы так славно присоединить к королевскому домену. А тут еще говорят, что Раймунд, граф Тулузский, — еретик, не признает католических таинств, отрицает Святую Троицу, ад и чистилище, а земную жизнь именует

творением сатаны. Чего же, кажется, лучше? Не пора ли созывать баронов? Трубить поход?

Но Рим почему-то медлил с началом карательной экспедиции, и на то были свои причины. Одна из них, скорее всего, заключалась в том, что катары очень скрытно проповедовали свое вероучение. Шпионы великого понтифика не могли ответить даже на самые простые вопросы владыки. Каковы обряды альбигойцев? Где они совершают свои богослужения и совершают ли они их вообще? Нет, ничего достоверного узнать о катарах не удалось. Может быть, виной тому был великий и очень человечный принцип: «*Tuiga perjura, secretum prodere poli!*» — «Клянись и лжесвидетельствуй, но не раскрывай тайны!»?

Но чем менее известно было о новой ереси, тем страшнее она казалась.

«Катары — гнусные еретики! — проповедовали католические епископы. — Надо огнем выжечь их, да так, чтобы семени не осталось...»

Папа Иннокентий III (1160 или 1161—1216) послал в Лангедок своего доверенного соглядатая — испанского монаха Доминика Гусмана, причисленного впоследствии к лику святых. Доминик, основавший по сей день существующий орден, вознамерился противопоставить аскетизму «совершенных» еще более суровый аскетизм с самобичеванием и умерщвлением плоти, но это вызывало только смех. Тогда он попытался победить еретических проповедников силой своего красноречия и мрачной глубиной веры, но люди больше не верили в спасительную силу пролитой на Голгофе святой крови.

Фра Доминик покинул Тулузу, глубоко убежденный, что страшную ересь можно сломить только военной силой. Вторжение стало решенным делом. Личной буллой великий понтифик подчинил недавно учрежденную святую инквизицию попечению Ордена доминиканцев — псов Господних.

После убийства легата Пьера де Кастелно в 1209 году римский первосвященник провозгласил крестовый поход, и христианнейший король Филипп II Август, развернув орифламму¹, двинул к границам Лангедока закованных в сталь баронов и армию в 50 тысяч копий. Предводитель крестоносцев Симон де Монфор, чьим семейным знаком был серебряный крест, не щадил ни стариков, ни детей.

Умирает Иннокентий, и конклав кардиналов избирает нового папу, три короля сменяются на французском престоле, а в Лангедоке полыхает пламя восстаний, вызванных карательной экспедицией. Покоренные и униженные жители Тулузы, Фуа, Альби и Каркассона вновь и вновь берутся за оружие во имя бессмертных заповедей «совершенных». Только через полвека головорезам вроде Монфора-младшего удалось утихомирить опустевшую, дымящуюся страну.

¹ Орифламма — боевой штандарт французских королей в средние века.

В одном лишь Безье, согнав жителей к церкви святого Назария, каратели перебили 20 тысяч человек.

«Святой отец, как отличить катаров от добрых католиков?» — спросил однажды какой-то солдат папского легата Арнольда да Сато, сопровождавшего войско Монфора. «Убивайте всех: Бог узнает своих!» — ответил легат, и слова его навечно вошли в историю...¹

Безье горел три дня; древний Каркассон, у стен которого катары дали последний бой, был наполовину разрушен. Последние «совершенные» с остатками разбитой армии отступили в горы и заперлись в пятиугольных стенах замка Монсегюр. Это была не только последняя цитадель альбигойцев, но и их святилище. Стены и амбразуры Монсегюра были строго ориентированы по странам света и, подобно Стоунхенджу друидов, позволяли вычислять дни солнцестояния.

Среди защитников крепости, возведенной на вершине горы, было всего около сотни военных. Остальные не имели права держать оружие, ибо в глазах «совершенных» оно являлось носителем зла. Но и сотня воинов целый год противостояла 10 тысячам осаждавших крепость крестоносцев. Все же силы были слишком неравны. Объединившись вокруг своего престарелого епископа Бертрана д'Ан Марти, «совершенные», последние маги, философы, врачи, астрономы, поэты, готовились принять мученическую смерть.

Однажды ночью крестоносцы втащили на крохотную скальную площадку тяжелую катапульту и забросали замок камнями. Эти каменные ядра и сейчас лежат у разбитых стен Монсегюра... В марте 1244 года Монсегюр пал, а спустя несколько дней 257 уцелевших после штурма катаров взойшли на костер.

Но четверо «совершенных» спасли главную катарскую святыню. Спустившись с заоблачных круч Монсегюра, они тайно унесли свои неведомые миру сокровища. В протоколе допроса, который был учинен под пыткой коменданту крепости Монсегюр Арно-Роже де Мирпуа, значится: «Бежавших звали Гюго, Эмвель, Экар и Кламен. Это были четверо «совершенных». Я сам организовал их побег, они унесли с собой наши сокровища. Все тайны катаров заключались в этом свертке». Крестоносцы спешно снарядили погоню, но беглецы как в воду канули.

Уцелевшим воинам, оборонявшим Монсегюр, обещали жизнь, если они отрекутся от ереси и признают святые таинства, троицу и папу — наместника святого Петра. Тех, которые отказались, тут же повесили, остальные же, став на колени, заявили о своем отречении. Тогда какой-то монах распорядился привести собаку и стал поочередно совать альбигойцам нож, чтоб испытать, насколько тверды они в своем отречении. Но ни один из них не взял греха на душу и не напился землю кровью невинной твари. Тогда их всех повесили на ветках дубов. Рыцарю де Мирпуа в тот момент, когда

---

¹ Согласно другим источникам, их произнес иной папский посланец, Арно Амори.

палач ломал ему кости, довелось увидеть в последний раз наставника «совершенных» епископа Бертрана д'Ан Марти.

Он стоял у столба со связанными за спиной руками, обложенный поленьями и хворостом, а белые волосы его тихо шевелились под ласковым весенним ветерком. Мелькнули суровые, измученные лица «совершенных», сквозь темный частокол копий блеснули шлемы и кресты построенных в каре Христовых воинов. Потом все потонуло и исчезло в дыму.

Последние катары погибли в пещере Сабарте уже в начале XIV века, когда французский король и папа вовсю жгли на кострах тамплиеров.

ВНУТРЕННИЙ КРУГ

**Капитула
седьмая**

ЗВЕЗДНЫЕ ВЕНЦЫ

И явилось в небе великое знамение — жена, облаченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд

Откровение Иоанна Богослова

Виден был змей на небе

Хроника Фродияра, 958 год

Николай Морозов, революционер-народник, приговоренный за участие в покушении на Александра II к вечной каторге, тринадцать лет провел в казематах Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей. Помимо стихов и воспоминаний, он написал множество работ и статей по самым различным отраслям науки: химии, физике, астрономии, математике, истории.

По-своему интересна его попытка астрологической интерпретации «Апокалипсиса».

«Из главы 12-й «Откровения», где говорится о «женщине, одетой солнцем»... видно, что солнце в это время находилось в созвездии Девы. Другой женщины нет среди созвездий Зодиака. Дальнейшие главы говорят, что в этот день было новолуние (острый серп, зашедший вслед за солнцем, в гл.14, ст.15 и др. места). Следовательно, и солнце было в нижней части ног Девы, около ее бедра, приблизительно под звездочкой η-Девы, которая, по координатам конца XIX века, приходилась на 13h 48m прямого восхождения. В петербургский полдень солнце находилось как раз под этой же звездочкой 10 октября 1895 юлианского года... Но так как нам придется оперировать с годами, отстоящими от нас не менее как на 1500 лет назад, то нам нужно прежде всего определить, какого числа по юлианскому счислению солнце находилось ежегодно под той же звездочкой... в первые века нашей эры».

Николай Морозов. Откровение в грозе и буре

Попытка в принципе правомерная, но ее сводит на нет разработанная Морозовым система хронологии, ничего общего не имеющая с общепринятой. Так, согласно его расчетам, написание «Свидетельства» датируется концом IV века, тогда как в действительности это случилось в 96 году. Отсюда заведомая обреченность последующих расчетов, что, понятно, не закрывает возможность более корректных подходов, а они, безусловно, имеют право на существование.

Суть в том, что астрология базируется на тысячелетних наблюдениях небесной сферы и является прародительницей астрономии. Астрология, истоки которой теряются в толщах архаики, намного древнее истории, что не помешало ей, щедро оплодотворив науку,

культуру и саму историю, дожить до нынешних дней. Судя по прессе и телевидению, поклонники гороскопов не переведутся и в третьем тысячелетии.

Извольте видеть: вот это — небеса, а на них
целая дюжина богов сидит. Вот, значит, как
вертятся они, двенадцать обличьев и выходит.
К примеру — Баран вышел: ладно! Кто, значит,
родился под тем бараном, у того и скотины много
и шерсти; голова крепкая, рожа бесстыжая.

Гай Петроний Арбитр Пир Трималхиона

О, Аллилуйя! Слабость! Нежность!
Небесный спазм! Возврата нет!
Бурь ликования мятежность,
Сплетай в объятьях всю безбрежность
Любовью дышащих планет!

*Жюль Лафорг. Перед большой розеткой
в оконнице церкви Богородицы*

В этих коротких выдержках из произведений — сатирического и восторженно-апологетического, — разделенных почти двумя тысячелетиями, уместилась, по сути, вся астрологическая доктрина с ее 12 знаками зодиака и планетами, чье императивное воздействие определяет судьбу человека, пронизывает его чувственный мир, а вместе с ним и прочие живые и мертвые сферы.

В начале нашего века на астрологию смотрели как на «мнимую», «забытую» науку. По крайней мере, так отзывался об этой древнейшей области человеческих заблуждений «Новый энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона. Ф.Ф.Зелинский, посвятивший астрологии обстоятельную статью в «Вестнике Европы» за 1901 год, счел возможным вынести ей приговор еще в заголовке: «Умершая наука». В Германии, например, она была исключена из университетского курса еще в 1820 году.

Астрология, однако, не умерла и не сделалась жертвой забвения. Благополучно пережив краткий период непопулярности, она, подобно удалившейся от Солнца комете, вернулась из тени и вновь засверкала на дымном небосклоне просвещенного века, только что пережившего кровопролитнейшую из войн. В Германии после Первой мировой войны соблазнительное искусство звездных предсказаний сразу же поставили на широкую ногу и газеты запестрели объявлениями неведомо откуда возникших составителей гороскопов. В клиентуре, невзирая на голод и разорение, недостатка не ощущалось. Почтовая марка стоила 10 миллионов, за предсказание брали 25. Разница, если не вдаваться в математику, несущественная, а заглянуть в завтрашний день хотелось как никогда прежде, ибо окружающая жизнь казалась полной бессмыслицей.

За туманный намек на скорые и, разумеется, отрадные перемены не жаль было банкнот с сумасшедшим количеством нулей. Все равно к вечеру цены на хлеб совершали новый чудовищный скачок.

В 1923 году немецкий астролог Зеботтендорф посоветовал Гитлеру воздержаться от каких-либо крупных затей в ноябре. Фюрер же именно в этом месяце устроил заварушку — Мюнхенский путч, за что и попал, правда на короткий срок, в тюрьму Ландсберг. Решив, что в звездных гаданиях что-то такое все же есть, он уже в 1935 причислил астрологию к «имперским дисциплинам».

Профессора астрологии обслуживали не только отдельных клиентов, но даже целые города, а в 1918 году был составлен гороскоп для всей Германии.

Этому документу, скрепленному подписями власть имущих, суждено было сыграть свою роль в апрельские дни 1945 года, когда вокруг дымящегося Берлина сомкнулось долгожданное кольцо возмездия. Жалкую, отмечу, забегая вперед, позорно-балаганную роль.

Сама по себе астрология в этом не виновата. Из ее колыбели действительно выросла астрономия, подобно тому как из алхимической куколки выпорхнула бабочка химической науки.

Всякий гороскоп базируется на реальной, хоть и произвольно толкуемой, картине звездного неба. Недаром составлением гороскопов покупали себе право заниматься абстрактной наукой такие выдающиеся ученые, как математик, философ и врач Жером Кардан, или, вернее, Джероламо Кардано (1501—1576), и астроном Иоганн Кеплер (1571—1630), открывший законы обращения небесных тел. Короче говоря, астрологической магии, как и магии герметической, предшествовало наблюдение, можно даже сказать, опыт, хотя астролог, не в пример алхимику, смело смешивающему ингредиенты, не обладал возможностью вмешиваться в небесную механику.

Русским великим князьям, по крайней мере с Василия III, гороскоп вычисляли иностранцы. У царя Алексея Михайловича столь тонким делом занимался Симеон Полоцкий. Он-то и вычислил генитуру младенца Петра, будущего императора всероссийского Петра I. Сам Петр I вывез из-за границы множество астрологических книг, которые до последнего времени хранились в ВГБЛ «под семью замками».

Астрология намного старше своей герметической сестры. Несмотря на подкрепляющий ее построения математический аппарат, она целиком и полностью возникла из астрологии — древнейшего культа светил, тогда как в ремесла, связанные с химией, астральная, идущая от чистой философии идея проникла на сравнительно поздней стадии.

Следы астрологических верований встречаются еще в раскопках аккадской цивилизации, существовавшей за две тысячи лет до христианской эры. В Ассирии, Вавилоне, Египте без авторитетного заключения звездочета не могли и шагу ступить, а религиозные общины Индии, Шри Ланки и других стран Южной Азии по сей день руководствуются астрологическими предписаниями, выработанными тысячи лет назад. Достаточно сказать, что большая часть браков заключается там только после скрупулезного изучения го-

роскопов. Если планеты препятствуют союзу, то родителям жениха и невесты остается лишь принести друг другу подобающие извинения. В жизни народов Индокитая астрологи занимают столь же заметное место, а в Непале из-за неблагоприятного сочетания звезд на целый год отсрочили торжественную коронацию нынешнего короля-бога Бирендры Бир Бикрам.

Нет, астрология и не думала умирать, она лишь на какое-то время укрылась в тени, чтобы, дождавшись своего часа, буйно расцвести бок о бок с ракетодомами, радиотелескопами и компьютерами, которые чуткая на малейшие движения моды «массовая культура» быстро поставила на службу современным магам.

Нурсийский некромант, Сабинский маг
Тебе шлет преданности изъявления
От смерти отделял его лишь шаг,
Трещал костер, огонь лизал поленья

Гете Фауст

О каком костре, более того, о какой вере и какой ереси может идти речь, если обязанности звездного оракула ныне принял на себя электронный мозг?

«Математическая машина все знает значительно лучше, чем вы, — утверждает реклама. — Так позвольте ей руководить вашими шагами».

Это же так здорово, когда кто-то берется провести твой терпящий бедствия челн через все рифы и мели моря житейского! Особенно в столь неверную и переменчивую эпоху, как ныне, когда рушатся устои и катастрофически теряют сусальную позолоту привычные ценности. Компьютеру и вправду виднее, как тут быть.

«Современная ворожея в нашей стране, — отмечал по этому поводу репортер агентства «Уорлд пресс», — должна избегать стеклянных шаров, черных котов и других устаревших реквизитов. Раньше сила чернокнижия заключалась в магической палочке, теперь — в электронном мозге компьютера».

Репортер, сделавший столь превосходную рекламу прибыльному бизнесу «Зодиакроникс», плохо, однако, разбирался в массовой психологии, а о чернокнижии судил по волшебным сказкам. Ворожеи не только не избегают устаревших реквизитов, но и буквально гоняются за ними по антикварным лавкам, чтобы воссоздать столь импонирующий деловому американцу, а тем паче «новому русскому», колорит средневековой Европы или подчеркнуто вычурный «ретро-стиль». Другое дело, что это ничуть не мешает бойкой торговле гороскопами, отпечатанными на перфорированной ленте. Как, в свою очередь, «кибернетическая» астрология не отбивает куска хлеба у звездочетов, работающих по старинке.

Сферы охоты обозначены четкими границами достатка. Компьютер, где производство поставлено на поток, обслуживает сравнительно небогатую клиентуру, «ремесленники» в стиле Корнелиуса Агриппы Руджери — элиту большого бизнеса. Гонорары, которые

получают такие «звезды небесной науки», исчисляются десятками тысяч долларов. Крупных астрологов зачисляют штатными консультантами, а иногда даже вводят в советы директоров. Их прогнозами пользуются для составления конъюнктурных сводок, при подборе кандидатов на руководящие должности, в рискованной биржевой игре.

Предсказательница Джейн Диксон, якобы предвидевшая самоубийство Мэрилин Монро, заняла штатное место в Вашингтонском «Ферст нейшнл бэнк», а пророк, выступающий под псевдонимом Золар Брюс Кинг, сколотив на составлении гороскопов солидный капитал, сам сделался предпринимателем и основал астрологическую фирму. Точно так же поступил и его британский коллега Морис Вудраф, чьи пророчества регулярно появляются в газетах и передаются по телевидению. Другой лондонский астролог, Эдвард Линдоу, поставляющий гороскопы для газеты «Пипл», сделался, как о нем отзывается печать, «фантастически богатым человеком» благодаря тайным рекомендациям, даваемым узкому кругу высокопоставленных лиц. Каких именно? О, это, разумеется, тайна.

Трудно разобраться, где здесь правда, а где заведомая ложь или рассчитанная на обывателя рекламная приманка. Но, как правило, астрологи скрывают имена влиятельных работодателей, а видные коммерсанты предпочитают не называть своих консультантов. Так, несмотря на то что газеты часто упоминали об анонимном астрологе мультимиллиардера Джона Пирпонта Моргана, даже вездесущие американские журналисты далеко не сразу сумели дознаться, кто это. Счастливец, выигравшим от столь сенсационного «разоблачения», оказался Ивангелин Адамс (род. 1932). Его услугами пользовалась и Мэри Пикфорд.

Причуды капризной Клио! Финансовые короли, подобно владыкам древнего мира, прежде чем сделать решающий шаг, обращаются к звездочетам. Это уже не тяга к средневековью, а прыжок куда-то в бронзовый век. Раскопки убедительно показали, что уже в третьем тысячелетии до новой эры аккадские, шумерские и халдейские цари держали при себе жрецов, которые постоянно следили за перемещением небесных светил. Известно, например, что Сеннехериб отказался от военного похода из-за неблагоприятного расположения звезд и планет, а клинопись на цилиндрической печати царя Лагаша Гудеа (около 2050 до н. э.) сообщает о явлении ему во сне богини Нисабы, дочери Эа, которая несла табличку с небесными знаками, предвещающими добро.

«Халдейское мудрствование», как в старину называли гадание по звездам и числам, было основано на симпатической магии, на отождествлении небесных светил и чисел с божествами. Каждое число и буква символизировали бога или богиню, которые изображались в виде звезды.

По сути, клиент астролога обращается за помощью к финикийским ваалам.

В Персии корни астрологического древа уходят в немые древние пласты. Среди современников Заратуштры известен Гиамасба, написавший «Книгу философа», переведенную анонимным звездочетом на арабский язык лишь в XIII веке. В ней скрупулезно перечисляются всевозможные планетные сочетания, влияющие на разные стороны человеческой жизни. Столь же древни, хотя, возможно, и не оригинальны в основе, астрологические традиции Индии. Уже «Атхарваведа» называет 28 накшатров — «лунных домов», определяющих людские судьбы.

Столько же «зодиачных домов» (7×4) упоминается и в астрологических трактатах Древнего Китая. Впоследствии, однако, китайцы, подобно вавилонянам, разделили небесный круг, который Солнце обходит в течение года, на 12 зооморфных созвездий. Кстати, и само слово «зодиак» означает буквально «звериный», хоть и есть в нем такие созвездия, как Дева, Водолей, Близнецы или Весы. В Индии, искони связанной с Двуречьем торговыми путями, тоже вскоре перешли на вавилонскую систему.

12 «домов» (3×4, а 3+4=7) включают те же универсалии, что и 28. Недаром прославленная эпическая поэма о Гильгамеше состоит из 12 таблиц, каждая из которых отвечает определенному созвездию.

Божий избранник говорит с человеком на языке мировой гармонии. По крайней мере, так мнилось безвестным жрецам, астрологам и поэтам.

Взора, что вынес бы взоры Солнца,
С давних времен еще не бывало
Спящий и мертвый друг с другом схожи —
Не смерти ли образ они являют?
Человек ли владыка? Когда близок он к смерти

Эпос о Гильгамеше

Я выбрал для примера таблицу X, соответствующую Весам — символу гармонии и мировой справедливости.

Как и в известной нам эллинской таблице, вавилонская система основывается на сакральной седмице богов-планет. Шамаш в ней соответствует Солнцу, Син — Луне, Мардук — Юпитеру, Нерагл — Марсу, Иштар — Венере, Набу — Меркурию и Нинурт — Сатурну. Знакомая властительная связь богов, планет, металлов, зверей, растений и пр., унаследованная от вавилонской традиции, выражалась универсальной семеркой. Магическим числом, проистекающим от семидневной фазы Луны.

Первые гороскопы, насколько можно судить, появились в Ассирии. Ассирийские звездочеты, как и их последователи из астрологического бюро, специально обслуживающего нью-йоркскую биржу, основное внимание уделяли Юпитеру — Мардуку, богу-громовержцу и царю богов, заклёйменному Библией Ваалу.

Астрология, окончательно не отпочковавшаяся от сабеизма, процветала в Египте еще во времена Геродота. Человеческое тело,

подобно зодиаку, было разделено на 360 частей, управляемых соответствующими деканами. Роспись гробницы Рамсеса IV дает наглядное представление об анатомо-космических соответствиях, наложивших глубокий отпечаток на каббалу, алхимию, тайные учения розенкрейцеров и, возможно, буддийский тантризм.

Марко Поло, посетивший Тибет в XIII веке, упоминает о том, как астрологи (очевидно, тантрические ламы) определяли положение созвездий в момент смерти того или иного лица, чтобы выбрать наилучший час для похорон. Подобные церемонии мне не раз приходилось наблюдать в горных джунглях Малайзии, в Гималаях, на севере Таиланда.

В египетской астрологии Солнце было сопряжено со лбом, Луна — с мозгом, Меркурий — с языком, Сатурн и Юпитер — соответственно с левым и правым глазом, Венера и Марс — с ноздрями. Точно так же соотносились с человеческим телом созвездия: с головой, шеей или плечом — Овен, с руками — Близнецы, с ногами — Рыбы.

Л. Я. Штернберг в своем классическом труде «Первобытная религия» дает этому довольно оригинальное объяснение:

«В Древнем Египте астрономы, не имея никаких обсерваторий для наблюдения за созвездиями днем, прибегали к следующему остроумному способу. Два астролога становились друг против друга, один с северной стороны, другой с южной, и каждый держал... пальмовый лист, который в середине имел узенькую щель, и каждый из них смотрел в свою щелочку на щелку пальмового листа своего визави, ища таким образом меридиан того созвездия, которое он хотел наблюдать в данный момент. При наблюдении замечали, что следующая часть зодиака приходится ниже лба по направлению правого глаза, а тому, который смотрел с другой стороны, приходилась противоположная часть зодиака против правого глаза, потому что, по мере того как мы спускаемся по зодиаку, точка наблюдения спускается ниже по телу наблюдателя, переходя постепенно к локтю, бедру, голени, ноге. Таким образом, каждая часть зодиака ассоциировалась с той или другой частью тела».

Подобному моделированию нельзя отказать в убедительности, тем более что описанное действие могло происходить на самом деле, хотя я нигде не нашел ссылок на соответствующий папирус. Дело лишь в том, что доподлинно не известно, как наблюдали древние звездочеты за дневным небом. Наконец, не надо забывать о том, что кроме анатомических соответствий существуют иные ряды: анималистский, растительный и т. д. Я не думаю, чтобы звери принимали непосредственное участие в астрономических наблюдениях. Едва ли всю аморфную и громоздкую сущность магии можно наглядно и просто уложить в сугубо рациональные схемы. В том-то и трудность постижения магического мышления, что оно одновременно сочетает в себе два образа мироздания: мистический и реальный. Мистика же отталкивается от совершенно произвольных соответст-

вий и сочетаний, будь то цифровые, цветовые или семантические. В этой мешанине добраться до краеугольных камней едва ли возможно. Скорее всего, их просто-напросто нет, ибо мы имеем дело с магией, а не с загримированной в мистические одежды какой-то «забытой наукой».

Вот почему даже сверхмодерновые ЭВМ четвертого поколения, «щелкающие» планетные сочетания как орешки, не смогут замесить взлохмаченную старуху с черным котом и хрустальным шаром, а вежливая улыбка одетого с иголочки клерка из какой-нибудь «Астрофлейш» — срамных поцелуев невежественного мага, беснующегося в выложенном из готовых блоков круге.

В том и суть герметической гексаграммы, что она замыкает в себе макрокосм — мироздание и микрокосм — человека, а раз есть человек, то сами собой возникают и симпатические соответствия его органов с элементами Вселенной. Закон подобия. Торжествующая универсальность. Законченная гармония.

В Древнем Китае, где рано сложился религиозно-этический культ государя и государственности, а человек как таковой был низведен до винтика, астрологи уже во втором тысячелетии до н. э. распределили влияние различных созвездий между провинциями Срединной империи. Разве это не абстракция в самом чистом, можно даже сказать, бюрократическом виде?

Не случайно и в Индии, где великолепно знали анатомию и с незапамятных времен создали столь мощную систему тренировки, как йога, упорно членили скелет на 360 отдельных костей. По одной на каждый градус. Возможно ли более наглядное доказательство присущего магическому мышлению пренебрежения реальностью? Мистические соответствия, эта поражающая воображение «премудрость», были однажды вознесены над очевидностью, да так и остались висеть в пустоте, не имея никаких опор.

Астрология, являя собой сердцевину магической эйкумены, не составляет, разумеется, исключения. Чтобы убедиться в том, достаточно «поверить» ее если не алгеброй, то астрономией. Известно, например, что из-за постепенного смещения земной оси точки равноденствия основательно переместились к западу по сравнению с далекой полулегендарной эпохой, когда сложились правила составления гороскопов. Вид современного неба отличен от халдейского. Если, скажем, в описываемый евангелистами период точка весеннего равноденствия приходилась на знак Овна, то ныне она попадает в созвездие Рыб, хотя астрологи, в том числе и работающие с ЭВМ, делают вид, будто ничего не случилось. А ведь дело касается не какого-то там пустяка, но стержня, на который, как шашлык на шампуре, нанизаны колдовские радения, теософские мудрствования, религиозный символизм и в первую очередь гороскопные выкладки. Это с одной стороны, а с другой — современные звездочеты не только пользуются квантовыми хронометрами и новейшей широтной сеткой, но и пытаются

вносить поправки на влияние таких неизвестных халдеям планет, как Уран, Нептун и Плутон.

Так, в «Астрологии» Джефа Мэйо, предназначенной для «серьезного изучения» гороскопной науки, древние чертежи планетных сфер и зодиака дополнены этими открытыми в новейшее время мирами. Есть они и в специальных таблицах, где магические соотношения мирно соседствуют с точнейшими астрономическими данными по части восхождения и «симпатии» планет.

Этот обман или даже самообман, изначально присущий магии, лишь вынужденная для нее точка опоры. При всем желании следовать за наукой, на чем спекулируют легионы имеющих ученые степени обскурантов, мистическая система не может отказаться от основополагающих принципов подобия, иначе она потеряет себя самое, растает, как утренний туман. Иное дело, что жажда идти в ногу с веком постоянно толкает то одних, то других адептов на компромиссы и всяческую модернизацию. Не смея затронуть основу, которая, повторяю, остается неизменной, они громоздят химерические конструкции. Эти большие порождения противоестественного союза науки и мистики либо тут же разваливаются, либо бережно канонизируются последующими поколениями оккультистов, отчего лишь разбухает аморфный, неуловимо меняющий очертания монстр.

Я знал людей — американцев и европейцев, — которые отказывались иметь дело с астрологами, «признающими» существование трех дальних планет Солнечной системы. Откровенно говоря, мне импонирует такая последовательность. Если уж верить в халдейскую премудрость, то пусть все будет по-настоящему: семь подвижных светил, лунный календарь и, уж конечно, плоская Земля.

Отдадим же и мы необходимую дань древним верованиям, чтобы проследить непрерывную связь времен — от жрецов Аккада до киберастрологов современного Запада. И чисто внешне, и в своем структурном построении астрологические диаграммы различных цивилизаций удивительно схожи. Достаточно сопоставить между собой космические диски китайцев и ацтеков, тибетскую мандалу и календарь майя, чтобы уяснить пронизывающую их общую идею цикличности.

В книге мистика и теоретика розенкрейцерства Роберта Флуда (1574—1637) «История двух миров», опубликованной в 1617 году, есть примечательный чертеж, на котором концентрическими планетными орбитами показана связь макрокосма и микрокосма, пролегающая через человеческое сердце, приравненное к Солнцу. Здесь явственно ощущается тот же космический символизм, который проявлялся у ацтеков и друидов в кровавых жертвоприношениях, когда на алтарь солярного бога бросались еще трепещущие человеческие сердца.

Так же внутренне близки друг другу индуистские тантрические фигуры и сферы астрологических соответствий планет с го-

ловой и руками человека, выполненные Джероламо Кардано. Посвященные «небесной медицине» французские и немецкие инкунабулы XV века, знаменитый «Салернский кодекс здоровья» и китайские руководства по акупунктуре (иглоукалыванию) — всех их одухотворяет могучая уверенность в неразрывном космическом подобии человека.

Угрюмый сторож вечных врат засов железный поднял,
И Тэль, сойдя, узнала тайны невиданной страны,
Узрела ложа мертвецов, подземные глубины,
Где нити всех земных сердец гнездятся, извиваясь

Вильям Блейк Тэль

Непреходящая и вечно изменчивая идея магии!

Можно спорить о том, откуда почерпнули греки, затем арабы, а с ними вся средневековая Европа космогонические символы Востока, и в частности привычный нам зодиак: из Вавилона или через посредство египтян. Религиозно-мифологический уровень обеих культур был практически одинаков. Великий Пифагор, впрочем, согласно распространенной молве, 12 лет (12!) провел в Вавилоне и вполне мог получить астрологические знания, с нумерологическими выкладками заодно, прямо из рук тамошних жрецов. Геродот ясно указывает на то, что эллины научились астрологическим гаданиям у халдеев. Достаточно сказать, что вавилонский жрец Берос пользовался таким почетом в Афинах, что ему поставили памятник. Вавилонская магия не стала чужеродным поветрием в Греции. Местным жрецам, которые еще задолго до Геродота отождествляли Зевса с Бэлом — Мардуком, а Афродите — с Иштар, тем более легко было принять халдейское звездочетство.

В Спарте, по свидетельству Плутарха, эфоры¹ раз в девять лет отправлялись наблюдать звездное небо. Если им удавалось увидеть при этом падающую звезду, то правителя, прогневившего богов, призывали к ответственности. Это был подлинный триумф астрологии, рожденной, чтобы стать покорной служанкой тиранов.

Из многочисленного письменного наследия звездочетов свободолюбивых полисов Эллады до нас дошли лишь сравнительно поздние сочинения Геминуса, поэма Максима и «Четверокнижие», безосновательно приписываемое Птолемею.

Аккумулированное греками наследие Востока сгорело вместе с 700 тысячами манускриптов несравненной Александрийской библиотеки. Халиф Омар, которого облыжно обвинили в поджоге, к этому руку не приложил. Достоверно не известно, кому принадлежит приписываемая ему фраза: «Если все эти рукописи повторяют истины, изложенные в Коране, то они бесполезны, если противоречат слову Аллаха — вредны».

¹ Эфоры — ежегодно избиравшиеся народным собранием лица (пять человек), призванные руководить политической жизнью государства

Печальная участь постигла 200 тысяч томов Пергамской библиотеки, а также библиотеку Иерусалимского храма. Хуанди предал огню сочинения, в том числе астрологические, китайских мудрецов. Утрачена знаменитая коллекция Писистрата в Афинах, уничтожены пергаменты тайного убежища храма Пта в Мемфисе...

Лишь случайные обрывки, отдельные фрагменты, загадочные проблески забытых знаний — вот что осталось нам от исчезнувших цивилизаций. Сгорели книги катаров и вырезанные на дереве и никем не прочтенные письма народа острова Пасхи. Во времена конкисты епископ Ланда предал огню почти все кодексы народа майя, и теперь каждая новая находка археолога перечеркивает все умозаключения предшественников. Наше далекое прошлое — это цепь белых пятен, прерываемая изредка островками достоверных фактов. Мы не можем объяснить пока, откуда в древнем Багдаде за сотни лет до нашей эры знали, как делать сухие электрические батареи, или почему в монетах, относящихся к 235 году до нового летоисчисления, содержится никель. Это факты, с которыми не приходится спорить. Последовательно соединенные батареи из выгребных ям древнего Багдада давным-давно лежат под стеклом в музее. Кстати сказать, их долгое время принимали за непонятные ритуальные предметы. Только случайно зашедший в музей инженер обнаружил истинную сущность этих столбиков из металлов и смолы. Но сколько еще загадок не получили истолкования!

Образованное римское общество взирало на астрологию довольно скептически. И если Сенека признавал влияние планет на человеческие дела, то Цицерон, Плиний Старший, Секст Эмпирик и Гай Петроний едко высмеивали звездочетов. Это не значит, конечно, что астрология имела в Вечном городе ревностных почитателей только в лице императоров. Сатиры Ювенала красноречиво свидетельствуют о том, что аристократы, купцы и плебс с одинаковым увлечением гадали по зодиаку. Особым почетом пользовался астролог Луций Таруций Фирман (116—28 до н. э.), который по поручению своего друга Варрона сделал попытку вычислить по звездам год основания Рима.

В уцелевшем от превратностей судьбы сочинении «Восемь книг Астрономии», написанном сицилийцем Фирмиком Матерном (IV в.), мы впервые сталкиваемся с подробно разработанным учением о 12 «домах», которое вот уже 16 столетий привлекает своим призрачным светом доверчивых мотыльков.

Прежде чем познакомиться с этими известными еще китайцам и индийцам «домами», вспомним первую встречу булгаковского Берлиоза с Воландом на Патриарших прудах:

«Он смерил Берлиоза взглядом, как будто собирался шить ему костюм, сквозь зубы пробормотал что-то вроде «Раз, два... Меркурий во втором доме... Луна ушла... шесть — несчастье... вечер — семь...» — и громко и радостно объявил: — Вам отрежут голову!»

Разумеется, было бы наивно рассматривать роман «Мастер и Маргарита» как некое руководство по демонологии, хотя за его

чисто художественной, фантастической тканью скрывается серьезное знание темы. В том числе и по части гороскопов.

Предсказание «князя тьмы», как мы знаем, почти тотчас сбылось. Разумеется, по воле автора, но в точном соответствии с учением Фирмика Матерна, а также его последователей — от араба Ибн-Рагеля, написавшего в XIII веке руководство «*De judiciis astrorum*», до последнего «великого астролога» Жана-Батиста Морена (1583—1656), оставившего капитальный труд «*Astrologia gallica*».

Каждое слово воландовского предсказания поддается точной расшифровке!

Как вспомогательный предмет астрология может оказаться незаменимым подспорьем историку, литературоведу, художнику. Боттичелли, например, зашифровал даты написания своих полотен в расположении мифологически персонажей богов — планет.

Прерогативы семи планет строго регламентированы: Юпитер управляет справедливостью, Марс — небесным воинством, Венера — любовью, влажная и меланхолическая Луна властвует над ремеслами и занятиями, требующими покрова тьмы, и потому покровительствует кабатчикам, ростовщикам и актерам, в ведении непостоянного Гермеса — Меркурия находятся науки, искусства и астрология в том числе. Все это мы уже хорошо знаем, однако, чтобы не забывать о причудах магического мышления, нужно время от времени суммировать исконные азы «Искусства» на новых исторических витках. Тем более что влияние планет многозначно. Горящий кровавым огнем Марс не только покровительствует всем проливающим кровь (воинам и лекарям, палачам и поварам), но, царствуя над железом, благоволит к оружейникам, кузнецам, ювелирам. Ровное сияние гиганта Юпитера свидетельствует не только о мудрости, но и о доброте. Он опекает мудрецов, наставляет философов, печется о мирных селянах. Наконец, бледный, медлительный, свинцово-тяжелый Сатурн, чей чахлый блеск говорит о болезненной слабости, служит проводником одряхлевшим мужам в последний путь, питает слабость к отшельникам и монахам. Если прибавить сюда известные нам анатомические, анималистские и прочие соответствия, то получится полнейшая путаница противоречивых влияний, искусственной, нарочито усложненной символики. Знак Льва, когда в него входило только Солнце, мог означать, например, просто сильного, порой жестокого человека, а в сочетании с Марсом — пророчил судьбу героя или разбойника. Тут уж сам астролог должен был сообразить, кому что назначено, несмотря на то, что зачастую властительные заказчики сочетали в себе и то, и другое. Нужно было учитывать и психологию августейших особ, которые не отделяли себя от подвластной страны.

— Государство — это я! — говорил Людовик-Солнце.

Но так как от Солнца ждали лишь блага, то на передний план выступили продолжительные периоды Сатурна, которые оказывали роковое воздействие как на отдельных людей, так и на целые госу-

дарства. Особенно сильно влияние Сатурна проявлялось в соединении с Юпитером.

Пророчить несчастье целой стране было все-таки безопаснее, чем ее государю. Вспомним анекдот о Людовике XI и его астрологе. Будучи разгневан то ли неудачей в алхимических экспериментах, то ли дурным гороскопом, король, прежде чем позвать палача, обратился к придворному оракулу с коварным вопросом:

— Знаешь ли ты день собственной смерти?

— Я умру за три дня до вашего величества! — отвечивал находчивый звездочет.

Суеверный монарх не решился проверить.

Гороскоп, или генитура, основывался, таким образом, на расположении всех светил в данный момент времени, отвечающий точке на колесе зодиака. В специальном значении слово «гороскоп» характеризовало точку эклиптики, восходящую в момент рождения человека. Начиная от этой точки, небо делилось кругами склонения на 12 равных частей, или «домов». Ближайший к гороскопу, ниже горизонта, получил наименование «дома жизни», затем следовали «дома богатства» или счастья, братьев, родства, детей, слуг или иногда здоровья, брака, смерти, веры, почестей, дружбы и, наконец, вражды.

Как мы видим, с помощью «домовой системы», абсолютно произвольной и нисколько не связанной с реальной картиной неба, можно было предсказать все, что угодно, и даже вновь перетолковать ранее сделанное предсказание.

На такой базе составлялась «небесная фигура», имевшая вид квадрата, круга или соответственно разграфленной каббалистической гексаграммы. Из нее-то посредством довольно запутанных правил и всяческих условностей и выводились нужные предсказания. Так, например, если Солнце имело резиденцию в первом «доме», новорожденному обещали здоровье и успехи в науках, если же там останавливался зловеющий Сатурн, то следовало опасаться, что ребенок может стать натурой нечистой, ленивой и вероломной.

Булгаковского Берлиоза, согласно мгновенно составленной сатаной «небесной фигуре», погубил переменчивый Меркурий, так неосмотрительно забредший в «дом счастья». Но это случилось лишь по вине несчастливого знака в шестом «доме здоровья», потому что при прочих благоприятных условиях Меркурий во втором «доме» предвещал счастье в торговле, а Луна, которая ушла от бедного председателя МАССОЛИТа, стоило ей заглянуть в пятый «дом», могла наобещать ему кучу детей.

В замке Фридланд, расположенном в Северной Чехии, я видел роскошно выполненный гороскоп полководца Тридцатилетней войны Альбрехта Валленштейна (1583—1634). История этой впечатляющей каббалистической диаграммы с именами Бога и ангелов весьма примечательна.

Впервые составленная в 1608 году Иоганом Кеплером «небесная фигура» предсказывала брак на тридцать третьем и кончину

от лихорадки на семидесятом году жизни в том случае, если внезапная смерть не настигнет лихого военачальника в 1613 либо в 1625 году. Когда прошел впустую намеченный для женитьбы год и не сбылись другие отмеченные астрологом события, Валленштейн распорядился отослать гороскоп назад для исправления, что было тогда делом обычным, ибо едва ли кто мог назвать с точностью до нескольких минут время своего появления на свет. Поэтому, чтобы скорректировать картину неба, отталкивались, как от новой точки отсчета, от какого-нибудь строго зафиксированного события: болезни, крупного успеха, августейшей аудиенции и т.п. Валленштейн сделал на этот счет соответствующие пометки для своего астролога, которому судьба готовила место в ряду величайших астрономов мира.

«Исправив» время рождения полководца всего лишь на полчаса, Кеплер добился совпадения с уже известными событиями и, предсказав новые, пометил неблагоприятные конstellляции, чтобы можно было вовремя принять необходимые меры.

Закончив работу в 1625 году, Кеплер через пять лет скончался.

Можно, конечно, сбросить со счетов 1627 год, особо неблагоприятный, по Кеплеру, и победоносный для его клиента, одержавшего победу над датчанами, потому что опасные конstellляции для того и помечаются, чтобы умелыми действиями избежать предначертанного удара судьбы. Даже 1630 год, последний для астролога и, согласно гороскопу, бесцветный для Валленштейна, но на самом деле ознаменовавшийся его отставкой и затем новым назначением, не поставишь в упрек астрологу, так как плюс и минус взаимно уничтожаются. Но как быть с 1634 годом, обозначенным, за исключением марта, крайне благоприятно? Как объяснить злодейское убийство властителя Фридриха 25 февраля 1634 года, то есть в период удач и за два дня до наступления чреватого угрозой марта? По меньшей мере странно было бы ожидать полного совпадения по дням и часам, хотя для составления гороскопа важны даже минуты. Имперский главнокомандующий был убит вечером 25 февраля 1634 года, в 10 часов 32 минуты.

Обратимся к оригиналу. Валленштейн встречался с Кеплером инкогнито и, составляя гороскоп, не знал заказчика.

Рассчитав оппозицию Меркурий — Юпитер, он записала «То, что Меркурий находится в точной оппозиции с Юпитером, дает мне основания утверждать, что этот господин очень суверен, что он держит под своей властью множество людей, и не простых, а вооруженных, из-за чего его собственная личность попадает в страшную путаницу и вызывает большое смущение».

Возможно, астроном все-таки догадывался, с какой «личностью» имеет дело?

Но вот какую запись оставил он после повторного расчета:

«В марте 1634 года Сатурн и Юпитер будут находиться в оппозиции с Солнцем, Меркурием и Венерой, создавая какой-то странный крест».

За час и 28 минут до полночи 26 февраля планеты уже приближались к указанной позиции.

В драме Шиллера «Смерть Валленштейна» Кеплер не назван, но его пророчество виртуозно обыграно в сценах, где полководец беседует с домашним астрологом Баптистом Сени:

Сени

Лишь на Венеру посмотреть дозволь мне,
Высочество! Вот поднялась она
И на востоке блещет, словно солнце.

Валленштейн

Да, близится она теперь к земле
И действует со всей своею силой...
...Аспект счастливый! Наконец сошлись
Астральные три силы роковые,
И оба благодатные светила,
Юпитер и Венера, с двух сторон
Стеснили злого пагубного Марса
И лютого врага мне подчиняют...

Сени

И нет вредителя окрест! Сатурн
Стоит бессилён.

Астрологическая картина нарисована безупречно.

Астролог вновь появляется в финале, перед самым убийством.

Сени

Пойдем, взгляни!
Своим глазам поверь! Ужасный знак
Стоит в жилище жизни. Недруг близкий,
Изменник злой таится за лучами
Твоей звезды. — Остерегайся, герцог...

Правда истории, вдохновенная правда искусства, интуитивное — на лезвии бритвы — предчувствие, навеянное неверным светом далеких звезд.

Известно, что при дворе Валленштейна, а он был владельческим сеньором (император Фердинанд подарил ему герцогство Мекленбург, княжество Заган и титул «генерала Океанического и Балтийского морей»!), подвизался лейб-астролог Сени, итальянец из Падуи. Опасаясь, как бы он не предупредил своего господина об угрожающей ему опасности, заговорщики подкупили его, уговорив дать заведомо ложный прогноз.

Астрологи США почти единогласно предсказывали весной 1968 года поражение на президентских выборах Ричарда Никсона и соответственно новый четырехлетний срок Линдона Джонсона, который своим отказом от баллотировки разрушил все прогнозы, как карточный домик.

В опубликованной в 1965 году книжке «Бобби Кеннеди, следующий президент Соединенных Штатов» были напечатаны гороско-

пы обоих братьев — Джона и Роберта. Первый был мертв, и это сходилось с его генитурой, второго еще только ждала пуля убийцы, но звезды об этом почему-то молчали. В таком же разладе с действительностью оказался и гороскоп Жаклин Кеннеди, составленный Золтаном Масоном, где знак Скорпиона, суливший постоянство «эмоциональных привязанностей», обернулся скоропалительным браком с судовладельцем Оносисом.

Кеплер знал истинную цену астрологии, занимаясь составлением гороскопов лишь ради заработка. Иное дело — Кардано, тяжело переживший преждевременную смерть Эдуарда VI Английского, ко-му он посулил 55 лет спокойной, если такое возможно для короля, жизни. Кардано прослыл еретиком, что, конечно, неудивительно при его специальности. Но, в отличие от других астрологов, он дал для того достаточный повод, осмелившись составить гороскоп Христа.

Говорили, что ученый покончил с собой в тот день, который был отмечен траурным крестиком на гороскопе, составленном им для самого себя. Жесткий случай организованного прогноза.

Трагедии, забавные эскапады, очевидные глупости и авантюры — чего только не отыщешь в астрологической копилке.

Наши доморощенные «халдеи», ловя Фортуна за шлейф, составили (для журнала «Наука и религия»!) генитuru Сталина, где скрупулезно расписали по звездам пороки и аномалии «корифея всех наук». Прелесть не в изначальной бессмысленности предприятия, но в нежданном пассаже. Недавно выяснилось, что вождь по неведомым причинам утаил от народа и партии истинную дату своего рождения: разница в год, да и месяц не тот. Остается подогнать под знакомый до боли портрет другие звезды и новые асценденции.

Наглое шарлатанство постоянно следует рука об руку с тайными науками. Предостаточно прохиндеев и в областях знания вполне уважаемых. Тем не менее, стремясь к объективности, нельзя закрыть глаза на очевидную несогласованность гороскопных вычислений, сделанных немногими профессиональными астрологами, владеющими тайнами своего древнего искусства.

«Договориться между собой могут те из них, кто опирается на одну и ту же систему, да и то не всегда, — справедливо заметил Зденек Рейдак в предисловии к книге С. А. Вронского «Астрология: суеверие или наука?» — Что учитывает астролог? Положение Солнца, Луны, других планет, двенадцать созвездий зодиака, двенадцать астрологических «домов», Асцендент, Десцендент, приблизительно десять пространственных параметров («углов») и множество других элементов. Взаимная их комбинация — это миллиарды комбинаций, некоторые будут иметь приблизительно одинаковое значение; другие смогут играть только подчиненную роль. Только вот как определить, что в нашей жизни играет главную, а что — подчиненную роль?.. И не является ли главной предпосылкой для оптимальной интерпретации гороскопа способность

человека к ясновидению, получающая импульс от некоторых данных гороскопа? Или лицо с сильно развитыми ясновидческими способностями просто является потенциальным и бессознательным астрологом, «считывающим со звезд»? Может быть, истина где-то посередине, между обоими этими способами предвидения?»

«Наша жизнь во многом детерминирована — это бесспорный факт, — развивает свою мысль доктор Рейдак. — То, что мы появились на свет у определенных родителей, с определенной наследственностью, в определенной стране, среде, в определенный день, — уже это программирует наше будущее развитие».

Весь вопрос — какое место в этом программировании занимают светила. Бесспорно, что все в известной мере действительно связано со всем. Живая и неживая природа равно подвержены воздействию космических ритмов. Влияние той же Луны на биологические объекты, не так уж давно напрочь отрицаемое, ныне стало общепризнанным фактом.

Царица вод! Любовница волны!
Изгнанница в опаловой короне,
Цветок цветков! Небесный образ Йони!
Твоим рождением женщины больны..
Но не любить тебя мы не вольны.
Стада медуз томятся в мутном лоне,
И океана пенистые кони
Бегут к земле и лижут валуны.
И глубиной таинственных изливов
Качания приливов и отливов
Внутри меня тобой повторены.

Максимилиан Волошин. Lunaria

В переводе с санскрита йони — женские гениталии, но Йони с большой буквы — это еще и богиня, супруга Шивы, чей наглядный символ можно встретить в любом индуистском храме. Словом, зависимость женского цикла от лунных фаз была известна с незапамятных времен.

Казалось бы, еще более очевидно императивное воздействие Солнца на все живое и на нас самих, включая сюда не только физическое, но и духовное, и социальное бытие, однако и эта основополагающая аксиома, вызревшая в лоне древнейших цивилизаций, лишь в наше время, да и то с трудом, обрела признание. Этим мы в первую очередь обязаны самоотверженному труду Александра Чижевского.

«Если в самом деле на человека накладывают свой отпечаток космические силы, то следовало бы сделать допущение, что в одно и то же время в самых различных участках земного шара среднее направление тех или иных явлений будет приблизительно одним и тем же (заболеваемость, смертность, нервно-психическая возбудимость и т. д.).

В 1915 году я впервые поставил вопрос и стал его изучать... Статистические исследования с несомненностью показали, что в те

годы, в те месяцы, в те недели, когда электромагнитная и радиоактивная деятельность Солнца увеличивается, на Земле, на разных ее материках, в разных странах, увеличивается также число массовых феноменов, например, заболевания, смертность от многих причин и многое другое¹. Обнаруживаются замечательные соответствия между солнечными и земными феноменами».

А Л Чижевский. Земное эхо солнечных бурь

Сквозь призму статистических данных, охватывающих пространство и время истории, Чижевский прозревал исходящие из космоса могучие взаимодействующие силы, «невидимые узлы», связывающие Солнце, Луну, планеты и звезды с нашей Землей.

«В то же время мы знаем, что периодическая деятельность Солнца — процесс не вполне самостоятельный. Есть веские основания думать, что он находится в определенной зависимости от размещения планет Солнечной системы в пространстве, от их констелляций по отношению друг к другу и к Солнцу. Уже много лет назад астрономы предположили, что Солнце представляет собой тончайший инструмент, который учитывает все влияния планет соответственными изменениями. Таким образом, и земные явления, зависящие от периодической деятельности Солнца, стоят, так сказать, под контролем планет, которые могут быть во много раз более удалены от нас, чем Солнце. Исследования, произведенные с целью выяснения влияния планет на деятельность Солнца, дали вполне положительные результаты: в периодах солнечной активности обнаруживаются периоды планетных движений.

Но и это еще не предел возможных догадок. Вся Солнечная система является частью системы звезд нашей звездной галактики. Быть может, и эруптивная деятельность на Солнце, и биологические явления на Земле суть соффектны одной общей причине — великой электромагнитной жизни Вселенной. Эта жизнь имеет свой пульс, свои периоды и ритмы. Наука будущего должна будет решить вопрос, где зарождаются и откуда исходят эти ритмы».

Возможно, наука будущего и ответит на этот, быть может важнейший, вопрос. На мой взгляд, ритм вселенского пульса был детерминирован начальным моментом Большого взрыва, как детерминирована, если верить астрологии, судьба любого из нас констелляциями светил. Провидческие догадки Чижевского, верны они или нет, позволяют включить отправные постулаты астрологии, прежде необъяснимые с рациональных позиций, в общую картину мира. Более глубокий смысл обретает само понятие «Солнечная система». И мы, колеблемый ветрами, слабый «мыслящий тростник», подвластен ее могучим ритмам.

---

¹ Под этим «другим» надо понимать и войны, и крупные общественные потрясения, пусковым моментом которых тоже могла стать повышенная «нервно-психическая возбудимость»

Бомбардировка Юпитера осколками кометы Шумейкера-Леви не могла не отразиться на Солнце, а следовательно, и на всем, что живет на Земле. В романе «Сны фараона» я попытался набросать панораму грядущих последствий: всплеск тектонической активности и прочие природные катаклизмы, резкое увеличение количества аварий и катастроф, всплеск социальной напряженности и психических отклонений. К сожалению, все так и происходит.

О, если такова наука звезд,
Я с радостью в нее готова верить
Прекрасная, возвышенная мысль —
Что там, в неизмеримой высоте,
Венок любви, сияющий звездами,
Сплетается над нами в час рожденья

Фридрих Шиллер Пикколомини

Такова «наука звезд» или нет, но никто не сплетает для нас венков — ни свадебных, ни надгробных.

КОРОЛЕВСКОЕ ИСКУССТВО

Единица становится Двумя,
Двое — Тремя,
А из Третьего выйдет Единое как Четвертое

Мария Профетисса

Алхимия была его уделом,
Всю жизнь из меди золото он делал
Ввиду столь уважительной причины
Он похоронен здесь за счет общины

Франсиско Мартинес де ла Роса

Марии Профетиссе («Пророчице»), или Марии Египетской (III век) приписывается авторство ряда алхимических текстов.

Единое — это первоматерия, первоначальный хаос, через тьму которого предстоит адепту-алхимику пройти путь к свету, к духу — к философскому камню. Философский камень — магическое сердце алхимии, соединившей в себе практические приемы многих ремесел. Красный лев, магистериум, великий эликсир, панацея жизни, красная тинктура и прочие титулы, коими нарекли магическую субстанцию в темных алхимических манускриптах, — нечто большее, чем абсолютный катализатор. Ему приписывались чудесные свойства, сравнимые разве что с проявлением божественной мощи. Он был призван не только облагораживать или «излечивать» металлы — эманации планетных начал, но и служить универсальным лекарством. Его раствор, разведенный до концентрации так называемого «золотого напитка», обеспечивал излечение всех хворей, полное омоложение и продление жизни на любой срок. Каждый, таким образом, мог обрести желанное долголетие, оживить мертвеца, проникнуть в сокровенные тайны природы. Для этого нужно было лишь завладеть магистериумом. Самого же алхимика, сподобившегося сотворить подобное чудо, волшебные превращения ожидали уже в самом процессе «Великого деяния». Окончательное созревание «философского яйца» должно было ознаменоваться божественным преображением плоти и духа адепта-ремесленника. Вот почему сотворение магистериума полагалось созвучным акции демиурга. Что перед таким могуществом все злато мира? Пустяк, жалкая мишура... «Наше золото — не есть золото толпы».

Другое алхимическое сокровище — белый лев, или малый магистериум, призванное облагораживать металлы до стадии серебра, явно бледнело, как Луна при свете Солнца, перед мощью истинного философского камня. То же можно сказать и об «алкагесте» — всеобщем растворителе, столь упорно искомом алхимиками. Великие мастера, преследовавшие заведомо недостижимую цель, почему-то не утруждали себя заботой о том, как сохранить подобное вещество, в каком сосуде.

К сожалению, благодаря усилиям римского императора Диоклетиана, повелевшего, как уже говорилось, сжечь все египетские папирусы, где говорилось об искусстве златоделия, истоки алхимии скрыты во мгле. Причудливое растение — роза на стебле чертополоха, отрезано от корней. Позднейшие средневековые легенды, связывающие алхимию с царем Соломоном или даже Моисеем, ничуть не просветляют дымовой завесы, в которую костры изуверов обратили бесценное прошлое человечества. Мы даже не знаем происхождения самого слова «химия» — арабская приставка «ал» не в счет — и точного его перевода.

Одни связывают название древней и всегда современной науки с термином *chimēia* — наливание, настаивание, другие с именем *Khem* (*Khame*, *chemi*), означающем «Черную землю» — Египет, где зародилось сокровенное искусство рудознания и металлургии. Для решения любопытной лингвистической загадки привлекают и латинское *humus* — почва, земля, и созвучные греческие слова: *хюмос* — сок, *хюма* — литье, *хюмевсис* — смешивание.

Как ни странно, но во всей этой разноплеменной многоголосице смутно угадывается изначальная суть. Здесь и скупое мерцание рудных жил в узкой штольне, и жар бьющей из летки струи расплавленного металла, и покачивающиеся на весовой чашке крупинки, и густеющий в реторте сок сонных трав, и блеск амальгам, и горечь ядов, и аромат эссенций...

В подобном перечислении есть своя магия, и его соблазнительно длить, вскрывая во тьме иноязычных речей все новые метафорические грани. Однако в беспредельной, как звездная ночь, алхимической сфере нас интересует не химическая начинка, но магическая, планетная суть и, как следствие, — златоделие, чудеса философского камня.

Это несколько облегчает задачу. В эзотерическом плане алхимия начинается с вещей нам уже известных — трактатов Гермеса, с гностической символики Александрии. Она выступает как часть астрологии, как разновидность «астроминералогии», «астроботаники» и как самостоятельный раздел магии. Поэтому столь многое покажется знакомым в алхимической практике. В том числе и привычка самих адептов укрываться за громкими псевдонимами, наивная и чем-то родственная мании величия одновременно.

Первым здесь следует назвать Демокрита, точнее — лже-Демокрита, чей манускрипт «Физика и мистика» положил начало длинному списку зашифрованных, изобилующих яркими метафорами текстов, толкующих об искусстве магических трансмутаций. За ним последовали столь же темные и не поддающиеся разгадке сочинения лже-Платона и лже-Пифагора, где за разноцветным колдованием драконов и львов мерещится театрализованная христианско-языческая мистерия, где приносит себя в жертву умирающее и воскрешающее затем божество. Соблазняя тайной вечного круговорота, библейский змей ласкает раздвоенным жалом горький плод познания, а гностический ящер, заглотав собст-

венный хвост, открывает пути в первобытную бездну. Этот сошедший с магических фресок змей «Книги мертвых» Египта станет излюбленным символом первых алхимиков. Вскоре к нему прибавятся танцующая в огне саламандра и отверстое в мир подсурьменное око.

Несколько видоизмененный египетский иероглиф, изображающий глаз человека, обретает новое существование и среди каббалистических знаков. На личной печати Агриколы он выгравирован вместе с магическим именем Аранта. Другое заклинание, поминающее древнейшего сирийского бога Абраксакса, вырезано на гностической гемме, прославляющей владыку Вселенной.

Атрибут верховной власти — сноп молний — одинаков у олимпийцев, шумеро-вавилонских, древнеиндийских богов. Одинакова и трактовка змея, причастного к сотворению мира и вовлечению в божественный хоровод стихий, главенство над которыми разделяют с Исидой Соломон и Гермес Трисмегист. Такая алхимическая троица изображена Бернардино ди Бетто (XV век) в ватиканских апартаментах Борджиа, в келье святых. Сочетав библейского медного змея с рептилиями Гермесова кадуцея, алхимические таинства включили в свою причудливую эмблематику запаянного в реторту Меркурия и гомункулуса, замкнутого в яйцо философов, божественного Гермафродита и отверстую могилу с адамовой головой на дне. Подобно Богу, принесшему себя в жертву, человеку надлежало пройти через смерть и тьму, чтобы вновь возродиться для света. Превращение, которое претерпевала божественная плоть, как бы повторялось в малых кругах, где, подобно планетам, обращались ипостаси материи и разума, преобразующего косный вещественный мир.

Демииург микрокосма — алхимик — приносил себя в жертву во имя грядущего воскрешения, подменив эсхатологическую идею личным обрядом посвящения, сопричастным, однако, к эволюции космоса, потому что в недрах запечатанного по всем герметическим правилам сосуда созревало космическое яйцо — Солнце мира, Сердце творца. Внутренняя алхимия даосов.

По мысли Василия Валентина, не только adept, но и беспорочное золото отдает себя огненному круговращению во имя своих тронутых болезнью и скверной планетных собратьев. Оно — как Христос, безвинно идущий на Голгофу во искупление грехов мира. Маг-алхимик на этом крестном пути вещества исполняет две слитых воедино сольных партии: жертвы и палача.

Существует несколько подробных, но не поддающихся однозначному переложению на язык современной химической номенклатуры рецептов Великого деяния. Один из них, приведенный в «Книге двенадцати врат» английского алхимика Джорджа Рипли (XV век), был как будто бы расшифрован знаменитым французским химиком Жаном Батистом Дюма:

«Чтобы приготовить эликсир мудрецов или философский камень, возьми, сын мой, философской ртути и прокаливай, пока она не превратится в зеленого льва. После этого прокаливай сильнее, и она пре-

вратится в красного льва¹. Нагревай еще до кипения, но не кипяти! — этого красного льва на песчаной бане с кислым виноградным спиртом, выпари жидкость, и ртуть превратится в камедообразное вещество, которое можно резать ножом. Положи его в обмазанную глиной реторту и не спеша дистиллируй. Собери отдельно жидкости различной природы, которые появятся при этом. Ты получишь безвкусную флегму, спирт и красные капли. Киммерийские тени покроют реторту своим темным покрывалом, и ты найдешь внутри нее истинного дракона, потому что он пожирает свой хвост».

Можно по-разному относиться к этому пронизанному грозной поэзией тексту. Одни видели в нем лишенные смысла колдовские заклинания. Другие — нарочито затемненную тайну, манящую призраком невиданного могущества. Записанный же химическими формулами, — отождествив «философскую ртуть» со свинцом, Дюма получил адекватную систему преобразований, — он рисует тривиальный процесс, в котором участвуют свинцовые соли и окислы. Последнее подходит для раскрытия секретов древних мастеров, но бесполезно для постижения алхимической сути.

Химические соединения, сколь бы ценны они не были, всего лишь вещества, лишенная духа материя. Они не причастны к чудесным свойствам магистерiums и сами напрочь лишены чудесного ореола. Ясность не только обесцвечивает поэтический блеск алхимических текстов, но убивает на корню саму алхимическую идею. И все потому, что алхимия — это не только «предхимия», но еще и волшебство, которое не поддается абстрактному моделированию. Двойственное прочтение характеризует и скрывающую подробности Великого деяния зашифрованность. С одной стороны, это жреческая, не терпящая постороннего глаза скрытность, с другой — обычный цеховой секрет, пресловутая «тайна фирмы». Есть, наконец, и третий аспект, сугубо человеческий. Иногда исключительно трогательный, он может рассчитывать на полное понимание потомков. Алхимикам не позавидовать. Пусть среди них было немало заведомых обманщиков, но ведь и сильные мира сего гнали их, как красного зверя!

Иоганн Фридрих Бетгер, саксонец из Шлейца, пытался изготовить тинктуру или даже получил ее, как говорили, из рук какого-то авантюриста, называвшего себя Ласкарисом, митрополитом греческого монастыря в Митилене. Король Пруссии Фридрих I пытался похитить Бетгера и заставить его работать на себя, разумеется, за решеткой. В последний момент алхимику удалось обмануть ищущек. Он бежал в Саксонию, где обрел приют у курфюрста и короля Польского Августа II Сильного (1670—1733). Прусский посол потребовал его немедленной выдачи, но мот и ловелас Август и сам нуждался в золоте и велел срочно переправить кудесника в

¹ Несмотря на убедительную расшифровку Дюма, видящего здесь свинцовый сурик, упоминание «красного льва», являющегося одним из многих синонимов философского камня, вызывает законное недоумение. Суть в том, что у алхимиков не было единой номенклатуры, и совершенно различным веществам они зачастую давали одинаковые названия

Дрезден. Там его встретили с распростертыми объятиями такие персоны, как канцлер Бейхлинг и князь Фюрстенберг, наперсник короля в любовных забавах. Оба вельможи слепо верили в возможность получения золота из свинца. Содержание домашних лабораторий обходилось им в кругленькую сумму. Охота на адептов, якобы владеющих волшебным секретом, была в самом разгаре. Бедного Бетгера обласкали, засыпали подарками и посулами, однако посадили под замок. Условия были приличные: парикмахер, повар, стеклодувы, лаборанты, но неволя остается неволей. Она отчасти окрашивалась дозволением принимать у себя дам. Меркурий — ртуть и прочие необходимые ингредиенты поступали в неограниченных количествах, а выход был нулевой. Из роскошного дворца Фюрстенберга алхимика перевели в замок Куфштейн — государственную тюрьму, где он едва не повредился в рассудке. Пришлось возвратиться назад. Бетгер поправил здоровье, вошел во вкус и от нечего делать — в тинктуре он окончательно разочаровался — начал экспериментировать с цветной керамикой. По вечерам он давал обеды и даже балы, что обошлось казне в сорок тысяч талеров. Секрет китайского фарфора он открыл совершенно случайно, обратив внимание на белую пудру, которой парикмахер заботливо обсыпал его парик. Выяснилось, что это всего-навсего глина, взятая из близлежащего карьера.

— Ради бога, делай для меня фарфор, а золото обождет! — воскликнул король, увидев первую пробу. — За один сервиз с моими гербами я уплатил пятьдесят тысяч талеров! Пруссак ободрал меня, взяв за несколько ваз роту солдат, а ты умеешь делать фарфор и молчишь!

Свободы изобретатель так и не дождался. И это в XVIII веке! Что же говорить о нравах средневековых властителей?

Вольно или невольно, но голубые мечи — марка мейсенской мануфактуры — напоминают о судьбе узника. Скрещенное оружие — знак запрета.

Альберт Больштедский (1193—1280), снискавший титул «великого в магии, еще более великого в философии и величайшего в теологии», недаром умолял собратьев быть скрытными: «...прошу тебя и заклинаю тебя именем творца всего сущего утаить эту книгу от невежд. Тебе открою тайну, но от прочих я утаю эту тайну тайн, ибо наше благородное искусство может стать предметом и источником зависти. Глупцы глядят заискивающе и вместе с тем надменно на наше Великое деяние, потому что им самим недоступно. Они поэтому полагают, что оно возможно. Снедаемые завистью к делателям сего, они считают тружеников нашего искусства фальшивомонетчиками. Никому не открывая секретов твоей работы! Остерегайся посторонних! Дважды говорю тебе, будь осмотрительным...»

Это не мрачное предостережение посвященного в высшие тайнства мага и уж тем паче не ревностная забота мастера, стремящегося оградить от конкурентов источник дохода, но крик души. Провин-

циал Ордена доминиканцев и глава схоластической школы, почитаемый чуть ли не за святого, избежал преследований только благодаря высокому сану. Впрочем, и время было довольно-таки либеральное. Настоящая охота за ведьмами начнется спустя два столетия.

Легенда повествует, что, принимая в Кельне под Рождество 1242 года короля Вильгельма, Альберт с помощью чар вырастил благоухающий сад, где среди усыпанных плодами диковинных деревьев щебетали райские птицы. Когда же пришла пора звать гостей к столу, он постучал в окно, откуда, как из рога изобилия, посыпались всякие яства.

Рабби Лёв и Фауст, когда придет их черед, повторяют замечательный фокус.

О строгом сохранении тайны предупреждали и другие выдающиеся мастера трансмутаций, Арнольдо из Виллановы (около 1235—1313), Николай Фламель (1330—1417?) и даже Парацельс (1493—1541), презревший златоделание ради лекарственной ятрохимии¹, оказавшейся на поверку все той же алхимией, но с «астроботаническим» уклоном. Знаменитый естествоиспытатель и врач Парацельс уподобил человеческий организм реторте, в которой протекают сложные химические превращения. «Ятрохимик есмь, — говорил он о себе, — ибо равно ведаю химию и врачевание».

Стоя, как и его современник Фауст, одной ногой уже в новом времени, он оставался, однако, в плену магических соответствий, а значит не порывал с алхимией: «Никто не докажет мне, что минералы безжизненны. Ибо их соли, колчеданы и квинтэссенции жизнь человеческую поддерживают. Утверждаю решительно, что металлы и камни наделены жизнью, как и корни, травы и плоды». О его приверженности к средневековым стереотипам мышления свидетельствует и усовершенствованный метод лечения сифилиса парами ртути, просуществовавший вплоть до нашего века. Не подозревая, естественно, о существовании чувствительного к ртути возбудителя, Парацельс исходил из астрологического формализма: оппозиции Венеры Меркурию, а следовательно, противостоянию недуга на почве любви эманации божественного посланца.

Логические следствия, вытекающие из заведомо ложных посылок, иногда бьют точно в цель. Широко применявшийся в начале века сальварсан, как известно, содержит ртуть. Но это случайное попадание. Прописывая, из тех же соображений, страдающим мигренью пациентам серебро — металл Луны, управляющей мозгом, Парацельс не достигал успеха. Не снимали боли и золотые пилюли противоположного по природе и воздействию на организм Солнца.

В философском отношении ятрохимик Парацельс недалеко ушел от астрологических воззрений Птолемея, о которых мы можем судить по обильным цитатам в алхимических сочинениях арабов.

«...Солнце вследствие своей природы производит действие теплоты, в меньшей степени также сухости... Луна имеет влажное

¹ Ятрос (*греч.*) — врач

действие, потому что она ближе всего к Земле, из которой поднимаются влажные пары. Таким образом, она размягчает вещи, подверженные ее влиянию, и способствует их гниению».

«Доктор обеих медицины» — терапевтики и хирургии, Парацельс не только руководствовался принятой шкалой сухости и влажности, но даже в учении о сигнатурах, или «знаках природы», руководствовался первобытными магическими верованиями о соответствии внешнего вида лекарства его воздействию на организм.

Крылатой мыслью Парацельса, хоть он и надиктовывал ученикам «словно по подсказке сатаны» с беглостью чрезвычайной, владела изнуренная тяжким наследием и тоскующая в ожидании обновления эпоха.

После того как последние философы афинской школы были изгнаны византийским императором Юстинианом, воцарились, по выражению одного летописца, тьма и молчание. Казалось, что факел, зажженный греческими мыслителями, погас. Но эстафету знания подхватили арабские ученые, которые безоговорочно приняли философию Аристотеля. Математика, астрономия, медицина пышно расцветали при дворах халифов. Но основ мироздания арабские мудрецы почти не касались, оставаясь в плену аристотелевских представлений, утративших первоначальный творческий и беспокойный дух. Они многого достигли в астрономии, геодезии, оптике. Измерения, сделанные Альгазеном (XI век), до сих пор поражают необыкновенной точностью. Но, несмотря на обширную эмпирическую основу, арабские ученые не выдвинули новых философских концепций строения мира. И даже такой видный ученый, как Аверроэс (Ибн-Рушта), остался в памяти потомков лишь как почитатель и комментатор Аристотеля.

Первый выдающийся химик арабов Абу-Муза-Джабир, или Гебер, как его принято называть, жил в Севилье около 800 года. Вплоть до XV века Гебер, за мудрость прозванный «аль-Суфи», оставался высшим авторитетом среди арабских и европейских ученых. Это был Аристотель алхимии. Недаром Роджер Бэкон называл его Магистром Магистров.

Греческие ученые, а вслед за ними и ранние алхимики Зосима, Африкан, Синезий, Олимпиодор почти не занимались практической химией. Гебер же не только поражал знаниями в этой области, но и предпринял попытку дать первую химическую теорию.

Считая, что металлы состоят из больших или меньших количеств ртути и серы, он подразумевал не конкретные вещества, а некие чистые элементы, от которых зависели не только свойства, но и сама природа металла. Основополагающие труды Гебера оказали колоссальное влияние на Альберта Великого и Роджера Бэкона, Арнольдо из Виллановы и Раймунда Луллия (около 1235—1315) — поэта, философа, миссионера-францисканца, которому приписывают добрую сотню алхимических сочинений. На свою беду, он похвалялся, что обладает магистерством, посредством которого мог бы обратиться в золото весь океан, если бы тот состоял из ртути. Луллий провозг-

лашает Солнце отцом всех металлов, Луну — их матерью, хотя она и получает свой свет от Солнца. От этих двух планет зависит состав магистериума. Они выступают в двух ипостасях: как сера и ртуть — алхимические начала, и как золото и серебро — предельные состояния совершенствования металлов.

Заточенный королем Эдуардом II (1284—1327) в Лондонский донжон — страшную тюремную башню, Раймунд Луллий в глубочайшей тайне чеканит розенобли из алхимического золота. Волшебная сказка получает своеобразное отражение в эпитафии на надгробном камне ученого, захороненного на острове Майорка:

«Раймунд Луллий, благочестивые убеждения коего не были никому ненавистны, лежит здесь в дивном мраморе. С тысяча триста пятнадцатого года начал быть без чувств».

Следовательно, спит и может в любой момент восстать, ибо, совершив Великое деяние, обрел сверхчеловеческую, божественную природу!

Легенда легендой, а в тюрьмах пришлось посидеть.

Тяжелее сложилась судьба Роджера Бэкона (1214—1292).

Он родился в старинном рыцарском замке Илчестер, в графстве Сомерсет. С раннего детства познал нужду, которая сопровождала его в течение всей жизни. Поступив в Оксфордский университет, он в совершенстве овладевает латынью, французским, итальянским, немецким, читает в подлинниках книги греческих и арабских авторов, овладевает математикой. Увлечение алхимией, которой он останется верен до конца, подводит его к решению заняться экспериментальной работой.

«Мы верим в авторитеты, но не через авторитет понимаем. Умение производить опыты выше всех умозрительных знаний и искусств. И эта важная наука есть царица всех наук».

По сути, это кредо. Оно легло в основу его выдающегося труда «Зерцало алхимии», которому суждено было стать фундаментом научной химии.

Покинув Англию, Бэкон перебирается в Париж, где в неуспынных исканиях проводит целых тринадцать лет. Профессора Сорбонны — знаменитого центра европейской учености — признают его успехи достаточными для присвоения степени магистра наук и доктора теологии. Учиться далее негде и нечему, а денег на создание лаборатории нет и не предвидится. Единственный выход — это вступить в братство святого Франциска, где либеральный устав позволяет заниматься естественными науками. Значит, на родину. Чем дальше от Авиньона, тем свободнее дышится. Встреча с папой заронила в душе Бэкона неясные опасения.

Обратный путь из Парижа в Кале показался короче, а вскоре и меловые утесы туманного Альбиона выплыли из тусклой стали зыбей.

Монастырь находился поблизости от Оксфордского университета. Аббат встретил нового члена общины приветливо. Заполучить толкового алхимика было давней его мечтой, тем паче что сам

святой отец покровительствовал философу. Ему выделили самую просторную келью, которая, пока оснащалась лаборатория, обрела все приметы обители ученого: книги, приборы, склянки, коллекции минералов, чучела животных, пучки сухих трав. К намерениям Бэкона найти субстанцию, способную с превеликой скоростью передвигать в любое место экипажи и корабли, настоятель отнесся прохладно, попросив сосредоточить усилия на красной тинктуре. Еще большую настороженность вызвала провозглашенная с оксфордской кафедры критика черной магии.

Трактат Бэкона «О ничтожестве магии» окончательно подтвердил подозрение, что монах-алхимик ни в грош не ставит заклинания духов, магические печати и формулы.

За «еретиком» учредили тайный надзор, дабы вырвать у него тайну металлических превращений в самый момент открытия и схоронить ее навеки в монастыре. Слежка и придирки братьев, завидовавших растущей славе Бэкона, вызвали ответную реакцию. Отношения настолько обострились, что ему сначала запретили заниматься исследованиями, а потом и вовсе заперли в монастырскую темницу.

На выручку пришел новоизбранный папа Климент IV (понтиф. 1265—1268), которому Бэкон посылал копии своих манускриптов. Он перевел ученого обратно в Париж, позаботившись создать более подходящие условия для работы.

Случайная обмолвка Бэкона насчет «золотоподобного вещества», которое ему однажды удалось получить, приковала к нему настороженное внимание князей церкви. В Париже его положение если и облегчилось, то не намного, а когда Климент вскоре скончался, стало и вовсе невыносимым.

Еще были живы люди, создававшие вместе с Франциском Ассизским (1182—1226), поэтом и визионером, орден тружеников, правдолюбцев, презревших мирские блага, но как скоро испортились нравы! Стареющий философ едва находил в себе силы переносить постоянную травлю. Эксперименты с вогнутыми зеркалами и зажигательными стеклами приходилось ставить посреди ночи, когда сыпала обитель. Прямодушный и искренний, он наивно полагал, что стены кельи могут укрыть от недреманного ока.

В 1278 году церковный трибунал приговорил его к десятилетнему заключению. Стойко претерпев неволю, он вышел на свет божий дряхлым стариком. Умереть хотелось на родной земле. Едва удалось наскрести денег на дорогу.

Вольтер однажды обронил хлесткую фразу: «Бэкон — это червонец, застрявший в навозе своего века».

Задолго до Колумба он задумывается о морских путях в Индию: «Восточную Азию от Западной Европы отделяет водное пространство». Церковные догмы насчет плоской и неразделенной океанами Земли его не смущают.

Эффект радуги получает естественное истолкование: солнечные лучи преломляются в каплях дождя.

Исследуя преломление и фокусировку света, он находит простое решение насущной проблемы, которая так взбудоражила современников: в Англию попали очки — чудо Господне или козни дьявола. «Зрение завершается не в глазах, но в нерве», — заключает Бэкон.

Он изучал свойства и применение черного пороха, исследовал магнетизм и ставил многочисленные опыты с магнитами.

Алхимия для Бэкона не магия, но «наука о производстве вещей из элементов и о всех неодушевленных предметах, как об элементах и о простых и сложных жидкостях; об обыкновенных и драгоценных камнях, о мраморах, о золоте и прочих металлах, о серах, солях, купоросах; о лазури, сурике и прочих красках; о маслах и горючих битумах и бесконечно других вещах, о которых в книгах Аристотеля не упоминается».

В трактате «Зерцало алхимии» вновь и вновь утверждается примат опыта в исследовании природы.

Как сын своего времени, Бэкон верил в философский камень, в превращение металлов в золото. Но и эти поиски не прошли без пользы: пытаясь изготовить философский камень, он получил сернистую ртуть (киноварь), соединив ртуть с серой. Он никак не назвал открытое им соединение, но описал его свойства и рассказал, как оно образуется.

В поисках магистериума Бэкон выделил множество неизвестных дотоле соединений. Реакция ртути и серы — основных элементов алхимии — привела к открытию киновари. Впервые полученное в Китае, оно не было известно в Европе, это дитя «химической свадьбы». Грустная ирония заключается в том, что трагедия, вопреки утверждению Маркса, далеко не всегда повторяется как фарс. «Красная ртуть» — мифический жупел наших безумных дней, «стратегический ядерный катализатор», вызвавший настоящую бурю в обществе, — это всего-навсего киноварь, краска.

Предостережение Альберта Великого осталось втуне. Сильные мира сего ожидали от философского камня лишь одного: золота и золотого напитка бессмертия.

Корифеи алхимии, как правило, не ограничивались лабораторными изысканиями. Искатели истины, ученые-энциклопедисты, они внесли неоценимый вклад в построение картины мира.

«Все жаркие зоны населены, — писал Альберт Великий, — и глупым простонародным заблуждением следует признать мнение, что те, ноги которых обращены к нам, должны обязательно упасть... По другую сторону экватора повторяются схожие климаты в нижнем полушарии земли».

Гениальный мыслитель превосходно знал труды греческих философов и математиков, но это ничуть не умаляет его поистине кристально ясной прозорливости. О смелости и говорить не приходится. Учение о шарообразности Земли почиталось опаснейшей ересью не только во времена Альберта, но и много позднее. В 1316 году за это отправили на костер Пьетро ди Абано, а восемь лет спустя Чекко д'Асколи.

Придворный алхимик столь же неперемный персонаж любого двора, как, скажем, шут или камергер, егермейстер или гофмаршал, хотя то тут, то там коронованные особы «запрещают» алхимию. Карл V Французский издал такой ордонанс в 1380 году, Генрих IV Английский — в 1409.

Арнольдо из Виллановы (около 1235—1311) родился в Лангедоке или же в Каталонии. О его жизни известно очень немного. Профессор Барселонского университета, он прославился как самый искусный в Испании врач. В 1285 году его пригласили занять место лейб-медика при арагонском дворе, но даже высокий пост не смог уберечь от церковного отлучения. Обвиненный в заклинании нечистых духов, он долго скитался по миру, пока не обрел убежище в Авиньоне, у папы Климента V (понтиф. 1305—1314), уже знакомого нам по «делу тамплиеров». Понтифик окружил его вниманием и лаской в надежде, что удастся отыскать хотя бы вождеденное лекарство долголетия. Говорили, что Арнольдо удалось открыть секрет в бытность его в Палермо. В 1311 году он отправил папе подробное донесение, был срочно вызван, но на пути к берегам Франции утонул вместе с кораблем.

Климент V разослал по всем епископствам послание, в котором оплакивал смерть замечательного медика, прославляя его ученость и проникательный ум.

Клир воспринял это как частное мнение. Архиепископ, наложивший проклятие, стоял на своем, а новый первосвященник Иоанн XXII (понтиф. 1316—1334) устроил посмертный суд над Арнольдо. Тринадцать его трактатов были расценены как еретические и приговорены к сожжению, благо автор дал достаточно поводов для подобного вердикта.

Даже небольшое сочинение «О печатях», т. е. о пентаклях, амулетах и прочее, дает ясное представление о приверженности алхимика-врача древним магическим догмам.

«...Третья печать есть печать Тельца. Возьми золота или серебра, расплавь его, когда Солнце стоит в знаке Тельца, и приготовь из слава печать; когда ты будешь обрабатывать ее молотом, то ты должен произнести следующие слова: «Величаю Тебя, Господи, мой Бог, мой помощник», далее псалом «Небеса поведают славу и пр.». После этого на одной стороне надо сделать изображение Тельца, а по краям изобразить знак Тельца и слова: Theonel, Set, Paulus. На другой стороне по краям: «Да будет благословенно имя Господа нашего Иисуса Христа» и в середине слова: «On, Joseph, Oytheon». Печать Тельца предохраняет вообще от болезней глаз, от опухолей и всякого рода болезненного расположения к ним, а также от болезней гортани и шеи».

Тут и Христос, и злобный египетский Сет, астрология и алхимия, святые и вавилонские демоны. Подобного амулета вполне достаточно, чтобы поставить под сомнение врачебное искусство Арнольдо из Виллановы и отмахнуться от него как от заведомого

шарлатана. Но не будем забывать, что все мы дети своей эпохи. «С волками жить, по-волчьи выть».

Климент V, проклятый гроссмейстером Моле, недаром восторгался «проницательным» умом своего лейб-медика. Арнольдо был незаурядным врачом и необыкновенно тонким наблюдателем. В одном из его медицинских трактатов сказано, что «для врача прежде всего необходимо, чтобы он умел дать надлежащее направление страстям больного и, воспользовавшись ими, приобрести его доверие и дать надлежащий толчок его воображению, тогда он может всего достигнуть».

Современная психотерапия едва ли способна добавить к этому что-либо существенное. Арнольдо наверняка знал истинную цену своим амулетам.

Впрочем, и Иоанн XXII, осудивший очевидную ересь, тоже все знал и понимал.

Инквизитор Эймерик отмечает в своих анналах (1396 год), что папа собрал алхимиков и природознатцев, дабы вывести у них, основывается ли эта наука на природе. Алхимики ответили утвердительно, природознатцы — отрицательно. В завязавшемся диспуте адепты потерпели фиаско, не найдя достойных доказательств. Тогда святейший отец уподобил золотоделов фальшивомонетчикам и обнародовал буллу против алхимиков следующего содержания:

«Отныне занятия алхимией запрещаются, а те, кто ослушаются, будут наказаны, заплатив в пользу бедных столько, сколько произведено поддельного золота. Если этого будет мало, судья вправе прибавить, объявив их всех преступниками. Если мошенниками окажутся клирики, то их следует лишить бенефициев».

Круто, но вместе с тем остроумно и гуманно: ни котлов с кипящим мылом, ни виселиц, ни костров.

Однако это всего лишь преамбула к весьма темной истории. В 1334 году папа становится богатейшим человеком Европы. Откуда, спрашивается? Одни говорят: сокровища тамплиеров, другие клятвенно уверяют, что золото получено алхимическим способом по рецептам самого великого понтифика, который, оказывается, тайный адепт! Папа-чернокнижник — это, конечно, ужасно, но не удивительно: не он первый, не он последний. Но как же тогда быть с буллой? Ловкий трюк, не более. Для отвода глаз.

По странному совпадению, в то же примерно время Арнольдо из Виллановы тингурует свинец и тоже получает слиток солнечного металла самой высокой пробы. Затем и Фламель (1383 год) добивается замечательного успеха, наладив поточное производство золота и серебра.

Все верно: алхимия не только густо обросла мифами, но изначально повенчана с мифом. Но остаются вопросы, на которые история так и не дала вразумительного ответа.

Каким путем внезапно обогатился Иоанн XXII?

Откуда взялись у Фламеля средства на постройку четырнадцати больниц и четырех церквей?

Иронизируя над собой, алхимики выдумали сентенцию: *obscurum perobscurum* — «Темное (объяснять) через еще более темное».

Перечень великих подвижников «высокого» герметизма замыкает Василий Валентин, монах из Ордена бенедиктинцев, визионер и мистик, живший в первой половине XV века.

По-видимому, все они искренне веровали в магистериум и златоделе. Во всяком случае, сложный символизм и затемненность их текстов не есть «киммерийские тени» для сокрытия заведомого обмана. Занимаясь, причем узко профессионально, историей химии, я много времени посвятил изучению алхимических чертежей и рисунков. На первый взгляд, это мрачные гротески — скелеты, вороны, факелы — полный мистический букет. Вместе с тем некоторые из них весьма легко расшифровать. Это не что иное, как эмблемы химических процессов: перегонки, разложения и т.п. В результате действия огня, к примеру, появляется черный обуглившийся скелет вещества (зола) и птица (летучий газ). Не более чем первоначальная химическая символика. Условный язык для записи протекания тех или иных реакций.

Бэкон о сущности процесса возгонки: «Прогреваемые тела увлекаются духами; поэтому и говорят, что они возгоняются».

Парацельс всем существом своим принадлежал к «птенцам гнезда Альбертова». Но — такова двойственность эпохи — дух его рвался из тесных оков слепой магической веры. Он еще верует в нечистую силу, в магистериум и «живую воду», но златоделею почитает вздором.

Между тем солнце алхимиков-мистификаторов, адептов-фокусников уже поднималось, слепя фальшивой позолотой, над горизонтом.

В музеях Испании, Голландии, Франции я видел медали, якобы отчеканенные из алхимического золота, с пробой «выше, чем у червонцев», а также луидоры, пистолы и гинеи, изготовленные при помощи философского камня.

Император Фердинанд III (1608—1657) с помощью порошка «философского камня, полученного Рихтгаузенем, велит отчеканить такую памятную медаль с Меркурием на аверсе. Это означает, что исходным материалом послужила ртуть. Латинская надпись гласит:

«Чудесное превращение произошло в Праге 16 января 1648 года, в присутствии его величества Фердинанда III».

На реверсе панегирик:

«Как редко искусство это для людей, сколь не часто оно себя проявляет; да будет хвалим во веки Господь, который сообщает часть своего бесконечного могущества нам, своим презреннейшим созданиям».

Это алхимики о себе или о кайзере?

В 1650 году там же, в Праге, изготовлена еще одна медаль в честь «золотого сына свинцового родителя». Исходные материалы все те же: Меркурий и Сатурн — ртуть и свинец.

Между государями идет форменная война за обладание носителями магистериума. Генрих VI Английский (1421—1471) переманивает адептов из Франции, Карл Французский (1403—1461) перекупает ломбардцев, добывших в Англии красную тинктуру. У нас будет случай познакомиться с ним поближе, когда дело дойдет до костров.

«Алхимическое золото» добывалось различными способами. Некто Делиль, уроженец Прованса, обертывал уже готовые золотые медали листовым свинцом, который расплавляется при более низкой температуре, чем золото. Он долго морочил голову герцогу Аквитанскому, пока его не вздернули на площади. Другой трюкач пытался одурачить герцога Вюртембергского, тайно подбросив кусок золота в тигель. Финал тот же: виселица. Гуманнее светских владык обошелся с аферистом папа Лев X (1513—1521). Получив поэму с подробным описанием производства золота, он послал автору пустой мешок для будущих сокровищ.

Было бы грубейшей ошибкой свести всю историю златоделия к примитивному обману. Она насчитывает множество таинственных страниц, где все перемешано в неразличимую массу: самоослепление и поэтическое вдохновение, фанатичная вера и непредсказуемая игра случая, страдание и самопожертвование.

В связи с медалями Фердинанда III был упомянут Рихтгаузен, дерзнувший предстать перед императором, опытным герметистом, с предложением провести пробный опыт. Фердинанд лично провел весь процесс с начала и до конца: тингирование удалось на славу. Рихтгаузен удостоился по такому случаю дворянства и грамоты с титулом фрайхера — барона. Оснований подозревать его в фокусе вроде бы нет никаких. По рассказам новоиспеченного барона, он получил чудодейственный порошок от Лабю-Шардвера, обосновавшегося в замке богемского графа фон Шлика. Старик алхимик отдал последние оставшиеся от опытов крупинки, находясь на смертном одре.

К истинным адептам, совершившим Великое деяние, причисляли и Александра Сетония Космополита (? — 1604). Саксонский курфюрст Христиан II подверг его невыносимым мучениям, но так и не дознался секрета. Алхимика жгли расплавленным свинцом, кололи и резали, вытягивали из него жилы и выворачивали суставы, после чего бросили в каменный погреб, кишасший крысами. Оттуда, не иначе как с помощью чуда, его извлек польский собрат Михаил Сендивогий (1566—1646). Перехитрив погоню, он увез полуживого страдальца к себе в Краков, где тот и скончался, но перед смертью вручил ему остаток тинктуры, умолав о тайне приготовления.

Сендивогий — предтеча Сен-Жермена и Калиостро — по праву принадлежит к тем редким людям, кои причислены к двусмысленной категории таинственных личностей или знаменитых авантюристов. Его встречали чуть ли не во всех европейских столицах, включая Москву времен Смуты. Мы увидим его во владениях воеводы Юрия Мнишека, пригrevшего самозванца Гришку Отрепьева.

Толику Сетониевой красной тинктуры где-то ухитрился получить и совершенно нам не известный Густенховер. Философский камень сыграл с ним злую шутку. Прослышав, что есть такой человек, император Рудольф II (о нем разговор будет особый) заманил его к себе в Прагу. Там Густенховер и сгинул, в подземелье под Далиборской башней Пражского Града.

Вернемся все ж к Сендивогию, завладевшему вдобавок ко всему женой мученика Александра Сетония и его зашифрованными тетрадями.

Совершив триумфальный вояж по немецким курфюршествам, герцогствам и ландграфствам, где еще не забыли доктора Фауста (уж его-то мы не минуем никак), он вызвал фурор алхимическими демонстрациями, а завернув в Прагу, сумел очаровать такого прожженного льва, как только что названный Рудольф II. Поляк получает звание императорского советника и поместье Граворн, отнятое императором у недостойного дворянина, пытавшегося присвоить Сетониеву тинктуру.

К сожалению, запасы ее с каждой пробой уменьшаются подобно шагреновой коже из волшебной повести Бальзака. Особенно чувствительный урон нанес поляку бродячий алхимик Мюлленфельс, похитивший на постоялом дворе заветную склянку. Остались какие-то крохи, прибереженные на черный день.

Он и наступил, когда пришлось доказывать бамбергскому епископу, что он, Михаил Сендивогий, не черный маг, а добрый католик и искусный философ. Весть о том, что вора Мюлленфельса все-таки вздернули, явилась слабым утешением.

Триумфы остались позади. Их вещественным воплощением явилась мраморная доска у ворот великокняжеского дворца то ли в Гессене, то ли в Ангальте: «Пусть попробует кто-нибудь сотворить то, что сделал Сендивогий, поляк».

Сендивогий, поляк, надолго уходит в тень, чтобы вынырнуть жалким фигляром, торгующим «жизненным эликсиром», в Сандомирском воеводстве.

Похожую гастроль по европейским столицам совершил еще один артист (арс — искусство, арс магна — Великое искусство алхимии), известный под псевдонимом Брагадино. Подозревают, что это был грек Мамунья (возможно, опять-таки псевдоним), уроженец Кипра. После длительного путешествия — конечно же, по странам Востока! — он «выплыл» в 1588 году в Италии, выдав себя за сына генерала Венецианской республики Марка Антонио Брагадино.

Подзаработав с помощью простейших фокусов несколько дукатов, Мамунья приобрел необходимые для демонстраций ингредиенты и платье знатного сеньора. Теперь, вновь вспоминаются графы Сен-Жермен и Калиостро, ему можно было сказать графом Мамуньяро.

Перед алхимиком-аристократом гостеприимно распахнулись ворота замков и двери старинных палаццо, украшенных гербами вы-

сокородных семейств. Вкравшись в доверие к маркграфу Мартинего, он продемонстрировал превращение ртути в золото. Нехитрый фокус основан на свойстве ртути образовывать амальгаму, в чем легко убедиться, растерев крохотный шарик на медном пятаке. Чтобы восстановить заранее растворенное в Меркурии Солнце, достаточно горсти раскаленных углей.

В Вене, Праге, Дрездене те же эффектные кунштики, но уже под маской генеральского сына. Трансмутации вещества — трансмутации личности: все согласно тайной доктрине алхимического преосуществления.

Войдя во вкус германского чернокнижья, Мамунья обзавелся двумя страшными псами, черными, словно сажа. Надо ли говорить, что их приняли за дьяволов, служащих на посылах у могучего чародея. Разве Мефистофель не явился Фаусту, обратившись в черного пуделя?

Вот тут-то он и совершил роковую ошибку. На сей раз немцы не стали дожидаться, пока дьявол расправится с некромантом, а взяли это дело в свои руки. В 1590 году он предстал перед судом города Мюнхена как злостный обманщик и фальшивомонетчик. Облаченный в балахон, покрытый сусальным золотом, он закончил свои грешные дни на позолоченной виселице в назидание другим.

«Ночь» средневековья отступила перед лучезарным восходом Нового времени. Рекорды по кострам и плахам взлетели на недостижимый уровень.

Эдвард Келли и Джон Ди — тоже наши клиенты — едва унесли ноги от императора Максимилиана II, найдя выход из убийственной альтернативы петля или золото, воззвав к силам ада. Последнее, впрочем, не совсем достоверно, тогда как судьба алхимички Марии Циглер не оставляет места для недомолвок: герцог Юлий Люксембургский испепелил ее в железной клетке в 1575 году. Вильгельма Кронемана отправил на виселицу маркграф Георг фон Байрет в 1686 году. Уже известный нам Август II Сильный, любитель фарфора, отрубил голову рыцарю Гектору фон Клеттенбергу уже в 1720 году. Парными перечислениями палачей и жертв — коронованных властелинов и замученных ими алхимиков — можно было бы исписать не одну страницу.

Так или иначе, все знаменитые адепты «Королевского искусства» — право, не зря так прозвали алхимию — были мучениками, но не все — трюкачами. По-настоящему распознавать подделки научились в процессе становления химии как точной науки.

Некоторые тонкости были, на потеху людей просвещенных, раскрыты известным французским химиком Э. Ф. Жоффруа, который выступил в 1722 году с разоблачительным докладом в Парижской академии наук. Вот несколько примечательных выдержек из этого документа:

«Конечно, было бы желательно, чтобы искусство обмана оставалось совершенно неизвестным представителям любой профессии. Но

ненасытная жажда наживы побуждает некоторых людей бесчисленными способами применять это искусство на практике. Поэтому благоразумие требует научиться понимать такого рода мошенничества, чтобы уметь защититься от них...

...Главное, к чему стремятся эти жулики, — это показать людям, как на их глазах взятое для опыта минеральное вещество превращается в драгоценный металл. Для этого они используют тигли или капли (чашечки), на дно которых кладут немного золотой или серебряной извести (старинное название окисей), а сверху покрывают их массой, состоящей из смеси порошка истолченных углей с клеем, либо воском. Эта масса застывает и выглядит до поры как настоящее дно тигля или капли.

В других случаях они в куске угля делают углубление, засыпают туда золотой или серебряный порошок и заливают его воском. Или берут деревянную палочку, выдолбленную с одного конца, в углубление всыпают мелкие золотые или серебряные опилки, а потом закрывают отверстие опилками от того же дерева... Когда начинают помешивать такой палочкой расплавленное вещество, она загорается, опилки высыпаются, и спрятанный внутри драгоценный металл попадает в тигель.

С целью обмана нетрудно примешать драгоценные металлы к свинцовой, сурьмяной или ртутной извести. В свинец совсем нетрудно спрятать золотые или серебряные зерна или даже небольшие слитки. Иногда для этого золото предварительно осветляют ртутью и выдают его за олово или серебро. А потом получают золото, якобы в результате превращения.

Необходимо остерегаться всего, что проходит через руки этих мошенников — «философов». Часто царская водка или крепкая водка (смеси кислот), которыми они пользуются, уже содержат золото или серебро. Бумагу, в которую они заворачивают свои материалы, они пропитывают, если им это надо, известиями золота или серебра. Даже карты, которыми они пользуются, могут содержать металлические примеси. Видели стекло, в которое было введено некоторое количество золота, когда расплавленная стеклянная масса еще находилась в печи.

Некоторые «философы» вершат свои обманы с помощью гвоздей, наполовину железных, наполовину золотых, либо серебряных. Людям внушают, что совершается «превращение», когда железный гвоздь окунают в некую таинственную тинктуру. Выглядит это довольно заманчиво... Однако на деле это не более чем фокус. Все эти гвозди, которые так похожи на железные, на самом деле состоят из двух частей, правда, очень аккуратно спаянных и покрытых краской под цвет железа. Только эта краска и исчезает в «таинственной» жидкости... Именно таким, полужелезным и полужолотым, был гвоздь, который некогда видели в кабинете великого герцога Тосканского. Подобные же гвозди, наполовину серебряные, наполовину железные, я демонстрирую сейчас Академии. И точно такой же нож, с золотым концом

лезвия, когда-то был подарен одним предприимчивым монахом английской королеве Елизавете...»

Рассказ о подобных монашеничествах, достаточно изощренных и делающих честь химическим знаниям их инициаторов, не входит в нашу задачу. Тем не менее я хочу привести для сравнения еще одну, не менее характерную цитату, взятую на сей раз из книги нашего современника:

«Мы располагаем многочисленными свидетельствами, доказывающими, что алхимики способны были, а может быть, и теперь способны производить золото, и даже существуют медали, выбитые из алхимического золота... Может быть, следовало бы придать больше значения рассуждениям алхимиков о так называемых вторичных металлах. Так, например, некоторые из них стремились превратить в золото не обычное олово, а «олово с зеленым свечением».

Если предположить, что олово с зеленым свечением — это таллий, который похож на олово и в огне светится зеленым светом, то, может быть, мы будем иметь объяснение этого секрета. Дело в том, что достаточно таллию потерять альфа-частицу, чтобы превратиться в золото... Мне известны крупные компании, которые безуспешно пытались подвергнуть анализу старательно выкраденные образцы, которые предлагались как философский камень, то есть ядерный катализатор, позволяющий производить превращения (трансмутации). Я видел два таких образца, которые выглядели как куски красного стекла. Методы химических и физических анализов дали столь противоречивые результаты, что на их применении не настаивали».

Ж. Бержье Промышленный шпионаж, 1972

До чего же уклончиво и даже стыдливо стал изъясняться со-автор «Утра магов»! Почему, позволительно спросить, не настаивали мифические исследователи мифического «ядерного катализатора» на своих методах? Не лучше ли было сказать прямо, что вся современная наука, столкнувшись с волшебством, потерпела фиаско? Разве нечто подобное не описано у Бальзака в «Шагреневой коже»?

Я привел эту выдержку не для того, чтобы разоблачать заведомый вымысел, слегка подгримированный, в расчете на абсолютно стерильного в вопросах науки читателя, под современность. Я не встречал в алхимических книгах упоминания о «зеленом свечении» олова, хотя, возможно, такое и есть, но ни о таллии, ни об альфа-частицах средневековые алхимики знать никак не могли — это очевидно.

Сравнивая, даже чисто текстологически, доклад Жоффруа и выпад, иначе не назовешь, Бержье, невольно приходишь к печальным размышлениям о том, куда может завести человеческий разум беззастенчивый обскурантизм. Дистанция в 250 лет достаточно наглядна, чтобы отпала надобность в более крепких эпитетах.

Говоря о своих современниках, Себастьян Брант (ок. 1458—1521) не очень стеснялся в выражениях:

Алхимия примером служит
Тому, как плутни с дурью дружат...
Вот этой, мол, наукой ложной
И золото в ретортах можно
Искусственным путем добыть, —
Лишь надо терпеливым быть.
О, сколь неумные лгуны —
Их трюки сразу же видны! —
Кто честно и безбедно жили,
Все достояние вложили
В дурацкие реторты, в тигли,
А проку так и не достигли.

Автору прославленного «Корабля дураков» мудрено было догадаться о том, что «неумные лгуны» знали, оказывается, об олове с «зеленым свечением», «ядерном» (!) катализаторе и прочих мудреных штуках. Темны пучины моря житейского, и переменчивы его ветры, несущие из века в век непотопляемые суда.

Сходство алхимических рецептов с «варевом ведьм» очевидно. В гротесковой форме это великолепно продемонстрировано в «Макбете» Уильяма Шекспира:

Трижды пестрый кот мяукнул.
Раз и трижды ежик всхлипнул.
Крикнул черт: «Пора! пора!»
Вкруг котла начнем плясать.
Злую тварь в него бросать.
Первым — жабы мерзкий зев,
Что, во сне оцепенев,
Средь кладбищенских камней,
Яд скопляла тридцать дней...
И змеи болотной плоть
Надо сжечь и размолоть,
Лягвы зад, червяги персть,
Пса язык и мыши шерсть.

Я бы не спешил улыбаться. В любой китайской аптеке можно приобрести лекарства — притом отлично действующие! — изготовленные по очень похожим прописям. Тибетские медики тоже широко используют пепел всяческих тварей, яд змей и слизь жаб. Но я о другом.

Хотя вокруг личности Шекспира все еще кипят жаркие споры, есть сведения, что король Англии и Шотландии Яков I (1566—1625), чернокнижник и демонолог, встречался с величайшим из гениев и попенял ему за ошибку в изображении ведьм:

— У шотландских ведьм бороды не бывает, и поют они у вас не так, как следует. Как выяснено на процессах, ведьмы читают на шабаше задом наперед «Отче наш».

Видно, большой знаток был. Даже трактат «О демонах» составил.

ЗЛАТО-РОЗОВЫЙ КРЕСТ

Привет, могучий властелин! Привет,
Мудрец! Я здесь готов служить тебе
Лететь иль плыть, кидаться в пламя, мчаться
На облаке кудрявом. Повели,
И Ариель — весь твой!

Шекспир Буря

Известный каббалист Задехиас, живший во время царствования Пипина, вознамерился убедить общество, что стихии населены существами, о которых я вам говорил, описывая их свойства. Опыт, им придуманный, заключался в том, чтобы сильфы сделались видимыми в воздухе.

Граф Габалис

Все семеро неизвестных собрались в 1610 году в Париже. Говорили, что были они невидимы и жили на земле не один человеческий век, следя с высот своей мудрости за ничтожными страстями и великими муками людскими. Они принесли с собой семь книг, в которых содержалось сокровенное знание, дающее власть над живой и мертвой натурой и душами людей, а в последней книге были сведены воедино законы, по которым живут и разрушаются государства. Каждый неизвестный владел одной только книгой, которую пополнял и совершенствовал всю свою долгую жизнь. И если кто-то из них, устав от хрупкой оболочки, подвижнической мудрости и блужданий по дорогам земли, хотел успокоиться, то созывал остальных. Неподвластные времени и расстояниям, не ведая ни голода, ни жажды, они тут же спешили на печальный зов собрата, чтобы отпустить его на вечный покой. Но прежде они должны были познакомиться с тем, кого уходящий избрал своим преемником. И если кандидат казался достойным, допускали его к великому посвящению, пройдя которое, он получал книгу и магическое кольцо. Оно давало власть над миром бесчисленных духов, могло притягивать жемчуг и драгоценные камни.

И вот отцы основатели тайно встретились, чтобы увидеть того, кому отныне суждено было, обретя волшебные свойства, множество лет владеть третьей книгой, повествующей о трансмутациях элементов...

Им предстояло сделать особенно ответственный выбор, ибо сокровенное знание третьей книги, похищенное тысячу лет назад, частично было разглашено алхимиками.

«Венец поэтического блеска окружает орден розенкрейцеров, — не скрывая восхищения, отмечал обычно сдержанный Гекерторн в книге «Тайные общества всех веков и всех стран». — Магический свет фантазии играет около их грациозных грез, а таинственность, которою они облекли себя, придает лишнее очарование их истории.

Но их блеск напоминает метеор. Он только мелькнул в областях воображения и разума и исчез навсегда, оставив, однако, после себя постоянные и пленительные следы...»

Не знаю, как насчет «грациозных грез», но таинственности, поэтической фантазии и мишурного блеска было действительно предостаточно. Розенкрейцерская легенда проливает свет на устав ордена, напоминающего секретную организацию иезуитов. И здесь, и там мистический покров тайны, долгое наблюдение за кандидатом, которого предполагалось вовлечь во внутренний круг, и как итог — представление неопита руководителям братства. Несмотря на отсутствие надежных исторических источников, такая аналогия представляется вполне правомерной, потому что розенкрейцерство, противопоставившее себя «Обществу Иисуса», неизбежно должно было перенять эффективные методы могущественного соперника.

Поднимая забрало, розенкрейцеры помышляли более о славе ордена, нежели о серьезном единоростве. Ведь пока орден Розы и Креста пребывал где-то в областях «воображения» и «грациозных грез», «Общество Иисуса» уже во весь голос заявило о себе как о влиятельнейшей политической силе. Иезуиты, всю атаковавшие троны, скорее всего, на первых порах даже не подозревали о горстке конспираторов, вознамерившихся овладеть миром. К «вящей славе Господней» братство Лойолы резало королей. Достаточно напомнить в этой связи о Генрихе III, убитом фанатиком Клеманом, и наследовавшем ему Генрихе IV, который тоже погиб от ножа, вложенного иезуитами в руку такого же религиозного безумца Равальяка. Лишь в следующем столетии, когда с притязаниями на власть выступит масонство, поглотившее, кстати сказать, розенкрейцеров, обозначится подлинное соперничество.

И еще одно рациональное зерно нам удастся извлечь из мифа «О семи неизвестных», сотканного совместными усилиями масонов и поэтов-окультистов вроде Станисласа де Гуайта. Сетую о «частично разглашенной» алхимиками премудрости, розенкрейцеры лишний раз обнаруживают свое несомненное эпигонство.

Они появились на свет, когда с эзотерической алхимией, в сущности, было покончено. Подлинные ученые, отряхнув мистическую паутину, целиком посвятили себя исследованию природы, а мистификаторы-златоделы пополнили ряды фальшивомонетчиков. Эзотерическая тайна оказалась, таким образом, бесхозным наследством. «Красные львы», пожирающие себя драконы и скрытая «киммерийскими тенями» золотая вода бессмертия покидали авансцену под ностальгические вздохи эстетов. Что там ни говори, но действительно жаль было «того огня, что просиял над целым мирозданием и в ночь идет, и плачет, уходя». Как удивительно подходят эти строки Фета к алхимии! Вспыхнув «беззаконной кометой» над мирозданием, она навсегда улетала в тот самый вековечный мрак, который тщила, но так и не смогла осветить.

Но ничто, повторяю, или почти ничто не исчезает из памяти человечества бесследно. Старые одежды не выбрасываются, их перелицовывают и подновляют. Авось стодитя, на худой конец, для карнавала. Розенкрейцерство, одарившее литературу многих европейских стран очаровательным вымыслом, уподобилось такому алхимическому заупокойному карнавалу.

Образ зияющей кладбищенской ямы с Адамовой головой был аккуратно перенесен на уютный масонский коврик. Символ божественного возрождения обернулся слегка шокирующим посвятельным фарсом.

Отдавая себе отчет в том, что глобальные цели алхимии оказались окончательно дискредитированными, розенкрейцеры поспешили откреститься от прашуров, чье эмблематическое наследство так ловко прибрали к рукам. Да, соглашались авторы розенкрейцерских манифестов, искатели философского камня впали в низкое заблуждение, алкая временных выгод, копаясь в прахе земном, но зато они, истинные адепты Розы и Креста одухотворили, очистили первоначальную алхимическую идею, придав химерическим поискам «магистерииума» возвышенную, а не узкомеркантильную цель. Не прозаическое золото должно было сделаться объектом исканий философа, но нетленные сокровища духа. Назначение розенкрейцерства в том и состоит, чтобы помочь избранным рода человеческого раскрыть духовное око, прозреть для горнего сияния, исполниться внутренним светом высшей истины.

Прекраснодушный наивный лепет! А ведь запомнится, западет в душу, пойдет гулять по свету затверженный устами теософов, антропософов, оккультистских офеней Запада и Востока.

«Происхождение общества сомнительно», — в один голос утверждают исследователи, и это, конечно, верно. Но кроме сомнительных сведений есть еще и традиция. Розенкрейцерская легенда, удивительно напоминая предания духовно-рыцарских орденов Святой земли, обнаруживает и разительное сходство с иезуитским прототипом.

Апологеты ордена ведут его летосчисление с XIV столетия, когда некий Николо Барно предпринял длительное путешествие по Германии и Франции с целью собрать всех подвижников философского камня в единое герметическое общество. Скорее всего, из этого ничего не вышло. Во всяком случае, в анонимном сочинении «Отголосок розенкрейцерства» ясно упомянуто о том, что попытки подобного рода предпринимались и в конце XVI века, когда алхимия переживала агонию.

Сохранилась, однако, достоверная запись о том, что в 1610 году немецкий нотариус Газельмейер, представ перед иезуитским судом, рассказал о рукописи, озаглавленной «Fama Fraternitatis» («Слава братства»), излагавшей устав ордена. В 1614 году было распространено небольшое сочинение, называвшееся «Всеобщее преобразование света» и содержащее эту крамольную «Славу братства», где упоминалось о Христиане Розенкрейце, основавшем в XIV веке

герметическое сообщество. Никаких других следов об этом розенкрейцерском патриархе не имеется, хотя названные сочинения и были отпечатаны в Касселе Вильгельмом Весселем: одно — в 1614, другое — в 1615 годах.

Легенда гласит, что, подобно рыцарям-крестоносцам, мальтийцам, масонам и бесчисленным мистикам разных эпох, Розенкрейц получил посвящение в таинства на Востоке. Рожденный в 1378 году в Германии, он еще юношей отправился вместе с одним бывалым монахом в Палестину. Пробыв три года в Дамаске и Иерусалиме, перебрался в Каир, а затем совершил поездку по странам Магриба, где приобщился к сокровенной мудрости тамошних магов. Само собой разумеется, что весь вояж протекал на фоне больших и малых чудес. Когда, например, наш паломник путешествовал по Аравии (вспомним посольство графа Литта), его узнавали и окликали по имени учнейшие мужи, никогда прежде с ним не встречавшиеся. Собственно, от них он и перенял высшие секреты, в том числе искусство продления жизни. Вернувшись через Испанию на родину, умудренный пилигрим скоро приобрел верных учеников и умер, искренне ими оплакиваемый, 106 лет от роду (по другим указаниям — 150), но не по причине естественной дряхлости, а потому, что устал от жизни. Среди первых соратников Розенкрейца, решившихся произвести вместе с ним мировую реформу, называют трех нищенствующих монахов. Впоследствии к ним добавилось еще четверо. Разъехавшись по разным странам проповедовать идеалы розенкрейцерства, они ежегодно собирались вместе, дабы дать друг другу отчет о своей деятельности. Отсюда, вероятно, и возник миф «О семи неизвестных».

Название ордена традиционно выводят из имени его основоположника, которое означает «розовый крест». Более поздние толкователи оперируют латинскими словами *ros* (роса) и *crux* (крест) — «росный крест», так как, согласно алхимическим представлениям, субстанция, обозначаемая как роса, считалась наилучшим растворителем золота. Эмблема креста выступает при этом как вензельное сплетение (+) букв LVX, образуя основополагающее понятие «свет».

Такая заведомо искусственная подтасовка находится в очевидном противоречии как с символикой ордена, так и с его литературным базисом. Не случайно же розенкрейцеры зачисляли провансальский «Роман о Розе» в предтечи своего аллегорического учения, в котором легко различим золотой венчик излюбленного цветка альбигойцев и трубадуров. Не мифическая роса, которая в равной степени могла быть и эликсиром долголетия, и царской водкой, а *Rosa philosophorum* — «роза философов» упоминается в книге «Искусство златоделания, химией именуемое», появившейся в том же 1610 году, когда иезуиты узнали от приговоренного к галерам Газельмейера про «Славу братства», принявшего антипапскую эстафету.

В преемственности символов, как и в преемственности идей, тоже есть своя неумолимая логика. Усиливая растущую в обществе оппозицию гнетущему засилью иезуитов, розенкрейцеры объективно способствовали Реформации. Они, безусловно, стремились к освобождению философской мысли от оков средневекового мистицизма, бичуя в своих памфлетах «зверя Запада» и «зверя Востока», то есть папу и Магомета. Однако даже беглое знакомство с изложенной в «Славе братства» программой убеждает нас в полной тождественности розенкрейцерских идеалов с волшебными сказочками в стиле Елены Блаватской и пресловутого «йога» Рамачараки, под чьим брахманским именем скрывался шарлатан-европеец.

Отрекшись от старых бредней о колдовстве, ведьмах и сношениях с дьяволом, фантасты розы и креста населили невидимый космос-астрал бесчисленными сонмами прелестных и услужливых духов. В воздухе кувыркались эфирные сильфы, в воде плескались ундины, в прядях огня танцевали саламандры, а трудолюбивые гномы, стуча молоточками, обследовали рудные жилы. Все они жаждали лишь одного — прийти к человеку на помощь.

«Мне мысль твоя — закон. Что ты прикажешь?» — восклицает сильф Ариэль в «Буре» Шекспира.

Любого из первоначальных духов можно было поставить себе на службу, заключив его в розенкрейцерский перстень, кристалл, зеркало. Составленные из чистейших частиц стихии обитания, первоначальные духи не ведали оков пространства и времени и могли жить тысячи лет. И все же, не обладая бессмертной душой, они были обречены на уничтожение. Этим и объяснялась их подчиненная по отношению к людям роль. Лишь страстная любовь, которую каждый из духов надеялся пробудить в человеческом сердце, давала шанс разделить бессмертие с обожаемым властелином.

Розенкрейцерская доктрина была желанной находкой для артистического мира, но в роли новой религии или даже философской системы она могла вызвать лишь снисходительную улыбку. Милую сказочку требовалось хоть чем-нибудь подкрепить. Невидимые духи нуждались в осязаемых мощах.

Согласно легенде, могила Христиана Розенкрейца была случайно обнаружена в подземных коридорах братства. В ней нашли написанный золотом свод таинств и откровений, содержащий пророчество о грядущем конце света. Точная дата предначертанного события осталась, к сожалению, неизвестной, но, судя по излюбленной розенкрейцерской дистанции 100 лет, она давно минула без заметных последствий.

Однако, по состоянию на первую четверть XVII столетия, весть о неминуемом светопреставлении, впрочем, далеко не единственная, не могла пройти бесследно. В столь чрезвычайных обстоятельствах братство решило несколько приподнять завесы секретности и познакомить общественность с доктриной и целями

рыцарей Розы и Креста, составлявших ранее прерогативу внутреннего круга.

Главнейшая задача ордена состояла, по словам Георга Шустера («Тайные общества, союзы и ордена»), «в уменьшении земных бедствий путем приведения человечества к истинной философии, которую познал Адам после своего падения и которой следовали Моисей и Соломон». Уже по одной этой фразе можно угадать в розенкрейцерстве соединительное звено между учением каббалы и философским масонством. Будучи герметиками, розенкрейцеры обещали своим последователям доступ к высшим тайнам и, предвосхищая масонскую риторику, наставляли, как уберечься от болезней, блюдя заветы христианской религии и ведя нравственный образ жизни. Обязанности, которые они на себя налагали, не только представлялись не слишком обременительными, но, напротив, крайне заманчивыми. Получившие посвящение обязывались безвозмездно лечить больных, носить одежду страны пребывания, ежегодно являться на собрания ордена, умирая, назначить преемника и хранить тайну 100 лет.

Последний пункт не столько связывал неопита обетом молчания, сколько гарантировал ему рекордно долгую жизнь. Одним словом, очередное анонимно выпущенное сочинение «*Confessio Fraternitatis Rosae Crucis*» («Исповедание Братства Розового Креста») наделало в Европе много шума. «Исповедание» обращалось ко всем благомыслящим людям с призывом присоединиться к движению обновления мира. В адрес издателя хлынул поток благодарных писем, но ни одно из них не удостоилось ответа. Розенкрейцеры были где-то совсем рядом, но, как духи воздуха — сильфы, не обладали видимой плотью. Отсутствие отклика не охладило горячие головы. От желающих присоединиться к союзу, чтобы совместно произвести решительную реформу общественной жизни, не было отбоя.

Сейчас этот насыщенный фанатичным суеверием и очевидными нелепостями памфлет способен вызвать лишь недоумение. Возможно, правы исследователи, усмотревшие в «Исповедании» откровенную насмешку над сумбурным мировоззрением, царившим в головах людей на пороге новой эпохи. Так, например, высмеивая «проклятое делание золота», автор «Исповедания» тут же отзывался о нем с величайшим пиететом. Оказывается, это было только «побочным занятием» философских братьев, которые «знали еще тысячи подобных штучек и даже еще лучше, чем эта».

За первым памфлетом последовали десятки других, порой изящных и остроумных, но чаще пустых, ничего, кроме напыщенного словозвержения, не содержащих.

Братство достигло поставленной цели. Ажиотаж вокруг розенкрейцерства разгорелся необычайный. Отдельные трезвые голоса, обвинявшие орден в распространении ложных медицинских рецептов и теологических бредней, тонули в восторженном хоре одура-

ченных, жаждущих чуда простаков. И вдруг ушат холодной воды: в числе ярых хулителей розенкрейцерства оказался не кто иной, как сам автор наделавших столько шума апологетических брошюр!

Насколько можно судить по противоречивым откликам современников, этим оригиналом был теолог из Вюртемберга Иоганн Валентин Андрэ (1586—1654). Человек одаренный и разносторонне образованный, он презирал догматические споры, проповедуя идею всеобщего христианского единения. Преданный издателем, он признался, что написал в юности озорное фантастическое произведение «Химическая свадьба», но от остальных приписываемых ему сочинений откестился решительно. Анализируя фамильный герб Андрэ: андреевский крест и четыре розы, геральдические изыскатели пытались повернуть дело так, будто сам он и был «основателем» вымышленного, никогда не существовавшего общества. Отличительным знаком братства был, однако, не андреевский крест с розами между лучами, а роза с крестом в середине — эмблема страдания и любви, созвучная символу иезуитов — сердцу с крестом.

Традиционную же аббревиатуру крестной таблички INRI («Иисус Назарянин Царь Иудейский») розенкрейцеры толковали на свой лад: *Igné Natura Regenerando Integrat*, или «Природа обновляет возрождающим пламенем».

Это было дерзким вызовом церкви и потому оставило след в ее анналах. Короче говоря, не только мистификации и загадки излучал розенкрейцерский метеор.

Пусть «Исповедание» было издевательской сатирой, а Андрэ, что отнюдь не доказано, ее автором, но основать движение, охватившее добрую половину Европы, он едва ли мог. Тем более в юности, потому что в 1610 году ему было лишь 25 лет, когда судили читателя «Славы братства».

Вообще с розенкрейцерством сопряжено немало исторических и чисто литературных курьезов. Наиболее примечательный из них связан с именем Джузеппе Франческо Борри, алхимика и миланского уроженца. Обвиненный в ереси за обличение злоупотреблений римской курии, он был арестован святейшей инквизицией и заточен в замок Сант-Анджело, где и умер в 1695 году. Примечательно, что ровно через 100 лет в том же каземате окончил свои дни Джузеппе Бальзамо, известный миру как граф Калиостро.

Современники приписывали Борри авторство знаменитого каббалистического романа «Граф Габалис», изданного в 1670 году аббатом Вильямом де Монфоконом. Это любопытное повествование, составленное из отдельных выпусков: «Граф Габалис», «Кабинет графа Габалиса», «Гении помощники», «Непримиримый гном» и «Новые беседы», выходило с подзаголовком «Посвящение в тайную науку». Роман построен в виде бесед, вводящих в мир невидимых духов и как бы посвящающих читателя в святая святых розенкрейцерской каббалы.

Мне посчастливилось прочесть эту некогда наделавшую столько шума, а ныне почти забытую, ставшую библиографическим раритетом книгу. Невзирая на сугубо серьезное предисловие оккультистов-издателей и многозначительные примечания, я вынес впечатление, что и этот так волновавший чувствительных дам и пылких «ясновидящих» роман не более чем остроумная шутка, веселая пародия на каббалистические рассказы, которыми увлекались парижане времен мушкетера д'Артаньяна.

Впрочем, предоставим лучше слово самому герою, от лица которого ведется рассказ о таинственном чернокнижнике-графе.

«...В том, что я охотнее разоблачаю секреты, чем им следую, виноват скорее мой Сатурн, чем граф Габалис. Если звезды не исполняют своих обязанностей, то в этом граф неповинен; граф неповинен также и в том, что я не обладаю достаточным величием души, чтобы попробовать сделаться господином природы, взбаламучивать стихии, беседовать с высшими существами, повелевать демонами, производить новые миры, разговаривать с Богом, восседающим на своем грозном троне, и принудить херувима, оберегающего вход в земной рай, пропустить меня для прогулки по его аллеям... Зачем оскорблять память этого достойного человека и говорить, что он погиб вследствие того, что научил меня всему этому.

Разве нельзя предположить, что при постоянных нападениях, грабежах и разбоях он пал от руки какого-нибудь негодяя? Быть может, при беседе с Богом он не мог поднять на него взоров, так как написано, что взглянувший на него умирает».

В этом месте сделано характерное издательское примечание: «Под всеми этими шутками сокрыты великие истины, замечаемые только теми, кто умеет читать между строк».

Очевидно, я не принадлежу к числу подобных провидцев. Поэтому вряд ли кто сумеет поколебать мое глубочайшее убеждение в том, что автор, будь то злосчастный Борри или же добрый аббат Вильяр, от души потешался не только над каббалистическими и розенкрейцерскими выдумками но и над догматами религии. Да будет памятно его славное имя!

Ян Потоцкий, блестящий польский писатель и мальтийский кавалер, использует потом драгоценный опыт «Графа Габалиса» в своем знаменитом романе «Рукопись, найденная в Сарагосе».

«Тотчас же из медвежьей пасти выпорхнул злой дух в образе крылатой змеи. Это был Немраэль, дух низшей степени, который был предназначен к моим услугам. Вскоре я услышала беседу на языке эгрегоров, прекраснейших падших ангелов...»

Парижский журнал «Теософ», выходивший в конце прошлого — начале нынешнего веков, пытался оспорить очевидное: «Сочинение «Граф Габалис», написанное в 1670 году, представляет в смешном и шутовском виде некоторые из таинств розенкрейцеров. Цель напечатания этого сочинения состояла, по всей вероятности, в том, чтобы заставить обратить внимание на оккультные науки (так,

оказывается! — Е. П.), что и удалось автору, судя по тому, что оно сильно распространилось и было много раз переводимо. Главный сюжет его составляют браки элементалов с людьми, символизируя власть, получаемую adeptом над силами-духами природы. Эта идея поясняется примерами одержимости мужчин и женщин, предающихся сношениям с инкубами и суккубами.

Сделаем несколько терминологических уточнений. Элементалы (элементалии) — это и есть первоначальные духи, стремящиеся овладеть человеческим сердцем. Парацельс разделял их на инкубов — стихий мужского пола и суккубов — женского. По обвинению в сожительстве с демонами тысячи женщин приняли огненную кончину. Чрезвычайно показательно отношение к столь деликатной теме классиков оккультизма.

«Элементалы человека, — утверждал, например, доктор Папюс, — это те инстинктивные существа, которые известны под именем шариков кровяных или красных и белых или лейкоцитов».

Забавно, не так ли? И чем, спрашивается, сей упоительный бред, написанный на заре нашего века, ознаменованного выдающимися научными открытиями, разнится от опуса Бержье, повенчавшего альфа-частицы с философским камнем?

Маниакальный апломб на фоне вопиющего невежества вернее всего отличает провозвестников сверхъестественного, будь то заурядные черти, силфы, спиритические духи или «маленькие зеленые человечки», прилетевшие на тарелках.

Розенкрейцеры, пустившие крепкие корни в немецких землях и Нидерландах, не оставляли надежды покорить Париж, где модные философские поветрия устаревали столь же скоро, как и примелькавшиеся костюмы.

«Мы, депутаты коллегии Розового Креста, — оповещала специально отпечатанная афишка, — видимо и невидимо пребываем в этом городе. Мы учим без книг или знаков всеобщему языку, который может спасти людей от смертельного заблуждения».

Напрасные потуги. Расколовшая Европу Тридцатилетняя война (1618—1648) заставила перетряхнуть старый хлам и основательно пересмотреть и реальные, и мнимые ценности. Французы, особенно после остроумных памфлетов Габриеля Ранде, не помышляли о переустройстве мира, который и без того изменялся прямо на глазах под аккомпанемент мортир и мушкетов.

В 1630 году в Лейдене вышла книга Петера Мормио *«Arcana Naturae Secretissima»* («Секретнейшие тайны природы»), где розенкрейцерские «арканы» подразделялись на три основные дисциплины: вечное движение, превращение металлов и всеобщее лекарство.

Перекраивалась карта Европы, с глобуса исчезали белые пятна, а правнуки Розенкрейца по-прежнему витали в алхимическом дыму и за неимением лучшего принялись за составление своей родословной.

Германские розенкрейцеры возвели ее к легендарным временам короля Артура, а шотландцы и шведы, перенявшие у немцев иоан-

нитское предание, претендовали на происхождение от александрийских магов. Основав общество «Мудрецов Света», которое именовали также Ормуздским, они присвоили себе венецианского льва, прижимающего когтями пергамент с изречением: «Мир тебе, мой Марк евангелист».

Войны, как известно, ускоряют смешение обычаев и языков. В Венеции, где издавна собирались на тайные встречи алхимики, возникло местное отделение братства, установившее вскоре связи с единомышленниками из Эрфурта, Лейпцига, Амстердама.

Завоевая страны и города, герметическая община превращалась в масонскую ложу. Окончательно это оформилось в Англии, куда укрылись после Тридцатилетней войны «немецкие братья».

В конце XVIII века английские розенкрейцеры пополняли свои ряды за счет вольных каменщиков. Кроме правительствующего сената и главной коллегии в Лондоне, братство располагало отделениями в Бристолье, Манчестере, Кембридже, Оксфорде, Эдинбурге и Глазго.

Под сенью масонских лож, декорированных каббалистическими знаками и атрибутами смерти, алхимия окончательно вырождается в систему символов. Философский камень перестает быть «красным львом» и «магистериумом» и становится синонимом духовного совершенства.

В масонском сочинении «Пламенеющая Звезда» приводится своеобразный схоластический диалог, являющийся частью посвятельных таинств.

— Когда герметические философы говорят о золоте и серебре, обыкновенное ли золото и серебро подразумевают они?

— Нет, потому что обыкновенное золото и серебро мертвы, между тем как золото и серебро философов полны жизни.

— Какая цель масонских исследований?

— Узнать, как сделать совершенным то, что природа оставила несовершенным в человеке.

— Какая цель философских исследований?

— Узнать, как сделать совершенным то, что природа оставила несовершенным в минералах, и увеличить силу философского камня.

— Тот ли это камень, символ которого означает нашу первую степень?

— Да, это тот самый камень, который вольные каменщики желают отесать.

«Магистериум», «феникс» становится «кубическим камнем» в основании нового Тампля, словесным паролем масонской степени «Рыцарь Солнца».

Несколько замечаний о степенях. Как и любое герметическое сообщество, восходящее духовно к гностическим сектам, претендующее к тому же на золотые шпоры рыцарства, розенкрейцерство основывалось на восходящей лестнице таинств.

Подобные аллегорические лестницы можно видеть на старинных гравюрах, изображающих адепта, стоящего у подножия храма. Для

алхимика каждая ступень отображала определенную стадию деяния, для астролога — зодиакально-планетную идею, для каббалиста — сефироты, для масона — градусы, или степени.

В первоначальном розенкрейцерстве, если таковое, конечно, не миф, различались следующие градации: «отец», распределявший работы, «старший», что соответствовало званию мастера, и «младший», то есть ученик, подмастерье.

На какой-то стадии, скорее всего, в двадцатых годах XVI века, когда орден организационно оформился, структура его усложнилась, обретя характер протомасонский и вместе с тем подчеркнуто герметический. Собственно, последнее и побудит Кроули взять за основу учрежденного им сексуально-магического ордена ступенчатый конус Розового Креста.

По линии восхождения розенкрейцерские ступени именовались *Zelator* — ревнитель; *Theoricus* — штудирующий теорию; *Practicus* — допущенный к самостоятельной работе; *Philosophus* — постигающий истину; *Adeptus junior* — младший адепт; *Adeptus major* — старший адепт; *Adeptus exemptus* — чрезвычайный адепт, *Magister templi* — магистр храма; *Magus* — маг.

Всего девять ступеней, в отличие от семи аллегорических ступеней, ведущих к вратам храма алхимии и астрологии.

В последующем масонстве подобная тенденция к увеличению «градусности» получит широчайшее развитие. Наивысшую из возможных тайну, за которой уже нет ни познания, ни любопытства, благоразумно постараются отдалить. Короля не должно лицезреть в голом виде.

Организационно поглощенное масонством, розенкрейцерство идейно раздвоилось и продолжило оккультное существование в недрах откровенно колдовских или даже вовсе сатанистских сект.

Альфонс Луи Констан (1810—1875), писавший под псевдонимом Элиафаса Леви, кажется, первым предпринял попытку объединить магов-одинок в единый интернациональный орден, построенный по образу тамплиерского или же розенкрейцерского. Путешествуя по Европе, он встречался с польским мистиком Хоэне-Вронски и английским писателем Эдуардом Булвер-Литтоном. Первая большая работа Леви «Основы магии», вобравшая богатый опыт средневекового чернокнижия, каббалистические методы прочтения, а также колдовскую практику Аполлония Тианского, сделала его кумиром нового поколения оккультистов. Во исполнение заветов учителя они и основали «Французский каббалистический орден розенкрейцеров», ставший подлинной академией демонизма. Вскоре подобные учреждения возникли и в других странах.

В Англии общество было возрождено в 1866 году Робертом Вентвортом Литтлом, разыскавшим в архивах описания древних розенкрейцерских ритуалов. Он был дружен с Кеннетом Маккензи, автором «Королевской масонской энциклопедии», и находился под сильным влиянием Харгрейва Дженнингса, издавшего в 1870 году книгу «Розенкрейцеры, их ритуалы и тайнства». Обе эти работы и

дали Литтлу необходимую основу для творческой реанимации розенкрейцерского обряда. Особенно заметен в нем вклад Дженнингса, составившего этакий коктейль из различных религиозных систем, в которых на первое место упорно выдвигался фаллический культ. Опередив, разумеется в карикатурной форме, З.Фрейда, Дженнингс и Литтл целиком ответственны не только за сугубо обскурантистский дух последующих розенкрейцерских учений, но и за сексуально-магические новации Кроули. Дальнейшая история ордена связана уже с этим жрецом всех религий, а также с Уинном Весткоттом.

Мне довелось видеть роскошный диплом, окаймленный гирляндами символических роз, на котором значилась дата: апреля 14-го дня 1898 года и место выдачи: Лондон. Общество розенкрейцеров в Англии пожаловало сей внушительный сертификат «достопочтенному брату доктору Уинну Весткотту IX, верховному магу». От имени высшего совета грамоту подписал сам же Весткотт, удостоенный девятой степени посвящения, что соответствует, как мы видели, титулу «Magus». Чуть ниже поставил свой росчерк и генеральный секретарь, достигший восьмой степени. Насколько я мог разобрать подпись, это был Вильям Фергюссон.

Все это было лишь скромной прелюдией бесцеремонной вседозволенности, в которую окунулся орден, перемахнув через океан. В Новый Свет розенкрейцеры попали уже в наше время. Сперва девственную почву удобрил ирландский теософ Вильям Джаджи, баловавшийся магией и розенкрейцерским духовидением совместно с Блаватской. В самом конце прошлого века он открыл в Нью-Йорке «Арийское теософское общество». Затем вложил свою лепту Мак Хейндл, он же Макс Грашов. Открыв отделение в Калифорнии, он выпустил две претенциозные книжонки оккультного содержания («Розенкрейцерская космоконцепция» и «Послание звезд») и на том выдохся. Гарри Спенсер Льюис, учредивший в Сан-Хосе новую штаб-квартиру, действовал с большим успехом. Ныне его братство насчитывает свыше 100 тысяч членов и располагает резиденцией, построенной по образцу древнего египетского храма. Как-никак американские рыцари ведут свое происхождение не от какого-нибудь короля Артура и даже не от александрийских магов, а от самых древних и самых тайных жреческих сект! Полторы тысячи лет до рождения Христа — это вам не шутка. Такой генеалогический козырь покрывает любую карту Старого Света.

Сын ловкача Гарри, Ральф Максвелл Льюис, вообще провозгласил себя «императором ордена», о чем и разослал циркулярные письма по капитулам старушки Европы. Закономерный финал.

СОДЕРЖАНИЕ

OUVERTURE	3
<i>Власть в зеркале магии . . . . .</i>	<i>5</i>
<i>Капитула первая. БИБЛЕЙСКАЯ ЭЙКУМЕНА . . . . .</i>	<i>11</i>
<i>Капитула вторая. ГРЕЧЕСКИЙ ЛАБИРИНТ . . . . .</i>	<i>45</i>
<i>Капитула третья. РИМСКИЕ КАТАКОМБЫ . . . . .</i>	<i>109</i>
<i>Капитула четвертая. ТЕМНЫЕ ВЕКА . . . . .</i>	<i>231</i>
<i>Капитула пятая. ПОД ТРЕХВЕНЕЧНОЙ ТИАРОЙ . . . . .</i>	<i>263</i>
<i>Капитула шестая. КРЕСТ И ПОЛУМЕСЯЦ . . . . .</i>	<i>303</i>
<i>Капитула седьмая. ВНУТРЕННИЙ КРУГ . . . . .</i>	<i>363</i>

ЕРЕМЕЙ ИУДОВИЧ ПАРНОВ
ВЛАСТИТЕЛИ И МАГИ
Книга 1

Редактор *И. Шурыгина*
Художественный редактор *И. Марев*
Технический редактор *Г. Шитоева*
Корректор *В. Антонова*

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.
Подписано в печать 01.10.96 г.
Уч.-изд. л. 30,23. Цена 19 700 р.
Цена для членов клуба 17 820 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет».
141700, Московская обл., г. Долгопрудный,
ул. Первомайская, 21.

*Книги издательства «ТЕРРА» можно заказать по адресу:
109033, Москва, а/я 66.*

